

№ 6 (101) 2011
Выпуск 9
НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

**Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых рекомендуется публикация
основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук**

Учредитель:
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего про-
фессионального образования «Белгородский
государственный национальный исследова-
тельский университет» (НИУ «БелГУ»)

Издатель:
НИУ «БелГУ».
Издательско-полиграфический комплекс
НИУ «БелГУ»

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС 77-21121
от 19 мая 2005 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Л. Я. Дятченко,

ректор НИУ «БелГУ», доктор
социологических наук, профессор

Зам. главного редактора

А. П. Пересыткин,

проректор по научной работе
НИУ «БелГУ», кандидат педагогических
наук

Ответственные секретари:

В. М. Московкин,

доктор географических наук, профессор
кафедры мировой экономики
НИУ «БелГУ»

Е. Н. Кролевецкая,

доцент кафедры педагогики НИУ
«БелГУ», кандидат педагогических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ ЖУРНАЛА

Главный редактор серии

А. П. Короченский,

доктор филологических наук,
профессор НИУ «БелГУ»

Заместители главного
редактора:

И. А. Нагорный,

доктор филологических наук,
профессор НИУ «БелГУ»

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

Гуманитарные науки

Филология Журналистика Педагогика

Психология

Belgorod State University Scientific bulletin

Philology Journalism Pedagogy Psychology

Содержание

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Неофициальная ономастика современного города (на примере г. Екате-
ринбурга). **Е. Н. Клименко 5**

Письмо и насилие: формирование антидеструктивной концепции лично-
сти писателя в литературе XVIII века. **С. А. Колесников 13**

Литература и философия – две формы национального самосознания
первой половины XIX века. **Т. И. Литич 20**

Коммуникативно-прагматическая ситуация колебания.
И. А. Нагорный, А. И. Нагорная 27

Овладение языком как смысловым феноменом. **Т. Ф. Новикова 35**

Смысловое содержание лиропоэтического текста как проблема когни-
тивной лингвопоэтики. **Е. Г. Озерова 41**

Языковая игра в творчестве Василия Каменского. **Л. И. Плотникова,
Д. В. Халявина 50**

Структурно-семантические и функциональные особенности индивиду-
ально-авторских субстантивов в поэтических текстах символистов (на
материале произведений А. Белого и В. Иванова). **Ж. Е. Тимашова 57**

Перцепция в родословном дискурсе. **В. К. Харченко 65**

Реминисценции в современных печатных средствах массовой информа-
ции. **Г. М. Шитицына, Ю. А. Воронцова 73**

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Употребление метафор с зооморфным компонентом в англоязычном по-
литическом дискурсе. **О. И. Агафонова 82**

Моно-, поли- и энантиохарактерологические фразеологизмы француз-
ского арго. **С. А. Андросова, Ю. Г. Синельников 89**

Древнеанглийский язык: компаративный анализ морфологии диалек-
тов. **Ж. Багана, Е. В. Бондаренко 96**

Анализ существительных тактильного и кинестетического восприятия
(на материале русского, французского и английского языков).
Ж. А. Бубырева 105

Интернет как область лингвистического моделирования (на материале
английского языка). **Е. А. Вишнякова 112**

Структурно-содержательные трансформации языковых единиц с нацио-
нально-культурным компонентом в новозеландском английском.
О. Д. Вишнякова, О. В. Скурихина 120

Явление когнитивного диссонанса в контексте литературно-
художественного произведения (на материале английского языка).
Т. В. Дроздова 126

Волшебная литературная сказка как средство формирования этнокуль-
турной идентичности. **В. Ю. Клейменова 133**

Языковая репрезентация этноконцепта «исламофобия» в британском
мультикультурном сообществе (на материале современной политической
публицистики). **Д. М. Костина 141**

Англоязычный медицинский терминологический словарь как источник
научной информации. **Э. В. Марганя 149**

О. Н. Прохорова,
доктор филологических наук,
профессор НИУ «БелГУ»

И. Ф. Исаев,
доктор педагогических наук,
профессор НИУ «БелГУ»

Н. И. Исаева,
доктор психологических наук,
профессор НИУ «БелГУ»

Члены редакционной коллегии:

М. Геруля,
доктор гуманитарных наук, профессор
Силезского университета, Катовице
и Высшей гуманитарной школы,
Сосновец (Польша)

К. Жиро,
доктор философии, профессор Барселон-
ского Автономного университета, директор
Департамента средств массовой информации,
коммуникации и культуры (Испания)

В. И. Лозовая,
доктор педагогических наук, профессор
Харьковского национального университе-
та, член-корреспондент Академии педаго-
гических наук (Украина)

У. Перси,
доктор филологии, профессор
Университета Бергамо (Италия)

А. А. Тертычный,
доктор филологических наук, профессор
факультета журналистики Московского
государственного университета

А. В. Фёдоров,
доктор педагогических наук, профессор,
проректор по научной работе Таганрог-
ского государственного педагогического
института, президент Российской
ассоциации медиапедагогика

Консультант

Е. А. Кожемякин,
доктор философских наук, профессор
НИУ «БелГУ»

Ответственный секретарь

И. И. Карпенко,
старший преподаватель
факультета журналистики
НИУ «БелГУ», кандидат филологических
наук

Подготовка к выпуску *Л. И. Фальковой*

Оригинал-макет *И. И. Карпенко,*
И. В. Берлиной

e-mail: Korochensky@bsu.edu.ru

Подписано в печать 30.06.2011
Формат 60x84/8
Гарнитура Georgia, Impact.
Усл. п. л. 42,78
Тираж 1000 экз.
Заказ 138

Подписной индекс в каталоге агентства
«Роспечать» – 81470

Оригинал-макет тиражирован в Издательско-
полиграфическом комплексе НИУ «БелГУ»
Адрес: 308015, г. Белгород,
ул. Победы, 85

Фразеологический образ как отражение универсальности и идиоэтничности
мировосприятия носителей французского языка.

С. А. Моисеева, Ю. Е. Ломоносова 161

Образование производных слов от основ заимствованных лексических
единиц в немецком языке новейшего периода. **О. А. Никитина 168**

Эмотивность романтического дискурса в англоязычной коммуникации.

Т. Г. Ренц 177

Специфика объективации социальных эмоциональных конструкторов в
современном английском языке. **О. Ю. Ромашина 186**

Фразеологическая коммуникация как способ актуализации языковой
личности политика (на материале немецкого языка).

А. П. Седых, И. В. Сопова 192

Стилистические способы компрессии информации в малоформатных
текстах современной французской периодики. **Ю. Г. Синельников,**
Е. В. Толстоуцкая 199

Прагматический потенциал малоформатных текстов названий
американских кинофильмов. **Е. В. Скворцова 203**

О некоторых способах репрезентации концепта «любовь» в романах Джу-
лиана Барнса. **О. Н. Филина 209**

«Трикстер» как лингвопсихологический тип и его репрезентация языко-
выми средствами в художественном пространстве. **И. В. Чекулай,**
О. Н. Прохорова 213

Способы ассимиляции французских заимствований, репрезентирующих
концептосферу «FOOD»/ «REPAS» в английском языке.

П. Ю. Янина 222

Семантико-этимологическая характеристика глаголов мнемического воспро-
изведения в рамках фреймового подхода (на материале современного ан-
глийского языка). **Ю. Н. Яценко, Т. М. Тимошилова 229**

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

Явные и латентные последствия дерегулирования российской региональ-
ной печати. **В. Л. Касютин 236**

Сочинения И. С. Пересветова: лингвостилистические средства создания
публицистичности. **С. М. Нарожная 242**

Стратегии интерактивного взаимодействия в сетевых версиях печатных
изданий и онлайн-версий СМИ. **А. А. Никитенко 258**

Классификации сетевых изданий Рунета. **Е. Н. Подставко 264**

Корпоративный блоггинг как PR-технология. **А. А. Попов 270**

Особенности динамики воспроизведения и сохранения информации о
трудовых династиях в текстах белгородских СМИ (1998 – 2010 гг.).

Н. Н. Рухленко, А. А. Черкашина 278

Интернет как средство социальной рекламы. **М. А. Тертычная 288**

ПЕДАГОГИКА

Система научно-исследовательской работы студентов вуза.

М. В. Бенаш 299

Составляющие методики эстетического воспитания студентов в вузе.

И. Ю. Гусленко 305

Особенности развития научного потенциала личности на различных
уровнях высшего профессионального образования. **И. Ф. Исаев,**
Е. И. Ерошенкова, Е. Н. Кролевецкая 311

Технология формирования культуры межнационального общения у бу-
дущих учителей в системе профессионального образования.

Н. Н. Назаренко, А. В. Шумакова 317

Национальный менталитет как результат мифотворческого мышления
(на примере китайской культуры). **Т. В. Самосенкова, Гэн Цзе 325**

Исследование эффективности различных форм интеграции образования,
науки и производства в процессе междисциплинарной опережающей
непрерывной подготовки профессиональных кадров БелГУ.

М. И. Ситникова, Л. В. Верзунова 330

Проблема формирования целостного мировоззрения личности в контек-
сте идей философии космизма. **Н. Г. Тарасенко 335**

Музейная педагогика: историко-педагогический анализ.

Н. Л. Шеховская, Е. П. Мандебура 343

ПСИХОЛОГИЯ

Показатели развития прогностичности мышления будущих психологов.
Я. Б. Белецкая 351

Смысложизненные ориентации студентов с разной структурой пережива-
ния времени. **Ю. П. Деревянко 355**

Сведения об авторах **360**

Информация для авторов **364**

**№ 6 (101) 2011
Issue 9**

Scientific reviewing journal

Founded in 1995

The Journal is included into the nomenclature of the leading reviewing journals and publications issued in the Russian Federation that are recommended for publishing the key results of the theses for Doctor and Candidate degree-seeking.

Founder:

Federal state autonomous educational establishment of higher professional education «Belgorod National Research University»

Publisher:

Belgorod National Research University,
Belgorod National Research University
Press

The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage

Certificate of registration of mass media
ПИ № ФС 77-21121 May, 19 2005.

EDITORIAL BOARD

Chief editor

L. Y. Dyatchenko,

Rector of Belgorod National Research University, doctor of sociological sciences, Professor

Deputy editor-in-chief

A. P. Peresyphkin,

Vice-rector for scientific research of Belgorod National Research University, candidate of pedagogical sciences

Assistant Editors

V. M. Moskovkin,

Doctor of geographical sciences, Professor of world economy department Belgorod National Research University

E. N. Krolevetskaya,

Candidate of pedagogical sciences, associate professor of Pedagogics department of Belgorod National Research University

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL SERIES

Chief editor:

A. P. Korochenskiy,

Doctor of Philological Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

**Belgorod State University
Scientific bulletin**

Humanities

Philology Journalism Pedagogy Psychology

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

Гуманитарные науки

Филология Журналистика Педагогика

Психология

Contents

RUSSIAN PHILOLOGY

Unofficial Onomastics of the Modern City (Case of Yekaterinburg).

E. N. Klimenko 5

Letter and Violence: the Formation of Antidestructive Concept of Personality of the Writer in the Literature of the XVIII-th Century. **S. A. Kolesnikov 13**

Literature and Philosophy – Two Forms of National Self-Consciousness of the First Half of the XIX-th Century. **T. I. Lipich 20**

Pragmatic Communicative Situation of Hesitation and a Factor of Speaking **I. A. Nagorniy, A. I. Nagornaya 27**

Mastering the Language as the Meaning Phenomenon **T. F. Novikova 35**

Meaning Content of Linguopoetic Text as a Problem of Cognitive Linguopoe-
tics. **E. G. Ozerova 41**

Language Joke in the Works of Vasilii Kamenskiy. **L. I. Plotnikova,
D. V. Khatyavina 50**

Structural Semantic and Functional Features of Individual Author's Nouns in
Poetic Texts of Symbolists (on works of A. Belyi and V. Ivanov).

Zh.E. Timashova 57

Perception in Family History Discourse. **V. K. Kharchenko 65**

Reminiscences in Modern Print Media. **G. M. Shipitsina,
J. A. Vorontsova 73**

ROMANIC-GERMAN PHILOLOGY

Use of Metaphor with Zoomorphic Components in Political Discourse.

O. I. Agafonova 82

Mono-, Poly- and Enantiocharacteristic Phraseological Units of the French
Argot. **S. A. Androsova, Y. G. Sinelnikov 89**

Old English Language: Dialects Comparative Morphological Analysis.

J. Baghana, E. V. Bondarenko 96

Analysis of Nouns Representing Tactile and Kinesthetic Perception (on the Material
of the Russian, French and English Languages). **Zh. A. Bubyreva 105**

Internet as the Sphere of Linguistic Modeling. **E. A. Vishniakova 112**

Structural and Semantic Transformations in the Linguistic Units with the Na-
tional-Cultural Component in New Zealand English. **O. D. Vishnjakova,
O. V. Skurikhina 120**

Cognitive Dissonance Phenomena in the Context of Literary Art Work.

T. V. Drozdova 126

Literary Fairy Tale as a Means of Ethnical and Cultural Identity Formation.

V. Y. Kleimenova 133

Language Representation of the Concept “Islamophobia” in the British Multi-
cultural Society (on the Materials of Modern Political Press).

D. M. Kostina 141

Terminological Dictionary of Medicine as the Source of Scientific Information.

E. V. Margania 149

Phraseological Image as the Reflection of the Universality and the Idioethnic
Peculiarities of the World-View. **S. A. Moisseeva, J. Y. Lomonosova 161**

Word-Formation of New Derivatives in the Modern German Language.

O. A. Nikitina 168

Emotiveness in Romantic Discourse. **T.G. Rents 177**

Deputies of chief editor:

I. A. Nagorniy,

Doctor of Philological Sciences,
Professor (Belgorod National Research
University)

O. N. Prohorova,

Doctor of Philological Sciences,
Professor (Belgorod National Research
University)

I. F. Isaev,

Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor (Belgorod National Research
University)

N. I. Isaeva,

Doctor of Psychological Sciences,
Professor (Belgorod National Research
University)

Members of Editorial Board:

M. Gierula,

Doctor of Humanities, professor of Sile-
sian University, Katowice, professor
of High School of Humanities, Sosnowiec
(Poland)

X. Giro,

PhD, professor of Autonomous University
of Barcelona, director of Department
of Mass Media, Communication and
Culture (Spain)

V. I. Lozovaya

Doctor of Pedagogy, professor of Kharkov
National University, member of Academy
of Pedagogical Science (Ukraine)

H. Persi,

Doctor of Philology, professor
of University of Bergamo (Italy)

A. A. Tertychniy,

Doctor of Philosophical Sciences,
professor of Faculty of Journalism
of Moscow State University

A. V. Fedorov,

Doctor of Pedagogy, professor, vice-rector
of Taganrog State Pedagogical Institute,
president of Russian Association of Media
Pedagogy

Consultant:

E. A. Kozhemyakin,

Doctor of Philosophical Sciences,
professor (Belgorod National Research
University)

Responsible secretary:

I. I. Karpenko,

PhD, Senior lectures of the Faculty of Journal-
ism (Belgorod National Research University)

Prepared for release *L. I. Falkova*

Dummy layout by *I. I. Karpenko,*

I. V. Berlina

e-mail: Korochensky@bsu.edu.ru

Passed for printing 30.06.2011

Format 60x84/8

Typeface Georgia, Impact

Printer's sheets 42,78

Circulation 1000 copies

Order 138

Subscription reference in Rospechat' agency
catalogue – 81470

Dummy layout is replicated

at Belgorod National Research University

Publishing House

Address: 85, Pobedy Str., Belgorod,

Russia, 308015

Social Emotional Concept Representation in the English Language.

O.Y. Romashina 186

Phraseological Communication as an Updating Way of Politician's Linguistic
Personality. **A.P. Sedykh, I.V. Sopova 192**

Stylistic Information Compression Ways of Small-Sized Texts in Modern
French Press. **U.G. Sinelnikov, E.V. Tolstolutsckaya 199**

Pragmalinguistic of Potential Miniformat Texts Name of American Movies.

E.V. Skvortsova 203

About Some Ways of the Representation of the Concept "Love" in the Novels by
J. Barnes. **O.N. Filina 209**

"Trickster" as a Linguo-Psychological Type and its Linguistic Representation in
the Space of Fiction. **I.V. Chekulai, O.N. Prokhorova 213**

Ways of Assimilation of French Lexical Items in English Language Based on
«FOOD» / «REPAS». **P.J. Yanina 222**

Semantic and Etymological Analysis of Memory Verbs in the Perspective of
Frame Semantics. **Y.N. Yatsenko, T.M. Timoshilova 229**

JOURNALISM AND PR

Explicit and Latent Effects of Deregulation of the Russian Regional Press.

V.L. Kasyutin 236

Linguistic and Stylistic Devices of Publicism in Peresvetov's Writings.

S.M. Narozhnyaya 242

Strategies of Interactive Cooperation in Network Versions of Newspapers and
Online Mass Media. **A.A. Nikitenko 258**

Classifications of Network Media in the Russian Internet.

E.N. Podstavko 264

Corporate Blogging as a PR-Technology. **A.A. Popov 270**

Dynamics' Peculiarities of Saving and Reproducing of Information about Work-
ing Dynasties in the Media Texts of Belgorod Region Newspapers
(1998-2010). **N.N. Rukhlenko, A.A. Cherkashina 278**

Internet as a Means of Social Advertising. **M.A. Tertychnaya 288**

PEDAGOGICS

The System of University Students Research Work. **M.V. Benyash 299**

Components of Methods of Aesthetic Education of University Students.

I.Y. Guslenko 305

Features of Scientific Potential Personality at Different Levels of Higher Educa-
tion. **I.F. Isaev, E.I. Eroshenkova, E.N. Krolevetskaya 311**

Technology of Formation of International Communication Culture of the Fu-
ture Teachers by Means of Professional Education. **N.N. Nazarenko,**

A.V. Shumakova 317

The national Mentality as Result of Creational Thinking (on the Examples of
Chinese Culture). **T. V. Samosenkova, Gen Czhe 325**

Research of Efficiency of Various Forms of Integration of Formation, Science
and Manufacture in the Course of Interdisciplinary Advancing Continuous
Preparation of Professional Shots of BelSU. **M. I. Sitnikova,**

L. V. Verzunova 330

Problem of Cultivation of the Whole Personal Views in the Context of Cosmism
Philosophy Ideas. **N.G. Tarasenko 335**

Museum Pedagogy: Historical and Pedagogical Analysis.

N.L. Shehovskaya, E.P. Mandebura 343

PSYCHOLOGY

Indicators of the Development of Prognostic Thinking of Students Psycholo-
gists. **Y.B. Beletskaya 351**

Features of Valuable and Sense Formations of Students with Different Struc-
ture of Time Experience. **J.P. Derevjanko 355**

Information about Authors **360**

Information for Authors **364**

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81.282.2 [470.5]

НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ОНОМАСТИКА СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ Г. ЕКАТЕРИНБУРГА)

Е. Н. Клименко*Уральский
государственный
лесотехнический
университет**e-mail:
rty110@yandex.ru*

Данная статья посвящена анализу неофициальных названий городских реалий, которые представляют особый именной пласт разговорной лексики, создаваемый горожанами вне официальной городской ономастики. Исследование проводится на базе крупного индустриального, культурного и туристского центра России – Екатеринбурга.

Ключевые слова: неофициальная ономастика, городские реалии, неофициальные урбанонимы.

На протяжении многих лет не ослабевает исследовательский интерес к собственному имени, так как ономастические реалии представляют собой важнейший источник информации о речевой и духовной культуре города. Язык современного русского города, как составная часть культуры, – это сложный лингвистический, лингвосоциальный и лингвокультурный феномен, изучаемый в самых разных аспектах. Исследуются и описываются различные формы и типы языковой (речевой) коммуникации в пространстве города: от литературной нормы до маргинальных форм, разнообразные жанры речевого общения города (от устных, бытовых до письменных, комплексных). Ономастический материал обладает огромным лингвокультурным потенциалом. Наряду со способностью передавать значимую для реципиента информацию, онимы обладают способностью делать ту же информацию закрытой для «непосвященных» или инокультурных граждан, поскольку имена собственные – это всегда специфические реалии, которые относятся к фоновой лексике. Ономастический материал позволяет работать с лингвокультурологической и прагматической информацией, которая пока еще в малой степени вовлечена в научный оборот.

В данной работе будет рассмотрена неофициальная (народная) ономастика современного города, причины появления неофициальных онимов в речи горожан, а также представлен способ лексикографирования анализируемых ономастических единиц. Актуальность темы не вызывает сомнений. Вопрос изучения неофициальных городских наименований требует особого внимания потому, что в этом речевом пласте отражён не только «языковой облик» современного города, но и факты истории и культуры народа, особенности жизненного уклада и мироощущения горожан, их творческие способности.

Отметим, что отечественная лингвистика располагает рядом работ, направленных на исследование неофициальной ономастической лексики. В разных разделах ономастики за последнее десятилетие появились монографические исследования (см.: Голомидова, Климкова), защищен ряд диссертационных работ (см.: Ван Ли, Толбина, Широков), написано значительное количество статей, изданы словари: «Регио-

нальный словарь сленга» Т. Никитиной, Е. Роголёвой (Псков и Псковская область), «Словарь современного русского города» под редакцией Б. И. Осипова (Омск), «Микротопонимический словарь Нижегородской области (Окско-Волжско-Сурское между-речье)» в 3-х частях Л. А. Климовой, «Словарь Петербуржца» Н. А. Синдаловского (Санкт-Петербург), словарь «Регионализмы г. Екатеринбурга» Поповой Т. В. и др.

Однако проблема состоит в том, что нет ни одного специального комплексного исследования, посвященного детальному изучению неофициальной ономастической лексики современного города: нет определения неофициальных городских наименований, нет классификации, не выделены характерные свойства данной лексики. Этим и обусловлено обращение к настоящей теме.

Исследование проводится в Екатеринбурге – столице Уральского федерального округа. В настоящее время Екатеринбург – это крупнейший культурно-исторический, административный, индустриальный, а с недавних пор и туристический центр России. Численность населения столицы Урала приближается к двум миллионам человек, потому культура города – одновременно и особый целостный феномен, сложившийся исторически, и сплетение множества различных типов культур. Очевидно, что язык города в данном случае рассматривается как компонент культуры и одно из средств её реализации.

Необходимо отметить, что языковой облик современного мегаполиса разнообразен и многогранен. В реальной речевой деятельности жителей и гостей современного города наряду с общеупотребительной разговорной лексикой функционирует «круг номинативных единиц, связанных со спецификой городского устройства и быта» [3, с. 284], который формирует представление о культуре, быте, нравах как огромного города, так и небольшого городка. Это особый именной пласт разговорной лексики, создаваемый самими горожанами вне официальной городской ономастики. Назовём эту лексику **неофициальными урбанонимами** и определим как неофициальные (народные) названия городских реалий (различных объектов города: улиц, магазинов, заводов, рынков, микрорайонов, парков и т. д.), также прозвища знаменитых горожан, названия изделий народных промыслов и пр., которые «имеют ограниченную сферу употребления, узкий диапазон функционирования, малую степень известности: обслуживают небольшой говорящий коллектив на вполне определённой, конкретной территории в условиях непосредственной устной коммуникации при отсутствии письменной закреплённости» [4, с. 9]. Неофициальные урбанонимы представляют собой уникальные имена собственные городских реалий.

Этот «именной пласт города» [2, с. 28] характеризуется подвижностью и неустойчивостью лексических единиц, большим разнообразием словоформ, вариативностью и экспрессивностью наименований, значительной степенью индивидуализации городских реалий, тенденцией к антистандартности; он находится в некоторой оппозиции к официальной городской языковой культуре. В реноминациях отчетливо видны коннотативные свойства лексики: проявляются юмор, ирония, оценки городского населения.

Приведём примеры онимов данного типа, используемых жителями и гостями Екатеринбурга в разговорно-бытовой речи. *Россельбан* (трасса до аэропорта «Кольцово», построенная в рамках областной программы по развитию города и области, проводимой губернатором Свердловской области Э. Росселем), *Старая Сибирь* (Сибирский тракт, берущий своё начало от улицы Декабристов), *Вознесенская горка* (возвышенность в районе улиц К. Либкнехта и К. Цеткин, где расположена церковь Вознесения господня), *Зуб мудрости* (высотное здание белого цвета, где располагаются администрация Свердловской области, а также проходит работа областной Думы), *Пентагон* (большое П-образное здание серого цвета на перекрёстке улиц Малышева-Луначарского, где в Советское время располагалось крупное оборонное предприятие), *Агафуровские дачи* (областная клиническая психиатрическая больница на 8-ом километре Сибирского тракта, изначально располагавшаяся в строениях, называемых да-

чами купцов Агафуровых), *Три тройки* (Уральский электромеханический завод (УЭМЗ) на улице Студенческой, номер его военного почтового ящика был «333»).

Доля народных наименований городских реалий очень невелика в общей массе разговорной лексики горожан, примерно 1%. Но для исследователя-лингвиста этот небольшой пласт в языке города видится крайне интересным. Исследовательский интерес состоит в изучении функционирования данной разговорной лексики в реальной речевой деятельности жителей и гостей города.

Появление народных наименований в языке города происходит не случайно и обусловлено несколькими причинами.

Во-первых, из-за отторжения нейтральных громоздких официальных названий у горожан появляется желание сократить слишком длинное официальное название учреждения или микрорайона, упростив его для более лёгкого запоминания и более удобного употребления в разговоре. Например, Машиностроительный завод имени Калинина в народе называется «ЗИК», фабрика музыкальных инструментов на Сибирском тракте – «Балалайка», Храм в честь Святого Архангела Михаила и Всех Сил Бесплотных – *Михайловская церковь*, Уральский государственный лесотехнический университет – *Лестех, Лесик, Дубовый институт, Лесопилка*. Фраза «Я учусь в «Деревянном» означает не что иное, как принадлежность молодого человека к студенческому сообществу Уральского государственного лесотехнического университета. Или смс-сообщение: «К *Тёплому* подъезжай в два!» информирует реципиента о том, что надо быть в четырнадцать часов около корпуса теплоэнергетического факультета Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Приведённые примеры доказывают, что в разговорной речи имеется тенденция к экономии речевых средств, действует правило непринуждённости общения.

Во-вторых, горожанину необходимо различать объекты с одинаковым значением или одинаковыми функциями. Здесь при номинации какой-либо городской реалии человек исходит из заметного, отличительного признака, свойственного данной реалии. Как этот признак будет обозначен, зависит от творческих возможностей, личного жизненного опыта, прочих особенностей субъекта номинации. Если, например, рассмотреть неофициальные «имена» мостов Екатеринбурга, то можно заметить, что названы мосты по разным основаниям. Один именуется в честь архитектора, его создавшего, – *Макаровский*. Это мост через реку Исеть на улице Челюскинцев, спроектированный архитектором Макаровым. Другой получил «имя» *Родыгинский* от фамилии известного в городе композитора, с которым произошёл на мосту курьёзный случай. С этого старого автомобильного моста в районе железнодорожной станции «Глубокая» в 1952 г. уральский композитор Е. П. Родыгин упал на своей машине на пустую платформу проходящего мимо поезда. Мост, расположенный на улице Декабристов, называется *Царский мостик*. Он был спешно построен через реку Исеть в 1824 г. к приезду в Екатеринбург императора Александра I. *Мостик любви* (пешеходный мостик через р. Исеть за центральным дендрологическим парком, в районе улицы К. Маркса и переулка Цветоводов) назван так за то, что многие влюблённые парочки часто назначают там свидания. *Калиновский* мост расположен рядом с парфюмерной фабрикой «Калина», отсюда такое название. Есть и другие мосты в Екатеринбурге. Каждый из них имеет свою историю, многие наделены собственным неофициальным именем, и все они являются топографическими ориентирами для жителей и гостей города. Отметим, что неофициальные урбанонимы (в частности микротопонимы) выполняют «локализирующую, конкретно-географическую функцию», они призваны «обозначать объект как географическую точку, идентифицировать его, тем самым выделяя и отличив от других объектов того же рода, а в речи – объект как место действия, как предмет речи и мысли» [4, с. 9].

Третья причина появления народных наименований в языке города видится в том, что горожане стремятся к экспрессивности, которая характеризуется образностью, эмоциональностью и оценочностью. Так, например, появились названия некоторых учреждений культуры (кинотеатров, библиотек, домов творчества и пр): *Дырка*

(дом работников культуры на улице Пушкина, 12), Катя/Катря (развлекательный центр «Екатерининский»), Бурелом/Бурик (бывший кинотеатр «Буревестник»), Кукла (Екатеринбургский кукольный театр), Конфорка/Очаг (Вечный огонь на площади Коммунаров).

По мнению исследователя С. Д. Кочеренковой, изложенному в статье «Неофициальные наименования пространственных объектов Свердловска (способы номинации)», выделяется ещё и такая причина появления в разговорной речи эквивалентов официальных названий, как «установка на языковую игру» [6, с. 80]. Возникновение целого ряда разговорных названий в молодёжной среде связано с «установкой на обыгрывание формы имени» [6, с. 80] или формы самого объекта: Малашка (Малая лесная академия Уральского государственного лесотехнического университета), Берёза (город Берёзовский), Артель (Екатеринбургский артиллерийский институт), Долина зверей (улица Даниила Зверева), Фигушки/Фиги (похожие на фигурки, переплетённые железные конструкции на мосту плотины в центре города, знак качества металла Демидовых), Гармошка/Гармонь (похожие на меха гармони четыре 10-ти этажных жилых дома № 19, 21, 23, 25 на улице Челюскинцев, объединённые на уровне первого этажа различными по профилю магазинами), Гроб (здание торгового центра на углу улиц Малышева-Луначарского, формы которого: откосы и чёрная (траурная) полоса по фасаду – придают ему сходство с гробом), Титька (Дворец игровых видов спорта (ДИВС), вид которого сверху напоминает женскую грудь) Примеры показывают, что появление неофициальных онимов в речи горожан обусловлено внеязыковыми факторами. Очевидно, что неофициальные наименования городских реалий являются результатом народного творчества и в них отражается мировосприятие городского жителя, его языковая картина мира.

Процесс наречения именем собственным какого-либо объекта, реалии сложный и многогранный, он представляет собой «результат серии коммуникативных актов, передающих отдельные ситуации, события...» [5, с. 7]. Номинация и реноминация опираются не только на мыслительный и коммуникативный процессы, но и на познавательную и творческую деятельность «языковой личности, включённой в конкретный исторический и социальный континуум, приобщённой к общему языковому сознанию, к знаниям и представлениям своей эпохи, переплавляющей в личном опыте объективно созданное с субъективно значимым» [1, с. 5].

Исследователь Т. А. Шишкина считает, что «процесс номинации, многоэтапный и многоаспектный, связанный со сложным механизмом познавательной деятельности, проходит в области номинативного континуума – ментально-знаковой области, представляющей собой многоуровневую систему с иерархически организованными компонентами. Концептуальная, или семантическая, сфера номинативного континуума соотносится с языковыми картинами мира... Своеобразие интерпретации признака именуемого объекта зависит от многих факторов: от самобытности национальной психологии и своеобразия национальной культуры, от социальной активности индивида, особенностей его психики и характера, от способов выражения семантики и средств языковой системы» [9, с. 42]. «Ономастическая номинация завершается выработкой особого языкового знака – имени собственного, знака, который в системе языка наделён специфическими языковыми полномочиями. Другими словами, каждое новое имя собственное манифестирует выводное значение, облачённое в специально предназначенную для него языком форму. Появление новых онимических единиц и адекватное их понимание обеспечивается сложной работой языкового сознания» [1, с. 11].

Исследуя систему городских реалий, можно заметить, что она не исчерпывается только лишь географическими объектами (домами, улицами, площадями, парками, водоёмами), которые имеют чёткую пространственную соотнесённость. Городское пространство заполняется также социальными, историко-культурными, культурно-развлекательными и административными объектами (предприятиями, учреждениями, рынками, вокзалами, памятниками, торгово-развлекательными центрами и т. д.), которые тоже вписаны в систему городских пространственных координат. Именной

пласт города охватывает не только микротопонику (наименования пространственных объектов города). В него включены также специфические реалии: прозвища известных горожан, названия изделий местной промышленности, именованья жителей разных микрорайонов, названия деловых объединений людей (эргонимы), названия средств массовой информации (гемеронимы), названия массовых мероприятий (геортонимы), названия прочих негеографических специфических реалий города. Таким образом, ономастическая картина города включает в себя как имена элементов городского пространства, так и имена элементов сферы человеческой деятельности, поэтому исследование охватывает достаточно широкий именной пласт города.

Изучая и систематизируя неофициальную ономастическую лексику Екатеринбургa, автор данной статьи составил «Словарь екатеринбуржца». Это собрание современных неофициальных названий городских реалий, где представлен лингвокультурологический аспект исследования данного типа лексики. (Словарь создан на основе словаря «Регионализмы г. Екатеринбургa» Т. В. Поповой и др.). Работа проводилась с 2008 по 2010 год. Для исследования был взят лексический материал разговорной речи (устной и письменной) 400 информантов, также была произведена выборка неофициальных урбанонимов из средств массовой информации, справочников-путеводителей по Екатеринбургy, смс-сообщений горожан, проанализирована письменная разговорная речь пользователей интернет-чатов. В «Словаре екатеринбуржца» описано более 600 лексических единиц. Весь материал разбит на тематические классы, которые делятся на группы.

Рассмотрим тематические классы тех реалий города, из названий которых, на наш взгляд, может состоять языковой пласт народных городских наименований Екатеринбургa. Подчеркнём, что здесь представлены не все реалии города, а лишь те, которые имеют неофициальные (народные) наименования. Примеры словарных статей взяты из «Словаря екатеринбуржца».

1. Собственно топонимические объекты: автодороги/перекрестки, скверы/парки/площади, водоёмы (реки, озёра), улицы/переулки/бульвары /проспекты, мосты/виадуки, районы/микрорайоны города и их части, здания/массивы домов (жилые и административные), горки. Например:

МУ'ХА, -и, ж. Маленький пруд, расположенный на окраине небольшого парка на Вторчермете, в районе улиц Ферганской и Аптекарской. *В 50-х годах в Мухе даже купались и ловили рыбу.* || Метафора: муха «мелкое насекомое» → Муха «мелкий пруд».

ФИДЕ'ЛЕВКА, -и, ж. Дорога, идущая от старого Сибирского тракта до аэропорта «Кольцово», построенная в 1960-е гг. XX в. к приезду в Свердловск кубинского лидера Фиделя Кастро. *Название дороги «Фиделевка», наверное, придумали жители Кольцова.* || Универбация и суффиксация: Фиделевская дорога → Фиделевка.

ДОЛИ'НА ЗВЕРЕ'Й. Улица Данилы Зверева. *Я хожу стричься в парикмахерскую в Долине Зверей.* || Каламбур на основе звукового и смыслового сходства словосочетания долина зверей с названием улицы – улица Данилы Зверева.

ТРИ БОГАТЫРЯ'. Три двенадцатиэтажных дома на перекрестке улиц Я. Свердлова и Т. Шевченко, резко выделяющиеся на фоне невысоких строений и под определённым углом расположенных к дороге. *Моя подруга живет в одном из Трёх Богатырей.* || Метафора: три богатыря «герои русских былин» → Три Богатыря «три высоких здания на ул. Я.Свердлова 6,4,2».

2. Социально-бытовые объекты: вокзалы, гостиницы, детские сады, кафе/рестораны/столовые/закусочные, магазины, рынки/авторынки/ оптовые базы, торговые и торгово-развлекательные центры, сбербанки.

ДО'ЛЬЧЕ ТАГА'НА. Вещевой рынок «Таганский ряд» в районе улиц Бебеля – Техническая. *Дольче Тагана постепенно превращается в дорогой магазин.* || Каламбур на основе звукового и смыслового сходства словосочетаний Дольче Тагана и «Таганский ряд».

БУШ, -а, м. Гостиница «Большой Урал», название сокращенное до аббревиатуры. *Жду тебя у входа в БУШ со стороны улицы Красноармейской.* || Аббревиация с

изменением порядка следования букв и сближение с фамилией президента Буша: «Большой Урал» → «БУШ».

АГА'ШКА, -и, ж. Магазин-салон «Агат» на улице Малышева, 31. *В «Агашке» открыли новую витрину с бриллиантами.* || Универбация, усечение и суффиксация: магазин-салон «Агат» → Агашка.

3. Научно-учебные учреждения: академии, университеты, институты, колледжи, техникумы, училища, библиотеки, учебные центры, школы (лицеи, гимназии, средние школы, школы-интернаты, школы искусств, спортивные школы).

ПУ'ТИНКА, -и, ж. Уральская академия государственной службы, расположенная на 8 Марта, 66, выпускающая чиновников государственной службы. *Раньше в здании Путинки находилась Высшая партийная школа.* || Метонимия: Путин «чиновник госслужбы» → Путинка «Уральская академия, воспитывающее чиновников госслужбы».

ТАНКЕ'ТКА, -и, ж. Екатеринбургский артиллерийский институт на улице Щербакова, 145, бывшее танковое училище. *Курсантам Танкетки шили новую форму.* || Универбация, усечение и суффиксация: танковое училище → Танкетка. См. АРТЕЛЬ.

4. Культурно-исторические объекты: памятники, церкви/храмы, музеи.

БИ'ВИС И БА'ТТХЕД. Памятник основателям Екатеринбурга, Г. В. де Геннину и В. Н. Татищеву. Герои напоминают неразлучных друзей мультсериала, тупоголовых Бивиса и Баттхеда. *У Бивиса и Баттхеда всегда много скейтбордистов собирается.* || Метафора: Бивис и Баттхед «герои мультфильма» → Бивис и Баттхед «памятник Г. В. де Геннину и В. Н. Татищеву».

ИВА'НОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ. Кафедральный собор во имя Иоанна Предтечи, расположенный на улице Репина. *Центральный стадион находится напротив Ивановской церкви.* || Универбация и суффиксация: Кафедральный собор во имя Иоанна Предтечи → Ивановская церковь.

5. Учреждения культуры и искусства: театры, кинотеатры, культурные центры, развлекательные центры (клубы).

ЭЛЬФ-КЛУ'Б, -а, м. Ночной клуб «Эльдорадо», расположенный на улице Дзержинского, 2. *На дискотеке в Эльф-клубе мы пробыли до утра.* || Каламбур на основе звукового и смыслового сходства слов Эльф-клуб и «Эльдорадо» клуб.

ДЗЕРЖИ'НКА, -и, ж. Дом культуры имени Дзержинского Ф.Э. на улице Ленина, 69/10. *Недавно в Дзержинке проходила выставка восковых фигур.* || Универбация, усечение, суффиксация: дом культуры Дзержинского → Дзержинка.

6. Спортивные сооружения: стадионы, бассейны, спортивные центры.

ИЗУМУР'Д, -а, м. Спортивный комплекс «Локомотив-Изумруд», расположенный на улице Стачек, 3. *Мы с удовольствием посещаем бассейн в «Изумруде».* || Универбация: Спорткомплекс «Локомотив-Изумруд» → «Изумруд».

7. Медицинские учреждения: больницы, клиники, медвытрезвители, госпитали, медсанчасти, медицинские центры.

ПРЕОБРАЖЕ'НКА, -и, ж. Преображенская клиника на улице Гагарина, 28. *В Преображенке работают очень хорошие специалисты.* || Универбация, усечение и суффиксация: Преображенская клиника → Преображенка.

8. Городские сооружения: башни, фонтаны.

КРА'КЕН, -а, м. Фонтан на пешеходном участке улицы Вайнера, между улицами Малышева и Радищева, похожий на гигантского осьминога Кракена, из фильма «Пираты Карибского моря», щупальца которого сжимают корабль. *Кто видел фильм «Пираты Карибского моря», тот сразу узнает в фонтане Кракена.* || Метафора: Кракен «чудовищный осьминог из фильма» → Кракен «изваяние, похожее на осьминога».

ЧУПА-ЧУ'ПС, -а, м. Фонтан у Свердловского государственного академического театра драмы, имеющий форму большого шара на подставке, напоминающий популярную конфету на палочке. *Обычно чупа-чупс включают к Дню города.* || Метафора: Чупа-чупс «конфета» → чупа-чупс «фонтан, похожий на конфету».

9. Исправительные колонии.

ДВОЙКА, -и, ж. Исправительная колония № 2, расположенная в квартале улиц Репина, Малышева, Московская, Радищева. *Несколько лет назад в Двойке построили часовню.* || Метонимия: колония № 2 → Двойка.

10. Городские предприятия: заводы, фабрики, комбинаты, производственные предприятия, торговые фирмы.

КОНФЕТКА, -и, ж. Фабрика «Конфи» на Сибирском тракте, 19, производящая конфеты, торты, печенье и прочие сладости (ныне объединение «Сладко»). *В районе «Конфетки» всегда вкусно пахнет ванилином.* || Универбация, усечение, суффиксация: конфетная фабрика «Конфи» → Конфетка.

ПОЛТИННИК, -а, м. Завод транспортного машиностроения им. 50-летия Октября в районе улиц Шефской и Фронтовых бригад. *К очередной праздничной дате рабочие Полтинника перевыполнили план.* || Метонимия: завод им. 50-летия Октября (пятьдесят - полтинник) → Полтинник.

ПЭСИК, -а, м. Свердловский завод Пневмостроймашина на Сибирском тракте. *Рядом с Пэсиком находится дом культуры Гагарина.* || Аббревиация и суффиксация: Пневмостроймашина – ПСМ [пэсэм] → Пэсик.

Изучая количественный состав урбанонимов, представленных в словаре, можно отметить следующее:

- класс «Собственно топонимические объекты» включает в себя **304** онима. Из них: автодороги/перекрестки – 17, скверы/парки/площади – 18, водоёмы (реки, озёра) – 5, улицы/переулки/бульвары/проспекты – 53, мосты/виадуки – 8, районы/микрорайоны города и их части – 116, здания/массивы домов – 75, горки – 12.

- Класс «Социально-бытовые объекты» – **91** лексическая единица. Вокзалы – 6, гостиницы – 6, детские сады – 5, кафе/рестораны/столовые/закусочные – 15, магазины – 31, рынки/авторынки/оптовые базы – 15, сбербанки – 2, торговые и торговоразвлекательные центры – 11.

- Класс «Научно-учебные учреждения» – **63** онима. Академии, университеты, институты – 41, колледжи, техникумы, училища – 14, библиотеки – 3, школы – 5.

- Класс «Культурно-исторические объекты» – **32** онима. Памятники – 26, церкви/храмы – 6.

- Класс «Учреждения культуры и искусства» – **33** онимов. Театры – 8, кинотеатры – 4, культурные центры – 15, развлекательные центры (клубы) – 6.

- Класс «Спортивные сооружения» – **10** онимов. Стадионы – 2, бассейны и спортивные центры – 8.

- Класс «Медицинские учреждения» – **15** единиц лексики. Больницы/госпитали/медсанчасти/медицинские центры – 14, медвытрезвители – 1.

- Класс «Городские сооружения» – **11** онимов. Башни – 5, фонтаны – 6.

- Класс «Исправительные колонии» – **2** онима.

- Класс «Городские предприятия» – **68** лексических единиц. Заводы, фабрики, комбинаты, производственные предприятия – 64, торговые фирмы – 4.

Анализируя неофициальную ономастику современного города, можно с уверенностью сказать, что ономастические реалии – это особая знаковая подсистема, динамично реализующаяся в различных лингвоэстетических и лингвостилистических подсистемах. Основным параметром этой подсистемы является зависимость от социокультурных обстоятельств. Неофициальные онимы – это целиком и полностью коннотативная лексика, содержащая дополнительные экспрессивные, стилистические, оценочные характеристики семантики слова. Здесь имеет место «наложение на некую картину мира определённого типа мировосприятия» [7, с. 8], культурных установок личности, позволяющих соединить разные языковые подсистемы в речи одного говорящего. Онимическая единица отражает речевые особенности языкового коллектива города, являя собой элемент неформального речевого творчества горожан.

Данный пласт городской лексики очень подвижен и неустойчив. В силу особенностей своего существования он может бесследно исчезнуть, потому очень важно собирать этот языковой материал и письменно фиксировать, так как неофициальные (народные) названия различных реалий города могут стать основой для формирования образа городского пространства, которое отличает Екатеринбург от других городов России, делает его уникальным.

По мнению Е.В.Красильниковой, «нам часто не хватает исторического чувства в отношении к нашему времени, а ведь оно тоже уходит, становится частью истории, поэтому, например, описание культуры современного городского быта в его языковом преломлении – задача, заслуживающая усилий лингвиста» [7, с. 7].

Список литературы

1. Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике. – Екатеринбург, 1998. – С. 5 – 11.
2. Голомидова М. В. Образ пространства и пространственные образы в названиях старого Екатеринбурга // Ономастика: общие вопросы / Гуманитарные науки, 2001. – № 20. – С. 28.
3. Капаназе Л. А., Красильникова Е.В. Лексика города (к постановке проблемы) // Способы номинации в современном русском языке. – М.: Наука, 1982. – С. 284.
4. Климкова Л. А. Микротопонимический словарь Нижегородской области (Окско-Волжско-Сурское междуречье) Т. 1. – Арзамас, 2006. – С. 9.
5. Климкова Л. А. Нижегородская микротопонимия: разноаспектный анализ. – Москва – Арзамас, АГПИ, 2008. – С. 7.
6. Кочеренкова С. Д. Неофициальные наименования пространственных объектов Свердловска (Способы номинации) // Языковой облик уральского города: сб. науч. тр. – Свердловск: Издательство УрГУ, 1990. – С. 80.
7. Красильникова Е. В. Язык и культура // Языковой облик уральского города: Сб. науч. тр. – Свердловск: Издательство УрГУ, 1990. – С. 4 – 8.
8. Попова Т.В., Ахунова В.Р., Осадчая Т.Н. Словарь «Регионализмы г. Екатеринбурга». – Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2007. – 35 с.
9. Шишкина Т. А. Интерпретационный потенциал номинативной модели // Материалы Второй научной конференции. – Новосибирск, 2001. – С. 42.

UNOFFICIAL ONOMASTICS OF THE MODERN CITY (CASE OF YEKATERINBURG)

E. N. Klimenko

*Ural State
Forestry
Engineering
University*

*e-mail:
rty110@yandex.ru*

This article counts for the analysis of the unofficial names of urban realias, which present the special nominal layer of conversational vocabulary created by townspeople out of the official urban onomastics. The study is conducted on the base of the large industrial, cultural and tourist center of Russia – Yekaterinburg.

Key words: unofficial onomastics, urban realias, unofficial urbanonimes.

ПИСЬМО И НАСИЛИЕ: ФОРМИРОВАНИЕ АНТИДЕСТРУКТИВНОЙ КОНЦЕПЦИИ ЛИЧНОСТИ ПИСАТЕЛЯ В ЛИТЕРАТУРЕ XVIII ВЕКА

С. А. Колесников

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
SKolesnikov@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются вопросы формирования антидеструктивной концепции личности писателя в художественной культуре XVIII в., проводится историко-литературоведческий анализ изменения уровня насилия в российском обществе и роли художественной литературы в этом процессе.

Ключевые слова: русская литература XVIII в., деструктивность, художественная литература, концепция личности писателя, Петр Первый, Екатерина Вторая.

Одним из ведущих признаков художественной литературы XVIII в. становится ее стремление проникнуть практически во все «поры» культуры этого периода, «превратиться в самостоятельную общественную силу» [1, с. 85], сформировать новую концепцию творческой личности. И в первую очередь, эта художественно-культурная экспансия проявлялась в изменении уровня насилия в обществе, в изменении отношения общества к насилию.

Показательна четкая историко-культурная динамика проекта «анти-насилия». Так, 6 ноября 1763 г. в Правительствующий Сенат был направлен запрос о разрешении применить пытку в отношении Дарьи Салтыковой, печально известной помещицы-садистки Салтычихи. Такого разрешения выдано не было. Мало того, в 1760-е гг. в российском правительстве шли дебаты о возможности введения таких ограничивающих пытку норм, как, например, «тяжесть пытки не должна превышать тяжести положенного по суду наказания» или «пытка недопустима в деле, где получены бесспорные доказательства вины».

По сути, в какие-то два десятилетия, с 1730-х по 1750-е гг., произошел кардинальный перелом в культурно-общественном сознании, по крайней мере, в правящей верхушке, вылившийся в пересмотр востребованности насилия. И если еще в 1738 г. было возможным пытать 13-летнюю чревоушательницу Ирину Иванову [2], то с 1760-х гг. становится сложным применение пытки даже к жесточайшим преступникам.

Литература становится одним из средств снижения деструктивного общественного устройства. Государственная жестокость не исчезает, но подпадает под эстетическую регламентацию. В. Н. Топоров так оценивал процесс усиления гуманности: «Государство узаконивает жестокость, регламентируя не столько степень наказания, сколько разнообразие их» [3, с. 357]. И если царевич Алексей в 1712 г., стремясь избежать отцовского экзамена по черчению, «умыслил испортить себе правую руку», выстрелив в свое тело, т. е. находил единственную защиту от жестокости императора-отца в страдании, в боли, то уже Екатерина выговаривала в 1769 г. Н. И. Новикову со страниц майского номера журнала «Всякая всячина»: «Думать надобно, что ему бы хотелось за все да про все кнутом сечь». Страдание во времена Петра превратилось в разменную «монету» коммуникаций. Екатерина, в том числе и через формирование новой концепции писателя, стремилась снизить девальвацию достоинства личности.

Роль позиции писателя в снижении деструктивных общественно-государственных отношений после смерти Петра I последовательно нарастает. Уже А. Кантемир, «птенец гнезда Петрова», будет говорить в «Сатире на зависть и гордость дворян злонравных» (1730): «...зверям лишь прилична жадность крови», а в 1771 г. А. П. Сумароков в трагедии «Дмитрий Самозванец» от лица отрицательного персонажа произнесет: «Наполнил бы я всю престольную страхом, Преобратил бы сей пре-

стольный град я прахом...», тем самым, отказывая насилию в эффективности социального устройства.

Если в петровские времена «строгость» лежала в основе государственно-общественных отношений, то с середины XVIII в. вектор развития общества меняется: не телесная боль становится основным «регулятором» между властью и обществом, а телесно-разумное восприятие действительности. Петровская пытка выявляла истину через истязание тела – просвещение Екатерины через многомерное телесное восприятие выясняла истину уже с помощью «разумности», а не страдания.

Открытием культуры второй половины XVIII в. стало убеждение, что пытка разума, страдание чувства не менее, а то и более изощренная пытка, чем истязание тела. Признание душевного страдания наравне с физическим – этому учила российское общество новая концепция писательства. Так, у М. В. Ломоносова в «Утреннем размышлении о Божием величестве» сквозит мысль о душевном страдании одиночества, Сумароков в «Дмитрии Самозванце» говорит о мире как пытке для чувств, трагически погибший Я. Б. Княжнин в «Вадиме Новгородском» писал о «лютом огне в слабом сердце»...

Слово как «дескрипция» кнута, а писатель как владеющий этим кнутом – такой «механизм» социального управления предлагает литература второй половины XVIII века.

Локус художественного текста в условиях секуляризации и атомизации культуры превратился в объект пристального внимания. Книжное слово петровского времени подхватывает только зарождавшуюся традицию, озвученную еще Симеоном Полоцким: «Ничто так не расширяет славу, яко печать» [4, с. 9]. Но теперь объектом сакрального поклонения становится не трансцендентальный объект, а конкретный носитель высшей государственной власти. В злобещей формуле «слово и дело» акцент переносится на слово. Примечательно, что Петр Первый, создавая собственноручно «Артикул Воинский», ввел специальную статью, «чтобы во время драки не звали на помощь своих товарищей». Роль даже импульсивного слова признавалась значительной и опасной.

Конечно, процесс «переориентации с мира невидимого на мир видимый» (Л. А. Черная), переход со слова «промысленного» на печатное, происходил не мгновенно, да и не мог, видимо, полностью подчинить себе культурное национальное пространство. Потому, например, имел место «переходный», бидоминантный, физико-теологический дискурс концепции писателя, представленный, напр., у Ломоносова. Именно Ломоносову принадлежит, видимо, одно из первых определений языка новой культуры как синтеза государственности и теологии, как «объединяющего, связующего для всей Империи» [5, с. 289].

Важной спецификой культуры XVIII в. становится ее полиморфизм, что и наложило своеобразный отпечаток на формирование антидеструктивного потенциала литературы.

Социально-культурное значение концепции писателя XVIII в. также носит принципиально полиморфный характер. Показательна биография «главного» писателя петровского времени – Ф. Прокоповича, соединившего в себе широкий спектр культур, подчас взаимоисключающих друг друга. Способность соединять культуры не только синхронно, но и диахронно позволила Ф. Прокоповичу стать «соединительным звеном между поэзией русского классицизма и древнерусской литературой» [6, с. 71].

Существенных результатов полиморфная культура достигает в творчестве М. В. Ломоносова. Достаточно привести развернутый список книг, которые приобретает в Марбурге в 1736 г. студент Ломоносов. Здесь и Вергилий, Овидий, Марциал, Сенека, Эразм Роттердамский, Мольер, Вольтер, Готшед, Ариосто, Тассо, Гварини [7, с. 14]. Вхождение в полиморфную культуру позволяло Ломоносову непосредственно в творчестве диахронно синтезировать различные эпохи. Так, при составлении списка идей для «живописных картин из российской истории» в январе 1764 г. он предлагает следующие темы: «взятие Искореста княгиней Ольгой», «Совет Владимиру духовенства», «Право фамилии Романовых на престол всероссийский» и т. д.

Естественно, что своего пика полиморфизм культуры достигает во времена правления Екатерины II.

Литература предлагала варианты новых моделей социального поведения, основанных именно на свободе творческой личности. Так, становится возможной именно в литературной сфере пост-петровского времени достаточно свободная дискуссия с высказыванием своих позиций, как это было, например, в спорах Сумарокова, Ломоносова и Тредиаковского о путях развития литературы. Сумароков в пьесе «Гамлет» (1748) критикует поэтические позиции своих оппонентов, при этом важным становится то, что дискуссия ведется без обязательного уничтожения своего оппонента, как было во времена «литературных» споров Симеона Полоцкого и протопопа Аввакума. Тот же Тредиаковский получает возможность свободно высказывать свои лингвистические мнения по поводу «разделения разговорного и книжного языка, утверждая несходство европейской и русской языковой ситуации» [8]. В контексте увеличения свободы можно рассматривать появление пародии в качестве формы дискуссии с противником, как например, «Ода вздорная» (1759) Сумарокова, и басни как жанра, позволяющего использовать богатства «эзопова языка»...

Творческая свобода особенно проявилась в новых взаимоотношениях между самими литераторами. Становится возможным появление индивидуальной творческой позиции, самостоятельного взгляда на перспективы развития литературы в частности, и культуры в целом. Споры между литераторами становятся «пробными шарами» создания относительно независимых оценок и экспертиз общественных событий. Литературное противостояние, заканчивающееся в XVII в. физическим уничтожением оппонента, как это было в споре Симеона Полоцкого и протопопа Аввакума, в веке XVIII приобретает менее деструктивный характер, и в этом тоже урок милосердия, преподанный литературой обществу. Когда Прокопович предлагает путь развития литературы от мистической созерцательности к богословскому рационализму, он не призывает к уничтожению оппозиционных мнений, даже в борьбе со своим рьяным противником С. Яворским Прокопович действует в рамках убеждения, доказывая своей современной эрудицией неактуальность герметично-патриархального мировоззрения.

Позднее Ломоносов сможет доказывать уже Прокоповичу необходимость расширения метафорических средств над логической ясностью, используя вполне цивилизованные средства литературной полемики. Тредиаковский в споре о силлабическом и тоническом стихосложении, при всей резкости высказываний в адрес С. Полоцкого, С. Медведова, М. Ломоносова будет придерживаться относительно толерантных тональностей. Антидеструктивным результатом обретения литературой правил ведения «мирной полемики» станет творчество Г. Р. Державина, его совмещение легкой иронии, юмора с гражданской ответственностью и четкой поэтической позицией.

И, конечно, сама тематика произведений учит российское общество свободе. Здесь и креативный авангардизм Тредиаковского в его переводе «Острова любви», здесь показательное в своем названии ода Радищева «Вольность», и приватность в стихотворениях Державина, декларирующего «Спокойствие мое во мне!», и многое другое. Власть, под влиянием освобождающейся литературы, шла на относительно расширение творческой свободы, достаточно вспомнить Указ Екатерины II в 1783 г. «О позволении во всех городах и столицах заводить типографии и печатать книги на российском и иностранных языках». При этом важным формообразующим элементом новой литературной вербальности становится рекомбинация литературой социально-сословной системы коммуникаций. Традиции «выпадения» из сложившейся системы средневекового этикета, конечно, имелась в русской культуре, достаточно вспомнить уникальное в своей над-этикетности «Моление» Даниила Заточника [9]. Но в XVIII в. происходит практически первая встреча-противостояние между Литературой и Империей.

Новая форма диалога литературы и власти в начале XVIII в. начинается, естественно, с комплиментарности со стороны литературы, причем показательно, что степень панегиричности растет вместе с расширением типографского дела. Известно, что одним из первых печатных панегириков стал «Gloria et triumphorum» (Амстердам, 1700 г.), автором ко-

торого являлся И. Ф. Копиевский, правда, принесший автору «много убытков». С этого момента панегирическая литература начинает набирать масштабы: именно с патетической форме начинается диалог писателя и власти. Здесь, конечно, особая роль принадлежит Ф. Прокоповичу, выполнявшего порученную задачу по созданию литературно-идеологического аппарата Империи, но в рамках этого «государственного заказа» происходили позитивные сдвиги: власть стала прислушиваться к литературе.

Конечно, идеальными отношения императорской власти и творческой «интеллигенции» назвать нельзя. Известно, Петр Первый «разогнал» почти всех художников и иконописцев, работавших в Оружейной палате, позднее Екатерина Вторая характеризовала Сумарокова как лишенного способности постигнуть во всей полноте общий смысл государственных задач именно потому, что он являлся поэтом, Радищев ею же был обличаем как клятвопреступник, предавший дворянскую клятву верности государыне. Ряд можно продолжать общеизвестными деструктивными фактами: Кантемир был отправлен в почетную ссылку, Эмин покончил жизнь самоубийством, Сумароков умер в нищете и пьянстве, Державин был под судом, Новиков умер в Шлиссербургской крепости, Княжнин сошел с ума после допроса у палача Шишковского, Радищев отравился...

Но постепенно приходит в социально-государственное сознание понимание особой и важной роли литературы и писателя в установлении стабильности и гармоничности общественных отношений. Этот процесс начнет Петр с указания в 1708 г. написать «Историю России с древнейших времен», причем историю литературно оформленную. М. М. Богословский утверждал, что «Петра Великого очень занимала мысль о составлении истории России» [10, с. 429]. Удастся сделать это только Карамзину практически только через столетие, но попытки обоснования историко-литературной концепции писателя можно обнаружить и у Ломоносова, и у Тредиаковского, и у Новикова...

Главным результатом начавшегося диалога литературы и власти становится признание за художественной литературой сакрального значения, признание литературы как особого механизма изменения общества. Тредиаковский в статье «Мнение о начале поэзии и стихов вообще» (1752) практически опровергает мнение Петра о «бесполезности» художественной литературы, настаивая на восприятии поэзии как сакрального действия. Тредиаковский призывал вернуться к античному отношению к поэзии, т. е. к тому времени, когда «поэт усмирал тигров». С помощью литературы, был убежден Тредиаковский, можно и должно изменять время.

Если традиционно государственная власть основывалась на страхе, то власть литературная, напротив, была направлена на преодоление различных форм фобий.

Одной из первых литературно оформленных попыток преодолеть тотальный страх можно считать трактат С. Яворского «Знамения пришествия Антихристового и кончины века» (1703), в котором он опровергал эсхатологические и деструктивные фобии, связанные с легендами о царе-Антихристе.

Постепенно растущая гуманность во взаимоотношениях между властью и обществом обуславливала и изменения антифобийной направленности литературы. В середине века акценты в определении страха уже расставляются по-иному: теперь главным является не страх перед неумолимостью государства, а внутренний страх, мешающий гражданину полноценно выполнить свой долг. Так, в 1755 г. в журнале М. В. Ломоносова «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих» появляется «Письмо о производимом действии музыкою в сердце человеческом», где автор статьи в литературной форме рассказывает о влиянии барабанного боя на преодоление страха смерти в бою. В следующем, 1756 г., в том же журнале появится «Отеческое наставление сыну, желающему определиться в военную службу», где также обстоятельно повествуется о психологических «методиках» преодоления страха.

Под влиянием изменяющегося понимания роли писательства страх в общественном сознании приобретает эстетизированную форму. Во времена Екатерины II культивируется эстетически препарированная идея нового понимания страха: страх наказания страшнее самого наказания. Потому-то дознаватели екатерининской эпохи

запугивали пыткой допрашиваемых, но, как правило, не применяли непосредственно насилия. В делах В. Мировича, П. Хрущева, С. Гурьева, Д. Салтыковой – даже в «пугачевском деле»! – страх перед пыткой становится фактом морального воздействия, но не реально физического.

Одновременно литература вместо культивирования страха и выражения радости по поводу роста страха в обществе превращается в «гимн земной жизни», в «радость человека, освободившегося от страха смерти» [11, с. 32]. И потому Державин в «Изображении Фелицы» как высшее монаршее призвание обозначит милосердную «тишину», а эпиграфом к первой части своих сочинений возьмет из Тацита: «О время благополучное и редкое, когда мыслить и говорить не воспрещалось». Радищев, еще до опалы, в «Житии Федора Ушакова» будет говорить о времени, когда «мягкосердие начинало писать в России законы, оставя все изветы лютоги прежних» [12, с. 644].

Противодействие насилию в различных формах становится одной из ведущих антидеструктивных задач художественной литературы XVIII в. Когда придворный сатирик Баскаков, делая пометки на полях «Наказа», предложил оставить пытку, Екатерина ответила: «О сем слышно не можно, и казус не казус, где человечество страждет». И более развернуто конкретизировала свою антидеструктивную позицию в журнале «Всякая всячина»: «Суровость есть страсть бесчеловечная... скверное удовольствие находить веселие беса в страдании другого». И, видимо, потому Екатерина пишет именно комедии, предпочитая не кнут, а смех: урок, явно усвоенный из классицистических комедий.

Создание «читателя» как формы социального поведения характерно для XVIII в. Здесь особое значение получает тиражирование, доступность книг, при этом «тираж учитывает, сколько читателей должно быть, а не их реальное количество... писатель не следит за культурной ситуацией, а активно создает ее» (Ю. М. Лотман). Показательно, что именно во время правления Екатерины II развивается «неполезное чтение» [13], развлекательная культура пробивает себе дорогу в культурном поле России даже в количественном отношении. По подсчетам В. В. Сиповского, если в 1725-1732 гг. в год издавалось одно-два, а то и вообще ни одного названия беллетристических произведений (хотя у Ф. Прокоповича в библиотеке насчитывалось 3192 названия книг), то уже в 1786-1796 гг. от 100 до 248 названий в год [14].

Постепенно писательский труд обретает цель, как ее сформулирует Тредиаковский – «делать человекoв лучше». А потому так растет в обществе уверенность в возможностях культуры преодолеть деструктивные тенденции. А. В. Храповицкий, олицетворяя эту социальную чаяние и веру в преодоление проблем ненасильственным путем, в 1782 г. писал: «...в 60 лет все расколы исчезнут... тут насилия не надо» [1, с. 575]. При этом особая роль в снижении деструктивности явно отводится писателям.

Но в XVIII в. появляется новая социальная «группа» писателей – писатели-монархи.

В русской литературе, конечно, существовала традиция написания тех или иных произведений представителями высшей власти. Кстати, именно Екатерина II «выступала против утверждений о полном невежестве русских до Петра, оспаривая необходимость противопоставления допетровской и новой Руси» [15, с. 10]. Из литературного прошлого князей и царей на Руси можно вспомнить дидактико-этическую прозу Ярослава Мудрого, «Поучение» Владимира Мономаха, яркую стилистику посланий Ивана Грозного, отдельные произведения Алексея Михайловича... Но именно XVIII в. дает нам образцы литературного творчества монархов, сознательно применяющих на себя образ писателя.

Представление о писательстве в начале и во второй половине века у монархов было различным. Петр создает прежде всего официозную, нормативную «литературу». В списке его произведений отличающиеся большой живостью языка приказы, технические указания, «Артикул воинский» 1722 г., написанием которого напряженно, «ежевечернее», занимался император, записки в различные государственный структуры, историографический трактат «История Свейской войны» и пр. Восприятие

себя писателем у Петра носило характер отождествления с Ю. Цезарем и его «Записками о Галльской войне», видимо, этот исторический персонаж являлся образцом, по которому Петр выстраивал свое писательское действие. Вообще стилистика Петра формировалась под влиянием воинского лаконизма, для него слово – прежде всего приказание, принуждение, слово-насилие. Для Петра неразделимы «слово и дело», за словом должно следовать сразу действие. Но все-таки в полной мере признать в Петре литератора трудно: культура его времени и сам Петр еще не «созрели» до цивилизованного представления о литературе.

Екатерина II представляет новый тип писателя – писатель на троне. Большое количество подлинно литературных произведений, оставленных императрицей, подтверждают серьезные изменения, произошедшие в общественном сознании. «В период Екатерины, - отмечает Ю. М. Лотман, - правительство выступало в роли не заказчика, а соучастника литературы» [1, с. 104]. При этом хотелось бы отметить, что это была литература женская, с присущим такой литературе своеобразием. Целый ряд женщин на российском престоле в XVIII в. значительно изменил менталитет верховной власти. Феминизация престола и культуры в целом накладывал свой отпечаток.

Именно к концу XVIII в. относится такой культурный факт, как «женская библиотека», женщина становится читателем, а в случае с императрицей Екатериной, и писателем. Уместно вспомнить и княгиню Екатерину Дашкову, ставшую директором Академии наук и пробовавшей себя также на писательском поприще. Естественно, что феминизация читательского интереса приводила к расширению той же любовной тематики в художественных произведениях. Женская тема отчетливо прослеживается в творчестве Сумарокова, утверждавшего в «Дмитрии Самозванце» равенство полов в любви, Хераскова, воспевавшего силу любви в одноименном стихотворении, и многих других. Тема любви была захватывающей и для императрицы-писательницы и для простых читательниц, вместе с тем эта тема выводило общество из-под гнета тотального насилия, позволяла пропагандировать антинасилие в межличностных отношениях.

Тем самым, культура XVIII в. превращается в культуру «готового слова» (А. Михайлов), в культуру уже оформленных образцов, а задачей литературы становится «озвучивание» в антидеструктивных тональностях этих образцов. Так, Сумароков утверждал, что «литература должна изображать не живых людей... а тот идеал, который создается разумом поэта» [12, с. 17]. «Рецептурная» функция литературы ясно проявляется в «Лечебнике» Новикова, В. И. Лукин целенаправленно создает «Мота, любовь исправленного», в котором главный герой – «образец, для произведения себе подобных». Стародум Фонвизина перерастает рамки «Недоросля» и получает вторую литературную «жизнь» уже в качестве советчика-героя периодического сочинения «Друг честных людей или Стародум», предлагающего реальные «рецепты» жизнеустройства, и эту же цель преследует его же «Опыт российского словника», который представляет морально-этический «гlossарий», способствующий формированию антидеструктивных общественных понятий. Уже на первых этапах перед литературой встает задача «не возбудить, а убедить человека» [6, с. 77], причем сделать это не средствами средневековой экзальтации, а рационализированными методами Нового времени.

Перед Империей Петра и Екатерины стояла задача преодолеть стихийное наследие, бродящее в социальном сознании еще со Смутного времени, после катаклизмов «бунташного» века. Одной из главных идеологических задач литературы было оторвать от иррационального прошлого «век нынешний». «Общее официальное отношение власти к истории состояло в том, - говорит Е. Анисимов, - чтобы заставить людей жить только сегодняшним, идеологически одобренным днем» [2, с. 61]. На этом пути становятся ясными задачи, которые формулировал Ломоносов, в частности, для риторики: «учить, улаживать, поражать воображение» [16]. А потому писатели XVIII столетия были теми, «кто уводил человека из расшатанного, внушающего ужас мира... давалось это ценой упрощений» [1, с. 654]. Естественно, что впоследствии возникает негативная реакция на тоталь-

ное регламентирование социальной сферы. Так, Державин скажет в конце века, правда, повторяя уже забытого к тому времени Германа Тугона, что «человек выше титула» [17, с. 69], при этом надо помнить, что Екатерина II принципиально отказалась от предложенного ей титула «Мать Отечества. Скорее сама титулованность будет подвергаться пародированию и негативным интерпретациям, как, например, в случае переосмысления титула Потемкина «светлейший»: его называли «князем тьмы»...

Важной заслугой литературы в течение XVIII в. стало то, что общество научилось смотреть на себя как на некий текст, обязательно включающий гуманность, причем степень осознанности этой социальной «о-текстовки» все более вырасталась. В эпоху Екатерины уважение законов поддерживалось не топором и дыбой, не страданием, а соответствием этих законов общечеловеческому стремлению к счастью. Законы «мечтательного государства», а не государства плахи – такие законы могла помочь создать только художественная культура.

И нынешняя культурная ситуация «дезинтеграционного кризиса» XXI в., когда литература «исчезает», «умирает», «деградирует», – возможно, сможет обрести позитивный импульс, обратившись к антидеструктивному опыту литературы века XVIII.

Список литературы

1. Лотман Ю. М. Очерки по истории русской культуры 18-нач. 19 в. // Из истории русской культуры. Т. 4. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 832 с.
2. Анисимов Е. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII в. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – 720 с.
3. Топоров В. Н. Московские люди XVII в. // Из истории культуры XVII-нач. XVIII в. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 832 с.
4. Панегирическая литература петровского времени. – М.: Наука, 1979. – 310 с.
5. Ломоносов М. В. Избранная проза. – Л.: Советская Россия, 1984. – 280 с.
6. Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII в. Сборник. – Л.: Наука, 1974. – 184 с.
7. Ломоносов М. В. Избранные произведения. – М.-Л.: Сов. писатель, 1965. – 206 с.
8. Левитт М. К истории текста «Двух эпистол А. П. Сумарокова // Маргиналии русских писателей XVIII. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. – 80 с.
9. Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X-XVII веков: Эпохи и стили. – Л.: Наука, 1973. – 254 с.
10. Петр Первый: pro et contra. Личность и деяния Петра 1 в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. – М.: Изд. Русского Христианского гуманитарного института, 2003. – 1024 с.
11. Сиповский В. В. Русская лирика. – Вып. 1., XVIII в. – СПб., 1914. – 161 с.
12. Русская литература XVIII в. Хрестоматия. – Л.: Просвещение, 1970. – 828 с.
13. Малек Е. «Неполезное чтение» в России 17-18 вв. – Варшава, 1992. – 156 с.
14. Сиповский В. В. Очерки из истории русского романа. В двух томах. – СПб., 1909-1910.
15. Европейское просвещение и цивилизация России. – М.: Наука, 2004. – 356 с.
16. Бухаркин П. Е. Риторическое смыслообразование в оде Ломоносова: между однозначностью логики и полисемией языка // XVIII в. Сборник 24. – СПб.: Наука, 2006. – 402 с.
17. Державин Г. Р. Стихотворения. М.: Художественная литература, 1958. – 562 с.

LETTER AND VIOLENCE: THE FORMATION OF ANTIDESTRUCTIVE CONCEPT OF PERSONALITY OF THE WRITER IN THE LITERATURE OF THE XVIII-th CENTURY

S. A. Kolesnikov

*Belgorod National
Research University*

e-mail:

SKolesnikov@bsu.edu.ru

The article discusses the questions of formation of the antidestructive concept of the writer's personality in the art of the XVIII-th century. It also considers the analysis of change of violence level in the Russian society and the role of fiction in this process.

Key words: Russian literature of the XVIII-th century, destructiveness, fiction, concept of writer's personality, Peter I, Catherine II.

ЛИТЕРАТУРА И ФИЛОСОФИЯ – ДВЕ ФОРМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Т. И. Липич

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
lipich@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается процесс становления русского национального самосознания. Анализируется взаимодействие литературы и философии на разных этапах развития русской культуры, а также изменение их роли в обществе. В статье отмечается, что философские и литературные сочинения в равной мере отвечали на запросы жизни и отражали главные национальные потребности, основными из них являлись освобождение человека, раскрепощение личности.

Ключевые слова: философия, литература, национальное самосознание, личность.

Весьма симптоматичным является тот факт, что в первой половине XIX в. русская литература неразрывно и совместно с философией становились формами национального самосознания. Путь этот был длительным и сложным, что неоднократно отмечали многие русские мыслители. Так, достаточно интересно и убедительно выглядят рассуждения по вопросу становления русской литературы и изменения её роли в обществе Е. А. Андреевича, содержащиеся в его работе «Опыт философии русской литературы». Характеризуя русскую литературу I половины XIX в., он выделял ее следующие отличительные черты: во-первых, это отрицательное отношение к системе официальной народности (государственности); во-вторых, господство освободительной идеи и служебная роль литературы, её стремление к проповеди, в-третьих, своеобразная опросительная форма освободительной идеи, выработанной в дворянской среде, идеализация мужика и общинно-земледельческого строя народной жизни.

Роль литературы в общественном развитии, начиная с Петра I, менялась. Но менялась не только роль, менялось и самосознание русских людей, особенно после военных, политических и культурных успехов во второй половине XVIII века. Историк В. О. Ключевский отмечал, что русские почувствовали себя не только людьми, но и чуть ли не первыми людьми в Европе. Поэтому новая русская литература европейского образца возникала не на пустом месте, так как она продолжала пользоваться многими прежними формами и традициями, выполняя при этом, по мнению Андреевича, определенную роль придворного служащего и занимаясь «оправданием воли монаршей». Главной темой для писателей этого времени являлась жизнь государства. В этот период литература целенаправленно начинает выполнять роль государственного служения. После Петра она меняет свои функции и становится в основном придворной, где лесть и подражание являются её отличительными особенностями. А. Н. Пыпин очень точно и красочно сравнил русскую литературу этого периода с верблюдом, покорно несущим чужие тяжести. И в этом он был во многом прав, так как не только литература, но и культура в целом, были подражательными. Об этом предупреждал Ломоносов, который считал, что для создания собственного литературного языка необходимо использовать исторический опыт западноевропейских литератур, и, прежде всего, немецкой, поэтому позднее и Карамзин не зря характеризовал эту эпоху как разрывающую связь между «умами древних» и «новейших россиян». И он же считал, что на пути подражательства можно обучиться только ремеслу, а обрести творческую, национальную самобытность нельзя. Эти идеи он высказал в своем произведении «Письма русского путешественника», в котором отражен путь русской литературы к достижениям европейской цивилизации. Сопоставляя различные европейские литературы, Карамзин в этой работе отмечает тот факт, что немецкая литература предстает

более молодой и философичной, нежели английская, она так же, как и русская, борется за самостоятельность, обращается к своим историческим корням и творит свой язык. Поэтому, считает автор, она близка русской литературе и культуре. Карамзин в своем путешествии встречался с философом и историком Гердером, который высказывал много интересных и ценных идей о развитии мировой культуры и литературы, где каждая национальная литература вносит свой вклад в мировое развитие. Это были очень плодотворные идеи для развития русской культуры. В это же время Карамзин пишет свои пророческие слова о том, что русская литература уже участвует в мировом культурном развитии, идя к общим целям «путем своего века»: «Мы не хотим подражать иноземцам, но пишем, как они пишут: ибо живем, как они живут, читаем, что они читают; имеем те же образцы ума и вкуса; участвуем в повсеместном, взаимном сближении народов, которое есть следствие самого их просвещения.... А кто рожден с избытком внутренних сил, тот и ныне начав подражанием, свойственным юной слабости, будет наконец сам собою – оставит путеводителей, и свободный дух его, как орел дерзновенный, уединенно воспарит в горних пространствах» [1, с. 145].

Постепенно литература начинает играть совершенно иную роль в жизни общества. В перспективе обозначилась освободительная идея сначала общества, а затем и личности. Но по-прежнему литература развивается в очень сложных условиях преследований и приобретает суровый тон мученичества и подвижничества за идею, что порождает и высокий уровень моральных притязаний к самой себе. Литература обращалась к нуждам общества, к его интересам. Постепенно на первый план стала выходить личность со своей интимной жизнью, что и проявилось в сентиментализме.

Но наступает эпоха крутых преобразований, и общественная мысль не может оставаться в стороне от этого процесса. К примеру, в результате буржуазных революций во Франции свободная личность становится центром всех духовных поисков. Все, что таилось в человеке, вышло из плена наружу и стало искать свое воплощение, которое проявилось, прежде всего, в романтизме. Именно в романтизме личность, человеческое «я» были возведены в ранг божественного, выше этого не было ничего. На этих принципах строят свою философию Фихте, Шеллинг, романтики. Именно немецкая классическая философия в это время становится главным действующим лицом в развитии мировой культуры. Романтики приветствуют идею всеобщей изменчивости, борьбу с авторитетами, правилами. Они провозглашают идею гения, творчества, жажду действительной правды жизни, по стопам которой должно следовать искусство. Литература совершала революцию, ломку старых представлений о человеке, о жизни, об искусстве. Предметом романтической литературы становятся сильные страсти сильных и свободных личностей, чувство человеческого достоинства. Романтики провозгласили тезис о том, что все, что касается человека, достаточно высоко и заслуживает поэзии. Человек нового общества должен обладать свободным духом, благодаря которому предоставляется возможность заниматься свободным творчеством, искать для своих сюжетов нечто необыкновенное и из средневекового прошлого, и из реальной жизни. Этим они раздвинули до бесконечности границы искусства, а также предложили особый взгляд на поэта как на жреца, пророка. Романтики мечтали о возрождении человечества, и в этом своем стремлении они представляли себя, по меткому выражению Андреевича Е. А., жрецами нового мира, нового человечества. П. Лавров отмечал: «Романтизм пытается в работе мысли вообще, в формах культуры и в самом творчестве общественных форм доставить преобладание элементу эстетическому, создать из поэтов и художников новое светское духовенство, продолжающее в новом обществе ту роль, которую романтики приписывали в своем воображении пророкам и магам давно минувшего времени» [2, с. 88].

И этим светским духовенством становится, как было отмечено, среднее дворянство, соприкоснувшееся после 1812 г. вплотную с Западом, его культурой, его достижениями в области литературы и философии. Патриотический подъем после победы сформировал новое свободное мироощущение и мировосприятие, которое вылилось в

движение декабристов. Рылеев, Пушкин, Лермонтов, кн. Одоевский, Чаадаев, Веневитинов, Хомяков, Киреевский, Тютчев, Боратынский – вот плеяда мыслителей, чье творчество сформировала эпоха, насыщенная свободолобивыми идеями – эпоха романтизма.

В 1920-40-е гг. интерес к литературе и философии Германии достигает своего апогея. Павлов Н. Ф., известный писатель-романтик, так же как и Белинский, считали эту эпоху переломной. Объясняли они это тем, что «являлись вполне развитые личности, принявшие на себя все стихии её жизни, весь плод пережитых ею законов, нравов, идей и сознавшие их дальнейшую несостоятельность» [3, с. 263].

Но в это же время проявляется и обратный процесс, то есть, на Западе, и в Германии, в частности, возникает особый интерес к русской культуре и литературе, особенно это касалось русского романтизма. Об этом пишут подробно В.А. Десницкий, В.М. Жирмунский, М.П. Алексеев, Н.Я. Дьяконова, П.Р. Заборов, В.Ю. Троицкий и др. Этот факт рассматривался и русскими писателями того времени Н.М. Карамзиным, А. Бестужевым-Марлинским и др.

В 1837 г. в Германии вышла книга очерков о русской литературе Г. Конига, в которой автор подробно останавливается на анализе духовных поисков русских писателей. В частности, он пишет: «Новое литературное поколение отличается от старого не только распространением немецкого вкуса и немецких литературных течений (романтики): оно стремится к более глубокому проникновению, к философскому обоснованию немецкого духа... Недостаточно было свести поэзию к одним только чувствам, как бы высоки и благородны они ни были, надо было примирить с чувством также и мысль и понять явления природы как символы духа» [4, с. 172 – 173]. В начале 1920-х гг. немецкая культура обращает внимание на достижения русских романтиков и во многом их использует. Особенно их интересует русская история, например, Гельдерлин для своего романа берет сюжет о восстании греков в Море, которое было поднято графом Алексеем Орловым, И.Г. Зейм пишет роман об императрице Екатерине II, о Павле I. В романтическом духе истолкованная русская история встречается у Ф. Рюкнерта, у К.Т. Кернера. В 1930-е гг. К.Л. Иммерман создает трилогию «Алексей», а также упомянутый уже в нашем исследовании А. фон Шамиссо с трилогией «Изгнанники» и др. Все эти примеры свидетельствуют об интенсивном диалоге между русской и немецкой культурами, которые обогащались в этом диалоге. И недооценивать роль этого диалога нельзя.

Поэтому, можно сказать, русская и немецкая литературно-эстетическая мысль развивали идеи, как русской, так и немецкой философско-эстетической культуры конца VIII – нач. XIX века. Все же слова Андреевича, что русская литература «взошла на дрожжах Запада», во многом верна, как и справедлива другая его мысль, что первым её шагом была идея отделения личности от государства и пробуждения самосознания. Современный исследователь Т.И. Ходукина весьма красноречиво пишет, что русская литература XIX в. «из робкой ученицы начала века превратилась в уважаемого учителя и наставника, пройдя путь ускоренного развития от прозы Карамзина до прозы Чехова, сравнившись в романтизме с Западной Европой и обескуражив её своеобразием русского реализма» [5, с. 4]. Гете совершенно определенно оценил творчество русских романтиков, познакомившись с переводом С. Шевыревым своего произведения «Елена», отметив, что русский переводчик стремится не просто перевести, а усвоить себе переводимое произведение. Эти методом пользовались и другие русские романтики Пушкин, Чаадаев, Одоевский, И. Киреевский, которые много размышляли о том, что русская литература должна войти в круг европейских литератур. Их сплоченность по созданию национальной литературы имела определенные результаты. Вскоре произведения Пушкина, Гоголя, Одоевского, Жуковского, Тютчева и других русских романтиков становятся известны в Европе, и в свою очередь, стали оказывать влияние на развитие мировой литературы. В это время русская литература признается в Европе как самобытный культурный феномен. Это было результатом усилий многих русских писателей.

Постепенно литература становится носительницей высших идеалов и ценно-

стей, а также советчиком во всех сферах жизни человека. Исходя из этого, писатели берут на себя своеобразную функцию «пророков» в своем отечестве. М. К. Мамардашвили, характеризуя русскую литературу XIX в., говорил, что она совершила «попытку родить целую страну из слов, из смыслов, из правды» [6, с. 187]. Насколько удачной была эта попытка? Действительно, литература выполняла в России важную мировоззренческую, методологическую, общественно-историческую функцию. Она воздействовала на сознание общества, расшатывала старые устои, подвела русскую мысль к осознанию необходимости построения своей собственной философии, т. е. обратиться к «вечным» и «проклятым» вопросам мироздания, а также разгадать тайну человека, загадку его судьбы. Кожин в свое время писал о том, что Пушкин и его соратники в России решили те самые задачи, которые выполняла на Западе ренессансная литература: они способствовали утверждению национального самосознания, освоению и осмыслению национального бытия народа, а также художественному «закреплению» суверенной личности, созданию литературного языка и классического национального стиля и т. п.

Но вместе с тем, литература и философия – это разные формы духовного освоения мира, бытия, человека. Между ними существует своеобразная разделительная линия или граница, так как каждая из них имеет свой предмет исследования, свои подходы, свой, в конце концов, категориальный аппарат. Но граница эта проницаема, в противном случае, они не могли бы плодотворно взаимодействовать между собой. Граница может выступать не только как разъединяющее начало, но и как объединяющее, тем самым, создавая почву для диалога и позволяя координировать, сопоставлять различные позиции. Граница между ними выступает как нечто взаимодополняющее, хотя они столь несводимы друг к другу, сколь и неразделимы. Такое «разграничение» в большой степени расширяет горизонты и литературы, и философии в отражении тех или иных проблем. Следовательно, философия не вытесняет литературу, а литература не стремится заменить собой философию. Они обе нуждаются друг в друге, общаются и ведут диалог, действуют по принципу взаимодополняемости. Более того, мы считаем, что этот диалог является источником саморазвития, как литературы, так и философии, и в конечном итоге, русской культуры. Конечно, философия, выполняющая роль мировоззрения, может оказывать воздействие на литературу, на искусство, делая его более интеллектуальным, тем самым искусство выполняет роль распространителя философских идей. Но с другой стороны, философский текст, участвующий в этом диалоге стремится к литературно-поэтическому выражению, т.е. философия соединяется с художественными формами слова для того, чтобы более глубоко и разнообразнее выразить бытие человека, его внутренний мир. О таком глубоком согласии философии и литературы писал в свое время С. Л. Франк: «Поэтому между художником и мыслителем существует органическое духовное сродство, в силу которого все подлинные и великие представители каждой из этих форм творчества не только как личности, в большей или меньшей степени, сочетают в себе оба духовных начала, но и имеют в себе именно их внутреннее единство, ибо оба рода творчества истекают в конечном итоге из одного источника, разветвлениями которого они являются» [7, с. 315].

На протяжении длительного времени была распространена точка зрения, согласно которой художественное творчество, и литература в том числе, развиваются автономно вне зависимости от философии. Но более поздние исследования дают возможность говорить о наличии двусторонней связи между философией и литературой, доказывают реальный вклад, который внесла философия в развитие литературы, а литература в развитие философии. Литература при этом является самым теоретическим видом искусства, который по своей сути приближается к форме философского дискурса, философской эссеистике. Как выразился Жак Деррида, литература всегда пребывает с одной стороны, в «предфилософском», а с другой стороны – в «постфилософском» состоянии ума. Философия и литература постоянно ведут диалог между собой, они нуждаются друг в друге, они стремятся к одной цели – к постижению последней истины, предельной сущности бытия. О соотношении литературы и философии вели

разговор участники круглого стола «Философия филологии», состоявшегося в 1995 году. Они анализировали цели и методы философского и филологического подходов в исследовании художественного текста. С. Зенкин и В. Подорога отмечали, что филология изучает филологический факт и потому стремится к конкретности, экстенсивности, а философия исследует философский факт и потому стремится к обобщениям и абстракциям. Но в основе творческого процесса той и другой науки лежит рефлексия, которая в конечном итоге приводит к диалогу культур, к диалогу рефлексий.

Известно, что поэтическое мышление всегда выступает в виде некоей рефлексии. Но если филология исследует систему художественности поэзии, то философия старается проанализировать само мышление поэта, его самосознание, его отношение к действительности. Г. Гейне еще в 1828 г. высказал мысль о том, что философствование не только не враждебно духу литературы, но и является её необходимым элементом, и что художественность только тогда становится подлинной, когда опирается на глубокий анализ действительности [8, с. 148 – 149]. В России эту мысль высказал В. Белинский, который считал, что поэтическое произведение по своему содержанию то же, что и философский трактат. При этом поэзию он понимал как «мышление в образах». Другими словами, Белинский выражал потребность осмысления действительности в художественной форме. Такая потребность порождалась эпохой, когда происходила «философизация русской классической литературы XIX века», как справедливо назвал её А. Е. Еремеев.

В конечном итоге, Белинский, творчески переработав известную ему философию Гегеля, смог выработать особую, национальную форму духовного действия от примирения с действительностью до необходимости её практического преобразования. Тем более, что на Западе XVIII в. был веком думания, а в России веком делания, отмечал Гачев Г. Д. [9, с. 58].

Если немцы теоретизировали, то французы воплощали в реальность эти теории, а в России соединились эти два типа действия. Россия вынуждена была в короткие сроки осваивать европейский теоретический опыт, сложную послереволюционную действительность, а также осмысливать собственную, для чего ей понадобился глубокий теоретический опыт немецкой классической философии. Карамзин так оценивал складывающуюся в конце XVIII в. в России ситуацию: « Мы взглянули, так сказать на Европу и одним взором присвоили себе плоды долговременных трудов её... Хорошо и должно учиться; но горе человеку и народу, который будет всегда учеником» [10, с. 76]. За сравнительно небольшой промежуток времени Россия выходит из состояния ученичества и начинает работу по созданию собственной национальной культуры.

На основании этого, в России появляется потребность не только духовно-теоретической деятельности, но и духовно-практической, жизненно организующей деятельности. В этой ситуации литература начинает выполнять широкие функции в обществе: от «сферы абсолютного духа», куда входят и философия, и религия, до «сферы практического разума», куда относятся и мораль, и политика. Обобщая различные мнения о роли литературы в жизни России I половины XIX в., необходимо отметить, что её роль в обществе существенно изменилась от разновидности просвещенного досуга до важнейшей функции развития и распространения национальной культуры. В этот период она характеризуется, во-первых, повышением своего социального и морального статуса в обществе, во-вторых, она принимает на себя роль пророка, в-третьих, обращается к философским вопросам бытия и человека, в-четвертых, богоискательством, в-пятых, под воздействием литературы развивается не только философия, но и в целом, социально-гуманитарная мысль – эстетика, журналистика, критика, мемуаристика.

Таким образом, общая тенденция эпохи I половины XIX в., как в России, так и на Западе способствовала интенсификации размышлений о соотношении литературы и философии в последующем.

Что касается современных российских исследователей, то они много размыш-

ляют и спорят о соотношении философии и литературы. Например, процесс взаимодействия художественной литературы и философии рассматривают в своих работах А. В. Гулыга, Л. Я. Гинзбург, А. Э. Еремеев, Е. А. Маймин, Ю. Манн, Г. Менде, А. С. Колесников, М. С. Розанова, Л. А. Ходанен, М. С. Штерн и др. [11, с. 8 – 36]. О философском начале в литературе рассуждает А. Э. Еремеев. Он определяет «философичность» как «стремление к общему» через индивидуальное, что порождает качественно нового героя, в котором сосредотачиваются все основные идеи автора. Внутренние связи в литературе носят художественный, а не логический характер. Поэтому, делает вывод Еремеев, философичность русской литературы воплощается не только в идеях, проблемах, но и в специфике художественной формы, в своеобразии жанра, сюжета, повествования. В качестве источников «философичности» литературы он выделяет синтетический характер художественной деятельности, в которой соединяется духовное и практическое, сознание и бытие.

Колесников А. С., исследуя особенности современного развития художественной литературы, считает, что в XX в. философия соединяется с художественными формами слова для того, чтобы глубже и разностороннее выразить бытие человека. Но вместе с тем, резюмирует он, это не мешает философии и литературе по-своему отражать и осваивать мир [11, с. 8 – 36]. Также они обосновывают вывод о том, что проблема места и роли художественной литературы в истории философии, начиная с эпохи романтизма, пронизывает собой все гуманитарное самосознание европейской культуры, отражая происходящие в ней перемены.

На наш взгляд, это совершенно верная мысль, что именно романтизм на основе решения проблемы человека способствовал сближению философских идей и художественных образов, а также сближению философа с художником и побуждал последнего философствовать. Также большое внимание уделяют художественной литературе и представители отечественной религиозной философии, в работах которых подчеркивается ее органическая духовная связь с философией [17, с. 290 – 323], [18, Кн. III – IV], [19, Кн. 1], [20, с. 480], [21]. Но вместе с тем, справедливо отмечает исследователь этой проблемы А. В. Песоцкий [22, с. 19], к сожалению, обращение к феномену литературы в философских трудах фрагментарны и не имеют концептуального характера.

Мы должны отметить, что философия и литература – это все-таки две разные формы духовного освоения мира, но на разных этапах их диалог может быть более или менее продуктивным для развития культуры в целом. Тем более мы считаем, что и философия, и литература способствуют формированию духовного облика нации, способствуют её нравственному воспитанию, ставят перед собой и перед обществом вопросы, на которые ищут совместные ответы. Таким образом, литература и философия как формы национального самосознания возникают тогда, когда народ начинает ощущать потребность в осознании самого себя, своего места в мире, когда совершаются радикальные изменения в мышлении, способствующие развитию разнообразных сфер общества. Поэтому прямые и косвенные литературно-философские диалогические отношения способствуют духовному единению и консолидации нации. Разнообразные по форме философские сочинения, как теоретические, так и поэтические, в равной мере отвечают на запросы жизни и отражают главные национальные потребности, среди которых основной является – освобождение человека, раскрепощение личности. Говоря словами современного поэта, «поэт в России больше, чем поэт».

Список литературы

1. Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма. – М.: Современник, 1982. – 351 с.
2. Андреевич Е. А. Опыт философии русской литературы. – СПб.: Знание. 1909. – 374 с.
3. Наше время. – 1860. – №17.
4. Konig H. / Literarishhe Bilder aus Russland. – Stuttgart, 1837.
5. Ходукина Т. И. Золотой век русской классики. – М., 2004. – 276 с.
6. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1990. – 362 с.

7. Франк С. Л. Космическое чувство в поэзии Тютчева // Франк С.Л. Русское мировоззрение. – СПб.: Наука, 1996. – 657 с.
8. Гейне Г. Собр. соч. Т. 5. – М.: ГИХЛ, 1958. – 742 с.
9. Гачев Г. Д. Образ в русской художественной культуре. – М.: Искусство, 1981. – 246 с.
10. Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости. Избранные письма и статьи. – М.: Московский рабочий, 1976. – 351 с.
11. Философия и литература: современный дискурс // История философии, культура и мировоззрение. К 60-летию профессора А. С. Колесникова. Серия «Мыслители», выпуск 3. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С. 8 – 36.
12. Розанова М. С. Философия и литература: сравнение европейской и американской традиции. Рабочие тетради по компаративистике. Гуманитарные науки, философия и компаративистика. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. – С. 99 – 103.
13. Маймин Е. А. Русская философская поэзия. – М.: Наука, 1976. – 189 с.
14. Менде Г. Мировая литература и философия. – М.: Прогресс, 1969. – 175 с.
15. Гулыга А. В. Искусство в век науки. – М.: Академия наук СССР. Серия «Философия, экономика, право», 1978. – 182 с.
16. Философия и литература: современный дискурс // История философии, культура и мировоззрение. К 60-летию профессора А.С. Колесникова. Серия «Мыслители». Выпуск 3. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С. 8 – 36.
17. Соловьев В. С. Три речи в память Достоевского. Сочинения в двух томах. Т.2. – М.: Мысль, 1988. – С. 290 – 323.
18. Бердяев Н. А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского. Русская мысль. 1918. – Кн. III – IV.
19. Булгаков С. Н. «Иван Караматов как философский тип» // Вопросы философии и психологии. – 1902. Московское психологическое общество – Кн. 1.
20. Лосский Н. О. История русской философии. Пер. с англ. – М.: Советский писатель, 1991. – 480 с.
21. Розанов В. В. «Легенда о Великом Инквизиторе» Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария». – СПб.: типография М.Меркушева, 1894. – 234 с.
22. Песоцкий А. В. Художественная литература как социальное явление и предмет философского анализа. Автореф. диссер. на соискание уч. ст. докт. филос. наук. / А. В. Песоцкий. – М., 2009. – Изд-во МГОУ. – 48 с.

LITERATURE AND PHILOSOPHY – TWO FORMS OF NATIONAL SELF-CONSCIOUSNESS OF THE FIRST HALF OF THE XIX-th CENTURY

T. I. Lipich

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
lipich@bsu.edu.ru*

The article deals with the process of formation of Russian national self-consciousness. Interaction of the literature and philosophy at different stages of Russian culture's development is analyzed, and also the change of their role in society. It is noticed in the article that philosophical and literary compositions equally answered inquires of life and reflected the main national requirements, the main of them were clearing and liberation of the person.

Key words: philosophy, literature, national self-consciousness, person.

УДК 811.161.1

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ КОЛЕБАНИЯ

И. А. Нагорный
А. И. Нагорная

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
naqorny@bsu.edu.ru*

Статья посвящена рассмотрению коммуникативно-прагматической ситуации колебания. Анализируется центральный квалификативный смысл «колебание», сопутствующие субъективно-модальные смыслы, а также речевые факторы, актуализирующие данную ситуацию в коммуникативном процессе.

Ключевые слова: коммуникативно-прагматическая ситуация колебания, квалификативный смысл, неуверенность, возможность, предположение, субъект, адресат.

Процесс коммуникации базируется на комплексе динамических параметров, среди которых параметр вероятностной квалификации события говорящим является одним из основных. Предположение, сомнение, колебание, кажимость, недоумение и подобные операции ментального уровня характерны для субъекта, включенного в коммуникативный процесс. Эти операции помогают человеку постичь и оценить окружающую действительность, проявить свое отношение к действительности, адекватно квалифицировать событие, о котором идет речь. Данные операции для человека являются характерными, так как их применение возможно по отношению к любым явлениям действительности. Мотивация же таких мыслительных операций может быть самой различной.

Обращение к коммуникативно-прагматическому аспекту речевой ситуации колебания заставляет более пристально взглянуть на субъективно-модальные характеристики высказывания, отражающие на языково-речевом уровне квалификативно-оценочные параметры процесса коммуникации. В этом плане субъективно-модальные характеристики речевых образований оказываются достаточно подвижными. Рассмотрим их более детально.

Субъективно-модальные смыслы, в частности являющийся предметом нашего внимания смысл «колебание», не являются статичными образованиями. В процессе коммуникации они функционируют как динамичная система, отвечающая актуальным требованиям речевого процесса и предназначенная для решения поставленных перед говорящим коммуникативных задач.

Субъект, участвуя в коммуникативном процессе, как правило, ориентируется на собственное видение окружающей действительности. В соответствии с этим он неизбежно вынужден принимать какие-то решения, определяться в собственном выборе, репрезентировать свою точку зрения относительно квалифицируемого события или его фрагментов. Все это ведет к тому, что процесс речевого общения, помимо прочих параметров, определяет еще и параметр достоверности/недостоверности при квалификации события применительно к факторам говорящего и адресата.

Логично предположить, что достоверность/недостоверность задействована в отображении коммуникативно-прагматических аспектов общения на предложенческом уровне. Речевое высказывание соотносено с действительностью всегда, что отражается в первую очередь в его модальных характеристиках. Конструктивно-формальные способы и средства такого соотношения в языке весьма разнообразны. Избрание говорящим того или иного способа или средства обязательно чем-нибудь обусловлено, будь то объективные критерии или личное желание говорящего. Но так или иначе, выбор оказывается в большинстве случаев коммуникативно оправдан. Поэтому необходимо выяснить, чем именно аргументирован данный выбор, является ли он закономерным и что положено говорящим в его основу.

Модальность ориентирована на детализацию речевой ситуации, отражает ее отдельные элементы – точку зрения говорящего на событие, отношение его к факту

действительности [1, с. 354]. Для общего смысла высказывания это значимо. В частности, детализация ситуации в аспекте авторского колебания не случайна, она коммуникативно обусловлена. Соответственно, правомерным при анализе ситуации колебания представляется учет именно квалификативных аспектов, характеризующих коммуникативно-прагматическую сущность колебания, например, учет того, что любое речевое высказывание произносится в конкретном месте и в конкретный момент времени, то есть оказывается соотношенным с пространственно-темпоральной коммуникативной осью, по своей сути всегда ориентированной на говорящего, который «как бы находится в центре ситуации высказывания» [2, с. 292]. Учет данного аспекта оправдывает выделение общей коммуникативной ситуации общения, с которой непосредственно связана ситуация колебания: «ситуация «я – теперь – здесь – это» представляет собой «высшую степень реальности» – действительность переживаемую, наблюдаемую (так или иначе воспринимаемую), конкретную и очевидную» [3, с. 72]. Понимание смысла высказывания, таким образом, напрямую увязывается с пониманием общей коммуникативной ситуации, поскольку мы понимаем высказывание только тогда, когда понимаем ситуацию, о которой идет речь [4].

Ситуация колебания относится к числу коммуникативно-прагматических и предполагает квалификацию того, в какой степени (с точки зрения говорящего) событие соответствует действительности с одновременной имплицитной актуализацией условий, частично противоречащих однозначному осмыслению события говорящим. В основе данной ситуации лежит, во-первых, мотивационный признак, послуживший условием для развития ментальной операции колебания, а во-вторых, – «интеллектуальный (рациональный) тип оценки – оценка говорящим полноты своих знаний» [3, с. 162]. Именно эта «полнота знаний» и является базой для квалификации номинированного в высказывании события как недостаточно известного, с точки зрения говорящего, что в свою очередь и явилось мотивом для актуализации колебания при квалификации или оценке данного события. В связи с этим представляется уместным определить ситуацию колебания, репрезентируемую в соответствующих речевых высказываниях, как ситуацию относительной достоверности: *Точно ли, однако, что это событие ничуть не задело его душевно?* (И. Бунин); *–А бороться с ним на пределе выносливости я **вряд ли** смогу* (В. Головачев); ***Вроде** это был он, и сумка все та же* (Л. Пантелеев).

Отнесение ситуации колебания к кругу ситуаций коммуникативных основывается и на том, что подобные ситуации разворачиваются на базе собственно событийных ситуаций (то есть ситуаций, описывающих события) и включают совокупность условий, усложняющих представление события в речи указанием на авторскую интерпретацию этого события. Н. И.Формановская справедливо отмечает, что «в отличие от денотативной ситуации, формирующей семантическую структуру предложения, коммуникативная ситуация характеризует обстоятельства общения в целом, его стимулы, его участников» [5, с. 46]. Смысловые событийные компоненты коммуникативных ситуаций представлены на диктумно-пропозитивном уровне предложения – уровне, который интегрирует единицы предикатно-актантного комплекса, отражающие в первую очередь смысловую структуру собственно событийной ситуации. Компоненты же оценочно-кваликативного уровня (например, компонент «говорящий» или компонент «реципиент») при разворачивании коммуникативной ситуации (скажем, ситуации колебания), могут не эксплицироваться на предложенческом предикатно-актантном уровне формальными элементами, однако указанные компоненты всегда представлены в семантической структуре предложения на модусном уровне, в том числе и имплицитно.

Отметим в то же время и тот факт, что колебание может быть эксплицировано и на собственно модельном, предикатном уровне предложения, однако с учетом следующего параметра: в этом случае в семантической структуре предложения со значением колебания задействованным в качестве базового субъекта оказывается, как правило, не субъект-говорящий, а субъект-адресат либо третье отстраненное от прямого процесса коммуника-

ции лицо. Операция колебания в этом случае локализована на коммуниканте-партнере либо на лице, не участвующим в коммуникативном процессе: – *Ты до сих пор колеблешься в выборе? Да не стоит он того!* (А. Иванов); – *Нет, Татьяна Сергеевна так и осталась в неуверенности относительно моего плана* (Д. Донцова).

Таким образом, в высказываниях, репрезентирующих коммуникативно-прагматическую ситуацию колебания, представлены, с одной стороны, собственно событийные ситуации, которые обязательно номинируются на пропозитивном уровне предложения, так как колебание не может быть беспредметным. Именно на эти событийные ситуации и накладывается в качестве субъективно-модальной квалификации авторское колебание, основанное на неуверенности, сомнении, предположении относительно правильности трактовки того или иного события говорящим или адресатом: – *Завтра я уеду, – наконец проговорил Шатров, – больше мне нельзя задерживаться, да и не к чему. Отказ бесповоротный. Впрочем, вряд ли могло быть иначе* (И. Ефремов); *Небось не пойдете в дворники!* (А. Чехов); *Она хороший друг... но разве у него мало друзей?* (Ю. Тупицын).

Из сказанного следует, что предлагаемое нами понимание ситуации колебания отличается от понимания коммуникативной ситуации как ситуации сугубо событийной, элементарной. Говорящий, актуализируя ситуативный смысл «колебание», решает целый комплекс задач на коммуникативном уровне. Во-первых, он включает конкретное высказывание в смысловую парадигму по признаку неуверенности в однозначном развитии события. Для этого говорящим устанавливается соотношение смысла колебания с другими однородными квалификативными смыслами – предположением, сомнением, возможностью и вероятностью, определяется оригинальный статус и превалирующее положение смысла «колебание» в смысловой структуре высказывания. Далее авторская коммуникативная цель соотносится с модельным аспектом построения предложения. Здесь решается вопрос о включении или не включении тех или иных формальных элементов в состав предложения с целью нивелирования противоречий конструктивного уровня предложения коммуникативному уровню высказывания. Это естественно, поскольку именно говорящий несет ответственность за продуктивность коммуникативного процесса и, следовательно, за конкретный способ представления ситуации колебания в речевом высказывании и донесение смысла колебания до адресата. Для этого говорящим устанавливается степень важности или неважности того или иного коммуникативного смысла для разворачивания ситуации колебания; выбирается из целого ряда синонимических языковых средств тот формальный элемент, который наиболее адекватно подходит для выражения смысла «колебание»; устанавливается степень интенсификации смысла, актуализируемого при помощи выбранного элемента для правильного, с авторской точки зрения говорящего, понимания ситуации адресатом. Так говорящим создается коммуникативная модель ситуации колебания. Комплексное же решение поставленных коммуникативных задач предполагает создание высказывания, адекватно отражающего авторскую точку зрения на решаемую проблему.

В русском языке для актуализации ситуации колебания выработана целая система как языковых, так и внеязыковых средств: *колебаться, колебание, колеблющийся, быть в нерешительности, пребывать в сомнении, находиться в раздумье, едва ли, вряд ли, чай, авось, небось, вроде, словно, разве, ужасно, якобы и др.*; жестово-мимические и интонационные средства. Например: *После долгих колебаний Лаврецкий... решил отпра- виться к Калитиным* (И. Тургенев); *А Лариса, находясь в раздумье, так и не могла решиться на то, чтобы отклонить неприятное приглашение* (журн. текст); – *Сольпуга – фаланга, из семейства паукообразных. Сольпуги не ядовиты, так что бояться укуса нам вроде бы нечего* (В. Головачев); *Я должен уйти, не так ли?* (В. Шишков); – *Не вы ли это были вчерашней ночью?* (Ю. Тупицын).

В семантическом аспекте коммуникативно-прагматическая ситуация колебания структурируема. На уровне семантической структуры данная ситуация включает следующие обязательные компоненты:

а) событийную ситуацию как основной номинируемый событийный фрагмент действительности, объект предполагаемой квалификации;

б) мотивы колебания, то есть причины, способствующие или препятствующие осуществлению события в действительности;

в) ипостась говорящего, автора квалификации, осуществляющего речевое воздействие;

г) ипостась адресата, получателя квалификации, объекта речевого воздействия (таким получателем может быть как прямой адресат (коммуникант-партнер), так и адресат косвенный, скажем, читатель);

д) собственно ментальную операцию колебания как субъективно-модальную квалификацию события, иначе говоря – точку зрения говорящего, базирующуюся на той или иной степени неуверенности субъекта относительно осуществления события в действительности.

Нужно отметить, что главным участником ситуации колебания является говорящий. О ведущей роли последнего в коммуникативном процессе в лингвистике говорилось неоднократно (6, с. 20 – 21; 7, с. 566 – 567; 8, с. 647 – 649). Данное утверждение верно, поскольку в коммуникативном процессе говорящий так или иначе должен каким-то образом проявить себя, хотя бы как его создатель своего высказывания (9:95). Позиция говорящего при этом может быть как нейтральной, так и специально выраженной, акцентированной, однако она в любом случае фиксируется как важная для процесса коммуникации.

Специфичность колебания как одной из квалификативных характеристик высказывания заключается не в самом факте наличия позиции говорящего, а в способе указания на этот факт. В высказываниях со значением колебания говорящий дает знать о своем присутствии, в том числе и формальным способом – посредством введения языкового квалификатора собственной позиции, указывающего на то, что говорящий колеблется в выборе одного из вариантов однозначной квалификации события. В то же время говорящий намеренно эксплицирует собственную точку зрения на событие, желает, чтобы данная точка зрения не была истолкована адресатом как нейтральная, старается донести ее до адресата. Говорящий показывает адресату, что он не может или не хочет лишь констатировать событийный факт в нейтральном утвердительном или отрицательном аспекте, что у него нет полных оснований сделать это категорически достоверно: **Вряд ли** я что-нибудь подходящее найду вот так, сразу, – **неуверенно сказал** Казимир (А. Громова); – **Не знаю, то ли** уж мне послышалось (В. Шишков); **Вот стою и думаю: «Будто** сюда пришел, а **будто** и нет» (И. Гончаров).

Причин для введения в высказывание формально-языкового элемента как показателя колебания в качестве орудия донесения авторской точки зрения до адресата может быть несколько. Это, например, неосведомленность субъекта относительно квалифицируемого события: – Ты, **чай**, и не собиралась вернуться? (Г. Успенский); Он **колебался**, не зная, где же, наконец, истина (журн. текст). Нередко говорящий крайне заинтересован в том, чтобы быть правильно и однозначно понятым: – В бригаде? – чуть задумался Чапаев. – Да-да, – у нас, в бригаде! – А это, надо быть, городские... здешние **вряд ли**, – с трудом поддавался на доводы Чапай (Д. Фурманов); – Будет тебе нагоняй! – Не думаю. **Вряд ли**... (А. Казанцев); «Не может быть, чтобы Спарк не сделал нотариальных копий, – подумал Роумен. – Хотя **вряд ли** такое возможно в Португалии» (Ю. Семенов). Достаточно часто на необходимость введения формального квалификатора колебания в высказывание оказывают влияние жанровые особенности устной диалогической речи, в которой для достижения поставленной цели используется неподготовленная, спонтанная квалификация. В этом случае формальный показатель авторского колебания выступает как акцентиватор категоричности в оценке события говорящим: – Ну вот! – пробормотал он... – Так и есть!.. И соль! Э-эх-ма! Уж **неужели**... **неужели** уж нельзя?.. Так и

есть!.. Протекло!.. (Г. Успенский). Еще одной причиной введения формального показателя колебания может служить мотив намеренного уклонения говорящего от категоричности изложения своего мнения: – **Как будто бы только что здесь был. Видать, вышел куда-то** (В. Шукшин); – **Не знаю, не знаю... Не думаю, что стоит это делать... Но сам решай** (Ф. Херберт). Отмеченные причины, по нашему мнению, соотносятся со степенью категоричности и степенью локализованности ситуации колебания в коммуникативном процессе.

Формальные языковые показатели колебания применяются говорящим тогда, когда нужно как-то акцентировать или, напротив, локализовать квалификацию, ремагизируя определенную часть высказывания. Значение показателя колебания может и «растекаться» по всему семантическому полю высказывания, и четко локализоваться в семантическом поле отдельного корректируемого компонента (Ср.: *Она понимала, что ее колебания в выборе правильного решения, вероятно, ничего нового не принесут в ее жизнь* (журн. текст); «**Разве она этого хочет?**» – **колебался Степан** (журн. текст)).

Колебание может обладать разной степенью мотивированности. Выделяется немотивированное и мотивированное колебание. Первое проявляется спонтанно, незакономерно, случайно. Оно основано в большей мере на сиюминутной оценке события коммуникантами, нежелании уточнять, актуализировать те или иные аспекты событийной ситуации: – **Неужели так и будет? Не верю я в это** (В. Авдеев); – **А вот эти рублика по четыре, что ли?..** (Г. Успенский); *Она колебалась, сама не зная, почему так происходит, ведь должно быть иначе* (Р. Хайнлайн). Для немотивированного колебания характерно отсутствие контекстно-речевого или ситуативного маркирования фактора мотивированности, обоснованности, предполагающего знание коммуникантами причин возникновения колебания.

Мотивированное колебание, напротив, проявляется тогда, когда говорящий при актуализации собственной точки зрения опирается в первую очередь не на субъективные факторы, а на знание объективных условий развития событийной ситуации в пространственно-временных и причинно-следственных координатах. Мотивированное колебание – это более частотная и продуктивная квалификация по сравнению с колебанием немотивированным. Мотивированное колебание отражает такую степень осведомленности коммуникантов, которая позволяет говорящему при актуализации колебания оперировать мотивационными условиями как базой для развития коммуникативно-прагматической ситуации колебания в процессе коммуникации. С другой стороны, мотивированное колебание, построенное на знании условий, может стать основанием для последующей утвердительной или отрицательной констатации факта действительности: *Юрьева колебалась и молчала, хотя ей хотелось сказать много* (А. Куприн); – **Разве ж она поедет в Сибирь? Ты подумай... – С тобой поехала бы. – Едва ли** (В. Шукшин); *Не знаю, как судить мне по твоим словам: Помощник что ли ты, иль обольститель сам?* (А. Грибоедов). Таким образом, мотивированное колебание хотя и базируется на знании коммуникантами условий развития событийной ситуации, однако данных условий оказывается недостаточно для того, чтобы колебание превратилось в констатационную характеристику события.

Коммуникативно-прагматическая ситуация колебания предполагает реализацию в высказывании целого комплекса прагматически обусловленных смыслов. В первую очередь, это центральный для рассматриваемой ситуации смысл «колебание», который выступает как базовый и объединяющий другие квалификативные смыслы в пределах речевого контекста, репрезентирующего ситуацию колебания на коммуникативном уровне. Смысл «колебание», как мы уже отмечали ранее, структурирован, несет одну из основных коммуникативных нагрузок – достижение говорящим основной цели своего сообщения – ориентации высказывания на адресата и донесение до последнего точки зрения говорящего.

Однако кроме смысла «колебание», в высказывании-репрезентаторе коммуникативно-прагматической ситуации колебания неизбежно актуализируется комплекс

сопутствующих квалификативных смыслов – неуверенности, предположения, сомнения, возможности, кажимости. Поясним сказанное.

В высказываниях со значением колебания всегда оказывается актуализированным квалификативный смысл неуверенности говорящего в однозначном развитии событийной ситуации. Показателем этого является сниженная степень уверенности субъекта. Это естественно, так как степень авторской неуверенности обусловлена причинами прагматического уровня. Например: *Я едва ли не менее всех других подготовлен к такому предприятию, так как могу рассказывать лишь о внешних явлениях: их смысл и причины недоступны моему пониманию* (В. Брюсов) (сниженная степень уверенности связывается с авторской компетентностью); *Она меня не любит, – ну, бог с ней! Будто только на всем свете одна Оксана* (Н. Гоголь) (сниженная степень уверенности базируется на предшествующем фактическом событии (поведение Оксаны)); *У вас, чай, и так вороха наготовлены, брильянтовая* (А. Островский) (сниженная степень уверенности основана на общественном мнении); *Анна Петровна проснулась задолго до Красного дара и все колебалась, разбудить Лелю или нет* (К. Паустовский) (степень уверенности обусловлена правилами поведения). Смысл «неуверенность», таким образом, является прагматическим смыслом сферы коммуникации, возникновение и функционирование которого напрямую связано с мотивационными факторами колебания как субъективно-модальной квалификации субъекта, осмысляющего действительность и мотивы развития события.

Другой актуализированный в высказывании со значением колебания смысл – это смысл «предположение». Данный смысл имеет своим содержанием предварительное суждение о чем-либо, основанное на степени осведомленности субъекта. Градация оттенков предположения достаточно велика – от высокой степени уверенности до полной неуверенности говорящего в сообщаемом. Предположение может быть причинно обусловленным: *Статьи будто бы уже были заказаны Ц. К.* (К. Чуковский); – *Идите кушайте чай, мамаша еще до свету уехали на станцию со старостой, вы небось и не слышали* (И. Бунин). Тем не менее предположительная уверенность, даже при всей ее обусловленности, никогда не может быть приравнена к констатации достоверности или недостоверности факта действительности, следовательно, всегда остается возможность развития ситуации колебания.

С другой стороны, предполагая, говорящий нередко оперирует лишь своим собственным мнением, не основанном на знании всех условий, имеющих как непосредственное, так и опосредованное отношение к квалифицируемому событию: *–Я вроде бы и не собирался так быстро назад* (В. Шукшин); *Это внезапно произошедшее событие весьма существенно поколебало его уверенность в будущем* (А. Иванов); *Многие слышали, что там вроде много платят, но слухи, как правило, оставались слухами* (журн. текст). Подобное предположение наиболее тесно связано с колебанием, а в периферийной семантической области соприкасается с ним. Сходные характеристики предположения и колебания, таким образом, налицо. Однако данные квалификативные смыслы суть различны, хотя и тесным образом связаны друг с другом. Если предположение – это в первую очередь предварительное суждение о чем-либо, заключающее ту или иную степень уверенности говорящего в сообщаемом, основанную на степени его осведомленности, то колебание – это результат осмысления условий субъектом и прелюдия принятия решения.

Заметим, что с предположением и колебанием тесно связан и смысл «кажимость» как один их квалификативных модальных смыслов, который также включается в смысловую сферу коммуникативно-прагматической ситуации колебания. Кажимость базируется на предположении, но в отличие от последнего проявляется как частная локализованная характеристика в ситуации колебания: *Кажется, этого не следовало делать* (Д. Доцова); *Она никак не могла определиться с выбором. Ей ка-*

залось, что нужно ехать то в Екатеринбург, то в Тюмень. И там, и там были свои плюсы и свои минусы (журн. текст).

В высказываниях со значением колебания может актуализироваться квалификативный смысл «сомнение». Сомнение базируется на субъективно-авторском мнении и имеет своим выражением мысль о возможном несоответствии факта действительному на данный момент времени положению вещей. По своей сути сомнение – это квалификативный смысл, так как он актуализирует коммуникативно оформленный результат квалификации события субъектом. Данный смысл предполагает учет обязательных характеристик: отношения факта к действительности с точки зрения вероятности осуществления этого факта, отношения говорящего к возможности осуществления факта. В результате высказывания, выражающие сомнение, активно смещаются к смысловому полюсу отрицания: чем большая доля авторского сомнения фиксируется в сомнительном высказывании, тем более последнее в семантическом аспекте приближенно к обозначенному полюсу: *На Венере слишком горячо, вращается она медленно, атмосфера ее густа и без свободного кислорода. Вряд ли жизнь смогла развиться на Венере...* (И. Ефремов); – *По ассоциативной связи речь может идти о проникновении в суть явления.* – *Вряд ли* (В. Головачев). Высказывания со значением колебания, в отличие от сомнительных высказываний, не обязательно тяготеют к полюсу отрицания. Это естественно, так как колебание фиксировано не на окончательной, а только на промежуточной стадии оценки события говорящим.

Еще один квалификативный смысл, с которым соотносится смысл «колебание», – это смысл «возможность». Возможность является логической базой для актуализации коммуникативно-прагматической ситуации колебания как результата осмысления субъектом возможности или невозможности осуществления, проявления какого-либо события или факта в действительности. Это естественно, ведь возможность раскрывает объективную тенденцию развития событийной ситуации. Возможность – это то, что может стать фактом при реализации определенных условий: *И вот появилась прекрасная возможность выехать на природу; Благоустроить вновь отстроенный двор было весьма возможно; Невозможно знать материал, если ты ничего не учил.* Логическая возможность всегда базируется на некоторых условиях, могущих повлиять на характер осуществления события. Колебание же – это собственно процесс осмысления возможности субъектом. Поэтому колебание в отличие от возможности всегда субъективно: *Пирожков стал в раздумье под навесом подъезда – куда идти?* (П. Боборыкин); – *Неужто так и будешь теперь жить с синдромом раздвоенности?* (В. Головачев); *Как постоянно колеблющийся человек, он в очередной раз упустил свой верный шанс привлечь к себе внимание начальства* (журн. текст). Таким образом, если возможность зависит не столько от субъективного фактора, сколько от условий, существующих вне данного фактора в объективной реальности, то колебание во всех случаях преломляется через «я» индивида.

Подведем итог сказанному. Ситуация колебания должна быть определена как ситуация коммуникативно-прагматическая, развивающаяся в коммуникативной сфере, интенционально обусловленная. Даная ситуация структурируема, а в семантико-структурном аспекте – разнопланова. Явившийся предметом нашего внимания смысл «колебание», наряду с мотивационными параметрами, фактором говорящего и фактором адресата, составляет смысловую основу рассматриваемой ситуации, относится к квалификативной сфере процесса коммуникации. Данный смысл характеризуется как базовый, развивающийся в коммуникативном процессе в качестве результата осмысления мотивов выбора, условий принятия решения. Смысл «колебание» является динамичным и сложным образованием, опирающимся в пределах речевого контекста на целый комплекс квалификативных смыслов и в то же время проявляющим себя как оригинальная сущность. Намеченные вопросы имеют широкие перспективы исследования, в частности в области описания семантических характеристик модально-квалификативных высказываний.

Список литературы

1. Гак В. Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. 1972. – М.: Наука, 1973. – С. 350 – 372.
2. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. – М.: Прогресс, 1978. – 540 с.
3. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Под ред. А. В. Бондарко. – Л.: Наука, 1990. – 363 с.
4. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: Сборник работ. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
5. Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. – М.: Институт русского языка им. А. Пушкина; ИКАР, 1998. – 293 с.
6. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Под ред. Г. А. Золотовой. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 528 с.
7. Гак В. Г. Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
8. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 895 с.
9. Лекант П. А. К вопросу о модальных разновидностях предложения // Современный русский язык. Лингвистический сборник. – Вып. 6. – М.: Изд. МОПИ, 1976. – С. 61 – 66.

PRAGMATIC COMMUNICATIVE SITUATION OF HESITATION AND FACTOR OF SPEAKING

I. A. Nagorniy
A. I. Nagornaya

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
nagorny@bsu.edu.ru*

The article deals with the communicative-pragmatic situation of hesitation. It examines the central qualification meaning "hesitation" along with other qualification meanings, as well as verbal factors that updates the situation in the communicative process. The paper describes the sentences with language elements that mark the situation of hesitation.

Key words: communicative-pragmatic situation of hesitation, qualification sense, uncertainty, possibility, assumption, subject, recipient.

УДК 168.552

ОВЛАДЕНИЕ ЯЗЫКОМ КАК СМЫСЛОВЫМ ФЕНОМЕНОМ

Т. Ф. Новикова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
TNovikova@bsu.edu.ru*

В статье ставится вопрос о необходимости перехода в обучении родному языку от стандартных приемов языкового анализа к новым формам овладения языком как смысловым феноменом, описывается одна из таких интеграционных методик – создание, презентация и открытая защита лингвокультурных проектов «Одно слово».

Ключевые слова: слово, значение, смысл, словарная работа, концептуальный анализ, лингвокультурный проект.

Современными исследователями указывается на перспективность описания культуры через факты ее отражения в национальном языке и интерпретации самих языковых фактов через «вертикальный» (т. е. культурный) контекст. Концепция «Язык и культура» – та «сквозная идея, которая <...> пронизывает все аспекты изучения языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучать человека вне его языка» [1, с. 4]. И язык, и культура есть результат действия законов смыслообразования; принадлежность к единому смысловому пространству объединяет образ жизни и мыслей отдельного человека и историческую практику, память, рефлексию всего социума, различные другие проявления человеческой деятельности в единый континуум культуры.

Осмысление же существующей системы образования приводит к выводу, что она до сих пор во многом построена на культурных доминантах прошлого, поскольку «отодвигает знание о целостном мире человека и опыт целостной деятельности на задний план по сравнению с научной монокультурой. Односторонность содержания образования проявляется в трансляции знаний в отчужденной, безличной форме, в насыщении содержания **знаниями** при отсутствии **смыслов**» [2, с. 39]. – Выделено нами. – Н. Т.]. Новое знание обретает личностный смысл только тогда, когда его получение мотивировано, когда оно становится частью собственного опыта обучаемых – это аксиома обучения. Тем не менее сожалением констатируем: в современной практике преподавания мотивационные задачи чаще декларируются, чем решаются.

В полной мере эта претензия может быть предъявлена к преподаванию русского языка (имеется в виду в первую очередь школьное преподавание, поскольку именно на этапе школы начинается сознательное изучение родного языка). «Целью изучения должен стать язык народа во всех его функциях, – писала еще в 1990-е гг. прошлого века Л. В. Юлдашева. – Первая задача <...> состоит в том, чтобы посредством системы языка научить постигать систему миропонимания и мироотношения народа, <...> научить воспринимать язык не как чистую грамматическую схему <...>, но как спрессованные веками феноменальные стороны философии, психологии, истории, духовной культуры в целом» [3, с. 54]. Решая эту задачу, преподавателю необходимо пересмотреть роль традиционных видов языкового анализа в системе как школьного, так и вузовского языкового образования, ввести новые приемы работы со словом (словом в широком смысле и непосредственном значении), освоить пути и конкретные организационные формы, позволяющие в процессе обучения родному языку давать представление о явлениях и понятиях, которые существуют в сознании носителей культуры и выражены в определенных языковых стереотипах. Остается актуальной проблема поиска адекватных современному состоянию науки путей изучения языка, овладения языком не только как «значенческим» (выражение Л. С. Выготского), но и как смысловым феноменом.

Однако овладение языком как смысловым феноменом, введение ученика в культуру как «царство смысла» (Л. С. Выготский), невозможно на базе принятых в школе методов изучения языка. Чтобы слово и понятие стали «собственностью ребенка» (Л. С. Выготский), нужны другие, соответствующие новой лингвистической пара-

дигме методы. К таким можно отнести выявление и анализ ключевых слов культуры, концептуальный анализ слов и текстов, смысловое развёртывание свернутого до слова или фраземы текста, выявление и осмысление культурного фона слова, установление ядерных и периферийных зон слова, сопоставление слова и концепта, слова и культуры и др. По природе своей слово не допускает сугубо внутриязыкового подхода, потому что любое лексическое понятие – продукт мышления и познания, а они определены внеязыковой действительностью. Думается, современный словесник должен строить свою ежедневную работу со словом так, чтобы от рутинных действий: *запиши - объясни- подчеркни* – подниматься до концептуально-когнитивного анализа, до поиска смыслов, стоящих за конкретным словом, его контекстными или потенциально возможными смысловыми приращениями, историческими изменениями, связями с экстралингвистическими явлениями.

В данной статье мы хотели бы сосредоточить внимание на одном из достаточно эффективных методических приемов, позволяющих реализовать работу по овладению языком как явлением и проявлением культуры, ментальным феноменом. В нашей методической практике это расширительно толкуемая работа со словом, которая может быть реализована:

а) как *локальное упражнение* в процессе работы с языковыми единицами любого уровня;

б) как поурочная специальная и попутная *словарная работа*;

в) как *этап анализа текста* на уроке словесности;

г) как *структурообразующий этап тематического урока*;

д) как *основа урока развития речи*;

е) как специальная *организационная форма урока* – «Урока одного слова».

Структура специального урока – «Урока одного слова» – отлична от традиционной.

Структура и содержание «Урока одного слова»

Этап урока	Содержание этапа и конкретные приемы работы
Представление «слова-темы»	Записи на доске, использование наглядности, видео- и компьютерных средств и др.
Постановка цели, мотивационный момент	Создание ситуации заинтересованности: «Знаете ли вы, что...?», «Зачем это нужно знать?», «Когда слово – золото...», «Незнакомое в знакомом» и др. Постановка «вопроса самому себе», выбор «самозадания» на урок.
Создание проблемной ситуации	Формулирование (самими учениками или учителем) проблемного вопроса по «слову-теме». Представление слова в необычном контексте. Мини-викторина, тест-экспресс, конкурс «Кто больше?» и т. п.
Этимологическая страничка	Сведения о происхождении, историческом пути слова в форме комментариев и пояснений, обращения к этимологическим словарям, рефератов, сообщений в оригинальной форме с помощью приемов «Слово и история», «Этимологический этюд», «В глубь слова» и др.
Культуроведческая страничка	Метаморфозы значения слова в истории и культуре. Углубление сведений об истории, изменениях в лексическом значении, трансформациях графического, фонетического облика слова. Воссоздание культурного фона. Обращение (в связи с историей слова) к известным событиям в истории и культуре страны, всего мира, цивилизации в целом.
Презентация слова	Составление <i>сценария</i> презентации слова перед аудиторией. Подбор иллюстративного материала (естественной наглядности, репродукций, видеоматериалов, музыкального фона), подготовка компьютерной презентации, инсценирование, ролевая игра, художественное слово и т. п.
Анализ текста	Методика «Слово в тексте»: анализ текста/контекста: составление цепочки <i>ключевых слов</i> , построение <i>синквейна</i> , организация <i>самодialoga</i> с текстом по предложенным или самими учениками сформулированным вопросам, <i>составление словаря, примечаний</i> к тексту, формирование тематического <i>тезауруса</i> , подготовка комментариев к тексту и т. д.
Этап творческой (проектной) работы	Написание <i>сочинения – рассуждения</i> по тексту, <i>эссе</i> по ключевому слову; систематизация материалов для письменного оформления <i>проектного задания/лингвокультурного проекта, творческое задание</i> (иллюстрирование, ассоциативный эксперимент, подражание, стилизация и др.)

«Уроки одного слова» – сложившаяся в практике экспериментального обучения нетрадиционная форма урока/практического занятия, позволяющая выходить не только на понятийный, но и на смысловой и ценностный уровни слова, учитывать историю, культурный фон, «вертикальные» и «горизонтальные» связи взятой в качестве объекта исследования определенной лексической единицы. Методика «Урока одного слова» сходна с используемой на интегрированных уроках методикой урока-мастерской.]. Более подробно структура, типология и методические особенности подобных уроков описаны в наших работах [См. 4, с. 223 – 230, 5, с. 22 – 26].

На уроках русского языка в старших классах, на занятиях по программе разработанного нами элективного курса для учащихся/курса по выбору для студентов 3 курса «Язык. Культура. Общество» лингвокультурные проекты «Одно слово» были подготовлены слушателями по словам: **Азбука/Алфавит** (с выходом на историю кириллицы, на «Азбучную молитву»: «**Аз** буквы **ведаю**, глаголю: добро **есть...**», на оценку современных фактов, подтверждающих экспансию латиницы в рекламных текстах и др.), **Автограф, Берёза, Буква, Вера, Вода, Время, Душа, Дом, Любость, Радуга, Родник, Солнце, Хлеб** и др.

Приведем пример формирования культурного пространства одного из названных выше слов-концептов - «хлеб», слова, которое, несомненно, может быть отнесено к ключевым словам русской культуры. Собирая материал для лингвокультурного проекта «Хлеб», студенты составили своеобразную «Книгу о хлебе», каждая из страниц которой – «образ» и «тема» хлеба в отдельно взятой области науки и культуры, причем таких «страниц» (мини-проектов) вышло более десяти. Таким образом, можно заключить, что представленная выше в таблице структура «Урока слова» может корректироваться, дополняться другими этапами работы и презентации слова.

Коротко представим некоторые из страниц получившейся «Книги о хлебе».

Страница энциклопедическая. В первом издании БСЭ хлеб определен как «основной продукт питания человека» [б: 686]. Статья, посвященная только хлебу и хлебопроизводству, занимает в энциклопедии целых 20 страниц: с 686 по 706! Здесь разводятся понятия «хлеб зерновой» и «хлеб печеный», подчеркивается, что «самый простой» печеный хлеб получается путем соединения трех «самых простых» и самых главных продуктов: муки, воды, соли. В материалах этого раздела сосредоточены сведения о видах и формах хлеба у разных народов, в разных культурах, о суррогатах хлеба, о хлебном дереве, «земляном хлебе» (съедобный лишай), о хлебных диетах, о музеях хлеба и др.

Страница историческая. В этой части проекта представлены доказательства того, что хлеб - один из наиболее древних приготавливаемых продуктов, появившийся ещё в неолите. Первый хлеб представлял собой подобие запечённой кашицы, приготавливаемой из крупы и воды. Хлеб в виде пресных лепешек был известен древним египтянам, персам, евреям. Вплоть до Средних веков хлеб существовал преимущественно в виде пресных лепешек. Аналоги «первого хлеба» изготавливаются в настоящее время из различной крупы по всему миру. Плиний в своем сочинении «Naturalis historia» писал о том, что первый хлеб был жидким: первобытные люди размачивали зёрна в воде и поедали получившуюся кашу. Так что древние греки и римляне «хлебали» свой «хлеб», уже потом появились похлебки. Современные каши являются прототипами хлеба. В Китае, Японии рисовая каша и поныне выполняет роль хлеба.

Страница лексикографическая. Как определяют Толковые словари, хлеб - это «колосовые растения с мучнистыми зёрнами, коими человек питается и коих посев и жатва есть основа сельского хозяйства» [7, с. 694]. В Словаре С.И. Ожегова дано 6 значений слова «хлеб»: 1. Пищевой продукт, выпекаемый из муки. *Печеный х. Ржаной или черный х. Пшеничный или белый х. Ломоть хлеба. Кусок хлеба.* 2. (мн. *хлебы*). Продукт в виде крупного выпеченного изделия. *Круглый, высокий х. Ставить хлебы в печь.* 3. только ед. Плоды, семена злаков, размалываемые в муку. *Сеять х. Сдача хлеба государству.* 4. (мн. *хлеба*). Злаки. *Урожай хлебов. Уборка хлебов комбайнами.* 5. Пропитание (*быть у кого-либо на хлебах*); 6. Заработок (*эта профессия – верный хлеб*) – и приводится ряд образных выражений, свидетельствующий об активном функционировании слова в переносном значении: *хлеб-соль* (знак гостеприимства),

второй хлеб (о картофеле), *хлебом не корми* (о сильном увлечении чем-то), *хлеба не просит, отбирать/есть чужой хлеб* и т. д. [Информация по: 8].

Страница этимологическая. Современные филологи В. М. Мокиенко, Ю. В. Откупщиков связывают происхождение слова с латышским *klaips*, литовским *klietas* и далее глагольным корнем **(s) kloj-p* – «кусочек, отрезок», предполагая, что именно это значение было исходным для названия хлеба и у славян, и у балтов. «Есть нечто глубоко символичное в этом исконном значении. Ведь отрезать можно только от целого, единого. В отрезанном от хлебного каравае ломте – и справедливое распределение материальных благ в общине или в семье, и желание поделиться с ближним самым необходимым, и в то же время причастность к тому социальному целому, трудом которого эти блага созданы...» [9, с. 39]. Однако более широкое распространение имеет другая версия (уже приводившаяся выше): об этимологическом родстве существительного «хлеб» и глагола «хлебать», которая поддерживается фонетическим совпадением корней слов «хлеб» и «хлебать». Полагаем, что данное совпадение – добросовестное языковое подтверждение того, что первый хлеб был все-таки жидкий.

Страница словообразовательная. От слова «хлеб» образуются новые слова, и каждое из них «уводит» в различные области знания: «хлебный» – означает не только урожайный, богатый (мы говорим: *хлебный край*), но также и выгодный, прибыльный (*хлебное место*). «Хлебалкой» в диалектах и в просторечии называют ложку: *Было бы хлёбово, а хлебалку найдем*. «Хлебала – едок или кто любит поесть»: *Хлебало-то (рот) есть, да хлёбова нет.. Хлебоед, хлебоежа – дармоед, тунедец, нахлебник. Хлебоедов полна изба, а работников ни одного* [7, с. 695].

Страница фразеологическая особенно богата. В названии и смыслах слова «хлеб» отразились древние представления славян о хлебе как важнейшем продукте питания и вследствие этого ставшем ритуальным атрибутом, мифологическим символом, наиболее частотным объектом воспевания в фольклоре. Пословиц и поговорок, образных и устойчивых выражений с опорным словом «хлеб» великое множество: *Хлеб – всему голова. Хлеб батюшка, водица матушка. Ищи, как хлеба ищут* (т.е. изо всех сил). *Не держи денег в узлу, держи хлеб в углу. От хлеба хлеба не ищут. Работные дети отцу хлебы. Без соли не вкусно, без хлеба не сытно. Хлеба ни куска, так и в тереме тоска; а хлеба край, так и под елью рай. Как хлеб да квас, так и всё у нас. Хлеб в пути не тягость. Калач приестся, а хлеб никогда.* Устойчивые образные выражения доносят до современников отголоски прошлой жизни, дают представление об образе жизни русских людей в прошлом, об ушедших реалиях: *Хлеб да живот без денег живет* (т.е. если есть хлеб и скот, не надо и денег). *Хлебом сыты, хлебом* (т.е. вином) *и пьяны* (в селах русского Севера до сих пор водку называют хлебным вином). *Родись человек, и краюшка хлеба готова* (крестьяне землю делят по душам). *Не я хлеб ем, меня хлеб ест* (жаловался многодетный семьянин) и др.

Помимо пословиц и поговорок распространены загадки о хлебе: *Лежит бугор между гор, пришел Егор, унес бугор* (хлеб в печи). *Без корнейев растет, без костей встает*; а также песни, частушки, сказки о хлебе, достаточно вспомнить хотя бы «скатерть-хлебосолку» – синоним «скатерти-самобранки» и сказки разных народов о «вечном хлебе».

Страница литературная. Хлеб часто является своего рода «образообразующим» элементом в произведениях русской и мировой литературы, достаточно привести хотя бы несколько заголовков художественных текстов, в которых присутствует это слово или производные от него: рассказ «Теплый хлеб» К. Г. Паустовского, повести «Хлеб» А. Н. Толстого, «Хлеб – имя существительное» М. Алексеева, «Ташкент – город хлебный» А. Неверова, стихотворение «Хлеб» А. Яшина и др.

Страница искусствоведческая – это может быть обращение к произведениям живописи и музыки, посвященным хлебу: например, известное полотно художницы Т. Яблонской, многочисленные натюрморты, где хлеб – главный «артобъект», кино- и телефильмы, народные и современные песни, в частности, «Хлеб – всему голова» и др.

Самая обширная и разнообразная – *страница культурологическая*. Хлеб здесь рассматривается как знак культуры, один из способов установления отношений между

людьми и народами. Являясь основой питания многих народов, хлеб рассматривается как источник жизни и символ труда. Во многих культурах хлеб нельзя выбрасывать: потерявший вкусовые качества хлеб засушивают на сухари, крошат, чтобы использовать в качестве корма для птиц. Хлеб в мусорном ящике всегда воспринимался как кощунство.

Много информации было собрано молодыми исследователями о до сих пор широко распространенном «ментальном» выражении *хлеб-соль*. Хлеб-соль – традиционный символ гостеприимства и радушия. «Хлеб да соль!» - это приветствие тому, кого застали во время еды. В более широком смысле – это пожелание мира, достатка, благоденствия. На торжественных встречах в знак уважения почетным гостям, особо уважаемым людям подносят каравай хлеба и соль на вышитом полотенце. Замечательно, что этот красивый обычай сохранился до наших дней. Обряд подношения хлеба и соли отражает важнейшее значение этих продуктов питания для славянских народов. Уважительное отношение к хлебу и соли обусловлено и тем, что в их «производство» всегда вкладывается много труда. Производными от этого выражения словами: *хлебосол*, *хлебосольный*, *хлебосольничать* – по сей день характеризуют радушно, щедрого, гостеприимного, славящего умением обильно и вкусно кормить хозяина. «Хлеб-соль водить» - означает дружить, поддерживать теплые отношения, в качестве благодарности говорится: «Я помню твою хлеб-соль». Хлеб-соль - заемное (отплатное) дело. *Хлеб-соль платежом красна. Хлеб хлебу брат* (о хлебосольстве как подержке). *Не за хлебом-солью сказано* (о дурном слове).

Исключительно культуроёмка информация об обычаях, приметах и ритуалах, связанных с хлебом. «Хлеб-соль!» или «Хлеб да соль!» - приветствие вошедшего в избу во время обеда; ответ: «Просим за стол!» или шуточное: «Ем, да свой!». Кстати, в XIX в. была распространена полная форма благодарности за приют и стол: «За хлеб, за соль, за щи с квасом, за лапшу, за кашу, за милость вашу!» Сейчас в качестве формулы этикета оборот «Хлеб да соль!», к сожалению, «сдает позиции, вытесняемый полукалькой с французского «Приятного аппетита!» («Bon appetit!») – сетует В. М. Мокиенко. – Впрочем, нельзя сказать, что это древнее русское выражение окончательно списано в архив и стало безнадёжным этнографизмом и историзмом...» [9, с. 344]. Известны приметы: хлеб или ложка за обедом выпадет - гость спешит; когда хлеб печется, не мети избы; белый хлеб печется с «головой» (т. е. сбоку вылез ком) - к безголовью, потере скота; пока хлеб в печи, не садись на печь; сажая хлебы в печь, подымай подол, приговаривая: «подымайся выше!»; когда один хлеб вынуть раньше прочих и разрезать его, то все хлебы испортятся и др. Невозможно перечислить все обряды и поверья, связанные с хлебом на Руси. Особое значение хлеб имел в земледельческих обрядах летне-осеннего календарного цикла, связанных с уборкой урожая в поле, с обмолотом зерна и дальнейшим хранением. Например, было принято, выходя на первую жатву, брать с собой ломоть и под первые два пучка колосьев, сложенных крест-накрест, класть этот кусочек хлеба. Однако его не оставляли в поле - возвращаясь, крестьяне забирали его с собой. Специалисты считают, что обычай восходит к древним жертвоприношениям, к магическим заклинаниям о плодородии. Важную роль играли другие ритуальные действия с хлебом, обычно в связи с гаданиями, теми или иными событиями в семье: колосья клали под подушку, загадывая сон, под фундамент нового дома, оставляли на развилке дорог и др.

Особое значение отводится хлебу в *религиозной культуре*. Хлеб – дар Божий. Народ говорил: «Бог на стене, хлеб на столе», «Дай Бог покой да хлеб святой!». «Хлебом насущным» называем мы всё жизненно важное, необходимое для существования, идущее от слов молитвы «Отче наш»: «Хлеб наш насущный, даждь нам днесь!». Другое всем известное выражение из Евангелия: «Не хлебом единым жив будешь...». Имеются и менее известные выражения: «хлеб животный» – это пища духовная, Спаситель, вера в Него; «хлебы предложения» – 12 хлебов, кои возлагаются по субботам священниками на трапезу скинии в Иерусалимском храме; «богородицын хлеб» - просвира; «пирог с молитвой» - пирог без начинки. В христианских ритуалах хлеб иг-

рает центральную роль в таинстве Святого Причастия, «пресуществляясь» во время Евхаристии в тело Христово. В иудаизме пресный хлеб употребляется на Пасху. Согласно христианскому богословию, оба обычая тесно связаны между собой, т.к. именно во время празднования еврейской Пасхи, на тайной вечере, Христос преломил хлеб, положив тем самым начало таинству Евхаристии.

На *странице бытовой* приводятся сведения о том, что на протяжении длительного времени белый хлеб считался предпочтительным для богатых, тогда как беднота ела серый и чёрный (ржаной) хлеб, а вот в XX в/ предпочтения поменялись на диаметрально противоположные — серый и чёрный хлеб стали есть больше из-за его более высокой питательной ценности. Обсуждаются на этой страничке и другие «жизненные» проблемы, например, такая: почему столь важному продукту питания, причисляемому к «основным», «необходимым» [См. 6], всё чаще отказывают в присутствии на столе, включают в число «изгоев», «врагов», мол, «хлеб – враг фигуры»? Новое отношение в обществе к основному продукту питания становится причиной распространения бесхлебных диет. Закономерно возникает вопрос: не является ли этот факт свидетельством коренных изменений в национальной культуре питания? А может быть – и в менталитете? Социологические опросы, анкетирование, ассоциативный эксперимент могут дать факты для аргументированного ответа на вопрос.

Подобный путь изучения языка позволяет дать молодому поколению представление о том, как народ через язык передает свою историю, характер, систему нравственных ценностей, открыть для них возможность осознать родное Слово не только как вместилище знаний из разных сфер жизни, но и как хранилище смыслов – народных, национальных, региональных, личностных.

Список литературы

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Отв. ред. Д. Н. Шмелев. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
2. Новиков А. М. Содержание общего образования: от школы знаний к школе культуры // Народное образование. – №1. – 2005. – С. 39 – 45.
3. Юлдашева Л. В. Методологические и методические аспекты проблемы языка как культурно-исторической среды // Русский язык в школе. – 1990. – № 4. – С. 54 – 58.
4. Новикова Т. Ф. Культурологический подход к преподаванию русского языка в аспекте регионализации образования. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. – 296 с.
5. Новикова Т. Ф. «Пространство слова». Формирование этнокультурной компетенции учащихся на уроках словесности // Русский язык в школе». – 2004. – № 5. – С. 22 – 26.
6. Большая советская энциклопедия. Т. 59. / Гл.ред. О. Ю. Шмидт. – М.: ОГИЗ РСФСР, 1935. – 567 с.
7. Даль В. И. Толковый словарь русского языка: современная версия. – М.: Изд-во ЭКСМО, 2005. – 575 с.
8. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка [Эл. ресурс] // <http://www.boloto.info/dict.php?dic=2&sl/vid=1>.
9. Мокиенко В. М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии. – СПб: Фолио-Пресс, 1999. – 464 с.

MASTERING THE LANGUAGE AS THE MEANING PHENOMENON

T. F. Novikova

*Belgorod National
Research University*

e-mail:

TNovikova@bsu.edu.ru

The article considers the necessity of transition from the standard methods of linguistic analysis to the new forms of mastering the language as the meaning phenomenon. One of such integration methods is described in the paper, and it is creation, presentation and opened defiance of linguoculturological projects «One word».

Key words: word, value, sense, dictionary work, conceptual analysis, linguoculturological project.

СМЫСЛОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЛИРОПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА КАК ПРОБЛЕМА КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВОПОЭТИКИ¹

Е. Г. Озерова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
Ozerova @bsu.edu.ru*

В статье рассматривается смысловое содержание поэтической прозы через призму обращения к религиозным и духовно-нравственным сторонам человеческого чувства, что позволяет определить когнитивно-культурологическую специфику как проблему лингвопоэтики, обладающую интегративным замыслом, который раскрывается в эготопе – организующем центре лингвопоэтического повествования.

Ключевые слова: поэтическая проза, смысловое содержание, эготоп.

В основе рассмотрения поставленной в названии статьи проблемы лежит понятие «смысл». С одной стороны, оно воспринимается почти обыденно, когда говорят, например, о смысле жизни или когда с целью уточнения спрашивают: «В каком смысле? Что вы имеете в виду?». С другой стороны, это понятие имеет неоднозначную научную трактовку (Е. К. Войшвилло, Й. Домбровский, Л. М. Васильев). Достаточно тонкими гранями оно соприкасается с такими научными конструктами, как «понятие», «концепт» и «значение».

Понятие и смысл, являясь однопорядковыми по своей сути явлениями, различаются степенью абстракции: смысл – это более абстрактный конструкт уже потому, что понятие отражает существенное, главное в самом предмете, а смысл – разнообразные связи между сторонами как одного предмета или действия, так и между отдельными предметами объективного мира. Для смысла нужна предикация, формирующая классы понятий.

Ух, матушка святая Русь (Н. С. Лесков, «На ножах»).

Но на Руси испокон веку почитается та красота, которая украшается душой (В. Распутин, «Новая профессия»).

Велика матушка-Русь! (В. Шукшин, «Печки-лавочки»).

Русь моя... жизнь моя... долго ль нам маяться? ..(А. Солженицын, «В круге первом»).

Великая, светлая, чистая помыслами – Русь (В. Крупин, Выбранные места из дневников 70-х гг.).

В каждом из приведённых речевых контекстов понятие «Русь» подвергается следующим смысловым вариациям.

Русь – святая – ‘оплот христианской веры’.

Русь – красота – ‘русская икона, церковное зодчество, красота богослужения; стремление к добру как высшему благу’.

Русь – матушка – ‘забота о русском народе’.

Русь – жизнь – ‘деятельность, совершаемая с молитвой; мучения, которые сделали Русь святой’.

Русь – великая, светлая, чистая – ‘служение идеалам добра, нравственности и справедливости’.

В таких контекстах происходит «реинкарнация» тех смыслов, из которых собственно и возникло когда-то понятие «Русь». В связи с этим выскажем отличительную от устоявшихся канонов лингвопоэтики мысль: контексты не реализуют значения слов. Они являются условием их объективации.

¹ Опубликовано в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы по Госконтракту П 1306.

Смысл отличается от значения тем, что он целостен, имеет «отношение к ценности — к истине, красоте и т. п.». Смысл не существует без «ответного понимания, включающего в себя оценку» [1, с. 322]. Смысл всегда кто-то открывает, находит, распознает. Смысл подразумевает наличие воспринимающего сознания и его носителей: конкретных деятелей, коммуникантов. *Этим смысл отличается от понятия.*

Необходимость сосредоточения внимания на стадиях формирования понятия обуславливается тем, что выделенные в познаваемом объекте свойства и признаки становятся элементарными смыслами значений (семами) тех языковых знаков, при помощи которых закрепляются в нашем сознании предметы познания и отношения между ними. На этом основании делаются выводы о механизме «формирования понятия в тех или иных языковых формах». Они, по мнению Н. Н. Болдырева, «составляют смысл соответствующих языковых выражений» [2, с. 16].

С появлением когнитивной лингвистики возникла необходимость выяснить соотношение смысла, значения и концепта. Ролан Барт, например, считает их тремя самостоятельными элементами семиологической системы, которые, однако, тесно между собой связаны. Так, «третий элемент семиологической системы (значение) представляет собой не что иное, как результат соединения двух первых элементов» [3, с. 46]. Ему придаёт автор особую роль в любом семантическом исследовании, поскольку только он дан для непосредственного наблюдения и восприятия: соединение смысла с концептом образует значение.

В концепт впитывается не сама реальность, а скорее определенные представления о ней, при переходе от смысла к слову (знаку) образ теряет какое-то количество знаний, но зато вбирает в себя знания, содержащиеся в концепте. На самом деле, представления, заключенные в мифологическом концепте, являются смутным знанием, сформировавшимся на основе слабых, нечетких ассоциаций. Барт Р. настоятельно подчеркивает открытый характер концепта; это никоим образом не абстрактная, стерильная сущность, а скорее конденсат неоформившихся, неустойчивых, туманных ассоциаций; их единство и когерентность зависят, прежде всего, от функции концепта.

В свете сказанного, считаем необходимым сформировать в лингвопоэтике и представление о смысловом содержании поэтической прозы, которое «обуславливается внелингвистическим контекстом, связанным с речемыслительной деятельностью и коммуникацией» [4, с. 288]. Если отталкиваться от наиболее известных подходов к пониманию смыслового содержания, то можно получить три варианта осмысления сущности смыслового содержания текста, созданного в жанре поэтической прозы.

1. Если смысл текста сводить к денотации, то его смысловое содержание будет представлять собой иерархия тем и подтем (аспект семантики текста). При этом тема связывается непосредственно с коммуникативной сущностью произведения как целого.

2. Смысловое содержание текста – иерархия коммуникативных программ: предикаций первого, второго и т. д. порядков передачи авторского замысла.

3. Смысловое содержание текста – многоуровневая структура, обусловленная рядом экстралингвистических факторов.

С коммуникативно-прагматической точки зрения «тема есть некоторая установка, которой подчинены все элементы произведения, некоторая интенция, реализуемая в тексте». При таком подходе тема связывается со смысловой целостностью текста, которая может быть названа «семантическим пространством текста». Тема и подтема в такой интерпретации оказываются своеобразным «семантически концептом текста», представляющим в силу своей «глобальной когерентности» «макропропозицию текста» см.: [5; 6, с. 117 – 126]. В первом варианте тема, интерпретируемая в аспекте смысловой целостности текста, представляет собой (1) ментальное, интеллектуальное образование, концентрация и абстрагированное содержание текста, которое (2) реализуется через иерархию его частных тем.

Итак, концепт – это динамическая когнитивная модель, отображающая структуру смысла в сознании индивида. Смысл – соотносимое с определённой реальностью мен-

тальное содержание, связывающее когнитивное и языковое сознание. Отсюда вытекает основополагающий для нашей концепции вывод: концепт, смысл и значение – это разные уровни смыслового содержания текста поэтической прозы, благодаря которым возможно видение ценностно-смысловой панорамы текста. Такого рода панорама реконструирует картину мира как действительность и раскрывает образы культурной памяти как интерпретирующую категорию когнитивной лингвопоэтики. В достоверности нашего утверждения убеждает общая схема генетической связи концепта и внутренней формы слова.

Напряжение, возникающее между внутренней формой слова и его основным значением поддерживается импликационалом художественного концепта, который одновременно содержит:

- а) «общую идею» некоего ряда явлений в понимании определенной эпохи;
- б) этимологические смыслы, сохраняющиеся во внутренней форме слова.

Такого рода этимологические смыслы «подсказывают» языковому сознанию, каким образом происходит зарождение общей идеи во множестве единичных явлений, обозначаемых в текстах поэтической прозы разными словами.

В наших рассуждениях художественный концепт – одновременно и индивидуальное представление и общность. Такое понимание художественного концепта сближает его с художественным образом, заключающим в себе обобщающие и конкретно-чувственные моменты. Смысловое колебание между понятийным и чувственно-образным полюсами делает художественный концепт гибкой, универсальной структурой, способной реализовываться в дискурсах разного типа.

Смысловое содержание лиропрозаического текста является многоуровневым. В нём раскрываются интенции эготопа в соотношении с экстралингвистическими знаниями, вербализованными имплицитными смысловыми вариациями, которые раскрывают макроконтекст как контекст культуры и микроконтекст как контекст конкретного образа. Именно в совокупности этих компонентов раскрывается смысловое содержание поэтической прозы. Ср.: 1) *Подсолнечники над плетнями и рвами, и соломенный навес чисто вымазанной хаты, и миловидное, красным ободком окружённое окошко... Ты, древний корень Руси, где сердечней чувство и нежней славянская природа!* (И. А. Бунин, «Жизнь Арсеньева»); 2) *Русь Твоей Милостью, Господи, рождает дивную красоту* (В. Распутин, «Новая профессия»).

Для русской поэтической прозы концепт *Русь* является базовым.

В Большом словаре крылатых слов русского языка зафиксирована фраза, которой раскрывается загадочность и непостижимость России [7, с. 432]: *Русь, куда ж несёшься ты? Дай ответ. Не даёт ответа.*

Для понимания смыслового содержания поэтической прозы представляет интерес не только крылатое выражение, но и весь лиропрозаический контекст:

Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несёшься? Дымом дымитесь под тобою дорога, гремят мосты, всё отстаёт и остаётся позади. Остановился поражённый божьим чудом созерцатель...

Русь, куда ж несёшься ты? Дай ответ. Не даёт ответа. Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо всё что ни есть на земле, и, косясь, посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства (Н. В. Гоголь, «Мёртвые души»).

В приведённом примере концепт «Русь» наполняется такими смыслами:

1. *Русь – ‘божье чудо’;*
2. *Русь – ‘величие державы’;*
3. *Русь – ‘передовая страна, указывающая путь другим народам и государствам’.* Следует подчеркнуть, что такая интерпретация имеет и добавочные смыслы: избранность здесь понимается не как противопоставление другим народам, а как особая миссия духовного совершенства.

Именно вариация и интерпретация смыслов составляет целостную лингвопоэтическую структуру текста. Смыслы высказываний и смысл текста, отмечает

Г. В. Колшанский, «представляют собой единство и цельность, в рамках которого семантика отдельных языковых единиц составляет лишь часть этого целого. Семантическая дискретность текста есть его смысловое структурирование, а не сумма отдельных значений единиц... Элементарные значения отдельных единиц есть результат структурирования тотального смысла высказывания (текста)» [8, с. 55].

*Помню **крещенские морозы**, наводившие мысль на **глубокую древнюю Русь**, на те **стужи**, от которых «земля на сажень трескалась», тогда над белоснежным городом, совершенно потонувшим **в сугробах**, по ночам грозно горело на чёрно-воронёном небе белое созвездие Ориона... (И. Бунин, «Жизнь Арсеньева»).*

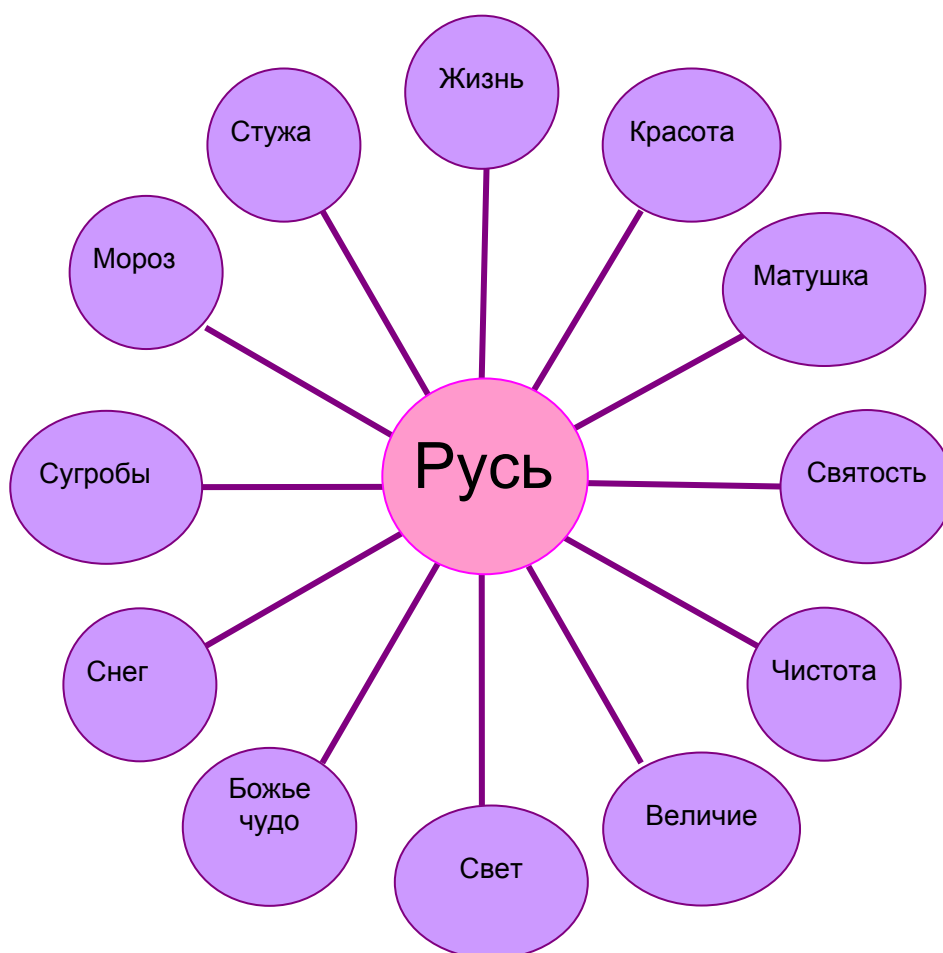
*Необыкновенно приятно смотреть на мелькающий в воздухе **снег: настоящей Русью пахнет!** (И. А. Бунин, «Новая дорога»).*

Авторские смыслы в текстах поэтической прозы репрезентируют языковую личность автора, выявляют панораму смысловых вариаций, например, в приведённых контекстах **Русь** раскрывается через концепты **Крещенские морозы**, **Стужа**, **Сугробы**, **Снег**, но внутренняя форма здесь «представляет собой сугубо индивидуальный способ, посредством которого народ выражает в языке мысли и чувства. Она не подлежит строгому чёткому определению и в этом смысле она абстрактна, но проявляется в каждом акте речи, и в этом смысле она конкретна» [9, с. 59]. Внутренняя форма слова есть «отношение содержания мысли к сознанию», то есть именно она показывает, «как представляется человеку его собственная мысль» [10: 98].

*Чуть не десять лет тому назад поставил я эпиграфом к своим **рассказам о народе, о его душе** слова Ивана Аксакова: «Не прошла ещё **Древняя Русь!**» Правильно поставил (И. А. Бунин, «Окаянные дни»).*

Размышляя о внутренней форме языка в интерпретации В. Гумбольдта, Г. Г. Шпет приходит к выводу, что без внутренней формы нет не столько слова, сколько его значения, то есть осмысленного слова. Сфера внутренних форм и сфера значений взаимно покрывается, но формы и значения не составляют одного и того же. Благодаря форме происходит понимание, а значение – суть само понимаемое, и именно в этом синтезе они составляют единое. *Понятие*, как средство понимания, не есть значение в собственном смысле, а есть *оформленное* значение. «Внутренняя форма слова», как понятие, не есть само значение, а некоторое *отношение* между терминами в корреляции: *слово – значение*. Рассматривая, как воспринимается слово, значение и концепт, Д. С. Лихачёв указывает на роль человека, который формирует смысловое содержание, и приходит к выводу: «потенциал концепта тем шире и богаче, чем шире и богаче культурный опыт человека» [11, с. 151]. У каждого человека, отмечает автор, свой, индивидуальный культурный опыт, запас знаний (памяти, ассоциаций Е. О.), которыми определяется богатство значений слова и богатство концептов этих значений [11, с. 151]. Значение слова, указывает Л. С. Выготский, есть феномен мышления лишь в той мере, в какой мысль связана со словом и воплощена в слове, и обратно: оно есть феномен речи лишь в той мере, в какой речь связана с мыслью и освещена ее светом. Оно есть феномен словесной мысли или осмысленного слова, оно есть единство слова и мысли [12, с. 277]. В слове, указывает А. Белый в статье «Магия слова», заключено первородное творчество; «слово связывает бессловесный, незримый мир, который роится в подсознательной глубине моего личного сознания с бессловесным, бессмысленным миром, который роится вне моей личности. Слово создаёт новый, третий мир – мир звуковых символов, посредством которого освещаются тайны вне меня положенного мира, как и тайны мира, внутри меня заключённые» [13, с. 131]. Слово в поэтической прозе, извлечённое из авторского сознания, наполненное индивидуальными смыслами и создаёт тот третий мир, раскрывающий тайны действительности, «внутри меня заключённые. Процесс передачи художественной информации, отмечает Ю. М. Лотман, двойствен. «В истоке его – то, что можно назвать смысловым взрывом: нечто, доселе неизвестное, при яркой вспышке неожиданного и непредсказуемого смещения делается ясным и очевидным. Затем наступает превращение взрыва в

текст, который передаётся аудитории. Таким образом, культура включает в себя непрерывный динамический процесс, смысловое возрождение и перерождение. Механизм его и есть искусство» [14, с. 103]. В системе смыслопорождающих механизмов поэтическая проза занимает особое место, своеобразие которой заключается в том, что концептуальные лакуны здесь имеют бесконечные смысловые вариации, которые связаны с отражением эго-восприятия действительности, так как в фокусе внимания текстов поэтической прозы находится человек – носитель мыслей и чувств культурного универсума. А культурные смыслы ментальных объектов, проникая во внутренний мир человека, формируют авторские, личностные смыслы, именно поэтому каждый из авторов поэтической прозы создаёт свой, собственный мир смыслов, репрезентирующий ценностно-смысловую сущность произведений этого жанра.

Смысл, подчёркивает Н. Ф. Алефиренко, – категория личностная, ситуативная; смысл подвижен и изменчив от эпохи к эпохе, от человека к человеку, от текста к тексту. Значение – категория общественная, стабильная, постоянная часть содержания языкового знака. Носителями смысла являются не только языковые формы, но и другие составляющие речепорождающего процесса (мотив, коммуникативное намерение, замысел, внутреннее программирование – смысловое синтаксирование, субъектно-предикативно-объектные отношения и ситуация общения). См.: [15, с. 221].

Смысловое содержание поэтической прозы составляют смыслы человеческой жизни. В монографии «Культура как система» А. А. Пелипенко и И. Г. Яковенко отмечают, что законы смыслообразования и оформления, закрепления и трансляции смыслов есть первичное основание всех бесчисленных феноменов, совокупно образующих культурный универсум. См.: [16, с. 81].

И глубокая тишина вечера, стени, глухой Руси царила надо всем (И. А. Бунин, «Суходол»).

Русь, древняя Русь! И слёзы радости и силы, искажающей всякую картину до противоестественных размеров, застилали глаза...

Вспомнил отца, детство... «Русь, Русь! Куда мчишься ты?» (И. А. Бунин, «Деревня»).

Смысловое содержание поэтической прозы зиждется на синтезе индивидуального и универсального. «Русь, создавшая замечательное зодчество (к тому же чрезвычайно разнообразное по своим стилевым особенностям), высокую хоровую музыку, красивейшую церковную обрядность, сохранившую ценнейшие реликты религиозной древности, прославленные фрески и иконы, но не знавшая университетской науки, представляла собой просто особый тип культуры с высокой религиозной и художественной практикой» [17, с. 4].

Для Руси традиционным было жизнь духа ценить выше жизни тела (И. Архипова, «Музыка жизни»).

В Большом словаре крылатых слов и выражений авторы определяют сочетание **Русь уходящая** как символ русской старины, дореволюционных сословий России, сметённых революцией, гражданской войной и репрессиями 1930-х годов. Данное толкование вытекает из информации об источнике крылатого выражения: Название картины известного русского художника П. Корина, на которой он пытался запечатлеть исчезающую духовность России. Сам автор рассматривал своё произведение как реквием по русскому православию. На полотне изображены знаменитые иерархи русской церкви, простые священники, монахи [7, с. 432].

В пространстве поэтической прозы все формы представления являются «модулями духовного образования», знаками, репрезентирующими нравственное самосовершенствование человека [15, с. 63].

В поэтической прозе смысловое содержание отражено во всей культурной эпохе, в которой, по мнению Ю. М. Лотмана, отражается синтез факта и смысла, а «понять смысл, значит понять язык» [14, с. 28]: *А вечером – в синих прорезах сорока колоколен качнутся разом все колокола, и над городом, над рощами, над водой, над полями, над странниками на дорогах, над богачами и пропойцами, над грешными по-человечьи и по-травяному безгрешными – над всеми расстелется колокольный медный бархат, и всё умягчится, затихнет, осядет – как в летний вечер пыль от тёплой росы* (Е. Замятин, «Русь»).

Смысловое содержание поэтической прозы пронизано духовной жизнью народа, тесно переплетено с духовным развитием человечества и сопутствует ему на каждой ступени его локального прогресса или регресса, отражая в себе каждую стадию культуры [9, с. 48]. В центре смыслового содержания поэтической прозы сосредоточена православная, духовная, нравственно-чувственная картина мира, вербализованная в фокусе эготопа, вот почему она проникнута духовной синергией. Декан Свято-Владимирской Духовной семинарии протопресвитер Александр Шмеман в работе «Почитание Божией Матери», размышляя о духовном значении праздников Церкви, подчёркивает: «даже названия праздников – Введение во храм, Рождество, Богоявление, Сретение, Преображение – даже эти слова своей торжественностью, инаковостью по отношению к действительности, таинственной красотой своей о чём-то напоминали... Праздник – это был как бы вздох человека о какой-то утраченной, но манящей красоте...» [18, с. 18].

Ключевые события действительности в произведениях поэтической прозы сконцентрированы на церковных праздниках, и это не случайно: каждый день календарного года посвящается какому-либо священному событию, празднованию памяти святых или прославлению чудотворных икон Пресвятой Богородицы.

Праздник! Святое слово... Как бы мы, верующие, жили здесь без этих праздников, как бы пуста и безотраднa показалась нам жизнь, посреди всей её суеты!

Русский человек всю свою жизнь, всё своё рабочее время привык измерять по праздникам церковным. Русская душа отдыхает и радуется в церковный праздник, и благо тому, кого благочестивые родители с детства приучили чтить праздник, с радостным чувством ждать его и услаждать его освящающею и возвышающею силой.

... праздник сам собою постепенно **вступает в душу, озаряя её тихим светом благодати...** (К. П. Победоносцев, «Праздники»).

В лирическом повествовании божественное описано через призму человеческого, через призму сознания и восприятия эгогопа и эпохи, в которую творили авторы поэтической прозы.

Толковый словарь библейских выражений и слов приводит следующее значение:

Святая Русь. Россия как совокупность её святынь, средоточие святости [19, с. 411].

Под куполами с крестами проходила вся жизнь на Руси. А само понятие «Святая Русь» – это не что иное, как **идеал**, потому что на Руси главенствующей идеей, самым важным, значительным была **духовная жизнь**.

Духовные ценности раскрываются в возвышенных ракурсах («Русь – идеал»), так как целью жизни в текстах поэтической прозы является совершенствование и преображение души.

Анализируя религиозную лексику, К. А. Тимофеев приходит к выводу, что слова *дух*, *душа* обозначали нечто, подобное воздуху, нечто материальное, но очень лёгкое, похожее на пар или дым. Возможно, предполагает автор, такое представление о жизненном начале человека возникло в результате наблюдений над умирающими людьми: с последним вздохом/выдохом уходит жизнь, поэтому душа и олицетворяет то, что похоже на этот выдыхаемый воздух. Постепенно меняется взгляд на природу духовного начала человека, в настоящее время словари дефинируют лексему *душа* как нематериальную сущность, относящуюся к духовному. Ср.:

Душа радуется посту!

На душе у меня радостное и тихое, и хочется почему-то плакать (И. С. Шмелев, «Лето Господне»).

Сад через стёкла – разноцветный: и синий, и золотой, и алый.. и так-то радостно на душе, словно мы в рай попали (И. С. Шмелев, «Богомолье»).

Вишня цветёт – душа радуется; яблоня в розовом цвете – любо глядеть (Б. Екимов, «Память лета»).

Недалёко ходить, найдутся люди, что постом и молитвой низведут на тебя и на весь дом твой божие благословение, умолят о вечном спасении души твоей (П. И. Мельников-Печерский, «В лесах»).

В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова находим следующие значения, характерные для поэтической прозы.

Душа – 1. Внутренний, психический мир человека, его сознание **Душа радуется, на душе радостно.**

2. В религиозных представлениях: сверхъестественное, нематериальное бессмертное в человеке, продолжающее жить после его смерти **Бессмертная душа, мать о спасении души.**

В книге «Смысл творчества» Н. А. Бердяев, цитируя Брамана Чаттерджи, отмечает: наше человеческое самосознание сольётся с нашим божественным Его, которое и есть истинная бессмертная душа человека [20, с. 397].

Поскольку внутренний мир человека моделируется по образцу внешнего, материального мира, отмечает Н. Д. Арутюнова, основным источником психологической лексики является лексика, используемая во вторичных, метафорических смыслах.

«Отбор предикатов для сообщений о психической сфере обычно диктуется тем общим образным рядом, на основе которого воссоздаётся духовная жизнь людей» [21, с. 387].

Глаза человека – это есть вывеска души (Н. С. Лесков, «Заячий ремиз»).

Я беззаветно предал всю мою душу моей матери, небесный образ которой безвыходно живёт в моей душе.

Схоронила на дне души всю безмерную материнскую скорбь (Н. С. Лесков, «Детские годы»).

В душе что-то болталось туда и сюда (Н. С. Лесков, «Зимний день»).

Его стала любить моя душа за искренние порывы, свидетельствующие о несомненном благородстве его природы (Н. С. Лесков, «Чертовы куклы»).

Смысловое содержание поэтической прозы через призму обращения к религиозным и духовно-нравственным сторонам человеческого чувства позволяет определить когнитивно-культурологическую специфику произведений как проблему лингвопоэтики, обладающую интегративным замыслом, который раскрывается в эго-топе – организующем центре лингвопоэтического повествования, являющимся «фокусом целого текста» [22, с. 59]. Контексты поэтической прозы не создают какие-то особые значения слов, они являются условием их объективации, а своеобразие порождения смыслов зависит от характера концептуальных лакун, формирующих авторское ценностно-смысловое содержание лиропоэтического текста.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Изд. 2-е / Сост. С. Г. Бочаров. – М.: Искусство, 1986. – С. 322.
2. Болдырев Н. Н. Концептуальные структуры и языковые значения // Филология и культура. Материалы международной конференции 12 – 14 мая 1999 г. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 1999. – С. 62 – 69.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Изд. Группа «Прогресс», «Универс», 1989. – 615 с.
4. Баженова Е. А., Котюрова, М. П. Смысловая структура (смысл) текста // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 388 – 391.
5. Москальская О. И. Грамматика текста – М.: Высшая школа, 1981. – 183 с.
6. Черняховская Л. А. Смысловая структура текста и ее единицы // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 117 – 126.
7. Берков В. П. Большой словарь крылатых слов русского языка. – М.: АСТ, Астрель, Русские словари, 2005. – 623 с.
8. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. – М.: Наука, 1980. – 149 с.
9. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Наука, 1984. – 400 с.
10. Потебня А. А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.
11. Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. В. П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 280 – 287.
12. Выготский Л.С. Мышление и речь. Изд. 5. – М.: Издательство «Лабиринт», 1999. – 352 с.
13. Белый А. Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994. – 528 с.
14. Лотман Ю. М. Непредсказуемые механизмы культуры. – Таллинн: TLU Press, 2010. – 232 с.
15. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: Ценностно-смысловое пространство языка. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
16. Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 376 с.
17. Лихачёв Д. С. О русской интеллигенции // Новый мир. – 1993. – № 2. – С. 3 – 9.
18. Шмеман А. Православные праздники. – Кострома: Авенир-Дизайн, 2002. – 392 с.
19. Мокиенко В. М. Толковый словарь библейских выражений и слов. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 639 с.

20. Бердяев Н. А. Смысл творчества. – М.: АСТ, 2010. – 416 с.
21. Арутюнова Н. Д. Образ (опыт концептуального анализа) // Референция и проблемы текстообразования. – М.: Наука, 1988. – С. 117 – 129.
22. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.

MEANING CONTENT OF LINGUOPOETIC TEXT AS A PROBLEM OF COGNITIVE LINGUOPOETICS

E. G. Ozerova

*Belgorod National
Research University*

e-mail:

Ozerova @bsu.edu.ru

The article considers the meaning content of poetic prose through the prism of religious and spiritual-moral sides of human feelings. That helps one define the cognitive-culturological peculiarity as a problem of linguoetics which has an integrative intention revealed in egotope – the centre of linguoetic narration.

Key words: poetic prose, meaning content, egotope.

УДК 811.161.1'373.4

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ТВОРЧЕСТВЕ ВАСИЛИЯ КАМЕНСКОГО

Л. И. Плотникова¹⁾**Д. В. Халявина**²⁾

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail:

¹⁾ *Plotnikova@bsu.edu.ru*

²⁾ *d.khalyavina@mail.ru*

Индивидуально-авторские новообразования поэта-футуриста В. Каменского рассматриваются в функции языковой игры. Основное внимание уделено видам языковой игры и способам обыгрывания структуры словообразовательных единиц.

Ключевые слова: языковая игра, индивидуально-авторские новообразования, креативные способности языковой личности.

Изучению языковой игры как лингвистического феномена посвящены работы Т. А. Гридиной, В. З. Санникова, Г. О. Винокура, Е. А. Земской, Т. Д. Брайниной, Л. Н. Фоминой и др. Сопоставив различные толкования языковой игры, можно выделить основные признаки, характерные для данного явления. **Языковая игра** – это форма речевой деятельности человека, способ выражения личности языковыми средствами, в котором проявляется её индивидуальный стиль и в котором «языковая личность реализует свои лингвокреативные способности» [7, с. 6]. Основная ее цель – достижение психологического и эстетического эффекта в сознании человека.

Многозначность слова, непредсказуемость его значения, его ассоциативные связи с другими словами оказываются в центре внимания автора и являются основным стимулом к творчеству. Слово для писателя «не является носителем определённого, самостоятельного значения, оно, скорее, находится на пересечении разных значений, что позволяет давать ему разнообразные толкования» [1, с. 277]. Языковая игра является универсальным процессом, который реализует креативное мышление человека. Она предполагает эксперимент, деятельность с установкой на творчество, результатом которой, как правило, является нарушение языковых стереотипов, литературной нормы. Таким образом, одним из основных условий существования языковой игры является осознанное отступление от нормы, от общепринятого со стороны обоих участников коммуникативного акта – пишущего и читающего. «Именно намеренность и осознанность позволяют отклонению от нормы стать языковой игрой» [7, с. 164]. По мнению В. З. Санникова, языковая игра – это некоторая языковая неправильность, осознаваемая говорящим (пишущим) и намеренно им допускаемая. При этом слушающий (читающий) должен понимать, что «нарочно так сказано», иначе он оценит соответствующее выражение просто как неправильность или неточность [6, с. 23]. Вообще же, по мнению исследователя, языковая игра – один из путей обогащения языка, она развивает мышление и язык.

Одним из ярких примеров удачного использования индивидуально-авторских новообразований в функции языковой игры в поэтическом тексте является творчество поэта-футуриста Василия Каменского (1884-1961). Он известен как мастер «самовитого» слова, который стремился выйти за пределы традиционного поэтического словаря, обогатить его новыми средствами выразительности, которые отражали бы авторское видение мира и были бы адекватно восприняты читателем. Поэтический идиолект Василия Каменского во многом опирается на языковой эксперимент – эксперимент с формой, звуком, смыслом.

Исследователи языковой игры сходятся во мнении, что она включает в себя следующие виды (Т. Д. Брайнина, В. З. Санников, Л. Н. Фомина):

1. Создание новообразований – окказиональных или потенциальных слов, обыгрывание их структуры.
2. Концентрацию на большом пространстве текста одноструктурных или однокоренных слов.
3. Актуализацию контраста между морфемами или моделью и её наполнением.
4. Изолированное употребление аффикса.
5. Псевдовосстановление производной основы.
6. Субституцию и контаминирование.

Наиболее ярко и полно языковая игра проявляется в поэтическом словотворчестве, поскольку морфемная структура лексемы позволяет увидеть те словообразовательные средства, при помощи которых создана единица, проследить схему её построения, выявить производящую базу, сопоставить словообразовательное значение формантов и лексическое значение слова.

Выделяют два основных способа обыгрывания структуры словообразовательных единиц:

- 1) переосмысление словообразовательной структуры слов, уже существующих – реализация словообразовательной модели (Ср.: подводница – подводить, не выполнять обещаний);
- 2) создание новых слов, нарушение и обыгрывание словообразовательных моделей, «несоблюдение правил сочетаемости основ со словообразующими аффиксами, в сочетании того, что по разным причинам признается узуальным словообразованием несочетаемым» [6, с. 146].

Наши наблюдения свидетельствуют о том, что Василий Каменский в своём поэтическом творчестве редко использует первый способ – переосмысление словообразовательной структуры уже существующих слов. Нами обнаружены лишь отдельные примеры (ср. проветрить (помещение), кует (железо) и наклонение (глагола)): *Даже ветер-разгайло с растянутым воротом/ Куда-то **проветрил** в лесистую падь./* (Печаль лебединая, с. 34):

*Згу везут в цистернах из Баку
по безбережью дымных дум
в лесу **кует** кукушка – Ку
весенней нефтью пахнет шум...
(Ба-ку-ку, с. 31)*

*На полянах
Босоногая девушка
Собирает святую
Траву Богородицы.
В наклонениях стана
В изгибности рук –
Будто песня.
(Поэзия о соловье, с. 28)*

Второй способ обыгрывания структуры словообразовательных единиц используется В. Каменским значительно чаще. Одним из излюбленных приемов поэта является обыгрывание словообразовательных моделей.

В стихотворении «Ночка» автор показывает, как можно экспериментировать со словообразовательной структурой слов. В. Каменский сначала предлагает читателю слово, а затем показывает возможный вариант его образования (сращение): *звениночка – ночка звени*. Повторение одной модели построения слов – *звениночка, любиночка, летиночка, цветиночка* – наталкивает на мысль о другом способе деривации, не сращении, а суффиксации – основа глагола + *-(ин)очк-* :

*Звениноча –
Ночка
Звени.
Любиночка
Ночка
Люби.*

*Летиночка –
Ночка
Лети.
Цветиночка –
Ночка
Цвети.
(Ночка, с. 41 – 42).*

Стихотворение «Четыре времени (Девушки босиком)» построено на обыгрывании словообразовательных моделей. В основе поэтического текста лежит принцип – все слова, использованные в стихотворении, представляют собой комбинацию реальных корней и аффиксов (песн- + -(и)ян,-янн, -янк). Повтор обнажает структуру и создает определенный ритм. Узуальное слово – название времени года – служит стимулом и отправной точкой для развития потока авторских ассоциаций. Каждому времени года Каменский дает образную характеристику, наделяя его символическим смыслом: весна – *песнянка*, лето – *осмеянка*, осень – *окаянка*, зима – *одеянка*. В контексте поэтического творчества В. Каменского понятия «песня» и «весна» взаимосвязаны; поэтому их сопоставление неудивительно. *Осмеянка* у поэта – не та, которая подвергается злой насмешке, высмеивает, а та, которая смеётся, веселится, *окаянка* – от *окаанный* – очень плохой, неприятный в каком-либо отношении, *одеянка* – та, что одета. Отчасти такое понимание времен года связано с народной культурой. Смена строф и последовательность окказионализмов в каждой из них отражает течение времени и его связь с ритмом человеческой жизни.

*Весна: Песнянка
Песнянная
Песнянных
Песнян...*

*Осень: Окаянка
Окаянная
Окаанных
Окаян*

*Лето: Осмеянка
Осмеянная
Осмеянных
Осмеян...*

*Зима: Одеянка
Одеянная
Одеянных
Одеян.*

(Четыре времени, с. 4 – 5).

Надо отметить, что Василий Каменский в своей поэтической практике не использует злую иронию и насмешку. Языковая игра предстает как эксперимент с формой, с содержанием (напомним, что один из принципов футуризма - передача нового смысла новой формой).

Поэт играет со словом, демонстрируя деривационные возможности слов и словообразовательные средства, находящиеся в его распоряжении. У В. Каменского есть произведения, в которых художественная экспрессия основана на словообразовательном эксперименте, а само стихотворение представляет собой концентрацию однокоренных или одноструктурных элементов.

Стихотворение «Ночь-Утро-День-Вечер» представляет собой ряд цветовых, смысловых и звуковых ассоциаций, соотносящихся с определенным временем суток. В данном стихотворении последовательность смены времени суток отражена уже в названии «*Ночь-Утро-День-Вечер*», каждому соответствует определённый цвет и определённый звук: ночь – синий – *элн*, утро – розовый – *э*, день – жёлтый – *и*, вечер – фиолетовый – *иолн*. Кроме того, помимо явных новообразований поэта – *грустинка*, *венчальность*, *прощальность*, есть и скрытые – соединяя отдельные части в строке

получаются новые новообразования: *синесказка, розотравинка, солнцепоток...* создается впечатление, будто В. Каменский «скрывает» новые слова за формой – дефисным написанием.

Сине – Элн – глазка
Сине – Элн – сказка
Сине – Элн – ласка
Сине – Элн – ток

И – солнце – сияние
И – солнце – слияние
И – солнце – стояние
И – солнце – поток

Э – розо – росинка
Э – розо – травинка
Э – розо – грустинка
Э – розо – исток

Ф – Иолн – печальность
Ф – Иолн – венчальность
Ф – Иолн – прощальность
Ф – Иолн – ток

(Ночь-Утро-День-Вечер, с. 81).

Прием нагнетания однокоренных слов использован Василием Каменским в стихотворении «Лечу», в котором поэт использует тринадцать слов с корнем *–лет–*, одиннадцать из них – индивидуально-авторские новообразования. В результате возникает образ свободно летящего субъекта, который наслаждается свободой, которую дает полет:

Лечу над озером
Летайность совершаю
Летивый дух
Летит со мной.
Летвистость в мыслях
Летимость отражаю –
Леткий взор глубок
Лет верен и устойчив
Летокеан широк.
Летистинная радость
Летисто улетать
Летистинною весной.
(Лечу, с. 32).

Одним из основных приёмов языковой игры в творчестве В. Каменского является использование окказиональных способов словообразования. Контаминация и междусловное наложение, по мнению Н. А. Николиной, являются основными средствами словообразовательной игры, так как, «вступая в нее, автор учитывает несколько факторов: звуковую форму объединяемых компонентов, их ассоциативные возможности и коннотацию, в итоге реализуется прагматическая функция слова» [4, с. 313].

Например, в стихотворении «Прибой в Сухуме» В. Каменский использует контаминированные образования *звукор* и *звукань* для создания сложных образов: песня уподобляется ткани из звуков (нити переплетаются в ткани, звуки – в песне) – *звукань*.

Берег – бисер ковер.
Море – синяя ткань.
*Каждый камень – **звукор**.*
*Моя песня – **звукань**.*
(Прибой в Сухуме, с. 125).

Совмещая в одном индивидуально-авторском новообразовании несколько способов словообразования, (междусловное наложение и сращение) В. Каменский добивается того, что однословное наименование заменяет описание целой ситуации: *Рекачкачайка* (Рекачкачайка) (наложение и сращение: река-качка-чайка – одной номи-

нацией передано описание прогулки на пароходе). Следующий случай вызывает интерес по нескольким причинам. Во-первых, само по себе стихотворение представляет сложное многозначное новообразование, во-вторых, в сборнике 1916 г. оно напечатано с учётом орфографии того времени, то есть: «*Золоторозсыпьювиночь*» (Золоторозсыпьювиночь), а в сборнике 1966 г. оно напечатано с учётом реформы орфографии: «*Золотороссыпьювиночь*» (Золотороссыпьювиночь). Отсюда возможны две трактовки индивидуально-авторского новообразования – описание картины свидания (золотороз – сыпь – пью – вино – ночь) и описание звездной ночи (золото россыпью (звезды), пью вино и ночь).

Использование словосложения с установкой на языковую игру свидетельствует о творческом подходе к применению языковых средств. В данном случае языковая игра представляется и средством создания новых смыслов, новых ассоциативных связей между смыслами слов и новых образов. Например: **Комитрагический**/ *Моей души вой/ Разливлен, будто на Каме пикник,/ Долго ли буду/ Стоять я живой –/ Из ядреного мяса памятник// (Иронически памятни, с.89). Солнцекатятся песни из Дальни/ В семицветных лучах кимано./ На тропическом острове Пальмии/ Из орехов глотаю вино// (Вино, с. 36, сб. 16). Я – КТО – я/ Я – вроде **небожаворонка**/ Над втишине полями/ СЛУШАЙ ЧЕТКО/ Я звеню солнцелучами// (Кто Я, 17).*

Анализ языкового материала позволяет говорить о том, что Василий Каменский довольно часто использует *игру с семантикой звука*, которой увлекались поэты-символисты и футуристы. Е. Н. Петрова отмечает, что «игра звуками, создание образа из звукового ряда и ритма, абсолютная нетрадиционность поэтической формы – отличительные черты русского футуризма» [5, с. 5]. И. С. Заярная, Н. Ф. Федотова отмечали, что футуристы составляли своеобразные «парадигмы слов, основанные на актуализации семантики звука и буквы (в том числе и её графического начертания), корня и слова» [2, с. 54]. Интересно, что в ряд слов, в фонетическом облике которых присутствует звук, порой даже сочетание звуков, которое становится предметом авторской игры, поэт включает и узуальные и окказиональные образования...

*Сень. Синь. Сан. Сон.
Небесон. Чудесон.
Словолей. Соловей аловей.
Чок-й-чок.
Ей. Лей. Млей. Милей.
Чу сверчок.
Взгам-бара-лязг-взмай.
Ам-ара-язг-май.
(Жонглер, с. 122).*

В. Каменский часто обращался к эвфоническому подбору слов, направленных на одну какую-нибудь букву-звук. Поэт создает целый ряд поэтических текстов, основанных на игре с семантикой звука: «Ч – знак мистический», «Камень», «Жонглёр», «Соловей» и другие. Принцип фонетического созвучия в организации стиха является одним из художественных образных средств. Нагнетание определённых звуков используется для создания необходимого эмоционального настроения. Стихотворение «Ч – знак мистический» представляет собой перечень слов – подбор нарицательных имен, начинающихся на букву «ч» или включающих её в свой состав. Поэт использует слова, содержащие этот звук, пытаясь вызвать определенное настроение звуковыми ассоциациями, эпитет «мистический» не ставит перед читателем задачу поиска смысла, настраивая на слуховое и эмоциональное восприятие, а не на расшифровку значения стихотворного текста:

Вечер Чёрная ночь
 Чёрт – чур-чур –
 Чары чуда
 Чулан-чан
 Чужой чиж.
 Чалма – чарка.
 Свеча и печаль
 И молчаль.
 Четки чай - ки
 Чадра.
 Человек.
 Очи вечность лучей
 Чей журчей
 Я – ничей
 (Ч – знак мистический, с. 54).

В тексте некоторых стихотворений поэтом используется словопроизводственная игра с фигурной формой строф и звукописью («Соловей»). Это не только попытка показать интонационно-логические паузы в стихотворении, но и форма создания таких стилистических фигур, как анафора и эпифора, а также семантизация отдельных звукообразов, а иногда и олицетворение звуков (Ю – воплощение всего юного и образ девушки, для которой творит поэт).

Лучистая,
 Чистая,
 Истая,
 Стая.
 Тая.
 Ая.
 Я.

(Соловей, с. 74).

Юночка
 Юная
 Юно
 Юнится
 Юнами
 Юность в июне юня.
 Ю – крыловейная, песенка лейная,
 Юна – невеста моя.
 Ю – для меня.

(Соловей, с. 71 – 72).

Языковая игра усиливает выразительность речи, создаёт комический эффект, реализует языкотворческую функцию и способствует созданию новых слов, обогащая тем самым язык. Она является средством создания новых смыслов, новых ассоциативных связей между смыслами слов и новых образов, что приобретает особое значение в языке поэзии и может служить отличительной чертой идиолекта художника слова.

Список литературы

1. Брайнина Т. Д. Языковая игра в произведениях Саши Соколова // Язык как творчество. Сб. статей к 70-летию В. П. Григорьева. – М.: ИРЯ РАН, 1996. – С. 276 – 284.
2. Заярная И.С. Игровая поэтика Василия Каменского в зеркале барокко // Литература. – 2005. – № 22 (589). – С. 55 – 62.
3. Каменский В. В. Стихотворения и поэмы. – М.-Л.: Советский писатель, 1966. – 499 с.
4. Николина Н. А. «Скорнение» в современной речи // Язык как творчество. Сб. статей к 70-летию В. П. Григорьева. – М.: ИРЯ РАН, 1996. – С. 309 – 317.
5. Петрова Е. Н. Футуризм в русском изобразительном искусстве // Русский футуризм и Давид Бурлюк, «отец русского футуризма». – СПб.: Государственный русский музей, 2000. – С. 5 – 15.
6. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 544 с.
7. Фомина Л. Н. Типы и функции новообразований в поэзии эгофутуристов: дис. ... канд. филол. наук / Л. Н. Фомина. – М., 2005. – 247 с.

LANGUAGE JOKE IN THE WORKS OF VASILY KAMENSKIY

L.I. Plotnikova¹⁾

D.V. Khalyavina²⁾

*Belgorod National
Research University*

e-mail:

¹⁾ *Plotnikova@bsu.edu.ru*

²⁾ *d.khalyavina@mail.ru*

Author's individual neologisms of the poet-futurist V. Kamenskiy are investigated in the function of language joke. The main attention is drawn upon the kinds and means of language joke with the word-formation elements.

Key words: language joke, author's individual neologisms, creative ability of languages individuality.

УДК 811.161.1'373.4

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИХ СУБСТАНТИВОВ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ СИМВОЛИСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. БЕЛОГО И В. ИВАНОВА)

Ж. Е. Тимашова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
zhannchik1@rambler.ru*

В статье анализируются индивидуально-авторские новообразования, зафиксированные в поэтических текстах Андрея Белого и Вячеслава Иванова, в структурном, семантическом и функциональном аспектах. Лексические инновации рассматриваются как неотъемлемая черта идиостиля поэтов символистского направления русской литературы начала XX века.

Ключевые слова: идиостиль, символизм, индивидуально-авторские новообразования, узуальные, потенциальные и окказиональные способы словообразования.

Одним из ведущих направлений русского искусства начала XX столетия является символизм, поставивший перед собой задачу сотворения новой жизни и нового человека через теургию – «творческую реализацию человеком божественного начала, деятельное уподобление себя Богу-Творцу, Богу-Художнику» [1, с. 74]. Под влиянием подобных философско-эстетических идей формируются особенности языка символистской поэзии: стремление к цветовой и звуковой символике стихотворений, особая ритмика и оригинальное графическое оформление стиха; яркая образность, граничащая со сказочностью и фантастичностью, тенденция к абстрагированию на лексическом уровне, частые стилизации стихотворений; сложность синтаксических конструкций, широкое использование прямой речи персонажей и др.

Наиболее яркой характеристикой идиостиля поэтов-символистов, на наш взгляд, можно считать *индивидуально-авторские новообразования* (далее ИАН) – «созданные автором, не зафиксированные в толковых словарях речевые единицы, не воспроизводимые в общем языке и сохраняющие ощущение новизны» [2, с. 8]. Среди отмеченных нами в поэтических текстах Андрея Белого и Вячеслава Иванова индивидуально-авторских слов особый интерес в связи с заявленными аспектами анализа представляют *имена существительные*, которые занимают одну из ведущих позиций в количественном отношении (около 30 % от общего числа ИАН). Очевидно, столь активное создание субстантивов обусловлено их особой функцией в поэтическом тексте: эта часть речи используется преимущественно для обозначения объектов окружающей действительности и, следовательно, способствует созданию целостной языковой картины мира, отличающейся постоянством и завершённостью. Необычность и точность характеристики, детальность, ёмкость ИАН-существительных обуславливают их преимущество перед словами других частей речи.

Наиболее продуктивным среди *узуальных* способов образования субстантивных инноваций в поэтических текстах Андрея Белого и Вячеслава Иванова является *сложение* (образованные данным способом слова составляют около 48 % от общего количества отмеченных ИАН-существительных). Основная часть таких новообразований представляет собой сложение целых слов, например:

*Как упоителен и жуток
Могильно-зоркий Маскарад,
Загадок-вихрей, вздохов-шуток
Твой жадный шёпот, страстный сад <...>*

«Демоны Маскарада» [Ив., 3, с. 542].

Здесь и далее даются ссылки на собрания сочинений Андрея Белого (Б.) в шести томах и Вячеслава Иванова (Ив.) в четырёх томах. Первая цифра обозначает номер тома, цифры после запятой – страницу.

По справедливому замечанию К.-Х. Лунд, для данной продуктивной модели характерно то, что «входящие в эти образования существительные продолжают выказывать определённую формальную автономность, сохранив свою способность к самостоятельному словоизменению. В то же время на формальное единство сложносоставных существительных указывает наличие одного основного ударения и закреплённый порядок компонентов, что согласно орфографической конвенции отражается наличием дефиса между компонентами. Формальное единство сопровождается смысловым единством, при котором первый компонент является семантически определяемым и несёт основную смысловую нагрузку, а второй компонент является определяющим и выступает как приложение к первому компоненту, привнося дополнительную информацию» [3, с. 373]. Компоненты отдельных сложных ИАН-существительных являются прямым отражением в языке русской культурно-исторической традиции, прошлого нашей страны, ср.:

Тот раб, кто говорит: «Я ныне стал свободным».

Вольноотпущенник, владык благодари!..

*Нет! в узах были мы **заложники-цари**;*

Но узы скинули усилием всенародным «Populus-Rex» [Ив., 2, 253].

Многие ИАН-существительные, созданные способом сложения, представляют собой сложные образования, связанные с христианским самосознанием, например: **сердце-знахарь** [Б., 5, 158], с **души-рабыни** [Ив., 3, 34], **люди-братья** [Ив., 2, 257]. Такие слова проникнуты верой, отличаются необыкновенной внутренней силой, наполнены светом, символическим призывом. Близки к данной группе по семантическим признакам и стилистической функции разнословные сложения, включающие в свой состав устаревшие компоненты, ср.:

Мышц мужеских узлы, рук тяжесть необорных,

И выя во главе, и крепость ног упорных,

*Весь **скимна-отрока** ещё нестройный вид <...>*

«Il Gigante» [Ив., 1, 616].

Подобные ИАН являются языковой реализацией одной из философско-эстетических установок символистов на обращение к христианскому мировоззрению, к православной культуре и религии, являющимся необходимым источником для формирования новой культуры.

Интерес представляют составные наименования, включающие в качестве составляющего компонента имена собственные. В них в качестве определяемого компонента функционируют мифологемы и известные персонажи мировой, преимущественно античной, культуры, например: **Церера-мать** [Ив., 2, 294], **Эрос-жрец** [Ив., 2, 381], **Финиста-птицу** [Ив., 3, 531], **Дант-орёл** [Ив., 2, 449], **Плувий-Юпитер** [Ив., 1, 637]. С помощью подобных номинаций в составе поэтического текста осуществляется «перевод зрительного впечатления в слуховое, интерпретация зрительного впечатления, конкретизация, “картинное” представление сложного понятия» [4: 186].

Нами отмечен факт своеобразного смешения в индивидуальном авторском слове образов христианской религии и античной культуры, ср.:

Любовью ты будешь истекать неисчерпной

К созвездью родному – и влечь – и влечь!

В веках ты поволит венец страстотерпный

***Христа-Геракла** своим наречь! «Хвала Солнцу» [Ив., 2, 230].*

Данное слово содержит «такой набор семантических признаков, который не имеет внутренних логических связей между собой, а существует благодаря одной уникальной реализации в конкретном лице» [4, с. 183]. Можно предполагать, что созда-

ние подобного рода слов обусловлено стремлением поэтов-символистов к возрождению античной культуры в русской атмосфере, а следовательно, к органичному соединению и переплетению сюжетных линий данных культурно-исторических традиций.

Исследуемый языковой материал позволяет заключить, что довольно ярко в поэтических текстах символистов представлены *суффиксальные* субстантивы (более 20 % от общего количества ИАН-существительных). Причём наиболее продуктивными можно считать форманты *-ость*, *-ник/-ниц*, а также *нулевой суффикс*. Как особенность отметим, что большая часть авторских слов с суффиксом *-ость* мотивирована именами прилагательными и выражает значение непроцессуального признака, ср.: «*вдали – бирюзовость*» [Б., 5, 28], «*но всходит выше роковая млечность*» [Ив., 1, 605], «*душа скользит над пленностью земной*» [Ив., 2, 439] и др.

Примечательно, что подобные образования довольно часто используются в сочетаниях с родительным падежом другого существительного, следовательно, на синтаксическом уровне соответствуют атрибутивным конструкциям. Это способствует переносу акцента с предмета на его признак, качество, свойство, что можно считать характерной чертой поэтического языка символистов. Такие ИАН возникают «за счёт окачества прилагательных, их метафоризации», заменяют имена прилагательные [5, с. 130], ср.:

*Благословенны: – жизни ток,
И **стылость** смерти непреложной,
И – зеленеющий листок,
И – ветхий корень придорожный* «Асе» [Б., 6, 84].

Изобилие абстрактных новообразований-существительных в лирике начала XX века (в отличие, например, от поэзии XIX столетия) Н.А. Кожевникова объясняет тем, что «сдвиги в область отвлечённого разрушают слишком грубую вещественность, эффект которой мог бы возникнуть, если бы поэт оперировал только конкретными обозначениями и характеристиками» [6, с. 10 – 11].

К особому словообразовательному типу, продуктивному лишь в художественной речи, можно отнести описанные В.Н. Виноградовой «бессуффиксные существительные женского рода со смягчением или чередованием конечного согласного» [5, с. 136]. Например:

*Играет прах;
Бряцает взмах кадила...
Рой серебра,
Осолнечная **брызнь**...* «Могилы их» [Б., 6, 270].

Отглагольные образования с *нулевым* суффиксом могут приобретать «значение единичного действия, иногда интенсивного, иногда лёгкого», при этом «краткость бессуффиксного, часто односложного слова соответствует краткости действия», процесса или его результата [5, с. 142 – 143], ср.:

*Беги!
И – **верть!**
И – **смерть!**
Дома –
Разрушены...* «Землетрясение» [Б., 6, 267].

В результате такого словотворчества возникают необычные для русской речи слова. Подобного рода существительные содержат в себе различные характеристики предмета и одновременно выражают значение процессуальности, обусловленное глагольной мотивирующей основой.

ИАН-существительные с суффиксом *-ник/-ниц-* обозначают «предмет, имеющий отношение к тому, что названо мотивирующим существительным» [7, с. 14]. Анализ подобного рода слов позволил говорить о том, что такие инновации часто способствуют созданию звукописи поэтического текста, а их значение может меняться в зависимости от контекста, например:

Над
 Уже дерзнуть я мыслил разговор
 И горьких уст изведать скорбны чары,
 Она ж, гневна, в меднолитой затвор
 Воспрянула стучась, – и взвыли, яры,
 Поколебав **окрепу** и замок,
 Отчаянья призывные удары... «Врата» [Ив., 1, 662].

Подобные ИАН необходимы художнику для создания единой в стилистическом отношении манеры повествования, характеризующейся обилием слов высокого стиля, что придаёт тексту особую смысловую наполненность, способствуя достижению высокой степени символизации.

Среди узуальных способов словообразования инноваций заслуживает внимания *парадигматизация (субстантивация)*. В формальном аспекте при образовании подобных ИАН «окончания прилагательных или причастий перестают выполнять свои прежние функции – они становятся формантами, превращаются в словообразовательные показатели. Словообразовательная функция флексий в субстантивированных образованиях одинакова, независимо от того, каким путём они реально возникли» [10, с. 360]. В семантическом плане данные новообразования сохраняют основное лексическое значение, свойственное мотивирующим словам, ср.:

Как нарицать тебя, **Неизрекаемый**,
 Многих имён и даров?
 Звёздных водитель хоров,
 Ты, кто избыток творишь упоением,
О Преизбыточный,
 Пресуществителем
 Ты наречёшься мне!.. Эпиграф к циклу «Дионису» [Ив., 1, 538].

К узуальным способам образования существительных следует отнести *семантизацию*, например:

Жрец сала, прожеватель
 Хлеба <...> «Берлин» [Б., 6, 229].

На наш взгляд, данное авторское новообразование создано путём переосмысления значения мотивирующего слова: словоновшество приобретает значение 'тот, кто жадно ест', возможно, сохраняя при этом сему 'тот, кто посвятил себя чему-нибудь' с экспрессивно-ироническим оттенком.

Языковой материал позволил установить, что к чистым *потенциальным* способам создания ИАН-существительных относится *гендиадис* (используем термин, предложенный В. П. Изотовым [11]). Нами отмечены примеры двух типов рифмованного сложения:

1) «знаменательное + знаменательное», когда оба слова в пределах ИАН сохраняют своё лексическое значение, например: **кулаками-тумаками, мужичище-кулачище** [Б., 5, 146];

2) «отзвук + знаменательное», когда к существующему в языке слову подбирается другое, в котором меняется один из звуков, причём новое слово в составе рифмованного сложения занимает первое место: **бородан-туман** [Б., 6, 233].

Такие словоновшества, как видим, обладают ярко выраженной экспрессией, что позволяет художнику создать специфическую атмосферу стихотворения.

К наиболее продуктивным двойным потенциальным способам образования авторских субстантивов в лирике поэтов-символистов относится *сложение в сочетании с суффиксацией*. Образованные данным способом слова способствуют созданию ярких художественных образов, а также отражают «стремление к эвфонии, звукописи, паронимической аттракции» [12, с. 122], ср.:

*Свищут жёлтые, жёлклые травы;
И грозит горизонтов кольцо: –
Свистоломами точит
Суставы;
Пустоплюями мочит
Лицо «Россия» [Б., 6, 237].*

Сложные существительные, содержащие в опорном компоненте глагольную основу, а в первом – основу прилагательного или существительного, могут быть образованы с помощью нулевого суффикса:

*<...> Я вижу зыблемые воды
И молний трепет голубой,
В хрустальные упавший своды:
Как будто **стреломёт** грозы,
Мгновенный невод в них закинув,
Ловил – угрою бирюзы
Отсвечивающих дельфинов «Видение» [Ив., 3, 27].*

Подобного рода ИАН отличаются динамичностью, стремлением запечатлеть действие, на миг приоткрывшееся лирическому герою. В последнем примере этому способствует и особая синтаксическая организация стихотворения.

В образовании *префиксально-суффиксальных* имён существительных наиболее часто участвуют суффиксы *-j/-цj-* и *-енj/-ениj-* в сочетании с различными приставками. Слова данной словообразовательной структуры выражают абстрактно-собирательное значение, конкретизируемое семантикой префиксов, ср.: «и так звучал, **погорье** оглашая» [Ив., 1, 645], «и в **надземье** бледные ступени» [Ив., 3, 541], «а стены ль кладут, аль **подстение**» [Ив., 1, 558]; «в **пересерениях** из мягкой, млявой муты» [Б., 6, 216].

Стилистически окрашенными являются ИАН-существительные, созданные по способу *редупликации в сочетании с суффиксацией*, например:

*«Мое горе, –
Горе-гореваньще:
Ты за мною,
Горе,
Не ходи!» «Горе» [Б., 5, 150].*

Несомненно, такие слова имеют фольклорную основу, в художественном тексте они служат ярким средством выражения не только душевного состояния героя, но и позиции автора, стремящегося к воссозданию национального колорита.

Среди потенциальных способов образования ИАН-существительных необходимо выделить сочетания *парадигматизации и префиксации, парадигматизации и сложения*. Созданные в соответствии с ними инновации, как правило, выражают собирательное значение, тем самым расширяют направленность текста, не называя конкретного адресата, ср.:

*И, как пята ответствен пята,
Когда один в священном пляшет круге
Иль звёзд-сестер вращается чета, –
Исполнилась **нецельных** полнота!
«Где древняя почит красота...» [Ив., 2, 417];*

*Возвышенные тяготят уроки;
Приязнь теряет **неподкупно-правый**,
На чьих устах – безмолвные упрёки...*

«Миры возможного» [Ив., 1, 674].

Анализ структурно-семантических особенностей зафиксированных слов позволил выделить новые способы словообразования, не обозначенные в существующих современных классификациях [13; 14; 11]: *сочетания парадигматизации и десуффик-*

саши, префиксации и синкопы. Иными словами, материал нашего исследования позволяет реализовать отдельные вероятностные способы словообразования, например:

*В обломках спит театр, орхестра онемела;
Но вечно курится в снегах твоя фимела,
Грядый в востоке дня и торжестве святынь!*

«Таормина» [Ив., 1, 623];

*Сноха вдовы, колосья сжатых лет
Идёт собирать на **поживье** Воза
Руфь смуглая – Душа... «Душа и жених (триптих)» [Ив., 2, 491];*

В первом примере (**грядый**) мотивирующим словом можно считать прилагательное *грядущий*: удаляется суффикс *-ущ-*, слово меняет классификационные категории, становясь принадлежностью другой части речи. Смеем предположить, что следующее авторское слово (**поживье**) образовано от существительного *жнивье* путём прибавления приставки *по-* и срединного неморфемного усечения сегмента *н*.

К числу тройных потенциальных способов создания ИАН-существительных можно отнести *парадигматизацию в сочетании с префиксацией и суффиксацией*, а также *парадигматизацию в сочетании со сложением и суффиксацией*. Созданные при этом слова содержат в себе указание на важнейшую характеристику одушевлённого объекта – античного божества, ср.: «один **Вселикий** во всём велик» [Ив., 1, 802]; «где мы, **Солнцеокий, Тихокрылый?**» [Ив., 1, 793].

Среди исследуемых существительных обращают на себя внимание слова, образованные с помощью окказионального способа — *креации*, который заключается «в присвоении лексического значения произвольной последовательности звуков» [11, с. 56]. Такие новообразования служат свидетельством непрерывных поисков нового языка, необходимого для создания другой культуры, ср.: «злеющий **жужелжень мух**» [Б., 6, 279], «и я пил **оцт** истомы» [Ив., 1, 673], «**мараморохи** по полю носят» [Б., 6, 237]. Представляется, что подобные слова подчёркивают особую значимость для символистской поэзии фонетического облика слова, концентрирующего в себе множество значений.

В анализируемом материале находят отражение различные способы *аугментации* и *элиминирования* (неморфемного увеличения и уменьшения производящей базы) [11, с. 57]. Так, отмечены слова, образованные путём *эпентезы*, *апокопы*:

*Лиру старинную,
Только её подниму я стремительно,
Чтоб насмехаться
Над солнцами
Струнными всплесками,
Песенью мстительной «Теневой демон» [Б., 6, 204];*

*Ты не пришёл на мой зов, Киммериец хмурый! И Зимний
Австр из туманных пучин нас в твой Боспор не примчит...
«Laeta» [Ив., 1, 639].*

С нашей точки зрения, мотивирующими словами в данных примерах выступают, соответственно, существительные *песня/песнь*, *австриец*, в которых наблюдаются неморфемные срединная вставка (*песнь* → *песень*), конечное усечение (*австриец* → *австр*). Образованные ИАН при этом сохраняют основную семантику производящих, однако характеризуются дополнительными экспрессивными оттенками значения.

Интерес представляет пример *графического словообразования* имени существительного с помощью *дефисации*, представляющей собой «разбиение слова дефисами на части или слоги с приданием ему другого значения» [11, с. 77], ср.:

*О том, как буду я с тоскою
Дни в Петербурге вспоминать,
Позвольте робкою рукою
В альбоме Вашем начертать <...>
О Вера **Константинов-на** □,
Час – пятый... Самовар в гостиной
Ещё не выпит... «В альбом В.К. Ивановой» [Б., 6, 206].*

В данном случае компонент **на** □ приобретает значение ‘получи, возьми’, что подчёркивается наличием ударения, а также контекстуальным окружением новообразования, соотносящегося к тому же с названием стихотворения. Первый же компонент нового слова не семантизируется.

Отдельно следует остановиться на способе *субституции* (заменительного словообразования), представленном в нашей картотеке в нескольких разновидностях. Среди разновидностей, относимых В.П. Изотовым к типу *морфемно-морфемной субституции* [11, с. 64 – 68], нами отмечены *транспрадикация*, *трансфлексаия* и *трансуффиксация*: «за твой единственный галлицизм Я дам своих **славизмов** десять» [Ив., 2, 333], «в **деревь** Лабиринта» [Ив., 3, 24], «Лишь там на водокачке Моргает **фонарёк**» [Б., 5, 129]. Несомненно, в последнем примере налицо множественная мотивация слова: способ его образования можно обозначить не только как *трансуффиксальный* (производящее – *фонарик*), но и как *суффиксальный* (мотивирующей основой при этом будет выступать узуальное *фонарь*). Такие новообразования во многом способствуют формированию идиостиля Андрея Белого и Вячеслава Иванова, отражая, с одной стороны, высокую художественность и ориентацию на книжность символистской поэзии, а с другой – стремление к стилизации в духе народных традиций.

Таким образом, индивидуально-авторские существительные, отмеченные в поэтических текстах Андрея Белого и Вячеслава Иванова, поражают своей подчёркнутой необычностью и яркостью, оригинальностью, проявляющейся как в сфере семантики, так и на деривационном уровне. Именно с помощью имён существительных поэту-теург может изобразить незамеченные ранее предметы и объекты окружающей действительности, остановиться на конкретных деталях, недоступных обычному человеку. Результаты проведённого исследования привели к выводу о том, что для субстантивных авторских образований характерны в целом редкие для окказионального словообразования способы. Каждое из созданных слов необычно, выразительно, выполняет определённую художественную функцию и может служить объектом специального анализа.

Список литературы

1. Кузьмина С. Ф. История русской литературы XX века: Поэзия Серебряного века. – М.: Флинта; Наука, 2004. – 400 с.
2. Плотникова Л. И. Словотворчество как феномен языковой личности. – Белгород: Издательство БелГУ, 2003. – 332 с.
3. Лунд К.-Х. Образование и использование сложных составных существительных в современном русском языке // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка / Составители М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов. – М.: Издательство Московского университета, 2010. – С. 373.
4. Ревзина О. Г. Собственные имена в поэтическом идиолекте М. Цветаевой // Поэтика и стилистика: 1988 – 1990. – М.: Наука, 1991. – С. 172 – 192.
5. Виноградова В. Н. Стилистический аспект русского словообразования. – М.: Наука, 1984. – 184 с.
6. Кожевникова Н. А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. – М.: Наука, 1986. – 256 с.
7. Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания. – М.: Наука, 1977. – 256 с.
8. Милославский И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза. – М.: Издательство Московского университета, 1980. – 296 с.

9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 томах. – М.: Русский язык – Медиа; Дрофа, 2008.

10. Адскова Т. П. Статус субстантивированных образований в системе словообразовательных гнезд современного русского языка // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка / Составители М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов. – М.: Издательство Московского университета, 2010. – С. 360.

11. Изотов В. П. Параметры описания системы способов русского словообразования. – Орёл: Орловский государственный университет, 1998. – 149 с.

12. Виноградова В. Н. О некоторых закономерностях образования поэтических окказионализмов // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Международная научная конференция: В 2 томах. Том 1 / Под общей редакцией К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. – Казань: Издательство Казанского университета, 2001. – С. 122 – 123.

13. Янко-Триницкая Н. А. Словообразование в современном русском языке. – М.: Издательство «Индрик», 2001. – 504 с.

14. Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. – М.: РАН; Институт русского языка имени В. В. Виноградова, 1996. – 224 с.

STRUCTURAL SEMANTIC AND FUNCTIONAL FEATURES OF INDIVIDUAL AUTHOR'S NOUNS IN POETIC TEXTS OF SYMBOLISTS (ON WORKS OF A. BELIY AND V. IVANOV)

Zh. E. Timashova

*Belgorod National
Research University*

e-mail:

zhannchik1@rambler.ru

The article deals with the individual author's innovations fixed in poetic texts of Andrey Bely and Vyacheslav Ivanov, which are analyzed in structural, semantic and functional aspects. Lexical innovations are considered as the integral line of individual style of symbolist poets in the Russian literature in the beginning of the XX-th century.

Key words: individual style, symbolism, individual author's innovations, usual, potential and occasional ways of word-formation.

ПЕРЦЕПЦИЯ В РОДОСЛОВНОМ ДИСКУРСЕ¹

В. К. Харченко

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail:

Kharchenko@bsu.edu.ru

В статье исследуются особенности языковой передачи «перцептивной» памяти: зрительных, тактильных, вкусовых, обонятельных образов – в родословном дискурсе (сочинениях на тему «История моей семьи»).

Ключевые слова: перцепция, канал восприятия, семейные родословные, дискурс.

Термин «дискурс» сравнительно недавнее изобретение лингвистов и культурологов, однако он достаточно быстро и хорошо, пластично вписался в исследовательский лексикон. Мы используем этот термин потому, что материал исследования (тексты свободных сочинений на тему «История моей семьи») первоначально многократно озвучивался в своих фрагментах, микронарративах, пребывал этот материал и во внутренней речи автора, и в диалоговых репликах членов семьи, это именно дискурс – не текст в строгом смысле слова, хотя формально мы анализируем тексты и только тексты как конечное звено монологов и обсуждений в семье, причем обсуждений неоднократных и в разное время состоявшихся, в том числе, как признаются сами авторы, и перед написанием сочинений.

Родословный дискурс и мемуарный дискурс можно представить по принципу взаимопересекающихся кругов П. Эйлера. Отличия здесь состоят, во-первых, в тематике. В орбиту своих персоналий мемуары притягивают не только родных и близких, но и соседей, и известных людей, коль скоро они повстречались на жизненном пути. Объектом описания становится не только история рода, семьи, но и панорама времени. Далее, во-вторых, отличия заключаются в самоидентификации образа автора мемуаров: на мемуары решится не каждый, тогда как родословие обязывает каждого если не писать историю семьи, то сохранять ее в рассказах. В-третьих, мемуары претендуют на расширенную аудиторию, на публикацию. Общим же у родословия и мемуаристики является сам стиль описаний: концепт EGO как объединяющее, сюжетноносное начало текста, интерес к мелким подробностям, частностям, включение в текст всего того, что, как правило, ускользает в других дискурсах: новостном, историческом, художественном, публицистическом, документальном.

Между тем нельзя не заметить, что граница между дискурсами, такими как родословный и мемуарный, нередко размывается, собственно, они и не могут быть четкими. В текстах родословной встречаем: *Папа ходил за ёлкой, ставил, мы все вместе её наряжали. В доме был запах хвои, яблок и мандарин» (Л. М. П.)*. Что это как не воспоминание? И наоборот, мемуары содержат немало описаний того или иного родословного древа.

Охарактеризуем непосредственно сам материал анализа. Архив текстов «любительских» сочинений «История моей семьи», превысивший уже тысячу единиц хранения, сочинений, написанных в рамках курса «Русский язык и культура речи» в целях активизации в письменной речи лучшего в языковой памяти их авторов (о родительской семье, о предках, как правило, пишут наилучшим своим языком!), представляет собой богатейший материал для исследования самых различных проблем [1; 2; 3]. Однако сенсорная составляющая языка семейных родословных не получила должного освещения, поскольку сенсорике, или перцепции (термины синонимичны, и мы не видим веских причин разводить их!), традиционно исследуют на материале художественных текстов. Семейные

¹ Работа выполнена в рамках научной программы внутривузовского гранта БелГУ.

родословные дают материал для изучения сенсорной памяти детства, сенсорных (перцептивных) впечатлений, образов, частностей. Так, базовый, ключевой для текстов родословных концерт ДОМ часто сопровождается «вкусовой» и/или «запаховой» компонентой как воспоминание о вкусе и запахе пирогов, блинов, вообще – выпечки, сопровождающей будни и праздники детства.

А какие вкусные пирожки печёт бабушка! Их удивительный аромат чувствуется по всей улице. И никакие кондитерские пирожные не сравнятся с бабушкиной выпечкой. Она вообще любит побаловать нас всякими вкусами... (И. П.).

Моя мамочка также очень вкусно готовит. Её знаменитые пирожки ела почти вся наша улица. Я как сейчас помню зимнее воскресное утро детства, когда мама пекла пирожки, и этот запах распространялся по всему дому, и от него становилось особенно тепло и уютно (Ш. М. В.).

В шесть часов утра в их доме всегда раздаётся скрип кровати, дедушкино кряхтенье и бабушкины беседы ни о чем с самой собой. По утрам она, как правило, всегда чем-то недовольна: то дед всю ночь храпел, то комары заели, то дышать нечем, то экономический кризис... К девяти часам у нее уже бывают готовы огромные толстые дрожжевые блины, которые она почему-то называет «ладиками». Вкуснее их нет ничего на свете. К «ладикам» она обычно подает сметану или еще одно свое фирменное блюдо – «мед». Этим громким словом у нее называется сахар, переплавленный с водой. По цвету действительно напоминает мед. Как почти все бабушки, она очень переживает, если ее внуки мало едят. Она говорит, что «молодые всегда должны быть наевши», а им, старикам уже пора «у сосны» (просто сельское кладбище находится рядом с хвойной посадкой). (Т. И.).

В родословных перечисляется весь комплекс выпечки, усиливающий ощущение дома, уюта, праздника. Зоя Яковлевна очень любила своих внучек, особенно старшую. Постоянно угождала ей, а так как я очень любила сладкое, то пирогам, пышкам, плюшкам, блинчикам, оладьям, ватрушкам и запеканкам не было счёта (Ж. М. Н.).

Выпечка (пироги, блины, оладьи) в родословных на первом месте (и часто на единственном, поскольку про остальную снедь вообще не упоминается. Второе место занимают пельмени. Бабушка Фрося была «великая стряпуха», у неё каждый день была свежая выпечка, она всегда передавала нам чего-нибудь вкусного. И когда приходила к нам, всегда затевала или пирожки, или пельмени. Пельменей мы делали много, с разными начинками. Но так ловко их лепить ни у кого не получалось, даже у мамы. У бабушки они были все одинаковые, пузатенькие. Это умение она привезла с Урала (Б. Е. И.).

«Третье место», по данным родословным, отводится описанию киселей. У неё был самый вкусный кисель, который она готовила из компота и добавляла конфеты карамели, которые назывались «барбарис» (К. И. С.). Бабушка варила ещё очень вкусный вишнёвый кисель, который надо было есть ложками (Б. О. М.).

Распределение «мест» по частотности во многом условно, так как не менее нежно и благодарно вспоминаются борщ, плов, сыр, мёд, а если пресловутая манная каша, то «с раскрытием образа», описанием-аргументацией.

Мне было всегда интересно с бабушкой. Она великолепно готовила борщ, самый вкусный борщ на свете, аромат которого я до сих пор помню. / Моя мамочка очень похожа на неё. Она тоже отлично готовит. Из её блюд больше всего я люблю плов. Вкуснее плова, чем у мамы, я не кушала нигде (Т. Т. В.). По воспоминаниям моего отца, наша прабабушка Поля пекла очень вкусный домашний хлеб и делала восхитительный сыр, вкус которого он до сих пор не может забыть и ощутить вновь (Б. Н. А.). Он всегда шутил, что женился, потому что в семье бабушки был очень вкусный мёд (М. Т. И.). Хорошо помню вкуснейшую манную кашу, которую готовила бабушка. Каша вроде как каша, но была у неё румяная корочка, которая получалась от зажаривания. Очень вкусно. Уже не помню вкус, но помню, что за

эту румяную корочку мы с сёстрами ссорились даже. Каждая хотела кашу доедать, чтобы по миске поскрести. Уже став взрослой, я пыталась приготовить манную кашу с корочкой, как бабушка, но ничего у меня не получалось (Г. А. П.).

Вкусовая компонента семейных родословных связана с описанием далеко не только праздничных, когда семья собирается за большим столом, но даже будничных «церемоний». *Когда я заходила к ним после уроков в музыкальной школе, они поили меня крепким чаем. Это была настоящая церемония: мы ждали, пока закипит самовар, потом дедушка Иваныч наливал чай в кружки, но пили мы из блюдец и обязательно с малиновым вареньем и сухариками из булочек (Ю. О. В.).*

Некоторые авторы семейных саг, «войдя во вкус», стремятся к построению, созданию полисенсорного образа дома детства: выбеленные стены, запах накрахмаленных рушников, вкус киселя и пирогов, как в следующем отрывке.

Я вспоминаю сейчас, как любила баба Лена белить хату к праздникам: к Пасхе, к Троице, к «Октябринам» (7 ноября). В доме приятно пахло свежей побелкой и накрахмаленными рушниками. Зимой бабушка угощала внуков сливовым киселем и пирогами «с квасолей» (фасолью), а на десерт – печенье яблоки – вкусно» (Г. И. Ю.).

Зимой мне нравится, когда яркое солнце, отражённое кристаллами снежинок, слепит глаза, под ногами скрипит снег, а в небо поднимаются столбы дыма из труб домов. Зайдешь в дом, а там тепло и пахнет пирогами (Ш. О. А.).

Вкусовое впечатление в текстах родословных нередко бывает «исторически обусловлено» описанием голода и соответственно слуховым, тактильным, вкусовым и запаховым запечатлением съеденного куса хлеба, как в следующем контексте.

Мама часто вспоминала о голоде 1953 г., когда каждое зёрнышко было на счёт. Наверное, никогда не забудется маме вкус лепёшек, приготовленных из ботвы свёклы (Э. Н. Н.). Денег не было, а вместо них в ход шли эти самые дрова. Она обменивала целые сани дров на буханку хлеба и спешила поделиться ею с голодной семьей. Но до дома идти было около шести километров, и, конечно же, растущий детский организм не выдерживал... «Хлеб был такой хрустящий, ароматный! А при двадцатиградусном морозе он вообще с ума сводил. Раз укусишь, два укусишь, три укусишь... Домой приходишь, а там уже меньше половины осталось. И родным в глаза смотреть стыдно, и ничего с собой поделат не можешь». Но никто ее никогда не упрекал (Т. И.).

Мама помнит себя всё время голодной. Они ели сою и пшеницу, которую, по видимому, выращивали на своём огороде. Однажды бабушка им сварила гречку, и вкус этой каши так поразил мою маму, что она решила: когда вырастет, то наестся этой каши вдоволь. Теперь она, конечно же, со смехом вспоминает, как ей хотелось гречки, а сейчас вот она лежит и никто её не хочет (З. О. С.).

Исторически обусловленной может стать и тактильная память. *Но по рассказам бабушки, папа родился во время уборки хлеба. Она помнит, как покормит его, положит под кустик в холодок, а сама – работать дальше (Т. Т. В.). ...Одна пара валенок на всю семью. Бывало, просыпался кто раньше всех, тот и пойдёт в школу. Так вот, что они придумали. Опускали ногу в глину, которую предварительно разводили в воде до состояния каши. чтобы она покрывала всю ступню, потом ждали, когда глина высохнет. Корка из глины в темноте казалась калошей. Вместо пудры использовали муку или с изб стирали известь, а колготки – это обмазанные подсолнечным маслом ноги (В. Е. В.).*

Вкусовые «воспоминания» в родословных могут плавно перетекать в тактильные. *Бабушка Маня всегда варила домашнюю лапшу на компоте из сухофруктов, я её очень любила. У неё почти каждый день были пирожки с фасолью, капустой, летом с ягодами, яблоками. Летом у дедушки с бабушкой стол стоял во дворе, и нам очень нравилось обедать на свежем воздухе под тенью яблони (Б. О. М.).*

Запаховая (ольфакторная, одорическая) составляющая семейных родословных не только связана с памятью вкуса (запах пирожков), но имеет еще и самостоятельное

выражение. На первом месте в родословном дискурсе – запах сена. *Особенно мне нравится сушить сено. Как хорошо пахнет скошенная трава, это какой-то необыкновенный аромат свежести! Она подсохнет с одной стороны, мы её повернем на другую. Потом уже сухую грузим на повозку (у дедушки ещё и лошадка есть) и везём во двор, складываем в сарай. Так что наша Бурёнка всю зиму есть мягкое и душистое сено и даёт нам вкусное молоко (И. П.).*

Перцепция в родословных отражает процесс запечатления-запоминания перцептивного образа «на всю оставшуюся жизнь».

Было время, я исходил все укромные места, знал, где вырастет новый гриб, в каком блиндаже будет суше играть в войнушку, знал, где больше раков в речке. Знал. И до сих пор помню. Помню запахи летнего луга, шелест золотой осени, мороз зимнего леса и помню весеннее пробуждение природы (Б. Р. В.). Ещё мама всегда говорит, что её любимое место на земле – это бабушкина кухня, где можно было сидеть на высокой табуретке, спиной прислонившись к горячей печке и смотреть на ветки деревьев за окном (Ч. М. Ю.).

Слуховые образы в семейных родословных также бывают весьма выразительны. Концепт ДОМ сопряжён с концептом ДЕТИ, отсюда звуковая составляющая многих родословных: голоса детей. *Жизнь продолжалась и преподносила не только послевоенные трудности, но и, конечно, семейные радости: в семье вновь зазвучали детские голоса ещё трёх дочерей: Клавдии, Валентины, Галины и долгожданного единственного сына Виктора, моего папы (Я. Е. В.).* В том же сочинении встречаем яркие тактильные образы: *<...> Это улица и дом моего детства, мой Отчий дом. / Мне повезло: я могу встретиться с ним не только в памяти, но и наяву. Я могу подойти к нему и потрогать его деревянные морщины. Когда я делаю это, во мне обрывается что-то и делается сладко и больно (Я. Е. В.).*

Некоторые тексты родословных интересны своими нестандартными решениями в передаче, например, слуховых впечатлений детства. Так, вспоминается рассказчиком «звонкая тишина» за столом: *Моя бабушка рассказывала, как в её детстве вся их большая семья сидела за столом. При этом стояла такая звонкая тишина, дети сидели смирно и послушно, а не то получали от главы семейства «ложкой по лбу!» (К.Н.).*

Связаны ли сенсорные предпочтения родословного дискурса и времена года? Вкусовые образы – вне сезона, они подчинены, скорее, праздникам, дням встречи всей семьи, тогда как запаховые, тактильные, слуховые и соответственно наиболее яркие зрительные впечатления чаще соотносятся с летними днями, что подтверждает теорию импринтинга В. Р. Дольника о запечатлённой летней картинке, когда и где «было хорошо» [4, с. 13].

В дом зайдёшь, там всегда пахнет испечённым хлебом и оттопленной сметаной. Значит, бабушка ждала нас в гости. А детом там лучше, чем где-то на юге. Огромный сад, дом, речка, ходишь босиком и в купальнике и наслаждаешься всеми прелестями деревни (Е. И. В.). Остались в памяти даже самые мелкие детали. *Огромный тополь у подъезда дома. Помнится, после дождя любила бегать по лужам босиком и как меня мама ругала за то, что я вся грязная приходила домой, а папа только улыбался (В. М. Ф.).* Любила бабушка летний дождь, босыми ногами выбегая на улицу, земля паровала после жарких дней и прошедшего ливня (М. И. А.).

Если же брать не времена года, а части суток, то, что ещё важно, так это хорошо запомнившаяся, запечатлённая сенсорика свежих, утренних, получаемых сразу после сна впечатлений.

Не то чтобы дня – часа она не прожила для себя. Не знаю, когда она спала, засыпали мы под её хлопотливую возню и просыпались от тех же звуков, запахов: звона ведра, треска ров в печке, плеска воды в чузунки (А. И. В.). ...Поручив дочь родителям, жившим в старинном уездном городке Ахтырка, что на Сумщине. <...> Спящая жизнь с жуужжаньем мух, боем настенных ходиков, бормотаньем репро-

дуктора и кудахтаньем кур (Снежко В. В.). Например, на Троицу нужно украсить хату берёзовыми ветками, пол устелить свежескошенной травой. Это непередаваемое ощущение засыпать и просыпаться под аромат травы, цветов, стрекотанье кузнечиков (Ш. О. А.). Как и в детстве, просыпаясь, видишь, как на потолке танцуют замысловатые узоры от тени листьев, где-то важно кудахтают куры. Запах оладьев из печи окутывает и не даёт спать (В. Е. В.).

Сенсорные образы в родословных хорошо передают то, что ускользает в силу своей обыденности: ритм повседневности, причём «ритм» не только в значении привычно повторяющихся действий, для описания которых нужно ещё подыскать не самые повторяющиеся языковые средства, но и ритм повседневности в значении канон, запретов, определённый минимум которых необходим той же обыденности, домостроительству.

Но фирменным блюдом были блинчики. Каждый блинчик она снимала со сковородки и кладя в стопочку, смазывала сливочным маслом, дух стоял – не удержаться, но никто не получит ни одного блинчика, пока она все не перепечёт! Не знаю, почему, но хоть умри не даст, уж как мы её только не упрашивали (К. И. В.).

Перцепция родословных связана не только с концептом ДОМ, но и с концептом САД, так что не случайно при передаче памяти вкуса кроме выпечки в родословных достаточно часто описываются дары сада. Ещё одна вкусность – это «золотые» яблоки в саду у моей бабушки. Яблоки, действительно, на вид были как восковые, чуть прозрачные, как мочёные. Мы, дети, обожали эти яблоки и уплетали их десятками (Г. А. П.). Также помню, как с сестрой сидели на яблонях или груше и ели сочные, спелые плоды, в которых видны косточки на просвет (С. Н.). Такой клубники, смородины я не видела даже в нашем благодатном крае чернозёмном. А ещё я помню, как маленькая рвала малину и надевала «шапочки»-ягодки на пальцы, «шапочки» закрывали по полпальца... (Н. Л. Ю.).

Аромат заготовленных ею сухофруктов нельзя было сравнить ни с чем, её сушёные груши были словно мармелад. Оставшись одна, бабушка увлеклась разведением клубники, которой обеспечивала всю родню, ещё делала из неё великолепное вино и варенье, которое дети резали ножом и ели как конфеты. А бабушкины вареники! Это отдельная история, она делала их большими и помногу, как бы отмечая появление каждой новой ягоды, сначала это была клубника, затем шпанка, потом вишни, сливы и завершением сезона были тёрн и калина. Стоило бабушке заметить, что кто-то заболел, появился кашель или признаки простуды, на столе появляется мёд и калиновый сироп (К. С. В.).

Несколько реже сенсорика в родословных соотносится с концептом ТРУД, добавляя красок в «когницию» трудовых процессов. Здесь можно выделить сенсорику (а) «сопровождения труда», (б) «результата труда» и (в) «косвенную сенсорику».

(а) Валял всем: и родственникам, и на заказ. Помню кислый запах шерсти, которым было пропитано всё: одежда, перина, подушки, даже стены пахли. Зато валенки получались аккуратными, изящными (А. Р. В.).

(б) Бабушки очень серьёзно подходили к организации быта, к заготовке всевозможных солений и варений. Все эти незамысловатые мероприятия сопровождались основательной подготовкой, задолго планировались. При нынешнем жизненном укладе никому даже в голову не придёт нашинковать, наквасить на зиму целую бочку капусты. А капуста, надо сказать, была славная, с мочёными яблочками, с морковочкой. Заготавливали на зиму и творог, и масло сливочное, сами готовили крахмал и домашнюю лапшу. Длинными зимними вечерами бабушки пряли шерсть, вязали на всю семью носки, варежки (П. О. Д.); А какие грузди мы с ней собирали! Вкусотища хрустящая! (К. И. В.).

(в) ...Отправились в Харьков на заработки. До Харькова их вёз дядька одной из девчонок, которого все очень любили. Ехали они на открытой грузовой машине, и ветер, который дул в лицо, казался таким новым (Ч. М. Ю.). Помню, как гоняли коров на пастбище. Иногда, когда холодно, коровы ложились и не хотели пастись,

тогда на них можно посидеть и погреться (С. Н.). ...Как подгрребала всё до травинки с покоса на лугу, оставляя чистый луг, по которому спустя несколько дней можно было бегать босиком, не остерегаясь колкой стерни (К. С. В.). А как приятно после уборки сена пополоскать в прохладной воде ножки! <...> Особенно мне нравилось ходить в лес за земляникой. Какой необыкновенный аромат ощущается в это время года! Мы всегда с братьями и сёстрами соревновались, кто больше насобирает вкусных ягод (В. Ю. М.).

Сенсорное описание «останавливает время». Оно играет в восстановленное прошлое, отражает «здесь и сейчас». Сенсорика требует замедленной съёмки, и это хорошо иллюстрирует приведённый фрагмент.

Сенсорика родословного дискурса наслаивается на сенсорнику религиозного дискурса (вкус куличей на Пасху, цвет крашенных яиц, запах ладана, игра солнца на Пасху, шёлк травы на полу на Троицу). В своём кратком обзоре русско-французского сборника статей, посвящённого религиозным практикам, Ольга Балла обращает внимание на исследования феномена религиозности, в которых подчёркивается, что концепт ВЕРА насыщен осязательной, ольфакторной, вкусовой памятью. Недавние исследования феномена религиозности свидетельствуют о том, что концепт ВЕРА насыщен осязательной и ольфакторной памятью. «Повествуя о вещах неосязаемых, вера говорит с нами языками нашего тела. Она хрустит под пальцами скорлупой пасхальных яиц, вязнет на зубах сладостью кулича, рассыпается пластинкой мацы, тает на языке прохладной дождевой водой, выпитой в коломенском камне (есть у камнепочитателей и такой обычай!), и его серая шершавость и сырой холодный воздух вокруг – всё, всё входит в состав веры и становится ее аргументом. / Представления можно опровергать. С формулировками можно спорить. Но как поспоришь со сладким, тёплым, густым, рассыпчатым, шершавым?» [5, с. 115]. Семейные родословные прекрасны тому свидетельства. Проведённое исследование сенсорники в текстах семейных родословных показало, что семейное родословие весьма бережно сохраняет информацию о сенсорике религиозного дискурса, прежде всего о вкусовом своеобразии церковных праздников, причём не только двенадцатых.

На Рождество всегда запекали гуся, на Пасху пекли куличи и красили яйца, на престольный праздник в Дмитриев день варили холодец и вишнёвый кисель, на Масленицу баловали всевозможными блинами и блинчиками, в Медовый Спас обязательно пекли оладьи со свежим мёдом и т.д. (П. О. Д.). В родословных немало свидетельств осязательного и обонятельного своеобразия праздника Троицы. *Например, на Троицу нужно украсить хату берёзовыми ветками, пол устелить свежескошенной травой. Это непередаваемое ощущение засыпать и просыпаться под аромат травы, цветов, стрекотание кузнечиков (Ш. О. А.).*

Многие тексты упоминают о перцептивных впечатлениях подготовки и празднования Пасхи. Казалось бы, составляя историю семьи не обязательно писать о религиозных праздниках, но многие пишут ещё и об этом. Перцепция связана с памятью, запечатлением, импринтингом. Нет запаха свежей травы на полу, берёзовых веток по углам, нет яркости крашенных яиц, торжественности колокольного звона, причём это всё обговаривалось, рассказывалось, прежде чем лечь на бумагу, – и нет силы памяти для воссоздания религиозного обряда. Память питает воображение. «Функция воображения готовит схему будущих восприятий» [6, с. 142].

В триаде «концепт – эмоция – перцепция» последний компонент исключительно важен, хотя именно на него покушается век глобализации, унификации, подчинения не исконным, а заимствуемым, иным стандартам. Перцепция, сенсорика – это «ум» тела, значимость этого ума в последние годы становится всё более весомой, получая оригинальные трактовки [6, с. 136 – 154]. Перцепция религиозного дискурса есть не только уважение к многообразию и красоте переживаний «обычной» жизни, но и необходимая ступень выработки высшего умения видеть Другого, слышать Другого, ценить в Другом лик Господа, любить ближнего, как самого себя. ...Человек, у ко-

того есть сознание евангельское или просто острое, живое человеческое сознание, должен научиться видеть, что другой существует. И это бывает редко, очень редко, – подчеркивал Антоний, митрополит Сурожский, казалось бы, парадоксальную мысль.

В самом начале мы вели речь об отличиях родословного и мемуарного дискурсов. Сенсорика мемуарного дискурса, по-видимому, требует отдельного описания, хотя точки пересечения с родословием, конечно же, будут (запах сена, запах пирожков, сияние пасхального солнца). И тем не менее мы выделяем мемуаристику для отдельного изучения таящихся в ней сенсорных представлений. Интересно, что апелляция к звуковому образу в мемуаристике редко остаётся одноразовой. Описание одного звука неминуемо вызывает в памяти массу других звуков, отзвуков, как следующем отрывке. *Сразу детство вспоминаю, как по белому снежку валеночки «хрум-хрум», салазки позади шуршат и кошки бегут, хвосты позадирали. радуются мне. Вдруг по шапке снежком мне кто-то «бум!» <...> Рукой по клавишам «бrrrrrrrrрынь». И застыло в воздухе музыкальное, дрожит. <...> Каждому из нас на ушко Кирюшка урчал кошачьи свои колыбельные и «месил» из одеял гнёзда... (Е. Фокина. Скворечник). Приведем еще один пример развернутой перцепции слуха. *...Поезд тронулся. Как любила петь мама: «Сколихнувся вагон І помчав». Прогромыхав над мостом через Амур, поезд пошёл на Запад. Колеса их плацкартного вагона на каждом стыке рельсов говорили им: «Домой! Домой! Домой!» (Р. Чайковский. Небо Надежды).**

Полисенсорность описания известного человека (обонятельная и тактильная зарисовка) в следующем фрагменте мемуаров сочетается с политактильными характеристиками: *Когда я вошла в кабинет, прежде чем увидеть Наталью Петровну, я почувствовала запах её духов «Опиум». Наталья Петровна протянула мне руку, и это было как-то непривычно. Жест показался мне мужским, ладонь была открыта ко мне, я аккуратно её пожала, она была мягкая и тёплая. Н. П. тоже пожала мне руку, и я с удивлением поняла, что пожатие крепкое, – вспоминает Наталья Шемякина академика Н. П. Бехтерева («Наталья Бехтерева – какой мы её знали»).*

Каковы результаты исследования лингвосенсорики родословного дискурса?

1. Многократно повторяющиеся сенсорные образы (вкус пирожков, запах сена, игра солнца на Пасху, тепло от печки, прохлада реки) свидетельствуют о возможности вычерчивания взаимосвязи жанра и сенсорных предпочтений, о неизбежном включении сенсорной компоненты в описание с личным присутствием (при вербализации концепта EGO), о сохранении значимости перцептивной информации при любом описании.

2. В родословном дискурсе ведущее место занимает вкусовая перцепция, связанная с образом близких людей и, как правило, приуроченная к семейным праздникам. Вкус описывается регулярнее запаха, тактильного переживания, слухового образа, однако и там выстраиваются свои приоритеты: запах сена, тепло дома, голоса детей.

3. Перцепция труда (не быта, хотя разделение это условно!) в родословных встречается реже, не исключено что по причине не проговаривания трудовой сенсорики в современной общении (в отличие от вкуса тех же пирогов на кухне и яблок в собственном саду!) и соответственно в не различении ее в прошлом семьи.

4. Перцепция родословного дискурса наслаивается на сенсорнику религиозного дискурса (вкус куличей на Пасху, цвет крашенных яиц, запах ладана, игра солнца на Пасху, шёлк травы на полу на Троицу).

5. Мемуаристика, предназначенная к публикации, отличается более развёрнутым и более художественным описанием звуковой ситуации, тактильных ощущений. Она повернута одной стороной к традиционному родословию с его сенсорными прототипами и предпочтениями, а другой стороной – к оригинальности художественного слова в своем стремлении замедлить повествование и детализировать сенсорный сигнал, заняться полисенсорикой в художественном выстраивании мифрагмента текста.

6. Авторы сочинений, среди которых немало не-филологов, при создании нарратива родословной интуитивно нащупывают необходимость ещё и конечного звена триады: концепт – эмоция – сенсорика. Описание семейного дерева, эмоциональная

оценка родителей почти неизбежно дополняется языком перцепции и, хотя при этом фиксируется много стандартов, стереотипов, само наличие перцептивных фрагментов в семейных родословных говорит о значимости еще и такой информации при обрисовке судеб семьи и рода.

Список литературы

1. Павлова А. А. Жанр, гипертекст, интертекст, концептосфера (на материале внутрисемейных родословных). – Белгород: Изд-во БелГУ, 2004. – 162 с.
2. Рухленко Н. Н. Концепт СЕМЬЯ в жанре семейных родословных. Дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01. – Белгород, 2005. – 225 с.
3. Черникова Е. М. Имена собственные в жанре семейных родословных. Дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01. – Белгород, 2009. – 243 с.
4. Дольник В. Р. Непослушное дитя биосферы. Беседы о человеке в компании птиц и зверей. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 206 с.
5. Балла О. Вера: вкус, цвет и запах // Знание – сила. – 2008. – № 4. – С. 115. (Краткий обзор русско-французского сборника статей: Религиозные практики в современной России. – М.: Новое издательство, 2006. – 400 с.).
6. Князева Е., Туробов А. Познающее тело. Новые подходы в эпистемологии // Новый мир. – 2002. – № 11. – С. 136 – 154.

PERCEPTION IN FAMILY HISTORY DISCOURSE

V. K. Kharchenko

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
Kharchenko@bsu.edu.ru*

The article deals with the particularities of the language means of perceptual memory: visual, tactile images and those received through the organs of taste and smell studied in the discourse on Family History research (based on family history essays).

Key words: perception, channel of human perception, family history, discourse.

РЕМИНИСЦЕНЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ ПЕЧАТНЫХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Г. М. Шипицына¹
Ю. А. Воронцова²

¹ *Белгородский государственный национальный исследовательский университет*

² *Белгородский юридический институт МВД России*

e-mail:
Shipitsina@bsu.edu.ru
Vorontsova73@mail.ru

В статье охарактеризованы реминисценции как репрезентанты текстовых концептов, раскрыты смыслообразующие возможности прецедентных текстов в насыщении высказываний не только эксплицитными, но и имплицитными и символическими смыслами. Для оценки состава и качества реминисценций в современных печатных СМИ осуществлено сравнение их источников и способов использования с реминисценциями романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» как идеалом речевого произведения. В результате сопоставления авторы статьи приходят к выводу, что СМИ часто предоставляет своему читателю искаженные реминисценции низкого эстетического качества. Поддерживая реминисцентные стереотипы массовой, популярной низовой культуры, СМИ не способствуют формированию высшей языковой культуры социума.

Ключевые слова: прецедентные тексты, печатные СМИ, концепты, имплицитные смыслы, речевая культура, языковое развитие социума.

Реминисценции – это точные или преобразованные цитаты ранее созданных, известных выражений, а также использованные (обыгранные) известные широкому кругу носителей языка символические понятия, собственные имена. Слова, фразеологизмы и паремии, сочетания слов или тексты, лежащие в основе реминисценций, в лингвистической науке получили название прецедентных имен, прецедентных выражений, прецедентных текстов (последний термин введен в научный обиход Ю.Н. Карауловым). Их использование может быть довольно эффективным способом повышения эффективности речи и увеличения информационного пространства текста, поскольку они могут выступать в роли репрезентантов текстовых концептов.

Например, *Молодежь не хочет идти не только в рядовые Иваны Бровкины, в ефрейторы Биденко, но и как черт от ладана отмахивается от предложений (ранее считавшиеся лестными и престижными) записаться в Штирлицы* (АиФ 2010, № 9). В этом предложении несколько прецедентных форм: 1) *отмахиваться как черт от ладана* – фразеологизм со значением «всеми силами, любыми средствами стремиться избавиться, убежать, отмахнуться от чего-либо» (Фсря) позволяет с большей иллюкативной силой, более экспрессивно, в образной форме выразить семантику оборота *отказывается от предложений стать Штирлицом*. В денотативном содержании фразеологизма заложены яркие символы христианской культуры: черт, будучи антиподом господа бога, очень боится ладана – символа религиозных обрядов с курением благовонной смолы (ладана), во всяком случае черт никак не может согласиться участвовать в таком обряде. 2) Прецедентные имена: *Иван Бровкин* (персонаж популярных в советское время фильмов «Солдат Иван Бровкин» и «Иван Бровкин на целине»), *ефрейтор Биденко* (положительный герой известной повести о детях на войне Валентина Катаева «Сын полка», обладающий лучшими профессиональными качествами военного разведчика и чертами благородной личности), наконец, суперпопулярный персонаж сериала «Семнадцать мгновений весны» Штирлиц, олицетворяющий образ героя, работающего во внешней разведке, в стане врага. Каждое из этих имен нагружено целым комплексом дополнительных к обозначаемому образу коннотаций, культурноносных сем и социальных смыслов – привлекательность внешняя и внутренняя, романтичность деятельности, героизм, умение находить выход из самых сложных положений, опасных ситуаций и т. п. Эти имена в недавнем прошлом символизировали социальноличност-

ные идеалы, к которым следовало стремиться, и *передовая советская молодежь* стремилась стать похожими на персонажи с этими именами.

Устойчиво воспроизводимые прецедентные выражения являются артефактами национальной текстовой культуры, а ментальная репрезентация этих артефактов связана с концептами этой культуры, тем самым реминисценции оказываются важным способом апелляции к текстовым концептам и кодам культуры в любом дискурсе [1, с. 5]. Прецедентные выражения транслируют многим поколениям знания и опыт, значимые факты, случаи, известные имена, персонажи литературных произведений и т. п., ставшие символами какой-либо эпохи, причем, не только отдельной национальной культуры, но, возможно, и мировой, планетарной. Прецедентные высказывания могут отсылать к культурам глубокой древности как своеобразная общечеловеческая память о бывших цивилизациях, народах, событиях, выдающихся личностях и т. д. (например, выражение *Карфаген должен быть разрушен* – финальные слова речей в сенате римского полководца Катона (годы его жизни 234 – 149 до н. э.), символизирующие необходимость искоренения какого-либо зла; *Калиф (Халиф) на час* – выражение из арабской сказки сборника «Тысяча и одна ночь» (XV в.), употребляется в значении «властелин, хозяин на короткое время».

В дискурсах того или иного исторического периода прецедентные тексты и их реминисценции отражают систему ценностей народа, которая передается через символические тексты в форме отсылки к первоисточнику, бывшему событию, случаю, фразе и т. п., активизируя действующие как на протяжении веков, так и на протяжении короткого времени информативные культурные коды. Ведь культурная маркированность процесса категоризации знаний и их оценки отражается в том, как они интерпретированы в языке. Поэтому прецедентные тексты и их реминисценции оказываются своего рода базовым механизмом как текстовой деятельности, так и дискурсивной практики, обусловленной определенной социально-культурной данностью.

Кроме того, реминисценции реализуют интертекстуальные связи в практике текстопорождений, в том числе в практике общения, люди часто обращаются к словам других людей для реализации самых разных коммуникативных стратегий и тактик своего дискурса. «Откуда эта потребность подбирать чужие слова? Свои слова никогда не могут удовлетворить; требования, к ним предъявляемые, равны бесконечности. Чужие слова всегда находка, их берут такими, какие они есть; их все равно нельзя улучшить или переделать. Чужие слова, хотя бы отдаленно и неточно выражающие вашу мысль, действуют как откровение или как давно искомая и обретенная формула» [2, с. 356].

По нашему мнению, прецедентными можно назвать и такие конструкции, которые легли в основу новых, создаваемых на их основе высказываний, несмотря на то, что они использовались вслед за первоисточником без многовековой или многолетней воспроизводимости на том основании, что свою интертекстуальную функцию высказывания-доноры реализовали в дискурсивном контексте. Например, *Говоря о причинах поражения в Ванкувере, президент Дмитрий Медведев сказал, что «в спорте закончился ресурс советской эпохи». Анализ правильный. Но и очень тревожный. Ведь ресурс советской эпохи кончается и во многих других сферах. Чтобы избежать новых «ванкуверов», важно понять, в каких* (АиФ, 2010, № 10). Кроме обыгранной прецедентной конструкции о заканчивающихся ресурсах советской эпохи, автором текста удачно переведено слово *Ванкувер* из разряда собственных имен в разряд слов-символов, вербализующих уже лингвокультурный концепт национальной боли и унижения от несостоявшихся амбициозных ожиданий спортивных побед на Всемирных олимпийских состязаниях в канадском городе Ванкувере. Название этого города стало памятным знаком очень неприятной ситуации, в которой оказалась наша страна в десятых годах XXI века, и тем самым слово стало выразителем своеобразной морально-ценностной категории социума, поскольку его интерпретационное поле значительно расширилось. Прецедентные структуры в этом тексте «помогли» зафик-

сировать в языке социально важную эмотивную информацию, недосказанную, невыраженную, глубинный смысл которой не вынесен на поверхность смысловой структуры этого контекста. Он «упакован» в реминисценции, и он важнее, главнее сказанного явно и выраженного специальными словами.

Приведенные выше примеры удачного использования прецедентных структур иллюстрируют их смыслообразующие возможности в насыщении высказываний не только эксплицитованными, но и в еще большей степени имплицитованными смыслами. Однако далеко не всегда прецедентные тексты и реминисценции правильно подбираются и используются удачно в печатных СМИ.

Изучение таких связей на материале прецедентных текстов и их реминисценций в самых разных аспектах остается одной из важных задач современной лингвистики, обращенной к человеку как носителю национального языка, средствами которого и вербализуется национальная концептосфера. Концептуализация действительности и ее последующая категоризация средствами языка во многом определяется национальной картиной мира этноса, которая формируется в результате познания действительности и выработанных в соответствующей культуре стереотипов оценки этой действительности. Национальная картина мира того или иного носителя языка создается в результате взаимодействия двух составляющих ее частей. Во-первых, это общенациональная картина мира, отражающая особенности природы и общества как специфических условий проживания данного этноса, и во-вторых, индивидуальная картина мира, складывающаяся из совокупности фоновых знаний, приобретенных индивидом из самых разных источников и факторов влияния той культуры, действие которой ощутил и усвоил индивид в своей жизненной практике. Индивидуальная картина мира во многом зависит от прагматических установок, модусов и системы оценок культурных факторов, сложившихся у индивида в силу самых разных причин. Приоритеты национальной картины мира фиксируются концептами, в репрезентации которых и участвуют прецедентные слова, тексты и их реминисценции. Формирование способности эффективно использовать прецедентные и реминисцентные средства национальной текстовой культуры происходит постепенно по мере накопления индивидом соответствующих знаний и речевого опыта.

Состав и качество прецедентных текстов и их реминисценций в любой сфере социальной коммуникации являются показателем, с одной стороны, уровня текстовой культуры народа в целом, с другой стороны, – показателем эрудиции, уровня развития этой языковой компетенции, а также уровнем развития интеллекта и культуры языковой личности. Удачно подобранные (составленные) реминисценции, с учетом прагматических и дискурсивных особенностей речи, могут стать ярким выразительным средством, повышающим ее стилистические качества и иллюкативную силу. Реминисценции всегда были востребованы в книжной (письменной) и устной речи, однако состав текстов-источников реминисценций не статичен, он меняется в то или иное время в силу различных обстоятельств, обусловленных политической, социальной, экономической, культурной ситуацией в обществе. Прецедентные тексты, с одной стороны, отражают ценностные ориентации носителей языка, а с другой, – во многом формируют и определяют эти ориентации.

В современных условиях российской жизни СМИ для народа – его основной собеседник по всем жизненным вопросам, уже не только общественным, но и личностным, вплоть до самых что ни на есть интимных, о которых раньше не говорили даже с самыми близкими людьми. СМИ уже далеко не только средства массовой информации. Они превратились в средства массовой коммуникации, в которую втянуты все слои нашего общества. Оттого, каким будет этот язык массовой коммуникации, напрямую зависит духовное здоровье нации и массовое сознание народа.

Язык СМИ оказывает мощное влияние на речевую практику всех слоев населения, а через язык – и на формирование ценностей и идеалов народа. СМИ – это канал, при помощи которого актуальные общественно-политические вопросы современности, текущей жизни социума оказывают влияние на процесс развития человека

[3, с. 95]; один из важнейших на сегодняшний день информирующий, просвещающий, воспитывающий общественный институт [4, с. 14]; основной партнер в диалоге с многотысячной аудиторией по самым разным жизненным вопросам.

Чтобы оценить состав и качество столь важных текстообразующих средств, как реминисценции и прецедентные тексты, в современных печатных СМИ, необходимо сравнить их источники и способы использования с каким-либо эталоном, своего рода идеалом речевой культуры, в совершенстве которой сомнений быть не может. Конечно же, таким эталоном являются прежде всего произведения А. С. Пушкина, поэтому небезынтересно сопоставить источники реминисценций романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» и текстов современных СМИ, вполне отдавая себе отчет в том, что сравниваемые объекты слишком разные и по стилю, и по целям, и по таланту авторов. Тем не менее такое сравнение нам показалось интересным: оно позволяет оценить источники реминисценций СМИ как бы со стороны, а главное, с высоты литературного идеала, каким и является роман А. С. Пушкина. При этом мы далеки от надежд, что наши журналисты станут писать, как А. С. Пушкин, или что журналистская практика приблизится к художественному творчеству великих поэтов и писателей, вполне отдавая себе отчет в том, что существует слишком большое различие в сферах коммуникации, условиях и характере журналистской и писательской деятельности. Тем не менее для более глубокого познания характера реминисценций в современных СМИ и такое сопоставление является не лишним, поскольку оно высвечивает хотя бы одну грань в оценке состава реминисценций современных СМИ и способов их введения в текст. Сопоставляя реминисценции романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» и современных печатных СМИ, мы не ставим перед собой задачи критического анализа речевой практики конкретных журналистов или качеств стиля какой-либо определенной газеты. Мы хотим только выявить основные закономерности, главные особенности использования реминисценций в современных СМИ для осмысления основных путей развития интертекстуальных текстовых связей в этой социально важной коммуникативной сфере, отражающей всеобщие процессы современного текстопорождения (поэтому в документации примеров из газетных материалов не указываем автора и название соответствующих газетных статей).

Сложное переплетение реминисценций и авторской речи является важнейшей текстовой особенностью романа «Евгений Онегин». Реминисценции составляют «один из основных структурообразующих элементов самой ткани повествования романа» [5, с. 411]. В этом наблюдается сходство текста романа с текстами иного рода, в том числе и текстами, создаваемыми авторами СМИ, что соответствует практике создания любого речевого произведения с опорой на уже имеющиеся тексты в данной культуре. Смысл создаваемого текста, его концептуальная основа в той или иной мере формулируется путем отсылки к иному, созданному ранее тексту, «все тексты находятся в диалогических отношениях» [6, с. 69]. Всякий текст вбирает в себя другие тексты, такова закономерность любого текстопорождения, и она объединяет все формы речевого творчества.

Многообразие источников реминисценций в романе – это не только показатель уровня образованности самого А. С. Пушкина, но и показатель высшей ступени культурного обихода окружающего его общества, представлявшего собой средоточие образованности, утонченности нравов, эстетически развитого языкового вкуса. В современных СМИ набор текстов-источников реминисценций не многочислен, что свидетельствует об изменении языковых вкусов, интеллектуального и культурного уровня современных «обладателей журналистского пера», во многом обусловленных окружающей их коммуникативной средой.

Совпадение источников реминисценций в романе «Евгений Онегин» и в современных СМИ немногочисленно. Это – творчество поэтов, писателей, общественных деятелей; музыкальное искусство; фольклорные образы-ситуации; паремии (половицы и поговорки); фразеологические единицы разного типа. Однако эти совпаде-

ния источников реминисценций А.С. Пушкина и современных СМИ носят чисто формальный характер. Так, и А.С. Пушкин, и авторы текстов СМИ используют в своем творчестве высказывания общественных деятелей или иных известных личностей. Но у А.С. Пушкина подобные реминисценции играют в романе смыслообразующую роль, выполняют функцию значимых в смысловом отношении ссылок, а в СМИ использование таких реминисценций в гораздо большей степени обусловлено целями внешнего украшения речи, достижения юмора, выражения имплицитной оценки описываемого события или факта. Выбор источника прецедентного текста в СМИ зачастую зависит от популярности (как положительного, так и отрицательного характера) автора цитируемой фразы. Чем более известен автор первоисточника и чем больше он в своей речи отступает от стандарта публичного общения и строгих литературных норм, тем чаще его высказывания в СМИ становятся прецедентными текстами и материалом для реминисценций. В этом смысле самый цитируемый автор в СМИ уже на протяжении примерно двадцати лет остается В.С. Черномырдин.

Аналогично и с цитированием произведений музыкального искусства. Даже при совпадении типа источника реминисценции – произведения музыки – конкретные виды этих источников не совпадают. У А.С. Пушкина – это прежде всего оперы и романсы, обычно произведения, ставшие позже или бывшие уже в его время классическими. В СМИ представлены в своем большинстве музыкальные жанры массовой культуры (авторские песни, популярная музыка, рок, шансон, рэп, хип-хоп) невысокого интеллектуального и эстетического уровня, часто откровенно безвкусные и даже пошлые, вульгарные. На наш взгляд, это обусловлено языковыми вкусами, условиями и образом жизни не только авторов сопоставляемых текстов, но и носителей языка разных эпох. Молодежь сегодня в своей массе мало интересуется классическими музыкальными произведениями (оперой, например, или камерной музыкой), ее привлекает легкая и так называемая тяжелая популярная не в элитарной интеллигентской среде музыка.

Фольклорные образы, ситуации, используемые А.С. Пушкиным, – это широкий фон народного творчества в разнообразии его жанров – песни, обычаи, загадки, поверья, народные приметы, присказки. СМИ же характеризуются ограниченностью жанров, выступающих в качестве источника фольклорных реминисценций, это в основном только самые известные, изучаемые в школе русские народные сказки и не более того.

А.С. Пушкин использует многочисленные отсылки к образам зарубежной литературы. Причем, реминисценции подтверждают глубокое знание А. С. Пушкиным зарубежной литературы. Так, например, в романе много реминисценций из произведений античной (Д. Ювенал, Гомер, Феокрит, О. Назон), итальянской (Ф. Петрарка), английской (В. Шекспир, С. Ричардсон, Дж. Байрон), французской (Ж.-Ж. Руссо, А. Сталь) литератур. В СМИ реминисценции из зарубежной литературы – это не более, чем крылатые выражения (часто воспроизводимые в искаженном виде) из школьной программной литературы. Например, во всем многообразии изученных нами текстов СМИ творчество В. Шекспира представлено фактически всего одной фразой *Быть или не быть – вот в чем вопрос* и всевозможными ее модификациями, далекими от стилистической корректности. Например, типичная для печатных СМИ: *Быть или не быть товароведом? Вот в чем вопрос...*, а также *Бить или не бить по морде, пить или не пить на работе, жить или не жить на зарплату, рыть или не рыть другому яму, а если ее не рыть, то как быть?* – то есть с небольшим придуманным автором продолжением цитаты и традиционным концом *Вот в чем вопрос*. Нам представляется, что данное высказывание могло распространиться не столько в результате чтения носителями языка трагедии В. Шекспира, сколько в результате ее театральной постановки, а вероятнее всего, – после выхода фильма о суперпопулярной личности В. С. Высоцкого. В этом фильме есть замечательный отрывок – монолог «*Быть или не быть?*» из трагедии В. Шекспира «Гамлет» в исполнении В. С. Высоцкого.

Распространение фразы в связи с подобными, случайными для языка, ситуациями типично для цитирования и образования прецедентных текстов. Мало вероятно, что широкий круг читателей вообще знает текст трагедии, к тому же данная фраза отсутствует в большинстве его переводов на русский язык. Ср.: *Быть или не быть – вот в чем вопрос! / Что доблестнее для души: сносить / Удары оскорбительной судьбы, / Или вооружиться против моря зол / И победить его, исчерпав разом?* (действие 3, сцена 1) – перевод Н. А. Полевого (1837).

Быть или не быть. Вопрос в том, что благородней: сносить пращи и стрелы злобствующей судьбины или восстать против моря бедствий и, сопротивляясь, покончить их... (акт 3, сцена 1) – перевод Н. Х. Кетчер (1873).

Жить или не жить – вот в чем вопрос. / Честнее ль / Безропотно сносить удары стрел / Враждебной нам судьбы, иль кончить разом / С безбрежным морем горестей и бед, / Восстав на все... (акт 3, сцена 1) – перевод А. Л. Соколовского (1883).

Жизнь или смерть, вот дело в чем: / Достойней ли претерпевать / Мятёжного удары рока / Иль отразить их и покончить / Со всею бездною терзаний (акт 3, сцена 1) – перевод А. Месковского (1889).

Жизнь или смерть – таков вопрос; / Что благородней для души: сносить ли / И пращу, и стрелу судьбы свирепой, / Иль встав с оружием против моря зол, / Борьбой покончить с ними. (акт 3, сцена 1) – перевод Д. В. Аверкиева (1895).

Быть или не быть – таков вопрос; / Что благородней духом – покоряться / Працам и стрелам яростной судьбы / Иль, ополчась на море смут, сразить их / Противоборством?... (акт III, сцена 1) – перевод М. Л. Лозинского (1933).

Быть или не быть, вот в чем вопрос. Достойно ль / Души терпеть удары и щелчки / Обидчицы судьбы иль лучше встретить / С оружием море бед и положить / Конец волненьям? (акт 3, сцена 1) – перевод Б. Л. Пастернака (опубликован в 1940 г.). Обилие переводов трагедии В. Шекспира «Гамлет» свидетельствует о ее необычайной популярности среди русских читателей в прошлом. Современное молодое поколение вообще читать не любит, большую часть познавательной информации оно получает из СМИ, поскольку обычно смотрит телевизор, а не читает классическую литературу, зарубежную в том числе, к сожалению.

Совпадение таких источников реминисценций, как паремии и фразеологические единицы, у А.С. Пушкина и в СМИ – это то небольшое, что объединяет эти две сопоставляемые нами творческие сферы. Устойчивый фонд национального языка еще раз подтверждает свою востребованность в качестве источника реминисценций для текстового творчества как в прошлом, так и в настоящем.

Итак, большая часть источников реминисценций сравниваемых нами речевых сфер не совпадает. На наш взгляд, это обусловлено рядом причин, к числу которых мы относим:

Различие в содержании гуманитарного образования эпох. Современники А. С. Пушкина воспитывались на литературных традициях мировой классики, большое внимание уделялось изучению философии, истории, иностранных языков, причем, во времена А. С. Пушкина владение иностранным языком считалось первым признаком образованного человека. Наш массовый молодой современник плохо знает литературу, а изучение иностранного языка в школе сводится к умению читать со словарем. Поэтому реминисценции из античной и славянской мифологии, произведений искусства (изобразительного, хореографического, театрального), философских учений, классических текстов публицистики, цитат из мировой, в том числе античной, литературы, и тем более из иноязычных текстов, исторических сюжетов и т. п. в СМИ нам не встретилось.

Следует заметить, что любой текст всегда рассчитан на адресата. Это обстоятельство предопределяет выбор как содержания, так и формы его вербального представления. Распространение в языке СМИ реминисценций из жанров массовой культуры основывается на сходстве фонда общих знаний адресанта и адресата, а также опирается

на учет способности адресата понимать текст. Перечень текстов-источников реминисценций в СМИ позволяет предположить, что обращение к реминисценциям в СМИ сопровождается апелляцией к литературным и культурологическим знаниям адресата усредненного типа. Наш материал убеждает нас в том, что современная журналистика при отборе и комбинировании языковых средств опустилась до уровня среднего обывателя с невысоким культурным потенциалом и огрубленным языковым вкусом, к сожалению.

Для поэтов, писателей, вообще «тружеников пера» всегда существовала проблема адресата. Но чем адресат А. С. Пушкина отличается от современного адресата? Попутно заметим, что А. С. Пушкин тоже стремился к удовлетворению вкуса своего адресата, например, в романе «Евгений Онегин» частые упоминания о Дж. Байроне – это черта, характерная для читательских интересов современников поэта. Многие поэтизмы сентиментально-романтического плана употребляются поэтом в продолжение традиций Н. М. Карамзина, что, очевидно, вполне отвечало и соответствовало вкусу дамского общества. Мотивы крестьянского, вообще сельского, а также мещанского быта могли удовлетворять вкусу простолюдина и т. д., то есть адресат у романа А. С. Пушкина очень широк, и пристрастия адресата учтены. Реминисценции из знакомых пушкинскому читателю и авторитетных художественных источников открывают для А. С. Пушкина возможность создать многоплановый образ, рассчитанный на органичное восприятие контекстных значений, выполняя роль емких смысловых обозначений. Реминисценция в романе играет роль коммуникативного посредника, помогающего расширить культурное пространство читателя. В современных СМИ все наоборот: выбор автором текста СМИ реминисценций, ориентированных на адресата усредненного типа, сужает культурное пространство современных носителей языка. Текст СМИ не всегда и не во всем отвечает своему назначению не только информировать читателя, но и воспитывать, окультурировать его, насаждать и развивать лучшие этические, эстетические и коммуникативные традиции своего народа. Наше исследование показало, что авторы газетных материалов не озабочены точностью документирования источника реминисценции. Например,

В России две беды...(заголовок). Еще Некрасов подметил: «В России две беды – дураки и дороги». В Старом Осколе в последнее время уделяют повышенное внимание дорогам, это замечают все. Но думается, что некоторое количество вторых героев некрасовского высказывания в Осколе еще осталось... (Ж-б № 37, 2001).

(...) писал Гоголь, в России две беды: дураки и дороги. Так хочется добавить: и власть, мешающая нам вырастить добрых, умных, отзывчивых детей, способных сострадать (Кп № 64, 1999).

В газетных материалах мы наблюдаем разнообразие имен, кому приписывается фраза в *России две беды: дураки и дороги...* Обычно разным русским писателям дореволюционного времени: Г.Р. Державину, Н.М. Карамзину, А.С. Пушкину, Н. В. Гоголю, Н.А. Некрасову, П.А. Вяземскому, И.А.Бунину. По данным же «Службы справки русского языка Института русского языка им. В.В. Виноградова Академии наук Российской Федерации, это апокрифическая фраза (то есть, с неустановленным автором) [internet: АНРФ, справка № 97484]).

Современный журналист не знает даже таких реминисценций, которые еще не так давно наизусть заучивались в школе, фраз из очень популярных произведений в недалеком прошлом, а главное, – он не только не озабочен узнаванием их авторства, но и не стесняется этого. Например,

Лето дается человеку один раз. В году. И прожить его надо так, чтобы потом не было мучительно больно за бесцельно прожитые месяцы. Это сказал кто-то из классиков. Ну, может, он сказал не так или имел в виду что-то другое, но позволим себе этот вольный пересказ...(Кп № 170, 2000). Ср.: Самое дорогое у человека – это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы

самому прекрасному в мире – борьбе за освобождение человечества... (цитата из романа Николая Островского «Как закалялась сталь»). Возможно (но это только наше предположение), первоисточником этих размышлений о смысле жизни является фрагмент из повести А. П. Чехова «Рассказ неизвестного Человека»: *Я верю, следующим поколениям будет легче и видней; к их услугам будет наш опыт. Но ведь хочется жить независимо от будущих поколений и не только для них. Жизнь дается один раз, и хочется прожить ее бодро, осмысленно, красиво. Хочется играть видную, самостоятельную, благородную роль, хочется делать историю, чтобы те же поколения не имели права сказать про каждого из нас: то было ничтожество или хуже того...*

В современных СМИ часто искажаются фразы из классических произведений, относящихся к числу самых известных, являющихся достоянием национальной культуры, к своего рода национальным святыням русского народа. Цель подобного искажения ясна (достичь смехового эффекта, показать себя образованным человеком, украсить свой текст и т. п.), но вряд ли такая цель оправдывает средства. Например,

Депутаты пересмотрели празднички. Но своеобразно. По их поправкам к Закону «О днях воинской славы России», мы теперь, например, День Бородина будем встречать на день раньше, чем была сама битва. Дядя Лермонтова, проведя сутки в пустом поле, сказал бы по этому поводу: «Забил снаряд я в пушку туго и понял – не дождусь я друга...» (Кп № 216, 2003).

Такое небрежное обращение с национальным культурным фондом (в данном случае с прецедентными текстами) не расширяет культурного кругозора носителей языка, а способствует его сужению. На наш взгляд, должно быть наоборот, СМИ должны выбрать курс на сохранение культурного фонда нации, поскольку на современном этапе СМИ представляют наиболее доступный источник информации для носителей языка. Они могли бы формировать языковую культуру социума. Для этого следует создавать тексты, повышающие уровень образованности читателей, укрепляющие ценностные ориентиры в жизни. Реминисценция призвана вызывать положительные эмоции, а не раздражать читателя, когда она употребляется в нелепо искаженном виде и только в качестве средства создания речевой агрессии или юмора для некоторой непритязательной в этом отношении части населения.

Итак, на данном этапе развития культуры общества СМИ довольно часто создают и поддерживают реминисцентные стереотипы массовой и популярной низовой культуры, которые оказывают влияние на формирование предпочтений, вкусов повседневного дискурса. К сожалению, СМИ чаще поставляет нам искаженные реминисценции низкого эстетического качества, грубый и вульгарный языковой материал, аналогичный тому, что тиражируется современной смеховой эстрадой. Например, *Хорошо смеется тот, кто смеется, как лошадь; Чем дальше в лес, тем больше извращенцев; Секс без дивчины – признак дурачины; Реклама: «Чупа-чупс! Мы научим сосать весь мир!»; Умом ты можешь не блистать, но сапогом блистать обязан!»; Бронетемкин «Поносец»; и тому подобная гадость изобилует в наших газетах. При таком использовании реминисценций в СМИ трудно предположить, в каком виде они дойдут до следующего поколения и что останется в наследство следующим поколениям от культурного и языкового богатства реминисценций.*

Язык массмедийной коммуникации оказывает прямое влияние на речемыслительное развитие россиян и на формирование разных типов языковых личностей в современном обществе. Тем самым СМИ приобщают носителей языка к языковому творчеству, к языковой активности. Возбуждая креативный план интеллектуальной деятельности, СМИ создают стереотипы жизненных идеологий получателей информации, формирующие общенародную и языковую картины мира. В силу этого работники сферы массовой коммуникации должны относиться к вопросам культуры своей речи с особой ответственностью, с пониманием своей особой значимости в формировании системы ценностей в обществе, с пониманием силы своего воздействия на судьбы своей страны, народа и его языка.

Список литературы

1. Слышкин Г. Г. От текста к символу. – М.: Academia, 2000. – 128 с.
2. Гинзбург Л. Я. О старом и новом. Статьи и очерки. – Л.: Советский писатель, 1982. – 424 с.
3. Дранишникова О. П. Фразеологические единицы в средствах массовой информации // Язык образования и образование языка: Материалы международной научной конференции. – Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2000. – С. 95 – 96.
4. Малькова В. К. «Сказанное слово не бывает не услышанным». О языке толерантности и конфликтности в современных СМИ // Мир русского слова – 2002. – № 5 (13). – С. 13 – 19.
5. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. – СПб: Искусство, 1996. – 646 с.
6. Чумак-Жунь И. И. Поэтический текст в русском лирическом дискурсе конца XVIII – начала XX1 веков. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. – 244 с.

Список использованных источников и их обозначений

АиФ – газета «Аргументы и факты».

Ж-б – газета «Житье – Бытье».

Кп – газета «Комсомольская правда».

REMINISCENCES IN MODERN PRINT MEDIA

G. M. Shipitsina¹
J. A. Vorontsova²

¹ *Belgorod National
Research University*

² *Belgorod
Law Institute of
the Ministry of Internal Affairs
of Russia*

e-mail:
Shipitsina@bsu.edu.ru
Vorontsova73@mail.ru

The paper presents characteristics of reminiscences as representatives of textual concepts. Sense-creating potentials of precedent texts are revealed that imbue the text with explicit and, moreover, symbolic meanings. To estimate the corps and quality of reminiscences in contemporary print media their sources and uses are compared with the reminiscences of the novel “Eugene Onegin” by A. Pushkin as an ideal set of speech patterns. The comparison leads to the conclusion that media often offer their readers distorted reminiscences of a low aesthetic quality. By supporting low-level reminiscent stereotypes of popular culture media fail to contribute to the formation of society’s lingual culture.

Key words: precedent texts, print media, concept, implicit meaning, culture of speech, lingual development of society.

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.161.1'373.612.2:32

УПОТРЕБЛЕНИЕ МЕТАФОР С ЗООМОРФНЫМ КОМПОНЕНТОМ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

О. И. Агафонова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
agafoнова@bsu.edu.ru*

В рамках настоящей статьи рассматривается функционирование метафор с зооморфным компонентом в политической коммуникации. Зоометафоры исследуются с точки зрения дискурсивного подхода, в условиях повышенного интереса к исследованию внутреннего мира человека на современном этапе развития языкознания. Употребление зоометафор изучается на примере масс-медийного дискурса и институционального политического дискурса.

Ключевые слова: дискурс, политический дискурс, политическая коммуникация, СМИ, метафора, зооморфная метафора.

Современный этап развития языкознания характеризуется повышенным интересом к исследованию внутреннего мира человека. Анализ процесса восприятия действительности человеком с позиции когнитивной лингвистики характеризуется Е. С. Кубряковой как изучение «постоянно протекающей естественной когниции, направленной на простое взаимодействие с миром в сфере нашего каждодневного и повседневно-опыта» [1, с. 8]. Принцип антропоцентричности является одним из ключевых в науке и находит свое выражение в изучении предметов исследования с точки зрения их значения и роля для человека. Автор относит все исследования по категоризации и концептуализации действительности именно к обычному опыту и обычному поведению человека и полагает, что язык отражает результаты когниции как процесса, «ориентированного на решение практических задач по приспособлению человека к окружающей среде, по его выживанию, по классификации данных непосредственно восприятия, по членению потока информации и т. д. и т. п.» [1, с. 8].

Антропоцентрический подход, являясь одним из актуальных принципов исследования в языкознании, находит свое выражение в изучении когнитивных структур или концептов, лежащих в основе формирования картины мира. Концепты (согласно определению Е. С. Кубряковой) являются мыслительными образами, составляющими концептосферу человека (цит. по З. Д. Поповой [2, с. 56-57]), в основе вербализации которых зачастую лежит метафора.

Чудинов А. П. в своей монографии отождествляет концептуальный образ с метафорической мозаикой, в которой «каждая конкретная метафора отражает мировосприятие одного человека», в целом составляя метафорическую картину мира общества в национальном сознании [3].

Метафора рассматривается многими учеными как механизм, позволяющий моделировать процесс познания, как способ категоризации окружающей действительности, как своего рода содержательное наполнение текста. Метафорический образ помо-

гает человеку осмысливать окружающий его мир посредством уже имеющихся у него образов, а исследование метафоричности позволяет проанализировать мышление отдельного индивида или особенности мышления целой культуры.

В значительной мере этому осмыслению способствует опора на хорошо известные и понимаемые большинством образы, которые легко формируются в сознании аудитории при помощи использования зоометафор, то есть языковых единиц, содержащих зооморфный компонент. Мы используем зоометафоры в силу понятности и близости нам их значения – животные сосуществуют с людьми на протяжении долгого времени и, обращаясь к их словесным характеристикам, человек может почти стопроцентно рассчитывать «правильное» понимание создаваемого им образа. Мы берем слово «правильное» в кавычки, поскольку информация, подаваемая под определенным углом зрения, может вызвать диаметрально противоположные представления об одном и том же явлении. Преувеличить или преуменьшить значимость того или иного политического события гораздо легче, если прибегнуть к яркой и красочной зоометафоре. Таким образом, достигается поставленная коммуникативная цель, поскольку мы сами воссоздаем или достраиваем необходимую картину, исходя из созданного образа. Причем в качестве сравнительных характеристик могут выступать как внешние свойства, так и повадки животных, их манера поведения, издаваемые звуки и т.п. По мнению И. В. Мироновой, сами по себе названия животных и лексика, описывающая их характеристики, не имеют оценочного значения, а приобретают его при переносе на человека. Как справедливо замечает автор, «оценочная коннотация зоометафор возникла за счет традиционно сложившихся в данной культуре ассоциаций» [4, с. 150].

Золтан Кёвечеш в своей работе «Metaphor: a practical introduction» в рамках теории концептуальной метафоры относит зооморфные метафоры наряду с метафорами человеческого тела, здоровье и болезнь, растения, строения и строительное оборудование и приспособления, игры и спорт, деньги и экономические сделки, еда и приготовление пищи, жара и холод, свет и темнота, движения и направления (*human body, health and illness, plants, buildings and constructions machines and tools, games and sports, money an economic transactions, cook and food, heat and cold, light and darkness, forces, movement and direction*) к сфере-источнику, т.е. концептуальной сфере, являющейся средством понятия сферы-мишени [5, с. 16 – 20]. Последние, в свою очередь, размыты и лишены четкого контура и вследствие этого тяготеют к метафорической концептуализации. Автор считает зоолексемы чрезвычайно продуктивными, поскольку наш опыт служит естественной и логичной основой для понимания более абстрактных сфер-мишеней [5, с. 6]. Довольно часто мы опираемся на общечеловеческий опыт в оценке того или иного события, прибегая к использованию метафор, содержащих зооморфный компонент, например, *bear, birds of prey, social butterfly, fat cat, cash cow, sacred cow, draconian laws, dark horse, stalking horse, sacrificial lamb, pork barrel, pork busters, swan song* и т. д.

Говоря об использовании метафор с зооморфным компонентом в политическом дискурсе, следует определить, что мы понимаем под этим термином.

В современных исследованиях дискурса вообще и политического дискурса в частности не существует однозначного определения. С точки зрения лингвистики исследователи рассматривают дискурс в отношении к родственным понятиям текст, речь, монолог, диалог, противопоставляя дискурс тексту, отделяя его как процесс речемыслительной деятельности от текста как результата или продукта [6, с. 50]. С точки зрения теории коммуникации дискурс понимается как сочетание лингвистического компонента (текста) и экстралингвистического компонента (контекста) [7, с. 136] и как интерактивный способ речевого взаимодействия в противопоставление тексту как монологическому высказыванию. В понимании Т. Ван Дейка дискурс – сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста. [8, с. 8]. Макаров М. Л. называет дискурс родовой категорией по отношению к

понятиям речь, текст, диалог [9, с. 89]. По мнению В. З. Демьянкова «дискурсом называют текст в его становлении перед мысленным взором интерпретатора». Он считает, что дискурс состоит из предложений или их фрагментов, а содержание дискурса концентрируется вокруг «опорного» концепта, в то время как содержание отдельных предложений – компонентов дискурса – называется пропозициями; эти пропозиции связаны между собой логическими отношениями [10, с. 116]. Дискурс, согласно определению Н. Д. Аругюновой, понимаемый как текст в совокупности с экстралингвистическими факторами, как речь, «погруженная в жизнь», допускает множество измерений [7, с. 136 – 137]. Многосторонний подход к определению понятия дискурса позволяет выделить различные виды дискурса. Различают дискурс устный и письменный, монологический и диалогический, дискурс объекта и дискурс субъекта. С позиции социолингвистики специалисты говорят о дискурсе персональном (личностно-ориентированном) и институциональном, последний из которых, по мнению В. И. Карасика, подразделяется на педагогический, религиозный, научный, политический и медицинский [11, с. 194]. Выделяются также интердискурс (или общий дискурс), в котором осуществляются связи между разного рода дискурсами, и специальные (частные) дискурсы.

Существуют два полярных подхода к трактовке термина «политический дискурс» – узкий и широкий. При узком подходе в качестве источников рассматриваются лишь тексты, созданные политиками и использующиеся в политической коммуникации. В рамках широкого подхода рассматриваются любые тексты, имеющие отношение к политическим проблемам [12], поскольку мы изучаем вопросы языка и коммуникации (в том числе и политической) с точки зрения «погруженности в нее» [7, с. 136]. Это значит, что нас интересует не только что было сообщено адресату, но и то, какую «картину» он получил в результате данного сообщения.

Говоря о политическом дискурсе в рамках полевого подхода, исследователи различают также институциональный политический дискурс, для исследования которого изучают тексты, созданные политиками, и масс-медийный, объединяющий тексты, распространяемые посредством СМИ [12].

По мнению А. П. Чудинова, в содержание политического дискурса входят «все присутствующие в сознании говорящего и слушающего (пишущего и читающего) компоненты, способные влиять на порождение и восприятие речи: другие тексты, содержание которых учитывается автором и адресатом данного текста, политические взгляды автора и его задачи при создании текста, политическая ситуация, в которой создается и «живет» данный текст, репутация издания, в котором он опубликован» [13].

Отграничивая политический от остальных видов дискурса, Е. И. Шейгал понимает его как политическую коммуникацию в широком смысле, а корпус знаков, составляющих семиотическое пространство политического дискурса языком политики [14, с. 30, 34].

Вслед за рядом ученых, придерживающихся широкой трактовки термина «политического дискурса» (А. П. Чудинов, Будаев, Е. И. Шейгал) мы понимаем под политической коммуникацией любые сообщения, имеющие отношение к политике и вызывающие у адресата.

В фокусе нашего внимания находятся особенности употребления метафор с зооморфным компонентом в политической коммуникации. Наш научный интерес объясняется широкой распространенностью данного языкового явления, которое, как мы уже отмечали в данной статье, легко объяснимо с точки зрения общечеловеческого опыта. Нет необходимости доказывать существование концептуальной метафоры ЧЕЛОВЕК – ЭТО ЖИВОТНОЕ. В политических текстах используется концептуальная метафора ПОЛИТИК – ЭТО ЖИВОТНОЕ. В каждой культуре различным представителям животного мира присвоены определенные характеристики, и эти характеристики способствуют построению ассоциативных связей, которые в свою очередь помогают

получить эмоциональный отклик аудитории, тем самым направив ход мысли в нужном направлении.

Поскольку целью любого политического сообщения является получение власти, убеждение аудитории, внушение «правильных» действий и оценок, мы рассматриваем зооморфную метафору как одно из средств ее достижения. Зоометафоры помогают интерпретировать окружающий мир, однако ее умелое использование может как внести ясность, так и заставить нас видеть мир так, как от нас того хотят, затуманивая разум.

Анализируя список политических метафор, приведенных в Википедии, мы обнаружили, что из 36 политических метафор 7 представляют собой метафоры с зооморфным компонентом, что в процентном соотношении составляет 19%:

pork barrel – «казенный пирог»; законопроект, защищающий интересы влиятельных групп; мероприятие, проводимое для завоевания популярности;

dark/black horse – «темная лошадка»; малоизвестный или неожиданно выдвинутый кандидат;

sacrificial lamb – «жертвенный ягненок»; выдвигаемая кандидатура, не имеющая шансов на победу;

stalking horse – «заслонная лошадь»; подставное лицо; кандидатура, выдвигаемая с целью раскола сторонников другой партии;

sacred cow – «священная корова»; человек, организация или идея, которые нельзя критиковать; истина в последней инстанции;

lame duck – «хромая утка»; политик, проигравший выборы и утративший свою власть; чиновник, дожидаящийся отставки и в силу этого обладающий малыми; полномочиями;

turkeys voting for Christmas/Thanksgiving – губительное (suicidal) решение, особенно при голосовании.

Мы не претендуем на то, что данный перечень является исчерпывающим и окончательным в рамках изучаемого вопроса. Однако на наш взгляд Википедия дает независимую и непредвзятую оценку, позволяя получить объективную картину в отношении распространенности зоометафор.

Рассматривая фактический материал, мы на примере конкретных примеров наблюдаем, что концептуальная метафора ПОЛИТИКИ – ЭТО ЖИВОТНЫЕ реализуется посредством всего многообразия зооморфных единиц. Реализация сферы-мишени ПОЛИТИКИ происходят через сферу-источник ЖИВОТНЫЕ:

*What lit the fuse was the concerted attack on councils by Pickles and other ministers – blaming councils for inefficiency, claiming there is no need for any frontline cuts. "Councils should not be using residents as **cash cows**," said the housing minister, Grant Shapps. "If they cut chief executive pay, join backoffice services and cut out crazy non-jobs, they can protect frontline services." (<http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2011/jan/14/savage-local-cuts-unite-tories-labour?INTCMP=SRCH>).*

На примере данной зоометафоры мы наблюдаем реализацию основной функции политической речи. Ее употребление в значительной мере способствует изменению представлений о политической обстановке в сознании аудитории. Концептуализация мира политики происходит посредством его представления через хорошо известный и понятный мир животных. В данном случае стремление нажиться за чужой счет передается при помощи зооморфной метафоры *cash cows* со значением *источник обогащения, дойная корова*.

Манипулировать сознанием и внушать требуемые идеи гораздо легче, используя яркие и понятные образы. Джаред Лаугнер (Jared Laughner), стрелявший в члена Конгресса США **Габриэль** Гиффордс (Gabrielle Giffords), описывается как человек, потерявший последнюю надежду, и в безвыходности его положения потребовалась всего лишь одна капля (*last straw that broke the camels' back*), чтобы решиться на столь отчаянный шаг.

*Jared Laughner, deliberately planned and tried to assassinate a very prominent United States Congresswoman. A Politician. ... He needed a tipping point to go over the top in a negative way. The proverbial **straw that broke the camels' back** (<http://community.nytimes.com/comments/www.nytimes.com/2011/01/11/opinion/11brooks.html?scp=6&sq=off%20the%20hook&st=cse>).*

Социальные проблемы, прямо или косвенно затрагивающие человека, независимо от дискурса их восприятия остаются наиболее значимыми. Острые проблемы находят не менее острое выражение – уменьшение выплат населению для затыкания бюджетных дыр называют драконовским, по аналогии с драконовскими мерами (draconian measures).

*The unions have brought this upon themselves. If they don't give in immediately to demands from Democrat politicians it will only result in more **draconian cuts** when the republicans take over. Government unions need to take the lead on salary and pension reduction now in order to head off even worse stuff in the future (<http://community.nytimes.com/comments/www.nytimes.com/2011/01/04/business/04labor.html?scp=2&sq=draconian%20laws&st=cse>).*

Оценку политическому строю, эффективности политических институтов, методов управления, способов решения конфликтов можно дать прямо. Однако такая характеристика едва ли сможет конкурировать с метафорической оценкой, концептуализирующей сложную, многообразную и противоречивую жизнь современного общества через емкие и устоявшиеся в нашем сознании образы, политики ассоциируются с птичьей стаей, в которой каждый занимает свое место согласно иерархии. Можно сколь угодно долго рассуждать о никчемности или важности некоторых политических фигур, или, прибегнув к использованию зоометафоры, добиться желаемого эффекта одним предложением:

*The minister for tourism, culture and sport, Mary Hanafin, was also touted as a potential challenger. She failed to publicly declare her voting intentions before the secret ballot but announced at lunchtime today that she voted against the Taoiseach. "Cowen, **the dead duck**; Martin **the lame duck**; Hanafin **the gutless duck**; and Lenihan, **the superior duck** who shot himself in the foot" was how Miriam Lord of the Irish Times summed up the failed coup (<http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2011/jan/19/finna-fail-leadership-contest?INTCMP=SRCH>) (dead duck – дохлый номер, никчемный человек, неудачник; lame duck – политик, утративший свое прежнее влияние; gutless duck – бесхарактерная, бесхребетная фигура; superior duck – самодовольный, высокомерный политик).*

Данные примеры иллюстрируют, что зооморфная метафора используется с целью приписать людям определенные признаки, имеющие оценочную характеристику. Мы видим, что оценка практически всегда носит ярко выраженный отрицательный характер. В основе использования данных единиц лежит уподобление политиков животным, живущим по законам сурового мира природы. Их поведение сродни поведению управляемых животными инстинктами зверей, участвующих в борьбе за выживание. Причем, как и в природе есть как потребители, так и рабочие лошадки.

Из иллюстративного материала мы видим, что свое употребление в политическом дискурсе находят не только сами названия животных, но и присущие им действия:

*Our politicians have no interest in improving the plight of the vanishing middle class. That **cash cow will be milked to death** (<http://cityroom.blogs.nytimes.com/2011/01/03/cuomo-gives-himself-a-5-percent-pay-cut/?scp=4&sq=cash%20cow&st=cse>).*

Недовольство среднего класса политикой власти находит свое выражение в использовании зоометафоры *to milk the cash cow* в переносном значении *доить корову*, т. е. *вымогать, выманывать деньги, наживаться нечестным путем за чей-то счет*.

Стратегия поведения политика в политическом процессе определена основной линией поведения в отношении электората, представителей власти, партий, СМИ и т.п. Тщательно обдуманые стратегические ходы помогают политическим игрокам

укрепить свои позиции на политической арене. Неправильный выбор в данной ситуации не только не позволит достичь намеченных результатов, но и может свести на нет все приложенные усилия. Манера поведения Сары Пейлин (Sarah Palin) описывается как попытка спрятаться от проблем при помощи метафоры *hide one's head in the sand* с соответствующим значением *зарыть голову в песок*: *Which is, of course, what our President was saying. Palin was **hiding her head in the sand** and painting herself as the victim here. This is why she'll never be anything more than a media figure* (<http://community.nytimes.com/comments/thecaucus.blogs.nytimes.com/2011/01/13/obama-and-palin-a-tale-of-two-speeches/?scp=4&sq=swan%20song&st=cse>).

Деятельность других политиков, наоборот, напоминает поведение разъяренных животных, которые не сдаются до последнего: *After 18 years as mayor, which made him one of the most influential figures in Russia, Mr Luzhkov is now in the political wilderness. ... It is unclear whether he will now retire from politics to concentrate on his main hobby - bee-keeping - or whether he will attempt **to sting** those who engineered his downfall and go into opposition* (<http://www.bbc.co.uk/news/world-europe-11429878>).

*For most Irish people, the internal leadership contest within Fianna Fáil was nothing more than **the last sting of a dying wasp*** (<http://www.guardian.co.uk/commentifree/2011/jan/19/fianna-fail-leadership-contest?INTCMP=SRCH>).

Вопрос, не имеющий однозначного ответа, можно сравнить с дилеммой что было первым – курица или яйцо: *And so, to Mr. Douthat's **chicken-and-egg dilemma** – which came first: Ms. Palin or the media's sometimes obsessive coverage of her? – we might want to add a third actor: the audience* (<http://fivethirtyeight.blogs.nytimes.com/2011/01/18/the-chicken-the-egg-the-media-and-sarah-palin/?ref=johnmccain>).

Нередки также упоминания продуктов, получаемые от различных животных. Выражение *pork barrel* имеет значение *кормушка, казенный пирог*. Распределение денежных средств в угоду определенным кругам имеет название *pork-barrel spending*, люди, пытающиеся с этим бороться *porkbusters*: *Though Mr. Kirk and other Republicans thundered against **pork-barrel spending** and lawmakers' practice of designating money for special projects through earmarks, they have not shied from using a less-well-known process called lettermarking to try to direct money to projects in their home districts* (http://www.nytimes.com/2010/12/28/us/politics/28 earmarks.html?_r=1&scp=2&sq=pork%20barrel&st=cse).

Речи политиков, направленные на возникновение общественного резонанса, часто называются *red meat speech*. Они основаны на аналогии с реакцией животных на кусок сырого мяса:

*Well if our Caucus Blog is a reliable indicator of such things - the furious debate started less than 24 hours ago after the tragedy - started by posters who could not shake their identities as political junkies. And this Blog loves **red meat talk**. But the reality is - what we write here has very little influence on politics on a national scale, even if it is The New York Times* (<http://community.nytimes.com/comments/thecaucus.blogs.nytimes.com/2011/01/12/after-arizona-how-to-return-to-politics-and-when/?scp=12&sq=red%20meat&st=cse>).

Таким образом, подводя итог вышесказанному, следует отметить, что метафоры с зооморфным компонентом играют важную роль в политических текстах, поскольку в значительной мере способствуют формированию представления о политическом устройстве государства, его лидерах. Их изучение на примере конкретного языка и национальной культуры способствует пониманию проблем и политический реалий других государств. Политические зоометафоры не просто передают информацию, а преобразуют ее в картину мира, оказывая эмоциональное воздействие. Антропоцентрический подход к их изучению в свете теории концептуальной метафоры помогает понять систему языка политики и особенности мышления народа, равно как и сделать выводы о закономерностях их функционирования и способах практического воздействия в процессе политической коммуникации в целом.

Список литературы

1. Кубрякова Е. С. (Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. - Воронеж, 2001. - С. 4 – 10).
2. Попова З. Д. Способы вербализации концептов как проблема когнитивной лингвистики [Электронный ресурс]. - *Respectus Philologicus* – 2009. Вып. 16 (21). – Режим доступа: http://filologija.vukhf.lt/images/straipsniai09/2_1%20EN_RU%20Popova.pdf (дата обращения 23.12.2010).
3. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации [Электронный ресурс]. – Екатеринбург, 2003. – 248с. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-03a.htm> (дата обращения 11.01.11).
4. Зоометафора в свете антропоцентричности языка (на материале английской лексики) // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: науч. изд./ Под ред. И. А. Стернина. – Воронежск. Гос. ун., 2001. – С. 149 – 151.
5. Kövecses, Zoltán. *Metaphor: A practical introduction*. – N. Y.: Oxford University press, 2002.
6. Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка / В. З. Демьянков // Язык. Личность. Текст : сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / Ин-т славяноведения РАН; отв. ред. В. Н. Топоров. - М.: Языки славянских культур, 2005. – С. 34 – 55.
7. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
8. Дейк Т. А. ван Язык. Познание. Коммуникация. - Б.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
9. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
10. Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие / Отв. ред. М.Н. Володина. М.: Изд-во Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 2003. – С. 116 – 133.
11. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
12. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика [Электронный ресурс]. – Екатеринбург, 2006. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/budaev-chudinov-06a.htm> (дата обращения 10.01.11).
13. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации [Электронный ресурс]. – Екатеринбург, 2003. – 248с. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-03a.htm> (дата обращения 10.01.11).
14. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: Дис. ... д-ра. филол. наук. Волгоград, 2000. – 432 с.

USE OF METAPHOR WITH ZOOMORPHIC COMPONENTS IN POLITICAL DISCOURSE

O. I. Agafonova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
agafonova@bsu.edu.ru*

The article reviews the functioning of animal metaphors in political discourse. Animal metaphors are examined in the context of discourse approach due to the intense interest for inward life in the modern era. Animal metaphors are studied in the terms of mass-media discourse and institutional political discourse.

Key words: discourse, political discourse, political communication, mass media, metaphor, animal metaphor.

МОНО-, ПОЛИ- И ЗНАНТИОХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ФРАНЦУЗСКОГО АРГО

С. А. Андросова
Ю. Г. Синельников

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
androsova_s@bsu.edu.ru
sinelnikov@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются французские арготические фразеологические единицы, содержащие в своей семантике характеристику человека. Определяются основные типы этих единиц в зависимости от степени выраженности характеристики человека и от количества передаваемых ими характерологических значений.

Ключевые слова: французское арго, характеристика человека, фразеологизм, моносемия, полисемия, энантиосемия.

Изучение арго является актуальным в современной лингвистике в связи с устойчивой тенденцией использования арготических единиц как наиболее эмоциональных, экспрессивных и выразительных средств коммуникации. Под французским арго мы понимаем совокупность сниженных единиц, которые хотя бы в одном из французских лексикографических источников зафиксированы с пометой «arg.».

Употребление арготических лексических и фразеологических единиц всё больше зависит от ситуации общения, а не от социальной принадлежности говорящих. Арго, являясь преимущественно метафорическим вокабуляром, выполняет необходимые для живого языка людическую функцию [2, с. 110 – 111; 6, с. 348 – 354], аттрактивную функцию [4, с. 75], репрезентативную функцию [1, с. 18; 3, с. 24; 9, с. 18], функцию модернизации, стилизации и интимизации [4, с. 75; 8, с. 878]. В качестве доминирующей функции арготических фразеологизмов мы выделяем ещё одну – *характерологическую*, до сих пор не выделяемую лингвистами. Под характерологической функцией арготических фразеологизмов подразумевается направленность подавляющего большинства французских фразеологизмов арго на передачу характеристики человека. Именно благодаря этой функции арготические фразеологизмы имеют тенденцию к такому широкому распространению в СМИ, а, следовательно, и к закреплению в письменно-литературном французском языке. В связи с тем, что основной функцией языка средств массовой информации является унормирование общезакономерного письменно-литературного языка на всех его уровнях [7, с. 36], арго принимает непосредственное участие в формировании норм, развитии и обновлении современного французского языка.

Языковые средства, служащие для передачи различных аспектов характеристики человека (внешнего облика, психоэмоционального состояния, физического и физиологического состояния, индивидуально-личностных черт, интеллектуальных особенностей, социального положения), рассматриваются в работах таких учёных, как Ю. Д. Апресян, Г. А. Багаутдинова, Т. В. Бахвалова, С. А. Булгучёва, Е. В. Ванякина, А. И. Геляева, Ж. Х. Гергокова, Й. Дагчева, И. Р. Зайнетдинова, Э. Р. Замалютдинова, Н. П. Идрисова, Е. Н. Калкина, В. И. Карасик, О. Б. Клевцова, Е. А. Кольцова, О. В. Княгина, О. Н. Крылова, А. О. Кубасова, О. Г. Лапшина, А. А. Мартынова, А. А. Марцелли, С. Д. Мирзаханова, Т. М. Николюкина, Е. Р. Ратушная, М. М. Робертус, Э. М. Сайтова, Л. А. Сайфи, Л. Р. Сакаева, Ю. П. Солодуб, Е. А. Хомяков, А. Chrupala и др. Однако, на материале арготической фразеологии французского языка способы и средства передачи характеристики человека ещё не анализировались.

В настоящей работе французские арготические фразеологизмы, содержащие в своей семантике характеристику человека, обозначаются термином «характерологические арготические фразеологические единицы».

Исследование показывает, что по степени выраженности характеристики фразеологический фонд французского арго представлен единицами, содержащими в своей семантике как *явную* и *прямую* характеристику человека, так и *косвенную* (*опосредованную*) характеристику. При этом, фразеологизмы с явной и прямой характеристикой передают *статичную* характеристику человека, а фразеологизмы, содержащие косвенную характеристику, являются *динамичными*.

У арготических фразеологизмов с явной характеристикой человека опорный компонент выражен чаще всего антропонимом, а вспомогательные компоненты выступают в роли характеризующих единиц и создают основу характеристики: «*largue en rance*» (*'largue' арго 'женщина'*) – «бывшая зазноба, брошенная любовница»; «*homme de poids*» (*'homme нейтр. 'человек'*) – «влиятельный человек».

Фразеологизмы с прямой характеристикой человека несут в своём значении прямое указание на то, какими свойствами и признаками обладает человек: «*avoir un coup de chasselas*» – «быть пьяным»; «*avoir la pomme de canne fêlée*» – «быть сумасшедшим».

К арготическим фразеологизмам с косвенной характеристикой мы относим единицы, указывающие на действия человека, по которым ему можно дать определённую характеристику. Такие фразеологизмы представляют собой глагольные конструкции. Так, например, характерологическая арготическая фразеологическая единица «*prendre une charge*» – «напиться» опосредованно указывает на то, что тот человек, по отношению к которому используется данный фразеологизм, находится в состоянии алкогольного опьянения, а фразеологизм «*(en) mettre plein les châsses*» – «льстить» косвенно свидетельствует о льстивом характере человека, по отношению к которому применяется данный фразеологизм.

Однако одни и те же фразеологизмы могут использоваться для выражения как статичной, так и динамичной, как прямой, так и косвенной характеристики человека. Например: «*en prendre plein le nez*» – «быть пьяным, под хмельком; напиваться».

Анализ фактического материала позволил выявить, что по количеству передаваемых значений французские арготические фразеологизмы представлены *монохарактерологическими*, *полихарактерологическими* и *энантиохарактерологическими* единицами.

Под монохарактерологическими фразеологизмами понимаются единицы, имеющие только одно значение, в котором заключена характеристика человека по какому-либо одному параметру: «*les ouvriers de la onzième heure*» (букв. «рабочие одиннадцатого часа») – «люди, которые всегда опаздывают»; «*avoir la voix dans les chaussettes*» (букв. «иметь голос в носках») – «не иметь поставленный голос».

Среди монохарактерологических фразеологизмов были выявлены единицы, значение которых может быть направлено на передачу характеристики как человека, так и неодушевлённого предмета, в зависимости от речевой ситуации. Так, арготический фразеологизм «*à chier*» – «противный, отвратительный, невыносимый» используется как при характеристике человека, так и при характеристике предметов и абстрактных понятий.

«*Mais c'est vrai qu'elle est à chier, cette femme!*» (P. Smail, «*Vivre me tue*».) – «Но, это действительно так, она просто невыносима, эта женщина!»

«*Il a aussi des tas d'insignes à chier épinglés au plastron: variations sur le thème de la croix gammée*». (J.-F. Vilar, «*Passage des singes*».) – «У него также куча отвратительных значков, приколотых к манишке: вариации на тему свастики».

Значение таких монохарактерологических фразеологических единиц может получать различную актуализацию в зависимости от объекта характеристики, от того, является ли он одушевлённым или неодушевлённым. Так, фразеологизм «*de choc*», имеющий значение «активный, авангардный, передовой», актуализируется в дискурсе следующим образом:

«*Travailleuse de choc (Sophia Loren, vedette de cinéma), on la récompense souvent.* (Le nouveau Candide) – «*Неустанная труженица (известная киноактриса Софья Лорен) часто получает премии*».

«*L'importation de choc pour lutter contre la hausse des prix.* (Elle, № 3192, 5 mars 2007.) – «*Массовый импорт товаров как мера борьбы с повышением цен*».

К монохарактерологическим отнесены также фразеологизмы, в одном из значений которых заключена характеристика человека, а в другом – характеристика неодушевлённого предмета: «rain dur» (букв. «чёрствый хлеб») – а) «скупой человек», б) «невыгодное, неинтересное дело; источник неприятностей». У таких фразеологизмов значения часто отличаются своим коннотативным знаком. В ходе исследования было замечено, что у многих арготических фразеологических единиц, используемых при характеристике как одушевлённых, так и неодушевлённых предметов, значение, заключающее в себе характеристику человека, является отрицательным, а значение, в котором содержится характеристика предметов, как правило, положительное: «être bien taré» – а) «быть сумасшедшим, психованным, чокнутым (о человеке)», б) «быть удачным, хорошо сделанным (о неодушевлённом предмете)».

Арготические фразеологизмы, имеющие два и более значений, в которых содержится характеристика человека, являются полихарактерологическими. Они могут быть двух типов.

Первый тип составляют *собственно полихарактерологические* единицы, которые в одном своём значении передают сразу несколько характеристик человека: «un roids mort» (букв. «мёртвый груз») – «бесполезный и надоедливый человек»; «tête de bois (или de mule, de boche, de pioche)» – «глупый и упрямый человек»; «agité du bocal» – «сумасшедший, безответственный, несерьёзный». У таких полихарактерологических фразеологизмов выделяется основная и дополнительная семы. Для фразеологии арго характерна тенденция к переходу полихарактерологических фразеологизмов первого типа в разряд монохарактерологических путём утраты основной семы и использования фразеологизмов со значением дополнительной семы. Так, у характерологического арготического фразеологизма «boîte à vice» (букв. «коробка для порока») – «умный и хитрый человек» наблюдается утрата основной семы 'умный'. Во французских арготических словарях последних лет издания этот фразеологизм зарегистрирован уже лишь со значением «хитрый человек». Одной из причин этого стало появление у лексической единицы 'vice' значения 'хитрость; двуличие', регистрируемого как сниженное.

В основе значений полихарактерологических фразеологизмов первого типа наблюдаются чаще всего причинно-следственные отношения: «avoir trop de bois à la traîne» (букв. «тащить за собой слишком много дров») – «быть тучным и неповоротливым». По значениям полихарактерологических фразеологизмов первого типа можно определить часто аксиологическую систему носителей французского арго. Так, наличие в арготическом фонде таких характерологических арготических фразеологических единиц, как «avoir de ça» (букв. «иметь это») – «иметь пышный бюст; быть физически привлекательной», показывает, что для арготирующих при характеристике внешнего облика женщины большое значение имеет размер груди: чем больше грудь, тем женщина привлекательнее.

Второй тип полихарактерологических фразеологизмов составляют *полисемичные* единицы, имеющие несколько отдельных значений, в которых заключена характеристика человека, например: «attacher son coteau» (букв. «извлекать свою стружку») – а) «испытывать оргазм (о мужчине)», б) «заниматься проституцией»; «être dur à la desserre (или la détente)» – а) «быть тугим на расплату, прижимистым, скупым, с трудом раскошелиться», б) «быть несговорчивым, неподатливым», в) «быть тяжёлым на подъём».

Значения у полисемичных арготических фразеологизмов, как и у единиц письменного-литературного языка, появились как на базе последовательного, так и параллельного переосмысления. Последовательное переосмысление более характерно для

фразеологизмов, семантика которых в результате первичного переосмысления минимально абстрактна, более вещественна: «travailler pour la marine» (букв. «работать на морской флот») – а) «страдать запором», б) «писать мало, быть неплодовитым (о писателе)»; «péter dans la soie» – а) «носить тонкое белье», б) «быть шикарно одетым», в) «жить припеваючи, купаться в роскоши». При параллельном переосмыслении значения фразеологизма строятся на одном образе. Так, образ барабанных палочек, заключенный в характерологической арготической фразеологической единице «avoir des baguettes de tambour», явился основой для создания у него двух параллельных значений, в которых заключена характеристика внешнего облика человека: а) «иметь тонкие, хилые ноги», б) «иметь прямые, короткие и жёсткие волосы». Параллельное переосмысление иногда приводит к появлению у одной и той же характерологической арготической единицы довольно разных фразеологических значений в силу того, что переменное сочетание может соотноситься с разными ситуациями и по-разному переосмысляться: «ne rien avoir dans le ventre» (букв. «не иметь ничего в животе») – а) «быть трусом», б) «быть вялым, бездеятельным, мало чего стоить». И при последовательном, и при параллельном переосмыслении происходит также сужение семантики фразеологизма. Так, например, у фразеологизма «être dans le (или en plein) potage» – а) «быть в неопределённости», б) «быть в тяжёлом положении», в) «потерять сознание, упасть в обморок» третье значение сведено до максимально узкой характеристики человека. Сужение значений фразеологизмов может доходить до гендерной избирательности этих арготических единиц в их определённых значениях. Так, первые два значения характерологического фразеологизма «faire sa poige» – а) «быть всем недозвольным, брюзжать», б) «задирать нос, воображать» ориентированы на характеристику как мужчин, так и женщин, в то время как третье значение этого фразеологизма в) «изображать из себя недотрогу (о женщине)» значительно уже первых двух, т. к. имеет дополнительную фразеосему «женский род».

Данные французских словарей различных лет издания позволили проследить динамику развития полисемии у характерологических арготических фразеологизмов, которая связана прежде всего с эволюцией арготической лексики и фразеологии в направлении их общедоступности и общеупотребительности. Так, первоначально, арготические единицы, выполнявшие в языке в основном криптолалическую функцию и используемые преимущественно деклассированными элементами, отражали довольно узкую тематику. По мере развития арго, изменения его статуса во французском языке и выдвигания на первый план его эмоционально-экспрессивной и характерологической функций многие именно характерологические арготические фразеологизмы стали претерпевать вторичное переосмысление на базе эвфемизации первичного значения и расширения семантики арготической единицы. Так, например, фразеологизм «sortir du chou» первоначально использовался с исконно арготическим значением «находиться под действием наркотиков». Теперь же этот фразеологизм применяется и с его вторичным значением «забыться, впасть в оцепенение», которое появилось в результате эвфемизации и расширения первичного значения. Появление у фразеологизмов новых подобных значений способствует их быстрому распространению и закреплению в речи носителей французского языка.

Развитая полисемичность типична для характерологических арготических фразеологизмов с компонентами-полисемантами. Наибольшая полисемия характерна для соматических арготических фразеологизмов. Так, например, характерологический арготический фразеологизм «ne rien avoir dans le coso», в состав которого входит соматизм-полисемант 'coso', передающий значения а) 'голова', б) 'брюхо', имеет две образные основы 'не иметь ничего в голове' и 'не иметь ничего в брюхе', а, следовательно, и два параллельных значения: а) «быть дураком, тупицей», б) «быть голодным».

Значительную группу полисемичных характерологических арготических фразеологизмов образуют эллиптические единицы. Примечательно, что в своей эллиптической форме арготические фразеологизмы часто имеют больше значений, чем в раз-

вёрнутой, т.к. эллиптические формы различных по значению фразеологизмов, отличающихся лишь опорными компонентами, могут совпадать. Так, фразеологизм «en tenir» является эллиптическим вариантом следующих разнохарактерологических моносемичных фразеологизмов: «en tenir une couche» – «быть набитым дураком»; «en tenir un coup» – «быть пьяным», но при этом используется для передачи трёх значений: а) «быть обманутым женой», б) «быть глупым, дураком», в) «быть пьяным».

«*Ça, il y en a qui en tiennent une couche. – Ils se croient malins, et ils ne disent que des bêtises...*» (R. Queneau, «*Pierrot mon ami*».) – «*Это уж точно, дураки. – Считают себя умными, а говорят такие глупости...*»

«*Qu'est-ce que je vous avais promis, chère Karin? Le mariage! Rien que ça! Eh bien, dites donc, je devais en tenir ce jour-là! (Ch. Exbrayat, «Les Messieurs de Delft».) – «Что же я вам обещал, дорогая Карэн? Жениться на вас! Только и всего! Ну что ж, должно быть, я был пьян в тот день».*

В ходе исследования было установлено, что полихарактерологические арготические фразеологизмы могут отражать либо *одноаспектные*, либо *разноаспектные* характеристики.

Одноаспектные полихарактерологические единицы принадлежат одной фразео-тематической группе. Так, целый ряд собственно полихарактерологических феминных фразеологизмов «*planche à repasser*» (букв. «гладильная доска»), «*planche à pain*» (букв. «доска для резки хлеба») – «худая женщина с плоской грудью»; «*viande de seconde catégorie*» (букв. «мясо второго сорта»), «*basse viande*» (букв. «мясо низкого качества») – «пышнотелая женщина с дряблой кожей» относятся к фразео-тематической группе «Внешний облик». Среди собственно полихарактерологических единиц фразео-тематической группы «Социальное положение» особо выделяются фразеологизмы, которые в одном своём значении отражают бедное материальное положение и отсутствие работы: «(être, se trouver, rester, voir, voilà) sur le sable», «*traîner la savate*» – «(быть) на мели, без гроша, без работы».

«*Il s'appelle Maurice... Il travaille dans la chaussure. Mais c'est la morte-saison. Alors il est sur le sable. Il se ronge les sangs, vu qu'il a toute une petite famille sur le dos.*» (J.-P. Chabrol, «*Le Bout-Galeux*».) – «*Зовут его Морис... Он обувщик. Но сейчас мёртвый сезон. И он сидит на мели. Настроение у него прескверное, так как у него целая семья на руках».*

«*Quarante heures supplémentaires par mois, quatre lascars de ton acabit, et voilà un camarade sur le sable et nos conquêtes sociales à l'eau...*» (J. Fréville, «*Pain de brique*».) – «*Сорок сверхурочных часов в месяц, четыре типа вроде тебя, а в результате один из наших товарищей лишился работы, и от наших социальных завоеваний ничего не осталось...*»

Анализ фактического материала позволил выявить полисемичные единицы, все значения которых позволяют отнести их к одной фразео-тематической группе. Так, полисемичные фразеологизмы «*avoir du toupet*» – а) «быть нахальным, дерзким, наглым», б) «быть горячим, вспыльчивым»; «*se regarder le nombril*» (букв. «смотреть на свой пупок») – а) «предаваться самосозерцанию», б) «бездельничать», в) «возомнить себя пупом земли» в каждом из своих значений используются при передаче индивидуально-личностных черт человека. Особо выделяются полисемичные фразеологизмы фразео-тематической группы «Эмоционально-психологическое состояние», которые привлекаются для передачи различных отрицательных психоэмоциональных состояний: «*se cailler les sangs (или le raisin, la bile)*» – а) «злиться», б) «волноваться»; «*avoir la boule (или les boules)*» – а) «робеть, трусить», б) «волноваться, быть встревоженным», в) «быть нервным, раздражённым, злиться».

«*Ça m'angoisse, tu comprends. J'ai des boules, de noires inquiétudes.*» (San-Antonio) – «*Понимаешь, это вызывает во мне чувство тревоги. Меня охватывает страх, мрачное беспокойство».*

«*Y a pourtant des rockys / Qu'ont dû avoir les boules / En m'voyant applaudi / Même par les babas cool.*» (Renaud) – «*Есть тем не менее рокеры / Которые должно быть очень злятся / Когда видят, как мне аплодируют / Даже хиппи».*

Анализ полисемичных фразеологизмов тематической группы «Социальное положение» позволил выявить частотное сочетание следующих значений у одной характерологической арготической фразеологической единицы: а) «иметь достаточно средств; быть зажиточным», б) «иметь солидное положение, пользоваться авторитетом»: «avoir (или posséder) de la surface». Наличие подобных фразеологизмов свидетельствует о прямой зависимости степени материальной обеспеченности и положения, занимаемого в обществе.

Среди разноаспектных арготических фразеологизмов были выявлены весьма различные единицы. Особое внимание привлекают такие фразеологизмы, которые применяются при передаче характеристики человека сразу по четырём аспектам (внешний облик, социальное положение, физическое и физиологическое состояние, психоэмоциональное состояние): «sale gueule» – а) «неприятная, отталкивающая физиономия, мерзкая рожа», б) «вид преступника, уголовника, бандитская рожа», в) «нездоровый вид», г) «недовольный, надутый вид».

«*Tu n'as pas l'air d'un cul-terreux. – De toute façon, il faut dresser. D'ailleurs, le nôtre a une sale gueule.*» (J.-L. Curtis, «*Le thé sous les cyprès, Venise en question*».) – «Ты вовсе не похож на деревенщину. – Всё равно, надо их дрессировать! А у нашего премерзкая рожа».

«*Tu veux que je te marque ta sale gueule, Minable?!*» (J. Hadley Chase, «*Et toc!...*».) – «Ты хочешь, чтобы я тебе расквасил твою бандитскую рожу, жалкий тун?»

«*Tu devrais te reposer, dit-il, tu as une sale gueule.*» (M. Duras, «*Le Marin de Gibraltar*».) – «Тебе следовало бы отдохнуть, у тебя нездоровый вид».

«*Odile et Serge font la sale gueule de qui se sent dans son bon droit.*» (J. Forton, «*Les Sables mouvants*».) – «Одиль и Серж сидят с надутыми физиономиями, каждый считает себя правым».

Некоторые фразеологизмы, имеющие более одного значения, специалисты относят не к полисемичным, а к энантиосемичным единицам, в силу специфики значений этих фразеологических единиц. Энантиосемичные единицы характеризуются совмещением двух противоположных или близких к ним значений [5], например: «il a la frite» – а) «ему везёт», б) «он в отличной форме, он в порядке», в) *ирон.* «ему не везёт; ему везёт как утопленнику». На создание энантиосемичности фразеологизма влияет, как правило, его образная основа. Если образ вызывает ассоциации как положительного, так и отрицательного содержания, то фразеологизм, созданный на основе этого образа, чаще всего энантиосемичный. Например, одним из продуктивных образов для создания энантиосемичных арготических фразеологизмов, ориентированных на характеристику эмоционально-психологического состояния человека, служит 'гусиная кожа' 'chair (peau) de poule': «avoir la chair (или la peau) de poule» – «иметь мурашки на коже, покрываться гусиной кожей (от страха или восторга)». Из следующих примеров видно, что эти фразеологизмы могут использоваться как с отрицательной, так и с положительной коннотацией:

«*Madame Astier parlait et répondait avec une parfaite aisance, la mine et la voix heureuses, à me donner la chair de poule.*» (A. Daudet, «*L'Immortel*».) – «Госпожа Астье говорила и отвечала с такой великолепной непринуждённостью, с таким счастливым видом и голосом, что у меня мороз по коже пробежал от страха».

«*Pierre Brousse retenait son souffle. Il comprenait mal les mots mais il avait la chair de poule, non pas de peur mais parce que cette musique et ces paroles graves éveillaient en lui une émotion inconnue.*» (P. Gamarra, «*Rosalie Brousse*».) – «У Пьера перехватило дыхание. Он с трудом разбирал слова, но у него мурашки бежали по спине – нет, не от страха, а от того, что эта музыка и торжественные слова пробуждали в нём неведомое чувство восторга».

Таким образом, французский характерологический арготический фонд составляют субстантивные и адъективные фразеологизмы с явной и прямой характеристикой, глагольные единицы с косвенной характеристикой, статичные и динамичные

фразеологизмы. По количеству передаваемых значений арготические фразеологизмы французского языка, в семантике которых заключена характеристика человека, представлены монохарактерологическими, полихарактерологическими и энантиохарактерологическими единицами. Для французской характерологической арготической фразеологии полисемия является развивающимся явлением в силу специфики эволюции арго в сторону его общедоступности и всеупотребительности. В связи с этим наряду с первоначальным исконно арготическим значением у фразеологизмов появляются новые значения, часто являющиеся эвфемизмами первичнообразных значений. Причина расширения смысловой структуры фразеологических единиц заключается также в характере их семантики и способности к ситуативному переосмыслению. Процессы образования новых значений представлены двумя типами: последовательным и параллельным переосмыслением. Фразеолексы-полисеманты обуславливают использование одного и того же фразеологизма с разными образными мотивировками, что приводит к появлению у этой фразеологической единицы параллельных значений. Способность характерологических арготических фразеологизмов к развитию и усложнению их семантической структуры определяется типом мотивированности и ассоциативным характером значения их исходных, а также значением слов-компонентов. Развитие многозначности у арготических фразеологических единиц свидетельствует о продолжительности их существования в языке.

Список литературы

1. Береговская Э. М. Механизмы, формирующие французское арго / Э. М. Береговская // Проблемы социального разноречия. – Смоленск, 1995. – С. 11–19.
2. Береговская Э. М. Фразеологизмы арго как специфический взгляд на мир / Э. М. Береговская // Фразеология в контексте культуры. – М.: Яз. рус. культуры, 1999. – С. 108–113.
3. Енов Л. И. Денотативно-коннотативная соотносённость арготических фразеологизмов: 10.02.19: дис. ... канд. филол. наук / Леонид Игоревич Енов; [Челяб. гос. ун-т]. – Челябинск, 2004. – 140 с.
4. Кучухидзе Л. Арго в журнале «Femme Actuelle» / Л. Кучухидзе // Scripta manent VII: Сб. науч. раб. – Смоленск, 2001. – С. 71–76.
5. Махмутова Л. Р. Основные типы энантиосемии в современном русском языке: 10.02.01: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Люция Рафаиловна Махмутова; [Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина]. – Казань, 2009. – 204 с.
6. Палагина О.И. Реализация людической функции во французском арго / О. И. Палагина // Актуальные проблемы романистики: материалы междунар. конф. (Воронеж, 20–22 мая 2009 г.). – Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2009. – С. 348–354.
7. Синельников Ю. Г. Особенности языка дикторов французского радио: дис. ... канд. филол. наук // Ю. Г. Синельников; [Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской]. – М., 1987. – 151 с.
8. François-Geiger D. Introduction à la première édition / D. François-Geiger // Dictionnaire de l'argot français et de ses origines (J.-P. Colin, J.-P. Mével, Ch. Leclère). – P.: Larousse / VUEF, 2002. – P. 875–883.
9. Guiraud P. L'argot / P. Guiraud // Que sais-je? – P.: PUF, 1956. – 128 p.

MONO-, POLY- AND ENANTIOCHARACTERISTIC PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE FRENCH ARGOT

S. A. Androsova
Y. G. Sinelnikov

*Belgorod National
Research University*

e-mail:
androsova_s@bsu.edu.ru
sinelnikov@bsu.edu.ru

The article deals with the argotic phraseological units which contain in their semantics person's characteristic. The main types of these units according to the level of the evidence of person's characteristic and to the number of characteristic meanings they transfer are determined.

Key words: French argot, person's characteristic, phraseological unit, monosemy, polysemy, enantiosemy.

УДК 81-112.81'362

ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ МОРФОЛОГИИ ДИАЛЕКТОВ

Ж. Багана
Е. В. Бондаренко

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
baghana@yandex.ru
bond-elena@yandex.ru*

В статье описывается английский язык на древнем этапе его диахронии, раскрываются специфические особенности морфологии четырех древнеанглийских диалектов, рассматриваются вопросы варьирования показателей морфологических категорий и выясняются возможные причины наличия диалектных отличительных черт.

Ключевые слова: эволюция языка, диалектное варьирование, маркеры морфологических категорий, внутренние и внешние причины языковых изменений.

Введение

В V в. н. э. когда первые германцы высаживались в Британии, у них не было одного общего языка. Понятия «древнеанглийский язык» не существовало. Разделенные на племена древние германцы говорили на отдельных диалектах. В них было много общего и люди, использовавшие эти диалекты, понимали друг друга. Но, не смотря на наличие сходных черт, в диалектах имелись и различия. Существует мнение, что древнеанглийские диалекты восходят к бывшим племенам, которые на континенте жили рядом, но не вместе. Интересна и другая точка зрения, согласно которой германская эмиграция осуществлялась несколькими большими группами, и не одновременно. Германцы, переселившиеся в Британию, принадлежали к четырем этническим группам: англов, саксов, ютов и фризов. Саксы и юты переселялись отдельно и в другое время, чем племена англов [1].

Каждая из этих групп образовала свои поселения, не смешиваясь с другими. На севере страны селились англы, объединившиеся в два королевства: Нортумбрию и Мерсию. Королевство Уэссекс основали саксы. На юго-востоке страны появилось королевство ютов – Кент. Таким образом, на древнем этапе диахронии английского языка выделяют четыре диалекта: нортумбрийский, мерсийский, уэссекский и кентский. Только после того, как король Уэссекса Альфред Великий объединил независимые королевства в конце IX в. н. э., разрозненные диалекты стали постепенно обнаруживать общие тенденции развития. Но процесс этот был долгим, именно поэтому как в среднеанглийский период, так и в современном английском языке, диалекты все еще различимы.

Междиалектное расхождение уходит корнями в различие культурное, во времена, когда племена древних германцев жили на континенте [2]. Диалекты англов в королевствах Нортумбрии и Мерсии имели наибольшее количество различий по сравнению с диалектом саксов. Причину этому явлению следует искать в фонологических процессах, происходивших в древнейшую эпоху. На юге страны морфология была более консервативна и дольше других диалектов сохраняла флективные формы, которые постепенно стали нивелироваться на севере.

Морфологический анализ памятников древнеанглийской литературы показывает, что в целом, древнеанглийский язык сохранял свою морфологию, основанную на разветвленной системе флективных форм. Эта сложная система флексий была характерной чертой всех индоевропейских языков. Имена существительные имели четыре падежа, имена прилагательные имели две группы флексий, в зависимости от того, употреблялись ли они в сильном или слабом склонении. Местоимения делились на разряды и имели три рода, два числа и четыре падежа. Система отношений между именами существительными, прилагательными и местоимениями в древнеанглий-

ском языке и его диалектах может быть соотнесена с аналогичной системой латинского, греческого и других индоевропейских языков [3].

Далее, в диахронии английского языка, на древнем этапе его развития произошли многочисленные фонологические сдвиги, в результате которых появились омонимичные пары. В системно-структурной организации языка стали накапливаться инновации, когда один и тот же морфологический маркер мог выполнять пять разных функций. Примеров склонения имен существительных можно привести множество и почти везде формы им. и вин. п. будут совпадать: ср. р., им. п./вин. п., ед. ч. *scēar* «овца – овцы»; ср. р., им.п./вин. п., мн. ч. *scēar* «овцы – овец».

Аналогичные процессы были характерны и для системы местоимений. В частности, формы местоимений третьего лица имели похожее произношение во всех диалектах. Местоимение муж. р., 3 лица, ед. ч., им. п. «*hē*» не сильно отличалось по произношению от местоимения жен. р., ед. ч., им. «*hēo, hīo*» и вин. п. «*hī, hīe*». В свою очередь эти местоимения были похожи с местоимениями мн.ч., им. и вин. п. «*hī, hīe, hēo*». Местоимение муж.р. и ср., ед. ч., дат.п. имели форму «*him*», а мн. ч., дат. п. – «*him, heom*». Местоимение жен. р., ед. ч., род. и дат.п. имели одни и те же формы «*hire, hute, hierē*». Род. п. муж. и ср.р. также совпадал – «*his*». В речи местоимения почти всегда были безударны и поэтому часто та разница, которая существовала на письме, стиралась: «*hire - heoga*». Так система склонения имен претерпевала некоторые изменения уже на уровне древнеанглийской морфологии, и начались они, прежде всего в английских диалектах Нортумбрии и Мерсии, и гораздо позднее стали появляться в диалекте саксов.

В ходе саморазвития языка, когда постепенно неударные слоги стали редуцироваться, процесс разграничения слов проявился еще больше и стал набирать силу. Но, диалекты по-разному отреагировали на появившиеся инновации. В уэссекском диалекте, на юге страны похожие пары местоимений некоторое время оставались без изменений. На севере население контактировало с датчанами – викингами и часто находилось под их влиянием. Здесь развитие Нортумбрийского диалекта пошло по пути исчезновения старых англо-саксонских местоимений и их заимствованию из языка датчан. Так, в древнеанглийском языке появились местоимения *they, them, their*.

Система древнеанглийского глагола существенно отличалась от системы глагола греческого и латинского языков. Если в указанных языках существовали многочисленные флективные образования для выражения различных глагольных форм, то в древнеанглийском языке разнообразие этих форм было гораздо беднее. Глагол имел два времени: настоящее и прошедшее. Будущее время оформлялось лексическими средствами с использованием глагола в настоящем времени. Употребление сложных форм со вспомогательными глаголами было не частым. Глаголы изъявит. накл., мн.ч., наст.вр. имели одну форму: *helrað* «помогают», *bindað* «связывают». Эта флективная форма восходит к формам 3 лица, ед. ч. В прошедшем времени формы 1 и 3 лица, изъявит. накл. были одинаковы: *healp* «помогал», *band* «связал».

Со временем древнеанглийская морфология все больше накапливала омонимичные формы, маркеры которых полностью совпадали, при выполнении различных морфологических функций. В уэссекском диалекте таких форм было достаточно много, чтобы создавать предпосылки для дальнейшего саморазвития языка. В нортумбрийском диалекте саморазвитие языка шло гораздо интенсивнее, так как на севере флексия *-n* ранее других диалектов обнаружила тенденцию к исчезновению во всех флективных формах, которые она маркировала. В результате этого конечные гласные безударных слогов часто произносились и писались не совсем точно, именно поэтому в дошедших до нашего времени памятниках литературы мы находим редуцированные флексии, не совпадающие с классическими падежными парадигмами.

Древнеанглийская морфология стала перестраиваться и искать замену редуцированным флексиям. Именно в это время стал более четким порядок слов в предложении и отношения между членами предложения стали оформляться посредством предлогов. Частично двойственность употребления одних и тех же форм сглаживало

применение десемантизированных указательных местоимений, которые позднее выполняли функцию артикля. Вся система склонения и спряжения была существенным образом перестроена.

Теоретический анализ

Памятники древнеанглийской литературы существуют на каждом из четырех древнеанглийских диалектов. Их изучение и компаративный анализ морфологических характеристик позволяет наиболее полно раскрыть диалектное варьирование древнеанглийского языка [4].

Нортумбрийский диалект.

Морфологический анализ известного отрывка из «Церковной истории английского народа», который содержит «Гимн Кэдмона», позволил получить следующие результаты: анализ по частям речи и их морфологическим категориям подтверждает факт сохранения нортумбрийским диалектом древнеанглийского языка флексий, выраженных синтетически.

В системе имени различаются грамматические категории рода, числа и падежа. Имена существительные часто сами маркируют категорию рода: *in gebēorscipe* – празднованию: сущ., муж. р., ед. ч., дат. п. от ОЕ *gebēorscipe* «празднование»; *gebēorscipes* – празднование: сущ., муж. р., ед. ч., род. п. от ОЕ *gebēorscipe* «празднование»; *foldu* – землю: сущ., жен. р., ед. ч., вин. п. от ОЕ *folde* «земля»; *aelda* – землю: сущ., жен. р., ед. ч., род. п. от ОЕ *eorð* «земля»; *uuldurfadur* – Отец славы: сущ., ср. р. от ОЕ *wuldor* «слава» + сущ., муж. р., ед. ч., род. п. от ОЕ *fæder* «отец»; *uundra* – чудеса: сущ. ср. р., мн. ч., род. п. от ОЕ *wundor* «чудо». Сочетающиеся с именами существительными имена прилагательные часто выступают в формах сильного склонения и выражают категорию рода: *sumre tīde* – определенному времени: *sumre* – одна, определенная: прилаг., жен. р., ед. ч., дат. п. от ОЕ *sum* «один, определенный»; *tīde* – времени: сущ., жен. р., ед. ч., дат. п. от ОЕ *tīd* «время»; *in gelimplicre tīde* – подходящему времени: *gelimplicre* – подходящей: прилаг., жен. р., ед. ч., дат. п. от ОЕ *gelimplic* «подходящая»; *tīde* – времени: сущ., жен. р., ед. ч., дат. п. от ОЕ *tīd* «время». Местоимения часто маркируют категорию рода в тексте памятника: *þæs gebēorscipes* – того празднования: *þæs* – того: указат. мест., муж. р., ед. ч., род. п. от ОЕ *se* «тот», *gebēorscipes* – празднование: сущ., муж. р., ед. ч., род. п. от ОЕ *gebēorscipe* «празднование».

Категория числа различает флективные формы единственного и множественного числа. Существительные мужского рода в именительном/винительном падеже сохраняют флексию – *as*: *heofon* – *heofonas* «небо – небеса». Множественное число существительных среднего рода в указанном падеже выражено нулевой флексией *-o*: *leod* «песни, стихотворения»; *word* «слова». Маркер родительного падежа *-a*: *nēata* – скота: сущ., ср. р., мн. ч., род. п. от ОЕ *nēat* «скот»; *uundra* – чудеса: сущ., ср. р., мн. ч., род. п. от ОЕ *wundor* «чудо»; дательного падежа *-um*: *barnum* – детям: сущ., ср. р., мн. ч., дат. п. от ОЕ *bearn* «дитя, ребенок»; *figum* – людям: сущ., муж. р., мн. ч., дат. п. от ОЕ *firas* «люди». По вышеприведенным примерам можно проследить и категорию падежа.

Имена прилагательные подобно именам существительным сохраняют свои грамматические категории рода, числа и падежа: *esi* – вечный: прилаг., муж. р., ед. ч., им. п. от ОЕ *ēse* «вечный»; *ealle* – все: прилаг., муж. р., мн. ч., им. п. от ОЕ *eall* «все»; *gelimplicre* – подходящей: прилаг., жен. р., ед. ч., дат. п. от ОЕ *gelimplic* «подходящая»; *ænig* – любого: прилаг., ср. р., ед. ч., вин. п. от ОЕ *ænig* «любой». Система местоимений представлена несколькими разрядами: личные, притяжательные, указательные, вопросительные и неопределенные местоимения. Флективность форм местоимений в языке памятника сохраняется.

В системе глагола выявляются некоторые флективные формы. Несколько глаголов встречаются в форме инфинитива: *nēalgsan* – подходить ближе: глаг., слаб., 1 класс, инфинитив от ОЕ *nēalgsan* «подходить ближе»; *singan* – петь: глаг., сильн., 3 класс, инфинитив от ОЕ *singan* «петь, сочинять». При анализе сильных и слабых глаголов наиболее

интересными являются формы прошедшего времени. У сильных глаголов это специальные образования: *geseah* – видел: глаг., сильн., 5 класс, 3 лицо, ед. ч., прош. вр. от ОЕ *gesēon* «видеть»; *onfēng* – получил: глаг., сильн., 7 класс, 3 лицо, ед. ч., прош. вр. от ОЕ *onfōn* «получать». У слабых глаголов это флективные формы с дентальным суффиксом: *geleornade* – выучил: глаг., слаб., 2 класса, 3 лицо, ед. ч., прош. вр., от ОЕ *geleornian* «выучить»; *grētte* – приветствовал: глаг., слаб., 1 класс, 3 лицо, ед. ч., прош. вр. от ОЕ *grētan* «приветствовать». Формы причастия оканчиваются на *-ende* в настоящем времени: *gongende* – идущий: глаг., сильн., 7 класс, прич., наст. вр. от ОЕ *gongan* «идти»; и на *-en, -ed* в прошедшем времени: *geseted* – назначенный: глаг., слаб., 1 класс, прич. прош. вр. от ОЕ *gesettan* «назначать, устанавливать».

Многообразие флективных форм подчеркивает факт того, что нортумбрийский диалект на данном диахроническом срезе при наличии диалектных особенностей все сохранял общую синтетичность, присущую древнеанглийскому языку [5].

Для подтверждения выводов о сохранности флективной системы был использован метод количественного анализа, известный как Индекс Гринберга. Количественная оценка произведена на первой сотне слов из анализируемого текста памятника древнеанглийской литературы. Для выяснения уровня синтетичности древнеанглийского языка, его нортумбрийского диалекта были применены два индекса Гринберга: Индекс преобладающего словоизменения и Индекс синтетичности. Индекс преобладающего словоизменения вычислялся следующим образом: из первых ста слов изучаемого текста были выделены лексемы, содержащие флексии. Их количество составило 58 лексем. Это количество лексем было разделено на сто лексем текста. Полученный результат составил 0,58. Таким образом, Индекс преобладающего словоизменения Гринберга данного текста равен 0,58. Данный показатель позволяет утверждать, что половина слов в анализируемом отрывке имеет маркеры словоизменения. Аналогичным образом был выделен Индекс синтетичности. Общее количество морфем текста равно 140. Если это количество морфем разделить на 100 лексем текста, то получится 1,4 – Индекс синтетичности текста.

Мерсийский диалект.

«Грамота короля Оффы в Ворчестер» написана на мерсийском диалекте в X веке. С лингвистической точки зрения это интересный и важный документ, так как в нем представлены фонетико-морфологические особенности, отличающие этот диалект от других. Интересно отметить изменение краткого «æ» в «a»: *ḥām basan* «тем ручьям».

Исследование этого памятника древнеанглийской литературы показало, что в системе имени три морфологические категории: рода, числа и падежа были выражены синтетически, как и в нортумбрийском диалекте, но маркеры этих категорий варьировались. Следуя грамматической традиции древних германских языков, имена существительные и прилагательные могли сами выражать эти категории, тогда они использовались в сильном склонении. В слабом склонении, эти категории были выражены другими частями речи. Для имен существительных это могли быть имена прилагательные и местоимения; для прилагательного в сочетании с существительным – местоимение.

В памятнике присутствуют примеры как сильного, так и слабого склонения. Сильное склонение отмечается в следующих случаях: *in wudumōg* – в болотистую местность возле леса: *wudu* – лес: сущ., муж. р., ед. ч., им. п. от ОЕ *wudu* «лес»; *mōg* – болото: сущ., муж. р., ед. ч., им. п. от ОЕ *mōg* «болото»; *in seges mere* – стремительное, быстрое озеро, море: *segas* – стремительный, быстрый: прилаг., сильн., муж. р., ед. ч., род. п. от ОЕ *secg* «стремительный»; *mere* – озеро, море: сущ., муж. р., ед. ч., род. п. от ОЕ *mere* «озеро, море». Слабое склонение можно отметить в словосочетаниях: *in ḥone wulfsear* – ту волчью нору, яму: *ḥone* – тот: мест., указат., муж. р., ед. ч., вин. п. от ОЕ *sē* «тот»; *wulfsear* – волчью нору: сущ., сложн.: *sēar* – нора, яма: сущ., муж. р., ед. ч., вин. п. от ОЕ *sēar* «нора, яма»; *ḥæs pulles hēafod* – того озера, ручья голова (начало): *ḥæs* – того: мест., указат., муж. р., ед. ч., род. п. от ОЕ *sē* «тот»; *pulles* – озера, ручья:

сущ., муж. р., ед. ч., род. п. от OE *pull* «озеро, ручей»; *hēafod* – голова: сущ., ср.р., ед.ч., род. п. от OE *hēafod* «голова»; *þam wætan sice* – тому водному потоку: *þam* – тому: мест., указат., муж. р., ед. ч., дат. п. от OE *sē* «тот»; *wætan* – мокрая, сырая: прилаг., слаб., муж. р., ед. ч., дат. п. от *wæt* «мокрый, сырой»; *sice* – водный поток: сущ., муж. р., ед. ч., дат. п. от OE *sic* «водный поток».

Система мерсийского глагола различала морфологические категории числа, лица, времени и наклонения. Различные группы глаголов по-разному оформляли эти грамматические категории. Группы сильных и слабых глаголов имели два числа: единственное и множественное: *hæfde* – имел: глаг., слаб., 3 класс, ед. ч., прош. вр. от OE *habban* «иметь»; *wæron* – (они) были: глаг., сильн., 5 класс, мн.ч., прош.вр. от OE *wesan* «быть». Время могло быть настоящим или прошедшим: *gefæstnige* – подтверждаю: глаг., слаб., 2 класса, наст. вр., изъявит. накл. от OE *gefæstnigan* «подтверждать»; *geūfe* – пожалованный, подаренный: глаг., прош.вр., от OE *geunnan* «жаловать, даровать». Претерито-презентные глаголы составили немногочисленную группу, в связи со спецификой изучаемого текста: *āgāne* – (те, которые) ушли: глаг., претерито-презентный, 7 класс, мн.ч., прош.вр. от OE *āgan* «уходить прочь».

Фонетико-морфологический анализ специфических черт мерсийского диалекта «Грамоты короля Оффы в Ворчестер» был дополнен количественным методом – индексом Гринберга: Индексом преобладающего словоизменения и Индексом синтетичности. Вычисление Индекса преобладающего изменения показало, что он равен 0,64. Это значит, что из 100 лексем исследуемого текста 64 лексемы имеют флективную форму, т.е. больше чем половина лексики маркирована. Индекс синтетичности для мерсийского диалекта Грамоты равен 1,41. Он почти идентичен с аналогичным индексом нортумбрийского диалекта «Церковной истории английского народа» Беды Достопочтенного.

Уэссекский диалект.

Одним из самых известных памятников написанных на уэссекском диалекте является «Англо-саксонская хроника» [6]. Система именных частей речи весьма разнообразна в хронике. Синтетические морфологические маркеры выражают категории рода, числа и падежа у существительных, прилагательных и местоимений: *hærfest* – осень, урожай: сущ., муж.р., ед.ч., им.п. от OE *hærfest* «урожай»; *mon* – человек: сущ., муж. р., ед. ч., им. п. от OE *mann* «человек»; *þa sume dæge* – в тот день лета: *sume* – лето: сущ., муж. р., ед. ч., вин. п. от OE *sume* «лето», *dæge* – день: сущ., муж. р., ед. ч., вин. п. от OE *dæg* «день»; *fewer þegnas* – несколько танов: *fewer* – несколько: прилаг., род. п., мн. ч. от OE *fēawer* «несколько»; *ofres folces* – другие народы: *ofres* – прилаг., ср.р., мн. ч., им. п. от OE *ofrē* «другой»; *þara geweorce* – ту крепость: указат. мест., ср. р., ед. ч., вин. п. от OE *þæt* «тот»; *þæs gipes* – тот урожай: указат. мест., ср.р., ед. ч., род. п. от OE *þæt* «тот»; *þa scipu* – тот корабль: указат. мест., ср. р., ед. ч., вин. п. от OE *þæt* «тот».

Система глагола сохраняет общие тенденции, характерные для морфологии древнеанглийского языка. В тексте «Англо-саксонской хроники» за 895 г., глагол представлен наиболее обширно. Наблюдается разграничение на сильные и слабые глаголы. Как у сильных, так и у слабых глаголов разграничение по классам остается. В рукописи представлены все классы. В основном, это формы прошедшего времени: *ofslægene* – были убиты: глаг., сильн., 6 класс, мн. ч., прош. вр. от OE *slean* «убивать, бить»; *gegyron* – собрали урожай: глаг., 3 лицо, мн. ч., прош. вр. от OE *gīran* «собирать урожай»; *worhton* – они сработали, построили: глаг., слаб., 1 класс, 3 лицо, мн. ч., прош. вр. OE *wutсан* «работать».

Следует отметить и одну инфинитивную форму слабого глагола: *brengan* – приносить: глаг., слаб., инф. от OE *bringan* «приносить». В группу претерито-презентных глаголов входит один глагол с модальным значением: *mehte* – глаг., претерито-презентный, 3 лицо, ед. ч., прош. вр. от OE *maī, mau* «мочь». Неправильных глаголов два: *gān* «идти» и *dōn* «делать». Оба глагола употреблены в форме прошедшего времени, множественного числа.

Уровень синтетичности уэссекского диалекта древнеанглийского языка был измерен с помощью Индексов Гринберга. Анализируя полученные результаты видно,

что для уэссекского диалекта показатели индексов выше, чем в нортумбрийском и мерсийском диалектах. Количество лексем, маркированных флексией, возрастает. Индекс синтетичности уэссекского диалекта также выше индекса нортумбрийского диалекта. Преобладающее количество морфем выявлено для уэссекского диалекта: 1,5. Результаты исследования показывают, что уэссекский диалект более синтетичен, чем нортумбрийский и мерсийский диалекты.

Кентский диалект.

Диалект ютов обнаруживает наибольшее количество специфических морфологических характеристик. Памятников древнеанглийской литературы на кентском диалекте мало. В основном это глоссы и деловые бумаги. К последним, относится «Завещание Беданота Беоттинга», изучение которого обнаружило наиболее характерные черты кентского диалекта древнеанглийского языка [7].

Система имени существительного сохраняет морфологические категории, выраженные синтетически, не отходя от общей тенденции развития древнеанглийского языка. Категория рода четко дифференцируется по флексии. У имен существительных мужского рода это флексии –a, –ø, –e: *willa* «воля»; *dæg* «день»; *ierfe*, *yrfe* «наследник»; *cyning* «король»; *God*, *Crist* «Господь, Бог»; *hláford* «лорд»; *hīwan* «община». Имена существительные женского рода имеют флексию –ø, –e: *stōw* «место»; *сyrcе* «церковь»; *Bearf* «нужда, необходимость»; *tīde* «время». Имена существительные среднего рода имеют флексию –ø: *frīdōm* «свобода»; *wīf* «жена»; *þing* «предмет, собрание»; *cild* «ребенок»; *land* «земля».

Маркерами морфологической категории рода могут быть как сами имена существительные, так и коррелирующие с ними имена прилагательные и местоимения. Флексия самого имени существительного маркирует категорию рода: *willa* – воля: сущ., муж. р., ед. ч., им. п. от ОЕ *willa* «воля»; *æt Cristes* – Христа: сущ., муж. р., ед. ч., род. п. от ОЕ *Crist* «Господь»; *þē cyninge* – королю: сущ., муж. р., ед. ч., дат. п. от ОЕ *cyning* «король»; *tō mundbyrde* – защите: сущ., жен. р., ед. ч., дат. п. от *mundbyrd* «защита, опека»; *mid fullum frīdōme* – в полную свободу: *fullum* – полную: прилаг., ср. р., ед. ч., дат. п. от ОЕ *full* «полный»; *frīdōme* – свободу: сущ., ср. р., ед. ч., дат. п. от *frīdōm* «свобода».

Сопутствующее имени существительному имя прилагательное часто определяет род для него. Кентский диалект также следует этому правилу, общему для всех древних германских языков: *Gode allmehtgum* – Господу Всемогущему: *Gode* – Господу: сущ., муж. р., ед. ч., дат. п. от ОЕ *God* «Господь»; *allmehtgum* – Всемогущему: прилаг., сильн.скл., муж. р., ед. ч., дат. п. от ОЕ *allmehtig* «всемогущий». Местоимение чаще всего само указывает на род древнеанглийского имени существительного: *mīnum dage* – моим дням: *mīnum* – моим: мест., притяж., мн. ч., дат. п. от ОЕ *mīn* «мой»; *dage* – дням: сущ., мн. ч., дат. п. от ОЕ *dæg* «день»; *þam hlāforde* – тому лорду: сущ., муж. р., ед. ч., дат. п. от ОЕ *hláford* «лорд»; *tō mīnre tīde* – мою годовщину: *mīnre* – мою: мес., притяж., жен. р., ед. ч., род. п. от ОЕ *mīn* «мой»; *tīde* – годовщину (время): сущ., жен. р., ед. ч., род. п. от ОЕ *tīd* «время»; *on þam þingum* – тому предмету, собранию: сущ., ср. р., ед. ч., дат. п. от ОЕ *þing* «предмет, собрание». Приведенные примеры показывают, что имя существительное сохраняет четырех падежную систему: именительный, родительный, дательный и винительный, не смотря на то, что примеров в винительном падеже в тексте «Завещания» найдено не было.

Категория числа маркируется в соответствии с общими правилами древнеанглийского языка. Родительный падеж для всех имен существительных имел флексию –a: *mīnra bearna* – моих детей: *mīnra* – моих: сущ., мн. ч., род. п. от ОЕ *mīn* «мой»; *bearna* – сущ., мн. ч., род. п. от ОЕ *bearn* «ребенок». Классическая флексия дательного падежа –um: *mīnum dage* – моим дням: *mīnum* – моим: мест., притяж., мн. ч., дат. п. от ОЕ *mīn* «мой»; *dage* – дням: сущ., мн. ч., дат. п. от ОЕ *dæg* «день».

Имена прилагательные, выявленные в тексте «Завещания Баданота Беоттинга», следуя морфологии имени существительного, полностью сохраняют свои морфологи-

ческие категории. По флексии различимы категории рода, числа и падежа. Наиболее последовательно показаны флексии имен прилагательных мужского и среднего рода: *Gode allmehtgum* – Господу Всемогущему: *Gode* – Господу: сущ., муж. р., ед. ч., дат. п. от ОЕ *God* «Господь»; *allmehtgum* – Всемогущему: прилаг., сильн.скл., муж. р., ед. ч., дат. п. от ОЕ *allmehtig* «всемогущий»; *mid fullum frīodōme* – в полную свободу: *fullum* – полную: прилаг., ср. р., ед. ч., дат. п. от ОЕ *full* «полный»; *frīodōme* – свободу: сущ., ср. р., ед. ч., дат. п. от *frīodōm* «свобода».

Система местоимений исследуемого текста достаточно разнообразно представлена несколькими разрядами. В тексте встречается лишь одно личное местоимение 1 лица, единственного числа: *īc wille* – я желаю: *īc* – я: мест., личн., 1 лицо, ед. ч. от ОЕ *īc* «я». Случаи употребления притяжательных местоимений более многочисленны: В единственном числе встречаются местоимения мужского и женского рода: *mīnne dei* – моему дню: *mīnne* – моему: мест., притяж., муж. р., ед. ч. дат. п. от ОЕ *mīn* «мой»; *tō mīnre tīde* – мою годовщину: *mīnre* – мою: месъ., притяж., жен. р., ед. ч., род. п. от ОЕ *mīn* «мой». Формы множественного числа можно отметить в следующих словосочетаниях: *mīnra bearna* – моих детей: *mīnra* – моих: сущ., мн. ч., род. п. от ОЕ *mīn* «мой»; *bearna* – сущ., мн. ч., род. п. от ОЕ *bearn* «ребенок»; *mīnum dage* – моим дням: *mīnum* – моим: мест., притяж., мн. ч., дат. п. от ОЕ *mīn* «мой»; *dage* – дням: сущ., мн. ч., дат. п. от ОЕ *dæg* «день». Указательные местоимения все еще сохраняют некоторые флективные формы: *tō þēre stōwe*: *þēre* – то место: мест., указат., жен. р., ед. ч., род. п. от ОЕ *sēō* «та»; *stōwe* – место: сущ., жен. р., ед. ч., род. п. от ОЕ *stōw* «место»; ср.р.: *on þam þingum* – тому предмету, собранию: сущ., ср.р., ед.ч., дат.п. от ОЕ *þing* «предмет, собрание». В ходе анализа выявлен и один случай употребления возвратного местоимения: *mē siolfne* – мне самому: мест., возврат., 1 лицо, ед. ч., дат. п. от ОЕ *īc seolf* «я сам».

Систем глагола представлена нескольким глагольными формами. Инфинитив наиболее часто встречаемая форма: *gefeormien* – веселить, кормить: глаг., слаб., 2 класс, инф. от ОЕ *gefeormien* «веселить, кормить»; *þurhtion* – проводить: глаг., сильн., 2 класс, инф. от ОЕ *þurhtēon* «проводить».

Разделение на сильные и слабые глаголы прослеживается по всему тексту памятника кентского диалекта: *writan* – : глаг., сильн., 1 класс, наст.вр., ед.ч. от ОЕ *writan* «писать»; *fere* – прощаюсь, старею: глаг., слаб., 1 класс, 1 лицо, ед.ч., наст.вр. от ОЕ *feran* «прощаться, стареть». Прошедшее время сильных глаголов встречается у глагола *begitan* «получать»: *begæt* – получил: глаг., сильн., 5 класс, ед.ч., прош.вр. от ОЕ *begitan* «получать». В системе слабых глаголов в прошедшем времени употреблен глагол *bycgan* «покупать»: *gebohte* – купил: глаг., слаб., 1 класс, неправ., прош. вр. от ОЕ *bycgan* «покупать». Претерито-презентная группа глаголов состоит из глагола *magan*: *megeþ* – мочь: глаг., прет.-през., 5 класс, инф. от ОЕ *magan* «мочь».

Метод исследования с использованием индекса Гринберга позволил дополнить выводы лексико-морфологического анализа количественными данными. Анализ проведен на первых ста лексемах «Завещания Баданота Беоттинга». Индекс преобладающего словоизменения древнеанглийского языка, его кентского диалекта равен 0,78. Это самый высокий показатель из четырех диалектов. 78 лексем из 100 исследованных имеют флексию. Индекс синтетичности кентского диалекта составил 1,68. Уровень синтетичности указанного диалекта превосходит остальные три диалекта древнеанглийского языка. При исследованных 100 лексемах текста было обнаружено 168 морфем.

Заключение

Компаративные параллели некоторых флективных форм в четырех диалектах показывают, что языковые междиалектные связи неоднозначны. Их можно проследить в несколько этапов, пошагово сравнивая отдельные морфологические маркеры.

Уэссекский и Кентский (южные) диалекты обнаруживают большее количество сходных черт по сравнению с Нортумбрийским и Мерсийским (северными) диалектами:

- Имена существительные с основой на $-\bar{a}$: им./вин.п., мн.ч. в группе южных диалектов имеют флексию $-a$: *saða* «заботы», в северных диалектах уже отмечается редукция: $-e$: *saðe* «заботы».

- Имена существительные с основой на $-g$ в род. п., ед. ч. также имеют отличия в маркировании форм: в южных диалектах сохраняется флексия $-es$: *fæderes* «отца»; в северных диалектах флексия $-or$ – *fador* «отца», заимствована из парадигмы склонения имен сущ. *mōðor* «мать», *brōðor* «брат».

- Использование формы дат.п. для вин.п. местоимений 1 и 2 лица, ед. ч.: в южных диалектах *mē* «мне/меня», *þē* «тебе/тебя». Северные диалекты четко разграничивали флективные формы местоимений 1 и 2 лица, ед. ч., дат. п. *mē* «мне», *þē* «тебе» – от форм вин. п. *mec* «меня», *þec* «тебя».

- На юге формы местоимений 1 лица, мн. ч., дат. и вин. п. совпадали: *ūs* «нам/нас». Формы местоимений 2 лица, мн. ч., дат. и вин. п. были идентичны – «*ēow*». На севере – формы местоимений 1 лица, мн. ч. дат. п. *ūs* «нам» – вин. п., *ūsic* «нас»; 2 лица, мн. ч., дат. п. *ēow* – вин.п., *ēowic* возможно были общими с древневерхненемецкими местоимениями.

- В Уэссекском и Кентском диалектах, в системе местоимений наблюдались одинаковые тенденции развития: притяжательное местоимение 1 лица, мн.ч. – *ūser*, *ūge* «нас»; указательное местоимение муж. р., ед. ч., вин. п. – *þone* «того». Только Нортумбрийский диалект обнаруживал отличные фрмы: притяжательное местоимение 1 лица, мн. ч. – *ūsa* «нас». Указательное местоимение муж. р., ед. ч., вин. п. – *þene* «того».

- Система древнеанглийского глагола по-разному оформляла формы претерита. В южных диалектах: *hātan* «звать» – *hēt* «звал». В северных диалектах в прош. вр. сохранены древние формы двойного претерита, которые были характерны для готского языка: ОЕ *geord* «советовал» < Gothic *rairōþ*, ОЕ *hēht* «звал» < Gothic «*haithait*».

Суммируя все приведенные данные необходимо сделать несколько важных выводов. Существует расхождение в употреблении некоторых морфологических форм в диалектах на юге и севере страны. Северные диалекты ранее южных стали обнаруживать тенденцию к накоплению омонимичных и инновационных форм. Параллели этим морфологическим явлениям можно обнаружить в других германских языках, таких как готский, древнесаксонский и древневерхненемецкий. Возможно племена, говорящие на этих диалектах в разное время мигрировали в Британию и поэтому их диалекты развивались по-разному. Морфология южных диалектов сохраняет некоторые архаичные черты, по-видимому, восходящие к общему праязыковому состоянию на континенте. Причины данному диалектному варьированию следует искать как во внешних, экстралингвистических, так и во внутренних факторах языкового эволюционирования.

Список литературы

1. Смирницкий А. И. Древнеанглийский язык. – М. : Изд. лит. на иностр. яз., 1955. – 319 с.
2. Макаев Э. А. Диахроническая морфонология древних германских языков // Историко-типологическая морфология германских языков. – М., 1977.
3. Ярцева В. Н. Историческая морфология английского языка. АН СССР, Ин-т языкознания. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961.
4. Sweet H. Sweet's Anglo-Saxon Reader; 10th ed., revised by C. T. Onions. – Oxford: Clarendon Press.
5. Bough A. A. History of the English Language. – London, 1990.
6. Clark J. Early English: study of Old and Middle English. – London : Essential Books, 1957.
7. Classen E. Outline of the History of the English Language. – New York : Greenwood Press Publishers, 1996.

OLD ENGLISH LANGUAGE: DIALECTS COMPARATIVE MORPHOLOGICAL ANALYSIS

J. Baghana
E. V. Bondarenko

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
baghana@yandex.ru
bond-elena@yandex.ru*

The article deals with the English language at its old stage of development, studies its four dialects specific morphological peculiarities, analyzes the variety of forms markers.

Key words: language evolution, dialects characteristic features, morphological categories markers, language change reasons.

УДК 81.139

АНАЛИЗ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ТАКТИЛЬНОГО И КИНЕСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, ФРАНЦУЗСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Ж. А. Бубырева

Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет

e-mail:
Bubyreva@bsu.edu.ru

Статья посвящена анализу существительных, объективирующих тактильную и кинестетическую чувствительность в русском, французском и английском языках. Семное описание выделенных ядерных лексем позволяет сравнить их значения и построить синонимические ряды.

Ключевые слова: осязание, кинестетическая чувствительность, контрастивная лингвистика, синонимы.

Не вызывает сомнения тот факт, что познание окружающего мира человеком начинается с его чувственного восприятия посредством пяти органов чувств (зрение, осязание, обоняние, слух, вкус). Есть основания в связи с этим считать чувственный образ исходной формой мысли, возникающей при непосредственном контакте с объективным миром. Через рецепторы тела человек воспринимает и запоминает признаки предмета, и в его мозгу создается наглядный образ концептуализируемого предмета. Поэтому слово — это не только лингвистическое, но и психическое явление [8, с. 114].

Исследование перцептивной лексики невозможно без таких понятий как ощущение и восприятие, являющихся краеугольным камнем, на котором строятся все наши представления о внешнем мире. Вся информация окружающего мира поступает к нам через ощущения и обрабатывается нашим восприятием. Термин «восприятие» обычно толкуется как сложная система процессов приема и преобразования информации, обеспечивающая организму отражение объективной реальности и ориентировку в окружающем мире. Восприятие вместе с ощущением выступает как отправной пункт процесса познания, доставляющий ему исходный чувственный материал. Будучи необходимым условием процесса познания, восприятие в этом процессе всегда так или иначе опосредуется деятельностью мышления и проверяется практикой [4, с. 1342].

Целью данной статьи является исследование лексики осязательного восприятия. Процесс осязательного восприятия был подробно изучен психологами Б. Г. Ананьевым, Б. Ф. Ломовым, Л. М. Веккером, А. Р. Лурией, а лексика восприятия, в том числе и осязательного, лингвистами Ю. Д. Апресяном, Г. Е. Крейдлиным, М. Эпштейном, и др.

Рассматривая частные формы человеческого восприятия, А.Р. Лурия определяет **осязание**, как сложную форму чувствительности, включающую в свой состав как элементарные, так и сложные компоненты.

К первым относятся ощущение *холода, тепла и боли*, ко вторым — *тактильная и кинестетическая чувствительность* [9, с. 130].

Тактильная чувствительность (лат. *tactilis* — осязаемый, от *tango* — касаюсь), ощущение, возникающее при действии на кожную поверхность различных механических стимулов. Она является разновидностью осязания и зависит от вида воздействия: прикосновения или давления [3, с. 247].

Кинестетическая чувствительность — это чувствительность к движению, иначе ее можно назвать мышечно-суставной чувствительностью. Кинестетические ощущения сигнализируют о таких качествах предмета, как *вес, форма, размер*. Существует мнение, что зрение гораздо надежней в определении формы и размера, чем осязание [11; 16]. Однако, по авторитетному мнению Г. Е. Крейдлина, руки лучше, чем глаза, распознают и ощущают очень маленькие объекты, их размер, малую кривизну и наклоны, а также пропорции, или отношения величин, особенно для малых значений соответствующих параметров.

При движении руки зрение по возможности «следит» за движением и наряду с осязанием добывает сведения о свойствах поверхности объекта, о его пропорциях, о качестве материала или вещества. Использование двух или более перцептивных каналов в большинстве случаев приводит к более точным данным об изучаемом объекте [6, с. 435].

Сознанию человека с его высокоразвитым мышлением свойственно «рационализировать» данные чувственного познания, которые подвергаются в той или иной степени логической обработке, упорядочению, поступают в систему наших знаний [8, с. 115]. Знание – продукт общественной, предметно-практической и мыслительной деятельности людей; содержание и способ существования сознания. Чтобы быть переданным другому человеку, знание непременно должно концептуализироваться в языковые формы, иными словами, должно оформиться в виде вербализованного концепта [1, с. 78].

Знания об осязании как об одном из пяти внешних чувств репрезентируются в языке прежде всего с помощью знаменательных частей речи: существительных, прилагательных и глаголов. Для изучения опыта осмысления данного природного феномена и способов его языковой репрезентации мы разделили семантическую общность на следующие лексические категории: тактильные и кинестетические существительные, тактильные и кинестетические прилагательные и тактильные и кинестетические глаголы. В данной статье анализируются существительные.

Ключевой лексемой рассматриваемой тематической группы «осязание» в русской языковой картине мира является существительное *осязание (тактильность)*. Словарь русского языка С. И. Ожегова дает ему следующее определение: «ощущение давления, тепла, холода, возникающее при прикосновении кожи к чему-н. *Осязание – одно из пяти основных внешних чувств*» [10, с. 399].

Определение состава тематической группы тактильных и кинестетических существительных проводилось методом контрастивной лингвистики. Как и все лингвистические дисциплины, контрастивная лингвистика объединяет общие и частные аспекты исследования. С одной стороны, она основывается на общих подходах к сравнению языков в плане присущих им сходств и различий, а с другой – включает поиск межъязыковых соответствий в конкретных языках, являющихся объектом сопоставления, традиционно используя термины – исходный язык (в данной работе – русский), выступающий отправной точкой контрастивного исследования, и язык сопоставления [7, с. 31]. Поскольку в контрастивной лингвистике исследуются не более двух языков одновременно, языковой материал анализируется по парам: вначале русские – французские тактильные и кинестетические существительные, затем русские – английские.

Источником для определения состава тематической группы существительных тактильной и кинестетической чувствительности послужили различные лексикографические словари: толковые, двуязычные, идеографические, аналогические и синонимические.

При описании тактильных ощущений в русском языке используются ядерные лексемы *прикосновение, давление*; при описании кинестетической чувствительности ядерными лексическими единицами являются *вес, размер, форма*. Обратимся к толкованию этих слов.

Прикосновение – дотронуться слегка [10, с. 512] Ср.: **Прикосновение** было, но удара-то не было. Откуда взялся ожог, непонятно, но уверяю вас, от такой причины еще никто не умирал [25, с. 67].

Давление – 1. Сила, действующая на какую-н. поверхность [10, с. 129]. Ср.: У офицеров охраны, сдерживавших все возрастающее **давление** людской массы вокруг генсека и Раисы Максимовны, буквально трещали спины (Грищенко, Посторонний в Кремле) [28].

Представления русских о тактильных ощущениях закрепились в следующих семах: «легкое касание», «сила», «действие». Ср.: О-Юми тоже взяла его за виски, сдела-

ла легкие круговые движения пальцами, чуть надавила, и Фандорин моментально уснул, сам этого не ощутив [25, с. 185]. Как видно из примера, прикосновение и давление отличаются силой воздействия на предмет или тело. Надавить, т. е. произвести давление означает воздействовать с большей силой, чем при касании.

Существительным *вес, размер, форма* словарь дает следующие дефиниции:

- *вес* ‘тяжесть кого-чего-н., определяемая какой-н. мерой [10, с. 66]’;
- *размер* ‘величина чего-н. в каком-н. измерении’.

Семы ‘мера’, ‘числовые отношения’, ‘величина’, выделяемые в лексемах *вес, размер*, подтверждают тот факт, что данные слова являются параметрическими показателями.

Форма ‘внешнее очертание, наружный вид предмета’ [10, с. 743]. Ср.: *Шурик удивился, как похожа она на ощупь на Лилию: хрупкие ребрышки, твердая грудь...* [27, с. 93]; *Красавица с пышными формами*. Примеры подтверждают тот факт, что при определении формы предмета важны оба канала поступления информации: осязательный и зрительный.

Анализ словарей синонимов русского языка [13; 14] показал, что лексическая репрезентация тактильных и кинестетических ощущений представлена рядом синонимов ядерной лексемы, с которой они объединены общим семантическим компонентом: *прикосновение* — *касание, прикосание*; *давление* — *нажим, напор, натиск*; *вес* — *тяжесть, груз*; *форма* — *вид, конфигурация, фигура (устар.)*; *размер* — *величина, объем, габариты, мера*. Следует отметить, что слово *конфигурация* употребляется значительно реже, чем *форма*, обычно по отношению к различного рода устройствам, деталям, механизмам и т. п. Слово *фигура* в 19 в. употреблялось в качестве синонима лексемы *форма* [14].

Известно, что каждый естественный язык по-своему членит мир, т.е. имеет свой специфичный способ его концептуализации [15, с. 3].

Переводными эквивалентами рассмотренных выше русских ядерных лексем во французском языке являются:

- *давление* - *pression* (f);
- *вес* - *poids* (m);
- *форма* - *forme* (f); *configuration* (f);
- *прикосновение* - *attouchement* (m), *contact* (m), *frôlement* (m);
- *размер* – *dimension* (f), *grandeur* (f) (*величина*), *étendue* (f) (*протяжение*), *mesure* (f) (*мера*), *pointure* (f) (*обуви, перчаток*).

Рассмотрим, какими дифференциальными семантическими компонентами представлен каждый из предложенных переводных соответствий. Переводными соответствиями являются два слова в разных языках, имеющие сходство в семном составе и регулярно использующиеся при переводе [12, с. 41]. Лексические единицы образуют линейные соответствия (1:1), когда единице исходного языка соответствует только одна единица языка сопоставления: *давление* — *pression*; *вес* — *poids*. Например: (рус.) *Пухов, например, Фома Егорыч, сразу почел такое занятие обыкновенным делом и только боялся, что исчезнет махорка с вольного рынка; поэтому дома имел ее пуд, проверив **вес** на безмене [28];* (фр.) *Elle marchait penchée en avant la tête baissée, comme une vieille; **le poids** du seau tendait et raidissait ses bras maigres [29].*

Русской лексической единице *форма* соответствуют две французские лексемы *forme* ‘*configuration extérieure, apparence, aspect* [21]: *Elle sentait la chaleur et la forme du bras qui l’entourait...* [29] и *configuration* ‘*forme générale, aspect d’ensemble* [21]: *Il n’est pas inutile de rappeler une fois encore cette configuration des lieux* [29]. Эти лексемы образуют векторное соответствие (1:N): единице исходного языка (русского) соответствует несколько единиц языка сопоставления (французского).

Прикосновение — *attouchement* ‘*action de toucher, surtout avec la main*’[21]; *contact* ‘*état de corps qui se touchent*’[21]; *frôlement* ‘*action de frôler*’[21]; *frôler* ‘*toucher légèrement*’ [21]. Интегральной семой в словах *attouchement* и *frôlement* является сема ‘действие касания’. Семный конкретизатор в слове *attouchement* — ‘рука’. Ср.:

Elle s'imaginait que l'amitié et la volonté d'une personne en bonne santé, et l'attouchement d'une main pure et bien vivante peuvent écartier le mal [29]. В лексической единице *frôlement* семный конкретизатор — 'легко'. Ср.: *Toutes les libertés que se permit Sammécaud furent de saisir deux ou trois fois la main de son amie... de déplacer le collier autour du cou avec des frôlements juste un peu prolongés* [29]. В слове *contact* выделяется семный компонент 'состояние' и отсутствие семы 'действие'. Ср.: *Je m'assure qu'il y a des hommes pour qui le contact d'un cilice pointu sur la peau peut être délicieux...* [29].

Русское слово *размер* и его французские соответствия ***dimension, grandeur, étendue, mesure, pointure*** образуют векторную конструкцию. В толковом словаре [21] представлены следующие определения французских лексем:

– ***dimension*** '1. Étendue mesurable d'un corps dans tel ou tel sens 2. Grandeur permettant d'évaluer la taille d'un corps (longueur, largeur, hauteur ou profondeur); *mesure: prendre les dimensions de la pièce* [21];

– ***étendue*** '1. Dimension en superficie : vaste étendue d'eau 2. Durée de quelque chose : étendue de la vie' [21];

– ***grandeur*** '1. Caractère de ce qui est grand, important, considérable : la grandeur d'une entreprise, d'un projet. 2. Étendue en hauteur, longueur, largeur ; taille, dimension : *la grandeur d'une maison.*' [21];

– ***mesure*** '1. Évaluation d'une grandeur par comparaison avec une autre de la même espèce prise pour unité ; grandeur, quantité ainsi déterminée : appareil de mesure. 2. Unité servant à l'évaluation d'une grandeur : le mètre est la mesure de longueur' [21].

Французская лексема ***pointure*** 'dimension des chaussures, des gants, des chapeaux' в русском языке имеет неполное лексическое соответствие в виде слова *размер*, поскольку у нас нет специальной ЛЕ, номинирующей размер обуви, перчаток и головных уборов.

Итак, в список французских существительных, номинирующих тактильное восприятие, т. е. механическое воздействие на кожный покров, и существительных, репрезентирующих кинестетическую чувствительность, производимую напряжением мышечно-суставной системы, вошли следующие лексические единицы: *contact, attouchement, frôlement, pression, poids, dimension, forme*. Для расширения данного списка анализировались синонимические словари [16; 17; 18; 19], в результате чего список французских лексем пополнился следующими единицами: *chatouillement, effleurement, toucher, caresse, poussée, tension, charge, masse, largeur, longueur, hauteur, profondeur, surface, volume, grosseur, contour, silhouette*.

Для установления переводных соответствий каждое русское слово, вошедшее в список ядерных лексем, проверяется по русско-английским словарям, для большей достоверности французские ядерные ЛЕ перепроверяются по двуязычным переводным франко-английским словарям [19; 20; 21; 22], выписываются все возможные соответствия в английском языке, что является одновременно этапом отбора английского списка существительных, номинирующих тактильную и кинестетическую чувствительность. Все отобранные лексемы английского языка проверяются по синонимическим, идеографическим и толковым словарям английского языка [23; 24].

Давление — *pressure*, вес — *weight*, прикосновение — *touch, contact*, размер — *size, dimension*, форма — *shape, form, configuration*. Обратимся к толкованию английских лексем:

– ***pressure*** 'steady force applied to an object by something that is in contact with it' [20]. В слове *pressure*, как и в эквивалентах других сравниваемых языков, присутствуют семы 'сила', 'находиться в контакте';

– ***weight*** '1) the heaviness of a person or thing. 2) the quality of being heavy' [20]. В структуре лексической единицы *weight* выделяется сема 'тяжесть', присутствующая в соответствующем русском и французском слове (*вес, poids*). Ср.: (англ.) *The cold feel of the stones — and their weight. He gives an example about lifting a heavy weight and*

doing a multiplication sum at the same time and says you can't do it. [30] (фр.) Et l'effort qu'il fit pour enfile son pardessus lui rappela son coup de reins de troupier, pour relever le poids du sac avant de reprendre la marche [29];

– **touch** '1) an act or way of touching. 2) the ability to become aware of something and learn what it is like through physical contact, especially with the fingers' [20]. Ср.: *Silk is selected with the same degree of care, and although it can sometimes be a little uneven to the touch, is generally of high quality. Then he remembered her sweet voice, and the touch of her fingers on his face, and her warm breath on his lips [30];*

– **contact** 'physical touching' [20].

В толкованиях вышеприведенных лексем *touch* и *contact* выявляются семы 'физический контакт', 'пальцы', 'физическое прикосновение', т. е. те же семантические признаки, что и в русских, и во французских лексических единицах.

– **size** '1) the overall measurements or extent of something. 2) each of the series of standard measurements in which clothes, shoes, and other goods are made' [26];

– **dimension** 'a measure of how long, broad, high, etc. something is' [20]. В лексеме *size*, как и в русской лексической единице, выявляются семы 'стандартные размеры', 'одежда', 'обувь', 'перчатки' и т. д. Таким образом, из трех сравниваемых языков только во французском языке для разных видов товаров существует соответствующая лексема со значением размер;

– **shape** 'the form of something produced by its outline' [20]. Ср.: *It is true that much of the subsequent shape and form that a rose assumes is determined more during the first year or two of pruning than any subsequent factor [30];*

– **form** 'the shape or arrangement of something' [20]. Ср.: *She will pass from the child form of humanity to the adult form [30];*

– **configuration** 'a particular arrangement of parts' [20]. Из дефиниций видно, что именно лексическая единица *form* по своему семному составу соответствует русскому слову *форма* и французской языковой единице *forme*.

Таким образом, в английском лексическом пространстве тактильную и кинестетическую чувствительность номинируют следующие ядерные лексемы *touch, contact, pressure, weight, size, form*. Для проверки переводных соответствий каждое английское слово, вошедшее в наш список, проверяется по двуязычному переводному англо-французскому словарю [22]. Полученный список английских существительных расширяется при работе с синонимическими словарями [23; 24]:

– *touch* – 1) feel, feeling, handling, palpation, physical contact, tactility; 2) blow, brush, caress, contact, fondling, hit, pat, push, stroke, tap;

– *pressure* – compressing, compression, crushing, force, heaviness, squeezing;

– *weight* – 1) avoirdupois, burden, gravity, heaviness, heft (*informal*) load, mass, poundage, pressure, tonnage; 2) ballast, heavy object;

– *size* – amount, bigness, bulk, dimensions, extent, greatness, hugeness, immensity, largeness, magnitude, mass, measurements, proportions, range, vastness, volume;

– *form* – 1) appearance, cast, configuration, construction, cut, fashion, formation, model, mould, pattern, shape, stamp, structure; 2) anatomy, being, body, build, figure, frame, outline, person, physique, shape, silhouette.

Многочисленный список английских языковых единиц, объективирующих тактильную и кинестетическую чувствительность, является показателем *номинативной плотности*. Под номинативной плотностью понимается степень детальности языкового обозначения определенного концептуального пространства, «детализация обозначаемого фрагмента реальности, множественное вариативное обозначение и сложные смысловые оттенки обозначаемого». Высокая номинативная плотность свидетельствует об актуальности осмысления той или иной сферы действительности для конкретного сообщества [5, с. 112]. Если наименований много, то данная сфера действительности важна для практической деятельности народа и поэтому детально осмысливается.

Говоря об основных факторах, влияющих на выбор конкретным языком тех или иных комбинаций сем при обозначении каких-либо понятий, в первую очередь

отметим культурно-социальные различия в условиях жизни каждого народа и его менталитет. Другим важнейшим фактором влияния на национальную специфику лексики в целом является уже сформировавшаяся языковая система, составляющая то исходное условие, ту «данность», в которой происходит лексическое членение действительности [2, с. 75].

Анализ материала показал, что в целом картина осязательного восприятия в русском, французском и английском языках во многом совпадает, что обусловлено, прежде всего, универсальной природой реально существующего процесса восприятия действительности человеком. Однако отмечаются различия, которые, на наш взгляд, связаны с разницей в осознании и интерпретации полученной от органов ощущений информации. Номинативная плотность французских существительных выше, чем русских, а номинативная плотность английских субстантивов выше, чем французских, что происходит за счет большей детализации явлений и процессов при номинации. Так, изучение языка позволяет увидеть мир изнутри этноязыкового сознания, сформированного соответствующей культурой.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова: монография. — Волгоград: Перемена, 2006. — 228 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма: моногр. / Н. Ф. Алефиренко. — Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. — 152 с.
3. Большая Советская Энциклопедия Тактильная чувствительность. О.Б. Ильинский. Режим доступ: <http://www.bse.sci-lib.com>.
4. Большая советская энциклопедия. Зинченко П. Статья «Восприятие» — М.: Советская энциклопедия, 1971.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.
6. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык / Г. Е. Крейдлин. — М.: Новое литературное обозрение, 2004. — 584 с.
7. Контрастивная лексикология и лексикография. Монография / Под. ред. И. А. Стернина и Т. А. Чубур. - Воронеж, Истоки, 2006. — 341 с.
8. Лаенко Л. В. Национальная специфика статистики и динамики перцептивного признака. Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. мат-лов 29 сентября — 1 октября 2010 года / отв.ред. Н. Н. Болдырев; М-во обр. и науки РФ, Ин-т языкознания Рос. академии наук, администрация Тамбовской области, ГОУВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина», Российская ассоциация лингвистов-когнитологов. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. — 559 с.
9. Лурия А. Р. Лекции по общей психологии / А. Р. Лурия. — СПб.: Питер, 2006. — 320 с.
10. Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М.: Русский язык, 1986. — 796 с.
11. Рузин И. Г. Модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке: дис. ...канд.филол.наук: 10.02.19 / И. Г. Рузин. — Москва: 1995. — 182 с.
12. Стернин И. А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. Золотая серия / И. А. Стернин. — М.: Восток — Запад, 2007. — 288 с.
13. Словарь синонимов русского языка / или РАН ; Под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: ООО Изд-во АСТ: ООО Изд-во Астрель, 2005. — 656 с.
14. Словарь синонимов русского языка в 2-х томах. Т. 1 / Гл. ред. А. П. Евгеньева. - Ленинград: Изд-во Наука, 1971. — 680 с.
15. Урысон Е. В. Языковая картина мира VS. Обиходные представления (Модель восприятия в русском языке) / Е. В. Урысон // Вопросы языкознания. — 1998. - №2. — С. 3 — 21.
16. Dictionnaire des synonymes de la langue française / par Pierre Ripert. — P.: Booking International, 1993. — 325 p.
17. Dictionnaire des synonymes / par E. D. Bar. — P.: Éd. Garnier Frères, 1967. — 394 p.
18. Larousse — Dictionnaire des synonymes. — P.: Éd. Larousse, 2007. — 843 p.
19. Le Robert - Dictionnaire de synonymes et Nuances. - P. : Éd. Le Robert, 2008. - 947 p.
20. Little Oxford English Dictionary. — Oxford, 2006. — 818 p.
21. Larousse — Le Petit Dictionnaire de Français. — P.: Éd. Larousse, 2006. — 1040 p.
22. Larousse - Anglais Dictionnaire. - P. : Larousse, 2008. — 1419 p.

23. Thesaurus - Urdang L. The Pan Dictionary of Synonyms and Antonyms / L.Urdang, M.Manser.-L.: Pan Books, 1980. – 346 p.
24. The Merriam-Webster Pocket Dictionary of Synonyms. - New-York: Pocket Books, 1972. – 441 p.
25. Акунин Б. Алмазная колесница Т. 1, 2. - М.: Захаров, 2003. – 541 с.
26. Набоков В.В. Машенька. Собрание сочинений в четырех томах Т. 1. - М.: Правда, 1990.– 414 с.
27. Улицкая Л. Е. Искренне Ваш Шурик. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 448 с.
28. Национальный корпус русского языка/ Режим доступа: <http://ruscorpora.ru>.
29. Le Trésor de la Langue Française informatisé. Web access: <http://atilf.atilf.fr>.
30. British National Corpus. Web access: <http://natcorp.ox.ac.uk>.

ANALYSIS OF NOUNS REPRESENTING TACTILE AND KINESTHETIC PERCEPTION (ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN, FRENCH AND ENGLISH LANGUAGES)

Zh. A. Bubyreva

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
Bubyreva@bsu.edu.ru*

The article deals with the analysis of nouns representing tactile and kinesthetic perception in the Russian, French and English languages. Component analysis of basic lexical items enables us to compare their meanings and make synonymic rows.

Key words: sense of touch, kinesthetic sensivity, contrastive linguistics, synonyms.

УДК 811.11:81

ИНТЕРНЕТ КАК ОБЛАСТЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Е. А. Вишнякова

*Тульский
институт
экономики и
информатики*

*e-mail:
vishnyalis@yandex.ru*

Существование электронного письма в особых условиях Интернет предполагает разработку наиболее оптимальных способов его создания. Основными характеристиками оптимизированного электронного письма являются краткость, экономичность, иконичность, находящие проявление на графическом, синтаксическом, лексическом уровнях. Налагаемые сетевой средой ограничения оказывают влияние на процесс формирования когнитивного стиля пользователя ПК.

Ключевые слова: Интернет, электронное письмо, оптимизация, лингвистическое моделирование, выбор и организация языковых средств, семантическая емкость.

Специфика существования электронного письма в среде особого рода, требующей экономичности подхода к процессу создания и реализации единиц языка, явилась причиной того, что многие исследователи обращаются к проблеме создания оптимальных моделей электронного письма [4; 7; 12; 15; 16]. Вместе с тем, известно, что принцип экономии не является доминирующим и единственным с точки зрения оптимальной передачи информации [13]. Одним из наиболее важных принципов моделирования речевых сообщений является краткость (brevity). Несмотря на то, что в большинстве случаев содержание электронного письма ограничивается размером экрана (т.е. протяженность речевого произведения обусловлена не структурно-содержательными факторами языкового порядка, а чисто техническими характеристиками), далеко не всегда удается избежать двусмысленности (ambiguity) в тексте. В этом случае особую роль играет выбор языковых средств, поиск языковых единиц, обладающих высокой степенью семантической емкости, с одной стороны, и четкостью, однозначностью, определенностью смыслового становления значения, – с другой.

Ориентируясь на лингвистический контекст употребления словоформ, соблюдение специфических норм с точки зрения идиоматики английского языка, а также весь комплекс экстралингвистических факторов, адресант может добиться скорее всего адекватного понимания содержания-намерения своего письма со стороны адресата. Вместе с тем, принцип экономии, понимаемый многими пользователями как прием, допускающий недоговоренность, неясность, неточность, не может рассматриваться как основополагающий с точки зрения адекватной передачи и восприятия информации. В то же время следует напомнить о том, что одним из принципов организации информации в тексте является принцип иконичности, проявляющийся в соответствии отражаемого в языке вербализуемому представлению о мире, адекватной языковой репрезентации этого представления [8; 9]. В этом случае принцип экономии, непосредственно связанный с принципом иконичности, имеет отношение к эффективности реализации языковых средств, связанных с данным процессом, но никак не "усеченностью" сообщения до отрезка речи, состоящего из намеков и сокращений, отражающих индивидуальные предпочтения с точки зрения семиотического выбора.

Известно, что лексический состав как специального словаря Интернет, так и продуктов электронной переписки (язык которых получил название Netspeak) находится в стадии непрерывного изучения. Так, например, широко известна электронная энциклопедия - Webopaedia, лексикографический труд "The Hutchinson Dictionary of Computing, Multimedia, and the Internet", упомянутые Д. Кристалом [5] в качестве неудачных пособий "Cyberspeak" и "Wired Style" [10], а также целый ряд других распространенных среди интернет-коммуникантов изданий инструктивного характера и ис-

точников, фиксирующих особенности нового языкового регистра (или типа) и различающихся между собой спецификой подхода [3]. С точки зрения соблюдения этикетных норм в процессе работы в сети существует целый ряд прескрипций, базирующихся на нормах человеческого поведения в обществе. Вместе с тем, следует особо подчеркнуть, что разработка каких-либо нормативов по отношению к электронному письму требует обращения к анализу огромного языкового корпуса, ко всем видам проявлений различных предпочтений и когнитивных стилей, поскольку, как можно предполагать, в настоящее время мы являемся свидетелями возникновения нового языкового регистра, нового типа человеческого языка, не только обладающего своими особенностями, но и требующего совершенно иного подхода к его описанию и моделированию на основе лингвистического мышления.

Изучение компьютерной лексики демонстрирует, что в целом, традиционно существующий и обладающий различными видами вариативности английский язык, подвергшись влиянию языка Интернет, лишен собственно компьютерных терминов и профессионального жаргона, связанных с техническим аспектом. В то же время можно заметить большое количество слов, связанных с организацией процесса интернет-коммуникации (file, edit, view, insert, paste, format, save, etc.). Безусловно, интересным и продуктивным в этой связи оказывается процесс появления неологизмов, заимствованных из репертуара сетевого общения, представляющих собой, как показывает анализ, в большинстве случаев сложные слова (click-and-buy, freeware, groupware, firmware, webmail, netnews, EcoNet, PeaceNet, Usenet), либо результат аффиксации (например, реализация cyber- в качестве префикса: cybersex, cyberspace; -icon в качестве суффикса, как в слове emoticon – "assicon"). Иллюстративный материал такого рода, а также списки аббревиатур, реализуемых в сетевом общении (включая сокращения целых предложений до нескольких букв), содержатся практически во всех изданиях, посвященных изучению языка Интернет.

Особого внимания заслуживают проблемы графического и пунктуационного оформления электронного письма. Так, в большинстве случаев для обозначения английского местоимения "I" используется строчная буква "i", часто со строчной буквы начинаются и имена собственные, а также новые предложения. Заглавные буквы используются для сокращений, для привлечения внимания адресата, активизации его внимания (некоторые исследователи считают, что передаваемое при помощи заглавных букв сообщение как бы произносится громким голосом). Важным семиотическим приемом является также раздельное написание (вразбивку) тех частей текста, которые должны быть выделены по каким-либо причинам. Исследователи указывают, что пунктуация в сетевом письме позволяет обнаружить тот баланс между устной и письменной речью, который стараются выдержать авторы сообщений [2]. Вместе с тем, предпочтения в области активного использования знаков препинания (overstopping) и стремления минимизировать их употребление (understopping) в большой степени индивидуальны, в том числе и с точки зрения стремления избежать двусмысленности (ambiguity). В качестве знаков препинания, а также связующих частей слов и фраз, могут использоваться и другие значки, представленные на клавиатуре компьютера или мобильного телефона, например, @, #, ~ и др. В электронном тексте может реализовываться и необычная комбинация знаков препинания, которая часто служит для выражения каких-либо экспрессивно-эмоционально-оценочных коннотаций. Соблюдение норм орфографии (спеллинг) также требует отдельного рассмотрения. Известно, что в большом количестве случаев в языке электронных писем написание полностью соответствует произносительной, а не орфографической норме, что, возможно, отражает общую тенденцию английского (и особенно его американского варианта) языка к упрощению орфографии.

Вместе с тем, говоря о процессе *моделирования* электронного письма следует особо подчеркнуть, что в этом случае большое значение имеет функционально-стилистическая принадлежность письменного сообщения. Общим для обиходно-бытовых и деловых писем оказывается процесс их стандартизации в области архитек-

тоники электронного письма, а также в плане соблюдения речевого этикета и максимального приближения к требованиям языковой нормы. В то же время информация, содержащаяся в письме может быть подвергнута компрессии, оптимизации, хотя само письмо как речевое произведение может утратить свою целостность в силу изменения его эмоционального плана и другой индивидуальной специфики. Основное различие в данном случае состоит в возможности рассмотреть с этой точки зрения разные стилистические разновидности электронных писем, среди которых наибольшим потенциалом для осуществления их моделирования обладают письма делового характера, лингвистические свойства которых в основном выступают как кодифицированные.

В связи с тем, что с течением времени деловое письмо приобрело кодифицированный характер, основанный на определенной системе предъявляемых к нему требований, исключительно актуальным в этой связи является изучение возможностей оптимизации делового письма, "весьма часто деловые люди позволяют себе неправомерную категоричность, нарушают логику, предлагают избыточную информацию, допускают ошибки в речепотреблении и погрешности в оформлении. Все это препятствует получению ответов на поставленные вопросы, разрешению споров, выяснению обстоятельств и, шире, установлению, развитию и укреплению долгосрочных деловых отношений, без которых статус и репутация предприятия едва ли приобретут устойчивый характер и получат столь необходимые в деловом мире признание и поддержку" [15, с. 5]. Так, в результате преобразований на основе внутриязыкового перевода Х. Роддик предлагает наиболее приемлемые варианты электронных сообщений делового характера (makeover), снабжая их краткими комментариями и инструкциями по преобразованию согласно определенным языковым моделям, соответствующим данному алгоритму (formula)» [там же]. В приведенных списках явлений, лежащих в основе поэтапных преобразований (checklist), автором поясняются коммуникативные принципы процесса языковой трансформации, основные из которых сводятся к логичности, ясности и четкости изложения, возможной экономии языковых средств, например:

The Original

Dear, Mr. Larson,

I hope you won't think I'm being too forward in asking for a raise. I have been the receptionist and also supported the administrative assistants with their overload during my two years at this job, but I never receive a raise. I believe I deserve a \$4,000 raise now to keep up with the cost of living and also acknowledge my contribution.

If you think \$4000 is too high, please inform me of what you believe a fair raise would be, or if you don't agree that I should have a raise now, please tell me what I can do to earn one as soon as possible.

Respectfully,

Vera Avery

Receptionist.

The Makeover

Dear, Mr. Larson:

As the receptionist, in addition to my primary duties, I provide ongoing support for administrative assistants by maintaining databases. Yet in my two years at Leadingedge Biotechnology, I have not received a raise. Therefore, I now request a \$4,000 raise, which will bring my salary up to \$44,000 a year.

You will find attached: (a) a copy of my most recent performance review, on which I received high marks; and (b) a letter in support of this request for a raise from my supervisor, Consuelo Martinez, praising my tact, friendliness, and competence in dealing with people both inside and outside Leadingedge. Moreover, my work with databases is accurate and timely, as the administrative assistants will tell you.

Leadingedge is a good place for work, and I am proud of being a team player here. I have grown in my job and hope you agree that I have earned a \$4,000 raise.

Respectfully,
Vera Avery
Receptionist.

Несмотря на совпадение авторства и тематики, способы презентации информации в данных случаях оказываются различными, как с точки зрения логики и аргументации изложения, так и с точки зрения выбора языковых средств. Важнейшим моментом в данном случае оказывается соблюдение таких факторов текстообразования, как когерентность и когезия. Напомним в этой связи, что под когерентностью понимается идейно-тематическое единство текста, его цельность, выступающая как смысловое явление, позволяющее выделить его завершенность, включая внешние признаки. В первом примере наблюдается нарушение логики делового письма и, соответственно, нарушение его когерентности и когезии. Очевидно также, что письмо такого рода должно быть аргументированным, что достигается приложением к нему необходимой документации (рекомендаций, отзывов, справок). Необходимо также подчеркнуть свою готовность работать в компании и дальше, подтверждая свою лояльность. Во втором примере-модели автором соблюдены все эти правила.

С точки зрения лингвистического оформления письма и используемых в нем речевых стратегий следует отметить, что в первом случае излишними могут считаться содержащиеся в нем извинения («I hope you won't think I'm being too forward in asking for a raise.»), сетования («but I never receive a raise»), противоречащие нормам делового общения. Очевидно также, что необходимой частью деловой коммуникации является правильное употребление глагольных форм и логика согласования времен (вместо фразы «I have been the receptionist I have been the receptionist and also supported the administrative assistants with their overload during my two years at this job, but I never receive a raise» в первом случае целесообразно употребление конструкции, содержащей настоящее совершенное время, вместо прошедшего времени, указывающего на необратимый и законченный характер действия: «I have been the receptionist and have supported the administrative assistants..., but I never have received a raise»).

Смысловая связность частей текста, являющаяся предпосылкой цельности, его логическая последовательность, взаимодействие отдельных элементов текста между собой, приводящее к приобретению текстом новых свойств, выступает как когезия текста. М.А.К Халлидей указывает в этой связи: "Когезия - это набор значимых отношений, который является общим для всех текстов, который отличает текст от "нетекста" и который служит средством обнаружения взаимозависимости содержания отдельных отрезков. Когезия не выявляет, что сообщает текст, она выявляет, как текст организован в семантическое целое" [11].

В приведенных примерах содержание-намерение реализуется посредством отличных друг от друга способов языкового выражения. Х. Роддик приводит в связи с этим "формулу", соответствующую структурно-содержательной специфике презентации данной информации: начало текста должно включать такие сведения, как занимаемая отправителем должность, время работы на этой должности и в компании, четкое определение существа своей просьбы (требования), с указанием конкретных данных (суммы надбавки), а также результата (общей суммы заработка после надбавки). Средняя часть письма должна включать аргументированные сведения о том, почему соискатель заслуживает надбавки, кто может поддержать данную просьбу. В заключительной части необходимо отметить свое отношение к работе в компании, удовлетворенность условиями труда, а также еще раз заострить внимание адресата на конкретной сумме надбавки, что и является основным топиком сообщения.

Очевидно, что выбор языковых средств должен соответствовать деловому тону письма, части которого должны быть четко разделены тематически и одновременно тесно связаны между собой в обладающий цельностью фрагмент. Предложения, содержащие емкие и лишённые двусмысленностей лексические и лексико-фразеологические единицы, не должны быть исключительно длинными и сложными для восприятия. Особое значение с точки зрения связности и логики текста имеет де-

ление текста на абзацы (сверхфразовые единства) и корректное употребление знаков препинания. Деловое письмо, в минимальной степени отражающее экспрессивно-эмоционально-оценочные предпочтения автора, должно быть выдержано в этикетном плане (отношения подчиненного и руководителя), четко оформлено графически, в том числе и в целях достижения успешности коммуникативного акта и осуществления поставленной задачи. Все перечисленные параметры позволяют наиболее эффективно воздействовать на адресата, соблюдая принцип "Respect for Addressee" [14, с. 103].

Вместе с тем, важными составляющими электронного письма, как и любого речевого произведения эпистолярного жанра, являются элементы культуры общения людей, проявляемые не только в логическом расположении и удачном выборе языковых средств для презентации необходимой информации с коммуникативно-прагматической точки зрения, но и на конативном уровне, включающем понятие эмпатии, искренности и т.д., а также поддержание имиджа своей компании, исключая возможность распространения о ней негативных отзывов и мнений.

Как уже упоминалось выше, ситуация общения, весь контекст употребления языковых единиц в целом определяет специфику их реализации. Так, эти положения могут быть проиллюстрированы на материале следующих примеров:

The Original

Lynette, I hope you won't take this in the wrong way because I mean it to be helpful. But it might be a good idea to research you prospective clients before you contact them. Our founders have had a lot of coverage that you can find on the internet, and if you read their bios you'd know they're not only vegetarians, they're outspoken advocates of animal rights. That's the reason why we just aren't qualified prospect for the feathers and shells you want to sell us. We only use manmade materials.

The Makeover

Dear Lynette:

In the photographs you submitted, your feathers and shells look attractive.

But the founders of Baubles and Beads are both vegetarians and animal rights activists. The company practises what they preach, so we never use feathers or shells.

If, however, you decide to market synthetic materials that meet our criteria, we will be happy to consider using them.

Sincerely,

Luisa Alfassi.

В приведенных примерах реализуются такие принципы моделирования речевого сообщения, как логичность и аргументированность, ясность и четкость изложения, его цельность и связность, экономия языковых средств, достигаемая, с одной стороны, за счет реализации семантически емких единиц языка, а с другой, – за счет их оптимизации и компенсации на различных уровнях. Так, например, в данном случае особая роль принадлежит единицам синтаксического уровня: письмо, представленное в качестве модели, содержит всего три коротких абзаца в содержательной части, состоящих из емких и достаточно небольших по протяженности предложений, тесно объединенных одним самостоятельным топиком, отвечающим коммуникативно-прагматическим целям каждого абзаца. В сложносочиненных предложениях наблюдается четкая логическая последовательность причинно-следственных («The company practises what they preach, so we never use feathers or shells») и условно-целевых отношений («If, however, you decide to market synthetic materials that meet our criteria, we will be happy to consider using them»).

Отметим в этой связи, что особого внимания заслуживает стилистика приведенного речевого произведения, удачно выбранный автором тон повествования, обеспечивающий успешность актуализации коммуникативно-прагматических установок. В отличие от первого из приведенных писем модель не содержит ни иронии, ни нарочитой назидательности. Адекватный выбор лексических и лексико-фразеологических средств (положительная ингерентная коннотация единицы «attractive», вежливая

клишированная форма «we will be happy to consider») и синтаксической структуры высказывания направлен на создание определенного положительного эффекта, реализацию фатической (контактоустанавливающей) функции: «In the photographs you submitted, your feathers and shells look attractive»; «If, however, you decide to market synthetic materials that meet our criteria, we will be happy to consider using them». Таким образом, текст, содержащий отрицательный ответ на деловое предложение, состоящий из информационно различных частей (абзацев), логично объединен общей положительной коммуникативно-прагматической установкой, реализуемой посредством определенного выбора языковых средств.

Тезис о необходимости создания определенных прескрипций в области моделирования электронного общения содержится в целом ряде исследований. Так, например, Р. Л. Траск предлагает целый ряд рекомендаций по созданию и оформлению текста электронного письма: "Choose a professional-looking username. Write in twelve-point black type on a white background. Sign your emails with your full name"; "Double-check the address line. Write an informative subject line. Use 'Q', 'Req' and 'FYI' as appropriate, but never 'Re'. Write in plaintext"; "Write in your best standard English. Use short paragraphs separated by blank lines. Plan ahead. Use enumerations where possible. Be brief, but not cryptic. Use capital letters normally. Edit and proofread your messages. Don't flame"; "Stick to ASCII characters. Be cautious with diacritics. Use a pair of asterisks for emphasis. Set off English words with single quotes. Set off foreign words with angle brackets. Be careful about presenting email addresses, URLs and typing instructions"; "Before sending an attachment check with your recipients. Use only the most basic software to construct attachments. Keep your attachments short. Never send an empty message. Never attach sound effects"; "respect the protocol of the list. Keep cross-posting to a minimum. Be unfailingly courteous. Keep your postings brief and to the point. If you make a bad mistake, correct it and apologize. Don't expect civilized behavior on a newsgroup"[16, с. 31 – 108].

В целом, существующие рекомендательные материалы содержат предписания общего характера, относящиеся к различным срезам сетевого общения: некоторые лингвистические характеристики сетевой коммуникации, свойства сети и способы их использования, реализация различных речевых стратегий, соблюдение этикета сетевой коммуникации наряду с этикетом речевого общения в целом, а также учет культурных, географических, этнических, общественно-политических, юридических аспектов в процессе осуществления электронной переписки. В целом ряде пособий лингвистический аспект сетевой коммуникации представлен в виде перечисления языковых фактов, характеризующих электронное письмо, а ряд прескрипций имеет достаточно условный характер. Вместе с тем, большое внимание уделено в некоторых из них эмоциональным и когнитивным состояниям коммуникантов, их готовности к порождению, восприятию и обработке информации [16, с. 81 – 84]. Так, например, в электронном пособии "E-mail mistakes that make you look bad" автор приводит восемь наиболее распространенных ситуаций, позволяющих избежать ошибок при создании и отправке электронного письма. Одним из важных составляющих в этой связи является настроенность автора на процесс общения и адекватности передачи и приема информации, включенность в коммуникативный процесс: "Don't write when you are angry. Wait 24 hours. Calm down. Be reasonable. Have someone else edit your e-mail... Don't use sarcasm. You may think you are clever, but the recipient will be put off" [17].

Как указывают исследователи, проблемам создания электронного письма до сих пор посвящено очень ограниченное количество работ, - что вызывает определенное недоумение, поскольку электронная почта в настоящее время является наиболее распространенным способом общения и во многих отношениях сложившимся типом письменной коммуникации [6, с. 4]. На наш взгляд, наиболее удачными материалами дидактического характера, с точки зрения отражения лингвистической специфики электронного письма, являются те пособия, методологической основой которых выступает положение о том, что язык, используемый для создания электронного письма, в первую очередь зависит от самой *ситуации общения*, того экстралингвистического

контекста, в котором реализуются содержание-намерение электронного текста, учитываются прагматические цели его автора, ориентировка на адресата сообщения, репрезентируемые при помощи определенных языковых средств.

Понятно, что переписка на обиходно-бытовом уровне, например, между близкими друзьями может содержать целый ряд отступлений от речевых норм, а также используемые только данными коммуникантами элементы языкового кода, в том числе изобретенные ими самими и добавленные в репертуар традиционных способов языковой репрезентации, обусловленные общностью фоновых знаний, пресуппозиционных характеристик. В то же время и при неформальном общении далеко не всегда допустимо пренебрежение большинством элементов языковой специфики, создающее впечатление небрежности и неаккуратности, приносящее вред отправителю письма с точки зрения формирования его имиджа. В ряде случаев оказывается необходимым проявить исключительную политкорректность, осторожность, дипломатичность в процессе сетевой коммуникации, - что также требует обращения к изучению специфики реализации сообщений в электронном виде.

Процесс формализации дискурса [1, с. 79 – 80], продемонстрированный посредством приведенных выше примеров, обладает вариативностью в том числе и в сфере сетевого общения. Очевидно различие подходов как к реализации содержания-намерения, так и способов лингвистической репрезентации информационного блока электронных писем. Сетевая среда, являясь особой сферой существования электронной переписки, т.е. налагая свои условия и ограничения на процесс актуализации потенциалов естественного человеческого языка, соответственным образом влияет на особенности человеческой когниции, на способы презентации и переработки информации. Анализ целого ряда электронных писем позволяет заключить, что в них по-разному отражены предпочтения авторов относительно передачи содержания-намерений, осуществляемой посредством реализации определенного семиотического выбора. В основе принятия данных решений лежит индивидуальный когнитивный стиль отправителя письма, проявляющийся на уровне выбора того или другого способа в решении проблемы, характеризующий поведение человека относительно целого ряда ситуаций. Иными словами, налагаемые сетевой средой требования к процессу создания и отправки сообщений, с одной стороны, и предоставляемая ею относительная свобода, допускающая экспериментирование и электронно-языковую игру, с другой стороны, оказывают особое влияние на формирование когнитивного стиля пользователя ПК, не говоря уже о тех возможностях трансформаций его когнитивной сферы, которая предоставляется виртуальной средой.

Список литературы

1. Кубрякова Е. С., Александрова О. В. Виды пространства текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время. – М, 1997. – С. 194 – 195.
2. Baron N. Computer mediated communication as a force of language change // *Visible Language* 18, 1984.
3. Beresford C. *Business Communication. Practical Written English. For the 164. Modern Business World.* – BBC English by Radio and Television, 1988.
4. Blumental L.A. *The Art of Letter Writing.* – Toronto: A Prigee Book, 1985.
5. Crystal D. *The Language and the Internet.* – Cambridge University press 2001.
6. Emmerson P. *Email English.* – Macmillan Publishers Limited, 2004.
7. Ermann R. *E-mail English.* – Macmillan Edt., 2004; Jarvis L. *Letter Writing.* – London – New York - Toronto - Sydney: foulsham, 1994.
8. Haiman J. *Natural Syntax: Iconity and Erosion.* - Cambridge, 1985.
9. Haiman J. *The Principle of Economy in Language;* Orletti F. *Iconicity in Language.* Amsterdam, 1994.
10. Hale C. and Scanlon J. *Wired style: Principles of English usage in the digital age.* – New York: Broadway books, 1999.
11. Halliday M. A. K., Mc Intosh A., Strevens P. *The Users and Uses of Language.* – New York, 1973.

12. Jarvis L. Letter Writing. – London – New York – Toronto – Sydney: foulsham, 1994.
13. Maguidova I. Speech Modelling as the Subject of Functional Stylistics // Folia Anglistica. 1997, № 1, P. 11 – 38.
14. Quirk R., Stein G. English in Use. - UK Longman, 1990. – P. 103.
15. Roddick H. Business Writing Makeovers. - Avon, Massachusetts: Adams Media Corporation, 2003.
16. Trask R.L. How to Write Effective Emails. - Penguin Books, 2005.
17. Сетевой ресурс “E-mail mistakes that make you look bad” by Kim Komando for Microsoft.com. Режим доступа <http://www.lifehack.org/articles/lifehack/8-e-mail-mistakes-that-make-you-look-bad.html>.

INTERNET AS THE SPHERE OF LINGUISTIC MODELING

E. A. Vishniakova

*Tula
Institute of
Economics and
Informatics*

*e-mail:
vishnyalis@yandex.ru*

The existence of e-mails in the Internet conditions presupposes elaboration of the most optimal ways of their creation. The main characteristics of an e-mail are brevity, economy, iconicity, appearing on the graphic, syntactic, lexical levels. The constraints of the electronic environment influence the PC user's cognitive style forming process.

Key words: the Internet, e-mail, optimization, linguistic modeling, linguistic means' choice and arrangement, semantic capacity.

УДК 811.11:81

СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ В НОВОЗЕЛАНДСКОМ АНГЛИЙСКОМ

О. Д. Вишнякова¹
О. В. Скурихина²

*¹Московский
государственный
университет
им. М. В. Ломоносова*

*²Вятский
государственный
гуманитарный
университет,
г. Киров*

*e-mail:
ol-vish@mail.ru*

Новозеландский вариант английского языка характеризуется целым рядом специфических трансформаций структурно-содержательного характера, реализуемых на различных уровнях языковой репрезентации. Структурные и семантические трансформации в области лексики и фразеологии в значительной мере обусловлены присутствием сложного и многоаспектного национально-культурного компонента, присущего данному социуму.

Ключевые слова: новозеландский английский, национально-культурный компонент, трансформации, лексические и фразеологические единицы, семантика, структура, значение.

Проблеме выделения национально-культурного компонента значения языковой единицы и его роли в процессе ментальной и языковой репрезентации окружающего мира посвящен целый ряд исследований. В основе разработки данной тематики лежат труды В. В. Воробьева, Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова, О. С. Ахмановой, С. Г. Тер-Минасовой, А. С. Мамонтова, В. В. Ощепковой, А. Вежбицкой, В. Н. Телия, В. С. Виноградова, А. Д. Швейцера и других известных ученых. Содержание в значении языковой единицы национально-культурных семантических долей обуславливает ее национальную специфику. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров указывают, что национально-культурными семантические доли формируются, складываются в границах определенной этнокультурной и национально-языковой общности [1]. В этом плане принято дифференцировать такие основные категории языковых единиц, как относящиеся к интенциональной сфере реалии, безэквивалентную лексику, а также входящую в область импликационала фоновую лексику. Иными словами, национально-культурные семантические доли (национально-культурный компонент, культурно-исторический компонент) могут быть включены в лексическое значение на уровне стоящего за ним понятия, с одной стороны, либо присутствовать на уровне лексического фона, обладая способностью к проявлению, по словам В.В. Ощепковой, «расхождений в области семантической периферии, т.е. знаний и ассоциаций, сопряженных с данным предметом или явлением в сознании носителей данного языка» [2, с. 91].

Обращаясь к изучению лингвокультурологических особенностей англоязычных социумов, исследователь постоянно сталкивается с фактами частичных или кардинальных преобразований в структурно-содержательной специфике языковых единиц, обусловленных их принадлежностью к определенной национально-культурной общности. Исключительный интерес в этой связи вызывают языковые факты, наблюдаемые в области функционирования английского языка в различных странах Содружества.

Так, анализ функционально-системных трансформаций в новозеландском варианте английского языка, характеризующем социум, отличающийся своими специфическими свойствами в отношении концептуальной и языковой картин мира, по сравнению с другими вариантами, позволяет обнаружить немалое число семантических различий. Несмотря на сохранение целого ряда устаревших фактов британского

влияния как на новозеландский, так и австралийский варианты, мощное воздействие австралийского английского, все более усиливающуюся американизацию в культурно-языковой сфере, новозеландский вариант английского языка может рассматриваться в качестве уникального репрезентанта национально-культурной картины мира как в сфере отражения действительности, так и в области ее оценки [3; 4; 7].

Очевидно, что национально-маркированные единицы в национальных вариантах английского языка составляют относительно тонкий слой по сравнению с общеанглийскими. Вместе с тем, в каждой национальной культуре общеанглийские языковые выражения способны к реализации своего потенциала по приобретению особой национальной образности. В каждом из культурно-языковых пространств исследователями выделяются сферы концентрации национально-маркированных элементов [2, с. 102].

Одной из обширных областей в этом плане может считаться сфера «человек и общество», для которой в новозеландском английском наиболее релевантными оказываются такие тематические группы, как 1) флора и фауна, 2) характеристика коренного населения - маори и их образа жизни, 3) хозяйственная деятельность новозеландцев, в основном связанная с сельским хозяйством и добычей полезных ископаемых, а также некоторыми промышленными отраслями, 4) новозеландский образ жизни, 5) общественная и государственная деятельность, 6) климат и географическая среда, 7) название своей страны и ее жителей, 7) характеристика других стран и их жителей [2, с.108].

Новая Зеландия, воспринимаемая как самим ее населением, так и многими представителями других стран как страна всеобщего благоденствия и спокойствия, избранная Богом, еще в 1890 г. получила название "God's own country", впервые упоминаемое в новозеландской литературе в следующей заметке Томаса Брэкена: "A recent arrival from New Zealand, walking along Collins Street, Melbourne, a short time since, encountered another Maorilander who holds a good position in the Victorian capital.

'Well, how do you like Australia?' enquired the recent arrival.

'Oh! It's a wonderful place,' replied the other, 'and I am doing very well here, but I would much sooner live on a far smaller salary in God's own country' [5]. В дальнейшем поэт использует словосочетание "God's own country" в своем произведении 1893 г.:

"Give me, give me God's own country! There to live and there to die,
God's own country! Fairest region resting 'neath the southern sky".

Несмотря на существование и в других вариантах английского языка (что отмечается, например, по отношению к Индии, Родезии (Зимбабве), Австралии, США), данное словосочетание стало широкоупотребительным именно в Новой Зеландии, в том числе в обиходно-бытовой и публичной речи. Так, в 1906 г. премьер-министр Новой Зеландии Ричард Седдон по пути из Австралии направил домой телеграмму, в которой сообщал, что возвращается в "God's own country". В 1964 г. появилось новообразование, возникшее на основе стяжения – аббревиатура "Godzone": "By 1964 'God's own country' had occasionally been contracted to 'Godzone', the respelling attributed to poet Allen Curnow, and popularized by Bruce Mason and Curnow himself, and it has remained in use, somehow combining irony with a reluctant affection" [5, с. 5]. Благодаря существованию данной языковой единицы появилось и название нового словаря – "The Godzone Dictionary of favourite New Zealand words and phrases".

В целом, следует отметить, что прием аббревиации широко распространен в новозеландском варианте английского языка. Так, лексическая единица "aggro" возникла в шестидесятых годах двадцатого века в результате сложения двух слов – "aggravation (made worse, intensified)" и "aggression (over-readiness to attack)". Лексикографические источники содержат следующую информацию относительно динамики семантических изменений в данной единице: "The meaning of agro has both widened and weakened: it can indicate either a potential street fight, or something as minor as a person being a few minutes late, thus causing agro to the person waiting". Например: "Bernie couldn't play rugby on Saturday – he damaged his hands after some aggro in the street on Friday night".

Другим примером сокращения может служить случай с “A & P show” – “An Agricultural and Pastoral (Association) regional festival event with a strongly rural and agrarian focus, which includes exhibitions of livestock, produce and machinery, trade displays, educational material and fairground activities”. Определение данной реалии сопровождается следующим культурно-историческим комментарием: “The first A & P Association was formed in 1843, to improve crops and agriculture and show livestock and machinery. By 1908, there were over 100 A & P Associations throughout the country. Actively involved in rural postal, telephone and schooling services, the associations were non-political and paid increasing attention to holding A & P shows, which can be a major event in many communities, often referred to simply as the Show, or, in Canterbury, Show Week”.

Вместе с тем, многие аббревиатуры пришли в новозеландский вариант из других вариантов английского языка. Так, например, сокращенная форма “arvo” – “short for afternoon. Sometimes extended to s’arvo for ‘this afternoon” – появилась в Австралии в 1920-х гг. предыдущего столетия и функционирует до настоящего времени в Новой Зеландии. Существует и целый ряд языковых единиц, возникших на основе взаимодействия разных вариантных элементов: “cark (it) – to die. The term arose in Australia, apparently from a combination of sources – the caw sound of a crow (reminiscent of a human death croak), plus the sound of carcass, and both possibly influenced by a British dialect word ‘cark’, meaning fret and worry, eventually intense enough to be fatal”.

Как уже отмечалось, данный процесс оказывается тесно связанным с различными модификациями замещения, интенсивно реализуемыми на уровне языковой системы. Приведем пример с единицей “crikey dick”, служащей для выражения целого спектра эмоций – гнева, удивления, отчаяния: “An expression of anger, surprise, shock or despair combining twinned substitute euphemisms crickey (for Christ) and dick (for the devil). The expression is an example of the age-old practice of wanting to exclaim the name of a religious figure, while trying to avoid offence by doing so”. С данным явлением связано возникновение в английском языке целого ряда слов и выражений, таких как “Oh my goodness” (“Oh my God”), “Cripes”, “Crikey” (“Christ”), “Gee”, “Jeepers” (“Jesus”), “Golly”, “Gosh” (“God”).

Структурной и отчасти семантической трансформации языковые единицы в новозеландском варианте английского языка в значительной степени подвергаются вследствие воздействия языка и культуры маори, оказывающих определенное влияние на понятийную и вербальную сферы языкового функционирования. Приведем ряд примеров.

Сокращенная форма “bro” от “brother”, восходящая еще к XVII веку, была экстраполирована на именование чернокожих американцев, называющих друг друга братьями – “bros”. С конца 1900-х гг. термин находит распространение в Новой Зеландии, особенно - в среде маори, приобретая более широкое значение, связанное с особенностями быта этого народа: “Besides straightforward filial connection, the term has a wider set of meanings: Maori families often contain a foster child, a stepchild, a half-sibling or even a legal cousin. Calling such a person a bro can show a close link even without a blood relationship”. Как и в других языках, данное слово, включая стилистические модификации, может использоваться и в отношении различных других видов близкого общения людей, объединенных совместной деятельностью и общей идеологией: “The word is also used for members of the group such as a gang and, more widely, to refer ironically or jokingly to all Maori people”.

Подобные структурно-содержательные трансформации характеризуют и единицу “cousin”, обретшую форму “cuzzie”, а затем – “cuz”, и реализуемую представителями маори в более широком значении: “Maori therefore often used the English word cousin to describe all types of relatives because it satisfied European expectations and prevented embarrassment and further questioning”. Получившее широкое употребление слово стало использоваться для создания стилистического эффекта и ассоциироваться с местными культурными реалиями: “The word became widespread. Young Maori quickly

turned the tables by deliberately using the word in widely improbable and eventually comic contexts. Cousin developed into *cuzzie*, and its use was popularized by famous comedian the late Billy T. James". Широкое распространение рассматриваемого феномена, раскрывающего потенциальные возможности естественного человеческого языка на уровне речевого функционирования, подтверждает и следующий факт: "Cuzzie is often shortened to *cuz* and there is also an expanded version – *cuzzie bro* – by which Maori jocularly refer to almost anyone else Maori, related or not".

В процессе рассмотрения лексических и фразеологических единиц, содержащих национально-культурный компонент, в новозеландском варианте английского языка выявляется достаточно разнообразная картина их возникновения. С одной стороны, значительное количество случаев может рассматриваться как результат национально-культурной адаптации, переосмысления слов и словосочетаний собственно британского происхождения под влиянием новой национально-культурной среды. К подобным случаям можно отнести, например, лексическую единицу "clobber", функционирующую в значении "to be severely beaten, or destructively criticized". В данном случае отмечается звукоподражательный характер языковой единицы, реализуемый благодаря кластеру "cl-": "The word, which arises in historic English, is thought to be echoic – it sounds like the action of beating. Both the Royal Air Force and the navy used clobber and clobbering to describe heavy bombing or successful submarine torpedo attacks". В культурно-языковой новозеландской среде в 1970-х гг. XX в. появилось выражение "the Great New Zealand Clobbering Machine" (Austin Mitchell), отражающее резкий и принудительный характер конформистских процессов в обществе – "clobbering came to mean that people are expected or pressured to conform with and submit to accepted standards".

В этой же связи может быть рассмотрена единица "cracker", появление которой в английском языке отмечено примерно 1400 годом. Первоначальное значение "boastful and loud" подверглось постепенной трансформации и к 1800 г. слово стало употребляться в значениях "a fine fellow or an outstanding set of circumstances". Для новозеландского социума, в котором оно употребляется как выражение одобрения – "expression of approval applied to a person, thing or situation," реализация данной единицы также сопряжена со звукоподражательным эффектом: "In New Zealand the meaning may have been drawn from the sound a skilful whip wielder can achieve when flicking the fine thread at the end of a whip lash, causing an impressive cracking sound". В процессе языкового функционирования слово "cracker" приобрело метафорическое значение "money or any sort of valuables", имеющее отрицательные коннотации и ассоциирующееся с безвкусным и бесцветным печеньем под тем же названием: "He was fired from his job and was left without a cracker".

Некоторые языковые единицы, функционирующие в новозеландском английском, восходят к другим европейским языкам, например, к нидерландскому (голландскому), что объясняется известными историческими причинами. Так, распространенное в новозеландском английском слово "creek", употребляемое наиболее широко по сравнению с близкими по значению единицами ("Stream is seldom used. Brook, beck and rill are never heard, though burn appears occasionally in the south of the South Island, where a strong Scottish influence survives"), обязано своим происхождением голландскому *kreke*: "It originally meant an inlet or a bay, which is what Captain Cook may have meant when he wrote of mooring in a creek. In the 1600s British immigrants in America began using creek to describe a running stream or small river. In the 18-th century European Australians used the word in the same way and by the early 1800s it had spread to New Zealand for any waterway smaller than a river".

В ряде случаев семантика языковых единиц подвергается смысловой трансформации под воздействием национально-культурных социально обусловленных факторов [6]. Например, более политкорректным в новозеландской законодательной области считается употребление единицы "convert" по сравнению с единицей "steal" (красть): "The correct legal usage is 'converted to one's own use': being found guilty in court

of stealing a car is referred to a conviction for car conversion". Существительное "contractor", первоначально реализуемое в значении "the person initiating the project and paying those engaged to work on it", выступает в качестве политкорректного варианта для одновременной репрезентации единиц "employer" ("the person who organizes and pays the workforce") и "employee" ("those working for and being paid by the employer").

Не менее важным представляется факт осуществления семантических преобразований в единицах фразеологического уровня, возникновение многих из которых на понятийном уровне мотивировано местными национально-культурными особенностями и связано с природно-географической тематикой. Так, например, распространенным является словосочетание "chocolate fish" – "a fish-shaped chocolate-coated marshmallow confection. Popular in New Zealand since 1930, chocolate fish are often used as comic prizes in fun events".

Словосочетание "box of birds", имеющее значение "feeling happy, exhilarated, fit and cheerful" ("Martin was laid low with bronchitis, but he's recovered now and he's a box of birds!") выступает как удачный в эвфоническом плане фразеологизм, появившийся в языке военных в 1940-х гг. XX столетия. К восьмидесятым годам XX века появились также варианты "box of budgies", "box of fluffy ducks", "box of fluffies".

Единица "bush", восходящая к голландскому "bosch" ("woodland"), широко распространена как в австралийском, так и новозеландском вариантах английского языка и имеет значение "territory which is heavily treed". Новозеландцы в основном избегают употребления таких слов, как "woods" или "forest", хотя последнее употребляется по отношению к территориям, на которых произрастает и разводится завезенное из Калифорнии после Первой мировой войны олицетворяющее образ родины дерево – *Pinus radiata* (лучистая сосна, *macrocarpa*).

Словосочетание "go bush" реализуется во фразеологическом значении "to eschew urban life altogether and live by choice in a rural area without the usual modern conveniences". Другим переносным значением данного словосочетания является "to hide deliberately, as from authorities such as the police". По аналогии с британскими выражениями "take to the woods", "out of the woods" ("free from danger, difficulty") словосочетание "go bush" употребляется по отношению к тому, кого невозможно найти – "someone who cannot be found, even in a big city". В этой связи заслуживает внимания и метафорическое выражение "bush baptist" («дремучий фанатик») – "a person of strong religious belief whose desire to convert others is inclined to oversell the advantages of their particular faith. In some cases that faith can be of antiestablishment kind, unrelated to any known and recognized forms of worship".

В этом же направлении может рассматриваться процесс семантического становления выражения "bush lawyer", имеющего несколько метафорически репрезентируемых значений, связанных со сложностями и запутанным характером юридической системы и реализуемых по отношению либо к некомпетентному в судебных делах человеку, пытающемуся навязывать свое мнение, либо к юристу, осложнившему ход дела настолько, что из сложившейся ситуации трудно выпутаться. Вместе с тем, данное выражение употребляется как метафорическое разговорное название новозеландского растения – "*Rubus cissoides* (known in Maori as tataramoa), so called because the thorns of the vine are as difficult to escape as the entanglements of the legal system".

Типичным для новозеландцев является представление о сложностях и труднодоступности, а также об угрозе, одиночестве, связанное с образом кактуса ("To a New Zealander, any landscape naturally containing cactus is alien to their own – and slightly threatening. As a stand-alone, (the) cactus can simply mean a distant and isolated place"). Единица "cactus" реализуется в ряде фразеологизмов: "Being in the cactus conveys difficulty and a prospect of a possibly painful exercise in order to become free". Например: "Bartlett's farm was quite prosperous until the flood in the middle of the growing season, which has left him in the cactus".

Особого внимания с точки зрения репрезентации национально-культурной специфики и ее модификаций заслуживает фразеологическое сочетание “colonial goose”, получившее полное переосмысление в связи с географическим положением и природными особенностями Новой Зеландии, но, вместе с тем, сохранением исконных традиций переселенцев. Данное словосочетание используется для обозначения следующей реалии, которая в понятийном плане оказывается совершенно не связанной в данным языковым выражением: “Boned mutton, filled with savoury stuffing, roasted and served with potatoes, usually at Christmas. The practice arose when British pioneer settlers discovered that there were no geese in New Zealand – and Christmas was in summer. Unwilling to abandon old traditions, they evolved a new Antipodean version. Apart from the name, it has nothing to do with geese at all”.

Таким образом, новозеландский вариант английского языка характеризуется целым рядом специфических трансформации структурно-содержательного характера, реализуемых на различных уровнях языковой репрезентации. Рассмотренные трансформации в значительной мере обусловлены присутствием сложного и многоаспектного национально-культурного компонента, присущего данному социуму.

Список литературы

1. Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М. : Рус. яз., 1999.
2. Ощепкова В. В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. – М./СПб.: ГЛОССА/КАРО. 2006.
3. Bell A., Holmes J. English, Maori and minority languages / English around the world: sociolinguistic perspectives / Ed. by Jenny Cheshire. - Cambridge University Press, 1996 – P. 153 – 168.
4. Benton R. Maori English: a New Zealand Myth? / English around the world: sociolinguistic perspectives / Ed. by Jenny Cheshire. - Cambridge University Press, 1996. – P. 187 – 197.
5. Cryer M. The Godzone Dictionary of favourite New Zealand words and phrases. – Auckland: Exisle Publishing Limited, 2006.
6. Huygens I., and Vaughan G. Language attitudes, ethnicity and social class in New Zealand // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 1983. – P. 207 – 223.
7. Kirkpatrick A. World Englishes: Implications for International Communication and English Language Teaching. – Cambridge University Press, 2007.

STRUCTURAL AND SEMANTIC TRANSFORMATIONS IN THE LINGUISTIC UNITS WITH THE NATIONAL-CULTURAL COMPONENT IN NEW ZEALAND ENGLISH

O. D. Vishnjakova¹
O. V. Skurihina²

¹*Moscow
Lomonosov
State University*

²*Vyatka
State
Humanitarian
University,
Kirov*

*e-mail:
ol-vish@mail.ru*

New Zealand English is characterized by a number of structural and semantic transformations on different levels of linguistic representation. Structural and semantic transformations in lexical and phraseological units to a greater extent are determined by the national-cultural component that can be described as complex phenomenon that deals with a number of aspects.

Key words: New Zealand English, national-cultural component, transformations, lexical and phraseological units, semantics, structure, meaning.

УДК 811.11:81

ЯВЛЕНИЕ КОГНИТИВНОГО ДИССОНАНСА В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Т. В. Дроздова

*Тульский
государственный
педагогический
университет
им. Л. Н. Толстого*

*e-mail:
tanyazelenskaya@mail.ru*

Статья посвящена рассмотрению роли когнитивного диссонанса как одного из структурно-содержательных компонентов создания художественного пространства. Важнейшей задачей в сфере литературно-художественного творчества является согласование концептуальных систем автора и читателя на основе процесса создания адекватной авторской картины мира в сознании адресата. Несогласованность лингвокогнитивных ресурсов читателя с ресурсами автора может привести к реализации когнитивного диссонанса на уровне диалога «автор – читатель».

Ключевые слова: когнитивный диссонанс, когниция, речевое взаимодействие, интерпретация, понимание, концептуальная система, диалог «автор – читатель».

Согласно теории когнитивного диссонанса, в рамках которой в последнее время проводятся активные разыскания исследователей, смежных с языковедческой наукой областей, считается, что существует комплекс знаний об объектах и людях, названный когнитивной системой, которая может быть разной степени сложности, согласованности и взаимосвязанности. При этом сложность когнитивной системы зависит от количества и разнообразия включенных в нее знаний [10, с. 11].

Когнитивный диссонанс понимается как любое несоответствие между когнициями, т. е. между знаниями, мнениями или убеждениями, относящимися к окружению либо поведению людей. Появление диссонанса, дискомфорта в психологическом отношении, заставляет человека осуществить попытку нейтрализовать его и добиться консонанса – соответствия когниций, в первую очередь на уровне речевой коммуникации [1, с. 10].

Именно этим фактом обусловлено обращение к данной проблеме с точки зрения ее реализации в языковедческой науке. Когнитивный диссонанс представляет собой универсальную категорию речевого взаимодействия, содержательной сущностью которой является несоответствие между когнициями коммуникантов, находящее свою репрезентацию на уровне языкового выражения. В этом смысле когнитивный диссонанс может рассматриваться как когнитивно-коммуникативная категория.

В процессе рассмотрения реализации когнитивного диссонанса на уровне речевого взаимодействия в англоязычном художественном дискурсе нельзя вместе с тем обойти вниманием художественное пространство произведения – особый виртуальный мир, в котором отражена специфика литературно-художественного творчества автора.

Понятие художественного пространства коррелирует с идеей Д.С. Лихачева о внутреннем мире произведения словесного творчества. По мнению ученого, внутренний мир произведения словесного искусства обладает известной художественной цельностью. Отдельные элементы отраженной действительности соединяются друг с другом в этом внутреннем мире в некой определенной системе, художественном единстве [6].

Согласно В. В. Виноградову, мир художественного произведения является результатом и верного отображения, и активного преобразования действительности. Строительные материалы для построения внутреннего мира художественного произведения, по мнению ученого, берутся из действительности, окружающей художника,

но создает он свой мир в соответствии со своими представлениями о том, каким этот мир был, есть или будет [2, с. 76].

Художественное произведение, как подчеркивает исследователь, представляет собой целостное эстетическое единство. Такой подход опирается на понимание внутреннего единства словесно-художественной структуры произведения, его композиции, развития сюжета, структуры образов и т.п. [Там же. с. 5].

Учитывая приведенные выше положения, определим роль ситуаций когнитивного диссонанса в контексте литературно-художественного произведения. Обратимся непосредственно к материалу и рассмотрим новеллу С. Фицджеральда «The Baby Party» («Детский праздник»). События разворачиваются на дне рождения маленького Билли, куда приглашены мамы со своими малышами. Веселый праздник оборачивается ссорой двух мам из-за детей и дракой их отцов, вступившихся за своих жен.

Прежде всего, проанализируем реализацию явления когнитивного диссонанса на уровне речевого взаимодействия людей. В этой связи необходимо уточнить, что диссонантные ситуации могут возникать как следствие экстралингвистических факторов, так как в языке и речи выражается реакция людей не только на соответствующую речевую, но и на экстралингвистическую ситуацию.

В рассматриваемом материале экстралингвистической причиной возникновения когнитивного диссонанса явилось поведение одной из приглашенных девочек, Эдди, по отношению к виновнику торжества. В словесно-художественной ткани текста мы находим на это прямое указание: «Ede had obtained Billy's teddy-bear by pulling it forcibly from his arms, and on Billy's attempt to recover it, she had pushed him casually to the floor. ... Suddenly, encouraged by the success of her former half-accidental manoeuvre, Ede dropped the teddy-bear, placed her hands on Billy's shoulders and pushed him backward off his feet».

Развитие диссонантной ситуации происходит уже с участием родителей детей: «Immediately the room was in confusion. With an exclamation Markey hurried to his son, but his wife was first to reach the injured baby and catch him up into her arms.

'Oh, Billy,' she cried, 'what a terrible bump! She ought to be spanked.'

Edith, who had rushed immediately to her daughter, heard this remark, and her lips came sharply together.

'Why, Ede,' she whispered perfunctorily, 'you bad girl!'

По мнению исследователей, когнитивный диссонанс возникает по причине разногласий во мнениях людей, несоответствия действия ожиданиям других лиц, а также несовпадения личных убеждений с требованиями нормативной регуляции вследствие существенных социокультурных различий [1]. Обращаясь к текстовому материалу, формализующему дискурсивные характеристики данного произведения, мы можем выявить следующие доказательства наличия когнитивного диссонанса.

Из повествования становится ясно, что родители детей отнеслись к данной ситуации по-разному: мама Эди, миссис Эндрос, посчитала возникшее положение простым недоразумением:

'Why, Ede,' she whispered perfunctorily, 'you bad girl!'

Ede put back her little head suddenly and laughed. It was a loud laugh, a triumphant laugh with victory in it and challenge and contempt. Unfortunately it was also an infectious laugh. Before her mother realized the delicacy of the situation, she too had laughed, an audible, distinct laugh not unlike the baby's, and partaking of the same overtones.

... Pressing her handkerchief to her mouth she giggled irrepressibly. It was more than nervousness – she felt that in a peculiar way she was laughing with her child – they were laughing together.

It was in a way a defiance – those two against the world.

Мама Билли, миссис Марки, усмотрела в этом инциденте совершенно иное – с ее точки зрения, поведение Эдди и последующая реакция ее матери недопустимы:

Mrs Markey's face had grown red with anger, and Markey, who had been feeling the back of the baby's head with one finger, looked at her, frowning.

‘It’s swollen already,’ he said with a note of reproof in his voice. ‘I’ll get some witch-hazel.’

But Mrs Markey had lost her temper. ‘I don’t see anything funny about a child being hurt!’ she said in a trembling voice.

Таким образом, приведенный текстовый материал подтверждает несоответствие действия (реакции) миссис Эндрос ожиданиям миссис Марки. Указание на несовпадение личных убеждений миссис Эндрос требованиями нормативной регуляции можно усмотреть в следующем пояснении автора «It was in a way a defiance – those two against the world».

В словарях языковая единица «defiance», используемая автором, трактуется как «refusal to obey a person or rule» (Macmillan English Dictionary); «strong resistance to opposition» (Oxford Advanced Learner’s Dictionary).

О наличии когнитивного диссонанса свидетельствует его маркированность в последующем речевом эпизоде:

‘Get out!’ cried Mrs Markey frantically. ‘There’s the door, get out – I never want to see you in our house again. You or your brat either!’

... Edith began to cry.

‘I will get out!’ she sobbed. ‘I’ve never heard anybody so rude and c-common in my life. I’m, glad your baby did get pushed down – he’s nothing but a f-fat little fool anyhow.’

Маркерами когнитивного диссонанса в приведенном выше материале является инвективная лексика, реализуемая коммуникантами: «brat (derog) – a child, especially one that behaves badly» (Oxford Advanced Learner’s Dictionary), «fat – containing too much fat (in English it is not polite to say somebody that they are fat)» (Oxford Advanced Learner’s Dictionary), «fool (derog) – a person who acts in a stupid or foolish way (Oxford Advanced Learner’s Dictionary).

Когнитивный диссонанс, по определению, предполагает некое развитие. В новелле это развитие имеет свою реализацию в виде конфронтационного взрыва – драки отцов детей. На основе извлечения фактологической и имплицитной информации из дальнейшего текста, становится очевидно, что причиной возникновения конфликтной ситуации – драки отцов – является когнитивный диссонанс, который проявляется в глобальном непонимании, имеющем место между людьми, несовпадением их мнений и убеждений, интенций и ожиданий.

Вместе с тем, наличие ситуации когнитивного диссонанса в данном произведении является не только способом репрезентации особенностей созданных автором художественных образов, но имеет более глубинную основу и служит целям реализации основной идеи или ключевого концепта текста – показать разобщенность людей в обществе, искусственный характер взаимоотношений, навязанный социальными нормами и привычками. На искусственность отношений и разобщенность героев прямо указывает автор, используя соответствующие языковые единицы:

‘What a peach of a mess!’ he thought humorously. ‘A dozen mothers, and each one looking at nothing but her own child. All the babies breaking things and grabbing at the cake, and each mama going home thinking about the subtle superiority of her own child to every other child there.’

... Edith stood near the door talking to Mrs Markey, and keeping an eye on the tiny figure in the pink dress. She did not care for Mrs Markey; she considered her both snippy and common, but John and Joe Markey were congenial and went in together on the commuting train every morning, so the two women kept up an elaborate pretence of warm amity. They were always reproaching each other for ‘not coming to see me’, and they were always planning the kind of parties that began with ‘You’ll have to come to dinner with us soon, and we’ll go to the theatre,’ but never matured further.

‘Little Ede looks perfectly darling,’ said Mrs Markey, smiling and moistening her lips in a way that Edith found particularly repulsive. ‘So grown-up – I can’t believe it!’

Edith wondered if 'little Ede' referred to the fact that Billy Markey, though several months younger, weighed almost five pounds more. Accepting a cup of tea she took a seat with two other ladies on a divan and launched into the real business of the afternoon, which of course lay in relating the recent accomplishments and insouciances of her child.

В этой связи особое значение приобретает анализ языковых единиц на семантическом, метасемиотическом¹ и метаметасемиотическом уровнях их функционирования².

Таким образом, когнитивный диссонанс в анализируемом художественном произведении служит целям реализации основной идеи текста, поэтому его можно считать одним из структурно-содержательных компонентов создания художественного пространства произведения словесного творчества. Иными словами, когнитивный диссонанс можно рассматривать как основной смыслообразующий компонент сюжетно-композиционного комплекса.

Вместе с тем, помимо когнитивного диссонанса, возникающего на уровне взаимодействия людей, нами установлен еще один уровень, где возможна реализация данного феномена: уровень диалога автор (адресант) – читатель (адресат).

Осуществление анализа когнитивного диссонанса на данном уровне требует уточнения понятий понимания и интерпретации художественного текста.

Проблема интерпретации художественного текста представляет собой одну из ключевых проблем современной лингвистической науки, главной задачей которой является изучение текстов различных типов и возможностей их толкований. Понимание как адекватная интерпретация речевого произведения представляет собой весьма сложный процесс, обусловленный множеством различных феноменов. В этой связи, следует подчеркнуть, что сама процедура интерпретации характеризуется наличием таких компонентов, как объект ожидания (например, текст, который ожидается после реализации данного высказывания; правдивость и доступность внутреннего мира автора) и обоснование этого ожидания.

Процесс создания текста предполагает наличие у автора определенного представления о том, каков у адресата объем знаний о предполагаемом предмете речи, т.е. объем информации называемый пресуппозицией или презумпцией.

Понимание художественного произведения предполагает не только внимательное следование читателя за развитием сюжета, но и умение понять замысел автора, ощутить эстетическое воздействие, оказываемое словесно-художественным текстом [2; 4, с. 176 – 177].

Обратимся к языковому материалу новеллы. Само название произведения «The Baby Party» передает читателю общую идею о содержании художественного произведения и устанавливает некоторые рамки того, что он может ожидать.

Начало новеллы полностью оправдывает ожидания читателя, заданные заглавием произведения. Актуализирующийся в концептуальной системе читателя кон-

---

1 В. Я. Задорнова отмечает, что «все в литературном произведении – намерение автора, его идеи, образы и т. д. – реализуется в словах. ... Понимание художественного произведения предполагает умение читателя не только воспринимать художественный текст как сумму значений составляющих его единиц, но и распознавать «двойственную» природу языковой единицы в художественном тексте, ее способность наполнять новым «поэтическим» содержанием. При этом создатель художественного произведения обязательно использует возможности языка специфически, только ему одному присущим способом» [5, с. 8 – 9].

2 «Если исследователь хочет проникнуть в подлинный смысл произведения, понять намерение писателя, ради которого использовались те или иные стилистические приемы, он должен анализировать произведение на метаметасемиотическом уровне. Для этого необходимо тщательно изучить литературное направление, к которому принадлежит автор, его мировоззрение, эпоху, в которой написано произведение и т. д. Думается, что опираясь на анализ на первых двух уровнях и фоновые знания, исследователь в состоянии научно обосновать то метаметасодержание (идейное содержание), которое вложено в произведение автором» [Там же. с. 8 – 9].

цепт BABY PARTY в художественно-словесной ткани произведения репрезентируется следующим семантическим комплексом: «new pink dress», «four baby girls and nine baby boys, each one curled and washed with all the care», «cute», «pink little hand», «a large cake with two candles», «saucers of vanilla ice-cream», «white frosting» и др. Затем, по ходу повествования, выдвигается другой, противоположный предыдущему, концепт CONFLICT. Языковая репрезентация данного концепта находит свою реализацию в следующем семантическом комплексе: «a sudden wail», «the voices were loud and pitched high with anger», «a hysterical sob», «pushed him backward off his feet», «a terrible bump», «the child's badly hurt», «the insult in her heart», «to take out temper on a helpless little baby», «hot, angry eyes», «an awful bully», «pulled each other to the ground», «rushed at each other, both swinging wildly», «fought there», «torn and bleeding», «hurt internally» и др.

Именно в процессе актуализации концепта CONFLICT возникает когнитивный диссонанс на уровне диалога «автор – читатель», так как ожидания читателя не соответствуют представлениям о том, что он предполагал узнать. Возникает новый образ, не согласующийся по своему содержанию с предыдущим описанием.

В данном случае можно говорить о метафорической интерпретации концептуальных сущностей BABY PARTY и CONFLICT, переплетении и взаимодействии слов, имеющих своеобразную форму языкового выражения, что является весьма сложной проблемой, поскольку имеет место подмена смыслов на метафорическом уровне. Конфликт, описанный в произведении, представляется автором как детские ссоры на пустом месте. Концепты BABY PARTY и CONFLICT оказываются взаимозаменяемыми по содержанию в данных условиях контекста.

В этой связи уместно подчеркнуть тот факт, что при опознавании метафорических употреблений адресант находится в состоянии, когда очевидные несоответствия должны трактоваться не как сигнал того, что подбор понятийной сущности в целом невозможен, но как указание на то, что его следует проводить более тщательно (подыскивая интересные умозаключения) на основе других свойств [9, с. 66]. Задача читателя – разгадать скрытый смысл этих нарушений и в соответствии с этим воссоздать истинное намерение автора. Если этого не происходит, то возникает явление когнитивного диссонанса.

С целью уточнения роли ситуации когнитивного диссонанса как одного из основных смыслообразующих компонентом сюжетно-композиционного комплекса также целесообразно обратиться к произведениям Дж. Фаулза, в которых наиболее ярко представлены герои с полярно противоположными типами сознания.

Особый интерес может вызвать в этой связи наиболее известное произведение писателя «Коллекционер». Весь роман буквально изобилует ситуациями когнитивного диссонанса, возникающими между главными героями – Мирандой Грей и ее похитителем Фердинандом Клеггом. Автор намеренно включает в произведение значительное количество диссонантных ситуаций с целью показать несоответствие между когнициями персонажей – их знаниями, мнениями и убеждениями. Очевидно, что наличие этих ситуаций в словесно-художественной ткани текста необходимо и имеет особое значение для композиционного единства романа, поскольку именно композиционное единство определяет построение образов персонажей и характер их взаимодействия, а также своеобразие репликовых партий персонажей в строе повествования, и, как следствие, определяет идейную направленность произведения, его замысел и художественное содержание. Основная идея романа выстраивается и просматривается на сопоставлении контрастов: черного и белого, жизни и антижизни, любви и нелюбви.

Таким образом, посредством введения в произведение ситуаций когнитивного диссонанса автор выявляет противоположность внутреннего мира двух персонажей: индивидуалистическую замкнутость, сосредоточенность на самом себе Клегга, обусловленную всей уродливой системой воспитания в семье, а затем ролью «винтика» безликого механизма, и, с другой стороны, предельную «открытость» Миранды, внут-

реннюю цельность ее натуры, уважение к себе и другим, достигаемое приобщением к высшим эмоциональным и эстетическим ценностям – любви и искусству.

Возникновение когнитивного диссонанса также возможно на уровне диалога «автор – читатель», поскольку восприятие и понимание выбранного нами в качестве иллюстрации произведения требует обширного знания в области вертикального контекста, а также высокой филологической культуры читателя.

Прежде всего, необходимо отметить, что источником смысловых соотношений и аллюзий является шекспировская «Буря». Ассоциации с «Бурей» возникают с самого начала на уровне имен персонажей.

В романе «Коллекционер» героиню зовут Миранда, героя – Фердинанд Клегг. Фамилия Клегг очевидно восходит к «clegg – large swift fly which sucks blood of various animals» (The Free Dictionary), что означает овод, слепень, и вполне соответствует его сущности и согласуется с символическим рядом, связанным с насекомыми. Слепень, овод традиционно трактуется как насекомое, связанное с нечистой силой. Клегг коллекционирует бабочек и венец его собирательской страсти – похищение прекрасной девушки, которая неоднократно сравнивает себя в заточении с пойманной и насаженной на булавку бабочкой. Бабочка – древний символ души, Психеи. Это эмблема непостоянности, эфемерности, краткости жизни и счастья.

Противостояние Миранды и Клегга отражается также и в следующей игре имен: I have to give him a name. I'm going to call him Caliban»; «'Ferdinand,' she said. 'They should have called you Caliban'. Клегг сравнивается с Калибаном из шекспировской «Бури» – уродливым, злым дикарем. Доброе, светлое начало в пьесе воплощено в волшебнике Просперо и его прекрасной дочери Миранде, имя которой и получила героиня романа Дж. Фаулза.

В данном случае перед читателем стоит задача наиболее полно осуществить процесс понимания замысла автора – показать совершенно разные картины видения мира главными персонажами³. При этом очевидно, что «встречные интеллектуальные усилия» [7, с. 8] читателя предполагают определенную базовую общность его лингвокогнитивных ресурсов с ресурсами автора. Это положение опирается не только на наличие в сознании общих универсальных понятий, а также наличие хранимых в памяти конкретных специальных знаний, но и умение воспринимать эстетическое, духовное начало, лежащее в основе творческой деятельности вообще.

Анализ материала показал, что усилия автора в данном произведении направлены на активизацию способности читателя воспринять весь объем имплицитной информации в виде символизма имен, аллюзий и других видов интертекстуальных включений, входящих в систему «ключей декодирования литературно-художественного произведения» [3].

Отсутствие определенной базовой общности лингвокогнитивных ресурсов читателя с ресурсами автора может привести в возникновению когнитивного диссонанса на уровне диалога «автор – читатель», что в значительной степени препятствует непосредственному пониманию литературно-художественного текста без предварительной филологической подготовки.

В данном случае способами нейтрализации возможности возникновения когнитивного диссонанса, влекущего за собой коммуникативные неудачи в сфере диалога «автор – читатель», является наличие целого ряда «ключей» по интерпретации того или другого художественного произведения.

Наиболее распространенными приемами в подобном случае являются аллюзии, цитаты и другие типы прецедентных феноменов, сопровождаемые авторскими комментариями, пояснениями, ссылками и т. д.

Таким образом, явление когнитивного диссонанса может рассматриваться с точки зрения реализации структурно-содержательных особенностей английского

---

³ Л. В. Щерба отмечал, что «необходима большая опытность, литературная начитанность и тонкое знание языка, чтобы правильно произносить, или, что то же самое, правильно угадывать замысел автора» [12, с. 30].

языка в литературно-художественном стиле, которое служит целям реализации основной идеи текста. Это позволяет считать когнитивный диссонанс одним из структурно-содержательных компонентов создания художественного пространства. Иными словами, когнитивный диссонанс является основным смыслообразующим компонентом сюжетно-композиционного комплекса. Вместе с тем, важнейшей задачей в сфере литературно-художественного творчества является согласование концептуальных систем автора и читателя на основе процесса создания адекватной авторской картины мира в сознании адресата. Несогласованность лингвокогнитивных ресурсов читателя с ресурсами автора может привести к реализации когнитивного диссонанса на уровне диалога «автор – читатель».

Список литературы

1. Аронсон Э. Теория диссонанса: прогресс и проблемы // Современная зарубежная социальная психология. – М.: Издательство МГУ, 1984. – С. 111 – 126.
2. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – С. 297 – 325.
3. Виноградов В. В. О теории художественной речи: учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 2005. – 287 с.
4. Вишнякова О. Д. Язык и концептуальное пространство: на материале современного англ. яз. – М.: МАКСПресс, 2002. – 377 с.
5. Вишнякова О. Д. Функциональные особенности языкового знака в языке и речи (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2003. – 49 с.
6. Задорнова В. Я. Восприятие и интерпретация художественного текста: учеб. пособие для ин-тов и фак. ин. яз. – М.: Высшая школа, 1984. – 152 с.
7. Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. – М., 1968. – № 8. – С. 74 – 87.
8. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Об искусстве. – СПб.: Искусство-СПб, 1998. – С. 14 – 285.
9. Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПб, 2000. – 704 с.
10. Текст: аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики: сборник статей. – М.: Эдиториалл УРСС, 2001. – 192 с.
11. Фестингер Л. Введение в теорию когнитивного диссонанса // Современная зарубежная социальная психология. – М.: Издательство МГУ, 1984. – С. 97 – 110.
12. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса: пер. с англ. – СПб.: Речь, 2000. – 320 с.
13. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – 188 с.

COGNITIVE DISSONANCE PHENOMENA IN THE COTEXT OF A LITERARY ART WORK

T. V. Drozdova

*Tula
State Lev Tolstoy
Pedagogical
University*

*e-mail:
tanyazelenskaya@mail.ru*

The article is devoted to the role of cognitive dissonance as one of the structural and content components of a literary art work. The important task in the sphere of literary art is the coordination of the 'author – reader' conceptual systems on the basis of creating the author's adequate model of the world in the addressee's mind. A lack of coordination in the 'author – reader' lingual cognitive resources can cause cognitive dissonance in the sphere of the 'author – reader' dialogue.

Key words: cognitive dissonance, cognition, speech interaction, interpretation, understanding, conceptual system, 'author – reader' dialogue.

УДК 801.73:811, 162.3:811.111

ВОЛШЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ СКАЗКА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В. Ю. Клейменова

*Российский
государственный
педагогический
университет
им. А. И. Герцена*

*e-mail:
victoria.kleimenova@yandex.ru*

В статье рассматривается роль волшебной литературной сказки в формировании этнокультурной идентичности ребенка. Репрезентированный в тексте фикциональный мир создается на основании аксиологического и эстетического осмысления норм и ценностей, разделяемых представителями данного этнокультурного сообщества и представленных в авторской интерпретации. Знакомая с этим миром, ребенок должен усвоить эстетически оформленную культурно значимую информацию о социально-приемлемых моделях поведения, следование которым определяет культурную компетентность индивида и его социальную адекватность.

Ключевые слова: аксиологические характеристики, волшебная литературная сказка, вымышленная реальность, этнокультурная идентичность, культурные ценности и нормы.

Волшебная литературная сказка (ВЛС) рассматривается в данной статье как рожденный индивидуальным авторским сознанием художественный текст, в котором репрезентирован специфический фикциональный мир, основанный на вымысле определенного типа и содержащий в себе элементы волшебства. Созданная автором модель мира отражает традиционную для данного языкового сообщества систему ценностей в субъективной интерпретации. Именно сочетание инвариантных и вариативных характеристик позволяет сказке передавать от поколения к поколению специфическую информацию о социуме и его культуре.

Среди категорий текста, реализуемых в ВЛС, особое место занимает социологичность, то есть связь с исторической эпохой, в которую текст создается, культурой и социальным устройством языкового сообщества, в котором он функционирует. В процессе литературной коммуникации текст выступает в роли источника информации и средства передачи форм культуры и общественного опыта, косвенным образом он становится фактором, детерминирующим поведение человека в социуме.

Баранов А. Г. предложил рассматривать текст с позиций субъективной межличностной модальности, которая реализуется через три параметра: предписание, описание, оценку, и создал типологию текстов, основанную на функционально-прагматическом параметре, в рамках которой выделяются деонтические (ведущая модальность – предписание), аксиологические (ведущая модальность – оценка) и эпистемические (ведущая модальность – описание) тексты [1, с. 47]. Используя указанную типологию, представляется правомерным определить текст ВЛС как текст-описание, имплицитно содержащий признаки текста-оценки и текста-предписания, и выполняющий следующие функции: сказка репрезентирует современные автору модели социально-коммуникативных ситуаций и модели поведения их участников, а также представляет оценку действий участников как социально приемлемых /не приемлемых. На основании этой оценки читателю предписывается следовать указанным нормам.

Тексту сказки присущи как эпистемологические, так и аксиологические характеристики. Во-первых, текст, будучи по своей природе явлением антропоцентричным, «человекомерен», то есть он соотносится с социальными и политическими реалиями исторической эпохи через человека, он отражает менталитет эпохи, реальное положение самого человека. Это феномен культуры, отражающий мир, окружающий человека и жизнь общества как часть этого мира и, следовательно, он обладает эпистемологическими характеристиками. Эпистема определяется М. Фуко как модель отображе-

ния или парадигма возможных типов отношения слов и вещей. Сущность современной эпистемы состоит в том, что между текстом и миром стоит реальность ранее созданных текстов и для мышления характерны референциальные отсылки к культурным пресуппозициям. Текстовое пространство культуры отделяет субъекта создающего знак от знака и вещи. Отображение мира в тексте осуществляется с помощью установления межтекстовых соответствий и с учетом культурной вневременности текстовых референтов [2, с. 2006, 3, с. 1994].

Сказка функционирует в культурном контексте. «Культура – не беспорядочное накопление текстов, а сложная, иерархически организованная, работающая система» [4, с. 70]. Текст сказки обладает особой культурной значимостью так как, он представляет собой свернутую мнемоническую программу, обеспечивает общую память коллектива о системе культурных ценностей, существенных в данном обществе. Содержание системы культурных ценностей определяется разнообразными параметрами, имеющими статус культурных универсалий, традиционный список которых включает отношение к природе, социальной среде, времени, личному пространству человека, власти, манере межличностного общения и т. д.

Текст ВЛС создается на основании культурной традиции, то есть коллективной памяти этноса, инициативно отбирающей и закрепляющей в опыте поколений именно то, что позволило этносу или нации пройти сквозь историю и сохранить свою идентичность [5, с. 128]. Квалифицированный читатель сможет увидеть в произведении данного текстотипа следы множества претекстов: фольклорной волшебной сказки, мифа, романа воспитания, приключенческого романа. На основе реминисценции происходит обращение к своему прошлому культурному (читательскому) опыту, таким образом восприятие характеризуется ретроспекцией. Однако целевая аудитория сказки – дети, которые только начинают знакомиться с литературным наследием и, следовательно, благодаря тексту сказки у них формируется база для дальнейшего восприятия культуры, для приобретения собственного культурного (читательского) опыта. Сказка служит основой их приобщения к культурным ценностям, обеспечивая перспекцию в восприятии текстового континуума. Вектор движения мысли в процессе восприятия ребенком текста ВЛС имеет противоположное по сравнению со взрослым человеком направление.

Во-вторых, так как текст ВЛС обладает аксиологическими характеристиками, сохранение тех или иных фрагментов внеэстетической действительности для репрезентации в вымышленном, созданным творческим сознанием мире, определяется авторской интенцией и зависит от оценки автором этих фрагментов как наиболее значимых. Уникальность создающей сказку языковой личности вносит в шкалу непреходящих ценностей, которые оказываются релевантными и для волшебного мира, свои коррективы и, следовательно, именно содержащиеся в тексте, хотя и неявно эксплицированные, оценочные и предписывающие смыслы позволяют сказке успешно выполнять одну из ведущих социальных функций – сформировать культурную идентичность индивида на основе процесса инкультурации.

Философские и культурологические аспекты культурной идентичности рассматривались многими учеными (Большаков 2010, Гумилев 1990, Дугарова 2004, Елизарова 2008, 2010, Малыгина 2008, Островская 2010, Самкова 2009, Халуторных 1998, Флиер 2010 и др). Культурная идентичность может быть определена как «единство культурного мира человека (социальной группы) с определенной культурной традицией, культурную систему, характеризующуюся усвоением и приятием ценностей, норм, содержательного ядра данной культуры и форм ее выражения» [6, с. 509]. Ключевыми понятиями в этой дефиниции представляются культурные нормы и культурные ценности, так как свидетельством сформированности культурной идентичности является добровольное согласие индивида разделять ценности и следовать нормам, предписанным в данном культурном сообществе.

Культурные нормы, которые рассматриваются в качестве основанного на сознании механизма социокультурной регуляции поведения людей, отражают законы и стандарты социального бытия. Флиер А. Я. предлагает выделять четыре группы культурных норм:

- институциональные нормы, зафиксированные в официальных документах и представляющие собой систему разрешений и запретов на совершение каких-либо действий или высказывание каких-либо суждений, оценок и т. п.;
- статистические (этнографические) нормы, складывающиеся стихийно в виде массового обычая поступать так, а не иначе, оценивать и осмысливать нечто в этом ракурсе, а не в каком-то другом; несмотря на неофициальность эти нормы достаточно жесткие;
- конвенциональные нормы, рожденные в процессе общественного договора, но не имеющие силу закона, такие нормы (например, правила добрососедского поведения) занимают промежуточное положение между институциональными и этнографическими;
- эталонные нормы, специально созданные в качестве образца для подражания, обычно этот тип норм используется в искусстве и религии, но иногда к ним обращается и власть. [7, с. 326 – 329].

Роль сказки особенно важна при передаче от поколения к поколению этнографических, конвенциональных и эталонных норм, поскольку в отличие от институциональных норм они не зафиксированы в письменном виде и регулируют поведение членов социума «по умолчанию». Подобные нормы осваиваются детьми по мере личностного становления в процессе первичной (в рамках семьи) и вторичной (вне ее рамок) социализации. Именно сказка, как фольклорная, так и литературная, несет информацию, позволяющую сформировать у индивида базовые представления о том, что «что такое хорошо, и что такое плохо» в данном социуме.

Вторая составляющая культурной идентичности – культурные ценности – представляет собой систему «жизненно важных для человека и общества объектов, состояний, потребностей, целей, на основе которых осуществляется регуляция человеческой жизнедеятельности, формирование того или иного отношения к объектам окружающей культурной среды. В узком смысле – это совокупность культурных достижений, представленных наиболее значимыми произведениями искусства..., отмеченными их высокой ролью в жизни общества, накоплении, поддержании и организации культурного опыта человечества» [8, с. 77]. Г.В. Елизарова определяет культурные ценности как внутренние стандарты для направления действий, как стойкую уверенность в том, что специфическая модель поведения предпочтительнее альтернативных моделей. Это разделяемые всеми членами общества представления о целях общественной жизни и средствах их достижения. Они выражают коллективное мнение о том, что важно и не важно, хорошо и плохо. Это сложные, определенным образом смоделированные принципы, которые придают порядок и направление вечному потоку человеческих действий и мыслей [9, с. 28 – 29].

Культурные ценности, как материальные, так и духовные, представляют собой результат деятельности многих поколений людей, идентифицировавших себя с данной культурой, и эти ценности предназначены для передачи следующим поколениям. Ценности регулируют процесс познания, так как они расставляют приоритеты в порядке освоения знаний. В процессе инкультурации ребенок осваивает когнитивные, эмоциональные и поведенческие модели своего этноса и таким образом на основе контактов между представителями разных поколений обеспечивается воспроизведение культуры во времени. Модель содержит не только описание поведения в типичной социальной ситуации, но и оценку этого поведения как допустимого или недопустимого с точки зрения социума. В тексте сказки представлено практическое воплощение теоретического конструкта, благодаря чему конкретная ситуация воспринимается как типологическая. Таким образом, формируется предписывающая составляющая модели.

В зависимости от степени сохранения межпоколенной солидарности, основанной на признании ценности опыта старших поколений, можно выделить три типа культур:

- постфигуративный тип культуры характеризуется медленным накоплением изменений и, следовательно, жизненный путь бабушек и дедушек представляет собой образец будущего для их внуков. Это крайне консервативный тип, ему свойственно чувство «вневременности и всепобеждающего обычая». У индивида не возникает проблема самоопределения, поскольку будущее нового поколения предопределено прошлым опытом дедов и прадедов. Опыт стариков – законченный жизненный идеал, которому должна подражать молодежь. Ключевые условия сохранения постфигуративной культуры – отсутствие сомнений и отсутствие осознанности;

- конфигуративный тип культуры характерен для динамично развивающихся социумов, в которых традиции постепенно теряют свой авторитет на фоне относительно стабильной картины мира. В результате постоянных инноваций в культуре повседневности образцы поведения, ассоциируемые со старшим поколением, перестают быть идеалами для молодежи, они получают статус элемента исторической памяти. Молодежь ориентируется на опыт современников, но сохраняет культурно-исторические константы (язык, религиозные верования, единство исторической судьбы), что, в свою очередь, позволяет сохранять связь поколений;

- префигуративный, зарождающийся сейчас тип культуры, обусловлен стремительными общественными изменениями, в результате этого социокультурный опыт и образцы поведения не только предков, но и более старших современников обесцениваются в глазах молодежи. Связи поколений разрушаются, что может быть в краткой форме проиллюстрировано высказыванием сына, адресованным отцу: «Ты никогда не был молодым в мире, где молод я, и никогда не будешь» [10, с. 322 – 361].

Для современного общества, в котором формируется префигуративный тип культуры, характерен дефицит культурной идентичности, то есть «включенности в культуру собственного этноса, нации, общества, в то миропонимание и те образцы поведения, которые позволяют человеку чувствовать свою принадлежность к социальной общности, обладающей собственной исторической судьбой и открытой вызовам будущего» [11, с. 120]. Высокие темпы технического развития, создание единого информационного пространства, процесс глобализации, в результате которого государства во многом утрачивают свою экономическую, военную и иную самостоятельность, ослабляют связи внутри социума, и опыт предшественников теряет былую ценность в глазах подрастающего поколения. В сложившейся ситуации проблемы идентификации обретают особую актуальность, культурологи даже говорят об очередном кризисе идентичности.

Культурная идентичность может также рассматриваться с учетом этнических характеристик социума. Этнос понимается как система социальных и природных единиц с присущими им элементами, это система «различных по вкусам и способностям личностей, продуктов их деятельности, традиций, вмещающей географической среды, этнического окружения, а также определенных тенденций, господствующих в развитии системы» [12, с. 103]. В свете этого этническая целостность предстает в качестве динамической системы, включающей в себя не только людей, но и элементы ландшафта, культурную традицию и взаимосвязи с соседями. В этой системе постоянно накапливается энтропия, которая удаляется за счет передаваемых по наследству запасов информации. Традиция, как управляющая система, взаимодействует с общественной и природной формой движения материи [Op. cit.].

Гумилев Л. Н. рассматривал идентичность как самосознание и стереотип поведения, как норму, структурирующую отношения между индивидом и группой, между индивидами как членами группы, отношения внутриэтнических групп между собой, а также между этносом и внутриэтническими группами.

Вследствие вышесказанного, представляется обоснованным использовать в дальнейшем термин «этнокультурная идентичность». В соответствии с определением, предложенным И. В. Малыгиной, под этнокультурной идентичностью понимается «сложный феномен, обусловленный психологической потребностью человека и сообщества в упорядочении представлений о себе и своем месте в картине мира, подсознательным стремлением к преодолению разрыва первоначального синкретизма, к обретению единства с окружающим миром, которое достигается в замещенных формах (языковой, религиозной, политической и др. общности) посредством интеграции в культурно-символическое пространство этнического и/или национального сообщества» [13, с. 131].

ВЛС призвана в эстетически привлекательной и доступной пониманию ребенка форме воспроизвести «вневременные» культурные ценности предшествующих поколений, отразить изменения, обусловленные современными социальными переменами и сформировать устойчивое осознанное стремление следовать заданным культурным нормам. Эта социальная функция данного текстотипа обусловлена тем, что он «входит в число ключевых явлений культуры, продолжающих особую традицию описания мира – архаичную мифологию, которую сегодня называют эстетическим вымыслом» [14, с. 24]. Изображение мира в сказке упрощено и визуализировано, именно поэтому она доступна детям, и приобщает ребенка культурной реальности своего народа.

Сказка создает особую художественную реальность, которая есть часть культурной реальности, т. е. реальности осознанной и аксиологически осмысленной, вошедшей в культурно-исторический опыт социума. Вымышленная волшебная реальность, рассматриваемая как доминанта сказки, несет информацию о культурной системе, к которой принадлежит текст. Поскольку игровое начало есть вторая доминанта сказки, то в процессе чтения ребенок в игровой форме осваивает миропонимание и образцы поведения людей, являющихся носителями данной культуры. У него «формируется познавательное (когнитивное), эмоциональное и поведенческое сходство со своей этнокультурной группой и возникает сознание собственного отличия от представителей иных культур» [15, с. 121]. Сказка – это инструмент передачи информации, обеспечивающей человеку возможность существования в качестве члена социума на основе непрерывного воспроизведения культуры.

Сюжет многих современных волшебных сказок, например, произведений Ф. Джоунза, К. С. Льюиза, Дж. Мерфи, Дж. Роулинг, построен на описании знакомства персонажа с новой, в большей или меньшей степени, для себя культурой и процесса его адаптации в ней. Читатель, который проходит аналогичный личностный путь в реальной действительности, получает возможность наблюдать «со стороны» за этими процессами. Сходство реальной и вымышленной коммуникативных ситуаций, порождает эмпатию и убежденность читателя в адекватности вымышленных моделей поведения для мира, находящегося за пределами текста.

В связи с тем, что система культурных норм и ценностей вымышленного этноса коррелирует с аналогичными системами реальной этносоциальной группы, к которой принадлежит автор и к которой он стремится приобщить читателя, ребенку предлагается экстраполировать изображенные в тексте проявления этнокультурной специфики на свою повседневную деятельность. Таким образом, осуществляется идентификация (отождествление) индивида с этнокультурной группой. Доминирующие основания социальной консолидации различались на разных этапах этногенеза (отношения родства, общая территория, язык, религия, государство и т. д.); и в сознании современного индивида они образуют сложную систему «взаимозависимости и соподчинения». Субъективные основания для самоидентификации отражают доминирующие на данном историческом этапе основания идентичности в самосознании членов этнокультурной группы [16, с. 135].

На основании социального опыта формируется культурная компетентность индивида, которая включает не только знания о социальных институтах и различных

структурах общества, включая обыденную социальную эрудицию, но и умения правильно выстраивать отношения с окружающими в соответствии с традициями, нормами морали и этикета, включая языковые.

Одной из наиболее популярных современных английских волшебных литературных сказок является цикл произведений Дж. Роулинг о Гарри Поттере. В тексте представлены следующие группы культурных традиций, норм и ценностей, передача которых подрастающему поколению служит решению задачи по формированию этнокультурной идентичности последнего:

- нравственные. Мужество, верность долгу, умение держать данное слово оцениваются как достойные подражания добродетели. Модели поведения, которым необходимо следовать, требуют проявления таких качеств как честность, самоотверженность, трудолюбие, умение выбрать правильный, а не легкий путь;

- институциональные. Наличие в вымышленном мире общественных институтов, сформированных по аналогии с реальными прототипами (институт семьи и брака, институт государственного управления, судебно-правоохранительная система, образовательная система, система общественного транспорта и т. д.) создает у читателя иллюзию достоверности. Вымышленный мир узнаваем и воспринимается как реплика мира реального;

- поведенческие. Активные занятия спортом, занятость учебной или профессиональной деятельностью, корпоративная солидарность получают положительную оценку в отличие от осуждаемых праздности и эгоизма. Традиции проведения праздников, организация быта и другие особенности повседневной жизни представлены как константы, которые сохраняют свою значимость для объединения индивидов в этнокультурное сообщество вне зависимости степени жизнеподобия вымысла, использованного для создания художественного образа;

- когнитивные. Освоение окружающего мира персонажем осуществляется как при непосредственном контакте с ним, так и в результате получения научных знаний в ходе образовательного процесса. В соответствии с современной эпистемой работа с текстом определяется как основной способ получения информации, необходимой для успешной социализации, как обязательная основа для достижения жизненного успеха;

- религиозные (празднование Рождества, Пасхи, наличие крестных родителей, традиция хоронить умерших рядом с храмом и т. д.).

В тексте сказки читателю представлены два типа проявлений идентичности персонажа с вымышленной средой, в которой он функционирует в соответствии с авторской интенцией:

- идентичность как форма органичного сосуществования персонажа с вымышленным социумом в целом на основе языковой и культурной общности;

- идентичность как форма проявления групповой общности в рамках вымышленного этноса, как инструкция «правильного» поведения в соответствии с актуальными групповыми целями и стратегиями.

Персонаж в рассматриваемом цикле сказок не одиночка, а член структурированной социальной общности, он – ученик школы магии и волшебства, обучающийся на одном из 4 факультетов. Первоступник направляется для обучения на тот факультет, чьи установки, определяющие программы деятельности по достижению жизненных целей представляются наиболее соответствующими особенностям его характера и темперамента. В названиях закодированы представления о том, каким должен быть член этого сообщества, юный волшебник, относящийся к этой категории. Например, «Храбрецы» принадлежат к «дому» Гриффиндор, название которого в переводе с французского означает «Золотой грифон». В европейской культурной традиции грифон символизирует могущество, власть, бдительность, храбрость. Именно поэтому студента Гриффиндора должен быть отважным, уверенным, надежным, бесстрашным, благородным, хладнокровным. Общекультурные ценности, преломляясь в групповом

ценностном сознании, формируют специфические для каждого факультета системы ценностных ориентаций. В процессе обучения у ребенка формируется представление о том, к достижению каких целей следует стремиться, и какие средства достижения выбранных целей одобряются в субкультуре его группы, а какие считаются неприемлемыми. Мнение факультета как социальной мини-группы оказывается решающим фактором в формировании личного оценочного суждения индивида.

Культурная компетентность персонажа включает в себя представление о социальной стратифицированности и умение правильно определить свое место в этой структуре. Читателю предлагается модель поведения, в которой соблюдаются нормы, выработанные совокупным социальным опытом нации и оценочные иерархии своего микросоциума. Текст сказки - это одно из средств создания системы культурного кода, овладение которым определяет этнокультурную идентичность личности. Именно принадлежностью к конкретной культуре определяется модель, которой следует индивид в своем вербальном и невербальном поведении.

Волшебная литературная сказка – это важный компонент национальной культуры, отражающий основы менталитета человека определенной культуры, его опыт аксиологического и эстетического осмысления мира. Она способствует формированию культурной компетентности и социальной адекватности индивида.

Список литературы

1. Баранов А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста: автореф. .... д. филол. наук. - Краснодар, 1993. – 52 с.
2. Бразговская Е. Е. Референция и отображение (от философии языка к философии текста): монография Перм. гос. пед. ун-т./ Е. Е. Бразговская. – Пермь, 2006. – 192 с.
3. Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук/ М. Фуко. – СПб.: Академия, 1994. – 246 с.
4. Лотман Ю. М. Текст и функция / Ю. М. Лотман // Статьи по семиотике культуры и искусства (Серия «Мир искусства») / Сост. Р. Г. Григорьева. – СПб.: Академический проект, 2002. – С. 24 – 37.
5. Островская Е. П. Культура и общество/ Е. П. Островская // Культурология: учеб / В. П. Большаков, Е. П. Борзова, С. Н. Иконникова [и др.]; науч. ред. С. Н. Иконникова, В. П. Большаков – М.: Проспект, 2010. – С. 92 – 139.
6. Культурология: учеб / В. П. Большаков, Е. П. Борзова, С. Н. Иконникова [и др.]; науч. ред. С. Н. Иконникова, В. П. Большаков – М.: Проспект, 2010. – 528 с.
7. Флиер А. Я. Культурология для культурологов: Учебное пособие для магистрантов, аспирантов и соискателей./ А. Я. Флиер – М.: Согласие, 2010. – 672 с.
8. Непрерывное экономическое образование: Словарь базовых понятий/ Авт. сост. С. В. Голицына, С. И. Голицын, Г. С. Гаюшумова, М. В. Логинова, С. А. Новоселов. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Гос. Экон. Ун-та, 2004.
9. Елизарова Г. В. Интерпретация культуры как текстовой сущности: учеб.-методическое пособие. – СПб.: ООО «Книжный Дом», 2008. – 192 с.
10. Мид М. Культура и мир детства.- М.: Наука, 1988. – 429 с.
11. Островская Е. П. Культура и общество// Культурология: учеб / В. П. Большаков, Е. П. Борзова, С. Н. Иконникова [и др.]; науч. ред. С. Н. Иконникова, В. П. Большаков – М.: Проспект, 2010. – С. 92 – 139.
12. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли/ Л.Н. Гумилев.- 3-е изд., стереотипное. – Л.: Гидрометеоздат, 1990. – 528 с.
13. Малыгина И. В. Этнокультурная идентичность: структура и историческая динамика/ И.В.Малыгина// Фундаментальные проблемы культурологии: В 4 т. Том IV: Культурная политика / отв. Ред. Д. Л. Спивак. – СПб.: Алетейя, 2008. – С. 131 – 145.
14. Зворыгина О. И. Русская литературная сказка: жанр, язык, стиль: монография/ О. И. Зворыгина – Ишим: Изд-во ИГПИ им. П. П. Ершова, 2009. – 264 с.
15. Островская Е. П. Культура и общество/ Е.П. Островская // Культурология: учеб / В. П. Большаков, Е. П. Борзова, С. Н. Иконникова [и др.]; науч. ред. С. Н. Иконникова, В. П. Большаков – М.: Проспект, 2010. – С. 92 – 139.
16. Малыгина И. В. Этнокультурная идентичность: структура и историческая динамика / И. В. Малыгина // Фундаментальные проблемы культурологии: В 4 т. Том IV: Культурная политика / отв. Ред. Д. Л. Спивак. – СПб.: Алетейя, 2008. – С. 131 – 145.

LITERARY FAIRY TALE AS A MEANS OF ETHNICAL AND CULTURAL IDENTITY FORMATION

V. Y. Kleimenova

*Herzen
State
Pedagogical
University*

*e-mail:
victoria.kleimenova@yandex.ru*

Literary fairy tales play an important role in ethnic and cultural identity formation. The article deals with the fictional world represented in the text of the above type. This world is created on the basis of cultural norms and values accepted by the community but individually evaluated by the author. The unique aesthetic form given to the socially acceptable models of behavior makes them appealing to young people and they voluntarily follow them. Thus these norms and values are transferred from generation to generation and secure the consolidation of the cultural community. Information about extra linguistic reality perceived in a fictional form creates cultural competence and social adequacy of a person.

Key words: axiological means, literary fairy tale, fictional reality, cultural and ethnical identity, cultural norms and values.

УДК 811.161.1 + 811.1111 ' 27

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭТНОКОНЦЕПТА «ИСЛАМОФОБИЯ» В БРИТАНСКОМ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ СООБЩЕСТВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ)

Д. М. Костина

Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет

e-mail:
dkostina@bsu.edu.ru

В данной статье представлена реконструкция концепта «исламофобия» на основе репрезентации языковых реалий в политической публицистике. В работе исследуются различные сферы концепта «исламофобия», обладающего рядом культуроспецифических связей и отражающего мультикультурную ситуацию в Британии.

Ключевые слова: мультикультурализм, концепт, вербализация, «исламофобия», культурная специфика.

Современная Европа с ее демократическими ценностями и миролюбием создала условия для того, чтобы в ней на равных встретились представители самых разных, прежде довольно удаленных и изолированных культурных миров. Вследствие данных процессов в рамках одного общества сосуществуют люди с разными культурными традициями, что приводит к необходимости решить ряд проблем для обеспечения четких и устраивающих всех правил общежития.

В Великобритании, так же как и в остальной Европе, много веков проживали небольшие иноверческие общины, однако они никогда не были сколько-нибудь заметны. Англия всегда придерживалась жесткой иммиграционной политики. Однако в XX в., после Второй мировой войны численность самых разных этнических и религиозных групп стала стремительно возрастать. Иммиграция в страну стала наиболее заметным последствием колониализма, так как после Второй мировой войны около 800 млн. человек, родившихся за пределами Англии на территории, составлявшей 25 % от всего земного шара, могли претендовать на британское подданство с сопутствующим правом переселяться на Северный Альбион.[12, с. 40 – 43]

Исторически в Великобритании, по мнению лорда Актона, главным фактором, обусловившим возникновение либерализма, было стремление к свободе вероисповедания. Именно оно, по его словам, было «самым глубинным течением» в годы Английской революции 1641 г. и «самым сильным побуждением» славной революции 1688 года. Люди поняли, что религиозной свободы можно добиться, лишь урезав власть государства. Актон писал: « Эта важнейшая политическая идея, освящающая свободу и посвящающая ее Богу, внушающая людям, что необходимо дорожить свободами других как своими собственными и защищать их скорее во имя любви к справедливости и милосердию, чем во имя осуществления одного из человеческих прав, — эта мысль стала душой всего доброго и великого, что дал человечеству прогресс последних двух столетий...» [3, с. 52].

Свято придерживаясь ценностей либерализма, в настоящее время Британия сталкивается с рядом проблем, связанных как с социальной стабильностью и целостностью государства в целом, так и с проблемой адаптации «новых» граждан своей страны при условии соблюдения прав религиозно-этнических общин, что подтверждается следующим примером: The «Rushdie Affair» was a seminal moment. The media attention surrounding the issue generated *a significant growth in general public awareness of the existence of Muslim communities*, and the emergence of a generation of young British Muslims who wished to assert their distinct identity. A recent opinion poll found that British Muslims considered *their religion to be a significant element of their identity* [24].

По официальной статистике, в Великобритании в 1997 г. проживало 1,5 млн. человек, исповедующих ислам. Но некоторые исламские организации считали, что

уже тогда в стране было не менее 4 – 5 млн. приверженцев ислама. При этом трудно отдать предпочтение той или иной цифре, так как надо учесть, что наряду со стремлением преувеличить свою численность и значение существует противоположная тенденция - скрыть подлинную информацию о количестве мусульман, так как многие из них прибывают в страну не вполне легально или нелегально. Ежегодно численность британских мусульман возрастает не менее чем на 30 тыс. чел. В 2009 г., в «Таимс» было опубликовано исследование, согласно которому численность мусульман увеличивается в 10 раз быстрее, чем численность остального населения Британии. [14]

Согласно исследованиям, в настоящее время большинство мусульман, проживающих в Великобритании сегодня, идентифицируют себя как британцы. Данный тезис может быть проиллюстрирован следующим примером, в котором выделенные лексемы подтверждают вышеприведенное высказывание.

Например: British Muslims today are no longer *the migrants of old*. Today they are an *inherent part of the UK's religious and cultural landscape*, contributing to the rich multicultural and multi-faith diversity that is modern Britain. Perhaps the most fascinating feature of the British Muslim community – more appropriately termed 'communities' - is its *diversity*, where Muslims from every part of the world are represented in *the mosaic that is 'British Islam'*.

Most recently, 'new' Muslim communities have begun to emerge as a consequence of the recent increase in asylum seekers and refugees. Without any doubt though, *Muslims communities are today a part of the British 'way of life'*: from the most remotest locations and the smallest communities, such as those in the Outer Hebrides, to the most densely populated areas and the largest communities, as in the London borough of Tower Hamlets where Muslims account for almost a third of the population [7].

В то же время ислам играет все большую роль в Британском обществе, где религиозные нужды мусульман продолжают возрастать с каждым годом. Однако, отношения между властью и различными религиозными группами в Британии строятся на том факте, что не во всех частях Великобритании есть официальная церковь. Например: In the UK, there are significant differences that exist as regards the relationship between the State and different faith traditions and communities: "each religious community, in its institutional form has a unique position in relation to the State".

The UK therefore does not have a system of 'recognition' of religion as found in such EU states as Germany or Belgium. Instead the relationship is a complex one governed by various Acts that either may, or may not be of relevance to the faith community or group concerned. So for example, whilst Jews and Sikhs are recognised as ethnic groups and are therefore protected when it comes to discrimination, those such as Muslims and Buddhists are not [9].

Заявление же Принца Чарльза, который является наследником Британского трона о том, что он в большей степени видит себя «Защитником религий», нежели защитником Англиканской церкви, вызвало широкий общественный резонанс и противоречивые оценки в обществе. Например: Charles the Prince of Wales, caused much debate and some controversy when in 1994 he announced that rather than being the 'Defender of Faith' that tradition dictated, he himself would prefer to be 'Defender of Faiths', a gesture and recognition of the religious diversity that is today's Britain. Whilst there is yet to be any formal debate and agreement on this matter, the issue has been met with approval by some Muslims groups and noted in a report into religious discrimination undertaken on behalf of the Home Office by the University of Derby [16].

Несмотря на данную полемику в прессе, Англиканская церковь все еще удерживает позиции официальной церкви. Проиллюстрируем это утверждение следующим примером: In the UK therefore, *the Church of England is the established church in England* and as such maintains *a privileged position as regards the function and role of the State*. The Sovereign, who must be 'in communion' with the Church of England, is also the

Supreme Governor who appoints, in negotiation with government ministers, bishops and other senior figures in the church. *The privileged status of the Church of England* also means that there are *automatic seats for some of its clergy in the House of Lords*. In Scotland, there is no official established church although the Church of Scotland does fulfill the function of national church, a function that is established in the Acts of Union. In both Wales and Northern Ireland, there are no official churches. As regards Islam however, the UK acknowledges no formal recognition [15].

Однако, несмотря на то, что Англиканская церковь не уступает своих лидирующих позиций, в 1963 г. в Великобритании насчитывалось лишь 13 зарегистрированных мечетей, а в 1985 г. их было уже 338. Динамика роста количества мечетей в Британии сохраняется и в настоящее время [2].

Как отмечает М. Муссен мечети для мусульман стали не только местом для общения, взаимной поддержки и контактов на родном языке, но и местом, где поддерживаются культурные традиции иммигрантов. Со второй половины 1970-х гг. значение мечетей начало изменяться: воссоединение семей затрагивало и религиозную практику. В роли главы семьи многие рабочие мигранты стали проводить религиозную линию, поскольку боялись, что их супруги и дети пренебрегут своими культурными корнями и мусульманскими ценностями в пользу западного образа жизни. Мечети предусматривали проведение религиозных уроков для детей, уроков арабского или турецкого языка, они были местом собраний, главным образом, взрослых мужчин, многие из которых потеряли свои рабочие места из-за экономического кризиса. Мечети часто также становились центром организаций мигрантов и мусульманских этнических сообществ, особенно когда выяснялось, что мусульманские организации начали конкурировать со светскими этническими организациями по представлению интересов мигрантов. «Промежуточное» поколение состояло из детей, которые родились в стране происхождения и приехали в Европу в 1970–1980-х гг. Они были вынуждены развить и повторно «изобрести» свою национально-культурную специфику, смысл принадлежности и религиозности в пределах нового контекста [10].

Исследования показывают, что 46 % мусульман, живших в Великобритании в настоящее время, родились в этом государстве [13]. Новое поколение мусульман настроено на более глубокое вхождение в британское общество. Мусульманская молодежь теряет «культурный багаж» своих отцов. Ислам же, в противоположность этнической принадлежности, играет достаточно важную роль в их жизни. Они ищут новые способы быть мусульманами в Великобритании. Возможно, этот процесс может быть полезен для Европы, поскольку он создает людей, которые уверены в своей идентичности: они — европейские мусульмане [10].

Примером этому служит высказывание одного из молодых людей, выходца из Азии: *“I have multiple identities,”* he says in impeccable, measured English. “My parents are from Gujerat, and *I see myself as British, Indian and Muslim*. When I speak to members of my family my Gujerati language ability is laughed at, but I don’t lament the dilution of my Gujerati culture because *I am adopting a new one.*” Although unconcerned about *the alteration of his ethnic identity*, he admits he would be alarmed if being British meant that he or his children had to give up their faith – something he says *transcends national identity* [22].

Исследователи данной проблемы особо подчеркивают, что это «очень взрывчатая смесь». К сожалению, данные прогнозы ученых сбываются [10]. Известие, что взрывы в Лондоне в 2005 г. были делом не прибывших извне террористов, а молодых британцев пакистанского происхождения, выросших в Соединенном Королевстве и учившихся в английских школах, вызвало шок у британской общественности. Что подтвердило предположение о том, что даже потомки иммигрантов во втором поколении порой не интегрируются в британское общество, которое избрали для проживания [1, с. 93]. Данные события способствовали зарождению в британском обществе такого феномена, как «исламофобия».

Для рассмотрения структурно – содержательной стороны концепта «Islamophobia» нами анализировались репрезентирующие данный концепт на вербальном уровне лексические единицы и предложения, тексты, текстовые комплексы, представленные в политической публицистике современной Британии.

Обратимся к лексикографическому толкованию понятия «Islamophobia» в научных кругах. Особо отметим, что данный термин и его легитимность оспаривается многими правозащитниками. Термин не входит в словари и не подлежит лексикографическому толкованию, однако в Британской прессе этот термин используется довольно широко и получил и достаточно четкие дефиниции.

Изобретенный десять лет назад в Великобритании неологизм «исламофобия» был запущен в употребление в 1996 г. самопровозглашенной «Комиссией по делам британских мусульман и исламофобии» [17].

The term has achieved a degree of linguistic and political acceptance, to the point that the secretary-general of the United Nations presided over a December 2004 conference titled "Confronting Islamophobia" and in May a Council of Europe summit condemned "Islamophobia." [19].

The term "Islamophobia" groups together all kinds of different forms of discourse, speech and acts, by suggesting that they all emanate from an identical ideological core, which is an "*irrational fear*" (a phobia) of Islam.

Islamophobia - is an unfounded *hostility* towards Islam...to the practical consequences of such hostility in unfair discrimination against Muslim individuals and communities, and to the exclusion of Muslims " [18].

Islamophobia is a fear of losing life or liberty to Islamic rule merely because the laws, sacred texts, and traditional practices of Islam demand the submission of culture, politics, religion and all social expression. It tends to afflict those most familiar with the religion, while sparing the more gullible [19].

Even that Islamophobia is new as a term, *negative perception regarding Islam* and Muslims can be easily traced back in the history of Europe. From the Crusades to colonialism, from the Iranian Revolution to the current war in Iraq, Islam and its followers have habitually been misrepresented in Europe and in other places, where Islam meets Christianity. As Karen Armstrong has shown, with the advent of Islam towards the West and the invention of the Crusades, Islam and its prophet become the supreme enemies of Western civilization and all sorts of obnoxious and dishonest terms were employed to describe its supposed menace [6, с. 30 – 60].

Сам термин «исламофобия» вошел в широкое употребление после публикации в 1997 г. британским исследовательским центром Runnymede Trust доклада «Исламофобия — вызов для всех». Заместитель ректора Сассекского университета профессор Гордон Конуэй (Gordon Conway), возглавлявший этот проект, определил новое явление как «боязнь и ненависть к исламу и мусульманам, присущие СМИ всех уровней и распространенные во всех слоях общества». Исламофобия, согласно Конуэю, проявляется в «изображении ислама как цивилизации не отличной от Запада, а отсталой; мусульманской культуры — не как многоликой и прогрессивной, а застывшей и статичной, враждебной к инакомыслию и дискуссиям, патриархальной и женоненавистнической, фундаменталистской и потенциально угрожающей другим культурам». В сжатом виде политическая исламофобия может быть сведена к формуле: «ислам — не партнер, а враг» [8].

В мировой информационной повестке дня тема исламофобии по-настоящему утвердилась после терактов 11 сентября, приведших к постепенной ревизии отношений Европы и исламского мира, подкрепленное правом на «свободу слова».

Например: Muslim concerns focus on prejudice and negative portrayals of Muslims and Islam in the media, particularly the press [4, с. 13].

It was the issue of the right to 'free speech' that initiated the most opposition and arguments against the proposed legislation. Indeed it was a very significant objection and one

that was played out in the liberal left-wing newspapers, namely the Guardian, Independent and Observer. As Elizabeth Poole wrote, "freedom of speech continued to be a significant issue for the Guardian and resulted in a number of negative articles about Muslims...it exaggerated [the proposed laws'] potential to discredit them" [11, с. 11].

When the events of September 11 provoked widespread violence against British Muslim communities, including attacks on individuals, properties and mosques, politicians were quick to respond. Prime Minister Blair made it clear that "blaming Islam is as ludicrous as blaming Christianity for loyalist attacks on Catholics or nationalist attacks on Protestants in Northern Ireland." At a meeting with Muslim leaders on 21 September Home Secretary, David Blunkett promised a national helpline for Muslim victims of hate crimes [5].

Распространение исламофобии в Великобритании породило всплеск экстремизма и привело к массовым беспорядкам. Об этом говорится в докладе Комиссии по делам британских мусульман и исламофобии, созданной организацией по борьбе с расизмом Runnymede Trust. Например: The far right British National Party (BNP) have honed their racist rhetoric into an anti-Muslim message. Their "Boycott Asian Businesses" campaign leaflet tells its readers not to boycott businesses owned by Chinese or Hindus, "only Muslims as it's their community we need to pressure." Other BNP leaflets and publications constantly refer to alleged Muslim thuggery, seeing racial tensions as "mainly Muslim-on-white." They have a campaign "to keep Britain free of Islam." In the run up to the 2001 general election, the BNP focused their campaign on attacking Islam and the British Muslim community [5, с. 13].

Авторы доклада утверждают, что британские мусульмане сталкиваются с дискриминацией в сторону государственных органов и чувствуют себя изолированными от британского общества, сообщается на сайте BBC News. Подтверждением этому служат следующие высказывания: The Commission identified *the alienation of Muslim youth* from social and political processes as a consequence of *deprivation and discrimination* as a crucial underlying cause. Furthermore, "the [Muslim] youth feel *that they have been ignored and alienated* by those who claim to be representing their interests within the community, and those who are supposed to be addressing their interests from outside." Finally, feelings of alienation are fuelled by a sense that Muslim communities are faced with a rise in specifically Islamophobic sentiments that manifest themselves, not merely through the BNP, but in all aspects of public life [4, с. 13].

Official reports on the riots also *identified deprivation, segregation and Islamophobia* as among the deeper underlying causes, and raised concerns about *the social exclusion of Muslim communities* in those towns: Islamophobia was identified as a problem in the areas we visited and for some young people was part of their daily experience. They felt that they were being socially excluded because of their faith and that this was not being recognised or dealt with. It is not simply a coincidence that the Pakistani community were at the centre of the disturbances [5, с. 13].

Как считает профессор Гордон Коннуэй, сам термин «исламофобия» включает в себя 8 составляющих: This definition is widely accepted, including by the European Monitoring Centre on Racism and Xenophobia. The eight components are:

- 1) Islam is seen as a monolithic bloc, static and unresponsive to change.
- 2) Islam is seen as separate and 'other'. It does not have values in common with other cultures, is not affected by them and does not influence them.
- 3) Islam is seen as inferior to the West. It is seen as barbaric, irrational, primitive and sexist.
- 4) Islam is seen as violent, aggressive, threatening, supportive of terrorism and engaged in a 'clash of civilisations'.
- 5) Islam is seen as a political ideology and is used for political or military advantage.
- 6) Criticisms made of the West by Islam are rejected out of hand.
- 7) Hostility towards Islam is used to justify discriminatory practices towards Muslims and exclusion of Muslims from mainstream society.
- 8) Anti-Muslim hostility is seen as natural or normal [8].

Как видно из приведенных выше примеров, в настоящее время данный концепт актуализируется и ассоциируется с одной стороны с такими лексемами, как *inferior to the West, violent, aggressive, threatening, supportive of terrorism and engaged in a 'clash of civilizations* и др., что имплицитно подразумевает невозможность быть мусульманином, не потеряв свою религиозную идентичность, избежав обвинений в исповедовании радикального ислама, а с другой стороны такими коллокациями, как *unfair discrimination against Muslims, the social exclusion of Muslims, negative perception regarding Islam, widespread violence against British Muslim communities, the alienation of Muslim youth* и др, что демонстрирует определенную степень озабоченности общества из-за предрешенности британцев в отношении «новых» британцев, исповедующих ислам.

Газета *The Guardian* приводит следующее высказывание члена Парламента от Восточного Йоркшира Джона Тоуненда: «Наше однородное, гомогенное англосаксонское общество оказалось сильно подорванным массовой иммиграцией... которая имеет место с момента окончания Второй мировой войны... На мой взгляд, единственное правильное решение, которое может быть принято в отношении ищущих убежища, это как можно скорее выслать их обратно» [24].

Отметим также, что хотя до настоящего времени противниками иммиграции были националистически настроенные белые граждане Великобритании, теперь, по мнению ряда наблюдателей, противостояние может перейти в новую плоскость: конфликт "новых" и "старых" иммигрантов [25]. Вопреки стереотипному восприятию мусульман как монолитной «фундаменталистской» группы одним из самых поразительных аспектов жизни мусульман, живущих в Великобритании сегодня, является их разнообразие: в этническом, культурном и даже религиозном смысле [26]. Местные сообщества подвержены родовой, этнической и идеологической конкуренции.

Нельзя не согласиться с Кенан Малик, автором статьи «Миф об исламофобии» в том, что сам термин довольно амбивалентен и проблематичен, так как предрешение против мусульман, несомненно, существует, но «исламофобия» обманчиво объединяет два различных феномена: страх перед исламом и страх перед радикальным исламом. Отметим также, что существует мнение, что пропагандисты концепции «исламофобии» привычно преувеличивают проблему, что может быть проиллюстрировано следующим примером:

But does Islamophobia exist? The trouble with the idea is that it *confuses hatred of, and discrimination against Muslims* on the one hand with criticism of Islam on the other. The charge of "Islamophobia" is all too often used not to *highlight racism* but to silence critics of Islam, or even Muslims fighting for reform of their communities [27].

Вирджинии Таха Джабир аль-Альвани Мусульмане, президент Высшей школы мусульманских и социальных наук утверждает, что мусульмане оказались перед лицом исключительно большого потока антиисламской литературы, проповедующей ненависть к исламу [28].

Как сообщает газета *the Sunday Times*, сомневаясь в искренности проводимой Хизб ут-Тахриром компании «Остановить исламофобию», публикует следующее высказывание: "Ostensibly the campaign's goal is to fight anti-Muslim prejudice in the wake of the London bombings," but it quotes Anthony Glees of London's Brunel University to the effect that the real agenda is to spread anti-Semitic, anti-Hindu, anti-Sikh, anti-homosexual, and anti-female attitudes, as well as to foment resentment of Western influence. Hizb ut-Tahrir's manipulation of "Stop Islamophobia" betrays the fraudulence of this word [18].

Приклеивание ярлыка исламофоба умеренным мусульманам выдает агрессивный характер данного термина. "Исламская угроза" постепенно превращается в главное пугало, в восприятии которого переплетаются многочисленные бытовые стереотипы. Например: Finally, calling moderate Muslims (such as *Irshad Manji*) Islamophobes betrays this term's aggressiveness. As Charles Moore writes in the *Daily Telegraph*, moderate Muslims, "frightened of what the Islamists are turning their faith into," are the ones who

most fear Islam. (Think of Algeria, Darfur, Iraq, Iran, and Afghanistan.) "They cannot find the courage and the words to get to grips with the huge problem that confronts Islam in the modern world." Accusations of Islamophobia, Mr. Malik adds, are intended "to silence critics of Islam, or even Muslims fighting for reform of their communities." Another British Muslim, Yasmin Alibhai-Brown, discerns an even more ambitious goal: "all too often Islamophobia is used *to blackmail society*." [20].

Подводя итог, нельзя не признать того факта, что в современном английском языке содержание этноконцепта «исламофобия» реализуется в контекстуальной контактности с единицами *fear, hostility, menace, enemies of western civilization, deprivation and discrimination, alienation, exclusion*, что несет в себе крайне негативную оценочную характеристику и понимается в британском социуме как явление, способствующее дискриминации умеренных мусульман и разжиганию вражды на религиозной почве, однако показывает в целом настороженное отношение британцев к исламу, что ставит под сомнение действенность политики мультикультурализма, столь популяризуемой в стране в последние десять лет.

Список литературы

1. Кандель П. Неопознанные вызовы европейской безопасности / П. Кандель // Современная Европа. 2006. – № 1. – С. 92 – 99.
2. Нечитайло Д. А. Ислам в Великобритании / Д. А. Нечитайло // Ближний Восток и современность: сб. ст. Вып. 26 / отв. ред. А. О. Филоник. М.: АСТИ-ИЗДАТ, 2005. С. 197 – 214.
3. Acton J. The History of Freedom and Other Essays. London: Macmillan, 1907. – P. 52
4. Ahmed N. M., Bodi F., Kazi R., Shadj M. The Oldham Riots: Discrimination, Deprivation and Communal Tension in the United Kingdom, London: Islamic Human Rights Commission, 2001, P. 13.
5. Report of the Ministerial Group on Public Order and Community Cohesion, Building Cohesive Communities, London: Home Office, 2001; Report of the Independent Review Team chaired by Ted Cante Community Cohesion, London: Home Office, 2001 (hereafter, "Cante Report"); Bradford Race Review Team chaired by Sir Herman Ousely, Community Pride not Prejudice: Making Diversity Work in Bradford, Bradford: Bradford Vision, 2001; Oldham Independent Review, One Oldham One Future, 2001.
6. Armstrong K., Mohammed, a biography of the Prophet, Jehona Study Center, 2006, – P. 30 – 50
7. Focus on Ethnicity and Identity: A National Statistics publication. London: Office for National Statistics, 2005.
8. Islamophobia: A Challenge For Us All (Runnymede Trust) 1997.
9. Nielsen S.Jorgen, Towards a European Islam, Basingstoke: Macmillan Press, 1999, – p. 39.
10. Marcel Maussen, "Making Muslim Presence Meaningful: Studies on Islam and Mosques in Western Europe," May 2005, Amsterdam School for Social Science Research, University of Amsterdam, 28 June 2006 . Ministry of the Interior and Kingdom Relations.
11. Poole Elizabeth, Reporting Islam: media representations of British Muslims (London: IB Tauris, 2002), – P. 11.
12. Powell E. The UK and Immigration // «The Salisbury Review», 1998 (Dec.), P. 40 – 43.
13. «The Times», Jan 30, 2009
14. The ICM Research poll of British Muslims asked how they saw themselves first and foremost. 58 percent responded "British Muslim," 30 percent "Muslim," six percent "other" and six percent "British." See The Guardian, 17 June 2002.
15. «The Times», Jan 30, 2009.
16. URL <http://www.ucl.ac.uk/spp/publications/unit-publications/133.pdf>.
17. Weller Paul, Feldman Alice & Purdam Kingsley, Religious discrimination in England & Wales, Home Office Research Study no.220: London.
18. URL <http://www.insted.co.uk/relations.html>
19. URL: <http://www.danielpipes.org/3075/islamophobia>
20. URL: <http://www.thereligionofpeace.com/Pages/Islamophobia.htm>
21. URL: <http://korrespondent.net/world/1004837> .
22. URL:http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/3768327.stm
23. URL: <http://www.globalpolitician.com/21338-britain>
24. http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/scotland/glasgow_and_west/8137021.stm

25. URL: www.mcb.org.uk/downloads/osi.pdf
26. URL: http://www.inright.ru/news/id_1337/.
27. URL: http://www.muslimsinbritain.org/guide/guide_text.doc
28. URL: <http://www.prospectmagazine.co.uk/2005/02/islamophobiamyth/>

**LANGUAGE REPRESENTATION OF THE CONCEPT "ISLAMOPHOBIA"
IN THE BRITISH MULTICULTURAL SOCIETY
(ON THE MATERIALS OF MODERN POLITICAL PRESS)**

D. M. Kostina

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
dkostina@bsu.edu.ru*

The article deals with the reconstruction of the concept «islamophobia» on the basis of presentation of the language realias in the political press. The author describes various aspects of this concept which possesses culturally specific features and reflects multicultural situation in Great Britain.

Key words: multiculturalism, concept, verbalization. «islamophobia», cultutal realias.

УДК 811.11:81

АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ КАК ИСТОЧНИК НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Э. В. Маргания

*Столичная
финансово-гуманитарная
академия,
г. Москва*

*e-mail:
polyna_yanina@mail.ru*

Принципами отбора и презентации лексикографического материала в области медицины являются как собственно лингвистические критерии (частотность, воспроизводимость, идиоматичность), так и принципы познавательности, научности, понятий и репрезентирующих их на уровне языка терминологических единиц. Реализация категории «перспектива пользователя» требует особого подхода со стороны создателей специальных словарей в области медицины, непосредственно связанной с процессами сохранения здоровья и жизни человека.

Ключевые слова: словарь, лексикография, медицинский, термин, познание, научный, критерии, перспектива пользователя.

По мнению ученых, язык профессиональной коммуникации складывается из двух типов знаний: знаний соответствующей предметной области и знаний той системы языковых средств, которые репрезентируют специальные знания [18, с. 659]. Процесс усложнения познаваемого обусловлен тем фактом, что исследования, проводимые в области науки и подтверждаемые практикой, открывают все новые и новые горизонты, что позволяет ставить новые актуальные задачи, предполагающие наличие количественных и качественных изменений. Академик В. А. Садовничий отмечает в этой связи, что «производство знания - это бесконечный процесс. Никогда не наступит время, когда человек будет знать ответы на всё, что его интересует. Всегда будет существовать тяга человека к новым знаниям» [20].

Процесс терминологической номинации представляет собой опосредованный мышлением процесс именованности специальных понятий, обусловленный познавательной способностью человека и репрезентирующий на уровне языка результаты познания действительности, зафиксированные в концептуальном представлении носителей языка, существующие в языковом сознании и выраженные посредством языковых значений (лексических значений слов) [4, с. 3 – 4]. Функции термина не сводятся только к традиционно выделяемым номинативной (репрезентативной) и сигнификативной: не менее важное место принадлежит гносеологической функции терминологической единицы [16, с. 71]. Лейчик В. М. обращает внимание исследователей на тот факт, что решение многих вопросов, связанных с проблемами терминологии, находится в области анализа лексикографических материалов – словарных статей филологического и толкового терминологического словарей [Там же, с. 34]. В то же время, в процессе сопоставления терминологических систем различных наук выявляются определенные различия в использовании и толковании терминологических единиц. Так, в языках естественных наук наблюдается большая независимость описания предметов от контекста, в том числе с точки зрения методологических предпочтений авторов. В языках гуманитарных наук данный процесс оказывается осложненным, поскольку целый ряд гуманитарных понятий, по форме языкового выражения совпадающих со словами обиходного языка, широко используется не только в стиле научного изложения, но и в обиходно-бытовой сфере, что создает иллюзию легкости их адекватной интерпретации адресатом, а также затрудняет возможность их стандартизации [2; 6; 9].

Будагов Р. А., освещая проблемы определения понятий в терминологическом словаре, отмечает, что уже в середине XVIII столетия авторы лексикографических трудов стремились не только дать философские определения тем или иным явлениям и теориям, но и показать, в какой связи каждое определение слова находится с сущно-

стью определяемого понятия [3, с. 81]. Помимо коротких и простых определений, понятных лишь узкому кругу специалистов, толковые словари энциклопедического характера призваны освещать более широкий круг представлений, связанных с определяемым явлением, включая социокультурные факторы, в то время как непосредственно «определение должно обуславливаться самой *сущностью* определяемого объекта» [Там же, с. 84]. Основными результатами лексикографической практики в области терминологии может считаться создание словарей, различающихся по способу описания слов – энциклопедических и толковых: «Энциклопедические словари представляют в сжатом виде современное состояние научных знаний в какой-либо области, они дают подробные исчерпывающие объяснения с привлечением сведений исторического характера. ...Словарь – толковый, разъясняющий (толкующий) значение терминов путем достаточно кратких объяснений (*defining dictionary*)» [12, с. 408].

Целевой функцией словарного определения является в оптимальной языковой форме, с учетом «принципа минимального толкования» [22, с. 7], представить наиболее существенные характеристики описываемого предмета, в том числе в плане соотношения с другими феноменами, выявив наиболее существенные признаки. Б.Ю. Городецкий справедливо отмечает, что главной проблемой в разработке оптимальной стратегии создания словарей является проблема их обоснованности «как с точки зрения их состава, так и в плане адекватности подаваемой в них информации» [8, с. 5], причем важнейшим итогом лексикографической деятельности предстает повышение уровня объективности словаря [Там же, с. 12]. Филлмор Ч., характеризуя существующие подходы к организации и содержанию словарных толкований, высказывает мысль о том, что вполне корректным является комплексное использование различных подходов, и, опираясь на положения, разработанные в этой области С. Ульманном, выдвигает целый ряд параметров, необходимых для создания словаря. Наиболее важными представляются такие, как таксономическая глубина, связанная с таксономическим углублением терминологии как в сторону большего абстрагирования и обобщения, так и в сторону большей детализации и специфики в наиболее цивилизованных обществах; степень аналитичности, связанная с различными способами создания языковых единиц и степенью их мотивированности: например, в английском языке в области специальной терминологии существуют такие синонимы, как “rain reliever” и “analgesic” («болеутоляющее»), одно из которых обладает очевидным свойством мотивированности в данном языке, а другое относится к словам иностранного происхождения; модели расширения значения, лежащие в области полисемии и омонимии и связанные с возможностями переноса значений; синонимическое варьирование, связанное с прагматическими и стилистическими особенностями словоупотребления; дистрибутивная связанность, относящаяся к ограничениям в употреблении языковых единиц [22, с. 34 – 39; 24, с. 680].

Обращаясь к вопросу микроструктуры специального словаря, исследователи отмечают, что параметры и характеристики описания термина подразделяются на регистрационные, формальные, этимологические, атрибутивные, интерпретационные, ассоциативные, прагматические, иллюстративные, микрокомпозиционные [1, с. 60 – 61]. Средством семантического описания термина является научная дефиниция, полученная в результате строгого определения выражаемого термином понятия в соответствии с принятым алгоритмом: справочное толкование, отсылочное определение (отсылка к определенному термину), иллюстративное определение (графическое изображение, формула, таблица), контекстуальное определение (реализация в контексте, явно указывающем на смысловое становление его значения), энциклопедическое определение (развернутое определение самой реалии), а также синонимические, антонимические способы определения, словообразовательные, синтаксические. Важная роль принадлежит также ассоциативным параметрам (информация о семантическом окружении, эквиваленты, связанные по значению термины и т. п.), прагматическим параметрам (хронологическим, дистрибуционным, ареальным), иллюстративным па-

раметрам (вербальным и графическим), микрокомпозиционным параметрам (полиграфическая семиотика) [Там же, с. 60 – 63]. Основой терминологического словаря исследователи считают логико-понятийную схему (ЛПС), понимаемую как «упорядоченный граф с изображением взаимосвязанных понятий определенной отрасли знания, соотнесенный с системой объектов данной отрасли. Благодаря моделированию ЛПС становится возможным лексикографическое описание подъязыков той или иной предметной области, осуществление научного подхода к изучению специализированных текстов, а также разработка авторских моделей словарей различных типов (толковых, переводных, частотных, глоссариев» [Там же, с. 68].

Говоря о словарном определении, представляющем собой развернутое высказывание номинативного характера, направленное на разъяснение заголовочного слова с помощью языковых единиц, находящихся с ним в отношениях равнозначности (являющихся по отношению к нему синонимами), а также репрезентирующих значения более общего характера, следует отметить, что в словаре определение может быть снабжено различными спецификациями, иногда сопровождается протяженным поясняющим контекстом, в том числе в виде комментария. Главная задача научного словарного определения – толкование того или другого термина в наиболее оптимальном виде, представляющем собой результат «свертки смысла» [17], с учетом адресации словарного источника.

В этой связи возникает и проблема дифференциации таких субъектов, как «определение термина» и «определение понятия». По мнению Л. Л. Кутиной, «определение научного понятия и определение термина (знака этого понятия) – вещи не идентичные» [15, с. 22]. Исследователь подчеркивает, что научное понятие – «понятие содержательное, для описания его нужно выделить целый ряд признаков и связей этих признаков и отношений данного понятия к существующей системе понятий. Все богатство и глубина такого понятия не укладываются в одной дефиниции, оно требует многих дефиниций для полного своего раскрытия. Описание научного понятия по существу своему энциклопедично» [Там же]. В свою очередь, «дефиниция термина, оставаясь вполне научной, должна указывать лишь на те существенные признаки, которые выделяют данный термин в его терминологической системе. И соотносится такая дефиниция с формальным, а не содержательным понятием» [Там же].

Очевидно, что значительную трудность представляет предполагающий сохранение научной сущности процесс внутриязыкового перевода научных дефиниций в общедоступные толкования. Исследователи рассматривают толкование как это определение, объяснение лексического значения слова или фразеологизма и отмечают тот факт, что впервые данный термин употребил для определения типа своего словаря В. И. Даль, написавший: «Словарь назван толковым, потому что он не только переводит одно слово другим, но толкует, объясняет подробности значения слов и понятий, им подчиненных» [19].

Обращаясь к проблемам изучения медицинского дискурса, представляется целесообразным начать рассмотрение материала с репрезентации в словарях самого понятия “medicine” (медицина). Так, обращаясь к словарям общелитературного языка, мы обнаруживаем следующие определения, репрезентирующие данную единицу в широком значении: “the art and science of the prevention and cure of disease” (Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English); “the science of treating and understanding illness” (Longman Dictionary of English Language and Culture); “the treatment and study of illnesses and injuries” (Longman WordWise Dictionary); “the art or science of restoring or preserving health or physical condition, often divided into medicine proper, surgery, and obstetrics” (New Webster’s Dictionary of the English Language).

В терминологических словарях данное понятие представлено посредством следующих дефиниций: “the study of diseases and how to cure or prevent them” (Dictionary of Medical Terms); “1. the branch of science devoted to the prevention of disease (hygiene), the restoration of the sick to health (therapy) and the safe management of childbirth (obstetrics). Medicine is a scientific discipline but the practice of medicine involves social

skills and the exercise of sympathy, understanding and identification, not normally demanded of a scientist. 2. Medical practice not involving surgical operative intervention. In this sense, medicine and surgery are distinguished (Collins Dictionary of Medicine); “the skills and science used by the trained practitioners to prevent, diagnose, treat and research disease and its related factors” (Black’s Medical Dictionary).

Содержательная структура вербально репрезентированного концепта “medicine” может быть в общем виде схематически представлена на уровне следующих значений: 1. определение заболевания, установление его причин и типов, симптоматика (“understanding illness”, “to diagnose disease and its related factors”), 2. предотвращение заболевания, профилактика (“the prevention of disease”, “how to prevent them”, “the prevention of disease (hygiene)”, “to prevent disease and its related factors”), 3. лечение (“the art of the cure of disease”, “the science of treating illness”, “the treatment of illnesses and injuries”, “the art or science of restoring or preserving health or physical condition”, “the restoration of the sick to health”, “the skills used by the trained practitioners to treat disease”), 4. исследовательская деятельность (“the science of the prevention and cure of disease”, “the science of treating and understanding illness”, “the study of illnesses and injuries”, “the science of restoring or preserving health or physical condition”, “the study of diseases and how to cure or prevent them”, “the branch of science devoted to the prevention of disease (hygiene), the restoration of the sick to health (therapy) and the safe management of childbirth (obstetrics)”, “the science used by the trained practitioners to prevent, diagnose, treat and research disease and its related factors”). Следует также подчеркнуть, что фактически в каждом из приведенных определений отмечается тесное взаимодействие практического аспекта медицины и ее научно-исследовательского характера. Этот момент, отражающий специфику медицинского знания, следует учитывать в процессе изучения способов репрезентации медицинских понятий в различных источниках рассматриваемого нами языкового материала.

Приведем ряд примеров.

“In the normal pattern, the fastest blood flow is in the middle of the artery, and the slowest is along the artery wall, which means the artery lining is usually well protected” (J.D. Spence)

Данное высказывание, заимствованное из медицинского текста научного характера, обладает высокой терминологической и информационной насыщенностью и содержит сразу несколько семантически взаимосвязанных терминов (“artery wall”, “artery lining”) основным смыслообразующим, ключевым среди которых является термин “artery”. Обратимся к рассмотрению материала словарей для определения его значения:

Пример № 1: “**artery** ... **1** one of the tubes carrying blood from the heart to all parts of the body...**2** main road or river; chief channel in a system of communications, etc: arteries of traffic (Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English)

Пример № 2: “**artery** ... **1** one of the tubes that carry blood from the heart to the rest of the body → compare VEIN **2** a main road, river, railway etc (Longman Dictionary of English Language and Culture)

Пример № 3: “**artery**...one of the tubes that takes blood from your heart to the rest of your body” (Longman WordWise Dictionary).

Лексикографические источники, представляющие собой словари общелитературного языка, репрезентируют слово “artery” как в терминологическом значении (обычно первое значение в статье), так и в переносном (с рядом указаний на специфику реализации данных слов, в том числе и переносном, устаревшем, литературном значении, а также в составе некоторых фразеологических единиц). Толкование термина осуществляется здесь посредством нейтральных слов обиходно-бытового характера, например, единицы “tube”, представленной в этих же словарях как “long hollow cylinder of metal, glass or rubber, especially for holding or conveying liquids, etc” (Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English) или ‘a hollow round pipe of metal, glass,

rubber etc, used especially for carrying or holding liquids”, “a hollow pipe or organ in the body” (Longman Dictionary of English Language and Culture). Обиходно-бытовым характером обладает и реализуемый в данном определении глагол “to carry” (“support the weight of and move from place to place”), обладающий разветвленной системой значений и используемый в различных функционально-стилистических разновидностях языка. В данные определения включены слова с терминологическим значением “heart” и “body”, реализуемые также как слова обыденного языка и характеризующиеся высокой степенью идиоматичности.

Пример № 4: “**artery** ... [M.E. < L. arteria < Gr. artēria] One of a system of cylindrical vessels or tubes, which convey the blood from the heart to all parts of the body, to be brought back again by the veins. *Fig.* a main channel, as for transportation or communication” (New Webster’s Dictionary of the English Language).

В случае фиксации данной единицы в “New Webster’s Dictionary of the English Language” наблюдается более распространенное определение рассматриваемой единицы, в котором наряду со словами общелитературного языка реализуются единицы со специальным, терминологическим значением: помимо рассмотренного выше существительного “tube”, используется единица “vessel” (“a system of cylindrical vessels or tubes”), не только имеющая нейтральное, неспециальное значение “hollow receptacle, esp. for a liquid” (Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English), но и собственно терминологическое, реализуемое в составе нестойкого сложного слова “blood vessel” – “a tube or duct, as an artery, vein, or the like, containing or conveying blood or some other bodily fluid” (New Webster’s Dictionary of the English Language); “a tube in the body along which liquid flows, especially a blood vessel” (Dictionary of Medical Terms).

Значимым является также построение данной словарной статьи с использованием определения, вводимого посредством местоимения “which” и освещающего функциональную сторону существования рассматриваемого явления в действительности: “which convey the blood from the heart to all parts of the body, to be brought back again by the veins”. Причем, по сравнению с предыдущими словарями, здесь может быть выделена информация уточняющего характера, выраженная обстоятельствами места (направления) и цели: “to all parts of the body”, “to be brought back again by the veins”.

В данном случае так же, как и в цитируемом выше словаре английского языка и культуры, но теперь уже в самом тексте словарной дефиниции употреблена терминологическая единица “veins”, обозначающая тесно связанное с анализируемой нами сущностью понятие, вносящая в словарную статью дополнительную информацию специального характера: “vein” – “blood-vessel along which blood flows from all parts of the body to the heart” (Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English); “a blood vessel which takes deoxygenated blood containing waste carbon dioxide from the tissues back to the heart” (Dictionary of Medical Terms).

В процессе рассмотрения семантических особенностей терминологических единиц представляется оправданным обращение к семантике тех слов и словосочетаний, которые оказываются в одном общем тематическом ряду, поскольку, как отмечает Ч. Филлмор, в основе словаря любого языка лежат определенные семантические единства замкнутого характера, что определяет необходимость учитывать факт связи лексического значения с его понятийным основанием. В качестве примера исследователь приводит терминологическую лексику. Данный подход, по мнению ученого, оказывается продуктивным как для выявления и экспликации причин появления того или другого лексического значения, так и для осуществления контекстуального анализа на основе рассмотрения текста с точки зрения входящих в него текстообразующих фреймов. Эти положения являются исключительно важными для процедур семантики понимания, основная задача которой заключается в «раскрытии сущности связи между языковыми текстами и достижением полного понимания этих текстов в их окружении» [22, с. 63]. Так, при рассмотрении единицы “artery” мы обращаемся к целому ряду терминов, например, таких, как “vein”, “aorta”, “blood vessel”, “heart”, “circulation” и др.

Проанализированные нами словари общелитературного языка характеризуются тенденцией к содержанию слов более общего, менее специализированного значения в определяющих языковые единицы словарных статьях. Обращаясь к рассмотрению дефиниции в “New Webster’s Dictionary of the English Language”, следует отметить тот факт, что в нем также приводится этимологическая справка, представляющая важную характеристику для единицы терминологического характера: как и многие медицинские и медико-биологические термины, данное слово восходит своими корнями к латыни и древнегреческому языку: “M.E. < L. *arteria* < Gr. *artēria*”.

Пример № 5: “**artery**... An elastic, muscular-walled tube carrying blood at high pressure from the heart to any part of the body (see Fig. 4). From the Greek *arteria*, an air duct. It was once believed that, in life, arteries contained air” (Collins Dictionary of Medicine).

В словарной статье данного источника, наряду с определением, сопровождающимся соответствующим рисунком, содержится отсылка к его происхождению (“from the Greek”), поясняемому существовавшими представлениями о наполнении артерий: “It was once believed that, in life, arteries contained air”. В словаре также содержатся следующие статьи, соотносимые с единицей “artery”: “**arterial**, *adj.* relating to arteries”, “**arterio-**, *combining form denoting artery*”, “**arteriography**, *n.* X-ray examination of arteries following injection of radio-opaque dye. The same as ANGIOGRAPHY”, “**arteriole**, *n.* a small terminal branch of an artery, intermediate in size between an artery and a CAPILLARY”, “**arteriolosclerosis**, *n.* a disease featuring hardening of ARTERIOLES. There is little deposition of CHOLESTEROL but often serious reduction in the bore of the vessels by deposition of fibrous tissue in the walls and thickening of the lining (intima)”, “**arteriosclerosis**, *n.* hardening of the arteries. The term has become imprecise and is falling out of use. It is being replaced by the term ATHEROSCLEROSIS, which more accurately describes the common degenerative disease of arteries”, “**arteriotomy**, *n.* cutting or opening into an ARTERY”, “**arteriovenous aneurysm**, see ARTERIOVENOUS FISTULA”, “**arteriovenous fistula**, *n.* an abnormal communication between an artery and a vein. It may be congenital or the result of injury or disease. Blood is shunted at high pressure into the vein causing it to enlarge and become thickened and arterialized”, “**arteriovenous malformation**, *n.* an abnormal congenital network or clump of blood vessels linking an artery and a vein. These may occur anywhere in the body but are especially dangerous within the skull. The commonest presentation is a SUBARACHNOID HAEMORRHAGE. Blood flow through an arteriovenous malformation is often rapid and may be audible through the skull with a stethoscope”, “**arteritis**, *n.* one of a number of inflammatory diseases of small arteries characterized by swelling, tenderness and possible obstruction of the blood flow. See TEMPORAL ARTERITIS” (Collins Dictionary of Medicine).

Данные особенности словарной репрезентации отражают те принципы, которые положены в основу создания словаря его автором, включая познавательный аспект изучения медицинских терминов с целью более комфортной ориентации в языке специальности: “Medical terms are in themselves delightfully logical.... To assist readers in this valuable exercise. I have included all important combining forms used in medical language as well as many prefixes and suffixes. I have also included derivations whenever these seem to illuminate meanings (or whenever they have seemed to me especially interesting or likely to act as mnemonics). Eponymous terms are harder to remember, so brief biographical notes have been incorporated. I shall be rewarded if these features of the dictionary prompt some readers to greater interest in the wonderful world of medical etymology” (Collins Dictionary of Medicine. P. IX). Иными словами, составитель данного источника подробно останавливается на проблеме происхождения и дальнейшего лингвистического развития целого ряда фиксируемых в словаре слов, обращая внимание и на гносеологическую функцию термина.

Пример № 6: “**artery** ... a blood vessel taking blood from the heart to the tissues of the body. COMMENT: In most arteries the blood has been oxygenated in the lungs and is

bright red in colour. In the pulmonary artery, the blood is deoxygenated and so is darker. The arterial system begins with the aorta which leaves the heart and from which all the arteries branch” (Dictionary of Medical Terms).

Определение, заимствованное из словаря медицинских терминов, очевидно отличается от определений из неспециальных, общелитературных словарей: в самом тексте определения используются термины и единицы специальной лексики, понятные профессионалам, такие, как “a blood vessel”, “blood”, “heart”, “the tissues of the body”. Особого внимания в этом случае заслуживает комментарий, содержащий целый ряд спецификаций (“the pulmonary artery”, “the aorta which leaves the heart and from which all the arteries branch”) и таким образом объясняющий характер процессов, относящихся к структурной организации и области функционирования определяемого феномена. В комментарии активно используется специальная лексика: “arteries”, “blood”, “oxygenated”, “lungs”, “the pulmonary artery”, “deoxygenated”, “the arterial system”, “the aorta”, “the heart”, “the arteries branch”, ориентированная на адекватность восприятия владеющими специальными знаниями профессионалами. В этой связи следует отметить, что реализуемые в данном тексте словарного комментария термины употребляются с определенным артиклем, в результате чего, на основе сочетания индивидуализации и обобщения, эти единицы могут рассматриваться как репрезентанты определенного класса предметов или явлений, типичных для данной области науки. Как отмечают исследователи, в данном случае имеет место лексически выраженная прямая зависимость когнитивного процесса индивидуализации от предшествующей ему операции классификации [10, с. 52], что также может быть квалифицировано как один из признаков процесса представления специального, научного знания. Синтаксический параллелизм, реализуемый в тексте словарного комментария, позволяет привлечь внимание адресата к наиболее значимым аспектам описания и дать точную характеристику важным с научно-профессиональной точки зрения различиям:

“In most arteries” – “In the pulmonary artery”;

“the blood has been oxygenated” – “the blood is deoxygenated”;

“and is bright red in colour” – “and so is darker”.

Заключительное предложение рассматриваемого текста содержит сведения обобщающего характера, одновременно отсылая адресата к последующему овладению информацией, связанной с понятием, выраженным термином “aorta”, называющим основную артерию, лежащую в начале артериальной системы: “The arterial system begins with the aorta which leaves the heart and from which all the arteries branch”.

В то же время обращение к определению единицы “aorta”, представленному в данном словаре, также заслуживает определенного внимания: “the main artery in the body, which sends blood containing oxygen from the heart to other body vessels around the body. See illustrations at HEART in Supplement”. Как видно из приведенного примера, лексический состав дефиниции рассматриваемой единицы также характеризуется высокой степенью терминологической насыщенности. В синтаксической структуре данного отрезка, представляющего собой развернутое номинативное высказывание, обладающее скрытой, имплицитно присутствующей предикацией [21, с. 103 – 107], отмечается употребление определительной конструкции, вводимой местоимением “which”, что является типичным для авторского текста специальных словарей. Помимо собственно дефиниции в тексте содержится отсылка к иллюстрации, выступающей в качестве элемента другой, неязыковой семиотической системы, выполняющего сопутствующую, поясняющую функцию.

В словарной статье также приводится комментарий, позволяющий подробно охарактеризовать сущность и функциональные аспекты описываемого явления: “COMMENT: The aorta is about 45 centimetres long. It leaves the left ventricle, rises where the carotid arteries branch off, then goes downwards through the abdomen and divides into the two iliac arteries. The aorta is the blood vessel which carries all the arterial blood from the heart”, - который заслуживает особого внимания в том смысле, что в нем содержатся не только необходимые с точки зрения автора спецификации (“is about 45 centime-

tres long”, “leaves the left ventricle”, “where the carotid arteries branch off”, “downwards through the abdomen”, “into the two iliac arteries”, “which carries all the arterial blood from the heart”), но и последовательное перечисление действий, связанных с функционированием аорты в человеческом организме (представленное во втором предложении), что придает некоторую дидактическую тональность повествованию.

Иными словами, анализируемые определения, заимствованные из терминологического словаря, обладают всеми признаками собственно научного текста, сочетая в себе в ряде случаев свойства речевых произведений академического и учебного характера. Сравнительный анализ определений, данных в терминологических словарях и словарях общелитературного языка, позволяет однозначно утверждать, что здесь прослеживается очевидный процесс интеллектуализации (термин Б. Гавранека), степень которой возрастает пропорционально насыщенности текста на уровне реализации языковых единиц, репрезентирующих специальные, научные понятия [13, с. 16-17].

Характеризуя новые тенденции в развитии современной лексикографии, О. М. Карпова приводит факт формирования нового направления, получившего название «перспектива пользователя» (“user’s perspective”), отражающего учет потребностей читателя при составлении словаря. В данном случае учитывается не только уровень информированности читателя в определенной области знания, но и те цели, которые ставит перед собой пользователь словаря, с особым вниманием к методике работы с лексикографическими источниками, а также совершенствованию навыков освоения справочного материала [11, с. 57 – 59].

Учитывая приведенное выше положение, перейдем к рассмотрению материала “Black’s Medical Dictionary”, представляющего собой особый тип словаря, созданный в результате осуществления нового подхода к процессу общения медиков и пациентов, ориентированный как на профессионалов, так и на более широкий круг пользователей, о чем мы узнаем из предисловия к данному изданию: “*Black’s Medical Dictionary* first appeared in 1906. That new century was to see health care in the United Kingdom evolve from a largely personal, paternalistic consultation between doctor and patient, based more on medical tradition than medical science, to a complex, science-based, team-oriented and managed service. Even so, the core of medical practice has survived: the face-to-face consultation between doctor and patient. But the nature of this core activity has been irreversibly altered by a shift in the ‘balance of power’ between the participants as patients became better informed about their health, illnesses and possible treatments. A significant catalyst in the emergence of the informed patient has been the media, including publications like this dictionary, the contents of which have during its 41 editions reflected these changes in medicine” (Black’s Medical Dictionary. P. VII).

Обратимся непосредственно к словарной статье.

Пример № 7: “**Arteries** Arteries are vessels which convey oxygenated blood away from the heart to the tissues of the body, limbs and internal organs. In the case of most arteries the blood has been purified by passing through the lungs, and is consequently bright red in colour; but in the pulmonary arteries, which convey the blood to the lungs, it is deoxygenated, dark, and like the blood in veins.

The arterial system begins at the left ventricle of the heart with the AORTA, which gives off branches that subdivide into smaller and smaller vessels. The final divisions, called arterioles, are microscopic and end in a network of capillaries which perforate the tissues like the pores of a sponge and bathe them in blood that is collected and brought back to the heart by veins. (See CIRCULATORY SYSTEM OF BLOOD.)” (Black’s Medical Dictionary).

Лексический состав начального фрагмента достаточно протяженной статьи характеризуется высокой степенью терминологической насыщенности и содержит такие единицы, как “vessels”, “oxygenated blood”, “the heart”, “the tissues of the body”, “limbs”, “internal organs”, “passing through the lungs”, “the pulmonary arteries”, “deoxygenated”, “the blood in veins”, “the arterial system”, “the left ventricle of the heart”, “arteri-

oles”, “a network of capillaries”. Отметим также, что заглавие текста, представляющего собой словарную статью, выражено существительным во множественном числе (“Arteries”), что подчеркивает системный, целостный характер рассматриваемого предмета, поскольку в реальности существование артерий в человеческом организме является объединенным в систему и таким образом может изучаться и объясняться специфика их организации и функционирования.

Характер повествования также отражает определенную энциклопедичность, дидактическую направленность текста: его структурная организация представляет собой последовательность фактически равных по протяженности абзацев, каждый из которых содержит информацию об определенном предмете или явлении и его функциональной специфике, слова, репрезентирующие предмет научного описания, представлены в начальной позиции в каждом из абзацев: “Arteries are vessels which convey oxygenated blood away from the heart...” (1); “The arterial system begins at the left ventricle of the heart...” (2); “**The chief arteries** after the aorta and its branches are:...” (3); “**Structure**. The arteries are highly elastic...” (4).

Реализация приема синтаксического параллелизма также обусловлена необходимостью соблюдения принципов логичности и четкости повествования, направленных на точное усвоение информации получателем и выделение наиболее значимой информации, так, например, начальная фраза словарной статьи “Arteries are vessels which convey oxygenated blood away from the heart to the tissues of the body, limbs and internal organs” (P. 53) в более сокращенной форме повторяется в разделе, посвященном описанию заболеваний этой области человеческого организма, начальной фразой которого является данный речевой отрезок: “ARTERIES are vessels that convey blood away from the heart to the tissues” (P. 54). Следующий пример повтора характеризуется изменением последовательности соподчиненных предложений, что, вместе с тем, принципиально не влияет на смысл высказываний: “Less commonly, inflammation of the arteries occurs; this inflammation is known as arteritis and occurs in a variety of conditions” (P. 54), “Arteritis occurs in a variety of conditions that produce inflammation of the arteries” (P. 54).

Лексические повторы могут рассматриваться как результат оптимизации высказывания, предполагающей реализацию ограниченного репертуара языковых средств, наиболее точно отражающих сущность описываемых явлений, в том числе с точки зрения их сопоставления, отождествления и дифференциации, и в основном представляющих собой единицы общенаучной или специальной лексики, репрезентирующие специфику отражаемого явления. Например: “branches that subdivide into smaller and smaller vessels”, “the common carotid, running up each side of the neck and dividing into the internal carotid to the brain, and external carotid to the neck and face”, “dividing at the elbow into the radial and the ulnar”, “the two common iliacs, in which the aorta ends, each of which divides into the internal iliac to the organs”; “the outer or adventitia, consisting of ordinary strong fibrous tissue”, “the middle or media, consisting of muscular fibres supported by elastic fibres”, “the inner or intima, consisting of a layer of yellow elastic tissue”; “every artery has three coats”, “the muscle of the middle coat is largely replaced by elastic fibres”, “the muscular coat instantly shrinks”; “Less commonly, inflammation of the arteries occurs; this inflammation is known as arteritis and occurs in a variety of conditions”, “Arteritis occurs in a variety of conditions that produce inflammation of the arteries”.

Активизации внимания адресата способствуют и такие приемы, как выделение наиболее значимых частей текста при помощи заглавных букв (в том числе и в ссылке к статье более общего характера, содержащейся в словаре, что входит в систему принятых в нем обозначений, – “CIRCULATORY SYSTEM OF BLOOD”, курсива, жирного шрифта, структурирование в соответствии с буквенным обозначением, что является не только отражением специфики словарной нотации, но и способом выдвигания наиболее значимой информации.

Подтверждением факта ориентированности данного словаря в том числе и на рядового читателя, обладающего обыденным знанием, является случай неоднократно

реализуемого объяснения термина “*ishaemia*” посредством незафиксированной в специальных словарях, но находящей фиксации в словаре общелитературного языка единицы “*bloodlessness*”, данной в скобках: “General symptoms such as fever, malaise, weakness, anorexia and weight loss are accompanied by local manifestations of *ishaemia* (*bloodlessness*) in different parts of the body” (P. 54), “and peripheral arteries cause limb *ishaemia* (*localised bloodlessness*)” (P. 54). В “*New Webster’s Dictionary of the English Language*” данная единица, созданная в соответствии с одной из наиболее продуктивных словообразовательных моделей в английском языке [Тер-Минасова, 1981], репрезентирована в следующей словарной статье: “**bloodless**... without blood; drained of blood; dead; without shedding of blood or slaughter; ...**bloodlessly**... In a bloodless manner; without bloodshed. – **bloodlessness**, *n*”. Отметим также, что в “*Longman Dictionary of English Language and Culture*” в словарной статье, посвященной прилагательному “*bloodless*”, репрезентируемые значения выступают в качестве результатов более общего семантического переосмысления, приобретая характер метафоричности: “1. without killing or violence: *a bloodless victory/coup*”; “2. lacking in human feeling; lifeless: *bloodless statistics*”, что говорит о высокой степени семантического потенциала данной единицы общелитературного языка.

Авторы словаря, адресованного как специалистам, так и интересующимися проблемами медицины непрофессионалам, оказываются исключительно осторожными, аккуратными и точными в презентации информации, связанной с такими важными категориями, как функции органов и систем человеческого организма, состояние, заболевание, его причины и симптоматика, профилактика, лечение, поскольку данные проблемы связаны с таким концептуальными сущностями, как здоровье и жизнь человека. Приведем в этой связи следующее высказывание: «Медиков призывают учиться популярно рассказывать о медицине. Говорим подчас действительно доступно. Вот и появляется среди населения чувство легкости приобщения к медицине, иллюзия простоты.... Стало ли легче лечить думающего, культурного пациента? Нет. Не потому, что он мыслит и образован, а потому, что в своем стремлении вникнуть в суть и понять он недооценивает сложности медицинской науки и переоценивает свои возможности.... Не случайно среди медиков складывается убеждение, что популяризация лечебных и диагностических аспектов медицины приобретает характер псевдопросвещения» [23]. Иными словами, следует подчеркнуть тот факт, что презентация информации медицинского характера требует особо тщательного подхода к выбору и реализации необходимого репертуара языковых средств.

Отметим также, что в словарном разделе, посвященном перечислению заболеваний, связанных с функцией артерий в человеческом организме, представлен целый ряд примеров, сопровождающихся объяснениями специального характера, предназначенных в первую очередь профессионалам. Например: “Examples include syphilis – now rare in Britain – which produces inflammation of the aorta with subsequent dilatation (aneurism formation) and risk of rupture; giant cell arteritis (temporal arteritis), a condition usually affecting the elderly, which involves the cranial arteries and leads to headache, tenderness over the temporal arteries and the risk of sudden blindness; Takayasu’s syndrome, predominantly affecting young females, which involves the aortic arch and its major branches, leading to the absence of pulse in affected vessels; and poliarteritis nodosa, a condition causing multiple small nodules to form on the smaller arteries. General symptoms such as fever, malaise, weakness, anorexia and weight loss are accompanied by local manifestations of *ishaemia* (*bloodlessness*) in different parts of the body”.

Как видно из приведенного фрагмента, каждое понятие, представленное определенным термином, сопровождается кратким описанием научного характера, содержащим основные характеристики симптомов рассматриваемых заболеваний, что является типичной чертой речевых произведений подобного рода. Данная словарная статья, посвященная термину “*arteries*”, представляет собой цельный связный текст, обладающий свойствами выразительности, ограниченности, структурности [5], осно-

ванный на научном знании и включающий некоторые элементы обиходно-бытовой стилистики, служащие репрезентантами структурированного обыденного знания. Данный способ структурно-содержательной организации текста играет важную роль в обеспечении соответствующего уровня доступности содержащейся в нем информации, наиболее релевантной с точки зрения профессионала, специалиста в определенной области, владеющего научным знанием, главными характеристиками которого являются логическая обоснованность, доказательность, воспроизводимость познавательных результатов. Актуальность приобретает и рассмотрение такого важного аспекта, как реализация ориентирующей функции термина [7, с. 182; 14, с. 659], связанного с формированием в специальных областях профессиональной деятельности когнитивно-коммуникативных пространств, позволяющих ориентироваться в той или другой специальности с учетом определенного научного руслу, компетентно разбираться в процессе интеграции научных дисциплин и их разделов, а также в направлении развития данной отрасли науки с точки зрения практического применения результатов исследовательской деятельности, т. е. формирования ориентировки на осуществление лечебной и профилактической деятельности.

В целом ряде случаев авторы лексикографических источников указывают на те принципы, которые лежат в основе их деятельности по репрезентации медицинских понятий в словаре. Например, автор "Collins Dictionary of Medicine" Роберт Янгсон пишет в предисловии к своему труду: "The number of possible headwords and phrases from which a selection can be made for a medical dictionary is now very large and one of the chief difficulties is to decide on the criteria for selection. The first requirement is that the book should be useful, so it must contain a large number of basic definitions that will find a place in any medical dictionary, however modest. It must also reflect current medical interest and thus contain many words and phrases that are of fairly recent coinage: these should be more than passing verbal fads although it is not always easy to judge whether an "in" word or phrase will last. The dictionary must also try to reflect the weight of medical importance between the many disciplines and basic sciences that compete with each other for attention. To these ends, the compiler of a new dictionary must peruse the general medical journals with a new motive. During the gestation period of this dictionary, the *Lancet*, the *British Medical Journal*, the *Journal of the Royal Society of Medicine*, the *New England Journal of Medicine* and the *Journal of the American Medical Association* have been, for me, more than simply the normal sources of medical information; they have also been studied as indicators of the balance of trends in medicine and in the frequency of use of new terms" [3, с. 3 – 4]. (Robert M. Youngson, Collins Dictionary of Medicine. P. IX).

Таким образом, важнейшими принципами отбора и фиксации словарного материала в области медицины являются как собственно лингвистические критерии (частотность, воспроизводимость, идиоматичность, полихронность), так и принципы научности, актуальности, современности, перспективности, познавательности терминов, репрезентирующих данную область научного знания. Следует также выделить категорию «перспективы пользователя», реализация которой требует особого внимания и тщательности подхода со стороны создателей специальных словарей в области медицины, непосредственно связанной с процессами сохранения здоровья и жизни человека.

Список литературы

1. Авербух К. Я., Карпова О. М. Лексические и фразеологические аспекты перевода. – М.: Издательский центр «Академия», 2009.
2. Анисимова А. Г. Методология перевода англоязычных терминов гуманитарных и общественно-политических наук. – Автореф. дис. .... д-ра филол. наук. М., 2010.
3. Будагов Р. А. Развитие французской политической терминологии в XVIII веке. – М.: Добросвет - 2000, 2002.
4. Володина М. Н. Когнитивно-информационная природа термина и терминологическая номинация. Автореф. дисс. .... д-ра филол. наук. - М., 1998.
5. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Едиториал УРСС, 2005.

6. Гвишиани Н. Б. Язык научного общения (вопросы методологии). – М.: Высш. шк., 1986.
7. Голованова Е. И. Взаимодействие научного и обыденного знания в термине-фразеологизме // Когнитивные исследования языка. Вып. III. Типы знаний и проблемы их классификации: Сб. науч. трудов/ Гл. ред. Е. С. Кубрякова. – М. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. – С. 119 – 130.
8. Городецкий Б. Ю. Проблемы и методы современной лексикографии. Вступительная статья // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1983. – С. 5 – 22.
9. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение. – М.: Издательский центр «Академия», 2008.
10. Долгина Е.А. Полифункциональность английских артиклей в языке и речи. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
11. Карпова О. М. Английская лексикография. – М.: Издательский дом «Академия», 2010.
12. Комарова А. И. Создание словаря терминов по туризму: порядок терминографической работы // Язык. Культура. Общение: Сборник научных трудов в честь юбилея заслуженного профессора МГУ имени М. В. Ломоносова С. Г. Тер-Минасовой. – М.: Гнозис, 2008. – С. 406 – 413.
13. Комарова А. И. Функциональная стилистика: научная речь. Язык для специальных целей (LSP). – М.: Издательство ЛКИ, 2010.
14. Куркина Т.В. Языковая картина фармации // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 658 – 664.
15. Кутина Л. Л. Термин в филологических словарях // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. – Л, 1976.
16. Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
17. Молчанова Г. Г. Английский как неродной: текст, стиль, культура, коммуникация. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007.
18. Новодранова В. Ф. Когнитивные основания распределения информации в научном тексте // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е. С. Кубряковой. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 194 – 198.
19. Рублева О.Л. Лексикология современного русского языка. – Владивосток: Издательство Дальневосточного ун-та, 2004.
20. Садовничий В. А. Знание и мудрость в глобализирующемся мире. Доклад Ректора МГУ академика В. А. Садовничего на пленарном заседании IV Российского философского конгресса «Философия и будущее цивилизации». М., 24 мая 2005 г. Сетевой ресурс. Режим доступа – <http://www.philos.msu.ru/congress/rector/>.
21. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. – М.: Изд-во МГУ, 2009.
22. Филлмор Ч. Об организации семантической информации в слове // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. – М.: Прогресс, 1983. – С. 23 – 60.
23. Эльштейн Н. Врачу надо верить // Медицинская газета. 25.03.1983.
24. Ulmann S. Discussion in the “Structure of Meaning” session of the Proceedings of the Eighth International Congress of Linguists. – Oslo: Oslo University Press, 1958. – P.679 – 682.

TERMINOLOGICAL DICTIONARY OF MEDICINE AS THE SOURCE OF SCIENTIFIC INFORMATION

E. V. Margania

*Capital
Financial
Humanitarian
Academy,
Moscow*

*e-mail:
polyna_yanina@mail.ru*

The principles of lexicographic material choice and representation in the field of medicine are exposed by the criteria belonging to the sphere of linguistics proper, such as frequency, reproductivity, idiomaticity, as well as the more general principles of cognitive and scientific relevance of notions and terminological units representing them on the linguistic level. As medicine deals with man's health and life preservation special attention should be paid to the realization of the 'user's perspective' category.

Key words: dictionary, lexicography, medical, term, cognition, scientific, criteria, user's perspective.

УДК 811.133.1

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ КАК ОТРАЖЕНИЕ УНИВЕРСАЛЬНОСТИ И ИДИОЭТНИЧНОСТИ МИРОВОСПРИЯТИЯ НОСИТЕЛЕЙ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

С. А. Моисеева
Ю. Е. Ломоносова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
moisseeva@bsu.edu.ru
julyalomonosova@yandex.ru*

В статье рассматриваются способы фразеологической вербализации концептов сферы «Атмосферные явления», раскрываются универсальность и национальная специфика образного переосмысления признаков данных концептов носителями французского языка.

Ключевые слова: языковая картина мира, концепт, фразеологическая парадигма.

Одной из основных задач когнитивной лингвистики является изучение мыслительных процессов, воплощенных в единицах языка. Важнейшей составляющей данных процессов, нашедших выражение в термине «ментальность», согласно Н. Ф. Алефиренко, следует считать языковое сознание. Под ментальностью ученый понимает систему типичных проявлений в категориях родного языка своеобразного (сознательного и бессознательного) восприятия внешнего и внутреннего мира, специфическое проявление в процессах познания национального характера, интеллектуальных, духовных и волевых качеств того или иного культурно-языкового сообщества. Наиболее убедительными Н. Ф. Алефиренко считает данные психолингвистики, согласно которым языковое сознание порождается вербализованными когнитивными структурами [1, с. 61 – 62].

В когнитивной лингвистике категория языкового сознания включена в парадигму, направленную на рассмотрение способов концептуализации действительности, формирования и презентации знаний о мире, то есть языковое сознание в контексте когнитивной лингвистики понимается как определяющее способы восприятия и осмысления человеком мира. В рамках данной теории языковая картина мира рассматривается как комплекс языковых средств, фиксирующих представление народа о действительности на определенном этапе его развития. Объективируя тип отношения человека к окружающему миру, в частности, к изменениям, происходящим в природе, языковая картина мира служит средством получения определенного концептуального знания и одновременно влияет на формирование концептосферы, существующей в виде концептов – базовых единиц мыслительного кода человека. Неоднородность концепта, его структурная организация стали очевидны исследователям с самого начала когнитивных исследований. Алефиренко Н. Ф. различает в структуре концепта содержательный и оценочный компоненты. В совокупности они включают следующие признаки-компоненты, обуславливающие дискретность концепта: 1) интернациональный, 2) идиоэтнический, 3) социальный, 4) групповой – гендерный, возрастной, профессиональный, индивидуально-личностный и т.п. Своеобразие тому или иному концепту придает доминирование одних и погашение других признаков [1, с. 144 – 145]. Формирование фрагмента французской языковой картины мира, отражающей представление народа об *атмосферных явлениях*, может быть во многом обусловлено факторами экстралингвистической действительности, в частности, климатическими особенностями страны, ее географическим положением, что и определяет идиоэтническую данного участка языкового пространства.

Специфика концепта, однако, состоит в том, что «помимо языковой материи бытия его зоной референции является и фрагмент идеального, незримого мира..., любой концепт обрастает в дискурсе образами, ассоциациями, его метафорическая соче-

таемость приводит к построению фразеологических парадигм, осмысление которых может раскрыть инварианты содержания концепта» [2, с. 17]. Фразеологические единицы обладают обязательной культурной маркированностью и кодируют не только информацию о действительности, но и те национально-значимые сегменты сознания, которые обязательно должны быть зафиксированы и сохранены в языковой картине мира [3, с. 129]. Поэтому одним из наиболее важных этапов построения номинативного поля концепта является изучение фразеологизмов, в составе которых употребляется ключевое слово-репрезентант или его синоним. Идиоматические выражения, являясь одним из способов репрезентации концептов, характеризуются целостным обобщенно-переносным и образно-мотивированным значением и отражают квалификативно-оценочную деятельность человека. В основе большинства фразеологизмов лежит метафорическое переосмысление, возникающее в результате ассоциативно-образного мышления. Заложенные в метафорическом переносе когнитивные представления о действительности реализуются в конкретных языковых формах, обладающих в предложении определенным семантическим, эмоциональным, информационным и стилистическим статусами и своими функциональными характеристиками. В структуре концепта фразеологические единицы, как правило, относятся к его периферическим областям из-за расплывчатости и многослойности значения. Однако именно они составляют глубинный слой концепта, его внутреннюю форму, отражая национальную специфику концептосферы того или иного народа.

В номинативное поле исследуемых концептов сферы «Атмосферные явления», согласно теории З. Д. Поповой и И. А. Стернина, мы включаем фразеологизмы, в составе которых употребляются лексемы, номинирующие эти концепты [4, с. 129]. Следовательно, в центре нашего внимания оказывается фразеотематическое поле «Атмосферные явления», для которого принципом отбора служит соответствующая лексика. Во фразеологической системе лексемы утрачивают свою автономную референцию и выступают в качестве фразеолексы, несамостоятельной единицы языка, функционирующей только в составе фразеологической единицы и коррелирующей с аналогичной лексемой как ее лексико-семантический или фразеологический вариант [5, с. 92]. Совокупность фразеологических единиц, объединенных одним и тем же компонентом, составляет фразеологическую парадигму [5, с. 22]. Используя приведенные термины, профессор Н. Н. Кириллова определяет фразеотематическое поле как «совокупность фразеологических парадигм фразеолекс, соотносящихся с лексемами определенного тематического поля. Однако изучение фразеологизмов, отобранных по тематическому принципу, показывает, что существуют регулярные соотношения фразеологических единиц и отдельных лексем» [6, с. 3]. Невозможно рассматривать фразеологический материал, не учитывая его тесной связи с лексическим составом языка. Целесообразно исследовать лексику и фразеологию, объединяя их внутри одного поля, на основании функциональной и семантической общности [5, с. 10]. Такой подход особенно актуален при когнитивной интерпретации компонентов фразеотематического поля, которая предполагает анализ содержания фразеологических единиц. Фразеотематическое поле «Атмосферные осадки» включает несколько групп фразеологических парадигм, объединенных благодаря наличию в их составе фразеолекс, соответствующих ключевым лексемам или их синонимам, вербализующим во французском языке концепты *дождь*, *туман*, *снег* и *град*. В результате анализа было установлено, что не все номинативные единицы, репрезентирующие разновидности атмосферных осадков, фигурируют во французской фразеологии. Использование для создания фразеологического образа одних лексем и игнорирование других в каждой языковой картине мира обусловлено различными факторами, например, частотностью употребления той или иной лексемы, наличием у нее определенных коннотативных значений, устойчивыми социально-психологическими эталонами носителей языка, особой экстралингвистической ситуацией и т. д. В состав исследуемого фразеотематического поля вошли следующие моно- и полисемичные существительные: *averse*, *brouillard*, *brume*, *giboulée*,

grain, grêle, neige, pluie, saucée. Среди выражений, в состав которых входят слова-репрезентанты микроконцептов *дождь, туман, снег* и *град*, самыми многочисленными являются фразеологические образы, созданные на основе наиболее нейтральных существительных *pluie* и *neige*, объективирующих концепты *дождь* и *снег*, отличающиеся, как было установлено в ходе работы, высокой рекуррентностью (частотностью языковых репрезентаций в речи [4, с. 104]).

Тот факт, что фразеология, занимая определенное место в языковой картине мира, может рассматриваться как один из способов «языкового мировидения», по мнению Н. Н. Кирилловой, дает основание говорить о существовании в каждом языке *фразеологической картины мира*, что «есть результат специфического способа вторичного осмысления отображаемой действительности, выражаемый устойчивыми оборотами языка» [5, с. 84]. Во фразеологической картине мира, так же как и в глобальной языковой картине мира, выделяют *универсальный* и *идиоэтнический* компоненты.

При сопоставлении основных **универсальных** тенденций в сфере образно-символических представлений и в основных концептуальных сферах, обретающих в языке фразеологический способ выражения, наблюдается следующая закономерность: и та и другая сферы обнаруживают *семантическую ориентированность на человека*. Исследование показало, что только в некоторых случаях фразеолексы, коррелирующие с лексемами, вербализующими концепты сферы «Атмосферные осадки», сохраняют взаимосвязь с ядром номинативного поля или соотносятся с семантическими сферами «темпоральность» и «качественно-количественная характеристика». Например, в выражениях *se mettre à la pluie* ‘измениться к дождю’ и *pluie de chien* ‘сильный, проливной дождь’ слово *pluie* (дождь) не утрачивает своих «метеорологических» корней, оставаясь в пределах фразеосемантического поля «атмосферные осадки». Фразеологизмы, заключая в себе «застывшие осмысления того или иного концепта, складывавшиеся на протяжении длительного времени», позволяют выявить дополнительные когнитивные признаки исследуемого концепта, формирующие его интерпретационное поле. Совокупность таких признаков З. Д. Попова и И. А. Стернин объединяют в отдельную зону, но, на наш взгляд, они часто коррелируют с признаками других зон интерпретационного компонента (энциклопедической, регулятивной, оценочной, и т. д.) [4]. Так, выражение ‘*se mettre à la pluie*’ представляет признак концепта, соотносящийся с *энциклопедической* зоной, - ‘перед дождем в окружающем мире происходят изменения’. Во фразеологизме ‘*pluie de chien*’ мы наблюдаем ослабление первичного значения лексемы *pluie* и приобретение ею коннотативного значения. Благодаря интенсификатору *chien*, когнитивный признак ‘проливной’, представляющий аспект ‘интенсивность’ и объективируемый в данном фразеологизме, приобретает отрицательную оценку. Фразеолекса *neige* (снег) сохраняет «метеорологические» корни только в выражении с ослабленным значением компонентов *battre la neige* ‘протаптывать тропинку в снегу’, где опосредуется когнитивный признак *энциклопедической* и *утилитарной* зон ‘снег при выпадении ложится на землю, по нему можно ходить, протаптывая дорогу’.

Однако следует отметить, что большинство исследуемых фразеологизмов демонстрирует стремление французского народа на основе метеонимов строить образы, так или иначе описывающие человека, его характер, эмоциональное состояние, поведение и оценивающие его жизненную ситуацию. Так, в зоне крайней периферии номинативного поля концепта *дождь*, то есть при переходе во фразеологическую систему, лексема *pluie*, являясь уже фразеолексой, выходит за рамки семантической сферы «Атмосферные осадки» и становится частью таких фразеосемантических полей как 1) ‘характеристика человека’: *il n’est pas né de la dernière pluie* ‘он не лыком шит, не так прост’, *fin comme Gribouille qui se met dans l’eau de peur de la pluie* ‘простофиля»; 2) ‘характеристика поступков человека’: *causer de la pluie et du beau temps* ‘говорить о пустяках»; 3) ‘оценка жизненной ситуации’: *se jeter dans l’eau de peur de la pluie* ‘попасть из огня да в полымя’. «Антропоцентрическая» направленность отражается так-

же в выражениях, построенных на основе лексем, номинирующих разновидности денотата концепта *дождь*, существительных *grain* и *giboulée*. Значение лексемы *grain* 'внезапный и короткий ливень, сопровождаемый ветром' определяет ее принадлежность к центру номинативного поля концепта *дождь*. Выражение с одноименной фразеолексой '*veiller au grain*' имеет два значения: в первом значении 'следить за погодой' фразеолекса *grain* не теряет свои «метеорологические» корни, а во втором переносном значении 'соблюдать осторожность, действовать с оглядкой' становится компонентом фразеосемантического поля 'характеристика поведения человека'. В составе фразеологической единицы *voir venir le grain* 'предвидеть, предчувствовать беду' эта же лексема переходит во фразеосемантическое поле 'оценка жизненной ситуации'. Если в предыдущем выражении со значением 'действовать с оглядкой' преобладало прагматическое отношение к денотату, обуславливающее поведение человека во время дождя, то в данном случае отрицательное отношение к ливневым осадкам достигает максимальной эмоциональной оценки со знаком «минус». Следует отметить, что фразеологизмы с существительным *grain* возникли в конкретной социально-профессиональной среде и являются мотивированными для представителей, прежде всего, «морских» профессий во Франции. Лексема *giboulée* ('внезапный дождь с градом или снегом, сопровождаемый ветром') во фразеологии приобретает отрицательное коннотативное значение и переходит во фразеосемантическое поле 'оценка жизненной ситуации': *giboulée de mars* 'мимолетная невзгода'. Существительное *neige*, номинирующее концепт *снег*, образовало большое количество фразеологизмов (нами было найдено 17 выражений), многие из которых также семантически ориентированы на человека. Анализ выражений, входящих в номинативное поле данного концепта, показывает, что фразеолекса *neige* является частью фразеосемантических полей 'характеристика человека': *blanc comme neige* 'невинный, с незапятнанной репутацией', *sortir blanc comme neige* 'сохранить незапятнанную репутацию'; 'изменение настроения человека': *monter le blanc en neige* 'поднять дух'; 'поведение человека': *faire cas de qch comme des neiges d'antan* 'не придавать никакого значения чему-либо'; 'оценка действий человека': *il en faut autant qu'il faut de pelotes de neige à chauffer un four* 'это абсолютно бесполезно, как мертвому припарка'; 'оценка жизненной ситуации': *s'en tirer blanc comme neige* 'выйти сухим из воды'. В сферу «Человек» в составе фразеологических единиц входит и лексема *grêle* (град). При переходе во фразеологическую систему языка она соотносится с фразеосемантическими полями 'характер человека': *c'est la grêle* – 'надоедливый, невыносимый человек', *méchant comme la grêle* – 'злощущий'; 'эмоциональное состояние человека': *craindre comme la grêle* – 'бояться как чумы'; 'характеристика поведения человека': *jeter de la grêle* – 'злословить, сплетничать, оговаривать'. Фразеологические значения перечисленных выражений имеют ярко выраженный негативный оттенок. Многими исследователями отмечается доминирующая роль *отрицательной оценочности* как «содержательной категории», выражаемой фразеологизмами (Райхштейн 1980, Burger 1982, Маккай 1978 и др.). В данном случае возникновение такого негативизма может быть мотивировано тем, что осадки данного вида, выпадающие на территории Франции, наносят вред экономике страны, опосредованно влияя на жизнь человека.

Рассмотренные нами универсальные черты фразеологизмов – антропоцентрическая направленность и преобладание отрицательной оценочности – присущи и разным выражениям номинативного поля концепта *туман*. Во всех фразеологизмах, где присутствует фразеолекса *brouillard* (туман), так или иначе «обвыгрывается» оптический признак одноименного денотата – 'ограничение видимости'. Некоторые из них при этом по семантическому признаку условно можно разделить на три основные группы: 1) выражения, значение которых характеризует зрительные способности человека – *voir à travers un brouillard* 'с трудом различать предметы', *n'y voir que du brouillard* 'ничего не разобрать', *avoir comme un brouillard sur les yeux* 'быть как в тумане, видеть что-либо неясно'; 2) фразеологические единицы, значение которых ха-

рактирует умственные способности человека – *avoir comme un brouillard sur l'esprit* 'быть как в тумане, плохо понимать', *voir à travers un brouillard* 'ничего не понимать в чем-либо', *n'y voir que du brouillard* 'ничего не разобрать', *être dans le brouillard* 'не разбираться в чем-либо'; 3) фразеологизмы, значение которых указывает на исчезновение кого-либо, характеризуя поведение человека, – *être dans le brouillard* 'скрыться, затеряться в толпе', *s'évanouir dans le brouillard* 'сбежать, смыться', *foncer dans le brouillard* 'смотать удочки, задать драпу'. В пределах каждой группы мы видим выражения, «атомарные словосочетания» которых различны, а «фразеосемемы» совпадают. Вслед за проф. Н. Н. Кирилловой, под атомарным словосочетанием мы понимаем такое словосочетание, лексемная структура которого предопределяется сформировавшимися в сознании народа установками и играет роль имени образа экстралингвистической ситуации из предметного мира [5, с. 29]. Согласно классификации, предложенной А. Г. Назаряном, перечисленные выше выражения можно отнести к фразеологическим вариантам и синонимам. Фразеологические варианты – это «закрепленные нормой разновидности фразеологической единицы, характеризующиеся единством образа и общностью смыслового содержания...», в отличие от фразеологических вариантов фразеологические синонимы построены на разных образах, следовательно, восходят к разным источникам [7, с. 245, 248]. Например, лексическими вариантами среди выражений, характеризующих поведение человека, являются фразеологизмы *être dans le brouillard*, *s'évanouir dans le brouillard*, *foncer dans le brouillard*. Выражения *voir à travers un brouillard* и *être dans le brouillard* представляют собой фразеологические синонимы. Анализ перечисленных выше фразеологизмов показывает также, что некоторые из них полисемичны, например: *voir à travers un brouillard* – 1) с трудом различать предметы; 2) ничего не понимать в чем-либо; или *être dans le brouillard* – 1) скрываться; 2) не разбираться в чем-либо. Полисемия, наряду с вариативностью и синонимией, относятся к области фразеологических **универсалий**, хотя рядом исследователей отмечается, что полисемия во фразеологии это относительно редкое явление. Развитие многозначности во фразеологических единицах обусловлено как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Она, как правило, является результатом вторичного семантического преобразования, но «чем шире семантика фразеологизма, тем менее вероятно наличие полисемии» [8: 98]. В номинативных единицах рассматриваемой фразеологической парадигмы мы видим, что значение выражений, характеризующих зрительные способности и поведение человека, строится на образе экстралингвистической ситуации из сферы «Человек и окружающий его мир» и отражает физическое воздействие денотата концепта на индивида. В результате переосмысления данных выражений возникает второе значение фразеологических единиц, фразеосемемы которых репрезентируют умственные возможности человека. Например, одно из значений фразеологизма *être dans le brouillard* 'скрыться, затеряться в толпе' строится на представлении о тумане как явлении, физические свойства которого препятствуют нормальному зрительному восприятию предметов. Другое значение этого выражения возникает в процессе метафорического переноса: воздействие тумана на физические возможности человека переосмысливается и переносится на интеллектуальные способности индивида.

Изучение идиотнического компонента фразеологической картины мира предполагает выявление национальных особенностей ФЕ. Одним из основных понятий во фразеологии является понятие фразеологического образа – «того наглядного представления, своего рода «картинки», на фоне которой мы и воспринимаем это целостное значение как обобщенно-переносное...» [9, с. 58]. Именно фразеологический образ, как правило, и включает в себе национально-культурную специфику фразеологизма. Выделяют три уровня, на которых проявляется идиотничность фразеологических единиц: 1) в совокупном фразеологическом значении; 2) в значении отдельных лексических компонентов; 3) в прямом значении свободного словосочетания, которое

было образно переосмыслено [10, с. 122]. Например, фразеосемема выражения '*neige au blé est bénéfique comme au vieillard la pelisse*' (много снега – много хлеба) позволяет установить тот же когнитивный признак, что и его русский вариант – 'снег – благоприятное явление для получения хорошего урожая хлеба'. Данный признак коррелирует с *оценочной* и *утилитарной* зонами интерпретационного поля концепта *снег*, отражая положительное прагматическое отношение к соответствующим осадкам. Однако состав атомарного словосочетания демонстрирует разницу в образном восприятии действительности русским и французским народами: атомарное словосочетание французской поговорки – 'снег на пшенице так же нужен как старому человеку пальто'. Но часто именно фразеосемема (содержание выражения) отражает специфику фразеологического образа. Так, во фразеологии лексема *pluie* может приобретать значение «избыток»: *pluie d'or* 'избыток щедрости при соблазнении кого-либо'. Когнитивный признак 'избыток', реализуемый данным выражением, свидетельствует о том, что в сознании человека образ дождя ассоциируется с чрезмерно большим количеством. Этот признак обнаруживается и в содержании концепта *дождь* при анализе русских фразеологических единиц. Но для национального менталитета французского народа *pluie d'or* – это также особый вид ткани и многочисленные разноцветные искры: "*Le curé était revêtu d'une magnifique chasuble d'étoffe dite pluie d'or (Ségur, Auberge ange gard, 1863, p. 343)*". Появление специфических образных ассоциаций, как правило, обусловлено конкретными экстралингвистическими факторами. Например, фразеологические единицы с лексемой *neige*, в которых она соотносится с семантической сферой «отдых», придают национальный колорит французской фразеологической картине мира: *vendre de la neige* 'предлагать жилье любителям зимнего спорта', *train de neige* 'поезд, везущий людей на зимний отдых'. Такие образные значения могли появиться в горных районах Франции, где даже в разгар лета на больших высотах сохраняется снег. В этих местах для любителей зимних видов спорта открываются курорты, поэтому появление данных фразеологизмов мотивировано совершенно определенными социально-экономическими и климатическими условиями.

Анализ фразеологизмов номинативного поля концептов *атмосферные осадки* позволяет установить дополнительные периферийные признаки концептов, которые легли в основу метафорических образов исследуемых выражений. Фразеологизмы номинативного поля концептов *атмосферные осадки* характеризуются такими универсальными чертами как невыводимость целостного значения идиомы из суммы лексических компонентов, антропоцентрическая направленность, преобладание отрицательной оценочности в значениях, полисемия, синонимия и вариативность. Можно сказать, что идиозтичность фразеологизмов также относится к универсальным свойствам фразеологии, но проявляются эти свойства по-разному, что мы видим на примере исследуемых выражений. Ключевая лексема *précipitations*, вербализующая абстрактный концепт *атмосферные осадки*, не участвует в создании фразеологизмов. Наибольшее число фразеологических единиц образовали существительные, вербализующие концепты *дождь* и *снег*, отличающиеся коммуникативной релевантностью и имеющие более конкретный характер. Данный факт доказывает, что в основе фразеологического образа, как правило, лежит чувственный образ, полученный в процессе перцептивного восприятия и носящий конкретный характер. Компоненты фразеологического поля «Атмосферные осадки» демонстрируют, что образы, объективирующие универсальные когнитивные признаки концептов, возникают на основе общечеловеческого знания о свойствах окружающего мира. Идиозтичность исследуемых концептов раскрывается благодаря анализу национально-культурного компонента фразеологической парадигмы, наличие которого может быть обусловлено избирательностью мышления народа, его культурным и духовным опытом, особенностью обозначаемой реалии.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова: монография / Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 2006. – 228 с.
2. Жернакова Е. С. Концепт как предмет изучения современных гуманитарных дисциплин: методы и перспективы исследований / Е. С. Жернакова // Актуальные вопросы внешней и внутренней лингвистики. – Сб. ст. преподавателей и аспирантов. Отв. ред. – проф. А. А. Волков. М., 2006 г. – С. 5 – 23.
3. Алефиренко Н. Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма: монография / Н. Ф. Алефиренко. – Белгород: Издательство БелГУ, 2008. – 152 с.
4. Попова З. Д. Когнитивно-семантический анализ языка. Монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2006. – 226 с.
5. Кириллова Н. Н. Фразеология романских языков: этнолингвистический аспект: Монография / Н. Н. Кириллова. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. – Ч. 1: Природа и космос. – 319 с.
6. Диброва Е. И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке / Е. И. Диброва. – Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1979. – 192 с.
7. Назарян А. Г. Фразеология современного французского языка / А. Г. Назарян. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высшая школа, 1987. – 288 с.
8. Добровольский Д. О. К проблеме фразеологических универсалий / Д. О. Добровольский // Филологические науки. – 1991. – № 2. – С. 95 – 103.
9. Телия В. Н. Основные постулаты лингвокультурологии / В. Н. Телия // Филология и культура / Отв. ред. Н. Н. Болдырев. В 3 ч. Ч. III. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 1999. – С. 14 – 15.
10. Арсентьева Е. Ф. Национальная культурная специфика фразеологических единиц / Е. Ф. Арсентьева // III Межд. Бодуэн. чтения (Казань, 23-25 мая 2006 г.): труды и мат. в 2-х т. – Казань, 2006. – Т. 2. – С. 122 – 124.

PHRASEOLOGICAL IMAGE AS THE REFLECTION OF THE UNIVERSALITY AND THE IDIOETHNIC PECULIARITIES OF THE WORLD-VIEW

S. A. Moisseeva
J. E. Lomonosova

*Belgorod National
Research University*

e-mail:
moisseeva@bsu.edu.ru
julyalomonosova@yandex.ru

In this article the ways of the phraseological verbalization of the concepts which denote the atmospheric phenomena are considered. As a result of this particular examination of the figurative reconsideration of the cognitive signs of the concepts in question by the native French speakers the universal features and the national peculiarity of the phraseological units have been determined.

Key words: linguistic world-view, concept, phraseological paradigm.

УДК 81'373.43, 811.112.2

ОБРАЗОВАНИЕ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ ОТ ОСНОВ ЗАИМСТВОВАННЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДА

О. А. Никитина

Тульский
государственный
педагогический
университет
им. Л. Н. Толстого

e-mail:
kortchigo@mail.ru

В статье рассматриваются особенности образования новых производных слов от основ заимствованных лексических единиц в немецком языке новейшего периода, устанавливаются наиболее продуктивные словообразовательные модели для различных частей речи, выявляется специфика производящих основ иноязычного происхождения, раскрывается косвенное влияние заимствований на словообразовательную систему немецкого языка.

Ключевые слова: словообразование, заимствование, неологизм, производное слово, заимствованная основа.

Современный немецкий язык находится под сильным влиянием английского языка, о чем свидетельствует непрерывно растущее количество лексических заимствований. Основной причиной интенсификации процессов заимствования является, скорее всего, глобализация – процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции и унификации. Важную роль играют также такие факторы как: ведущая роль США в политике, экономике, науке и индустрии развлечений; доминирование английского языка в различных общественных сферах; повсеместное распространение компьютерных технологий и связанное с этим колоссальное ускорение распространения информации; совершенствование знаний английского языка среди немецкоязычного населения; пассивно-выжидательная позиция немецкого лингвокультурного сообщества по отношению к англоязычным заимствованиям, бездеятельность языковой политики и др.

Активное использование заимствованных слов в различных сферах коммуникации способствует развитию их деривационного потенциала, возникновению на их основе новых лексических единиц различных структурно-семантических типов. Взаимодействие процессов словообразования и заимствования в современном немецком языке проявляется, прежде всего, в повышении продуктивности исконно немецких словообразовательных моделей. От основ заимствованных слов образуются производные глаголы и глагольные единицы, производные существительные и прилагательные по традиционным словообразовательным моделям, также активно используемым для словопроизводства от основ собственно немецких слов. В качестве производящих чаще всего выступают основы заимствованных глаголов и существительных, реже – основы прилагательных и наречий.

Предметом исследования в данной статье стали новые производные лексемы немецкого языка, образованные от основ заимствованных лексических единиц. Языковой материал почерпнут большей частью из словаря неологизмов немецкого языка [12; 13], а также выявлен путем собственных наблюдений над неологическим материалом и корпусного анализа [5].

Образование глаголов и глагольных единиц

Весьма показательным в плане взаимодействия процессов словообразования и заимствования является массив глаголов и глагольных единиц. Путем заимствования новых непроемных глаголов, таких как *bladen*, *carven*, *chatten*, *dissen*, *hupen*, *mailen*, *tobben*, *outen*, *piercen*, *raften*, *scrollen*, *taggen*, *walken*, *zappen* и пр. [12; 13] в немецкий язык поступает большое количество непроемных глагольных основ, которые в дальнейшем могут быть использованы для образования производных глаголов и глагольных единиц с предложными и местоименно-наречными частицами. При

этом со стороны языка-источника (т. е. английского) речь может идти как о простых, так и о фразовых глаголах. Как показывает анализ неологического материала, именно глаголы с непроизводными заимствованными основами обнаруживают высокую активность в немецком глагольном словообразовании. Одновременно заметим, что непроизводные глаголы с англоязычными основами могут появляться не только путем непосредственного заимствования, но и с помощью конверсии от основ соответствующих существительных в немецком языке.

Основы непроизводных глаголов англоязычного происхождения активно участвуют в образовании производных глаголов путем префиксации (*dealen* → *verdealen*) и в образовании глагольных единиц с предложными и местоименно-наречными частицами (*dissen* → *zurückdissen*). Комбинаторных ограничений, связанных со статусом англицизма, не наблюдается [15, с. 77]. Во многих случаях словообразование служит с семантической точки зрения для указания на интенсификацию или для пояснения обозначаемого действия. При этом словообразовательные модели с участием предложных и местоименно-наречных частиц используются значительно чаще, чем префиксация. Ср.:

carven - *heruntercarven, hinuntercarven, loscarven, runtercarven*;
checken – *abchecken, auschecken, einchecken*;
chillen – *abchillen, ausschillen, durchchillen, nachchillen, verchillen*;
dissen – *wegdissen, zurückdissen*;
googeln – *abgoogeln, angoogeln, ausgoogeln, begoogeln, durchgoogeln, ergoogeln, nachgoogeln*;
mobben - *herausmobben, rausmobben, wegmobben*;
piercen - *zupiercen*;
scrollen - *durchscrollen, herunterscrollen, weiterscrollen*;
sprayen – *ansprayen, besprayen, einsprayen, versprayen*;
stylen – *durchstylen, hochstylen, überstylen, umstylen, wegstylen*;
taggen – *rumtaggen, zutaggen*;
zappen - *durchzappen, herumzappen, wegzappen, weiterzappen*.

Заимствование английских фразовых глаголов зачастую сопровождается частичной субституцией компонентов исконно немецкими предложными и местоименно-наречными частицами: *to space out* → *abspacen*, *to flip out* → *ausflippen*, *to pop up* → *aufpoppen*. Также и здесь не в каждом случае можно быть уверенным в том, действительно ли глагол в немецком языке возник путем заимствования и частичной субституции, имеет ли место полигенезис или же синонимичный глагол в немецком языке обусловил появление нового образования по аналогии, как, возможно, это имеет место в парах *abspacen* – *abheben*, *besprayen* – *besprühen*.

Нам представляется необходимым на примере глагола *mailen* (неологизма 1990-х гг. прошлого столетия) показать, по каким принципам осуществляется образование новых производных префиксальных глаголов и глагольных единиц с заимствованными основами в современном немецком языке. При этом определяющими являются, прежде всего, два фактора: значение глагольной основы, с одной стороны, и массив уже бытующих в немецком языке глаголов и глагольных единиц, с другой. На основе корпусного анализа был выявлен целый ряд производных глаголов с рассматриваемой основой (*bemailen, ermailen, vermailen, zemailen*), а также глагольных единиц (*abmailen, anmailen, ausmailen, durchmailen, einmailen, hintermailen, mitmailen, nachmailen, übermailen, ummailen, untermailen, vormailen, zumailen, herummailen, weitermailen, zurückmailen*).

Глагол *mailen* имеет значение ‚отправить сообщение с помощью электронной почты’. Центральными концептуальными признаками этого современного способа обмена информацией являются ‚письменно обращаться к кому-либо, вводить в компьютер сообщение, рассчитывать на мгновенный ответ на основе высокой скорости передачи, обмениваться несколькими сообщениями за короткое время, выполнять действия, сходные с телефонной связью’. Как показывает анализ языкового материала,

глаголы и глагольные единицы, образованные от основы *mailen*, фокусируют внимание на том или ином признаке рассматриваемого концепта или же дополняют его другими признаками. При этом они опираются на семантически коррелятивные немецкие глаголы, которые предоставляют в распоряжение сопоставимые концепты, например, *jemandem schreiben* или *etwas senden*, *etwas mitteilen*, а также *mit jemandem kommunizieren*, *sich unterhalten*. Проиллюстрируем эту мысль сопоставлением следующих глагольных пар:

jemanden ermailen – *jemanden erreichen*;
etwas vermailen – *etwas verschicken/ versenden*;
etwas zermailen – *etwas zerreden*;
jemanden anmailen – *jemanden anschreiben*;
etwas ausmailen – *etwas aussenden*;
etwas durchmailen – *etwas (telefonisch) durchgeben*;
etwas einmailen – *etwas eintragen/ eingeben*;
etwas übermailen – *etwas übersenden*;
etwas nachmailen – *(in einen Text) nachtragen* или *etwas nachschicken*;
etwas ummailen (herummailen) – *etwas herumschicken*;
sich untermailen – *sich unterhalten*;
etwas vormailen – *voranmelden/ vorabfragen/ vorfühlen*;
etwas zumailen – *etwas zuschicken*.

Данные языкового анализа подтверждают наблюдение Л. Эйхингера [7, с. 26] о доминирующей роли производных префиксальных глаголов и глагольных единиц в процессе языкового кодирования понятийных схем. Очевидно, что «ксеногенность» глагольной основы ни в коей мере не устанавливает ограничений на функционирование отглагольных новообразований.

Основа глагола *emailen*, также функционирующего в немецком языке, напротив, практически не используется в образовании глаголов и глагольных единиц. Здесь, по-видимому, играют роль, фонетические (просодические) причины.

Займствованные глаголы со сложными основами в языке-источнике, такие как *downloaden*, *updaten*, *outsourcen*, как правило, не участвуют в образовании новых глаголов и глагольных единиц в немецком языке. Нами зарегистрированы лишь отдельные случаи использования основ этих глаголов в словообразовании: *mitdownloaden*, *mitupdaten*, *nachdownloaden*.

Суффиксальная деривация от глагольных основ, как известно, значительно менее выражена в немецком языке. В новообразованиях используются преимущественно суффиксы *-ier(en)* с вариантами *-isier(en)*, *-ifizier(en)*. Англоязычные глаголы получают эти суффиксы в немецком языке, если их основы имеют греко-латинское происхождение, и в английском языке они оканчиваются на *-ate*, *-ify*, *-ize/ise*, например: *to computerize* – *computerisieren*, *to globalize* – *globalisieren* (причем в этих случаях нельзя быть полностью уверенным в ходе заимствования через английский язык). В некоторых случаях указанные суффиксы получают также простые англоязычные глаголы с основами романского происхождения (*limitieren*, *trainieren*).

Наряду с префиксацией, суффиксацией и образованием глагольных единиц с предложными и местоименно-наречными частицами в немецком языке получает под влиянием английского языка распространение такой словообразовательный способ, как регрессивная деривация или обратное словообразование. Сложные существительные на *-ing*, заимствованные из английского языка, во многих случаях детерминируют образование глагола путем регрессивной деривации. Например: *Powerwalking* → *powerwalken*, *Nordicwalking* → *nordicwalken*, *Mountainbiking* → *mountainbiken*, *Windsurfing* → *windsurfen*), ср. индигенные образования *Kopfrechnen* → *kopfrechnen*, *Lehnbildung* → *lehnbilden*, *Schleichwerbung* → *schleichwerben*. Это касается и некоторых существительных на *-er*, например: *Globetrotter* → *globetrotten*, *Bodybuilder/Bodybuilding* → *bodybuilden*. Регрессивной деривации могут подвергаться и гибридные

существительные с автохтонным и заимствованным компонентами, ср.: *Blutdoping* → *blutdopen*, *Inselhopping* → *inselhoppen*. Такой способ словообразования продуктивен также и в английском языке. Х. Шмид [14, с. 217] приводит такие примеры, как *sunbathing* → *to sunbathe*, *sightseeing* → *to sightsee*. Поэтому необходимо отметить, что глагольные новообразования, возникшие путем регрессивной деривации, могли быть образованы уже в английском языке и лишь затем заимствованы в немецкий язык.

В целом в немецком языке на современном этапе его развития, как показывают наблюдения над языковым материалом, значительно преобладают существительные на *-ing* по сравнению с глаголами с теми же основами. Так, С. Лоскант [11] приводит около 70 существительных и только 7 глаголов: *Bombing* – *bomben*, *Briefing* – *briefen*, *Carving* – *carven*, *Debugging* – *debuggen*, *Outsourcing* – *outsourcen*, *Sampling* – *samplen*, *Scratching* – *scratchen*. Такое расхождение в цифрах позволяет предположить, что образование новых глаголов осуществляется непосредственно в самом немецком языке.

Другим способом возникновения новых глаголов с заимствованными основами является словообразовательная конверсия. Конвертированные глаголы образуются в немецком языке от субстантивных и адъективных основ, как простых (*fischen*, *kürzen*), так и сложных (*schauspielern*), а с недавнего времени и от сложносокращенных основ (*TÜV* → *tüven*). Также и англицизмы могут без ограничений подвергаться конверсии. Существительные с простыми, сложными и даже сложносокращенными основами выступают в качестве исходных баз для образования новых глаголов (*Flashmob* → *flashmobben*, *Kickboard* → *kickboarden*, *Podcast* → *podcasten*, *Snowboard* → *snowboarden*, *SMS* → *simsen*, *MMS* → *mimsen*, *WAP* → *wappen*).

Префиксальная деривация и образования глагольных единиц от субстантивных основ выражена в значительно меньшей степени, ср.: *verslumen*, *versnoben*, *aufgaben*, *aufpreppen*.

Большим количеством простых глагольных основ англоязычного происхождения, пришедших в немецкий язык за последние несколько лет, объясняется, по-видимому, и другой феномен немецкого словообразования, получивший распространение в недавнее время, а именно сокращение сложных основ англоязычного происхождения до простых глагольных основ путем усечения одного из исходных компонентов, например: *downloaden* → *downen*, *inlineskaten* → *inlinen*, *kitesurfen* → *kiten*, *uploaden* → *urpen*. В большинстве случаев такие глаголы с усеченными основами служат неформальной коммуникации в частной сфере, и их образование объясняется, по-видимому, принципами языковой экономии. Некоторые из них, однако, становятся устойчивыми единицами словарного состава, например, *inlinen*, *kiten* [12; 13]. Образование новых глаголов путем усечения элемента исходной сложной или производной основы может быть объяснено стремлением к уподоблению глаголам с простыми основами, массово поступающих в немецкий язык новейшего периода. Й. Эрбен называет возможность присоединения к классу глаголов с простыми основами «стимулирующим фактором для появления сокращенных форм» [8, с. 93, перевод наш – О. Н.]. Продуктивность данного словообразовательного типа подтверждают сокращенные формы от основ собственно немецких глаголов, встречающиеся в текстах немецких чатов: *fotografieren* → *foten*, *funktionieren* → *funzen*, *installieren* → *insten*, *programmieren* → *proggen*, *registrieren* → *reggen*, ср. русск. разг. *фотать/фоткать* ← *фотографировать*, *ксерить* ← *ксерокопировать*.

Образование производных существительных и прилагательных

В области образования производных существительных от основ заимствованных лексических единиц можно выделить несколько групп. Самая многочисленная из них – это отглагольные существительные, прежде всего, *nomina agentis* и *nomina instrumenti*, образованные от основ заимствованных глаголов с помощью суффикса *-er*. Например: *bladen* → *Blader*, *bloggen* → *Blogger*, *carven* → *Carver*, *casten* → *Caster*, *chaten* → *Chatter*, *downloaden* → *Downloader*, *emailen* → *Emailer*, *inlineskaten* → *Inlineska-*

ter, mobben → *Mobber*, *nordicwalken* → *Nordicwalker*, *outsourcen* → *Outsourcer*, *piercen* → *Piercer*, *raften* → *Rafter*, *raven* → *Raver*, *roamen* → *Roamer*, *rollenbladen* → *Rollerblader*, *scratches* → *Scratcher*, *skypen* → *Skyper*, *slacken* → *Slacker*, *spammen* → *Spammer*, *taggen* → *Tagger*, *voipen* → *Voiper*, *wakeboarden* → *Wakeboarder*, *walken* → *Walker*, *zapfen* → *Zapper* и др.

Во многих случаях, однако, весьма затруднительно определить, какой языковой процесс лежит в основе нового производного слова – процесс словообразования или процесс заимствования. Отнесение таких *nomina agentis* и *nomina instrumenti* к категории словообразования или заимствования осложняется тем, что в языке-источнике (английском) также имеется слово – имя деятеля или название орудия действия, формально и содержательно совпадающее с немецким словообразовательным продуктом.

В этом вопросе соответствующие словари не всегда являются надежными помощниками. С одной стороны, в словники словарей невозможно включить все новообразования, с другой стороны, разные словари неодинаково оценивают подобные спорные новации, как это можно проследить на примере лексем *Test*, *testen* и *Tester*. Согласно словарю англицизмов [2, с. 1515 – 1521] все три слова являются заимствованиями из английского языка. В словаре иностранных слов [6, с. 196] *testen* рассматривается как производный глагол, образованный в немецком языке от ранее заимствованного существительного *Test*, а существительное *Tester* является немецким производным, возникшим под воздействием равнозначного англоязычного существительного *tester*. Причина различной трактовки состоит, как и в случае словосложения, в том, что оба языка располагают словообразовательными моделями конверсии ‚существительное → глагол‘ (*Test* → *testen*) и деривации со значением *nomina agentis* ‚глагол + суффикс *-er*‘ (*testen* → *Tester*), а анализ примеров употреблений допускает обе интерпретации. В словаре новой лексики немецкого языка 1990-х гг. XX в. допускается двойное толкование возникновения нового слова. Так, существительное *Chatter* интерпретируется как производное от ранее заимствованного глагола *chatten*, однако, с пометой: «*Chatter* kann auch als Lehnwort interpretiert werden (vgl. engl. *chatter*)» [13, с. 60].

В синхронном плане невозможно с определенностью классифицировать такие новые слова либо как заимствования, либо как продукты словообразования, так как у признания того или иного слова заимствованием из английского языка столько же оснований, сколько у классификации его как словообразовательного продукта в пространстве немецкого языка. По словам Л. П. Крысина, исследовавшего подобные случаи в лексике русского языка, «многие из этих альтернатив не имеют однозначного решения» [1, с. 197]. В таких случаях можно говорить либо о лексическом полигенезисе (параллельном независимом возникновении новых слов в обоих языках) [3, с. 40], так что в целях обновления словарного состава используется лексический материал, уже имеющийся в самом немецком языке, либо о возможном непосредственном заимствовании из английского языка, либо об усилении уже имеющейся в немецком языке тенденции лексического развития под влиянием английского языка [4, с. 94].

Nomina agentis образуются в современном немецком языке не только от основ заимствованных глаголов, но также от субстантивных и адъективных основ иноязычного происхождения, чаще всего с суффиксом *-er*, например: *Beachvolleyball* → *Beachvollerballer*, *Handyparken* → *Handyparker*, *Junkmail* → *Junkmailer*, *Streetball* → *Streetballer*, *all-inclusive* → *All-inclusivler*, *online* → *Onliner*, а также с интернациональными суффиксами латинского происхождения, например, *Streetart* → *Streetartist*.

От основ заимствованных *nomina agentis*, отмеченных в грамматическом плане мужским родом, образуются наименования лиц женского пола. Способом словообразования, специализирующим признак пола, является мовирование [9, с. 182] посредством суффикса *-in*. При этом маркированность наименований лица мужского рода по признаку пола проявляется только в сопоставлении с наименованиями лиц женского рода, в иных случаях мужские наименования, напротив, немаркированы и могут использоваться в номинации лиц обоих полов. Например: *Carsharer* → *Carsharerin*, *Ca-*

semanager → *Casemanagerin*, *Fundraiser* → *Fundraiserin*, *Handbiker* → *Handbikerin*, *Infotainer* → *Infotainerin*, *Loser* → *Loserin*, *Powerseller* → *Powersellerin*, *Shareholder* → *Shareholderin*, *Smartshopper* → *Smartshopperin*, *Stalker* → *Stalkerin*, *Teleworker* → *Teleworkerin*, *Traceur* → *Traceurin*, *Webmaster* → *Webmasterin* и др.

В немецком языке новейшего периода активно идет также образование наименований процессов или действий в предметном плане на *-isierung* преимущественно от основ слов иноязычного происхождения. В самом общем плане данные *nomina actionis* на *-isierung* обозначают процессы массового распространения в современном обществе того, что названо именной частью производящей основы, или же процессы наделения определенным свойством, названным в именной части производящей основы. Наблюдения над языковым материалом показывают, что новообразованные абстрактные существительные именуют в современном немецком языке, как правило, социально значимые процессы. Речь идет об изменениях, вызывающих большей частью скептическое отношение в обществе. Данный ряд отвлеченных существительных на *-isierung* имеет открытый характер. В большинстве случаев речь идет об окказиональных лексических инновациях, реализующих некую стилистическую цель и отмеченных доминированием определенной прагматической функции. В лексическом значении таких новообразований в большинстве случаев присутствует прагматический аспект, передающий преимущественно скептическое отношение говорящих к обозначаемому процессу. Так, новообразование *McDonaldisierung* обозначает существующую тенденцию к рационализации и низкоуровневой унификации процессов во многих общественных сферах по аналогии с всемирной сетью ресторанов быстрого питания «Макдоналдс». Употребляя обозначение *McDonaldisierung*, говорящий выражает свое критическое отношение к прогрессирующему в связи с процессом глобализации стремлению к рационализации и эффективности во многих областях жизни, что видится как всеобщее выравнивание и устранение разнообразия и индивидуальности. Ср., например: «Die Globalisierung regt zu einer stärkeren Besinnung auf die eigene Identität an. Die *McDonaldisierung* führt zu einer Gleichmacherei, in der alle Konturen und Spezifika verlorengehen» (Nürnberger Nachrichten, 17.09.2008).

Словообразовательная модель, по которой образованы данные лексические единицы, обладает большим деривационным потенциалом. Анализ языкового материала позволяет выявить весьма показательную тенденцию в исследуемый период: образование лексических инноваций рассматриваемого типа характеризуется существованием недостающих звеньев словообразовательной цепи. От подобных именных основ путем эксплицитной деривации с помощью суффикса *-isieren* могут быть образованы глаголы. Но реальная распространенность данных образований различна. Наиболее употребительны отвлеченные имена на *-isierung*, а глаголы на *-isieren* при этих отвлеченных существительных зачастую менее употребительны (например, *Eventisierung*, *eventisieren*) или вообще отсутствуют (например, *McDonaldisierung* при отсутствии глагола **mcDonaldisieren*).

Подобные новообразования определяются через производящее имя. Производящая основа имени играет при этом роль символа, условного прототипа, с которым в социуме связаны определенные представления, ассоциации. В процессе номинации происходит восстановление сложившегося под влиянием социальных условий и предшествующего опыта знания и экстракция наиболее существенных его элементов для образования имени нового концепта. Например: *Boulevardisierung* – ориентация средств массовой информации на развлечение широкой публики, главным образом посредством упрощенного и поверхностного изображения процессов, событий (*die Boulevardisierung des Fernsehens/ der Medien*); *Eventisierung* – превращение события в области искусства, науки, спорта или повседневной деятельности в крупное развлекательно-рекламное мероприятие (*die Eventisierung der Wissenschaften/ des Alltags/ Fußballs/ Museumsbetriebes*); *Yuppisierung* – процесс превращения городских кварталов или целых городов в элитные, предназначенные для преуспевающих и обеспеченных молодых людей (*Yuppisierung ganzer Stadtteile/ Hamburgs*).

Для полноты картины следует привести примеры производных существительных, образованных по другим продуктивным в современном немецком языке словообразовательным моделям от основ глаголов, прилагательных и существительных. Например: *twittern* → *Getwitter*, *Twittererei*; *podcasten* → *Podcasterei*; *Cybernaut* → *Cybernautik*; *Sequel* → *Sequelitis*.

В субстантивном словообразовании можно проследить также косвенное влияние английского языка. Большое число заимствованных существительных с непроизводными основами, такие как *Job*, *Boom*, *Shop*, *Bluff*, *Talk*, со словообразовательно-морфологической точки зрения соотносятся с эндогенными (собственно немецкими) отглагольными существительными, образованными по конверсии (ср. *Schlaf*, *Ruf*, *Ritt*). Это стимулирует конверсию как способ словообразования в немецком языке, что выражается в возникновении новых конвертированных существительных. Полагаем, что *nomina actionis*, относительно недавно возникшие по конверсии от основ немецких слабых глаголов – такие, как *Dreh*, *Schwenk*, *Stau*, *Treff*, *Kick* – образованы по аналогии с англоязычными заимствованиями с непроизводными основами.

Возрастающая продуктивность деривации с суффиксом *-i*, служащим преимущественно для образования неформальных наименований лиц в немецком языке (*Schlucki*, *Knacki*, *Knasti*, *Studi*, *Ersti*, *Grufti*, *Blondi*, *Hirni*) также может быть стимулирована относительно большим числом англицизмов с суффиксами *-y/ie* [10, 69ff.]. Из английского языка, например, были заимствованы *Groupie*, *Hippie*, *Junkie*, *Speedy*, *Teenie/ Teeny*, *Yuppie*, *Zombie* и пр. Как англицизмы, так и собственно немецкие новообразования обнаруживают большей частью гипокористические (неофициально-уменьшительные), иронические или даже пейоративные нюансы значения. Как в немецком, так и в английском языках эксплицитной деривации может предшествовать усечение исходной основы: *cabdriver* → *cabby*, *Student* → *Studi*. С помощью суффикса *-i* могут образовываться новые слова не только от основ существительных, но и от основ прилагательных, например: *schaff* → *Schlaffi*, *schwul* → *Schwuli*, *blöd* → *Blödi*.

От основ заимствованных лексических единиц образуются также прилагательные, например: *chillen* → *chillig*, *Cybernaut* → *cybernautisch*. Относительно широко распространены прилагательные с суффиксом *-bar*, образованные от основ заимствованных глаголов, например: *downloaden* → *downloadbar*, *googeln* → *googelbar*, *handeln* → *handelbar*, *outsourcen* → *outsourcbar*, *scrollen* → *scrollbar*, а также прилагательные с суффиксом *-mäßig*, образованные от основ англицизмов-существительных, например: *Flatrate* → *flatratemäßig*, *Skype* → *skypemäßig*, *Spam* → *spammäßig* и др.

Как показывает анализ неологического материала, английский язык в настоящее время усиленно воздействует как на словарный состав немецкого языка вообще, так и на функционирование его словообразовательной системы в частности. Основы заимствованных лексических единиц активно участвуют в образовании новых слов по традиционным словообразовательным моделям немецкого языка. Особенно интенсивно пополняется класс глаголов и глагольных единиц. Основы простых глаголов англоязычного происхождения активно участвуют в образовании немецких производных глаголов путем префиксации, а также в образовании глагольных единиц с предложными и местоименно-наречными частицами. Заимствование английских фразовых глаголов может сопровождаться заменой адвербиальных компонентов исконно немецкими предложными или местоименно-наречными частицами. Суффиксальная деривация от глагольных основ менее популярна в современном немецком языке. Под влиянием английского языка получает распространение такой словообразовательный способ, как регрессивная деривация от основ сложных существительных на *-ing*. Новые глаголы возникают от основ заимствованных лексических единиц также путем конверсии и сокращения сложных глагольных основ англоязычного происхождения до простых глагольных основ путем усечения одного из исходных компонентов.

В области образования производных существительных от основ заимствованных лексических единиц самую многочисленную группу представляют отглагольные

существительные типа *nomina agentis* и *nomina instrumenti*, образованные от основ заимствованных глаголов с помощью суффикса *-er*. Во многих случаях, однако, весьма сложно определить, какой языковой процесс лежит в основе нового производного слова – процесс словообразования или процесс заимствования. Имена деятеля образуются в современном немецком языке не только от основ заимствованных глаголов, но также от субстантивных и адъективных основ англоязычного происхождения. От основ заимствованных *nomina agentis*, характеризующихся в грамматическом плане мужским родом, образуются наименования лиц женского пола путем мовирования посредством суффикса *-in*. В немецком языке новейшего периода также активно идет образование наименований процессов или действий в предметном плане на *-isierung* преимущественно от основ слов иноязычного происхождения. Среди признаков имен относительно широко распространены прилагательные с суффиксом *-bar*, образованные от основ заимствованных глаголов.

Англицизмы воздействуют на словообразовательную систему немецкого языка и косвенным образом: присутствуя в словарном составе немецкого языка, они исполняют роль структурно-семантических образцов для развития продуктивных словообразовательных моделей. Большое количество заимствованных существительных с непроизводными основами стимулирует образование собственно немецких слова по конверсии от глагольных основ. Возрастающая продуктивность деривации с суффиксом *-i*, служащим преимущественно для образования неформальных наименований лиц в немецком языке, также может быть объяснена относительно большим числом англицизмов с суффиксами *-y/ie*.

Образование многочисленных производных слов от основ заимствованных лексических единиц является ярким свидетельством освоения их современным немецким языком. Использование лексических единиц иноязычного происхождения в целях дальнейшего развития словарного состава принимающего языка говорит о его жизнеспособности, высоком созидательном потенциале.

Список литературы

1. Крысин Л. П. Словообразование или заимствование / Л.П. Крысин // Лики языка: К 45-летию научной деятельности Е.А. Земской: сб. науч. ст. - М.: Наследие, 1998. - С. 196 – 201.
2. *Anglizismen-Wörterbuch. Der Einfluß des Englischen auf den deutschen Wortschatz nach 1945: словарь / Begründet von Broder Carstensen, fortgeführt von Ulrich Busse. – 3 Bde. – Berlin [u.a.]: de Gruyter, 1993 – 1996. – 193, 1752, – 42 S.*
3. Barz I. *Englisches in der deutschen Wortbildung* / I. Barz // Eichinger L., Meike M., Domínguez Vázquez M. J. (Hg.). *Wortbildung heute. Tendenzen und Kontraste in der deutschen Gegenwartssprache. – Tübingen: Gunter Narr, 2008. – S. 39 – 60.*
4. Carstensen B. *Evidente und latente Einflüsse des Englischen auf das Deutsche [Текст] / B. Carstensen // Fremdwortdiskussion. – München: Fink, 1979. – S. 90 – 94.*
5. COSMAS II – Cosmas Management and Analysis Systeme: корпус. – URL: [<https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/>] (дата обращения: 20.02.2011).
6. *Deutsches Fremdwörterbuch: словарь / Begonnen von Hans Schulz, fortgeführt von Otto Basler, weitergeführt im Institut für deutsche Sprache, bearbeitet von Alan Kirkness, Elisabeth Link, Isolde Nortmeyer, Gerhard Strauß unter Mitwirkung von Paul Grebe. – Band 5: T. – Berlin [u. a.], 1981. – VI, – 580 S.*
7. Eichinger L. M. *Weltansicht in Wörtern. Vom Zweck und Nutzen verbaler Wortbildung* / L. Eichinger // Šimečková A., Vachková M. (Hg.). *Wortbildung, Theorie und Anwendung. – Praha: Karolinum, 1997. – S. 24 – 41.*
8. Erben J. *Einführung in die deutsche Wortbildungslehre* / J. Erben. – 5., durchges. und erg. Aufl. – Berlin: Schmidt, 2006. – 205 S.
9. Fleischer W., Barz I. *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache* / W. Fleischer, I. Barz. – Tübingen: Niemeyer, 2007. – 382 S.
10. Glück H., Sauer W.W. *Gegenwartsdeutsch* / H. Glück, W.W. Sauer. – Stuttgart, Wien: Verlag J.B. Metzler, 1997. – 190 S.
11. Loskant S. *Das Lexikon der Trendwörter: von Abzocke bis Zuwendungsempfänger: словарь / S. Loskant. – Gütersloh: Wissen Media Verlag, 2006. – 192 S.*

12. Neologismen der 90er Jahre: словарь. – URL: <http://www.owid.de/Neologismen/> - Дата обращения: 20.02.2011.

13. Neuer Wortschatz: Neologismen der 90er Jahre im Deutschen: словарь / Von Dieter Herberg; Michael Kinne; Doris Steffens. – Berlin [u. a.]: de Gruyter, 2004. – XXXVII, – 393 S.

14. Schmid H.-J. Englische Morphologie und Wortbildung. Eine Einführung / H.-J. Schmid. – Berlin: Schmidt, 2005. – 247 S.

15. Ziffonun G. Grammatische Integration jugendsprachlicher Anglizismen / G. Ziffonun // Deutschunterricht. – 2000. – Heft 4. – S. 69 – 84.

WORD-FORMATION OF NEW DERIVATIVES IN THE MODERN GERMAN LANGUAGE

O. A. Nikitina

*Tula
State
Lev Tolstoy
Pedagogical
University*

*e-mail:
kortchigo@mail.ru*

In the article, the peculiarities of word-formation of the new derivatives from the borrowed stems in the modern German language are considered, the most productive word-formation models for different word classes are defined, the specificity of borrowed stems is educed, and the indirect influence of loan-words on the word-formation system of German is revealed.

Key words: word-formation, borrowing, neologism, derivative, borrowed stem.

ЭМОТИВНОСТЬ РОМАНТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Т. Г. Ренц

*Волжский
гуманитарный
институт (филиал)
Волгоградского
государственного
университета*

*e-mail:
trents@yandex.ru*

Статья посвящена проблеме эмотивности романтического дискурса. Анализируются разнообразие лексические и грамматические эмотивные единицы, эксплицирующие эмоции романтических партнеров в процессе общения. Выявляется эмоциогенный характер рассматриваемых эмотивных знаков.

Ключевые слова: романтический дискурс, эмотивность, эмоциональность, эмотивная функция.

Языковые структуры, в которых выражаются эмоции и оценки, достаточно подробно исследованы как в отечественном, так и зарубежном языкознании. В этой связи особо следует отметить работы Н. Д. Арутюновой, А. Н. Баранова, Е. М. Вольф, В. Г. Гака, В. Н. Телия, В. И. Карасика, В. И. Шаховского, А. Wierzbicka, Р. Ekman, С. Е. Izard и др. В них дается тщательный анализ языковых и речевых репрезентаций эмоций и оценок в высказывании и тексте. Эмотивность играет важную роль и в организации дискурса, поскольку любое слово дискурсивно и может быть эмоционально заряженным. Отсюда естественный интерес к рассмотрению вопроса о реализации эмоций в различных типах дискурса, в частности, политическом, медиальном, научном, профессиональном и т. д. [В. В. Жура, В. И. Шаховский, Е. И. Шейгал и др.]. Вместе с тем, не получил, на наш взгляд, должного рассмотрения в этом аспекте романтический дискурс. Цель статьи заключается в том, чтобы восполнить этот пробел и выявить организующую роль и специфику эмоций в романтическом дискурсе.

Аксиоматичным является утверждение, что эмоциональная составляющая человеческого сознания противопоставляется интеллектуально-логической. В этой связи можно утверждать, что метаязыковое сознание закрепило представление о романтическом дискурсе как межличностном общении, в котором эмоции превалируют над рассудком. Иначе говоря, мы исходим из того, что эмоциональный фактор играет существенную роль в исследуемой коммуникации, а наличие эмоциональных проявлений в ней является облигаторным. Несомненно, разные типы дискурса различаются по степени проявления эмотивности, типам эмоций, их характеру, каналам и средствам реализации в процессе общения и т. д. Можно предположить, что романтические партнеры проявляют как положительные, так и отрицательные эмоции, такие как восхищение, нежность, привязанность, сопереживание, любовь к партнеру, ревность и т. д. Однако следует признать, что вести речь о каких-либо специфических «романтических» эмоциях представляется неправомерным, поэтому мы остановимся на рассмотрении универсальных эмоций, реализующихся в романтическом общении.

В процессе взаимодействия интерактанты осознают «присутствие» друг друга, вследствие чего их коммуникативное поведение подвергается изменениям. Во-первых, можно наблюдать переориентацию индивида в пространстве и времени, называемое в психологии «объективным самоосмыслением», а во-вторых, вербальное поведение участников романтического взаимодействия становится «вынужденным, то есть связанным с ограничениями, вызванными «наличием» другого индивида» [1, с. 31]. Вследствие этого, апелляция к эмоциям является мотивирующим фактором воздействия на собеседника в процессе общения.

Анализ материала показал, что для романтической коммуникации характерны два кластера эмоций. Позитивные эмоции передают любовь, радость, счастье, страсть,

нежность, сердечность и др., и, как правило, превалируют в общении романтических партнеров. Негативные, то есть неприязненные эмоции, к числу которых относятся ревность, зависть, неуважение, реже гнев, ярость и т.д., также могут иметь место в общении романтических партнеров, однако демонстрация таких эмоций не согласуется с успешной коммуникацией, они приводят к нестабильности в отношениях. Отсюда следует, что, если целью романтических партнеров является сохранение, поддержание соответствующих отношений, то интерактанты в большем объеме будут выражать позитивные эмоции по отношению к собеседнику, нежели негативные. Добавим также, что особый тип интимно-личностного общения способствует формированию креативной многомерности, вариативности речевого поведения, в котором в распоряжении романтических партнеров находится широкий спектр имеющихся эмотивных средств для реализации своих интенций. Иными словами, в дискурсивной деятельности личность романтического партнера раскрывается во всей своей полноте.

В эмотиологии, как известно, различается *выражение* эмоций и *сообщение* о них: выражаются эмоции интонацией, особыми лексическими средствами, эмотивными предложениями, которые могут иметь как специфическую структуру, так и представлять собой переосмысление структур, обычно используемых для описания событий. Сообщение об эмоциях и оценках обнаруживается, как правило, в предложениях, описывающих переживания третьего лица, либо первого лица в настоящем времени. С этой целью используются специфические способы, например, описание жестов, сопровождающих выражение чувств, и т. д. [2; 3; 4; 5 и др.].

Как справедливо замечает А. Хеллер, эмоции всегда когнитивны и ситуативны [6, с. 172], из чего следует, что и выбор языковых средств репрезентации эмоций тоже ситуативен. Вербально-знаковым оформлением типических ситуаций взаимодействия людей, как известно, являются речевые жанры, исследованию которых были посвящены многочисленные труды отечественных ученых (Н. Д. Арутюнова, А. Вежицка, К. Ф. Седов, Т. В. Шмелева и др.). Мы рассмотрим лишь те из них, в которых эмотивность проявляется наиболее ярко.

Известно, что знакомство осуществляется в условиях реального установления контакта и начинается с приветствия, коммуникативная цель которого заключается в привлечении внимания собеседника. Объективированные в доброжелательной манере, инициальная и ответная реплики приветствия обуславливают динамику развития романтического дискурса. На первый взгляд, в таком жанре, как приветствие трудно обнаружить эмотивные компоненты, однако наш анализ доказывает обратное. Специфика эмотивности в нем проявляется в том, что в процессе общения происходит изменение его [жанра] эмоциональной тональности, которая связана с изменениями характера общения в целом, его интимизацией.

В жанре приветствия адресант актуализирует его главную функцию – инициировать речевой контакт с потенциальным романтическим партнером. Важное условие осуществления данного речевого акта, по мнению Дж. Р. Сёрля, заключается в том, «что произнесение данного высказывания свидетельствует об учетном признании слушающего говорящим» [7]. Автором приветствия в романтической коммуникации является человек, проявляющий интерес к «другому». Эмотия *interest* входит в состав базовых эмоций, выделяемых зарубежными исследователями [8; 9 и др.]. В намерения инициатора романтического общения входит: 1) произвести впечатление на собеседника, вызвать интерес к своей персоне; 2) установить контакт с собеседником и направить свои усилия на его поддержание. Решение первой задачи, таким образом, обуславливает продуцирование инициальной реплики приветствия. Оно должно быть репрезентировано такими языковыми средствами, которые помогут реализовать вторую часть этой цели, то есть поддержать контакт с собеседником. Иными словами, приветствие должно быть в достаточной степени эмотиогенным, чтобы была реализована задача поддержания контакта.

В коммуникативных ситуациях, в которых реализуется жанр приветствия, предпочтение одних языковых средств другим определяется, прежде всего, его коммуникативно-прагматическими характеристиками. Результат жанра приветствия находит свое отражение в перлокутивном эффекте, то есть «воздействии на <...> поведение или эмоциональное состояние адресата» [10, с. 70]. В романтическом общении в условиях возможности обратной связи перлокутивный эффект приветствия выражается в виде аналогичного (эмотивного) ответного приветствия или любой другой формы ответной реакции. Эмоциогенность приветствия, предпочтение того или иного способа реагирования (или игнорирование приветствия) могут быть обусловлены как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. К первым мы относим языковые способы и приемы приветствия, используемые адресантом, ко вторым – условия, в которых протекает общение (контактность, определенная социальная дистанция, визуализация, одномоментность, непрерывность и др.). Критериями верности выбора языковых единиц, реализующих жанр приветствия, являются результативность и эффективность воздействия на партнера по общению.

Исследование показывает, что наиболее распространенной формой приветствия в ситуациях знакомства потенциальных романтических партнеров является формула *hello*, причем нередко с использованием семы лица. Ср.: “**Hello, Joshua,**” *she said sweetly. “It’s wonderful being here, especially since you appear to be such pleasant company.”* (J. Connor. Jasmine. www).

В рассматриваемом примере посредством приветствия реализуется одна из максим – максима доброжелательности (она же максима симпатии) [11, с. 132 – 138], которая создает благоприятную атмосферу. О том, что приветствие эмотивно свидетельствует интонация, с которой она была произнесена – *she said sweetly*, а также последующая реплика собеседницы, содержащая в себе эмотивную лексику: **wonderful, such a pleasant company**.

Приветствия выступают в качестве языкового механизма регулирования дистанции общения, сигнализируя о возможности ее [дистанции] изменения. Подтверждением сказанного может служить и отсутствие такой формулы на более поздних этапах романтического общения, а также замены вербальной формы на невербальную (объятия, поцелуй). Ср.: *Dino had had a long and very trying nine months, but everything was compensated for when he looked up and saw the expression of incredulous, bewildered delight on Fen’s face, the expression on which left him in absolutely no doubt about how she felt.*

“**You’ve gone blond again,**” *she muttered.*

“**I know. I didn’t seem to score with grey hair.**”

“**Oh Dino, Dino!**” *she cried, and tumbled off Hardy into his arms. He kissed her fiercely she had no doubt of his feelings towards her* (J. Cooper. Riders, p. 863).

Анализ фрагмента показывает, что начало встречи Дино и Фенеллы после долгой разлуки прошло с «нарушением» этикетных правил: вместо традиционной формы приветствия собеседники используют высказывания, задающие тему будущей беседы. Языковое воплощение жанра (**You’ve gone blond again, I know, I didn’t seem to score with grey hair**) связано с реакцией на внешний вид одного из романтических партнеров. В конкретной эмоциональной ситуации преобладают эмоции коммуникантов, которые выражаются восклицаниями, синтаксическими повторами и проявляются в их невербальном поведении. Отсюда следует, что романтические партнеры могут отказаться от приветствий, демонстрируя значительное отступление от регламентаций и стереотипности, что, однако, не лишает эмоциональности ситуацию в целом.

Особенностью эмоций в исследуемом типе дискурса является то, что они всегда индивидуальны, лично направлены и реализуются в ситуациях, имеющих свой эмоциональный, интимно-личностный профиль. Вместе с тем, каким бы ни было индивидуальное выражение коммуникантом эмоций, существует набор клишированных средств, используемых в типизированных коммуникативных ситуациях. Помимо приветствий, одним из средств эксплицитного выражения эмоционального отношения к собеседнику являются обращения, которые не только задают определенный стиль об-

щения, но и вызывают у адресата определенные ожидания, дают ему соответствующую субкодовую информацию, в соответствии с которой он выводит прагматические инференции [12]. Такими средствами являются аффективы, понимаемые как эмотивы, значение которых для данного слова является единственным способом означивания отраженной эмоции без ее называния. К аффективам принято относить междометия и междометные слова, лексику обзывания и ласкания, бранную (нецензурную) лексику [5]. По утверждению В. И. Шаховского, говорящий, выражая свои эмоции, прежде всего выражает свое отношение к предмету речи, а не стремится вызвать какую-либо эмоцию у слушающего. Отсюда первичной функцией эмотивов автор считает эмоциональное самовыражение, утверждая также, что для него не всегда релевантно воздействует ли эмотив на слушающего или нет [там же]. Данное мнение, на наш взгляд, можно принять с оговоркой, поскольку в исследуемом типе коммуникации прагматика практически всегда входит в интенцию говорящего. Сказанное, в свою очередь, означает, что функция воздействия пресуппонируется эмотивным значением используемых эмотивных единиц и реализуется в тех случаях, когда при выражении эмоций присутствует цель. Такой целью может стать, например, изменение негативного эмоционального состояния собеседника на позитивное в конфликтной ситуации ссоры, то есть, когда речевые действия говорящего при обращении к адресату направлены на стимуляцию положительной эмоциональной поведенческой реакции. Анализ фактического материала показывает, что обращения, выраженные уменьшительно-ласкательными формами имен **Eddie, Billee (Billy), Maggie, Teddy, Jackie** и др., то есть формы обращений, не маркированные эмотивностью, но произнесенные с соответствующей интонацией, вполне могут быть использованы для решения данной цели, становясь, таким образом, интенциональными: *“Adam, if you were in trouble, you’d tell me, wouldn’t you?” questioned Charlie, growing concerned.*

“That would depend on the trouble,” he smiled, jokingly.

“Please be serious, for one moment,” pleaded Charlie.

“Charlie-girl,” Adam consoled her, “there’s nothing wrong. The only present trouble I have, can be solved with bug spray!”

Посредством обращения **Charlie-girl**, произнесенного с особой интонацией, говорящий реализует конкретное прагматическое значение, заключенное в предикате **consoled**. Иначе говоря, оно передает эмоцию утешения, конечным итогом которой является реализация интенции говорящего доставить удовольствие собеседнице.

Однако гораздо чаще с этой целью используются другие формы адресативов. К ним относятся контактные и дистантные повторы апеллятивов, формы, сопровождаемые притяжательным местоимением *my*, двойные (или тройные) обращения *sweet + имя, (my) lovely + имя, (my) dear + имя, little + имя, (my) dearest + имя* и др., субстантивированные формы прилагательных *darling, dear* и т.д., апеллятивы *baby, honey, sweet, sweetheart, sweetie, love, angel* и др., уменьшительно-ласкательные прозвища. В конкретной ситуации они реализуют конкретную прагматическую задачу.

Эмоциональные адресативы выступают в качестве коммуникативных единиц, имеющих ярко выраженную стратегическую направленность – оказать на адресата соответствующее эмоциональное воздействие. При этом эмоциональное содержание, «наведенное» на используемые говорящим обращения, порождает, на наш взгляд, эмоциональный эффект, ядро которого социально типично и выражается в положительном или отрицательном знаке эмоций и их модальности. Структура обращений определяется реальными свойствами конкретной ситуации, а также значимостью этих свойств для говорящего в момент речи. Варьирование языковых моделей обращений представляет собой важнейший источник информации об эмоциональном состоянии коммуникантов, поскольку их семантика демонстрирует коммуникативную близость, эмоциональную сензитивность по отношению к партнеру. Ср.: *“Honey, they will adore you,” says Henry. “You look perfect; a Nice Young Man.”* (A. Niffenegger. *The Time Traveler’s Wife*, p. 178).

“Angel,” he whispered so softly that she wasn’t sure she’d heard him correctly. ... Then, “Please...don’t leave me...Angel” [J. Connor. Jasmine. www]

For the first time since he arrived, her eyes met his.

“That’s all right, dear. You go and enjoy yourself,” she smiled sadly (Ch. Wharton. Losing. www).

“Pet, please, you look as if you are going to the electric chair.” (J. Cooper. Riders, p. 749).

“Darling little Fen, tell me what turns you on.” (J. Cooper. Riders, p. 658).

“Lovely lady, I’m sorry if I hurt you with my teasing.” (F. H. Arnold. Not My Will, p. 47).

Используемые формы адресации свидетельствуют об определенном эмоциональном настрое коммуникантов, который влияет на тональность их высказываний в целом. Одно можно утверждать с очевидностью, что подобные эмотивные варианты обращений, которые в наиболее чистом виде выражают эмоциональные интенции коммуникантов, эксплицируют особое отношение говорящего к собеседнику, улучшают эмоциональное состояние адресата, но главное, детерминируют аналогичное эмоциональное отношение со стороны слушающего, то есть имеют эмоциогенный характер.

Аксиоматичным считается утверждение, что одним и тем же словом, фразой можно выразить не только различные оттенки одной и той же эмоции, но и разные, даже противоположные эмоции [2; 5; 13 и др.]. При этом считается, что эмотивное значение слова не является отражением эмоций только данного говорящего; оно не является индивидуальным, а, наоборот, представляет собой обобщенное отражение эмоции. Сравним следующие примеры:

1) *“Goodbye, darling. I’ll see you in the fall.” Choking back the tears that were threatening to come, she drew his head down and kissed him, gave him a push through the gate, and almost ran away from the station* (F. H. Arnold. Not My Will, p. 58);

2) *“Chad, what’s this?”*

“Just what I said. Home...I’ve rented this apartment...”

“Oh, darling, this is wonderful,” she exclaimed (F. H. Arnold. Not My Will, p. 77);

3) *“I’ve missed you. I’ve been so so miserable.”*

“Me too,” he groaned. “Oh darling, we’ve been so dumb.” (J. Cooper. Riders, p. 863].

Как мы видим, примеры подтверждают справедливость утверждений, представленных выше: в примерах (1) и (2) один и тот же коммуникант, используя обращение **darling**, выражает эмоцию грусти, одиночества (1) и эмоцию радости и счастья (2), а в последнем примере (3) говорящим выражена эмоция сожаления. Разумеется, изменение семантики этого эмотивного адресатива осуществляется с опорой на все высказывание и коммуникативную ситуацию в целом.

Как показывает анализ, эмотивные адресативы включаются в эмотивный фонд романтической коммуникации и адекватно используются участниками романтического взаимодействия. Следовательно, в такого рода обращениях эмотивная семантика является пресуппозицией эмотивной функции адресативов и успешно реализует ее.

Несомненный интерес в контексте проводимого исследования заслуживает также тот факт, что и лексические единицы, не имеющие эмотивного компонента в своей семантике, в специфических контекстах приобретают его и выполняют эмотивную функцию: *“Lady of the Lake, get me straight on this,” Chad said honestly, looking straight into the little face* (F. H. Arnold. Not My Will, p. 92).

“Ho-hum, it’s almost eleven o’clock. Come on, Almost-Red-Head, let’s call it a day.” (F.H. Arnold. Not My Will, p. 54).

“You are all mine, Little Dove.” (J. Bronte. Journey of the Heart, www).

Участники взаимодействия используют стилистически сниженные знаки контактоподдержания и благорасположения. У адресанта либо возникают определенные ассоциации с теми именованиями, которые он употребляет в речи, обращаясь к собеседнику (**Little Dove**), либо он апеллирует к известным поэтическим образам (**Lady of the Lake**), либо располагает конкретными знаниями личного характера о своем собеседнике –

особенности внешности, поведения и проч. (*Almost-Red-Head*). В использовании таких обращений проявляется специфика романтического дискурса, актуализируемая в коммуникативной естественности (что чувствую, то и говорю), эмоциональности (свободное выражение эмоций) и эмотивности (говорю то, что приятно собеседнику). В процессе романтического общения, как показал исследовательский материал, начиная с момента знакомства, формы обращения претерпевают качественные изменения: когда адресат становится «своим», «близким», «действуют иные правила: здесь уже не нужно демонстрировать формальное уважение, поскольку известна мера дружбы и любви» [14, с. 10]. Развивая эту мысль, добавим, что мера любви между романтическими партнерами детерминирует использование тех или иных эмотивных обращений. Иными словами, переход от формальных обращений к более интимным формам свидетельствует об эмотивном динамизме обращений в романтическом дискурсе.

Анализ фактического материала показывает, что эмотивную функцию можно считать отличительной чертой романтического дискурса, которая обусловлена конкретными целями общения. Иными словами, эмоциональной presupпозицией контекстуально-функциональной эмотивной семантики выступает категориальная ситуация, то есть условия, в которых эта единица реализуется, и интенции коммуникантов. В приведенных выше примерах, как следует из контекста, существенную роль играет и интонация, с которой произнесены обращения.

Таким образом, эмотивные обращения являются своего рода маркерами прагматической функциональной установки в романтическом дискурсе и представляют собой один из важных языковых механизмов вариативной интерпретации эмотивности исследуемого типа дискурса. Эмотивность и эмотивные обращения в нем соотносятся как детерминации, то есть односторонние зависимости, при которых один член предполагает существование другого, но не наоборот (термин Л. Ельмслева). Поясним сказанное: эмотивные адресативы являются маркерами эмотивности в романтическом дискурсе, однако категория эмотивности не обязательно предполагает их наличие в речи коммуникантов, она может быть выражена широким репертуаром других эмотивных средств. К ним мы с полным основанием можно отнести жанр комплимента.

Аксиоматичным является утверждение, что явления эмоции и эмотивности тесно связаны с понятием оценки, то есть эмоции определяются как субъективная форма оценки. Говоря об этой связи, М. Я. Ягубова указывает, что «феномен оценки заключается в разнообразных логических или / и эмоциональных реакциях человека на познаваемую действительность, возникающих при сравнении ее с идеализированной моделью мира» [15, с. 133]. В качестве познаваемой действительности в романтическом общении могут выступать, например, отношения между коммуникантами и связанная с этим речевая и неречевая деятельность участников романтического взаимодействия по осуществлению эффективной коммуникации. В центр такого «познания» ставится объект любви, выбор которого представляет собой конкретное предпочтении одного лица среди множества, его ценностная идеализация. Именно концентрация внимания человека на одном объекте, гармоничность целостности переживаний и стремление выделить лучшие, на его взгляд, черты партнера по коммуникации становятся мотивом продуцирования гиперболизированных оценок, то есть комплиментов. Наличие их в романтическом дискурсе, кроме всего прочего, обусловлено эмоциональной речеповеденческой интерактивностью, характерной для интимно-личностных отношений. Тесная связь оценочности и эмотивности в слове, высказывании идет оттого, что эмоция и оценка участвуют синхронно в актах отражения и познания, представляя в них, по мнению В.И. Шаховского, выражение субъективной стороны результатов, оценивающих отношения отражающего субъекта к отражаемым объектам и их свойствам [5]. Ср.: *“But since I first saw you on Friday, I haven't been able to think of anything except how sweet you are.”* (F. H. Arnold. *Not My Will*, p. 36).

“You are so frank, so splendid!” (H. Wells. *Ann Veronica: A modern Love Story*, p. 34).

“You are the most beautiful, the most desirable thing I have ever met in this world.” (H. Wells. *Ann Veronica: A modern Love Story*, p. 214).

“You did a wonderful job, Maggie! I think this dinner is going to be a success, after all!” (J. Bronte. *Greatest of These*. www).

“Thank you for a wonderful and ‘exciting’ evening,” she told him. “You’re a wonderful cook and a wonderful singer and a wonderful piano player.” (J. Connor. *Jasmine*. www).

Апелляция к эмоциям в приведенных примерах осуществляется через употребление многочисленных комплиментов в адрес партнера по общению. Коммуниканты осознанно прибегают к дискурсивной гиперболизации как средству сближения с собеседником, уменьшению эмоциональной дистанции, интимизации общения, что достигается посредством интенсификаторов ***so, how, I haven’t been able to think of anything, I have ever met in this world***, эмоционально-оценочных единиц, в том числе с суперлативными лексемами ***wonderful, sweet, the most beautiful, the most desirable*** и лексическими повторами прилагательного ***wonderful*** и т. д.

Причем, для обеспечения более сильного воздействия на адресата говорящие используют широкий спектр эмотивных средств. Следует однако подчеркнуть, что варьирование не должно быть чрезмерным, так как в этом случае, по мнению В. Г. Гака, адресат не может уследить за «скачками мысли» говорящего [3, с. 22].

В работах эмотиологов указывается, что при выражении эмоций и оценок нередко проявляется закон триады: троекратное повторение одного и того же эмотива, указание на три особенности объекта или предмета, которому дается оценка: ***“You are kind and gentle and good.”*** (J. Bronte. *Journey of the Heart*. www).

“And you are a wonderful nurse, and listener and excitement maker.” (J. Connor. *Jasmine*. www).

В результате такой грамматической организации впечатление от сказанного усиливается, то есть достигается интенсивность высказывания, причем и качественная, и количественная. Однако следует заметить, что в данном случае речь не идет о градуальности интенсификации высказывания. Здесь более уместно говорить об эмотивной плотности высказывания, под которой мы понимаем насыщенность эмоционального информационного потока эмотивами. Следует также подчеркнуть, что экспликация эмоций, как правило, сопровождается самыми разнообразными невербальными знаками: ***“You look beautiful, Charlie-girl,” Adam sighed tenderly*** (J. Bronte. *Greatest of These*. www).

“You look absolutely breathtaking,” Joshua told her, his eyes seeming to soak up her image [J. Connor. *Jasmine*. www].

Наряду с эмотивами ***beautiful, absolutely breathtaking*** в выражении говорящими эмоций восхищения участвуют аускультационные (***sighed tenderly***) и окулесические (***his eyes seeming to soak up her image***) знаки.

Таким образом, подчеркнем, что комплименты, реализуемые в процессе общения обоими коммуникантами, можно считать маркерами эмотивности романтического дискурса.

К специфическим чертам эмотивности романтического дискурса мы относим незначительную по объему группу перформативных высказываний – эмотивных перформативов, в которых, как справедливо указывает Е. И. Шейгал, конвенциональные предикаты используются в качестве средств не выражения эмоций, а совершения эмоциональных действий [16, с. 181]. Обратимся к примерам: ***Jasmine offered him words of sympathy which he accepted. But it didn’t take long for his general good humor to return. By the time they pulled into Joshua’s driveway, they were all bursting with excitement*** (J. Connor. *Jasmine*. www).

Контекст, в котором функционирует эмоциональный предикат ***offered him words of sympathy***, комментирует речевое действие говорящего как выражение эмоции сочувствия, поддержку собеседника в трудную минуту. Подобные речевые действия, как правило, направлены на установление тесного эмоционального и психо-

логического контакта между собеседниками. В нашем текстовом материале были выявлены перформативы приглашения, признания, предостережения, благодарности, извинения, обещания и т. д.

Ср.: *What made it even worse, was the fact that Charlie sharply refused to let Adam be near her, and didn't even allow him to help take care of her* (J. Bronte. *Greatest of These*. www).

"Don't you dare think you can get off that easily!" warned Charlie with a smile. "I haven't forgotten that you ran out on me, when you promised to be here! I had to face your sister WITHOUT you! And that was no small matter." (J. Bronte. *Greatest of These*. www).

Эмоциональные предикаты в перформативных высказываниях носят формульный характер и нередко сочетаются с интенсификаторами (***apologize gracefully, humbly; thank warmly, sincerely, effusively, volubly; refuse completely, outright, point-blank; insist stubbornly; admit openly*** и т. д.). Перформативы направлены на адресата, а наличие интенсификаторов в сочетании с перформативными глаголами придает настойчивость действиям говорящего: *The next few weeks were filled with patience and practice, until Dan realized that Bridget had memorized the entire duet by heart. To Bridget's horror, he took away her sheet music and insisted positively that she start playing it from memory – something Bridget was sure she couldn't do* (A. Niffenegger. *The Time Traveler's Wife*, p. 187).

В заключение подчеркнем, что эмоции в романтическом дискурсе всегда лично ориентированы, субъективны, индивидуально дифференцированы и динамичны. Мотивирующим фактором воздействия в романтическом дискурсе является эксплицитная или имплицитная апелляция к эмоциям. Спецификой эмотивности романтического дискурса является активная экспликация в нем эмоций восхищения, любви, счастья, радости и других положительных эмоций, которые выражаются в речи коммуникантов посредством гиперболизированных оценок, комплиментов, эмотивных обращений (эмотивных адресативов) и т. д., чтобы оказать воздействие на собеседника, вызвать у него аналогичные или противоположные эмоции. Эмотивность в романтическом дискурсе реализуется также посредством перформативов, эмотивный статус которых определяется их особыми функциями в коммуникативных ситуациях романтического общения. Значительная часть выражаемых эмоций и оценок дополняется невербальными, экстра- и паралингвистическими компонентами.

Список литературы

1. Trenholm S., Jensen A. *Interpersonal communication*. NY, Oxford: Oxford University Press, 2007. – 464 p.
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. – М., 1985. – 228 с.
3. Гак В. Г. Синтаксис эмоций и оценок // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность. In Мемогиям Е.М. Вольф. – М., 1996. – С. 20 – 31.
4. Филимонова О.Е. Категория эмотивности в английском тексте (когнитивный и коммуникативный аспекты): автореф. дис. ... докт. филол. наук. – СПб: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2001. – 44 с.
5. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
6. Heller A. *A Theory of Feelings*. – Lexington Books, 2009. – 224 с.
7. Сёрль Дж.Р. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 151 – 170.
8. Brown R., Henle P. *Language, Thought and Culture*. University of Michigan Press, 1981. – 273 p.
9. Lewis M., Naviland-Jones J.M., Feldman Barret L. *Handbook of Emotions*, 3rd edition. The Guilford Press, 2008. – 848 p.
10. Федосюк М. Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи // Жанры речи. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – С. 66 – 88.
11. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
12. Leech G. *Principles of Pragmatics*. 1983. – 250 p.
13. Pugmire D. *Rediscovering emotion*. Edinburgh University Press, 1998. – 140 p.

14. Формановская Н. И. Социально-культурная сущность речевого этикета // Речевой этикет: семантика и прагматика / Московский лингвистический журнал. Т.7. № 2. – М., 2003. – С. 9–20.

15. Ягубова М. А. Оценки и эмоции // Язык и эмоции / Сб. науч. тр. – Волгоград, 1995. – С. 133–142.

16. Шейгал Е. И. Политические эмоции и их дискурсивное проявление // Язык и эмоции: номинативные и коммуникативные аспекты: Сб. науч. тр. к юбилею В. И. Шаховского. – Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2009. – С. 175 – 183.

EMOTIVENESS IN ROMANTIC DISCOURSE

T. G. Rents

*Volzhsky
Institute
of Humanities,
the branch of
Volgograd
State
University*

*e-mail:
trents@yandex.ru*

The article deals with the problem of emotiveness in romantic discourse. Analyzed are diverse lexical and grammatical emotive units that explicit manifold emotions of romantic partners in the process of communication. Revealed is the emotionalized character of the examined verbal emotive signs.

Key words: romantic discourse, emotiveness, emotionality, emotive function.

УДК 811.111'23

СПЕЦИФИКА ОБЪЕКТИВАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ КОНСТРУКТОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

О. Ю. Ромашина

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
romashina@bsu.edu.ru*

В данной статье рассматривается содержание и особенности объективации социальных эмоциональных конструктов в современном английском языке. Под социальным эмоциональным конструктом понимается отражение в сознании говорящего его эмоционального состояния по отношению к тем или иным социальным группам, единица мышления, охватывающая весь комплекс знаний об эмоционально-чувственном состоянии человека через призму его социальных отношений. Социальные эмоциональные конструкты имеют языковую объективацию и репрезентируют в семантике языковых единиц базовые характеристики эмоциональных состояний.

Ключевые слова: эмоциональный концепт, социальный эмоциональный конструкт, объективация, семантика.

В настоящее время в современной лингвистике большое внимание уделяется изучению особенностей представления эмоциональных состояний человека в языке. Интерес к эмоционально-чувственной деятельности человека не угасает, а постоянно растет, несмотря на наличие достаточного количества серьезных кандидатских диссертаций, посвященных проблеме описания эмоций в языке, огромного количества статей, освещающих данную проблематику. Кроме того, возникает все больше новых лингвистических школ, посвященных изучению эмоций, наиболее известной из которых представляется научная школа лингвистики эмоций под руководством профессора В. И. Шаховского при Волгоградском государственном педагогическом университете. И все же анализ лингвистической объективации эмоций раскрывает множество нерешенных вопросов о согласовании и рассогласовании эмоций и чувств в языке, изучении сложных эмоций, исследовании социального фактора эмоционально-чувственной репрезентации.

Обращение к изучению социальных эмоций в языке обусловлено как недостаточной степенью разработанности данной проблемы в современных исследованиях, так и все более укрепляющимся мнением о том, что многие эмоции социальны, а социальные явления часто эмоциональны [3]. Последний тезис хорошо иллюстрируют недавние политические события в мире, отражающие высокую степень эмоциональной реакции определенных социальных страт на те или иные общественные явления. Важную роль при этом играют средства фиксации определенных социальных эмоциональных конструктов – языковые единицы, объективирующие социальные эмоции, их коллокации и контекстуальное окружение.

Отсюда, основная цель настоящей статьи, состоит в том, чтобы изучить и описать особенности объективации наиболее часто встречаемых социальных эмоциональных конструктов в современном английском языке на материале анализа текстов публицистического и политического дискурсов. Одной из задач, позволяющих достичь поставленной нами цели, является уточнение терминологического инструментария, в частности, дифференциация терминов «концепт» и «конструкт».

Изучение лингвистической теории эмоций показывает, что в современном английском языке существует достаточно большое количество лексем, обозначающих различные психические состояния, связанные с появлением и проявлением простых эмоций. Однако примеры эмпирического материала показывают, а данные современных психологических теорий подтверждают, что, во-первых, человек способен испы-

тивать несколько эмоций одновременно, а во-вторых, группы людей способны испытывать комплекс эмоций к общественным явлениям или другим социальным группам.

Подобные эмоции являются сложными социальными эмоционально-когнитивными комплексами, конструктами, имеющими отражение в семантике представляющих их языковых единиц.

Для того чтобы дать четкое определение эмоциональному конструкту, обозначить его место в ментально-языковой системе и определить специфику его взаимодействия с языковыми единицами, рассмотрим соотношение эмоциональной, речемыслительной и языковой деятельности человека.

Эмоциональная деятельность человека часто противопоставляется речемыслительной деятельности. Во многих психологических и лингвистических исследованиях утверждается дихотомия рационального (относящегося к мышлению и языку) и эмоционального (субъективного, имеющего отношение к эмоционально-чувственной сфере). Некоторые исследователи полагают, что именно эмоции, а не слова, помогают осваивать социальный опыт, и поскольку эмоции появились гораздо раньше слов и раньше мышления, то именно они являются основным способом познания окружающей нас действительности, в том числе и социальной. Однако, по нашему мнению, человеческое общество не мыслится без языка, а без языкового выражения, например, социальных эмоций трудно представить себе отражение в мышлении человека информации о том или ином эмоциональном состоянии собеседника и формирование необходимой реакции на него.

Здесь мы поддерживаем точку зрения ученых, полагающих, что между когнитивной деятельностью человека и его субъективным эмоциональным видением и отражением мира есть определенная взаимосвязь. Действительно, с помощью эмоций «человек получает специфический видовой опыт, который закрепляется в сознании, мышлении и языке, вербально обозначающем объекты мира, явления, ситуации и их эмоциональные оценки человеком», а слова становятся их заместителями в сознании человека [2, с. 46]. Мы считаем, что лексемы, действительно, способны репрезентировать определенные эмоциональные концепты, следовательно, большинство эмоций имеют прямые номинации в языке, в том числе способностью к прямым номинациям обладают и социальные эмоции.

В настоящей работе под эмоциональным концептом понимается такая единица мышления, которая охватывает весь комплекс знаний об эмоционально-чувственном состоянии человека.

В отличие от эмоционального концепта, социальный эмоциональный конструкт явление более специфичное. Оба феномена относятся к ментальным образованиям, актуализирующим знания об эмоциональной деятельности человека. Тем не менее, мы не проводим аналогии между ними. С нашей точки зрения, между концептом и конструктом существует определенное и достаточно значимое различие: концепт может быть и структурной, и гештальной (целостной), и минимальной (неделимой) единицей репрезентации знаний в значении слова. Конструкт – всегда структурирован, с одной стороны, и является частью, компонентом структуры, с другой стороны, и, по сути, не может являться неделимой единицей. Более того, конструкт всегда представлен в языке не отдельной лексической единицей, а сочетанием слов, в основе его формирования лежит процесс концептуальной интеграции. Концепт, как уже говорилось, может быть однороден (концепт-гештальт), конструкт всегда обладает набором определенных концептуальных характеристик, раскрывающих содержание эмоционального состояния определенной социальной группы и показывающих ситуацию возникновения и развития данного эмоционального состояния в пределах и за пределами данной группы.

В исследовании базовых эмоциональных концептов, присущих индивиду, и специфики их репрезентации в языке, мы обратили внимание на тот факт, что как только эмоция перестает быть явлением индивидуальным, приобретая определенные

социальные черты, меняются и средства ее реализации в языке, и комбинаторика, и дистрибутивное окружение.

В рамках нашего исследования мы полностью разделяем мнение С. А. Колосова о том, что изучение эмоциональных концептов требует не только лингвистического анализа вербальных средств их концептуализации и реализации, но и социопсихологического интерпретирования [5].

Таким образом, под социальным эмоциональным конструктом в настоящей работе понимается отражение в сознании говорящего его эмоционального состояния по отношению к тем или иным социальным группам, нормам, ценностям, другими словами, единица мышления, охватывающая весь комплекс знаний об эмоционально-чувственном состоянии человека через призму его социальных отношений. Мы полагаем, что социальные конструкты отражают эмоции определенных социальных групп, имеют языковую закрепленность в языке и способны модифицироваться в течение всего периода существования социальных объединений под воздействием внутригрупповых и внешнегрупповых (заимствования, политическая ситуация и т. д.) изменений. Социально-эмоциональные конструкты объективируются чаще не одной самостоятельной единицей, а (в большинстве случаев) словосочетанием, предложением, текстом.

Объектом настоящего исследования выступают сложные языковые конструкции, репрезентирующие социальные эмоциональные конструкты: «Социальная ненависть», «Социальная терпимость / толерантность», «Социальная агрессивность», «Социальное восхищение / радость / обожание», «Социальная обида», «Социальный гнев», «Социальное беспокойство / волнение / опасение», «Социальное возмущение», «Социальное удовольствие», «Социальная гордость / патриотизм» и др. Данный список можно продолжать перечислением тех эмоциональных состояний, которые характерны не индивиду, а отдельной социальной группе и в равной степени характерны представителям этих групп. В основе формирования всех вышеуказанных конструктов лежит базовый социальный эмоциональный конструкт «Социальная эмоция».

Фактическим материалом настоящей работы послужили примеры из современной публицистической литературы, определения в толковых словарях и энциклопедиях, данные ИНТЕРНЕТ-форумов и другие источники.

Во всех языковых конструкциях, репрезентирующих социальные эмоциональные конструкты, прослеживаются концептуальные характеристики, присущие базовому эмоциональному конструкту «Социальная эмоция», выделяемые на основании анализа данных словарных статей, энциклопедий, психологических теорий. Конструкт «социальная эмоция» представляет собой отражение в сознании говорящего позитивного / негативного, интенсивного / слабого, длительного / кратковременного, осознанного / неосознанного, контролируемого / неконтролируемого эмоционального состояния по отношению к определенным социальным группам. К концептуальным характеристикам социальной эмоции относятся: наличие СУБЪЕКТА производства эмоции, наличие ОБЪЕКТА возбуждения социальной эмоции, ПРИЧИНА и ЦЕЛЬ производства эмоции, ОСОЗНАННОСТЬ (произвольность) и КОНТРОЛИРУЕМОСТЬ (возможность осуществления), ЭКСПРЕССИВНОСТЬ (высокий или низкий выразительный потенциал эмоции). субъектом рефлексивно оценочной деятельности), ИНТЕНСИВНОСТЬ (сила эмоции), ДЛИТЕЛЬНОСТЬ (время протекания эмоции), ОЦЕНОЧНОСТЬ (положительная или отрицательная

Рассмотрим особенности репрезентации некоторых характеристик социальных эмоциональных конструктов в современном английском языке.

1. СУБЪЕКТОМ социальной эмоции является лицо или группа лиц, испытывающих данную эмоцию.

Здесь следует отметить, что социальные эмоциональные конструкты, в отличие от эмоциональных концептов, носят массовый, внеличный характер, хотя и отражают концептуальные характеристики, присущие эмоциям в целом. Отсюда, в позиции субъекта нередко предстает все общество, нация, страна:

1) Mexico's Zapatista rebel leader Subcomandante Marcos warns that *the country* is in a state of rage (BBC 10.05.06).

Субъект социальной эмоции может быть представлен и определенными общественными группами, классами, стратами:

2) But for *communities* like many in the Fens and East Anglia which score poorly in the social cohesion table, the sudden arrival of newcomers from overseas is a *social shock* [BBC 16.06.08].

3) The plan called for a ban on *political parties* "which incite national or religious hatred" [BNC HKU 1063].

Часто субъект имплицитно выражен в структуре предложения-высказывания. При этом в большинстве случаев под субъектом вновь понимается все общество. В таких случаях в структуре предложения-высказывания используется конструкция "there is / are":

4) *There is still social nervousness*, but there is also a belief that people need to understand the difficult life-changing decisions social workers make [BBC 12.01.10].

5) The pizzo in Sicily became a sort of social custom, it was accepted... Now *there is* a sort of *social shame* attached, the perception has changed [BBC 11.04.08].

Социальная эмоция может быть присуща субъекту-индивиду, но в данном случае в роли объекта будет выступать общество или какое-нибудь общественное явление:

6) I am not the only person who has had a tumultuous year, and *I am* immensely *proud* of the way the British face their problems and so often succeed despite them [BNC CBC 14892].

Стилистически субъект социальной эмоции часто представлен синекдохой:

7) *The town* is also particularly proud of its gala which take place, fittingly on July 4th [BNC BPJ 203].

2. ОБЪЕКТ социальной эмоции чаще выражен прямым или предложным косвенным объектом и отражает знания об обществе, общественном явлении или группе лиц, вызвавших определенную социальную эмоцию субъекта. Синтаксически объект социальной эмоции может быть выражен предложным или беспредложным дополнением (8), либо атрибутом к слову, номинирующему социальную эмоцию (9):

8) It predicts a wave of public fury *over reduction* in child benefit and social welfare payments [BBC 09.12.09].

9) В случае с конструктом «социальная ненависть» наиболее распространенные виды объектов легли в основу атрибутов к слову «ненависть», как-то: racial hatred (расовая ненависть), ethnic hatred (этническая ненависть), religious hatred (религиозная ненависть), class hatred (классовая ненависть), где объектами выступают люди другой расы, национальности, религии, класса, соответственно. В формате данной работы мы ограничиваемся рассмотрением лишь нескольких социальных групп, хотя в целом допускаем выделение их гораздо большего количества.

3. ПРИЧИНА социальной эмоции состоит в конфликте между принятыми субъектом условиями жизни и неприятию других норм. В структуре предложения-высказывания выражается либо подлежащим (10), сопровождаемым каузативными предикатами, такими как "to cause", "to create", "to induce" etc., либо придаточным предложением причины (11):

10) "*Mass vaccination* created a social panic", said Dr. Miguel Asturias Ramires, the European Medical Association's Spanish representative [BBC 09.03.1999].

11) It also means a slight risk of *culture shock*, as *social sector find itself gradually invaded by industry buzzwords* [BBC 29.08.07].

4. ЦЕЛЬ социальной эмоции часто направлена на отмщение, или на разжигание межнациональных, межрелигиозных, классовых конфликтов, либо отсутствует.

12) The motive for this shocking attack seems to be *racial hatred* [Cambridge].

В большинстве случаев цель производства социальной эмоции представлена эксплицитно глаголами "to stir up", "to incite" "to arouse", "to exhort", "to foment", "to provoke":

13) The European Convention on Transfrontier Television covered programme standards, advertising and sponsorship, and included regulations to protect audiences from the broadcasting of pornography, excessive violence and programmes *inciting* racial or religious hatred [BNC НКР 2107].

5. ОСОЗНАННОСТЬ и КОНТРОЛИРУЕМОСТЬ. Социальная эмоция чаще всего осознанна, редко возникает спонтанно (за исключением случаев массовой эйфории), требует знаний и оценки ситуации реагирования, контролируется сознанием.

14) The three former Army buddies *shared a common hatred* for the government [McMillan 2007: 691] – ненависть осознана коллективно.

Контролируемость / (реже) неконтролируемость социальных эмоций подчеркивается эксплицитно выраженными атрибутами, такими как “(un)controlled”, “(un)consciously”, “mindlessly”, “unintentionally”, “without control” etc.

15) Nick Bryant reflects on New Zealand mix of *controlled fury*, subtle charm and social harmony and asks why the rest of the world can't be more like it [BBC 13.01.10] – «контролируемая ярость общества».

6. По ИНТЕНСИВНОСТИ и ЭКСПРЕССИВНОСТИ социальные эмоции чаще представляют очень сильные эмоциональные состояния, что часто подчеркивается на уровне определяющих социальную ненависть атрибутов-интенсификаторов “im-mense(ly)”, “strong(ly)”, “violent(ly)”, “heavi(ly)”, “deep(ly)”, “week(ly)”, “faint(ly)”, etc.

16) ... I am *immensely proud* of the way the British face their problems and so often succeed despite them [BNC СВС 14892].

7. По ДЛИТЕЛЬНОСТИ – социальная эмоция достаточно продолжительна, редко возникает и заканчивается мгновенно, как например, вспышка гнева у отдельного человека:

17) The feeling of hate *grew stronger* every day [Cambridge].

8. ОЦЕНОЧНОСТЬ В абсолютном большинстве случаев наблюдается репрезентация отрицательных социальных эмоциональных конструкторов.

18) It was therefore important that a benevolent society should mould people to goodness and there should be no expression of *negative emotions* such as *anger* and *punishment* [BNC СВВ 696].

Английских языковых конструкций, репрезентирующих положительные эмоции, в количественном отношении гораздо меньше. На наш взгляд, это связано с особенностями человеческой психики к более частому переживанию и «озвучиванию» отрицательных эмоциональных состояний, в то время как положительные состояния считаются нормой и не требуют словесного выражения. Однако, находящиеся в пропорциональном меньшинстве, английские эмоциональные позитивные конструкторы отличаются не меньшей силой, экспрессивностью и выразительностью:

19) The *authority's enthusiasm* for social security reform [BBC 05.03.03].

Одной из характерных особенностей социальных эмоциональных конструкторов является амбивалентность оценочности относительно социальных явлений. Большинство социальных эмоций не являются однозначно положительными или отрицательными. Например, в определенных контекстах «Социальная ненависть» выступает с позитивной оценкой, обозначая высокое, доблестное чувство (например, “to hate the enemy”, «ненависть к врагу-захватчику»), а также практически отсутствует, порой, грань, разделяющая разнополярные эмоции:

20) Great *social hate* can create solid *social friendship* [Tacit]. – Великая общая ненависть создает крепкую дружбу.

21) The abolition of religion as the “*illusory*” *happiness* of men is a demand for their *real happiness* [BNC НГJ 1444]. – *Иллюзорное счастье* людей.

Таким образом, рассмотрев особенности объективации базовых характеристик социальных эмоциональных конструкторов в современном английском языке, мы приходим к следующим выводам.

В английской языковой картине мира обнаруживаются единицы, объективирующие социальные эмоциональные конструкторы. Последние представляют собой сложные эмоционально-когнитивные комплексы, отражающие эмоциональные состояния личности или определенной социальной группы по отношению к другим социальным группам, нормам, ценностям. Социальные эмоциональные конструкторы отражают комплекс знаний субъекта об эмоционально-чувственном состоянии через призму его социальных отношений, а также находят объективацию на языковом уровне в различных частях речи и синтаксических конструкциях.

Дальнейший анализ языковой объективации социальных эмоциональных конструкторов представляет большой интерес и значимость для современной комплексной лингвистической теории. В исследуемых когнитивно-лингвистических феноменах содержатся знания о культуре страны и общества, важные ценностные и оценочные категории, стереотипы по отношению к родному и неродному социуму, изучение которых позволяет избежать как серьезных ошибок в коммуникации, так и подобрать наиболее адекватные единицы в переводе того или иного языкового элемента, объективирующего социально-эмоциональный конструктор.

Список литературы

1. Колосов С. А. Конструирование социальной ненависти в дискурсе: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – М. РГБ, 2005. – <http://diss.rsl.ru/diss/05/0138/050138019.pdf>
2. Шаховский В. И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 128 с.
3. Parrott W. G. Emotions in social psychology: Volume overview // Parrot W.G. (ed.). Emotions in social psychology. Essential readings. Philadelphia: Psychology Press. 2001. P. 1 – 20.

SOCIAL EMOTIONAL CONCEPT REPRESENTATION IN THE ENGLISH LANGUAGE

O. Y. Romashina

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
romashina@bsu.edu.ru*

The paper deals with the social emotional constructs representation in the English language. The social emotional construct is the reflection of the emotional state of a person and of his emotional attitude to different social groups. This mental construct reflects the emotions of certain social groups, it has the linguistic objectivity, and it represents the basic characteristics of the emotional states in the meaning of linguistic units.

Key words: emotional concept, social emotional construct, objectivity, meaning.

УДК 81'27

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК СПОСОБ АКТУАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПОЛИТИКА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

А. П. Седых
И. В. Сопова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
sedykh@bsu.edu.ru*

В статье представлен лингвосомиотический подход к исследованию фразеологической манифестации институциональной языковой личности. Изложены теоретические предпосылки моделирования данного типа языковой личности. Уровень актуального содержания высказывания трактуется как ключевой для выделения характерологических признаков фразеологической коммуникации. Остальные уровни учитываются при контрастивном описании институционального текста и дополняют существенные параметры, передаваемые структурой этнокультурного кода, лежащего в основе построения высказываний на национальном языке. Языковая личность политика рассматривается как активный механизм функционирования институционального дискурса. Намечаются перспективы анализа институциональной коммуникации с учётом экстралингвистических факторов, связанных с коммуникативной компетенцией реципиента институционального сообщения.

Ключевые слова: фразеология, лингвосомиотика, институциональный дискурс, коммуникативное поведение, языковая личность.

Введение

Каждый видный политический деятель является одним из ярких представителей языкового сообщества, к которому он принадлежит. Его словотворчество во фразеологической форме отражает характерные признаки национальной коммуникации. В этом плане, мы рассматриваем институциональный дискурс как коммуникативную структуру, являющуюся вектором индивидуальных и национальных особенностей коммуникативного поведения. Данная позиция связана с когнитивно-коммуникативным подходом к трактовке характерологических составляющих институционального текста.

Традиционные понятия «политик», «лидер», «имидж политика» недифференцированно несут на себе печать этнокультурной языковой личности. Языковая институциональная ипостась, по нашему мнению, может быть рассмотрена как «языкотворческая личность». Толкуя политический текст как «смыслопорождающее устройство» (термин Ю.М. Лотмана [8]), мы рассматриваем данный тип дискурса в качестве самостоятельного семиотического конструкта, носителя не только индивидуальных языковых характеристик, но и национальных особенностей функционирования языка.

Проблемы функционального взаимодействия единиц разных уровней языковой системы и их роль в процессе политической коммуникации в последнее время привлекают внимание отечественных и зарубежных представителей гуманитарных дисциплин и лингвистов (М. Н. Грачёв, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, В. Г. Костомаров, Л. П. Крысин, М. В. Ильин, А. В. Олянич, М. Б. Паршин, Г. Г. Почепцов, Л. И. Скворцов, Ю. А. Сорокин, А. П. Чудинов, В. Н. Шапошников, В. И. Шаховский, Е. И. Шейгал; Р. Водак, Д. Вотс, Т. А. ван Дейк, Дж. Лакофф, К. Хаккер, Л. Хан, Й. Хейзинга, Н. Хомский). Особенный интерес к межуровневым структурам проявляется при рассмотрении композиционных построений больших, чем предложение, например, сверхфразовых единств, целого текста. Для политического текста речь идёт о дополнительном параметре, обозначенном термином «идеологическая связанность» (*Ideologiegabundenheit*) (термин В. Шмидта [16]). Под «идеологической связанностью» понимается семантическая детерминированность слова, заданная его принадлежно-

стью к терминологической системе определенной идеологии или какому-либо ее варианту, а также местом, занимаемым им в этой системе.

Иной подход к проблеме взаимоотношения языка и идеологии предлагает А. Нойберт. В ходе анализа этой проблемы он вводит новое понятие «идеологема», которая определяется как «лингвистический инвариант с социальной релевантностью» [15].

Если высказывание есть элементарное речевое действие, то связный текст, составленный из некоторой последовательности высказываний и объединенный какой-то общей мыслью, является сложным речевым действием. Как справедливо отмечает Е. А. Реферовская, текст не просто последовательность высказываний, а сложная иерархически организованная система, где каждое отдельное высказывание подчинено более крупной речевой единице (например, сверхфразовому единству или абзацу), а через нее – тексту как целому [11, с. 5].

Естественно предположить, что именно в тексте осуществляется наиболее всесторонний анализ языковых единиц, при этом текст может представлять собой и отдельное высказывание, и абзац, и целое произведение. Для анализа функций исследуемых языковых единиц важным критерием выступают семиотические характеристики политического текста, носителями которых выступают ФЕ.

Теория текста как комплексная обобщающая дисциплина сложилась в результате интеграции взаимодополняющих дисциплин: текстологии, лингвистики текста, поэтики, риторики, прагматики, герменевтики, однако, несмотря на обилие междисциплинарных пересечений, теория текста обладает и собственным гносеологическим статусом.

Теория и методология исследования

При филологическом декодировании неявного смысла текста, частью которого выступает этнокультурный аспект семантики высказываний, осуществляется ориентация на двойственную природу языкового знака. Обладая и смыслом, и формальным воплощением, он может ассоциироваться в том же тексте или в других текстах с иными знаками (как по смыслу, так и по форме) и перекликаться с другими компонентами текста по фрагментам своей субстанциональной структуры. Способы данного взаимодействия могут быть рассмотрены как в универсальном аспекте, так и в идиоэтническом.

Декодированию традиционно подвергаются содержательные структуры текста и авторское отношение к сообщаемому, авторские намерения. В политическом тексте, как и во всяком человеческом самовыражении, обнаруживаются сознательные, управляемые, и бессознательные, не управляемые, но столь же объективные процессы восприятия, воздействующие на адресата высказывания. Институциональный дискурс (текст), созданный на национальном языке, адресуется, прежде всего, представителю определенной языковой общности и структурируется исходя из национальной парадигмы мышления, культурных установок, исторического развития каждого этноса.

Во всяком тексте выявляется несколько пластов организации: от общих правил связности любого текста до дешифруемой смысловой (идеологической) структуры – политического текста. В данном типе текста также возможны наложения других текстов, ассоциативные комбинации которых создают дополнительный смысл (интертекст).

Лейкина Б. М. выделяет наиболее существенные для лингвистической теории уровни понимания текста:

1) языковой (первичный кодовый), в известном смысле буквальное и поверхностное значение текста, выводимое на основе чисто языковых фактов и закономерностей из значений отдельных его составляющих (формальных языковых единиц, как сегментных, так и суперсегментных);

2) глубинный и неязыковой, ситуационное (вторичное кодовое) значение текста, т.е. то содержание, которое вкладывал в данный текст автор и которое он выразил

через языковое значение, функционирующее как форма выражения ситуационного значения [7, с. 98].

Более поздние исследователи выделяют семь уровней понимания текста (высказывания): «1-й, 2-й и 3-й уровни понимания текста опираются на формально выделяемую структуру и содержат ее описание; здесь мы имеем право говорить об инструктивной прагматике. Инструктивная прагматика возможна лишь у текстов, описывающих заранее известные (по крайней мере, как предполагаемая возможность) состояния действительности. <...> 4-й уровень понимания связан с наличием у текста креативной прагматики, когда понимание текста предполагает творческое воссоздание смысла. <...> 5-й уровень понимания относится к текстам, порождающим семантику и обладающим креативной семантикой, когда имеет смысл говорить о правильном воссоздании комментирующих текстов, о верном раскрытии замысла автора, воплощенного в тексте. Во всяком случае адресат выбирает приемлемую для него интерпретацию понимаемого. <...> 6-й уровень понимания также относится к текстам, порождающим семантику и обладающим креативной прагматикой. Это случай, когда порождаемые комментирующие тексты в принципе несовместимы (дополнительны). В этом случае понимание определяется способностью адресата воссоздавать взаимно-дополнительные (несогласуемые) тексты <...> 7-й уровень понимания возникает, когда все порождаемые тексты не дают адекватного постижения понимаемого, но профанируют постигаемый смысл [9, с. 5 – 7]. В случае понимания реципиентом фразеологии политиков речь должна идти о первых трёх уровнях понимания (инструктивная прагматика), хотя современные политики часто увлекаются фразеологическими конструкциями, и седьмой уровень понимания имеет хорошие перспективы для изучения.

В нашем исследовании при рассмотрении динамики формирования этнокультурной структуры значения внимание уделяется дополнительным смыслам высказываний и интертекстовым компонентам, которые характерны для политической речи и формируются согласно общим законам смыслообразования. Вместе с тем основной акцент направлен на выявление частных закономерностей употребления фразеологических средств общенационального языка в русле функционирования идиолектных моделей коммуникативного поведения институционального лидера.

Политический текст может быть репрезентирован как непрерывно изменяющаяся семиотическая система, внутри которой, используя концепцию К. А. Долинина, можно выделить следующие уровни содержательной организации высказываний:

1. Эксплицитное содержание высказывания непосредственно выражено совокупностью языковых знаков, из которых это высказывание составлено.
2. ИмPLICITное содержание (подтекст) есть та часть информации, которая прямо не выражена в языковых знаках, составляющих высказывание, но, так или иначе, извлекается из него.
3. Актуальный смысл высказывания – это та часть его содержания, которая представляется наиболее важной, центральной и зависящей от экстралингвистических факторов.
4. Глобальное или интегральное содержание высказывания, которое определяется как совокупность значения и потенциального подтекста [6, с. 6 – 8].

Исследование политического текста базируется на идее предварительной жанровой обусловленности свободы выбора лидера тех или иных средств реализации смысловой структуры высказывания. В данной работе речь идет об этнокультурной обусловленности выбора языковых средств. Вместе с тем, предусматривается исследование авторской организации текста и наполнения его языковым материалом, который можно определить как идиолектную специфику, что представляется чрезвычайно важным в процессе когнитивно-коммуникативного анализа, на основе которого выделяются ядерные признаки языковой личности политического лидера.

Нельзя не согласиться с мнением Е. В. Падучевой о том, что описание специфики семантической интерпретации структуры текста входит в компетенцию лингвиста.

тики и истолкование текста опирается на выявление смыслов, которые в нем заложены в силу того только, что он написан на национальном языке [10; 198]. Иными словами, объективный лингвистический анализ предшествует выделению в структуре авторского дискурса этноцентрических / индивидуальных элементов.

Наиболее важным для выделения характерологических признаков ФЕ в высказывании представляется уровень актуального содержания. Остальные уровни учитываются при контрастивном описании анализируемого текста и дополняют сущностные параметры, передаваемые структурой этнокультурного кода, лежащего в основе построения высказываний на национальном языке.

Фразеологизм в большей степени связан не с понятием, а с коммуникативной ситуацией. По мнению Е. В. Гананольской: «Синкретичность, комплексность фразеологической семантики определяется тем, что фразеологическая единица не существует вне контекста 1) своей внутренней формы, которая связана с конкретной ситуацией ее возникновения (или ремотивации – в случае народной этимологии), 2) набора строго определенных, хотя и изменяющихся во времени, контекстов (т. е. ситуаций коммуникации), 3) ассоциативных национально-специфичных смыслов компонентов, приобретенных ими в процессе функционирования в языке и т.п.» [3, с. 111]. При этом носители языка не всегда знакомы со всеми параметрами фразеологического узуса, от них могут ускользать и ассоциативные смыслы. К тому же ФЕ стимулируют скорее эмоциональное, чем логическое восприятие высказывания. С характерологической точки зрения количественные и качественные показатели *фразеологической плотности* речи политика составляют эмпирическую базу для лингвистической идентификации его личности.

В политической лингвокультуре как семиотической системе широко используется фразеологическая номинация. Фразеологическая номинация, как известно, носит ярко выраженный национальный характер. Институциональная фразеология также должна обладает большим этноконнотативным потенциалом, иначе прагматическая цель политического выступления не будет достигнута. В основе фразеологизма доволна часто лежит метафора. Метафорические структуры – суть социальные категории. Они отражают лингвокультурные явления, происходящие в общественном сознании под влиянием политических, идеологических и социально-экономических процессов: *перезагрузка, ниже плинтуса, формат большой восьмёрки и др.*

Известно, что номинативный аспект значения слова – это, прежде всего его динамическое развертывание в форме отношения наименования, а структура отношения наименования – это способ отнесенности имени к смыслу и смысла имени к обозначаемой действительности, называемой данным именем. При прямой номинации формируются значения, направленность которых на мир имеет такой же характер, как направленность на мир основных (по терминологии В. В. Виноградова) значений слов. Однако значения слов, являясь средством хранения внеязыковой информации, т. е. сведений, знаний, данных о мире, одновременно служат и средством языкового мышления [1, с. 12]. В самом отношении именованного и заложена возможность переосмысления и формирования вторичных знаковых функций слов, поскольку «вторичная лексическая номинация – это использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения» [12, с. 129].

Все вторичные наименования в институциональном дискурсе формируются на базе значения слова, чье имя используется в новой для него функции называния, что находит выражение в несамостоятельной номинативной функции таких косвенно-производных значений слов и проявляется в синтагматической обусловленности их выбора и комбинации в ходе построения предложения [2, с. 373]. При этом не прямое отображение действительности преломляется под воздействием содержательной стороны опорного наименования.

В институциональном дискурсе постоянно протекают спонтанные процессы вторичной номинации, и они не столь случайны по выбору мотивирующих признаков и результату. Эта мотивированность проявляется в наличии у вторичных наименова-

ний внутренней формы, выступающей в качестве посредника между новым смыслом и его отнесенностью к действительности. Переосмысляемое значение словесного знака не только приспособляется к выражению нового для него внеязыкового содержания, но и опосредует его в самом процессе отражения.

Необходимо отметить, что мотив выбора языковой формы не должен далеко отходить от ядра опосредующего значения, что характерно для статусно ориентированного дискурса. Таким образом, определенный объем сигнификативного содержания переосмысляемой языковой формы выступает как внутренняя форма нового значения. Именно внутренняя форма языковой единицы является носителем асимметричных признаков, положенных в основу национальных способов актуализации фразеологических единиц в институциональном дискурсе.

В рамках изучения способов функционирования языковой личности в институциональном дискурсе предлагается использовать термин «фразеологическое событие», который соотносится с категорией «дискурсное событие», определяемое как «совокупность коммуникативно-значимых прагматически когерентных речевых актов, направленных на достижение общей коммуникативной цели» [13, с. 67]. Фразеологическое событие представляет собой речевой акт осмысленного употребления ФЕ для решения прагматической задачи идеологического воздействия на аудиторию. Данный тип события всегда потенциально возможен, так как у реципиента фразеологического материала имеются фразеологические «инварианты для каждого типа интеракции и знания о принципах их варьирования. По этой причине ментальной репрезентацией соответствующих интеракций можно признать их схемы как определенным образом организованную последовательность действий, призванную фиксировать прототипическое для соответствующей культуры» [5, с. 144].

Индивид, как участник фразеологического события, идентифицирует себя с лингвокультурой (группы, социума, этноса) и побуждает себя к использованию адекватной модели коммуникативного события, тем самым позиционируя себя как полноправного лингвокультурного субъекта коммуникации и дискурса. В этом смысле: «Признаком лингвокультурной идентичности коммуниканта можно считать особенности использования языка, обусловленные культурно-специфическим языковым сознанием и коммуникативным поведением, которые формируются у человека в процессе усвоения языка и совершенствуются всю жизнь по мере развития навыков коммуникации в различных сферах, а также в процессе усвоения новых языков» [4; 65]. Иными словами, лингвокультурная идентичность (по отношению к фразеологической картине мира) определяется как способность к декодированию и воспроизведению фраземных моделей коммуникативного события, поставляемых культурой и усвоенных субъектом в процессе социализации.

Институциональный дискурс входит в семиотическое поле национальной лингвокультуры. Лингвокультура выступает социальной средой носителей национального языка и культуры, индуцирующей определённый тип языкового поведения для всех её представителей. Политическая лингвокультура со своей стороны диктует формат поведения в процессе статусной коммуникации. Статусная коммуникация всегда институциональна. На передний план выступает функция позиционирования по отношению к другому участнику коммуникации. В данном случае фразеологический арсенал коммуниканта может служить «опознавательным сигналом» для выяснения его групповой (социальной, этнокультурной, политической, идеологической) принадлежности. Для достижения взаимопонимания фразеологический арсенал коммуникантов должен быть однотипным.

Политическая фразеология часто довлеет над языковым мышлением лидера, навязывая ему штампы, фразеологизмы-эвфемизмы: «бомбардировки становятся «защитной реакцией», особо точные бомбардировки – «хирургическими ударами», разбомбленный дом автоматически становится «военным объектом», а ничего из себя не представляющая джонка, затонувшая в порту, – «морским транспортом» [14, с. 36].

Заключение

Таким образом, выявление этноцентрических элементов связано с понятием текстового (авторского) пространства, в котором преломляются представления носителей языка о пространстве, фиксируемые в языковой картине мира, предопределяемой архетипами национальных культур. При этом текст рассматривается как часть социально-психологического пространства общества, на которое проецируется ассоциативно-вербальная модель языковой личности политика. Пространственно-временные параметры восприятия реальности национально специфичны и закрепляются в предпочтительном употреблении определенных языковых форм и структур.

Смысл сообщения существенным образом зависит от контекста, который выступает важнейшим компонентом реализации фразеологической семантики. Очевидно, что текстологический анализ не может обойти стороной изучение контекстного функционирования языковых единиц. Другими словами, онтологически контекст выступает как объект изучения и может быть использован в качестве инструмента лингвистического анализа в плане дальнейшего выявления этнокультурных характеристик политической фразеологии как отражения сущностных параметров языковой личности общественного деятеля.

Языковая личность политика выступает в качестве активного элемента функционирования институционального дискурса. При этом институциональный дискурс трактуется как феномен коммуникации. Институциональная коммуникация осуществляется через политический (идеологизированный) текст, который трактуется как многоуровневая коммуникативная структура и носитель не только идиолектных характеристик, но и национальных особенностей коммуникации. Идиолектное и этнокультурное находятся в диалектическом взаимодействии, являясь частью дискретного процесса актуализации смысла высказывания, поэтому есть все основания использовать политический текст как основу анализа характерологической составляющей высказывания. Вместе с тем при анализе политического текста необходимо учитывать и экстралингвистические факторы, связанные с коммуникативной компетенцией реципиента институционального сообщения.

Список литературы

1. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Вопросы языкознания, № 5 (сентябрь-октябрь), АН СССР, 1953. – С. 12.
2. Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. 1971. – М.: Наука, 1972. – С. 367 – 395.
3. Ганапольская Е. В. Свободное слово или эзопов язык? (Фразеология как средство современной политической коммуникации) // Сборник научных трудов «Актуальные проблемы теории коммуникации». – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. – С. 108 – 112.
4. Герман Н. Ф. Лингвокультурная идентичность субъекта коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета, 2009, № 11 (149). Философия. Социология. Культурология. Вып.11. – С. 63 – 66.
5. Гришаева, Л. И. Особенности использования языка и культурная идентичность коммуникантов: монография. – Воронеж: ВГУ, 2007.
6. Долинин К. А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1985. – 288 с.
7. Лейкина Б. М. К проблеме взаимодействия языковых и неязыковых знаний при осмыслении речи. – Л.: Просвещение, 1974. – 147 с.
8. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 464 с.
9. Мухелишвили Н. Л., Шрейдер Ю. А. Постижение versus понимание // Семиотика: Тр. по знаковым системам. Вып. 23. – Тарту, 1989. – С. 3 – 17.
10. Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
11. Реферовская Е. А. Лингвистические исследования структуры текста. – Л.: Наука, 1983. – 215 с.
12. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация. – М.: Наука, 1977. – С. 129 – 222.

13. Цурикова Л. В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2002.
14. Bolinger D. Language – the Loaded Weapon: the Use and Abuse of Language Today. – London and New York: Longman, 1980. – 214 p.
15. Neubert A. Zu Gegenstand und Grundbegriffen einer marxistisch-leninistischen Soziolinguistik // Beitrage zur Soziolinguistik. – Halle (Saale), 1974. – S. 36.
16. Schmidt W. Zur Ideologiegebundenheit der politischen Lexik. – Zeitschr. fur Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, 1969, Bd. 22.

PHRASEOLOGICAL COMMUNICATION AS AN UPDATING WAY OF POLITICIAN'S LINGUISTIC PERSONALITY

A. P. Sedykh
I. V. Sopova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
sedykh@bsu.edu.ru*

The paper describes the phraseological institutional manifestation of linguistic identity and lingvosemiotical approach to its study. A theoretical background for modeling this type of linguistic identity is defined. The level of actual content is considered the most important for the selection of characterological traits of phraseological communication in an utterance. The other levels are taken into account in the contrastive description of the institution of the text and complement the essential parameters contained within the structure of the ethno-cultural code that underlies the construction of sentences in their native language. A politician's linguistic identity is regarded as an active component of the institutional discourse. The prospects for the analysis of political statements in the light of extralinguistic factors are marked and associated with communicative competence of the recipient of institutional communication.

Key words: phraseology, linguistic semiology, institutional discourse, communicative behavior, linguistic identity.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ КОМПРЕССИИ ИНФОРМАЦИИ В МАЛОФОРМАТНЫХ ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ПЕРИОДИКИ

**Ю. Г. Синельников
Е. В. Толстолуцкая**

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
sinelnikov@bel.ru
tols-evgeniya@yandex.ru*

Данная статья посвящена исследованию способов стилистической компрессии информации в текстах малого формата (ТМФ) современной французской прессы. Стилистическая компрессия в малоформатных текстах французских письменных СМИ достигается путем использования различных стилистических фигур, приемов и тропов, которые являются действенным средством повышения выразительности и эмоционально-психологического воздействия, позволяя сделать краткий, сжатый ТМФ более запоминающимся и несут соответствующую прагматическую нагрузку. Используя в одном малоформатном тексте французских письменных СМИ нескольких способов компрессии речи, авторы достигают более интенсивной компрессии содержания, чем в нейтральных по отношению к ним лексических соответствиях текстов большого формата.

Ключевые слова: малоформатный текст, компрессия, стилистические приемы, фигуры, тропы.

Каждый функциональный стиль характеризуется определенным общим способом организации речи. Газетно-публицистическая речь – это речь эмоционально-личностная, в которой образ автора совпадает с производителем речи, что создает особый, своеобразный строй речи – открытой, эмоциональной, «авторской» [1, с. 10].

Задача автора малоформатного текста современной французской печатной прессы состоит в том, чтобы передать основную идею текста в максимально сжатой и интересной форме. Для этого автор использует механизм целенаправленного воздействия при помощи эмоциональной насыщенности текста, привлечения внимания приемами, которые приводят реципиента в состояние, благоприятное для восприятия информации.

Функционирование компрессивных форм является характерным для текстов малого формата (ТМФ) французского газетно-публицистического стиля. Частое употребление компрессивных моделей в таких текстах определяется их способностью в комплексе реализовать основные принципы построения газетного текста: «принцип актуальности, принцип минимализма формы и принцип максимального объема содержания» [2, с. 5].

Изучением явления компрессии на страницах французских периодических изданий занимались такие исследователи, как М. В. Зеликов, А. А. Ларькина, Е. М. Чекалина, В. И. Селиванов, Е. А. Сухова, Ю. Н. Глухова, С. В. Слепцова, И. С. Марченкова, А. Sauvageot, P. Passy, A. Martinet и др.

В ходе наблюдения было выявлено сочетание в одном ТМФ современной французской прессы нескольких видов компрессии, что подчеркивает определенную специфичность данного типа текста. В настоящей статье ставится задача рассмотреть основные способы стилистической компрессии информации в ТМФ современной французской периодики.

Изучению стилистических способов компрессии информации в прессе посвящены работы М. М. Бахтина, К. А. Долинина, И. Н. Пожаровой, М. Р. Желтухиной, С. В. Тюниной, О. В. Шеломовской и др.

Особый интерес для исследования представляет использование в языке газеты стилистически окрашенных средств. Стилистически удачное сообщение позволяет очень экономно передать большой объем информации, поскольку стилистическая окраска языковых средств дает возможность передавать в речи дополнительно к основным

сведениям информацию социальную и эмоциональную без использования дополнительных языковых средств.

В ходе исследования было выявлено, что стилистическая компрессия в ТМФ французских письменных СМИ достигается путем использования различных стилистических фигур, приемов и тропов.

Как показал анализ, авторы ТМФ современной французской прессы часто используют такой эффективный прием стилистической компрессии речи, как синтаксический параллелизм, обусловленный параллелизмом тематическим, и сочетающийся зачастую с параллелизмом лексическим и ритмомелодическим. Приведем несколько примеров использования в ТМФ приема **параллелизма**, то есть игры словами при помощи повтора одинаково звучащих элементов: *Une collection sens dessus dessous!; Sirène et si sereine* [Elle été, № 3316, 2009, p. 11, 87].

Одним из эффективных способов стилистической компрессии в ТМФ современной французской периодики выступает соединение **параллелизма и контраста**, усиливающими эффект воздействия на адресата: ... *mais de véritables vêtements qui soulignent avec classe une robe du soir ou un tailleur strict* [Elle été, № 3316, 2009, p. 11]. В данном примере важно отметить случай синтаксической компрессии, выражающейся в опущении неопределенного артикля и качественного прилагательного в выражении *avec classe > avec (une grande) classe*; *Ceux qui dorment moins de sept heures par nuit ont trois fois plus de risque d'attraper un rhume que ceux qui dorment huit heures de plus* [Paris Match (P.M.), № 3115, 2009, p. 107]; *Des uns, émanent une profonde intimité, des autres, émanent ce qui nous est si familier aujourd'hui: l'absence d'intimité* [Elle été, № 3316, 2009, p. 18].

Исследование фактического материала позволило выявить такую разновидность параллелизма, как **структурный параллелизм**: *Le ravissement d'abord, devant ces modèles d'une rare beauté, entre bleu et noir, illuminés parfois d'une faveur rose sur la hanche. L'admiration, ensuite, pour ce créateur qui, en peu d'effets de matière, montre l'essentiel: le geste, la main qui sait donner vie à un drapé, une broderie fragile... Et enfin, de la peine, et une ovation quand le maître est venu saluer* [Elle été, № 3316, 2009, p. 10]. С точки зрения структурно-синтаксической компрессии, в приведенном примере встречается эллипсис глагола восприятия “éprouver” “испытывать” с безличным местоимением *on* и относительным местоимением *que* в качестве прямого дополнения: *Le ravissement d'abord, (qu'on éprouve) devant ces modèles d'une rare beauté...*, что подчеркивает высокую степень компрессивности малоформатных текстов современной французской периодики.

В ходе исследования было выявлено использование в ТМФ французских письменных СМИ такой синтаксической фигуры, как **антитеза**. В ТМФ современной французской прессы противопоставляться могут различные члены предложения и сочетания слов. Например, в противопоставлении участвуют такие члены предложения, как наречие: *en bas était son fils, en haut chantait sa femme*; существительное: *un pôle de bureaux et un autre pour les équipements publics* [P.M., № 3115, 2009, p. 36; 42]. Так, в одном сверхфразовом единстве встречается противопоставление нескольких членов предложения, что говорит о высокой продуктивности употребления в ТМФ современной французской прессы такой синтаксической фигуры, как антитеза: *Mieux vaut un peu d'eau froide chez soi que beaucoup d'eau tiède chez les autres* [Label France (L.F.), № 66, 2007, p. 5.] В исследуемых текстах можно встретить также противопоставление сочетаний слов: *le charmant petit monstre* (определение, существительное) [P.M., № 3115, 2009, p. 98]; *De moins en moins chers et de plus en plus performants ...* [P.M., № 3132, 2009, p. 122].

Анализ обследованного материала показал, что в ТМФ французской печатной прессы достаточно распространено использование такого стилистического приема, как **омонимия**: ... *deux raisons de perdre la raison!* (*raisons* “причины” – *raison* “разум”) [Elle été, № 3310, 2009, p. 22].

Такой стилистический прием, как **паронимическая аттракция** построен на повторении однородных звуков, входящих в состав двух и более сопоставляемых слов-паронимов, связанных звуковым повтором, что связывает ее с аллитерацией и рифмой. В отличие от омонимии, возможности паронимической аттракции значительно шире и интереснее, т.к. с помощью этого приема автор малоформатного текста выделяет слова, привлекая к ним внимание, вследствие чего они получают дополнительную интонационную и смысловую значимость: *Elle est à l'affiche d'un polar très noir, mais elle revient en «Lady Rouge»!* [Elle été, № 3316, 2009, p. 22];... *Désormais, une seule devise: métro, boulot, Marc-O pour 3,3 millions d'auditeurs* [P.M., № 3115, 2009, p. 30]; *Flic de choc dans «Secret défense»*... [P.M., № 3115, 2009, p. 36].

В случае имплицитной реализации паронимической аттракции, когда вместо ожидаемого слова появляется другое, созвучное с первым, корреляция возникает ассоциативно. На этом базируются **паронимические каламбуры**, например: *Entre deux mots, il faut choisir le moindre (Entre deux maux, il faut choisir le moindre)* [Francité, № 40, 2009, p.26]; *Le veau qu'a bu l'air (le vocabulaire)* [Francité, № 40, 2009, p. 27]; *L'ermite errant a duré jusqu'en 1994 (L'ère Mitterrand a duré jusqu'en 1994)* [Francité, № 40, 2009, p. 27].

В качестве эффективного приема воздействия авторы ТМФ современной французской прессы прибегают к использованию (или имитации) фразеологических оборотов, пословиц, поговорок и т. п.: *Votre cœur a ses secrets, votre corps ses trésors* [Elle, № 3198, 2007, p. 69]. Во второй части данного предложения опущен глагол *avoir* в 3-ем лице единственного числа, содержащийся в первой части, что позволяет говорить о таком случае опущения, как зевгма – опущение любого компонента простого предложения, находящегося в составе сложного в целях избежания повтора. Словами-паронимами в данном примере являются: *cœur – corps*.

Сущность **аллитерации** как стилистического способа компрессии информации во французской письменной публицистике состоит в повторении начальных элементов сопоставляемых слов, которые часто выделяются различными типографскими приемами в ТМФ французских письменных СМИ: *Sea, Sex et Soleil de la Sardaigne* [Elle été, № 3316, 2009, p. 69].

Эмоциональность и экспрессивность как стилевая черта ТМФ проявляются в отборе оценочных лексических средств, а также в средствах, создающих образность. Закрепление соответствующих языковых средств, дающих положительную или отрицательную оценку, составляет важную отличительную черту малоформатных текстов французского газетно-публицистического стиля.

Так, в ТМФ французских печатных СМИ широко представлены изобразительно-выразительные средства, в большей или меньшей степени уже закрепленные в речи или в пределах жанра, образность которых носит характер условного знака [1, с. 29] (положительной оценки: *bénéfice, le record du monde, gagner, apprécier, dominer, justifier, favoriser*, или отрицательной оценки: *la procédure, la défense, le danger, accuser, se battre*).

Эмоциональность и экспрессивность ТМФ современной французской прессы выражается в употреблении таких тропов, как **метафора, метонимия, образные сравнения**. Экспрессивность обеспечивается при помощи возникающего в результате метафоризации и метонимизации лексического несогласования.

Для малоформатных текстов французского газетно-публицистического стиля характерно широкое использование метафор, способствующих лаконизму выражения: *En peu de mots, tout est dit* [Elle été, № 3310, 2009, p. 12]; ...*Pour habiller une terrasse, habillez les rebords des fenêtres d'une multitude de bougies*... [Elle été, № 3316, 2009, p. 96]; *«Le Havre ou la poésie du béton...»* [L. F., № 68, 2007, p. 23]; ...*un gisement de générosité et de convivialité* [P.M., № 3034, 2007, p. 38]; *«Chambéry – capitale du soleil»* [L.F., № 68, 2007, p. 23]. Такое же постоянство наблюдается в использовании в ТМФ современной французской периодики метонимий, где семантически плотная информация, синтаксически развернутая до уровня многословного словосочетания, именуется одной лек-

семой (номинатором). Основным метонимическим алгоритмом в данном случае является «содержащее-содержимое»: *Quand la Russie disparaîtra ← la population de la Russie* [Courrier international, № 1040, octobre 2010, p. 16]; *Coupe Davis. La France perd le double en Autriche ← l'équipe de France en tennis* [Le nouvel observateur, mars 2011, p. 47]; *Un gouvernement peu sûr ← les membres du gouvernement* [Courrier international, № 1040, octobre 2010, p. 6]; ... *une delurée chez Balzac ← le film "La maison de chat qui pelote" d'après Balzac sur France 2* [P.M., №3122, 2009, p. 35]; *La fac à n'importe quel prix ← éducation à l'université* [P.M., №3122, 2009, p. 81].

Нередко авторы текстов малого формата современной французской прессы употребляют образные сравнения, например: ... *Des diamants assemblés comme de la dentelle autour d'un crâne en pierre ornementale* [Elle été, № 3316, 2009, p. 10]; ... *Rose comme la tendresse* [P.M., № 3130, 2009, p. 47]. В данном примере слово "rose" употреблено в значении "розовый цвет", который олицетворяется в сознании реципиента с нежностью и мягкостью предмета, выполненного в розовом цвете.

Используя такие тропы, как метафора и метонимия, авторы ТМФ французских письменных СМИ достигают более интенсивной компрессии содержания, чем в нейтральных по отношению к ним лексических соответствиях текстов большого формата. Это объясняется тем, что в малоформатных текстах современной французской периодики отражаемые языком события преподносятся в форме представления образной по выражению, экономичной по времени вхождения в память реципиента и емкой по содержанию информации.

Таким образом, употребление авторами в ТМФ французских письменных СМИ различных стилистических приемов, троп и фигур речи оказывается действенным средством повышения выразительности и эмоционально-психологического воздействия, позволяет сделать краткий, сжатый текст малого формата более запоминающимся. Такие средства делают текст сообщения не только эмоционально-окрашенным, но и несут определенную прагматическую нагрузку.

Список литературы

1. Солганик Г. Я. Введение / Стилистика газетных жанров: учебное пособие для вузов / Г. Я. Солганик, В. Н. Вакуров, Н. Н. Кохтев. – М.: Высшая школа, 1978. – С. 5 – 47.
2. Тюнина С. В. Компрессия как фактор формирования языка испанской газеты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / С. В. Тюнина. – СПб., 2009. – 24 с.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – изд-е 4-е стереотипное. – М.: КомКнига, 2007. – 576 с.

STYLISTIC INFORMATION COMPRESSION WAYS OF SMALL-SIZED TEXTS IN MODERN FRENCH PRESS

U. G. Sinelnikov
E. V. Tolstolutszkaya

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
sinelnikov@bel.ru
tols-evgeniya@yandex.ru*

The article is devoted to the stylistic information compression ways of small-sized texts in modern French press. Stylistic compression in small-sized texts in French press is achieved by the usage of different stylistic devices and tropes, which help to make a text more expressive and influence the reader in an emotional way; they also make the reader to memorize the texts and have the pragmatic meaning. The authors achieve more intensive content compression using some ways of speech compression in one small-sized text.

Key words: a small-sized text, compression, stylistic devices, tropes.

УДК 81'42

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МАЛОФОРМАТНЫХ ТЕКСТОВ НАЗВАНИЙ АМЕРИКАНСКИХ КИНОФИЛЬМОВ

Е. В. Скворцова*Самарский
государственный
университет**e-mail:
katyag@bk.ru*

В статье изложены результаты анализа прагмалингвистического потенциала малоформатных текстов названий американских художественных фильмов.

Ключевые слова: прагмалингвистика, малоформатный текст, рекламный дискурс.

В рамках современных прагмалингвистических исследований название фильма рассматривается как особое языковое образование, обладающее мощным прагмалингвистическим потенциалом, поскольку оно является квинтэссенцией авторского замысла, а также зоной пересечения всевозможных прагматических установок создателей кинокартины.

Яркой тенденцией в развитии новейшей американской киноиндустрии является ее четко выраженная коммерциализация. Джек Валенти, президент американской ассоциации кинопромышленников, – организации, которая объединяет крупнейшие киномонополии, в 1978 г. широкоэпистолично заявил: «Кинематограф – это искусство всемирного масштаба. И это глобальный бизнес. <...> Распространен ходячий миф, будто между искусством и бизнесом существует антипатия. Наоборот, они немислимы один без другого» [1, с. 32]. Подобную точку зрения высказывает И. Е. Кокарев, полагающий, что продукция современного Голливуда не имеет четких национальных границ, поскольку предназначена она для экспорта [2, с. 391].

Приведенные высказывания подчеркивают все усиливающуюся тенденцию к сплаву кинопроизводства с бизнесом. Как пишет И. А. Новикова, «кино более, чем любой другой вид визуального искусства, сочетает наиболее древние и местные художественные традиции с наиболее современными и глобальными рекламными кампаниями. Это культурная форма, насквозь пронизанная на каждом уровне практиками и парадоксами маркетинга – постмодернистской практики, которая осциллирует между пассивной репродукцией и активным перемоделированием аудиторий» [3, с. 165]. Фильм становится коммерческим продуктом, который необходимо как можно более выгодно продать. Средством достижения данной цели по праву выступает реклама, при этом название фильма играет роль своеобразной «этикетки» или «лейбла» рекламируемого товара.

Вся совокупность таких названий, рассматриваемых нами в качестве малоформатных текстов (МФТ), является частью сложного иерархически выстроенного дискурсивного пространства. Массово-информационный тип дискурса занимает в данной схеме главенствующее положение, являясь сложным интердискурсивным образованием, включающим более частные дискурсы (рекламный и кинодискурс). На границе между частными дискурсами находится конкретный дискурс рекламы фильма, составляющими которого являются малоформатные тексты названий американских художественных фильмов, которые, так или иначе, опосредованно включены в общий массово-информационный дискурс как его единицы.

Таким образом, МФТ названий американских фильмов, являясь интегративной частью дискурсивных пространств англоязычного кино и рекламы, реализуют свой прагматический потенциал уже в рамках дискурса рекламы фильма, представляющего собой пограничное явление массово-информационного типа дискурса.

В наиболее общем виде феномен рекламы определяется как «оплаченная, неличная коммуникация, осуществляемая идентифицированным спонсором и использующая средства массовой информации с целью склонить (к чему-то) или повлиять (как-то) на аудиторию» [4, с. 35].

Традиционно в рекламном дискурсе выделяются следующие компоненты: текст, экстралингвистический компонент, контекст, социокультурный фон, пресуппозиция [5, с. 4]. Все пять составляющих рекламного дискурса можно обнаружить в названиях американских фильмов, что свидетельствует о возможности соотнесения исследуемых номинативных единиц с рассматриваемым типом дискурсивного пространства.

Компонент *текст* представлен в нашем случае самим названием фильма, т.е. вербально выраженной частью рекламного сообщения. Особую роль здесь играют всевозможные речевые стратегии, помогающие эксплицитно донести до реципиента необходимую информацию и побудить его к просмотру фильма.

Экстралингвистический компонент представляет собой трейлер, рекламный ролик фильма на телевидении, афишу, листовку, анимационную рекламу в сети Интернет и т. п. Наименование фильма при этом всячески выделяется и подчеркивается (шрифтом, звуком, интонацией и т. д.), таким образом создатели рекламы делают ставку на различные виды памяти реципиентов (зрительную, слуховую и др.).

Под *контекстом* понимается среда, в которой существует данное рекламное сообщение в определенный период времени. В нашем случае контекст существования наименования фильма может быть сколь угодно разнообразным, что только усиливает прагматическое воздействие названия фильма на аудиторию.

Рекламный текст номинативных комплексов американских фильмов не просто присутствует на том или ином носителе информации, он представляет собой часть современного социально-культурного пространства, одновременно вбирая в себя и порождая всевозможные культурные установки, традиции, стереотипы и ассоциации. От того, как создатели фильма учитывают *социокультурный фон* в процессе поиска названия киноленты, зависит ее успех.

Как и в любом другом рекламном сообщении, в названии фильма прослеживается очевидное стремление его создателей заинтересовать аудиторию и убедить ее в покупке рекламируемого продукта, а данная интенция и лежит в основе *пресуппозиции* рекламного сообщения.

Особо необходимо подчеркнуть тот факт, что рекламный дискурс представляет собой симбиоз разных семиотических систем. Большая часть текстового континуума, формирующего дискурс рекламы фильма, представляет собой совокупность видеовербальных текстов, т.е. текстов, состоящих из объединенной смысловой связью последовательности знаков, относящихся к знаковым системам двоякого рода: естественного языка и иконической системы, воспринимаемой зрительными рецепторами.

Как отмечает О. В. Пойманова, по степени гетерогенности видеовербальные тексты делятся на тексты с нулевой (чисто вербальный или чисто иконический текст, например, всевозможные списки и перечни кинофильмов в журналах, газетах и интернет-сайтах) и ненулевой степенью гетерогенности (сочетание вербальных и изобразительных компонентов: рекламные видеоролики, листовки, киноафиши, интернет-реклама и т. д.). В зависимости от характера иконического компонента выделяются тексты со статичным (например, реклама фильма в журнале, киноафиша, листовки и т. п.) или динамичным (рекламный ролик фильма, который показывают по телевизору, либо в кинотеатрах перед киносеансом) изображением. Вербальная часть может быть устной (включающей а) живую речь и б) запись этой речи с помощью специальных технических средств), письменной (представленной а) рукописным и б) печатным вариантами (статичным или динамичным, например, бегущая строка в рекламном тексте), а также может включать знаки одного или нескольких естественных языков [6, с. 9 – 10].

Донская М. М., анализируя мультимедийный рекламный дискурс, пришла к выводу о том, что данный вид дискурса создается главным образом на основе че-

тырнадцати семиотических систем, три из которых относятся к сфере вербальных (устная речь, письменный текст и условно-буквенная тактика), а остальные являются невербальными (цвет, раскадровка, танец, кинесика, статика, мимика, музыка, пение, звуковые эффекты, костюм, вид и состояние героев \ явлений \ объектов). При этом исследователь отмечает, что основными смыслоносителями в рекламном ролике могут быть как вербальный, так и невербальный компоненты, причем первый проявляет себя как абсолютно доминирующий уже в чисто количественном плане: в том или ином виде текст на английском языке фигурирует в 100% проанализированного материала, что нельзя сказать ни об одной другой из 11 остальных семиотических систем, наиболее регулярно выступающих в качестве смыслоносителей в англоязычной телевизионной рекламе [7, с. 6]. Что касается рекламы фильмов, то вербальный компонент (в нашем случае, название фильма) будет присутствовать во всех типах рекламных материалов.

Прагмалингвистический потенциал вербальной составляющей рекламы фильма реализуется путем регулярного использования структурных, семантических и прецедентных маркеров на всех уровнях заголовочных комплексов кинолент.

На синтаксическом уровне прагматический потенциал названий фильмов заложен в следующих синтаксических конструкциях:

– односоставное номинативное предложение с порядковым номером, указывающим на положение данного фильма в ряду одноименных кинолент:

Beethoven's 3rd (2000); American Pie 2 (2001); Beethoven's 4th (2001); Mimic 2 (2001); Scary Movie 2 (2001); Blade 2 (2002); The Santa Clause 2 (2002); Sniper 2 (2002); Bad Boys 2 (2003); Beethoven's 5th (2003); Inspector Gadget 2 (2003); Scary Movie 3 (2003); Sniper 3 (2004); Species 3 (2004); Saw 2 (2005); Big Momma's House 2 (2006); Clerks 2 (2006); Saw 3 (2006); Scary Movie 4 (2006); Saw 4 (2007); Hatchet 2 (2009). Необходимо отметить, что порядковый номер обычно появляется у фильмов, предшествующие версии которых имели хорошие прокатные сборы, следовательно, создатели фильма, присваивающие ему порядковый номер, надеются привлечь внимание публики уже известным, зарекомендовавшим себя названием. По мнению исследователя фильмонимов Ю. Н. Подымовой, «преимущество данных построений в том, что они выполняют аккумулятивную функцию, возвращая зрителя к первой части кинокартины и указывая на то, что представляемый фильм является продолжением уже известного» [8, с. 70]. В то же время, нумерация частей обеспечивает восприятие фильма как совершенно нового продукта киноиндустрии, хотя и имеющего логическую связь с предыдущими творениями;

– односоставное номинативное предложение, представляющее собой сокращение: *U-571 (2000); K-Pax (2001); L.I.E. (2001); xXx (2002); R.S.V.P. (2003); S.W.A.T. (2003); Rx (2005); SideFX (2005); RV (2006); P2 (2007); K-11 (2009)*.

Сокращения в роли подлежащих – явление весьма редкое, однако такого рода названия обладают значительным прагмалингвистическим потенциалом: в случае если зритель не знает, что обозначает данное сокращение, он будет крайне заинтересован в его расшифровке;

– односоставные глагольные предложения, состоящие из глагола в повелительном наклонении:

Excuse My Dust (1951); Beat the Devil (1953); Kiss Me Kate (1953); Don't Say a Word (2001); Analyze That (2002); Deliver Us From Eva (2003); Trust the Man (2005); Come Early Morning (2006); Stay Alive (2006); Meet the Spartans (2008).

Глагол в повелительном наклонении обеспечивает эффективную реализацию модальности побудительности наименования фильма, что создает объективные условия для успешной коммуникации в форме диалога: создатели ленты напрямую обращаются к зрителям с весьма интригующими, а порой и шокирующими заявлениями: *Kill Me Later (2001); Die, Mommie, Die! (2003); Hit Me (2005); Imagine Me & You (2005)*;

– неполные двусоставные предложения:

Cheaper by the Dozen (1950); No Way Out (1950); Too Young to Kiss (1951); Under the Gun (1951); Against All Flags (1952); Just for You (1952); No Room for the Groom (1952); From Here to Eternity (1953); Young at Heart (1954); Bigger Than Life (1956); No Down Payment (1957); Under Fire (1957); Left Behind (2000); More Dogs Than Bones (2000); On the Beach (2000); Ready to Rumble (2000); Under Suspicion (2000); No Such Thing (2001); Not Another Teen Movie (2001); About a Boy (2002); Live From Baghdad (2002); Out for a Kill (2003); Out of the Ashes (2003); Vampires vs Zombies (2004); Without a Paddle (2004); Down in the Valley (2005); Stranger Than Fiction (2006); Ten 'til Noon (2006); Wanted (2008); Brooklyn to Manhattan (2009).

Феномен частотного использования данного типа предложений в качестве названий кинофильмов объясняется, на наш взгляд, распространенностью такого рода предложений в разговорной речи (смысл реплик в этом случае проясняется благодаря контексту). Создатели фильма надеются таким образом приблизиться к аудитории, наладить своеобразный диалог со зрителем, ответная реакция которого проявит себя желанием «продолжить беседу» с помощью просмотра данного продукта киноиндустрии;

– сложные парцелированные предложения:

Blair Witch 2: Book of Shadows (2000); Hellraiser 5: Inferno (2000); The Lord of the Rings: The Fellowship of the Ring (2001); American Psycho 2: All American Girl (2002); 44 Minutes: The North Hollywood Shoot-Out (2003); Christmas Vacation 2: Cousin Eddie's Island Adventure (2003); Legally Blonde 2: Red, White & Blonde (2003); Barbershop 2: Back in Business (2004); Dirty Dancing 2: Havana Nights (2004); Farscape: The Peacekeeper Wars (2004); Tremors 4: The Legend Begins (2004); Dracula 3: Legacy (2005); Disaster Zone: Volcano in New York (2006); National Treasure: Book of Secrets (2007); Bachelor Party 2: The Last Temptation (2008); Smokin' Aces: Blowback (2009).

Грамматическая прерывистость связи в названиях, представляющих собой парцелированные сложные предложения, выступает как особое средство реализации рекламного потенциала исследуемых малоформатных единиц: первая часть предложения имеет в большинстве случаев прецедентный характер (название уже вышедшего ранее фильма), что обеспечивает узнаваемость продукта киноиндустрии. Кроме того, синтаксическая структура таких названий способствует реализации информативной функции: вторая часть предложения является логическим продолжением, развертыванием первой части. Иными словами, первая и вторая части таких предложений выполняют функции темы и ремы соответственно.

На семантическом уровне прагматический потенциал МФТ названий кинофильмов реализуется за счет использования в названии фильма единиц, актуализирующих концепты, выражающие общечеловеческие ценности:

– концепт «любовь»: *Love Is Better Than Ever (1952); Easy to Love (1953); I Love Lucy (1953); The Story of Three Loves (1953); Love Is a Many-Splendored Thing (1955); Love Me Tender (1956); Love and Sex (2000); Love the Hard Way (2001); It's All About Love (2003); Love Actually (2003); Love Don't Cost a Thing (2003); Love Object (2003); A Love Song for Bobby Long (2004); Love on the Side (2004); When Will I Be Loved (2004); A Lot Like Love (2005); Must Love Dogs (2005); Feast of Love (2007); Love in the Time of Cholera (2007); P.S. I Love You (2007); Love Lies Bleeding (2008); Nobody Loves Alice (2008);*

– концепт «семья»: *The Family Secret (1951); The Family Man (2000); Thanksgiving Family Reunion (2003); The Family Stone (2005); Father Is a Bachelor (1950); Father Makes Good (1950); Father's Wild Game (1950); Father's Little Dividend (1951); Daddy Day Care (2003); First Daughter (2004); Son of the Mask (2005); Dream Wife (1953); The Farmer Takes a Wife (1953); The Unholy Wife (1957); My 5 Wives (2000);*

– концепт «религия»: *White Christmas (1954); Jump Into Hell (1955); To Hell and Back (1955); From Hell to Texas (1958); Shake Hands with the Devil (1959); The Devil's Disciple (1959); Hellblock 13 (2000); From Hell (2001); Hell Asylum (2002); Santa Clause 2*

(2002); *Demon Slayer* (2003); *Devil Winds* (2003); *Devil's Pond* (2003); *Hellborn* (2003); *Hellboy* (2004); *Judas* (2004); *Satan's Little Helper* (2004); *Single Santa Seeks Mrs. Claus* (2004); *The Devil and Daniel Webster* (2004); *The Passion of the Christ* (2004); *Demon Hunter* (2005); *Hellraiser: Deader* (2005); *Satan's Playground* (2005); *Satanic* (2006); *A Christmas Too Many* (2007); *Christmas in Wonderland* (2007); *The Ten Commandments* (2007);

– концепт «дом»: *House by the River* (1950); *Three Came Home* (1950); *Home Town Story* (1951); *House of Wax* (1953); *Money from Home* (1953); *House of Bamboo* (1955); *House on Haunted Hill* (1959); *Big Momma's House* (2000); *The Glass House* (2001); *Home Alone 4* (2002); *Home Room* (2002); *Sweet Home Alabama* (2002); *The House on Turk Street* (2002); *A Home at the End of the World* (2004); *House of D* (2004); *House of Wax* (2005); *A Prairie Home Companion* (2006); *Big Momma's House 2* (2006); *Glass House: The Good Mother* (2006); *Home of the Brave* (2006); *The House of Usher* (2006); *Welcome Home, Roscoe Jenkins* (2008).

Названия фильмов, содержащие лексические единицы с негативной коннотацией, также служат рекламным целям за счет своего вызывающего и шокирующего характера:

Criminal Lawyer (1951); *A Crime* (2006); *Dial M for Murder* (1954); *Anatomy of a Murder* (1959); *Murder at the Presidio* (2005); *Kill or Be Killed* (1950); *The Killer That Stalked New York* (1950); *Killers from Space* (1954); *Instinct To Kill* (2001); *Kill Me Later* (2001); *Kill Bill: Vol. 1* (2003); *A Killer Within* (2004); *The Assassination of Richard Nixon* (2004); *Slaughtered Vomit Dolls* (2006); *Vengeance Valley* (1951); *The Sniper* (1952); *Attack of the Crab Monsters* (1957); *2001 Maniacs* (2001); *Cutthroat Alley* (2003); *Face of Terror* (2003); *A History of Violence* (2005); *Cruel World* (2005); *Fierce People* (2005); *Slayer* (2006); *I Died a Thousand Times* (1955); *The Dead Will Tell* (2004); *Wake of Death* (2004); *Dead Men Walking* (2005); *Death to the Supermodels* (2005); *Death Ride* (2006); *Ride Sweet Die Slow* (2006); *The Dead Girl* (2006); *Death At A Funeral* (2007).

Важно отметить также и тот факт, что название фильма не всегда соответствует жанровым ожиданиям зрителей. Например, среди названий, отражающих концепт «насилие», зарегистрированы комедии (*Ordinary Decent Criminal* (2000); *Death to Smoochy* (2002); *Wish You Were Dead* (2002); *Die, Mommie, Die!* (2003); *Pauly Shore Is Dead* (2003); *P.S. Your Cat Is Dead!* (2003); *The Ladykillers* (2004); *Death to the Supermodels* (2005); *2 Hitmen* (2007); *Over Her Dead Body* (2008)). Несмотря на то, что такие названия имеют в своем составе лексические единицы с негативной коннотацией, семантика всего заголовочного комплекса передается при помощи ироничного, либо гротескного подтекста. Здесь образы насилия представляют собой своеобразный «экранский аттракцион, являющийся <...> очень эффективным способом привлечения внимания потенциальных зрителей к фильму» [9, с. 147].

Использование бинарных оппозиций в названии фильма способствует прагматическому воздействию на зрителя, поскольку дает ему возможность самому определять положение концепта на своей индивидуальной аксиологической шкале:

– «плохой/хороший»: *Born to Be Bad* (1950); *So Young So Bad* (1950); *The Good Humor Man* (1950); *The Bad and the Beautiful* (1952); *Bad Apple* (2004); *A Good Year* (2006); *The Good German* (2006); *The Good Shepherd* (2006); *All Good Things* (2009); *I Can Do Bad All by Myself* (2009); *The Good Heart* (2009);

– «большой/маленький»: *Three Little Words* (1950); *The Big Sky* (1952); *The Big Trees* (1952); *Little Fugitive* (1953); *The Big Knife* (1955); *God's Little Acre* (1958); *The Big Country* (1958); *Big Fat Liar* (2002); *Little Black Book* (2004);

– «последний/первый»: *The Last Frontier* (1955); *The First Traveling Saleslady* (1956); *Last Train from Gun Hill* (1959); *First Snow* (2006); *Last Holiday* (2006);

– «темный/светлый»: *Dark City* (1950); *Journey Into Light* (1951); *By the Light of the Silvery Moon* (1953); *Down Three Dark Streets* (1954); *A Light in the Forest* (2002); *Black Dawn* (2006); *Dark Corners* (2006); *The Valley of Light* (2007).

Наличие в структуре МФТ названия фильма прецедентного феномена само по себе является фактом реализации прагматического потенциала названия киноленты,

поскольку порождает в сознании реципиента ассоциативные цепочки, заставляя задуматься о возможном сюжете фильма, что, вероятнее всего, приведет к тому, что человек все же посмотрит кинофильм:

Peter Pan (2003); Hamlet (2000); Doctor Zhivago (2002); Harry Potter and the Sorcerer's Stone (2001); Harry Potter and the Chamber of Secrets (2002); Harry Potter and the Prisoner of Azkaban (2004); Spider-Man (2002); Spider-Man 2 (2004); Hitler: The Rise of Evil (2003); Julius Caesar (2002); The Assassination of Richard Nixon (2004); King Arthur (2004); The Audrey Hepburn Story (2000); Helen of Troy (2003); Jason and the Argonauts (2000); Judas (2004); The Passion of the Christ (2004); The Santa Clause 2 (2002); Single Santa Seeks Mrs. Claus (2004); Lara Croft: Tomb Raider (2001).

Прецедентные феномены, обнаруженные в МФТ названий американских фильмов, с одной стороны, отражают ценностные ориентации национально-лингвокультурного сообщества (в данном случае – американского общества), с другой, – формируют и определяют их, влияя на модели социального поведения членов этого сообщества.

Итак, малоформатный текст названий американских художественных фильмов является вербально выраженным компонентом дискурса рекламы фильма, что позволяет провести исследование его прагмалингвистического потенциала на синтаксическом, концептуальном и прецедентном уровнях. Выявленные особенности на каждом из перечисленных уровней способствуют эффективному решению основной прагматической задачи рассматриваемого дискурсивного пространства, а именно, – продвижению продукта киноиндустрии на англоязычном рынке развлекательных услуг.

Список литературы

1. Разлогов К. Э. Конвейер грез и психологическая война. Кино и общественно-политическая борьба на Западе. 70-80-е годы. – М.: Политиздат, 1986. – 238 с.
2. Кокарев И. Е. Российский кинематограф: между прошлым и будущим. М.: Рос. фонд культуры : Рус. панорама, 2001. – 486 с.
3. Новикова И. А. Репрезентация мужественности и войны в советских и российских кинофильмах // Гендерные исследования. № 6. 2001. – С. 163 – 186.
4. Уэллс У., Бернет Дж., Мориарти С. Реклама: принципы и практика. СПб., 2003. – 800 с.
5. Усачева А. Н. Лингвистические параметры концепта «состояние здоровья» в современном английском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. – 17 с.
6. Пойманова О. В. Семантическое пространство видеовербального текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. – 24 с.
7. Донская М. М. Английский язык в мультимедийном пространстве рекламного дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. – 24 с.
8. Подымова Ю. Н. Названия фильмов в структурно-семантическом и функционально-прагматическом аспектах. Дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2006. – 205 с.
9. Тарасов К. А. Аттрагирующее воздействие насилия на «большом экране» // Экранизация истории: политика и поэтика / Отв. ред. Л.М. Будяк. М.: Материк, 2003. С. 147 – 150.

PRAGMALINGUISTIC POTENTIAL OF MINIFORMAT TEXTS NAME OF AMERICAN MOVIES

E. V. Skvortsova

*Samara
State
University*

*e-mail:
katyag@bk.ru*

The paper presents the results of the analysis of American film titles' pragmatic potential.

Key words: pragmalinguistics, microtext, advertising discourse.

УДК 81'42

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» В РОМАНАХ ДЖУЛИАНА БАРНСА

О. Н. Филина

Тульский
государственный
педагогический
университет
им. Л. Н. Толстого

e-mail:
filini83@mail.ru

Статья посвящена исследованию различных способов языковой репрезентации концепта «любовь» в творчестве английского прозаика постмодернистского периода Джулиана Барнса. Анализируются особенности языковой репрезентации концепта «любовь» – одного из базовых концептов, отражающих представления о «терминальных» ценностях и «экзистенциальных благах».

Ключевые слова: концепт, постмодернизм, постмодернистский роман.

Язык – величайшее творение человеческого разума, многогранное, неповторимое, его единицы вступают в сложные смысловые отношения между собой, создавая величины новые, более крупные – такова структура языка. Любая человеческая деятельность неизменно связана с мыслительными процессами, которые воплощаются в языковую форму через те или иные понятия. Содержание понятия, имеющего большое значение для культуры, называют концептом. Концепт – базовое понятие одного из перспективных направлений в лингвистике – когнитивного (изучающего процессы хранения и передачи знаний посредством языка). Именно сейчас, когда основным объектом научного познания является человек, все большую актуальность приобретают исследования в когнитивистике, дающие возможность посредством языка увидеть отражение мыслительных процессов. Одним из основных методов, используемых в когнитивной лингвистике, является концептуальный анализ, позволяющий на примере одного объекта изучения проследить ход когнитивных процессов при порождении и восприятии языкового высказывания.

Предметом нашего исследования был выбран концепт «любовь» отнюдь не случайно. Концепт «любовь», безусловно, отражает представления о базовых («терминальных» [1]) ценностях и «экзистенциальных благах» [2]), в которых выражены основные человеческие убеждения, принципы и жизненные цели, и стоит в одном ряду с концептами счастья, веры, надежды, свободы. Он непосредственно связан с формированием у человека смысла жизни как цели, достижение которой выходит за пределы его непосредственно индивидуального бытия. Однако, в постмодернистском рассмотрении данный концепт получает несколько иную интерпретацию. Приводимый в настоящей статье анализ языковых средств репрезентации концепта «любовь» (love) выполнен на материале романов английского прозаика-постмодерниста Джулиана Барнса «Попугай Флобера» (Flaubert's Parrot, 1984 [3]), «История мира в 10 ½ главах» (A History of the World in 10 ½ Chapters, 1989 [4]), «Англия, Англия» (England, England, 1998 [5]).

Понятие «любовь» (love) трактуется в «Словаре английского языка и культуры» («Longman Dictionary of English Language and Culture») следующим образом: *a strong feeling of fondness for another person; fondness combined with sexual attraction; warm interest and enjoyment and attraction; to have a strong liking for; take pleasure in* [6].

Словарь сочетаемости «Oxford Collocations Dictionary for Students of English» приводит следующие наиболее часто употребляемые слова и выражения со словом «любовь» (love):

- **adjective:** deep, great, overwhelming, passionate, genuine, pure, real, true;
- **verb:** feel, have, search for, seek, express, show, share, give, send;
- **adverb:** dearly, deeply, passionately, really, tenderly;
- **phrases:** head over heels in love, love at first sight, the love of smb's life [7].

Как мы видим, оба словаря определяют «любовь» как положительное эмоционально – психическое состояние, которое проявляется через светлое, искреннее чувство привязанности и сердечного влечения, испытываемого человеком к другому живому существу.

В исследуемых нами романах «История мира в 10 ½ главах», «Попугай Флобера», «Англия, Англия» слово «любовь» является одним из ключевых и употребляется в трёх названных произведениях более 160 раз: 58 – «История мира в 10 ½ главах», 56 – «Попугай Флобера», 54 – «Англия, Англия».

Следует отметить, что выделение ключевых слов на уровне текста, является одной из труднейших задач лингвистики текста, поскольку единой методики их обнаружения все еще не существует [2]. По общепринятому мнению, которое отражено в высказывании И. В. Арнольд, «семантически, тематически и стилистически наиболее существенными являются повторяющиеся в данном тексте значения, выступающие в необычных сочетаниях» [2].

Важны в порождении ключевых доминантных смыслов слова, обнаруживающие в тексте разнообразие и богатство лексических связей, предполагающих «отношения синонимии, антонимии, морфологической производности (однокоренные слова), семантической производности (возможные образные употребления данного слова) и вообще любые отношения, при которых сопоставляемые слова обладают каким-нибудь видом семантической общности» [2].

С ключевым словом парадигматически и синтагматически сближаются лексические единицы, обобщение семантики которых позволяет смоделировать структуру концептосферы «любовь» (love). Проведённый нами анализ позволил выявить следующую группу слов, употребляемых в контексте понятия «любовь»: death (34), sex (12), sleep (27), bed (12), truth (29), kiss (26), natural (13), bad (33), wrong (21), unhappy (13). Анализ всех контекстов, обнаруживающих индивидуальные, порой уникальные представления британского писателя-постмодерниста о любви, позволяет представить концептосферу «любовь» (love) в виде поля.

Ядром любой концептосферы является обобщённая когнитивно-пропозициональная структура, которая помогает смоделировать концепт и осуществить наглядное представление его ментальной структуры. Подобное моделирование становится возможным в результате обобщения регулярно повторяющихся в лексических, фразеологических, текстовых репрезентациях концепта его существенных свойств, обнаруживающих знания о мире.

Когнитивно-пропозициональная структура формируется на основе совокупности однородных элементов, имеющих общие интегрированные и дифференциальные признаки. Истолкование концептов кроется в семантическом пространстве близких по смыслу групп слов – тематических, семантических, – в типовом наборе существенных семантических признаков [2].

Пропозиция есть особая структура представления знаний. По мнению Ю. Г. Панкраца, существует особый тип репрезентации знаний-пропозициональный [2]. Носителями этих знаний в тексте являются чаще всего предикатные (признаковые) слова-глаголы, прилагательные, наречия. Вот почему необходимо исследовать в тексте контексты, содержащие слова одной семантической области.

Ядром концептосферы «любовь» романов Дж. Барнса является когнитивно-пропозициональная структура, которая представлена следующими аспектами: субъектом и причиной-источником. В данных трёх романах Джулиан Барнс определяет любовь как глубокое сильное чувство, которое вопреки всем надеждам и ожиданиям не приносит человеку счастья, а, напротив, делает его несчастным. Тем не менее, лишь испытывая это чувство, человек может быть искренним и не бояться фальши и булфорного характера современного мира-хаоса. Для того чтобы подтвердить данное суждение на материале романов, выделим субъект и причину-источник:

1. Субъект любви: Марта Кокрейн в романе «Англия, Англия», которая с детства не верит в искренность любви, так как следует совету матери: “Then Martha told him

her mother's opinion that men were either wicked or weak" [5]; Джеффри Брейтуэйт – любитель-флорист, который всё ещё скорбит по своей жене: "Part of love is preparing for death" [3]; сам писатель, повествующий о любви в главе «Интермедия» (Parenthesis): "So where does love come in?" [4].

2. Причина – источник любви: Джулиан Барнс пишет в одной из глав романа «История мира в 10 1/2 главах»: "The heart isn't heartshaped, that's one of our problems" [4], подчёркивая важность восприятия любви не как слова, которое у всех на устах и уже потеряло для многих смысл, а как важной части духовной культуры, которая хранит больше тайн и загадок, чем пирамида Хеопса: "After death the heart becomes a pyramid (it has always been one of the wonders of the world); but even in life the heart was never heartshaped" [4];

"I love you. ... If the words come too easily to hand, we'll use them without thought, we won't be able to resist" [4].

Источник любви Джулиан Барнс видит в проявлении физической и духовной близости, как правило, во время сна. Сон для писателя – отрезок времени, когда человек принимает себя таким, каков он есть на самом деле. Именно поэтому практически все откровенные разговоры между двумя любящими героями происходят в романах Джулиана Барнса в спальне: "Let me tell you something about her. It's that middle stretch of the night, when the curtains leak no light..." [4]; "They were in bed; the lights were out; their bodies were tired, their minds still fretful with caffeine. They were on a nervous run of talk edging towards aggression. Why was it like this, Martha wondered. Why did love seem to come with a subversive edge of boredom attached, tenderness with irritation?" [5].

С точки зрения нашего современника Джулиана Барнса, любовь – это что-то непонятное и сложное, тем не менее определённым является то, что чувство любви делает жизнь каждого понятнее. Когда человек влюбляется, всё становится на свои места, мир делится на чёрное и белое: "He couldn't believe how falling in love with Martha made things simpler" [5];

"You can't love someone ...without beginning to see the world from another point of view" [5].

В романах британского писателя-постмодерниста любовь и правда (love and truth) очень тесно связаны. По сути дела, правда равняется любви: "Love and truth, that's the vital connection, love and truth. Have you ever told so much truth as when you were first in love? Have you ever seen world so clearly? Love makes us see the truth, makes it our duty to tell the truth" [4].

Несмотря на то, что любовь никогда не принесёт человеку счастья и не сделает его жизнь веселее: "Love makes you happy? No. Love makes the person you love happy? No. Love makes everything alright? Indeed no" [4], она является единственным спасательным кругом в хаосе и беспорядке современного мира: «... and still insist that love is our only hope. It's our only hope even if it fails us...» [4].

Итак, в романах Дж. Барнса концепт «любовь» включает следующие смыслы: это духовное чувство, которое не поддается научному объяснению (даже если хирургически вскрыть один из его источников – сердце, центральный орган, символ души, переживаний, чувств, настроений), и единственный проводник в мир идеального из мира хаоса и беспорядка. Несмотря на то, что любовь никогда никого не делала и не сделает счастливым, согласно Джулиану Барнсу, чувство это является единственным, оставшимся у современных людей, оно не таит в себе фальши и правдивее любых научных концепций и теорий.

Список литературы

1. Джидарьян И. А. Представление о счастье в российском менталитете / И. А. Джидарьян // Ин-т психологии РАН. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 132.
2. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учебник для вузов / Л. Г. Бабенко. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. – С. 103 – 111.

3. Брудный А. А. Психологическая герменевтика / А. А. Брудный. – М., 1998. – С. 75.
4. Barnes Julian. Flaubert's Parrot / Julian Barnes. – London: Jonathan Cape, 1984. – 190 p.
5. Barnes Julian. A History of the World in 10½ Chapters / Julian Barnes. – London: Jonathan Cape, 1989. – 307 p.
6. Barnes Julian. England, England/ Julian Barnes. – London: Jonathan Cape, 1998. – 266 p.
7. Longman Dictionary of English Language and Culture. – Harlow: Pearson Education Ltd, 2006. – 1620 p.
8. Oxford Collocations: Dictionary for students of English.-Oxford University Press, 2002. –1570 p.

ABOUT SOME WAYS OF THE REPRESENTATION OF THE CONCEPT “LOVE” IN THE NOVELS BY J. BARNES

O. N. Filina

*Tula
State
Lev Tolstoy
Pedagogical
University*

*e-mail:
filini83@mail.ru*

This article is devoted to the analysis of different ways of language representation of the concept “love” in the novels by J. Barnes.

Key words: concept, postmodern culture, postmodern novel.

УДК 811.161.1

«ТРИКСТЕР» КАК ЛИНГВОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП И ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЯЗЫКОВЫМИ СРЕДСТВАМИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

И. В. Чекулай
О. Н. Прохорова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
chekulai@bsu.edu.ru
prokhorova@bsu.edu.ru*

Понятие языковой личности предполагает её сложную структуру, объединяющую индивидуальные психологические параметры личности и его языковую и речевую компетенцию. Одной из составляющих этой сложной структуры является лингвопсихологический тип. В статье рассматриваются особенности трикстера как лингвопсихологического типа.

Ключевые слова: язык, речь, лингвопсихологический тип, трикстер.

Трикстер — шут, пересмешиник; тот, кто ставит все с ног на голову, высмеивает великих и заставляет усомниться в очевидном. Известно: от великого до смешного лишь один шаг. Как правило, это шаг вперед, за границы изведенного. Важность трикстера в любом серьезном деле известна давно. Меркурий, Локки, Иван-дурак — классические трикстеры.

«Чёрная луна» О. Маркеев.

Жизнь – вещь в своей основе серьёзная. В ней есть многие вещи, с которыми шутить нельзя (семья, любовь, начальство; в одной из песен в детском фильме о приключениях Петрова и Васечкина звучит очень серьёзная мысль, которую школьница адресует своему ровеснику: «Не смей с коллективом шутить!»; и многие-многие другие). Но, в то же время, смешное или несерьёзное является не менее важной составляющей частью жизни. Если регулярно не переосмыслять неприятные, тяжёлые или имеющие общественную значимость вещи, то очень просто человек может лишиться не только душевного спокойствия, но и серьёзно заболеть психически. не только В связи с последним люди, но и общество в целом расположено к более рациональной с различных точек зрения комбинации серьёзных вещей и их несерьёзного переосмысления, нежели к сугубо деловому её восприятию. Это наблюдается не только в наличии комических жанров в различных видах искусства (комедии в театре и кинематографии, шаржей и карикатур в изобразительном искусстве и т. п.), но и в государственной системе организации увеселительных и развлекательных культурных мероприятий, выражающейся в создании таких конкретных учреждений, как цирки, комнаты смеха и т. п. Смешное, таким образом, является реверсом основных, так называемых серьёзных, отношений в обществе.

Такое положение не могло не отразиться на том, что наряду с такими серьёзными, реально существовавшими или вымышленными, общественно значимыми лицами, такими как правители, полководцы, государственные деятели важную часть культурно значимых персоналий составляют люди, несерьёзные либо по роду их профессии или рода занятий, либо живущие легко и непринуждённо независимо от того общественного положения, которое они занимали. Несомненно, к таким людям мы относимся неоднозначно. Естественно, такие проявления несерьёзного они могли демонстрировать эпизодически, но, тем не менее, данные поступки становились яркими деталями на общем фоне истории отдельного государства или человеческого общества в целом. И, несомненно, в обществе имеется образное представление о человеке, со-

вещающем серьёзные дела с несерьёзным, ёрническим отношением, буффонадой оценки таких дел или состояний. Очень удобным для номинации таких людей представляется слово ТРИКСТЕР.

Согласно данным электронного словаря Wikipedia и Online encyclopedia «Кругосвет», трикстер характеризуется лукавством, хитроумием, коварством, жестокостью, способностью к трансформациям или перевоплощению [[http://www.krugosvet.ru/enc/kultura I obrazovanie/teatr I kino/ TRIKSTER.html//](http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/teatr_i_kino/TRIKSTER.html//)]. В английском языке данный концепт имеет следующее определение: „A trikster is a god, goddess, spirit, man, woman or anthropomorphic animal who plays tricks or otherwise disobeys normal rules and conventional behaviour [<http://en.wikipedia.org/wiki/Trickster>]».

Следует отметить, что русскоязычный термин «трикстер» получил свою интерпретацию и в сфере лингвокультуроведения. Так, описывая различные типы «английских чудаков», В. И. Карасик и Е. А. Ярмахова так характеризуют Тони и Сэма Уэллеров «Отец и сын Уэллеры – это герои-трикстеры, веселые проказники, часто попадающие в затруднительное положение, но не унывающие и умеющие дать происходящему философскую оценку» [2, с. 96].

Как можно увидеть из эпиграфа к настоящей статье, определение понятия, или, точнее, концепта ТРИКСТЕР не представляет особой сложности к его пониманию. Несложна и его этимология; любому человеку, знающему английский язык на элементарном уровне, понятно, что это существительное образовано присоединением к основе существительного *trick* («трюк, неожиданный ход речи или действий») суффикса – *ster*, передающего, как правило, отрицательные оценочные коннотации (так, по крайней мере, считает И. В. Арнольд [1, с. 97 – 99]). Тем не менее, следует отметить, что этот суффикс может образовывать и вполне нейтральные субстантивы [3, с. 99 – 100]. На наш взгляд, это не случайно, поскольку концепт ТРИКСТЕР представляет собой более сложное образование, нежели простое понимание ШУТА.

Очевидно, рассмотрение данного концепта следует начать с того, что на его примере как нигде более очевидно обнаруживается подтверждение тезиса о том, что понятия «концепт» и «языковое значение» ни в коем случае нельзя смешивать, поскольку последнее намного уже, нежели первое уже хотя бы потому, что «трикстерство» не обязательно может быть выражено языковыми средствами, хотя чаще всего его мотивационной основой являются, в первую очередь, речевые действия. Такими классическими примерами немого трикстерства являются, безусловно, Чарли Чаплин, известные клоуны, а в нашей стране – артисты-мимы типа таких творческих групп, как «Лицедеи» и «Маски-шоу», хотя, конечно, последняя представляет собой не столько трикстерский коллектив, сколько ёрничанье, лишённое серьёзной концептуальной основы и направленное на достаточно низкий уровень эстетического восприятия. В то же время трикстер – это также и более широкое понятие, чем МИМ, поскольку он, как правило, озвучивает свои трюки.

Чтобы лучше осознать содержание этого концепта, необходимо установить его существенные признаки. Таковыми, на наш взгляд, являются следующие:

- трикстер – это не эпизодические или даже достаточно частые проявления ёрнического отношения к отдельным фактам и событиям действительности; это, скорее, образ жизни или составная его часть, например, профессия. Исторически в русской общей и религиозной культуре данную нишу составляли монахи, нищие или иные подвижники, оставлявшие простые мирские удобства, намеренно подвергающие себя страданиям и лишениям, но не избегающие человеческого общества, как, например, преподобная Мария Египетская, - иными словами, ЮРОДИВЫЕ.

Данный концепт нуждается в дополнительной интерпретации, поскольку в русской православной патрологии, фольклоре и художественной литературе существуют имеющие существенные различия образы юродивых.

Несомненно, классическим юродивым является Василий Блаженный, не только отмеченный как реальное историческое лицо, но и достаточно выразительно изобра-

жённый А. К. Толстым в повести «Князь Серебряный». Поскольку художественные образы определённой литературной традиции являются составной частью общей системы общественных отношений, иными словами, национальной картины мира, в том числе и её языковой составляющей, представляется существенным проанализировать речевое поведение данного персонажа.

Вообще Василий (его чаще в повести именуют просто «Вася») появляется в произведении лишь два раза – во время приближения Никиты Серебряного к дому Морозова и во время казни Коршуна, Басмановых, Вяземского, Морозова и других. Его речи немногочисленны, но они весомы в контексте всего произведения. В принципе, немногословность и в то же время многозначительность – это основная речевая характеристика Василия. Речь его обращает на себя внимание прежде всего потому, что доля повествовательных предложений в его речи меньше, нежели это характерно для обычного типа дискурса. Очень часто он использует такое риторическое средство, как вопрос вместо отрицательного или повелительного предложения, и при этом, внешне адресуя своё высказывание конкретному лицу, он в то же время говорит для всех присутствующих, например:

– Ты, ты! – сказал он [обращаясь к Серебряному], как будто удивляясь, – зачем ты здесь, между ними?

И, не дожидаясь ответа, он начал петь: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых!» [...]

– Посмотри на блаженного, – сказал он, хватаясь за узду царского коня. – Что ж не велишь казнить и блаженного? Чем Вася хуже других?

Начиная с XIX в., в русской художественной литературе появляются трикстеры иного рода. Они грамотны, эрудированны, умны в житейском смысле этого слова. Прототипическим трикстером такого склада можно считать Георгия Печорина. Он ставит в идиотское положение Грушницкого и княжну Мери, а также многих, кто так или иначе имеет отношение к ним – пехотного капитана, мужа Веры. «Потрикстерски» Печорин ведёт себя и с человеком, которому он многим обязан – Максиму Максимычу. Появляется новый типаж, являющийся гремучей смесью для общества. Он эгоистичен, но не трус (ср. Базарова, не боящегося стреляться на дуэли и проявляющего завидное самообладание перед лицом неминуемой смерти; также геройски ведёт себя Печорин в «Фаталисте»). С приходом в русскую литературу критического реализма как основной литературной тенденции эпохи сменился и иной концептуальный тип личности – ГЕРОЙ.

В «Воине и мире» представлены два трикстера – Анатолий Курагин и Долохов. Их объединяет ЭГОИЗМ – желание жить, не считаясь с мнением окружающих людей. Тем не менее, это разные типы личности. Курагин в лазарете на поле Бородинской битвы ведёт себя как женщина, хотя, конечно, надо признать, что едва ли в тот трагический для себя момент он мог контролировать себя. В то же время резким контрастом ему является князь Андрей, претерпевающий не менее тяжкие физические и моральные страдания. Долохов отважен, постоянно рискует жизнью в бою, но людей он не ценит (достаточно вспомнить его черствость в реакции на гибель Пети Ростова).

• Трикстер остроумен, но не всегда лукав. Он скорее простодушен, но при этом не глуп. Концепт русской культуры ДУРАК слишком широк для того, чтобы быть вмещённым в рамки концепта ТРИКСТЕР, но, тем не менее, у этих двух концептов есть очень много точек (если не сказать «пространства») соприкосновения. Если проанализировать «Народные Русские Сказки» под ред. А. Н. Афанасьева, то легко заметить, что в рамках трёх томов дурак дураку рознь. Это и дурак по собственной воле («Незнайко», «Неумойка»), и дурак людской молвой, и дурак как умственно отсталый («Набитый дурак»), и дурак внешне, а по сути богатырь («Фролка-сидень»), и дурак просто в силу особенностей поведения («Дурак и журавль»). Надо сказать, что окончательная «типология» сказочных дураков на этом не заканчивается. Внутри всякого типа дураков встречаются люди как порядочные, так и подлые, как прагматичные, так и бескорыстные, одни из них действуют откровенно, неприкрыто, в то время как

другие могут плести интриги. Но в этих сказках человек, называемый дураком, даже если действует очень рационально и прагматично, всегда делает это неприкрыто, делает это обычно напоказ, с бравадой, в то время как добрые и бескорыстные дела он обычно совершает втуне, не претендуя на награду непосредственно после совершения благого дела. Очень часто, совершив подвиг, дурак исчезает с места события, и плодами его трудов пользуется другой человек (очевидно, поэтому в русском языковом менталитете слова «дурак» и «простодушный» часто рассматриваются как синонимы).

Если сравнить традиционно простодушного русского трикстера с его западными визави, то нетрудно заметить их некоторые отличия. Проанализировав существенные характеристики классических европейских трикстеров, можно сразу отметить, что они не столь альтруистичны, как русский ДУРАК или ЮРОДИВЫЙ. Возьмём мифологических трикстеров, упомянутых в эпиграфе – представителей древнегреческого (Гермес, он же Меркурий) и древнегерманского (Локи). Гермес традиционно считается покровителем не только торговли и купцов, но и воровства, с которого он начинал свою жизнь. Злым шутником является и бог зла Локи из произведений германской мифологии.

Если взять другие европейские образы, главным образом персонажей известных произведений художественной литературы, то достаточно однозначно можно сказать, что их можно называть дураками лишь по формальным показателям. Это, в частности, такие классические образы, как персонаж одноимённого произведения Ш. де Костера Тиль Уленшпигель и Шут из «Короля Лира» У.Шекспира. Оба, будучи облачёнными в шутовские одежды, обладают фактически философским складом ума. В то же время они совершают далеко несерьёзные действия, в которых, обратно-таки, заложен глубокий философский смысл. Тем самым можно говорить о концепте, отличающемся от концепта ДУРАК – ШУТ.

Следует отметить, что и в русской фольклорно-концептуальной картине мира есть аналогичный концепт. Парадигма русских народных сказок, озаглавленная как «Шут», показывает, что русский Шут, в отличие от Дурака, не столь простодушен, часто злобен и не прощает обид. В ответ на издевательства других шутов или братьев он вынуждает их купить у него козу по несуразно высокой цене, имитируя, что большую нужду она справляет золотыми монетами, заставляет убить жён на том основании, что у него есть «плётка-живилка», которую он обратно-таки продаёт им по высокой цене, и т. п.. Конечно, Шут из «Короля Лира» показывает себя поистине преданным и бескорыстным человеком, сродни русскому Иванушке-дурачку, но это, пожалуй, единственный известный, по крайней мере, нам, случай. Другие европейские трикстеры, не обязательно связанные образом жизни с её шутовским укладом, например Панург из романа Ф. Рабле, Жиль Блас из произведения А.-Р. Лесажа, Хромой Бес у Л. Велеса де Гевара, Арлекин в итальянской «Комедии масок» и другие, гораздо более прагматичны, нежели их восточно-славянские «коллеги».

В англо-саксонской литературе также существуют образы трикстеров, имеющие свою специфику: они, как правило, неплохие философы, причём философы практического склада, реализующие свои знания для реализации реальных нужд. Выше были указаны отец и сын Уэллеры из «Посмертных записок Пиквикского клуба» Ч. Диккенса. Уже упомянутый шекспировский Шут, как известно, постоянно поучающий своего хозяина и изрекающий достаточно серьёзные сентенции, не является единственным представителем трикстерства. Другой, ещё более известный шекспировский персонаж, принц Датский Гамлет, тоже является трикстером, прикинувшемуся душевнобольным для удовлетворения собственной мести. Несколько менее известны трикстеры-детективы в рассказах Г. К. Честертона; это патер Браун и судья Черил Грант; в какой-то мере трикстером является и Эркуль Пуаро из серии произведений А. Кристи. Свои дедуктивные умозаключения они делают в необычных ситуациях, используя свои знания мира, которые едва ли можно назвать логичными. Часто для раскрытия преступлений они совершают внешне несуразные, а порой и общест-

венно порицаемые действия. Так, в рассказе «Сапфировый крест», отрывок из которого приведен ниже, отец Браун для того, чтобы навести сыщиков на след преступника Фламбо, совершает ряд таких действий. Он в кафе меняет соль и сахар, рассыпает лоток у торговца фруктами, выплескивает суп на стенку в итальянском ресторане, разбивает окно, прилюдно справляет малую нужду и пр. Это трикстеры спекулятивного, философского типа, и их высказывания отличаются, как и парадоксы О.Уайльда, глубоким содержанием при нелогичности формы, чему, впрочем, как правило впоследствии даются логические основания, например:

'How in blazes do you know all these horrors?' cried Flambeau.

The shadow of a smile crossed the round, simple face of his clerical opponent.

'Oh, by being a celibate simpleton, I suppose,' he said. 'Has it never struck you that a man who does next to nothing but hear men's real sins is not likely to be wholly unaware of human evil?'

– А вы-то откуда знаете всю эту гадость? – воскликнул Фламбо.

– Наверное, потому, что я простак-холостяк, – сказал Браун. – Вы никогда не думали, что человек, который все время слушает о грехах, должен хоть немножко знать мирское зло?

Англоязычные американцы, генетические корни которых в основном тесно переплетаются с жителями Великобритании и Ирландии, успели приобрести свою специфику не только в материальных сферах в жизни. Именно благодаря особенностям своего менталитета, специфического понимания взаимоотношений Соединённых Штатов и прочих стран мира американцы сумели противопоставить себя всему миру, что во многом и объясняет негативное отношение многих европейцев, азиатов, африканцев и латиноамериканцев не только к властям этого государства, но и его рядовым гражданам. Ментальная «особость» американцев проявляется и в специфике американского трикстера. Он более сдержан в плане юмора и философии, но гораздо более прагматичен по сравнению с европейскими трикстерами. Можно сказать, что в Соединённых Штатах говорить о трикстерстве достаточно сложно, поскольку поведение и образ жизни таких людей является скорее свидетельством экстравагантности. Единственное, что объединяет американских и европейских трикстеров – это маркированный эпатаж в действиях. Чаще всего это обусловлено материальными возможностями к эпатажу: это внезапно разбогатевшие старатели, прикуривающие от сотенных банкнот (в какой-то мере это соответствует тому, что Остап Бендер называл «гусарством» в условиях Советской России), или же, напротив, крайняя скардность людей, отнюдь не нуждающихся (например, известная жадина-миллионерша, увольнявшая горничных за то, что они выбрасывали обмылки, которые, по мнению хозяйки, можно было использовать ещё несколько раз). Именно по причине нечёткости границ этого концепта применительно к условиям североамериканского менталитета трудно отыскать и подходящие прототипические литературные или исторические прототипы такого характера. Очевидно, сюда можно отнести нескольких героев произведений О.Генри, ярчайшими из которых, пожалуй, являются «благородные жулики» Энди Таккер и Джефф Питерс, проворачивающие остроумные аферы, но в итоге остающиеся у разбитого корыта. Их речь не только изобилует образными сравнениями и метафорами, неожиданными языковыми ассоциациями, но и исполнена случаями сочетания претензии на высокую эрудированность при достаточно безграмотной форме экспликации этих знаний, что вызывает ироническое отношение, в частности:

'Scientific demonstrations,' says I. "The triumph of mind over sarsaparilla. The belief that there is no pain and sickness except that is produced when we ain't feeling well. Declare yourself in arrears. Demonstrate."

– Пролегомены науки, – говорю я. – Победа разума над сарсапариллой [растение вида Smilax]. Вера в то, что болезни и страдания существуют только в нашем организме, когда вы чувствуете, что вам нездоровится. Признайте себя побежденным. Демонстрируйте!

В последнее время все чаще и чаще в исследованиях семантических характеристик дискурса исследователи наряду с текстами художественных печатных произведений используют видеоматериал, что вполне объяснимо, поскольку в текстах живого интервью, репортажа звучит живая, неподготовленная речь, а фильм является творческой интерпретацией написанного сценария, где талантливый актёр может живо преподать образ определённого психологического или социального типажа. На наш взгляд, в современной американской кинематографии есть удачный образ типичного трикстера. Это профессиональный жулик и карточный шулер Бретт Мейверик в одноимённом фильме в исполнении Мела Гибсона. Мейверик также использует образные, цветастые обороты в своей речи, находчив в ситуациях, требующих быстрого решения, для чего великолепно использует лексические, синтаксические, интонационные и прочие средства, чтобы внушить собеседнику заведомую чушь как единственно правильное решение определённой проблемы. В то же время он, как и прочие трикстеры, склонен к философствованию.

Жители Восточной Азии традиционно воспринимаются как крайне сдержанные люди. Тем самым по определению представляется едва ли возможным говорить о трикстерах в восточной культуре в целом и в восточной языковой культуре в частности. Тем не менее, в китайской классической литературе такой герой обнаруживается. Это Царь обезьян Сун У-кун из известного мифологического произведения «Путешествие на запад». Сун У-кун совершает героические поступки и в то же время параллельно ведёт себя как типичный трикстер: съедает персики бессмертия в императорском саду, ворует и съедает таблетки бессмертия, приготовленные самим Лао Цзы для приглашенных на императорский прием, срывает этот прием спаивая слуг, совершает множество других пакостей и убегает из дворца [<http://www.zhivun.ru/.200902.24/.puteshestvie-na-zapad>].

В арабском и персидском фольклоре трикстеры также являются одними из наиболее популярных персонажей. В персидской сказке «Балхский суд» трикстером является молодая женщина – девушка по имени Шахрашуб, что означает «Смута города». Это трикстер особого рода – она не просто проделывает трюки с коррумпированным судьёй и его приспешниками, она мстит за поруганную честь своего рода. Вообще в персидских сказках, как это ни странно для исламского мира, трикстерами достаточно часто являются женщины. Чаще всего их шутки направлены на мужчин, и эти шутки зачастую далеко не безобидны. Так, например, женщины спорят на волшебные вещи, кто из них сыграет лучшую шутку со своим мужем, и одна из них заставляет мужа – почтенного судью – уйти в мечеть (аналог европейского «уйти в монастырь»). В сказке «Сакине» (собственное имя героини) девушка, обнаружив разбойника, переодевшегося женщиной, заставляет «тётушку» при всех пойти в баню, и там всем гаремом они ей отрезают «лишнее мясо».

В арабских сказках наиболее известным трикстером является легендарный Ходжа Насреддин, но он не является единственным в своём роде. Так, герой сказки «Ярдан Кули-бек» обводит несколько раз вокруг пальца не менее легендарного Харуна ар-Рашида, который всё время пытается помешать Ярдану проводить вечер в пирах и наслаждениях, но всё время герой сказки находит выходы из ситуации.

Таким образом, трикстер является универсальным персонажем не только фольклорных произведений, но и героем произведений многих именитых авторов практически во всём мире. Это не только просто универсальный образ, это зачастую один из либо очень популярных, либо просто любимых типов личности у многих народов как высоко цивилизованного, так и не очень цивилизованного мира. И одной из наиболее ярких характеристик трикстера как социально-психологического типа является его речь.

Общий лингвистический анализ рассмотренных случаев персонажной речи трикстеров отмечает прежде всего такие их общие черты, как прагматико-стилистические модели построения речи в речевом взаимодействии с оппонентами и

партнёрами. Одной из наиболее типичных моделей «трикстерской» речи является ирония, исполненная речевых парадоксов – обыгрывания неоднозначности словосочетаний, каламбуров и прочих видов игры слов, - рассчитанная на то, чтобы использовать речь оппонента в своих целях, например:

Приятный звучный и очень настойчивый баритон послышался из ложи N 2:

– Все-таки желательно, гражданин артист, чтобы вы незамедлительно **разоблачили** бы перед зрителями технику ваших фокусов, в особенности фокус с денежными бумажками. Желательно также и возвращение конферансье на сцену. Судьба его волнует зрителей.

– Пардон! – отозвался Фагот, - я извиняюсь, здесь **разоблачать** нечего, все ясно.

– Нет, виноват! **Разоблачение** совершенно необходимо. Без этого ваши блестящие номера оставляют тягостное впечатление. Зрительская масса требует объяснения.

– Зрительская масса, – перебил Семплеярова наглый гаер, – как будто ничего не заявляла? Но, принимая во внимание ваше глубокоуважаемое желание, Аркадий Аполлонович, я, так и быть, **произведу разоблачение**. Но для этого разрешите еще один крохотный номерок?

– Отчего же, - покровительственно ответил Аркадий Аполлонович, – но непременно с разоблачением!

– Слушаюсь, слушаюсь. Итак, позвольте вас спросить, где вы были вчера вечером, Аркадий Аполлонович? ... (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Любителям творчества М. А. Булгакова несомненно помнят, чем закончилось **разоблачение** вечерних походов Аркадия Аполлоновича. С точки зрения исследования речевых стратегий и тактик здесь обращает на себя многократный повтор в пределах достаточно ограниченного контекстуального участка одной и той же лексической единицы. Построение речи Коровьева-Фагота является типичным для трикстера. С одной стороны, это демонстративно учтивая, доходящая до «галантерейного» статуса речь. С другой стороны, при всей внешней любезности и вежливости автор-трикстер позволяет себе перебивать своего визави, говорить колкости, язвить и т. п. В данном примере такое комбинированное речевое «антидействие» выражено анафорой *Зрительская масса...*

Собственно «речевой трикстеризм» может быть свойственен и людям, в основном ведущим себя в жизни серьёзно, занимающим иногда достаточно ответственные позиции в обществе. Так, в повести В. О. Богомолова «Момент истины» опытный оперативник, капитан СМЕРШа Павел Алёхин, пытаясь «прокачать» (т. е. выяснить лицо шпиона и тем самым определить его потенциальную возможность сопротивляться) группу из трёх парашютистов-диверсантов, прибегает к стратегии «трикстерства», которая в результате оказывается наиболее эффективной. Приведённый фрагмент речи Алёхина, который под видом помощника патруля разговаривает с диверсантами, показывает типичные для трикстера речевые приёмы в его речи:

Развернув сложенный вчетверо белый листок – справку о ранении, – Алехин, улыбаясь, заметил старшему лейтенанту:

– А мы с вами, как говорится, эта... земляки... В одном госпитале лежали... Я ведь там тоже... около месяца... по болезни...

Он снова посмотрел на справку и, чуть помедля, доверительно сообщил:

– У меня там в госпитале женщина была... Повариха!.. Красивая и гладкая, одно слово – краля! И солидная, как генеральша! Во!.. – Он широко развел руками на уровне бедер, показывая "солидность" поварихи, и лицо его сделалось мечтательно-довольным. – Достоянная женщина!.. Может, знаете, Лизавета, младший сержант?

– Нет, не знаю, - после некоторой, пожалуй, излишне затянутой паузы урюмо сказал старший лейтенант. – Я поварихами не интересовался!

– Оно так... оно верно... – понимающе вздохнул Алехин и опять уставился в документы (В. Богомолов. Момент истины).

Следует отметить, что речевое поведение трикстера в настоящее время является одной из распространённых моделей речевого поведения не только так называемой «элиты», «светской тусовки», но и людей, занимающих важные посты в политике, экономике, силовых структурах и даже в науке и образовании. Типичными «речевыми трикстерами» могут выступать лидеры партий или государств. В какой-то мере это повлияло и на то, что многие руководители на постсоветском пространстве стали перенимать фатовской, «трикстерный» способ общения с людьми, особенно с подчинёнными. Особенно это распространено среди руководства частных предприятий и учреждений, но вирус трикстеризма проник и в государственную систему. На первый взгляд, данное явление внешне выглядит достаточно безобидным, однако нетрудно заметить, что оно является составной частью современного речевого нигилизма и бескультурья, к имиджу современного руководителя прибавляет мало приятного.

Возвращаясь к характеристикам трикстерской речи, следует отметить, что указанные для русской речи такого типа характеристики свойственны и другим языкам; иными словами, это универсальные характеристики. Но их универсализм обусловлен, на наш взгляд, не столько собственно языковыми особенностями, сколько общеповеденческими факторами. Иными словами, трикстер – это не просто языковая личность, это универсально-языковая личность. Достаточно сравнить речевое поведение Коровьева-Фагота и другого знаменитого трикстера, Тиля Уленшпигеля, чтобы увидеть черты подобия указанных речевых тактик:

– *Heilige Majesteit, ik zal U noch geld, noch erfgoederen, noch het leven vragen, doch enkel iets voor hetwelk gij beloven moet, als ik zoo spreken durf, mij niet te zullen doen geeselen of radbraken, vóór dat ik naar de andere wereld vertrek.*

– *Dat beloof ik, sprak de keizer.*

– *Majesteit, zei Uilenspiegel, ik vraag dat, vóór ik gehangen worde, gij mijnen mond komt kussen met denwelken ik geen Vlaamsch spreke....*

– *Ваше святейшее величество, - начал Уленшпигель, - я не прошу ни денег, ни поместий, не прошу даже о помиловании, - я прошу вас только об одном, за какую мою просьбу вы уж не бичуйте и не колесуйте меня – ведь я и так скоро отойду к праотцам.*

– *Обещаю, - сказал император.*

– *Ваше величество! – продолжал Уленшпигель. – Прежде чем меня повесят, подойдите, пожалуйста, ко мне и поцелуйте меня в те уста, которыми я не говорю по-фламандски.*

Как нетрудно заметить, вся внешняя елейность речи Уленшпигеля перед лицом смерти полностью компенсируется неоднозначной семантикой этой внешне суперделкатной речи – король, который обязан выполнить последнее желание казнимого, ставится в не допускающее какую-либо иную интерпретацию и тем самым практически безвыходное положение: либо поцеловать при всём народе Уленшпигеля в известное место и казнить его, либо отпустить его. Таким образом, можно вывести следующую важную характеристику трикстерской речи – трикстер соблюдает приличную форму своей речи, в то же время чётко учитывая её семантические параметры исходя из прагматических целей и задач. Трикстер – это прежде всего мастер речевого акта, чётко соблюдающий органическое единство иллокутивных и перлокутивных факторов, эффективно прогнозирующий результат своего речевого действия и извлекающий из неё максимум выгод для себя.

Тема трикстера (впрочем, как и других лингвопсихологических типов) практически неисчерпаема, и при этом она находится ещё у самых истоков. Полезность её дальнейшей разработки состоит в том, что она позволяет выработать лингвопсихологическую модель анализа основного интерпретанта субъективного оценочного воздействия – человека, говорящего на определённом языке и использующего его особенно-сти, личный жизненный опыт и индивидуальные поведенческие характеристики для того, чтобы достичь максимального прагматического эффекта от своих речевых и неречевых действий.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка : учеб. пособие / И. В. Арнольд. – 3-е изд., перераб. – М. : Высш. шк., 1986. – 295 с.
2. Карасик В. И. Лингвокультурный типаж «английский чудак» : монография / В. И. Карасик, Е. А. Ярмахова. – М.: Гнозис, 2006. – 240 с.
3. Чекулай И. В. Ценность и оценка в категориальной структуре современного английского языка: Дис... д -ра филол.наук 10.02.04-германские языки / И. В. Чекулай. – Белгород, 2006. – 473 с.

“TRICKSTER” AS A LINGUO-PSYCHOLOGICAL TYPE AND ITS LINGUISTIC REPRESENTATION IN THE SPACE OF FICTION

I. V. Chekulai
O. N. Prokhorova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
chekulai@bsu.edu.ru
prokhorova@bsu.edu.ru*

The notion of a language personality suggests its complex structure which combines the individual psychological parameters and his or her language and speech competence. The lingo-psychological type is one of the immediate components of this compound structure. The article deals with the peculiarities if the trickster as of a lingo-psychological type.

Key words: language, speech, lingo-psychological type, trickster.

УДК 811.11:81

СПОСОБЫ АССИМИЛЯЦИИ ФРАНЦУЗСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ КОНЦЕПТОСФЕРУ «FOOD»/ «REPAS» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

П. Ю. Янина

*Столичная
финансово-гуманитарная
академия,
г. Москва*

*e-mail:
polyna_yanina@mail.ru*

В данной статье рассматривается процесс ассимиляции французских заимствований в английском языке. Наибольший интерес представляет семантическое освоение иноязычных слов, поскольку процесс их освоения является отражением вхождения новых концептов в концептосферу этноязыковой культуры, заполнения концептуальных лакун путем заимствования концептуальных смыслов.

Ключевые слова: когнитология, национальная ментальность, семантическая ассимиляция.

Изучение в нашей работе концептосферы «Food»/ «Repas»/«Еда» связано, прежде всего, с тем, что она относится к числу базовых, универсальных, где наиболее полно отражается национальная специфика, характерная для определенного лингвокультурного сообщества. Этот аспект является одним из важных факторов жизнедеятельности человека, однако лингвокогнитивная специфика этого концепта в английском и французском языках еще недостаточно изучена. Наибольший интерес представляет семантическое освоение иноязычных слов, поскольку процесс их адаптации является отражением вхождения новых концептов в концептосферу этноязыковой культуры, заполнения концептуальных лакун путем заимствования концептуальных смыслов. Активным средством ассимиляции оказываются разнообразные семантические трансформации заимствованных слов, в частности, расширение или сужение семантики заимствованной единицы в языке-реципиенте. Сужение семантики слов трактуется как результат когнитивно-вербальной дифференциации человеческим сознанием объектов физического и ментального мира, а расширение семантики – как следствие когнитивно-дискурсивной интеграции сознанием человека различных фрагментов действительности. Изменение семантической структуры заимствованного слова отражает процесс смыслового развития репрезентируемого концепта. Теоретически известно, что из всех языковых подсистем внешним влияниям наиболее подвержена лексическая, поскольку словарный запас языка не может не реагировать на бурные изменения, связанные с общим развитием лингвокультуры общества. Мы в свою очередь исходим из того, что изменения лексической системы языка влекут за собой изменения и в других ярусах языковой системы, в частности, в словообразовании.

Слово, попав в чужую языковую среду, теряет связь со словами родного языка и в своем дальнейшем развитии подчиняется лексическим закономерностям заимствовавшего языка. Это выражается в том, что слово постепенно становится все более употребительным в данном языке, оно приобретает способность к словообразованию, развивает многозначность, свободно сочетается со словами исконной лексики и входит в состав фразеологических единиц. Весьма показательным для лексической ассимиляции заимствованных слов является развитие у них способности к словообразованию в заимствовавшем их языке. Как известно, в словообразовании особенно наглядно выступают внутренние законы развития языка. Образование новейших слов происходит по тем моделям, по тем словообразовательным типам, которые уже установились в языке или вновь возникают. Французские заимствования со временем получают возможность образовывать новые слова по имеющимся в языке словообразовательным моделям и подчиняются, как было отмечено выше, наиболее продуктивным способам словообразования английского языка: словосложению, аффиксации, кон-

версии. Так, ряд слов приобретает довольно обширные словарные гнезда, образованные при помощи словообразовательных средств английского языка: Mutton – muttony, muttonhead, muttonheaded, mutton-chop; mutton-chop whiskers;

He was a small man with old-fashioned mutton-chop whiskers — Профессор Экстейн был крошечный человечек. Его лицо обрамляли старомодные бачки [5, с. 157].

Will you eat your mutton with me to-day, Palmer? — Не пообедаете ли вы со мной сегодня, Пальмер? [18, с. 516].

'They are popular in the neighborhood, I gather.' 'Some of the old cats don't like 'em,' said General Grant. 'A good deal of mutton dressed as lamb round here.' - Только не старухи, - сказал генерал Грант. - У нас здесь полно молодящихся старух [6, с. 324].

You should be settin' these lasses an example as the lives they lead. Instead you're a length or two in front with a lot of bloody nonsense, mutton dressed up as lamb... — Ты обязана дочерям пример жизни подавать. А вместо этого ты еще пыжишься молодежь переплюнуть, расфуфырилась на старости лет... [4, с. 221]

Следует отметить, что исконные суффиксы встречаются в сочетании с французскими заимствованными словами лишь после значительного промежутка времени после того, как эти слова попадают в английский язык (100 – 200 лет). Так, французское заимствование *ginger*, заимствованное в XIII ст. (из старо-французского *gingivre*), начинает образовывать производные лишь в начале XVI столетия, впервые форма переходного глагола – *to ginger* встречается приблизительно к 1500 г., затем образуются форма прилагательного и наречия – *ginger, gingerly, gingerliness*. К этому времени слово *ginger* приобрело довольно широкое распространение, активно входит в состав фразеологических оборотов, часто употребляется в текстах этого периода.

Sir Toby: "...Dost thou think, because thou art virtuous, there shall be no more cakes and ale?" Clown: "Yes, by saint Anne; and ginger shall be hot i' the mouth too." — Сэр Тоби: «...Или ты думаешь, что если ты добродетелен, так уж не должно быть ни пирожков, ни пива?» Шут: "Да, клянусь святой Анной, и рот должно обжигать имбирем» [19, с. 118].

But if our generation flatters itself that it discovered sex, it is wrong. Were there no cakes and ale before girls bobbed their hair and smoked cigarettes? Yes, by Saint Anne, and ginger was hot i' the mouth too — Напрасно наше поколение кичится тем, что оно открыло секс. Это не так. В чем, в чем, а в радостях жизни наши деды знали толк, когда стриженных девиц с сигаретой во рту еще и в помине не было. Клянусь святой Анной, и они умели любить [11, с. 19].

Английское существительное «*sugar*», заимствованное от старо-франц. *сисре* в XIII веке в результате активного употребления также начинает образовывать производные формы по правилам грамматики английского языка. Уже к XV в. появляется форма переходного и непереходного глагола *to sugar*, затем появляются формы: *sugarless, sugar-like, sugared, sugariness, sugaring, sugary, sugarplum*, В начале XIX в. – *sucrose, saccharose, sugar-free, sugarallie, sugarcoaled*. Заимствование также активно входит в состав различных фразеологических оборотов:

"Joe: "...how do you women get that way - all sugar and honey one minute and the next minute tearing and spitting like wild cats?" [17, с. 43] — Джо: "...как это вы, женщины, можете так себя вести: то источаете медовые речи, а то вдруг шипите и царапаетесь, как дикие кошки?";

"...how do you feel? Wet?' General Cummings grinned. 'It's all right,' he shouted, 'you're not made of sugar.'" [14, с. 676] — ...как вы себя чувствуете?.. Промокли? Генерал Каммингс ухмыльнулся. – Все в порядке, – крикнул он. – Не сахарные, не растаем.

Of course she is an attractive girl, but doesn't she regard you as some sort of uncle or sugar daddy? [15, с. 325] — Не спорю, Джулиан хорошенькая девочка, но не смотрит ли она на тебя только как на старого дядюшку или как на выгодного, хотя и пожилого поклонника?

Таким образом, сочетание французских слов с английскими суффиксами, а, следовательно, и способность данных слов к словопроизводству становятся возмож-

ными лишь тогда, когда эти слова уже успели распространиться в языке и были уже в значительной степени им усвоены. Образование от них производных слов с помощью исконных аффиксов свидетельствовало о дальнейшей ассимиляции данных слов в системе английского языка. Характерно, что заимствованные слова образовывали производные в сочетании с продуктивными суффиксами (-ful, -less, -ly, -ness, -ed, -er, -ing и др.). Большинство слов французского происхождения с этими суффиксами отличается значительной употребительностью в современном английском языке, например, *sauceless, lemony, spicer, entry, sugarless, fritted, fruitless, fruitfully, fruitfulness, gratinated, pasted, pastiness, pasting, creamer, creamery, creaming, vealer, oilery, gingerly, gingerliness, muttony, toaster, toasty, raisiny, mushrooming, buccaning* и др. Количество подобных гибридов в английском языке значительно превышает их количество в других языках. Как видно из приведённых примеров, сочетания в гибридах могут быть самые разнообразными, исконные аффиксы могут сочетаться с заимствованными корнями, а также и, наоборот, исконные корни с заимствованными аффиксами, в одном и том же слове могут одновременно наличествовать исконные и заимствованные аффиксы и т. д. Так, например, современное английское слово *eatable* - съедобный образовано от общегерманского по происхождению глагола *eat* «есть» с помощью суффикса *-able-*, заимствованного из французского языка. Это происходит в том случае, если в языке появляется большая группа слов, использующая одни и те же словообразовательные аффиксы, которые с течением времени начинают выделяться в сознании говорящих. В результате морфологическая структура заимствованных слов осознаётся данным народом, корневые морфемы приобретают реальное значение и способность к дальнейшему словообразованию, тогда как англоязычные аффиксы используются для образования новых слов (так в английском языке появился целый ряд суффиксов и префиксов французского происхождения – *ment, al, ess, ice, able, ence* и др.).

Одним из признаков лексической ассимиляции заимствований является их способность входить в качестве одного из компонентов в состав сложных слов. Слово-сложение – важный способ английского словообразования. С когнитивной точки зрения сложное слово является результатом лексического воплощения нескольких семантических категорий, в которых познающий субъект осуществляет концептуализацию действительности. Сложные слова дают возможность аспектно выразить новые понятия, в них сочетаются краткость и семантическая насыщенность: *sauce-boat, oil-field, oilcar, frypan, stewpan, gingersnap, gingerbread, rollaboard, pasteboard, sugar-free, fruitcake, fruitcase, poultry-house, stewpot*.

В сложных словах французские основы выступают, как правило, в качестве первого компонента. Возможно, что употреблению французских заимствований в функции первого компонента сложного слова благоприятствует тот факт, что значительное количество французских слов обладает отвлеченными значениями. Выступая в качестве первого компонента, они суживают понятие, выражаемое вторым компонентом, и сообщают сложному слову в целом тот или иной оттенок значения, в которых вторые компоненты имеют более конкретные значения, чем первые. Одним из развитых способов словообразования в английском языке является конверсия, т.е. образование нового слова без присоединения какого-либо словообразовательного элемента только при наличии изменения смыслового значения и парадигмы слов. Французские заимствования, будучи использованы в языке по правилам английской грамматики, могут также подвергаться конверсии. Так, от существительных *casseroles, pork, dine, ginger, buffet, boucan, fondue, roll, morsel, sauté, cream, spice, rice, fruit, toast, fig, paste* были образованы глаголы, что является наиболее частым случаем конверсии французских слов в среднеанглийский период. Несколько реже в пределах исследуемой лексики встречаются случаи образования прилагательных от существительных, например, от существительных *buffet* – *buffet supper; buffet service; mushroom - mushroom sauce, mushroom cloud; sauté* – *sauté potatoes; vinegary - vinegary smile*. Слово заимствуется не всем комплексом своих значений, а в одном или в нескольких значе-

ниях, которые являются характерными для него в данной исторической и языковой ситуации. Производные и сложные одноязычные слова нередко выступают в заимствованном их языке как непродуцированные. Таким образом, с заимствованными иноязычными словами с производной основой, если эти слова не связаны с лексическим материалом заимствующего языка, происходит процесс опрощения. Обычно говорят об опрощении слов родного языка, когда слова, в умах людей прежнего времени разлагавшиеся на морфологические части, в умах людей последующего времени при неизвестных условиях не разлагаются, становятся простыми. Тот же процесс мы наблюдаем и во французских заимствованиях. Французское существительное *entrecote* происходит от *entre* (inter) + *côte* (rib), *bidonville* от *bidon* + *ville*, *blancmange* от *blanc* (white) + *manger* (eat), *chaudfroid* от прилагательных *chaud* (hot) - *froid* (cold), *entremes* от *entre* (between) + *mes dish*. В английском языке было утрачено значение составляющих частей, т. е. подверглось опрощению и воспринимается как простые слова. В ряде случаев они начинают писаться слитно, происходит их фонетическая трансформация. Заимствованные французские слова, попав в английский язык, теряют связи со словами языка-источника, деэтимологизируются и начинают жить новой жизнью в системе английского языка. В результате этой утраты старых смысловых связей заимствованные слова нередко становятся простыми знаками для выражения определенных понятий, стоят в большей или меньшей мере уединенно в системе усвоившего их языка. При этом ближайшее этимологическое значение заимствованных слов, а часто и их внутренняя форма теряются; в начале своего существования в языке они являются внутренне немотивированными как с точки зрения их этимологии, так и их семантики, выделяются как чужие на фоне исконной лексики языка.

Иначе обстоит дело с заимствованными словами, передающими новые понятия, еще не нашедшие своего выражения в языке. Существительное *blanc-manger* имеет во французском языке следующие значения: 1) бланманже (сладкое блюдо); 2) заливное из белого мяса. В XIV в. в процессе заимствования в английском языке адаптируется только одно значение – сладкое блюдо. К концу XVIII в. отмечается редукция конечной «R» и образуется форма прилагательного «*blancmangey*»: *They are also processed, both domestically and industrially, to produce soy milk and bean curd (tofu) — the latter in blancmangey slabs, sheets and strips* [16, с. 19]. Степень лексической ассимиляции этих слов является довольно высокой и в значительной мере зависит от важности понятий, выражаемых ими. Фонетическая усвоенность подобных слов не одинакова, но их употребительность заставляет порой забывать об их чужом облике и обуславливает тенденцию к их полной ассимиляции в языке.

Заимствованное слово, укрепившись и распространившись, приобретает способность входить в качестве составной части в различные фразеологические обороты. Так, например, слова *soup*, *fruit*, *saucе* встречаются в качестве центрального компонента в составе многих фразеологических единиц, которые являются весьма употребительными в языке: *soup and fish, in the soup, bear fruit; a forbidden fruit*.

Go home and doll up in your soup and fish, Paul, and wipe that worried look off your map Tonight we gamble — Отправляйся-ка домой, Поль, и надень вечерний костюм, а заодно стряхни с себя озабоченный вид. Сегодня вечером мы ведем азартную игру. Эта способность заимствованных слов входить в состав фразеологических единиц показательна для степени их лексической ассимиляции в английском языке [10, с. 35].

It is somewhat ironic that many places which need water most critically have huge reserves in their front yard — California and Texas for example. Yet the salt in sea water makes it a forbidden fruit [12, с. 161] — Как это ни парадоксально, но районы, более других страдающие от недостатка влаги (например, Калифорния и Техас), имеют буквально под самым носом колоссальные запасы воды. Но, увы, это запретный плод, ибо в морской воде растворены соли.

Hickock continued writing letters protesting his conviction and one of those at last bore fruit [3, с. 259] — Хикок продолжал писать письма, в которых протестовал против вынесенного ему приговора. Одно из этих писем, наконец, дало результаты.

Не менее показательным для лексической ассимиляции заимствованного слова является развитие у него многозначности. У существительного *oil*, заимствованного в XII в. из старо-франц. *oile*, прослеживается свыше десяти новых значений:

I dare say you may manage to soften the justice's sentence by a little oil of palms [2, с. 118] — Осмелюсь заметить, что вы можете смягчить приговор, если "подмажете" судей.

Then the Sport, who can give you the dinkum oil... He's invariably broke [7, с. 178] — Среди посетителей пивной встречаются любители резать в глаза правду-матку... Карманы у них всегда пустые.

При этом необходимо отличать те значения слова, которые развивались у него как в английском, так и во французском языках, и значения, возникшие у данного слова только в английском языке и отсутствующее у него во французском. Именно последний комплекс значений является показательным для лексической ассимиляции заимствованных слов в системе английского языка, т. к. эти новые значения — результат действия специфических внутренних законов развития английской лексики.

Французское заимствование «*ordinaire*» (обыкновенный, обычный, заурядный, посредственный; простой) в английском языке употребляется в значении дешёвое красное вино, а прилагательное «*supérieur*» (высший, выше качеством, превосходящий) — обозначает вино, качество которого выше установленных стандартов:

The franc was at twenty-six to the dollar, and the researcher, if he had only a certain sum — say, six francs — to spend, soon established for himself whether, for example, a half bottle of Tavel supérieur, at three and a half francs, and braised beef heart and yellow turnips, at two and a half, gave him more or less pleasure than a contre-filet of beef, at five francs, and a half-bottle of ordinaire, at one franc [13, с. 655].

Так, например, у французского заимствования «*soup*» помимо основного значения (*cup of soup, to eat soup, clear soup, cabbage soup, chicken soup*), появляется дополнительное значение — густой туман; сильная облачность (т.е. что-то напоминающее суп по внешнему виду или консистенции): It was one of London's famous pea soups — Это был знаменитый лондонский туман.

Широкое употребление получило выражение *in the soup* (в тяжелом, затруднительном положении): What if she declared her real faith in Court, and left them all in the soup! — А что, если рассказать им на суде все, что она думает, пусть они попляшут [9, с. 211].

And if his feelings about the war got known, he'd be nicely in the soup. Arrested, perhaps — got rid of somehow — В хорошенькое он попадет положение, если станет известным его отношение к войне. Его могут упрятать в тюрьму или избавятся от него каким-либо другим способом [1, с. 270].

We're in the soup. We'll have to try a desperation measure. You get in behind the wheel, Peter, and I'll get out and push — Попали мы в переplet. Придется прибегнуть к крайнему средству. Садись за руль, Питер, а я вылезу и толкну машину [20, с. 198].

Следующим фактором, который в значительной мере обуславливает степень ассимиляции заимствованных слов, является важность выраженных ими понятий, их отношения с исконно-английскими словами синонимического ряда, их отношение к основному словарному фонду языка. Большинство французских слов, заимствованных в ранний период, выражали важные понятия, что обусловило вхождение многих из них в основной словарный фонд английского языка, нередко они являются идеографическими синонимами, а подчас и основными выразителями понятий. Под влиянием подобных слов многие исконные английские слова вышли из употребления или изменили свое значение.

В данных значениях, некогда присущих исконным единицам, в настоящее время употребляются только заимствованные: есть англосаксонские *swine, sheep* и *belly* и французские *pork, mutton* и *stomach*. Чем активнее заимствование входит в общенародную речь, приобретает всеобщее распространение, тем скорее оно теряет чуждый

звуковой облик и подчиняется грамматическому строю английского языка. История многих французских слов в английском языке является историей утраты ими их узко-профессионального характера и превращения их в общенародные слова с широким диапазоном значений.

Значительное же количество более поздних заимствований выступает как стилистические синонимы, передаваемые ими понятия выражаются уже соответствующими английскими словами. Например, у слова *prune* среди основных значений указаны: 1) чернослив, 2) значение устаревшее – слива, у слова *plum* – слива, изюм; коринка. Глагол *to grill* заимствован из старо-французского языка *gril / To griddle* – жарить на сковородке, используемой для приготовления *griddle-cakes* (лепёшечки). Можно назвать ряд других примеров: *fig / fico; mallow / mauve; cherry / cerise; citron / lemon; raisin / grape*: 'Papa is a preferable mode of address,' observed Mrs. General. 'Father is rather vulgar, my dear. The word Papa, besides, gives a pretty form to the lips. Papa, potatoes, poultry, prunes and prism, are all very good words for the lips: especially prunes and prism. You will find it serviceable, in the formation of a demeanour, if you sometimes say to yourself in company – on entering a room, for instance - Papa, potatoes, poultry, prunes and prism, prunes and prism.' [8, с. 320] – "Папа" – более подходящая форма обращения, – заявила миссис Джeneral. – "Отец" – это довольно вульгарно, душа моя. Кроме того, слово "папа" придает изящную форму губам. "Папа", "пряник", "палисандр", "персики и призмы" – прекрасные слова для губ, особенно "персики и призмы". Было бы очень полезно, в смысле приобретения хороших манер, если бы вы время от времени, будучи в гостях или, например, входя в комнату, повторяли про себя: "Папа, пряник, палисандр, персики и призмы"; 'Do you remember a play called The Plain Dealer by Wycherley, given at a matinee on January 7th last - did you play in that the part of Olivia?' 'Yes.' 'A nice part?' 'A very good part.' 'I said "nice".' 'I don't like the word.' 'Too suggestive of "prunes and prisms", Miss Ferrar?' [9, с. 237]. – Вы помните пьесу Уичерли "Прямодушный"? Ее ставили днем седьмого января. Вы играли роль Оливии? – Да. – Прелестная роль? – Очень хорошая роль. – Я сказал "прелестная". – Мне не нравится это слово. – Оно кажется вам слишком жеманным, мисс Феррар?

Все вышеперечисленные признаки (развитие заимствованными словами многозначности по законам данного языка, вхождение их в качестве составных частей во фразеологические единицы, их высокая сочетаемость со словами английского языка и др.) являются весьма важными при определении степени ассимиляции и этих слов. Рассмотрение явлений, связанных с ассимиляцией французских заимствований в английском языке, убеждает нас в том, что ассимиляция заимствованных слов – это объективный закономерный процесс преобразования их по внутренним законам развития данного языка.

Таким образом, попав в английский язык, заимствованные французские слова на протяжении длительного времени подвергались процессу ассимиляции, который заключается в преобразовании их звукового облика, грамматической структуры и смыслового содержания по внутренним законам английского языка.

Список литературы

1. Aldington R. Roads to Glory, Ayer Co Pub; Facsimile edition, 1997 – 317 p.
2. Bulwer-Lytton E., Paul Clifford, Nabu Press, 2004 – 330 p.
3. Capote T. In Cold Blood, Random House, 2002, – 343 p.
4. Chaplin S. The Watchers and the Watched, Flammarion; 3rd edition, 2004 – 352 p.
5. Christie A. Passenger to Frankfurt, Minotaur Books; First Thus edition, 2003 – 288 p.
6. Christie A. The Labours of Hercules, HarperCollins Publishers Ltd; Masterpiece edition, 2001 – 412 p.
7. Cusack D. Caddie. A Sydney Barmaid, Times House Publishing, 1984 – 213 p.
8. Dickens Ch. Little Dorrit, O'Connor Books, 2007, – 376 p.
9. Galsworthy J. The Forsyte Saga: The Silver Spoon, Headline Book Publishing, 2007 – 320 p.
10. Gardner E. S. The Case of the Dangerous Dowager, Wiley-Blackwell, 1 edition, 2009 – 136 p.
11. Gould G. The English Novel of Today, Review & Herald Publishing, 2002 – 120 p.

12. Lapp R. E. *Atoms and People*, Kessinger Publishing, LLC, 2009, – 194 p.
13. Liebling A.J. *Between Meals: An Appetite for Paris*, North Point Press, 1st edition, 2004.
14. Mailer N. *The Naked and the Dead*, Picador; 5 Anv edition, 2000 – 736 p.
15. Murdoch I. *The Black Prince*, Penguin Classics, 2003 – 444 p.
16. Perry T. *Gold Diggers*, Antarctic Press, 2008.
17. Priestley J. B. *They Came to a City*, Samuel French Ltd, 1944 – 72 p.
18. Reade Ch. *It Is Never Too Late to Mend*, B&R Samizdat Express, 2009 – 749 p.
19. Shakespeare W. *Twelfth Night*, Nabu Press, 2010 – 264 p.
20. Updike J. *The Centaur*, Ballantine Books, 1996 – 320 p.

WAYS OF ASSIMILATION OF FRENCH LEXICAL ITEMS IN ENGLISH LANGUAGE BASED ON «FOOD» / «REPAS»

P. J. Yanina

*Capital
Financial
Humanitarian
Academy,
Moscow*

*e-mail:
polyna_yanina@mail.ru*

This article focuses on the assimilation of French loanwords in English. Semantic development of foreign words in the process of assimilation is a reflection of the occurrence of new concepts in the conceptual ethno-linguistic culture, filling the conceptual gaps by borrowing a conceptual meanings.

Key words: cognitive science, national mentality, semantic assimilation.

УДК 811.13

СЕМАНТИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАГОЛОВ МНЕМИЧЕСКОГО ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ В РАМКАХ ФРЕЙМОВОГО ПОДХОДА (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Ю. Н. Яценко
Т. М. Тимошилова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
rogacheva@bsu.edu.ru
timoshilova@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются семантические особенности глаголов мнемического воспроизведения (*remember, recall, recollect, reminisce*) с учетом как историко-этимологических, так и синхронно-концептуальных факторов формирования, развития и существования значений.

Ключевые слова: мнемические глаголы, лексическая категория, прототипический подход, фреймовая семантика, фрейм.

Настоящая статья посвящена описанию особенностей вербализации фрейма «память» в современном английском языке глаголами мнемического воспроизведения (воспоминания) *remember, recall, recollect, reminisce*. При этом фрейм «память» рассматривается нами как структура знаний, хранимая в памяти и создаваемая по мере надобности из содержащихся в памяти компонентов, которые обеспечивают когнитивную обработку стандартной мнемической ситуации. Существование типа мнемической ситуации возможно ввиду структурного сходства отдельных ситуаций – ситуации воспоминания / сохранения / забывания / запоминания. Таким образом, фрейм выступает в качестве общего когнитивного основания, на которое говорящий (слушающий) опирается при реализации (понимании) соответствующей информации. Типовая ситуация представлена в виде пропозиции, то есть в виде ситуации, взятой в аспекте её внутренней логической структуры. Фрейм «память» формируется на основании данных, полученных в результате концептуального анализа, анализа словарных статей английских толковых словарей, семантического анализа с опорой на корпус употреблений исследуемых глаголов с их контекстами, извлекаемый из авторитетных текстов письменной речи, а также с привлечением экстралингвистических (из психологии памяти) знаний. Фрейм «память» включает в себя облигаторные и факультативные компоненты и признаки. Вычленение в структурной организации фрейма «память» компонентов и признаков обусловлено объектом исследования. Именно такая структура отражает «двойственную» сущность глагола как лексемы и предиката, а также учитывает взаимодействие семантики, прагматики и синтаксиса в реальном употреблении глаголов в предложении-высказывании. Компоненты фрейма «память» образуют пропозиционально-модальную рамку, коррелятом которой на языковом уровне выступает предложение-высказывание, организованное вокруг глагола в функции предиката. Под признаками в данной работе понимаются признаки концепта «память», вошедшие в семантическое пространство языка и составляющие содержательную сторону мнемической ситуации. Облигаторные и факультативные признаки наполняют содержанием универсальную, характерную для многих ситуаций, пропозиционально-модальную рамку (образуемую компонентами). Именно концептуальные признаки позволяют идентифицировать ситуацию как мнемическую и противопоставить её прочим ситуациям. К облигаторным компонентам фрейма «память» относятся СУБЪЕКТ, ОБЪЕКТ, ПРЕДИКАТ и СТИМУЛ. К факультативным компонентам – ОЦЕНКА, ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЕ и ЦЕЛЬ. Облигаторными признаками мнемической ситуации являются «ментальность», «связь с прошлым», «знание», «истинность», «реальность». К факультативным признакам фрейма «память» относятся «произвольность»/«непроизвольность», «рациональность»/«эмоциональность», «обращённость к будущему», «вид», а также целый ряд других признаков, которые являются общими

для фрейма «память» и смежных с ним фреймов, и которые не могут быть перечислены полностью ввиду открытости границы фрейма.

Как известно, лексические значения отражают знания о свойствах предметов и явлений окружающего мира, раскрытые совокупной общественной деятельностью. Иначе говоря, интегральной основой формирования лексических групп являются структуры знания о мире (зд. фреймы) [1, с. 95 – 96]. Однако, учитывая, что абсолютная синонимия, то есть полное тождество значений при различии форм – явление крайне редкое, мы полагаем, что значения названных выше синонимов несмотря на их безусловную близость не являются тождественными. Синонимичны семемы лексем в том случае, когда они входят в одну и ту же языковую систему, содержат одно и то же понятийное ядро и могут употребляться в одинаковом окружении, однако различаются вторичными семами и стилистическими признаками. Следовательно, в лексических значениях глаголов акцентируются различные характеристики единого фрейма – высвечивается одна информация и игнорируется другая.

Так, глагол *remember* 'вспоминать' является прототипным в лексической категории глаголов воспоминания, поскольку он передаёт в наиболее общей и нейтральной форме самые существенные, значимые, определяющие специфику мнемического процесса, признаки. Употребляя термин 'прототипный', мы вслед за Ч. Филлмором [2, с. 81] полагаем, что с данным глаголом связана сцена-прототип, которая более или менее полно определяет то основное содержание, которое вкладывается в глагол, если при этом отсутствует какая-либо добавочная информация. Дефиниционный анализ (по словарям Webster's, 1993 и Longman Dictionary, 2000) показал, что прототипная сцена, связанная с глаголом *remember* 'вспоминать' включает индивидуума, который воспроизводит ('to have (a notion or idea) come into the mind') прошлый опыт ('to have a picture in your mind of people, events, places etc. from the past', 'smth. as previously perceived, known or felt').

Иначе говоря, взятая в аспекте своей внутренней логической структуры, прототипная сцена, стоящая за лексическим значением глагола '*remember*' и есть фрейм «память» со своими компонентами (СТИМУЛ, ПРЕДИКАТ, СУБЪЕКТ, ОБЪЕКТ). При этом какая-либо дополнительная, или дифференциальная информация отсутствует.

Проведённый этимологический анализ подтвердил отсутствие дополнительной информации в лексическом значении глагола. Документально значение глагола «помнить, вспоминать» [ERD, p. 624] засвидетельствовано в 14 в. Через др.фран. *re-membrer* и испан. *rememorar* возводится к позд.лат. *rememorāri* [ODEE p. 754] «снова вспоминать, перебирать в памяти», конституированному приставкой *re-*«снова, повторно» и корнем *memoror* «память» с суффиксом *-ari* [ЛРС, с. 661]. Исходное значение в результате генезиса английского глагола не претерпело трансформации.

Обращение к фактическому материалу показывает, что глагол *remember* преимущественно участвует в описании ситуации непроизвольного воспоминания (факультативные компоненты фрейма «память» ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЕ и ЦЕЛЬне активизируются):

“He and Luz had driven this route once before on a weekend outing, and she remembered something about the plaza” [Waller].

Однако, вводя в структуру предложения-высказывания дополнительные модификаторы смысла (например, модальные глаголы, глаголы со значением усилия, цели, желания; грамматическую форму прогрессива; а также усечённый вариант конструкции S + V + O с импликацией семантического субъекта, который по характеру предикативности является моделью побудительного предложения), говорящий может квалифицировать процесс воспоминания как произвольный:

“It s strange, Miss Hill, that earlier this morning I too was remembering the fishing expeditions we used to have” [Whitehead].

Глагол *remember* может также участвовать в репрезентации оцениваемой СУБЪЕКТОМ ситуации воспоминания, когда активизируется факультативный компонент фрейма «память» - ОЦЕНКА. При этом основным критерием оценки выступает

успешность процесса воспоминания (его скорость, а также точность воспроизводимых образов). На языковом уровне факультативный компонент ОЦЕНКА эксплицирован наречиями образа действия: *well, vaguely, dimly, scarcely, clearly, correctly, rightly, particularly, exactly, distinctly, dimly, vividly* и т. д.

Следующим за глаголом *remember* с точки зрения частотности в ряду глаголов воспоминания стоит глагол *recall*.

Обращаясь к этимологии названного глагола, следует отметить, что глагол *recall* имеет значение «вспоминать; напоминать, воскрешать в (памяти)» [ERD p. 614]. В значении «вспоминать» зафиксирован в 16 в. Отмечается его связь с франц. *rappeler* и латин. *revocare* [ODEE p. 745] «вспоминать о чём-либо» [ЛРС, с. 671]. По данным лексикографических источников, этимон *recall* образован приставкой *re-* со значением повтора и глаголом *call*. Глагол *call* имеет значение «звать, называть; давать имя» [ERD p. 110]. Относится к 13 в. Имея форму в позд.англ. *cellian*, он возводится к общегерманскому корню **kal-*, который является трансформантом и.-е. **gol-* [ODEE p. 137]. Однако следует полагать, что возможным вариантом развития родственных лексем в германских языках является и.-е. корень **ghel-* «звать, кричать» [EWD, I p. 503]. Фонетически он соотносим с немецким *können* «мочь, уметь». Восходит к и.-е. **kel-, kel(э)-* «расщеплять, раскалывать» в современной трактовке «сегментировать». Соответственно современный английский приставочный глагол с этой основой имеет значение «восстанавливать из сегментов целое», т. е. «вспоминать». Глагол имеет и.-е. происхождение.

Согласно словарю Webster's (1993), в глаголе *recall* акцентируется идея воспроизведения целого образа, а не постепенного восстановления ОБЪЕКТА ('recall may suggest a process whereby the mind is summoned to bring back in to rather than slow reassembling' – Webster's, 1993). Анализ фактического материала показал, что данный дифференциальный признак глагола *recall* является значимым, поскольку он определяет специфику глагола при его сравнении с некоторыми другими членами синонимического ряда. Анализируемый глагол выбирается говорящим, если важно подчеркнуть идею целостности воспроизводимого образа. Ср. *We retraced the details of our trip. We recalled the details of our trip.* Прямым значением глагола *retrace* является 'обратное движение по пройденному пути' (см. Longman Dictionary, 2000). Значение 'воспоминание' имеет периферийный статус, поскольку оно является производным по отношению к более центральному значению. Это значит, что активация этого значения («первичная активация» в терминологии Р. Лангакера) обязательно сопровождается активацией центрального значения («вторичная активация»). Последнее усиливает и выделяет представление о воспоминании как последовательном, пошаговом восстановлении образа. [3, с. 68 – 69]. Глагол *recall*, напротив, акцентирует идею не постепенного восстановления образа, а воспроизведения целостного образа сразу.

Наиболее важными компонентами для лексемы *recall* (по словарю Longman, 2000) являются, во-первых, компонент 'произвольность' и, во-вторых, 'специальная цель' (для того, чтобы сообщить кому-то о воспоминании).

Обращение к фактическому материалу подтвердило значимость данных дифференциальных признаков. Факультативные компоненты ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЕ и ЦЕЛЬ активизируются в таком случае благодаря одновременной актуализации в значении глагола *recall* двух компонентов 'ментальное действие' и 'речевое действие', что обеспечивает семантическое сближение глагола *recall* с некоторыми глаголами говорения (например, *recite*). Тем не менее, глагол *recall* относится к ментальным глаголам, поскольку данные компоненты его значения не являются равноправными – признак 'ментальное действие' является более выделенным по сравнению с признаком 'речевое действие' (в отличие от глагола *recite*, который обладает значением «декламировать; повторять по памяти; рассказывать, излагать» [ERD p. 615]. В значении «повторять или произносить вслух; описывать в деталях» зафиксирован в 15 в. Отмечается его связь с др.фран. *reciter* и латинским *recitare* [ODEE p. 746] «читать вслух, оглашать» [ЛРС с. 652]). Этот факт лишний раз подтверждает одну из принципиальных идей когнитивной лин-

гвистики – идею о недискретности, континуальности категориального пространства, взаимопереходности категорий [см. 4, 5, 6 и др.]. Следует подчеркнуть, что в случае обозначения глаголом *recall* такого «сложного» действия на когнитивном уровне конкретизируется факультативный компонент ЦЕЛЬ, а именно: целью воспоминания является передача некоторой информации, хранящейся в памяти одного человека, другому человеку. На языковом уровне феномен наименования одним предикатом нескольких действий трактуется в терминах «склеенных предикатов» [7], для которых характерна интеграция в одном слове нескольких признаков. Такое склеивание обусловлено в первую очередь экстралингвистическими факторами, а именно тем, что в реальной действительности различные действия органически связаны между собой: “The remained seated side by side, sipping sherry and weeping from time to time as they re-called the happy days when Rosa scampered in the garden” [Allende].

Глагол *recall* может употребляться и в других случаях. Так, чаще других глаголов синонимического ряда воспоминания *recall* выступает контекстуальным синонимом глагола *remember*, замещая *remember* в следующих друг за другом частях текста, что позволяет избежать однообразного повторения одного и того же слова (плеоназма). В этом случае *remember* и *recall* могут толковаться как полные синонимы: “Maggie remembered that there had been dirt in the pocket of the gold raincoat, and she recalled that when she rehung the cocktail suit the other day she had had the impression of something falling” [Clark].

Как и глагол *remember*, глагол *recall* может участвовать в описании ситуации произвольного воспоминания, сочетаясь с уже упоминаемыми выше модификаторами смысла: “Why are you staring at me?” “I was recalling our honeymoon?” [Mosco].

Глагол *recall* также может участвовать в описании оцениваемой говорящим ситуации воспоминания, когда лексическими средствами активизируется факультативный компонент фрейма «память» ОЦЕНКА: “I could recall vividly sitting under the sunshade outside the café in the little town.” [Halt].

Следующим глаголом описываемого синонимического ряда является глагол *reminisce*. Глагольная лексема *reminisce* имеет значение «предаваться воспоминаниям, вспоминать о прошлом» [ERD p. 624]. Глагол датируется 19 в., хотя однокорневое существительное зафиксировано в 16 в. [ODEE p. 755]. Обе лексемы заимствованы из латинского *reminī*, конституированного приставкой *re-* «снова, повторно» и корнем *metīni* «припоминать, вспоминать» [ЛРС, с. 661]. Через родство с немецким *meinen* этот глагол имеет общегерманское употребление и восходит к и.-е. **me-*, **mei-* “делать своим, усваивать”.

Словарь LongmanDictionary (2000) приводит следующую дефиницию для глагола *reminisce* – ‘to talk or think about pleasant events in your past’ [Longman, p. 1197].

Из приведенного определения видно, что, во-первых, в семантике глагола на системном уровне заложен такой дифференциальный признак, как эмоциональная оценка, а именно: положительная оценка говорящим событий прошлого. А, во-вторых, содержится компонент ‘целенаправленность’, причём как и в случае с глаголом *recall* речь идёт о специальной цели (обмен информацией). В дефиниции глагола *reminisce* по словарю Longman на первое место вынесена следующая характеристика данного глагола – *reminisce* рассматривается как глагол говорения.

Обращение к фактическому материалу подтверждает, что в современном английском языке глагол *reminisce* всё чаще также функционирует как «склеенный предикат», номинирующий «сложное» действие, представляющее собой комплекс органически связанных двух действий, имеющих в языке самостоятельные отдельные наименования – «речевое действие» и «ментальное действие». Однако мы предполагаем, что в семантической структуре исследуемого глагола центральными являются

признаки, закреплённые за мнемической ситуацией, нежели чем за ситуацией говорения. Это такие признаки, как «связь с прошлым», «истинность», «знание».

Это позволяет нам относить данный глагол к глаголам памяти, хотя и с указанием на его периферийный статус по сравнению с «чистыми» ментальными глаголами: “They were both only twenty-two at that time. He was attending the Air Force Academy, she just finishing the master’s program at NYU. Everyone said what a handsome couple they were, Maggie *reminisced*. A study in contrasts” [Clark].

В лексическом значении глагола *reminisce* в приведенном выше предложении акцентируется идея того, что человек одновременно пребывает в эмоциональном и ментальном состояниях, когда независимо от воли и самоконтроля человека происходит воспроизведение не только содержательной стороны образа (информации), но и субъективного ощущения (положительного), которое испытывает индивид по отношению к воспроизводимому предмету (в широком смысле) / событию. Таким образом, в данном случае в лексическом значении глагола *reminisce* акцентируются обязательный признак «связь с прошлым» и факультативный признак «эмоциональность».

Наименее рекуррентным синонимом глагола *remember* является глагол *recollect*. Так, в результате анализа фактического материала нами были зафиксированы единичные случаи употребления глагола *recollect*. Значение глагола *recollect* дефинируется как «вспоминать, припоминать» [ERD p. 615]. Глагол датирован XVI в. В основе глагола усматривается латинское причастие глагола *recolligere* [ODEE p. 746]. Этимон образован приставкой *re-* со значением усиления и глаголом *colligere* «собирать, стягивать, сосредоточивать» [ЛРС, с. 157].

В словаре Longman, 2000 дефиниция глагола *recollect* сопровождается пометой *old-fashioned / устаревший вариант*. В качестве основного дифференциального признака, позволяющего противопоставить данный глагол другим глаголам исследуемого синонимического ряда, словарь называет признак «произвольный/целенаправленный характер» воспоминания (‘to be able to remember something, especially by deliberately trying to remember’ [Longman, 2000]). Этот же признак выделяется в качестве наиболее важного в семантической структуре глагола *recollect* и словарём [Webster’s, 1993] – ‘a bringing back, sometimes with conscious effort, of something of which one has not thought for a time’.

Таким образом, глагол *recollect* своим лексическим значением активизирует факультативные компоненты ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЕ и ЦЕЛЬ, участвуя тем самым в описании ситуации произвольного воспоминания: “I knew that he meant Mr Markew, and recollected that some had warned the magistrate that he had better keep out of Elzevir’s way...” [Falkner].

Таким образом, в зависимости от того, какая идея является наиболее важной с точки зрения говорящего при описании ситуации воспоминания, им выбирается один из глаголов синонимического ряда. Значение (подобно вербализуемому им концепту) представляет собой многопризнаковую сущность. При этом признаки распределены по принципу «центр – периферия». Центральными являются облигаторные концептуальные признаки, которые позволяют идентифицировать исследуемые глаголы как глаголы памяти; прочие периферийные признаки, будучи реализованными в языке и тексте, составляют специфику того или иного глагола. Некоторые из факультативных признаков отобраны общественной практикой и зафиксированы в словарях как дифференциальные признаки глагола; другие же высвечиваются только на функциональном уровне в определённых контекстуальных условиях. Такая способность глаголов участвовать в описании разнообразных мнемических ситуаций на функциональном уровне при сочетании с определёнными модификаторами смысла лишней раз подтверждает идею о том, что значение лексем, вероятно, представляет собой не чётко заданный набор достаточных, необходимых для идентификации означаемого признаков. Значение обеспечивает доступ к целому блоку знаний об обозначаемом. Следова-

тельно, при описании семантики слова следует говорить о центральности, большей когнитивной выделенности одних признаков и меньшей выделенности (фон) других признаков. Лексические значения глаголов с системным значением памяти (remember, recall, reminisce, recollect) соотносятся с фреймом «память» посредством перспективизации, или фокусировки внимания на отдельных элементах фрейма.

Анализ этимологического развития мнемических глаголов показывает, что они не входят в состав архаичной лексики, поскольку этот разряд формируется, главным образом в XIV – XVI вв. Этим периодом датировано – 3 глагола. Они имеют романское (2) и и.-е.(2) происхождение. Данные лексемы появились в самый продуктивный период приращения изучаемой лексики. Источником развития послужили глаголы романского происхождения. Приставка *re-*, отмеченная во всех глаголах, даёт значение повторения, воспроизводства корневого значения, воспроизводимости смысла корня. И в данном случае адаптация заимствования не привела к модификации лексического значения.

Итак, в результате проведенного семантического (концептуального, фреймового) и этимологического анализа значения мнемических глагольных лексем мы приходим к следующему выводу: оптимально полное исследование значения мнемических глаголов можно провести лишь с учетом как историко-этимологических, так и синхронно-концептуальных факторов формирования, развития и существования подобных значений. Комплексный подход к анализу семантики мнемических лексем позволяет точнее определить особенности функционирования данных лексем.

Список литературы

1. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по англ. филологии : учеб. пособие / Н. Н. Болдырев ; Ин-т языкознания РАН, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 2000. – 123 с.
2. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики / Ч. Филлмор // Прикладная лингвистика: [сб. ст.]. – М., 1983. – С. 74 – 122.
3. Langacker R. W. An Overview of Cognitive Grammar / R. W. Langacker // Topics in Cognitive Linguistics / ed. by Brygida Rudzka-Ostyn. – Amsterdam ; Philadelphia, 1988. – P. 3 – 48.
4. Лапшина М. Н. Семантическая эволюция английского слова: изучение лексики в когнитив. аспекте / М. Н. Лапшина; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1998. – 159 с.
5. Семантика и категоризация. / Ин-т языкознания; отв. ред. Ю.А. Шрейдер. – М.: Наука, 1991. – 168 с.
6. Болдырев Н. Н. Категориальное значение глагола: системный и функциональный аспекты / Н. Н. Болдырев - СПб.: Изд-во РГПУ, 1994. – 171 с.
7. Панкрац Ю. Г. Пропозициональные структуры и их роль в формировании значений языковых единиц разных уровней: дис. ... д-ра филол. наук / Ю. Г. Панкрац. – М., 1992. – 333 с.

Словари

1. ЛРС: Латинско-русский словарь / Сост. А. М. Малинин – М.: Гос. Издат. иностранных и национальных словарей, 1952. – 763 с.
2. ERD: English-Russian Dictionary V. K. Muller – М.: Russian Language Publishers, 1978. – 888 p.
3. EWD: Etymologisches Wörterbuch des Deutschen / Leit.W.Pfeifer. – Berlin: Akademie-Verlag, 1989. – Bd.1 – 3. – 1662 S.
4. ODEE: The Oxford Dictionary of English Etymology / edited by C. T. Onions – Oxford, 1966. – 1026 p.
5. Longman Dictionary of Contemporary English – Edinburgh: Pearson Education Ltd., 2000. – 1668 p.
6. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English – Oxford: University Press, 1974. – 1036 p.
7. Webster's Third New International Dictionary. Volumes 1 – 3. – USA: Merriam-Webster, Inc., 1993. – 3135 p.

SEMANTIC AND ETYMOLOGICAL ANALYSIS OF MEMORY VERBS IN THE PERSPECTIVE OF FRAME SEMANTICS

Y. N. Yatsenko
T. M. Timoshilova

*Belgorod National
Research University*

e-mail:
rogacheva@bsu.edu.ru
timoshilova@bsu.edu.ru

The article deals with the semantic analysis of the memory verbs (remember, reminisce, recollect, recall) in the perspective of frame semantics, as well as etymology.

Key words: memory verbs, lexical category, theory of prototypes, frame semantics, frame.

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

УДК 070

ЯВНЫЕ И ЛАТЕНТНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕРЕГУЛИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ

В. Л. Касютин*«Журналистика и
медиарынок»
(Союз журналистов РФ)**e-mail:
kasutin@kasutin.ru*

Дерегулирование региональной печати приводит к еще большей зависимости редакционных коллективов от органов местной власти и местного бизнеса, и в целом – к усилению негативного влияния процессов глобализации на все российское общество.

Ключевые слова: региональная пресса, дерегулирование, глобализация, медиарынок.

Тенденцией нынешнего этапа развития экономического государственного регулирования является отказ от льгот, действующих в отношении всех СМИ, и расширение использования инструментов более адресного субсидирования тех или иных медийных проектов. В 2002 – 2004 гг. в Российской Федерации было отменено действие целого ряда нормативных правовых актов, регулирующих осуществление государственной экономической поддержки средств массовой информации. С 2005 г. федеральная поддержка средств муниципальным печатным изданиям прекратилась, а с 2006 г. Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям осуществляет распределение бюджетных средств организациям в сфере печати, реализующим социально-значимые проекты.

Государство ушло с рынка печати и выступает в роли грантодателя, гарантируя СМИ субсидии на конкурсной основе, осуществлен переход к многовариантной политике поддержке изданий разного типа, – подчеркивается в докладе руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям [16]. Степень «свободы прессы» в России зависит от решения нескольких базовых факторов, первым из которых является избыточное присутствие бюджетных денег в печатных СМИ, снижающих стимул к самостоятельным заработкам, – отмечал Г. Кудий, заместитель начальника управления периодической печати, книгоиздания и полиграфии Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям [11].

Вероятно именно «дотационная игла» привела к тому, что сегодня 62,9 % опрошенных автором статьи сотрудников региональных редакций считают, что без субсидий спонсоров (власти, бизнеса) обеспечить выпуск их издания невозможно; 29,2 % – полагают, что справятся с выпуском, не ответили на вопрос 6,9 % респондентов [8, с. 12 – 16].

Ничем не аргументированное и не объясненное обществу лишение региональной печати экономических преференций означает, что государство не признает за ней особого статуса, требующего создания специального экономического режима макси-

мального благоприятствования. С отменой федеральных общих для всех СМИ льгот Россия стала первой из крупных стран Европы, которая отказалась от создания привилегированного общенационального режима для СМИ, – подчеркивает А. Рихтер [16].

Зависимость от власти – проблема для любой информационной структуры. Не менее серьезные проблемы возникают вследствие процессов дерегулирования и сокращения государственной поддержки, открывающих двери более конкурентоспособным глобальным и национальным медийным проектам. Процесс чрезмерной регионализации и локализации журналистики в ряде европейских стран привел к тому, что значительная часть местных газет была потеснена региональными версиями крупных печатных изданий, как правило – столичных, с их мощными финансовыми и материально-техническими ресурсами [4].

Особенностью российского регионального печатного медиарынка сегодня является растущая конкуренция между местными и федерально-региональными (сетевыми) газетами, в основном тяготеющими к формату таблоида. К середине 1990 гг., процесс создания региональных представительств федеральных изданий и соответственно их региональных модификаций обозначился как векторный в развитии многих печатных изданий и медиа-холдингов в целом.

Таблица 9

**Разовый тираж общественно-политических газет
(по федеральным округам, декабрь 2009 г.)¹**

Федеральные округа	Федерально-региональные (сетевые) издания	Областные, краевые, республиканские издания	Городские и районные издания
ЦФО	2 315 456	1 958 378	10 816 751
СЗФО	1 122 110	2 225 032	2 573 095
ЮФО	1 137 628	913 043	1 853 454
ПФО	1 903 011	1 976 929	3 175 143
УФО	668 271	626 062	1 475 706
СФО	938 908	1 380 285	2 389 427
ДФО	486 076	575 753	536 259
ВСЕГО:	8 571 460	9 655 482	22 819 835

Эксперты по-разному определяют типологическую принадлежность изменившихся изданий. Е. Абов считает, что в этом случае общенациональный бренд фактически превращается на каждом конкретном рынке в местную прессу [2]. О смещении акцентов в бинарном понятии «федерально-региональные СМИ» рассуждает А. Золотухин [7, с. 150], называя трансформированные гибриды скорее региональными, нежели федеральными изданиями. К числу подобных газет сегодня можно отнести как бренды, сформировавшиеся в советскую эпоху («Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Труд», «Известия», «Московский комсомолец»), так и возникшие в последние десятилетия: («Коммерсант», «Новая газета», «Российская газета»).

Необходимо отметить, что сетевые издания, стремящиеся к максимальному охвату территории страны, уже в силу своих типологических характеристик не способны артикулировать интересы местных сообществ. Они в значительной степени ориентированы на получение и увеличение прибыли, а не на формирование стандартов качественной журналистики. Экспансия столичных изданий, региональные вклады которых зачастую более вольны в освещении местной жизни, облегчается отсутствием у региональных властей долгосрочной информационной политики, и одновременно

¹ Атлас муниципальной прессы Российской Федерации. – М.: Изд-во «Хроникер», 2009.

служит способом отвлечения читательской аудитории от острой социальной проблематики.

Часть наиболее активных редакций газет небольших городов (в основном частных), пытаясь максимизировать прибыль и минимизировать риски, возникающие при обращении к острой социальной тематике, также приходит к таблоидной модели, лишаясь роли производителя собственного качественного информационного контента, и подтверждая тем самым мнение немецких исследователей, согласно которому тип самостоятельной локальной газеты неизбежно ведет к маргинализации издания [5, с. 600].

Недостаточно активная протекционистская политика государства по отношению к общественно-значимым местным газетам приводит к усилению негативного влияния процессов глобализации [23] не только на СМИ, но и на все российское общество. Р. Робертсон, один из основателей теории культурной глобализации, обращает внимание на связь глобализации с локализацией [24, р. 46]. Российский медиарынок, демонстрируя проявление глокализации, прежде всего, характеризуется ростом сегмента глянцевого журналов и бесплатных таблоидов, запускаемых зарубежными издателями и адаптируемыми под местную аудиторию (изменены названия, а часто и большая часть контента). Подавляющее большинство этих изданий проявляет вполне объяснимое равнодушие к местной социальной проблематике.

С одной стороны, глобальные информационные потоки представляют мощную демократизирующую инновационную силу. В качестве примера можно назвать шведский концерн Bonnier Business Press, издающий в России качественную региональную прессу: «Деловой Петербург», «Деловой Юг» и др. С другой стороны, они в значительной степени способствуют нарастанию хаотичности социального поведения [15, с. 416.], ведут к деградации как общества в целом, так и составляющих его индивидов, если не уравновешиваются местными информационными потоками, поддерживающими социальную идентичность и способствующими эффективному ролевому использованию социумом.

В то же время местные российские печатные издания, не выполняющие должным образом различные общественные функции, все более теряют конкурентоспособность в сравнении с глобальными развлекательными медиапроектами, открывая информационное пространство регионов для их экспансии. «Выдавливание» местной прессы с рынка ускоряет быстрое распространение новых видов коммуникаций (Интернет, мобильная связь), которые являются менее дорогостоящими каналами доставки контента потребителям.

Унаследованные особенности развития, усиливаемые процессом глобализации, приводит к тому, что отдельные регионы страны активно включаются в общемировые процессы развития, открываются для инноваций, одновременно - значительная часть территории анклавируется [21, с. 354].

В анклавах формируется обширная пограничная социальная группа, состоящая из экономически независимых и от государства, и от крупного бизнеса индивидов, выживающих преимущественно с помощью личных подсобных хозяйств. Немодернизированный образ жизни, низкие доходы и социальная исключенность этой группы создают определенный барьер для развития новых коммуникационных сетей, усугубляя ее изоляцию привязкой к месту. Его представители принадлежат в основном к категории маргиналов, «информационных бедняков», потребляющих информационный мусор: мыльные сериалы, шоу, сетевые таблоиды [13, с. 55]. Подобный информационный колпак, – полагал Г. Шиллер, – используется для того, чтобы «внедрить во все стороны человеческой жизни рыночные категории, из которых самая важная – потребление» [22].

На другом социальном полюсе российского общества находится относительно немногочисленная группа «информационно богатых» людей, кто обладает доступом к более качественным печатным и электронным информационным ресурсам (не только российским, но и зарубежным), имеет возможность посещать российские регионы и

другие страны, участвовать в формировании региональной и общенациональной повестки дня в местных и федеральных СМИ. Быстрое внедрение инновационных технологий становится одним из факторов углубления информационной стратификации российского общества. Несоблюдение информационно-стратификационного баланса (завышение информационной нормы – элиты и занижение информационной нормы большинства – массы) [9, с. 32] способствует росту социально-политической напряженности в стране и регионах.

Одним из последствий **недостатка современных форм и методов регулирования деятельности** местной прессы является растущая диспропорция между различными видами самоидентификации населения. Непропорционально растет локальная самоидентификация - в большом неплотном пространстве усиленно развивается локальная идентичность, усиливаемая противостоянием натиску глобализации.

В Советском Союзе развитие локальной самоидентификации граждан тормозилось многими факторами, даже названиями местных газет. В разных областях и даже республиках выходили издания с одинаковыми именами: «За коммунизм», «Авангард», «Восход», «Голос правды» и др. Впоследствии эти газеты не раз переименовывались, но и сегодня во множественном числе существуют такие газетные брэнды, как «Призыв», «Власть Советов», «Знамя труда», «Знамя Ленина», «Маяк коммунизма» и др. Открыв такую газету, далеко не сразу можно понять, где она издается и чьи чаяния выражает.

Явным следствием локализации российского пространства служит то, что локальная идентичность характерна для 50,6 % россиян, а собственно региональная, связанная с субъектами федерации, - только для 7,9 %, - утверждают авторы исследования, проведенного в Тверской области [14, с. 15]. Недостаточно сформированная региональная идентичность становится одной из причин наблюдаемой ныне тенденции, когда областные и краевые издания за немногим исключением сокращают присутствие в информационном пространстве регионов. Тиражи большинства областных газет приближаются к тиражам районных и городских газет, не превышая пяти - десяти тысяч экземпляров.

Необходимо отметить, что такие регионы, как Калининградская, Амурская, Томская области, Пермский и Приморский края, уже не имеют официальных газет, в учредителях которых значатся региональные органы власти. Небольшое число официальных областных изданий есть в Саратовской, Иркутской, Тверской, Камчатской, Самарской областях, республиках Бурятия и Удмуртия. Это говорит о том, что наиболее прагматичные представители региональных властей уже не усматривают в областных газетах значимого информационного ресурса и прекращают их субсидирование. В перспективе традиционные общественно-политические областные издания могут трансформироваться в газеты центров регионов либо вообще прекратить выход, как это произошло ранее с областными молодежными газетами.

Глобализация сопровождается усиленным развитием местной прессы и малых по тиражу, но весьма влиятельных для небольших населенных пунктов и общин изданий, - подчеркивает Я. Засурский [6, с. 480]. Районные и городские издания могли бы стать инструментом формирования не только локальной, но и общенациональной и региональной идентичности, но, как правило, замыкаются в локальных темах, увеличивая информационный разрыв между городскими центрами и периферией по характеру коммуникативной связи центра и периферии, власти и общества, дезинтегрируя общественное пространство.

Смирнягин Л., размышляя об атомизации российского общественного пространства, возврате к феодальной раздробленности, замыкании на местных проблемах, справедливо отмечает: местные газеты почти перестали сообщать о неместных новостях – а ведь еще несколько лет назад они успешно конкурировали с центральной прессой именно за счет того, что дублировали ее, печатая и мировые, и общероссийские новости [18]. В современной России насущная потребность в отражении национальных и глобальных процессов и явлений под углом зрения специфики региона

входит в противоречие с недостаточным уровнем рефлексии, социальной пассивностью редакторов и журналистов местной печати².

В 2010 г., оглашая ежегодное послание Федеральному собранию, президент РФ Д. Медведев, заявил, что органы власти регионов России должны избавиться от имущества, не имеющего прямого отношения к их непосредственным обязанностям, в том числе «заводов, газет, пароходов»³. Помощник президента РФ А. Дворкович пояснил Интерфаксу, что средства массовой информации: газеты, теле- и радиокomпании, принадлежащие госорганам, подлежат продаже [3].

Как будут дальше развиваться события покажет время, но вот как комментирует ситуацию президент Ереванского пресс-клуба Б. Навазардян: «Денационализация непрофильных активов – это продуманный, сознательный шаг государства, направленный на то, чтобы сбросить с себя определенный балласт, поскольку глобальная медийная революция делает какие-то традиционные медийные ресурсы неэффективными. В Армении подобный процесс уже завершился, и теперь государство практически не владеет никакими медийными ресурсами. Они распределены среди лояльных людей» [12].

Список литературы

1. Абов В. Е. Газета – ценный актив. Отечественные записки. – № 3. – 2003. – <http://www.strana-oz.ru/>.
2. Атлас муниципальной прессы Российской Федерации – М.: Издательство «Хроникер» 2009.
3. Без заводов, газет, пароходов – <http://www.interfax.ru/business>.
4. Беспалова А. Г., Корнилов Е. А., Короченский А. П., Лучинский Ю. В., Станько А. И. История мировой журналистики. Ростов-на-Дону. МарТ, 2003.
5. Вороненкова Г. Путь длиною в пять столетий: от рукописного листа до информационного общества (национальное своеобразие СМИ Германии). М.: Языки русской культуры, 1999.
6. Засурский Я. Н. Искушение свободой. Российская журналистика: 1990 – 2007. – М.: Изд-во МГУ, 2007.
7. Золотухин А. А. Федерально-региональные газеты в России: 1990-2000 г.г. Дис. ... канд. филолог. наук. Воронеж, 2006.
8. Касютин В. Жизнь или кошелек // Журналистика и медиарынок. – № 1. – 2011.
9. Киричек П. Н., Федотова О. В. Этика журналиста. // Саранск: Из-во Мордов. ун-та, 2004.
10. К мобильному обществу: утопии и реальность/ Под ред Я.Н.Засурского. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009.
11. Кудий Г. Российский рынок периодической печати. Состояние, тенденции и перспективы развития. Выступление на конференции Фонда развития информационной политики. Москва. 2008.
12. Навазардян Б. Цензура-мутации // Журналистика и медиарынок. – № 1. – 2011.
13. Немировский В. Г. Общая социология. – Ростов н/Д: Феникс, 2004.
14. Павлюк С. Г., Попов Ф. А., Попова И. А., Рассказов С. В., Фрейдлин С. А. Пространство Тверской области в объективных показателях, образах и тревелогах. *Communitas. Сообщество*. 2005. Вып. 2.
15. Панарин А. С. Искушение глобализмом. М.: Эксмо-Пресс, 2002.
16. Рихтер А. Г. Экономическая помощь СМИ и журналистам со стороны государства на постсоветском пространстве // Известия Уральского государственного университета. – № 45. – 2006.
17. Сеславинский М. В. Современное состояние муниципальных газет. Возможности развития и пути государственной поддержки» Материалы второй Всероссийской конференции редакторов городских и районных газет. 2007. – www.fapmc.ru/document.

² СМИ в меняющейся России. Коллективная монография / Под ред. Е.Л. Вартановой; науч. ред. И.Д. Фомичева. – М.: Аспект Пресс, 2010. – С. 323-330.

³ Президент России: <http://www.kremlin.ru/news/9637>

18. Смирнягин Л. Трансформация общественного пространства России». СМИ в меняющейся России. Коллективная монография / Под ред. проф. Е. Л. Варгановой; науч. ред. И. Д. Фомичева. – М.: Аспект Пресс, 2010.

19. Токвиль, Алексис де. Демократия в Америке. Пер. с франц./ Предисл. Гарольда Дж. Ласки. – М.: Прогресс, 1992.

20. Президент России – <http://www.kremlin.ru/news/9637>.

21. Ядов В. А. Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества // Россия реформирующаяся. – М.: Academia, 2002.

22. Schiller Herbert I. The Ideology of International Communication. New York: Institute for Media Analysis.

23. Monroe E. Price. Media and Sovereignty: The Global Information Revolution and Its Challenge to State Power (Cambridge, Massachusetts, London, England, 2002: MIT Press).

24. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. – London: Sage, 1992.

EXPLICIT AND LATENT EFFECTS OF DEREGULATION OF THE RUSSIAN REGIONAL PRESS

V. L. Kasutin

*«Journalism and Media-
market»
(Russian Union
of Journalists)*

*e-mail:
kasutin@kasutin.ru*

Deregulation of the regional press in Russia leads to the greater dependence of editorial teams on local authorities and local businesses, and in general, to strengthening of the negative impact of globalization on all the Russian society.

Key words: regional press, deregulation, globalization, media market.

УДК 82(091)

СОЧИНЕНИЯ И. С. ПЕРЕСВЕТОВА: ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ПУБЛИЦИСТИЧНОСТИ

С. М. Нарожная

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
narozhnyaya@bsu.edu.ru*

Изложены результаты изучения комплекса публицистических произведений одного из известных авторов XVI в. с точки зрения использования в них лексико-фразеологических средств и стилистических приемов для создания публицистичности. Установлено, что в текстах публицистического комплекса выделяется группа ключевых слов и сочетаний, не только обеспечивающих содержательное единство сочинений, но и выступающих в качестве средства аргументации основных идей, изложенных в произведениях И. С. Пересветова. Показано, как разнообразные приемы использования выделенных единиц способствовали экспрессивности повествования.

Ключевые слова: русская публицистика донационального периода, ключевые слова и сочетания, приемы создания публицистичности.

Сочинения И. С. Пересветова (XVI, сп. XVII вв.) [1] – так называемый «Пересветовский комплекс» (далее – ПК) – девять произведений разных жанров, объединенные тематически. Каждое из них посвящено отдельным вопросам, но в целом ПК индизказательно представляет программу реформ в государственном устройстве, в судебной и торговой сферах, в организации армии и т. д. Считаём необходимым подчеркнуть: при наличии специфических языковых черт текстов историко-повествовательного (Повесть, Сказания, Предсказания), делового (Челобитные), поучительного (Концовка) характера, ПК – комплекс публицистических сочинений, объединенных не только содержательно [2], но и общностью языковых и стилистических средств. Комплекс сочинений одного из известных авторов XVI в. имеет в основе единый лексико-фразеологический фонд, отражающий специфику развития русского литературного языка в весьма своеобразный период [3]. В истории русского литературного языка XVI век занимает особое положение: на фоне изменений в общественно-политической, социально-экономической, культурной жизни в Московском государстве идут активные преобразования в структуре и соотношении разновидностей письменного литературного языка, делового и живого разговорного. В это время формируются основы русского национального языка, что и дало основание выделить XVI в. в сравнительно длительном донациональном периоде и обозначить его как преднациональный [4, с. 134]. Тексты сочинений И. Пересветова свидетельствуют также и о состоянии русскоязычной культуры в целом, и об особенностях менталитета средневекового человека.

Разнообразны и весьма талантливо использованы автором ПК языковые и стилистические приемы аргументации комплекса идей, отраженных в сочинениях, – это подлинная «работа со словом».

1. Так, в ПК четко выдерживается линия «ключевых» слов и сочетаний, которые связаны с обозначением базовых для средневекового человека понятий духовности: *А правда богу сердечная радость и вере красота* (161), *Да рек тако Магмет-салтан сеитам своим и пашам: «Видите то по писанию тому правда и чистота, братия, се бо сердечная радость богу* (169) – здесь речь идет о моральном состоянии человека, нравственно безупречного как перед Богом, так и перед законом. См. также: *И хотел веру христианскую прияти* (М.-с. – С. Н.) *...И до скончания веку своего бога в сердца держал* (151); *святытели прежняя стояли на молитвах своих святых, и сердцем бога видели* (147), где в первом контексте *Бога в сердце держати* –

‘быть примерным христианином’; во втором – сердцем бога видети – ‘достичь высшей степени благочестия’. В предложении: истца ему ябедника поставят, который ни-мало бога не знает (180) выделенное сочетание означает соответственно ‘бессовестный, бесчестный’. Значение ‘бесчестный человек’ передается в ПК и более широкой группой: таковым, которыя в сердцах своих правды не помнят, ино ... им мука вечная готовится (153).

Глагол держатися – ‘следовать чему-н.’ – используется в ПК со словом правда и сочетанием заповедь божия: держитесь правды, что бог любит (153); держитесь заповеди божия, уживайте лица своего поту (180). Общий глагол в этих контекстах позволяет таким образом дать иное толкование одного из «ключевых» слов ПК: правда – то же, что заповедь Бога.

С другой стороны, называя противоположные понятия: Бог – дьявол, правда – неправда, сердечная радость – беззаконие и др., «ключевые слова» позволяют представить спектр моральных ценностей и самого публициста, и его современников: Правда богу и отцу сердечная радость (177). Примечательно: в большей части случаев представление о сердечной радости в ПК связано с понятием правды.

Глагол любити выступает в ПК в главном для И. Пересветова значении – ‘испытывать любовь к кому-чему-н.’ [5, с. 324]: Бог любит правду сильнее всего (168); Так брался дьявол всеми неправдами з греки, не любячи веры христианския (177). Здесь четко выражено противопоставление Бог – дьявол и ассоциативная связь: правда – вера христианская. Заметим: глагол любити активно употребляется в ПК в конструкциях учительного содержания, в том числе отражающих гуманистические идеи: не делайте того, что бог не любит (157); (царю следует – С. Н.) любити (воинников – С. Н.), аки отцу детей своих (175).

Сочетание гнев неутолимый отмечаем в ряде фразем со сходным содержанием и составом: И за то господь бог разгневался на царя Константина и на велмож его и на все царство греческое неутолимым гневом своим святым, что они правдою гнушались и не знали того, что бог любит сильнее всего правда (154). В других контекстах меняется глагольный компонент: гордым господь бог противляется, неутолимый гнев на них напускает за неправду (182); есть ли бы яз на вас не то напустил, яко на Содом и Гомор, вечный гнев свой огонь и потоп (148). Материал показывает: сочетание гнев неутолимый является у Пересветова «ключевым» для ряда фразем, выступая при этом в значении ‘бедствие, постигающее человека’ [6, I, с. 362]. Причиной этих бедствий является нарушение христианских норм морали – отступление от «правды», хитрость, гордость и лень, иначе, те пороки, которые привели к гибели греческое государство. Именно поэтому автор так активно, варьируя, использует сочетание-сигнал во всех своих произведениях, предупреждая царя Ивана IV о возможной опасности, а также подсказывает, как можно избежать этого гнева: И в котором царстве правда, в том и бог пребывает и помощь свою великую подает, и гнев божий не воздвизается на то царство (177).

Содержательно близки в ПК контексты с глаголами противитися/противлятися – ‘оказывать противодействие’ [5, с. 616]: здесь наблюдаем в том числе и однокоренные лексемы, обозначающие традиционно порочные для христианина качества: бог хитрости не любит и гордости и леничества, противитися тому господь бог, гневом своим святым неутолимым за то казнит (152); господь бог гордым противляется, за неправду гневается (161). Таким образом, в широком контексте подчеркнута семантическая близость лексем, обозначающих отрицательные личностные качества, и одного из «ключевых» для ПК слова – неправда.

В систему «ключевых» слов в ПК включаются и **они́мы** – имена пращуров (*Пересвет, Дмитрий Иванович*), персонажей истории, как ветхозаветной, так и относительно недавней для XVI в. (*Константин и Магмет*), названия столиц государств (*Иерусалим, Царьград, Казань*) и т. д.

Так, пращуры публициста и Ивана IV упомянуты в общем контексте: *А яз, государь,... выехал из Литвы,... служачи тебе, ...помяная своих пращур и прадед, как*

служили верно государем... твоим пращуром, Пересвет и Ослябя в чернецах и в схиме ... на Донском побоищи при великом князе Дмитрие Ивановиче (171). Упоминание предков (отцов и главным образом дедов) – очень частый прием в произведениях поучительного и житийного жанров: выражая свое эмоциональное отношение к потомкам или сравнивая их деяния с деяниями отцов и дедов, автор таким образом обозначил мерило добродетелей и славы внуков и правнуков [7, с. 55], поэтому упоминание Пересвета, монаха Троице-Сергиевского монастыря, среди участников Куликовской битвы 1380 г. и предка Ивана IV, руководившего русскими войсками в этой битве, не случайно: этими именами публицист напоминает царю об известном событии и намекает на определенную аналогию с современной ему ситуацией.

В качестве аргументов автору Комплекса служат и имена персонажей всемирной истории, известные по средневековой литературе. Так, И. С. Пересветов рекомендует молодому царю Ивану IV «прочести взятие греческое до конца» (170), ссылаясь на авторитеты Александра Македонского, известного на Руси благодаря повести «Александрия»; Октавиана Августа, время неограниченной власти которого было названо «золотым веком» (как результат проведения удачных реформ и наплыва военной добычи) [8, с. 63; 9, 1, с. 50], во времена правления которого родился Христос и начался христианский период мировой истории, что, безусловно, было актуальным в свете концепции «Москва – третий Рим».

Имена антиподов – царя Константина Ивановича (XI Палеолога) и Магмета (Мехмета II Фатиха), турецкого царя, – способствуют оформлению в ПК **антитезы**: предлагая проект государственных преобразований, И. Пересветов постоянно сопоставляет опыт и результаты правления этих царей. Известно, что использование сведений о судьбе или эпизодов из жизни известных лиц представляет собой довольно распространенный прием и в современной публицистике [10, с. 112].

Примечательно: в ряде других случаев, сопоставляя судьбы царей Ивана IV и Константина XI, автор употребляет при этом одни и те же лексические средства. Этим важнейшим приемом публицистического письма, восходящим еще к искусству античных писателей, И. Пересветов пользуется систематически. Например, из ряда номинаций (8 единиц), выражающих в ПК общее значение 'воин', в отношении к этим царствующим особам выбрано общее существительное: Царь наш (К-н – С. Н.) будет воин на возрасте лет своих (166); (речь об Ив. IV – С. Н.) такового под всею подсолнечною не будет мудраго воина и счастливаго к воинству (184). См. также: слова врожденный и прирожденный в деривационном отношении связаны с глаголами врождать – что в кого, 'придавать неотъемлемо, производя на свет' [6, I, с. 261] – и природить – что, 'даровать кому или чему от природы, природою' [6, III, с. 439]. В ПК эти глаголы употребляются с компонентами мудрость и мудрый источник: теми кудесы и вражбами твою мудрость (Ив. IV – С. Н.), от бога прирожденную и счастье отлучают (183); бог выдал такового великаго царя (К-на – С. Н.) и по писанию мудраго врожденнаго источника воинскаго (152).

Глагол хранити – 'оберегать, защищать' [11, III, ст. 1402] – употребляется в ПК в контекстах, содержательно связанных с религиозной темой: аггели божии, небесные силы ... хранят и стрегут рода человеческого от Адама и по всяк час (156); Коли было час и время благоверному царю Константину Ивановичу на конь свой на воинской сести, и меч свой в руки взяти, и веру христианскую хранити божиею помощию и умножати (167). На наш взгляд, использование здесь глагола хранити позволяет установить следующие ассоциативные связи: 1) воинники на земле равны ангелам в небесном царстве; 2) как и ангелы, воинники «стрегут и хранят рода человеческого», это их служба; 3) царь Константин Иванович должен был быть хранителем веры христианской, являясь наместником Бога на земле; 4) поскольку функция защитника христианской веры, по теории «Москва – третий Рим», переходит к Ивану IV, то он, выполняя эту функцию, должен опираться на воинников, поскольку царю без воинства не мочно быти (178).

Покажем употребление в ПК иных «общих» для христианских правителей – персонажей ПК – лексем: *пишут про государя* (Ив. IV – С. Н.) ... *по небесному знаменю ... , яко и на благовернаго царя Константина довление со вражбами для ради укрочения воинства его* (161-162), *От довления вражебного твоих велмож и от кудес всяких бог избавил своєю святою великою милостию* (184), где довление – ‘средство погубить к.-л., козни’ [12, 8, с. 268]. Подобное наблюдаем при использовании в ПК существительного укрочение – действие по глаг. укрочати (ср.: укротить – ‘успокоить, умерить, проявление чего-л.’ [5, с. 817]).

С другой стороны, сочетания давати / даяти дань – ‘платить подати, налоги, взимавшиеся администрацией с подданных или победителем с побежденных’ – употребляются при упоминании царей-антиподов: *А иныя цари дань дают, а иныя цари служити приказываются ко благоверному царю Константину* (167); *Так был Магмет-салтан, турской царь, ко Царюграду дань давал* (178). Такие контексты служат своеобразным предостережением Ивану IV: Магмет-салтан и другие цари до определенного поворота мировых событий были в подчинении у царя Константина Ивановича, позже роли перераспределились. О причинах этого и сообщает ПК – «*взятие греческое до конца*». И еще один пример: *Ино неверный иноплемянник да познал силу божию Магмет-салтан, турской царь, взявши Царьград* (180); *И так про него пишут, что он* (Ив. IV – С. Н.) *божию помощию Казанское царство возмет своим мудрым воинством* (162). Последний контекст связан с общей направленностью идей Пересветовского комплекса: опыт турецкого султана может быть полезен молодому русскому царю в его внешнеполитических акциях.

Употребление названий столиц связано в ПК с реалиями и событиями общественной жизни в указанный период, использование урбонимов вместо названий государств известно и современной публицистике, при этом они «символизируют социальную систему, внешнюю и внутреннюю политику стран ... указывают на уроки истории, факты международной жизни» [13, с. 34-35]. Так, в ПК Царьград – и название столицы, и символ государства: *и град создан ... и нарекли ему имя Царьград* (165); *У благовернаго царя Константина в Цареграде воинники оскужали и нищали* (179).

К этой группе собственных имен в ПК примыкают гидронимы Волга и Чермное море: *Да из-за тех же, государь, щитов на Волге ... мочно у него ... берег взяти* (163); *Фараон царь был ... бог ... потопил его Чермным морем* (157), где вместо названия Казанского царства использован гидроним (Волга), а второе именование выступает в качестве символа-напоминания о факте ветхозаветной истории.

Заметим: указанная группа лексем выполняет в ПК в основном информационную задачу, но в ряде случаев номинативная функция онимов сочетается с их ролью в качестве средства создания экспрессивности текста.

Отметим характерный для ПК прием использования «ключевых слов»: ряд случаев их употребления позволяют наметить в широком контексте ПК **попарные противопоставления** (дьявол – ангелы, вельможи (Константиновы) – воинство и т. п.): *Во всем дьявол прелстил вельмож Константиновых* (181); *А царю без воинства не мочно быти: аггелы божици небесныя силы, и те ни на един час пламеного оружия из рук своих не опуцают* (178). Здесь дьявол – ‘злой, коварный ангел, старающийся оболъстить людей, внушить им ложные мысли и злые желания’ [14, с. 193] – символ не только религиозный, но и политический, так как способствует и возникновению ассоциативных параллелей: дьявол – вельможи, ангелы – воинники. См. также: *видите то, иже бог любит правду, а за неправду гневается неутолимым гневом* (180), и *дьявол изборол всякою неправдою* (177).

При употреблении в ПК сочетания творити волю – ‘выполнять распоряжения, желания того, кто имеет на это право или власть’ – также обозначается важное для автора противопоставление: *А вельможу друг о друге печаловалися царю Константину... А царь всю их волю творил* (179). В значительной части материала сочетание творити волю распространено за счет согласованного или несогласованного определения – воля божия / дьявольская: *И греки... воли божица не творили ...Те же прелесники*

(вельм. ц. К-на – С. Н.) дьявольскую волю творили (181). Это обуславливает развитие идеи: творити волю божью – дьявольскую, творити волю вельмож. Поскольку, по Пересветову, «земное по небесному», то воля вельмож – воля дьявольская, а божия воля – это воля не обозначенного, но подразумеваемого источника – воинов, служилых людей.

Покажем еще один пример. Существительное смерть – ‘прекращение физической жизни в результате участия в военных действиях’ – наблюдаем в следующих контекстах: *Царь* (М.-с. – С. Н.) *говорит...: Кто не хочет умереть добрую смертию, играючи с недругом смертною игрою, ино он умрет же от моего опала царския смертною казнию* (159); *Ино так говорит Петр волоский воевода: «Что их (богатых – С. Н.) много, коли... смерти боятся и не хотят умереть. Всегда богатые о войне не мыслят* (175). Таким образом, смерть, по Пересветову, может быть доброй – ‘честной, достойной’, если она наступила в результате / в процессе смертной игры, такая смерть – участь и право воинов. «Богатые» (вельможи) смерти в бою боятся, а потому участия в войне избегают. Автор в очередной раз противопоставляет две силы в государстве – воинов и вельмож. См. также, как эта тема развивается и при употреблении прилагательного лютый – ‘причиняющий мучения’ [5, с. 286]: *то есть чародеи и еретики, у царя счастье отнимают и мудрость царскую...и воинство кропят. ...Таковых годится огнем жеци и инья лютыя смерти им давати* (178). В широком контексте ПК это прилагательное является антонимом к доброй, также относящемуся к слову смерть (пример см. выше). И если добрая смерть почетна, то лютая смерть не только мучительна физически, но и позорна.

Говоря о «ключевых словах», следует подчеркнуть и то, что они выступают в качестве своеобразного «стержня», объединяющего тексты ПК в комплекс, части которого взаимосвязаны и взаимодополняемы.

2. Среди наиболее выразительных приемов создания публицистичности ПК – **лексические повторы**. Так, в смежных контекстах имя существительное обида – ‘юридическая несправедливость’ – использовано пять раз: *И твое, государь, жалование, поместье, от великих людей от обид нарядили пусто...* (собинка – С. Н.) *...в моих обидах и волокитах вся пропала...И ныне, государь, от обид и от вололит наг и бос и пеш. Служил есми, государь, трем королем, а такая обиды ни в котором королевстве не видал. ...зде все потерял во обидах и в волокитах* (164). Подобное наблюдаем при употреблении существительного беда – ‘несчастье, горе’ (166 – 7 употреблений).

3. Особая роль в сочинениях ПК принадлежит **рядам однокоренных слов** (веселие – веселый – (воз)веселити(ся); лукавство – лукавый – лукаво; грех – согрешение – грешный – согрешити и др.): входя в содержательно близкие контексты или создавая фигуру антитезы, элементы этих рядов объединяют сочинения комплекса и позволяют акцентировать внимание на важных для автора положениях, а кроме того, придают повествованию возвышенный тон.

Так, ряд однокоренных лексем прелесть – прелестник – прелщение – прелестный – прелстити(ся) последовательно связан в ПК с характеристикой вельмож и их действий, при этом наблюдаем открытую или подразумеваемую их связь с дьяволом: *Видите ли то, яко они богаты, тако и ленивы* (вельм. ц. К-на – С. Н.) *...и... дьявольскими прелестьми мудрость его и щастие укротили* (152); *Те же прелестники* (вельм. ц. К-на – С. Н.) *дьявольскую волю творили* (181); *Нечисто богатели* (вельм. ц. К-на – С. Н.) *дьявольским прелщением* (180); *и будет (царь – С. Н.) веселитися с теми, которые ему сердце разжигают вражбами и многими прелестными путми* (170). См. также: *Во всем дьявол прелстид вельмож Константиновых* (181), где прелесть – ‘соблазн, греховное искушение, обман’ [12, 18, с. 259], прелщение – ‘заблуждение, ошибка, грех’, а прелестник – ‘обманщик, соблазнитель’ [11, II(2), ст. 1662]. Здесь указывается, что «дьявол прелстид» вельмож, но речь идет о земных событиях.

Активно используется в ПК ряд однокоренных глаголов гневаться (‘испытывать, проявлять гнев’ [15, 3, с. 163]) – разгневаться (‘прийти в состояние сильного

гнева') – гневити – разгневити – прогневити и сочетания с существительным гнев. Объединяет все случаи их употребления в ПК то, что проявление гнева – ответная реакция Всевышнего на несправедливые поступки людей: *Видите, как господь бог гордым противляется, за неправду гневається (161); А вы меня (М.-с. – С. Н.) на то же ли приводите, чтобы бог разгневался (154-155) и т. п.*

Однокоренные глаголы кротити – укротати / укротити деривационно связаны с существительными кротость и укрочение и используются в значении 'усмирять, усмирить, сделать кротким': *без лица им вина, что воинство у царя кротят (178); А греки благовернаго царя Константина укротили от ереси своя (167)*. Кроме того, глагол укротити используется и в значении 'лишить чего-л.': *дияволскими прелестями мудрость его и щастие укротили (152)*. Приведенный материал – активно используемые публицистом аргументы для обличения вельмож.

Другая важнейшая для И. Пересветова тема: воины должны быть подготовлены к службе в ходе специального обучения. Обращаясь к ней, автор использует ряд однокоренных слов наука ('воинская выучка') – ученый (в ПК не только 'умелый, знающий в к.-л. области', но и 'получивший специальную подготовку') – навыкнути: *Царь турецкой у греков и у сербов дети отнимают на седмой год на воинскую науку (171)*. Наличие здесь определения не случайно: Пересветов таким образом рекомендует царю военному делу учить с детства. См. также: *У турецкого царя по триста тысящ ходит против недругов ученых людей храбрых (158); Оне (воины из специальных отрядов – С. Н.) навыкнути в поле жити и от недруга его, крымского царя, воевати (175)*.

Покажем и другие приемы использования в ПК рядов однокоренных лексем.

В контекстах со словом знамение – 'знак, предзнаменование' [12, 6, с. 42] – непременно указывается, что этот знак дан Богом (*з. божие (149); мое святое з. (149); господь Бог мьстит... страшными з. (160); з. велико от бога (182)*), например: *знамение господь бог показал над Фараоном, царем египетским, – морем потопил его да и велможи его (182)*. И. Пересветов последовательно указывает, какое это знамение: *страх напустил (149); святыню на небо взял (149); мьстит до девятого роду (160); морем потопил (182)*. В указанном значении в ПК использована и однокоренная лексема знамя: *И в том (русском – С. Н.) царстве великое божие милосердие и знамя божия, святых новья чудотворцы (161)*. Отличие приведенных контекстов обусловлено разными коннотациями лексем: знамение – это знак недобрый, предостерегающий, угрожающий; знамя – знак положительный, дающий надежду.

Глаголы ум(е)рети/умирати наблюдаем в общем контексте: *А кои не хочет честно умрети на игре смертной с недругом моим за государево великое жалование, как юнаки храбрые умирают, играючи с недругом моим смертною игрою, ин здесе умрет же от моей государевы опалы (156-157)*. Указанные глагольные формы нейтральны по своей стилистической принадлежности, но в ПК за счет зависимых слов возникает дополнительная смысловая нагрузка.

4. Богат в ПК арсенал **слов и сочетаний с близкими значениями**. Так, отношения между людьми, связанные с религиозной сферой, передаются глаголом крестити и рядом глагольных сочетаний: приводити/привести неверных к вере / в веру, умножати / умножити веру христианскую, ставити в веру, уставити веру.

В ПК не раз упоминается Казанское царство: настойчивое напоминание в сочинениях И. Пересветова об основной цели движения на восток было, несомненно, в духе времени. Покажем употребление единиц перечисленного ряда: крестити – 'совершать обряд крещения в знак приобщения к христианской вере': *И так про него пишут (Ив. IV – С. Н.), ...что он божиею помощью Казанское царство возмет своим мудрым воинством да и крестит (162), Таковому было быти христианскому царю... где пойдет неверных к вере приводити и веры христианской умножати (160); *Писут о тебе, о великом царе (Ив. IV – С. Н.), ... : «Беречи веры христианския и умножати, неверных в веру приводити и славу божию возвышати (173)*.*

Ряд глаголов, в том числе однокоренные – наругатися, поругатися, обезчестити, – выступают в ПК в контекстах, где действия нехристиан в отношении христианской ве-

ры и ее атрибутов квалифицируются как оскорбительные, как надругательство: *сие иноплемянники над твоими святыми церквами и надо образы твоими чудотворными наругались (148); Твоими святыми церквами поругаются, и твоя святые образы нечестно из церквей выносили, и престолы твоя святые поломали, и книги (христианские – С. Н.) ... поотнимали (148); Магмет-салтан, турецкой царь, ... осилел и Царьград взял... и красоту церковную обезчестил, и звон церковный поотнимал, и кресты с церковей поотнимал, и образы чудотворные из церквей нечестно выносил (178)*. Содержательная близость приведенных контекстов позволяет говорить об известной синонимии выделенных глаголов.

Еще один прием, активно используемый И. Пересветовым в сочинениях ПК, – употребление в одном предложении **контекстуальных синонимов**, что создает особый эффект – «смысловое сгущение».

Так, наречие нечисто в сочетании с глаголами збирати/собирати означает ‘преступно, на основе обмана собирать налоги’: (вельможи – С.Н.) *нечисто збирали, богатели (154)*. Ср.: *Нечисто богатели диявольским прелщением (вельм. ц. К-на – С. Н.) (180)*. И здесь наречие *нечисто* характеризует обманное, противозаконное действие, однако наличие в этом контексте сочетания *диявольским прелщением* усиливает значение не только наречия, но и публицистичность всего комплекса сочинений.

Подобное наблюдаем в контексте с семантически близкими существительными козни, прелесть, лукавство: (вельм. ц. К-на – С. Н.)... *уловили его великим лукавством своим и козньми, диявольскими прелестьми мудрость его и щастие укротили (152)*, где определение *диявольские* дает однозначную оценку действиям вельмож. См. также: *тако брался диявол всеми неправдами з греки ... и диявол изборол (греков, христианскую веру – С. Н.) всякою неправдою (177)*, присутствие здесь существительного *неправда* – «ключевого» в ПК – в форме творительного падежа для обозначения средства достижения цели делает его – в широком контексте – синонимом по отношению к существительным приведенного выше ряда. Наличие существительного *диявол* также обусловлено публицистической направленностью сочинений комплекса.

Покажем другие примеры. Глаголы умножитися – ‘стать высокомерным, надменным’ – и угордети/угордетися – ‘стать гордым’ – наблюдаем в ПК в общих контекстах: *А израилтяня умножилися и угордели (182); безумный царя потребляет, умножився велми и угордится (156)*. Однородные здесь глаголы придают содержанию контекстов негативный оттенок.

Показательно, на наш взгляд, употребление в ПК следующих лексем. При наличии в значении общего – ‘тот, кто настроен негативно, враждебно’ – различны лексические значения слов враг (‘внутренний» недоброжелатель’) и недруг (‘внешний противник; тот, с кем ведется вооруженная борьба’), ср.: *и обличит бог пред ним все враги его (162); У турецкого царя воинники с великия мудрости и с науки ставятся противу недруга играти смертною игрою (156)*. Подобное отличие поддерживается употреблением прилагательных: *от ловления враждебного твоих вельмож и от кудес всяких бог избавил своєю святою великою милостию (184); Да говорит так: Боже! Поблюди ея (веру христианскую – С.Н.) от неверных и от ереси вражия (173)*.

5. В сочинениях ПК представлена и более очевидная **антонимия**. Сочетанию судити прямо – ‘осуществлять правосудие справедливо, честно’: *И рек тако Магмет-салтан: «Братия моя любимая, верная, судити прямо и воздадите богу сердечную радость (153)* – антонимичны сочетания судити неправдою: *А судей своих изборочил из казны... чтобы не искушались неправдою судити (155) и судити лукаво (‘лживо’): (судии – С. Н.)...*посрамятся дел своих лукавых, да будут и сами о собе дивитися, что лукаво судили (172)*. Таким образом, в приведенных контекстах наречия и именная форма создают как синонимические отношения: судити неправдою / судити лукаво, так и антонимические отношения между бинарными номинациями судити неправдою / лукаво – судити прямо.*

Тема обличения вельмож и утверждения достоинства воинов является одной из

основных в сочинениях ПК. Наречия конно – ‘на конях’ – и людно – ‘имея при себе сопровождающих в большом количестве’, – характеризуют у Пересветова отправляющегося на государственную службу вельможу и помогают, на наш взгляд, оформить это противопоставление, связанное и с личной обидой публициста-воина: *вельможи рускаго царя сами богатеют и ленивет, ... и тем ему слуги называются, что цветно и конно и людно выезжают на службу его* (174); *а яз... и ныне, государь, ... наг и бос и пеш* (164)). Однородная пара нагъ и босъ использовалась в древнерусском языке для обозначения состояния крайней бедности, нищеты [12; 10, с. 53]. В ПК выступает трехкомпонентное сочетание. Третье слово – пеш (‘безлошадный’) – обусловлено индивидуальным восприятием публицистом своего положения: для профессионального воина отсутствие коня – признак критического состояния.

Один из излюбленных приемов использования лексем-антонимов в ПК – включение их в один контекст, что создает фигуру **антитезы**, например: *Стяжал еси зле, раздай добре* (168); *ино от них живыи мертвым завидовали, а волныя порабощенным от вельмож Константиновых* (181). См. также: *подобает от праведнаго труда творити милостыню* (168); *Бог помогает не ленивым, но кто труды приимает* (170). Противопоставленность семантики описательного оборота (праведный труд) – ‘целесообразная деятельность, направленная на созидание...ценностей, необходимых для жизни людей’ [5, с. 800]) – прилагательному ленивый – ‘любящий безделье, не желающий работать’ (см. также: *вельможи его, ленивыя богатыя, не думают о войску* (167)) – четко выражает нравственные принципы публициста и его отношение к вельможам, заметим попутно: ленивый, богатый, вельможа для Пересветова – синонимы.

Показательно употребление в ПК одного из значений слова земля – перен. ‘те, кто живет на земле, люди’: *Царь Константин вельможам своим волю дал и сердце им веселил, они же о том радовалися и нечисто збирали, богатели, а земля и царство плакало и в бедах купалося* (154). Этот контекст, как и ряд ему подобных, показывает, насколько искусно публицист противопоставляет вельмож всем остальным гражданам государства, используя экспрессивные качества языка.

Антитеза в широком контексте комплекса возникает и когда одна и та же лексема включается в контексты, противоположные по содержанию. Так, имя существительное наместничество – ‘исполнение обязанностей местного правителя’ – употреблено в ПК в описаниях результатов деятельности царей-антиподов: *В лето 6990 первого царя Магмет-салтан турской... никому ни в котором городе наместничества не дал вельможам своим, чтобы не прелцалися* (162); *А вельможи друг о друге печаловалися царю Константину о кормлении и о городах и о наместничестве* (179).

6. Часть лексико-фразеологического фонда ПК отличается наличием в условиях широкого контекста особой смысловой нагрузки: они становятся своего рода **символами**.

Так, имя существительное побоище – ‘сражение, битва, кровопролитие’ – в следующем контексте: *на Донском побоищи ... пострадали и главы свои положили* (171), оказавшись в составе названия известного исторического события, принимает на себя добавочную смысловую нагрузку. В наименовании Донское побоище (т. е. битва, произошедшая недалеко от р. Дон), как и в других названиях этого события – Куликовская битва (т. е. битва на поле Куликовом) и Мамаево побоище (т. е. битва с Мамаем, точнее, войсками под его предводительством), – содержится не требующее дополнительных пояснений и уточнений указание на всем известное событие русской истории. При этом можно с уверенностью предположить, что название «Донское побоище» было для средневекового читателя одним из ряда возможных, закономерных и обладающим высокой экспрессивностью.

Слово мученик называет лицо из разряда святых, прославляемых Церковью за мученическую смерть, принятую ими за христианскую веру: *где войско его побьют, ино тамо божия воля сталася, и то есть мученики божия последняя, яко же пострадали за веру христианскую, яко первая* (160). Иначе, погибшие в бою воины уподобляются первым христианским мученикам. Эту тему поддерживает и употребле-

ние здесь сочетания венцы златыя – ‘символическое обозначение вознаграждения, почестей’ [12, 2, с. 73]: *души их к богу в руки, небесныя высоты наполняются таковыми чистыми* (т. е. безгрешными – С. Н.) *воинники, аггелом равны и украшенны от бога златыми венцы* (160). Известно, что с развитием культа святых связана иконографическая традиция изображения фигур мучеников, получающих от Христа победный венец [16, с. 89], иначе говоря, новозаветные святые изображались с золотым нимбом [16, с. 69]. Таким образом, погибшие воины для Пересветова – святые.

В христианской среде сложилось понятие о чудотворных возможностях людей, пострадавших за веру, отсюда и понятие чюдотворец: *как служили верно государем ... Пересвет и Ослябя в чернецах и в схиме со благословением Сергия чюдотворца* (171); *и в том царстве великое божие милосердие и знамя божие, святыя новыя чюдотворцы, яко первыя, – тако от них милость божия, якоже и от первых* (161). В первом контексте, речь идет с человеке, имя которого названо, – это Сергей Радонежский (XIV в.). Во втором контексте упоминание новых чюдотворцев (канонизированных на соборе 1547 г.) [17, с. 19] и именование их знаменем божиим как бы связывает и старых – «первых», – и новых чюдотворцев воедино, делая их всех покровителями и Руси, и христианства вообще.

Своеобразна смысловая нагрузка в ПК у прилагательного сильный и его форм: так, полные формы сочетаются со словами царь, государь, царство: *А мочно ему* (Ив. IV – С. Н.), *таковому силному царю, то все учинити* (175); *Таковому силному государю* (Ив. IV – С. Н.) *годится со всего царства своего доходы себе в казну имати* (175); *царство великое, и силное, и славное, и всем богатое царство Московское* (176). В сочетании с абстрактными существительными оно означает ‘очень основательный, убедительный’: *такова была вера греческая силна, и мы ся ею хвалили* (173); *Велик бог христианск, и силно милосердие его* (149). Употребление сравнительной степени слова силный в ПК связано с оформлением одной из основных идей всего комплекса сочинений И. Пересветова: *Правды силнее в божественном его писании нет* (177); см. также с формой превосходной степени: *Бог любит силнее всего правда* (154). Таким образом с помощью данного прилагательного в ПК утверждается идея сильной власти в централизованном государстве, в котором есть православная вера и «правда».

Ориентируя молодого царя на решение проблемы государственного управления, публицист использует глагол преступати/преступити – ‘нарушить’ [11, II(2), ст. 1699] – в сочетании со словом заповедь: *Во всем заповедь мою святуя преступили* (греки – С. Н.), *господа бога своего, ... разгневили* (150). Здесь речь ведется от имени Бога, и таким образом объясняется причина гибели Византии: это проявление божьего гнева за нарушение его заповедей. В другом контексте говорится о нарушении царского установления: *ино таковому человеку смертная казнь бывает, что цареву* (М.-с. – С. Н.) *заповедь преступает* (158). Следовательно, заповеди царя равнозначны заповедям Божьим, нарушение их – преступление, которое заслуживает кары.

Важна в ПК роль словоформы столпом: *от слез и от крови роду человеческого богатели велможу его* (ц. К-на – С. Н.) *...Да та же неповинная кровь и слезы столпом ко господу богу на небо с великою жалобой шла* (151). Эта словоформа помогает автору связать отдельные части ПК – переделку Повести о взятии Царьграда турками Нестора-Искандера (XV в.) и Сказания о Магмете. Так, в переделке искандеровской повести речь идет об огненном столпе, традиционном библейском образе, символизирующем знамение, предзнаменование [18, с. 179-180]. В своем Сказании И. Пересветов пользуется другим образом: *неповинные кровь и слезы* – символ человеческого страдания, – уподобившись огненному столпу, становятся предзнаменованием падения Царьграда. Вне сомнения, такая интерпретация известного мифологического факта способствует приданию особой публицистической силы не только этому контексту, но и всему комплексу сочинений И. Пересветова [19].

7. Как специфическое стилистическое средство публицистического текста ав-

тор ПК достаточно часто использует **нерасчлененность** (размытость / совмещенность) **семантики** лексико-фразеологических единиц (см. подробнее: [20]). Покажем это на некоторых примерах.

Сочетание свет и тьма имеет в сочинениях ПК значительную смысловую нагрузку: *И по грехом по нашим сталося, что впали есмь неверному в неволю иноплемяннику для беззакония великаго греческаго, что греки тьмы для да свет оставили, во всем в ересь впали и бога разгневили неутолимым гневом* (180). Известно, свет – тот архетипический образ общечеловеческой культуры, мимо которого не прошла ни одна из мировых религий. Традиционно образ света – обозначение исключительно положительной сущности, это символ Бога, любви, надежды, душевной радости, при этом именно христианская картина мира построена на прямом противопоставлении, полярности, непримиримости света (Бога) и тьмы (дьявола) [21, с. 260]. Отсюда, полагаем, возможен ряд ассоциаций, заданных приведенным контекстом ПК: беззаконие – тьма, а, следовательно, его источник – дьявол. Значит, справедливость, законность, – правда, по Пересветову, – это то, что связано с божественным началом. Источником света – правды, – в соответствии с представлениями автора, могут быть книги. Вероятно, отсюда возможно выделение еще одной пары созначений-антонимов для лексем свет и тьма – ‘просвещенность’ и – соответственно – ‘невежество’ (ср.: в известной и сегодня поговорке также отражается это противопоставление: ученье – свет, а неученье – тьма). Таким образом, представляется возможным говорить о синкретичной (совмещенной) семантике лексем свет и тьма, использованной автором, на наш взгляд, весьма удачно.

Сочетание стояти крепко в значении ‘сражаться’ распространяется именными компонентами – предложно-падежной формой против недруга или сочетанием за веру христианскую: *Ино у царя кто против недруга крепко стоит ... , и он его на величество подымает* (158); *Ленилися греки за христианскую веру крепко стояти против неверных* (170). Во втором контексте предложно-падежная форма против неверных позволяет автору подчеркнуть, что в средневековой Европе религиозное противостояние означало и военное.

Выделяемое в ПК устойчивое сочетание (великая) мудрость воинская имеет значение ‘совокупность знаний в военном деле’ [12, 9, с. 298]: *он же родился источник мудрости воинския* (151). На это значение указывает присутствие существительного источник-3 (перен., с несогласованным определением – ‘то, из чего берется, черпается что-либо’) [12, 6, с. 332]. В большей части контекстов, полагаем, значение указанного сочетания шире: не только ‘совокупность знаний’, но и ‘воинский опыт, навыки’: *и царь почал трезвиться от юности своя и почал приходити к великой мудрости к воинской и к прирожению своему царскому* (152). Характерно, что это сочетание употреблено в ПК применительно к историческим персонажам, являющимся отрицательными или положительными примерами в подтверждение некоторых из основных идей И. Пересветова, особенно о воинской миссии царя.

Имя существительное счастье используется в значении ‘успех, удача’: *то есть чародеи и еретики, у царя счастье отнимают и мудрость царскую ... и воинство кротят* (178). Однако для И. Пересветова счастье царя – это не столько личное счастье человека, сколько успехи руководителя государства, опирающегося на свое воинство.

Интересен, на наш взгляд, и следующий фрагмент: *и царя благовернаго потребили иноплемянническим мечем* (178). Здесь речь идет и о физической смерти царя Константина во время завоевания турками Константинополя, и о поражении его как полководца, а иноплемяннический меч здесь – воинский талант и доблесть его антипода, турецкого султана Магмета. В расширенном контексте приведенное высказывание выступает также как предостережение: *Яко же благовернаго царя Константина Ивановича Царяграда велможы укротили от воинства вражбою от ереси своя и ленивства ради лукавством своим; и они царство верное потеряли и царя благовернаго потребили иноплемянническим мечем* (178). Отсюда должен следовать единственный вывод: внутренние враги опаснее внешних. И приведенные фразы, наряду с

другими, подсказывают это адресату ПК.

Показательно употребление в ПК прилагательного дияволский: оно совмещает относительное и качественное значения – ‘подобный тому, который свойствен дьяволу’ и ‘в высшей степени коварный, антибожественный’: *Видите ли то, яко они богаты, тако и ленивы* (вельм. ц. К-на – С. Н.) ...и...дияволскими прелестьми мудрость его и щастие укротили (152); (вельм. ц. К-на – С. Н.) *Нечисто богатели дияволским прелещением* (180).

Оборот лукавые дела является в сочинении И. Пересветова **перифразой** для именованья беззаконных действий судей: *Лукавыя судии ... посрамятся дел своих лукавых, да будут и сами о себе дивитися, что лукаво судили, а нечисто собирали* (172). При этом лукавый одновременно – ‘лживый’ и ‘дурной, злой, коварный’ [11, II(1), ст. 51].

Покажем еще один пример: *И меч его царской обнизили ... и оне* (вельм. – С. Н.) *то ухитрили ересью своею* (152). Связь с существительным хитрость и общий тон контекста обеспечивает негативную коннотацию для глагола, ср.: *Лукавый тебя ухитрил* на такое дело [6, IV, с. 525], ср. также: ухитрити – ‘измыслить, придумать, создать’ [11, III(2) ст. 1331]. Таким образом, глагол ухитрити в ПК выступает как слово с синкретичной семантикой – ‘придумать и осуществить нечто коварное’.

8. Еще одно свидетельство безусловной и сознательной авторской работы со словом, создания текста, оптимально соответствующего поставленной цели, – использование лексического материала в **метафорическом** употреблении.

Так, существительное солнце – в значении ‘то, что является источником, средоточием чего-н. ценного, высокого, жизненно необходимого’ [22, с. 771] – выступает в сравнительном обороте: *Да тако рек Петр волоский воевода: Истинная правда Христос есть, сияет ... светлее солнца* (176). Одна из основных метафор церковно-панегирической литературы Древней Руси (Христос, христианство – солнце) [23, с. 27] претерпевает здесь существенное изменение: контекст входит в ряд разнообразных в ПК дефиниций понятия правда и задает тем самым высокий тон повествованию.

Сочетание слова сердце и глагола окаменети имеет в ПК значение ‘очерстветь, стать бесчувственным’ [12, 12, с. 517]: *а израилтяня умножилися и угордели, и бога забыли... и ... сердце их окаменело з гордости* (182). Ср.: сохранившееся в современной речи сочетание каменное сердце [24, 2 с. 231].

Своеобразно использование в ПК слова христианский в сочетании с именами существительными род, кровь, т.е. ‘христиане, крещеные люди’: *слезы и кровь мира сего, рода христианскаго... брызгали на образы моя святая чюдотворныя от лукавых судей и от неправеднаго суда их* (150), (вельм. ц. К-на – С. Н.)... *от слез и от крови христианския богатели* (176). Таким образом в сочинениях И. Пересветова действия вельмож царя Константина приобретают характеристику «от противного»: их поступки влекли за собой горе для христиан, а значит, действия вельмож не христианские.

Ассоциация вельможи – дьявол прослеживается в ПК неоднократно. Квалификация действий вельмож осуществляется и в следующих контекстах: *благовернаго царя Константина осетили кудесы* (181). Среди толкований слова кудесы (‘недоброжелательное чародейство’) в Словаре Даля есть такое: ‘чудеса посредством нечистой силы’ [6, II, с. 212]. Другой пример: в сочетании с именами существительными лукавство, вражда, кудесы, в совокупности означаящими ‘дьявольские чары’, глагол уловити в ПК используется в переносном значении – ‘опутать, одурманить’: *и уловили его* (ц. К-на – С. Н.) *лукавством своим* (152).

Яркие метафоры возникают в ПК при употреблении лексемы беда: *И велможи ... царство его* (ц. К-на – С.Н.) ... *бедами сцепили* (166); *Царь Константин велможам своим волю дал ... а земля и царство* (т.е. ‘те, кто живет на земле, в государстве; люди’ – С. Н.) *плакало и в бедах купалося* (154).

Показательно употребление в ПК глагола продати в сочетании с абстрактным существительным душа: *купец... Первое душу продаст, тоже и товар продаст* (179). Это соотносится с известной русской поговоркой: не обманешь – не продашь [25, с. 214].

Однако контекст Пересветова имеет яркую отрицательную коннотацию: поскольку душа (здесь – ‘совесть’ [11, 1 (1), ст. 149]) уподобляется товару, то, таким образом, вся фраза приобретает обличительный характер. Ср.: продавать душу черту – по суеверным представлениям, отдавать свою душу дьяволу в обмен на какие-либо блага; в современном языке – ‘поступиться совестью, честью ради достижения цели, не гнушаться никакими средствами’ [15, 4, с. 540]. Подобное наблюдаем и в таком случае: глагол исполниться, т. е. ‘наполняться, переполниться’ [12, 6, с. 282], сочетается с существительным беззаконие: *ино у благовернаго царя Константина велможы его всем тем беззаконием исполнились и бога разгневили* (181). Образы, возникающие при таком словоупотреблении, усиливают публицистичность всего комплекса сочинений И. Пересветова.

Представление о страданиях в совокупности с парой слезы и кровь метафорически передает в ПК форма глагола брызгати (‘кропить, опрыскивать’): *слезы и кровь мира сего ... брызгали на образы моя святых чудотворных* (150) (ср.: *кровь и слезы столпом ... на небо ... шла* (151)).

В отличие от однокоренных существительных мытарь, мытарство, употребленных в сочинениях И. Пересветова в прямом значении, глагол измытарити употребляется с метафорическим переносом – ‘ослабить непомерными поборами’ [12, 6, с. 183]: *И велможы его до возрасту царева царство его обладали и измытарили и бедами сцепили, неправыми суды* (166). Отрицательная коннотация закрепилась за этим глаголом и впоследствии: измытарить – ‘истратить по-пустому, размотать, прожить суетно, истратить по судам, по тяжбам’ [6, II, с. 27]; измытарить кого-л. – прост. – ‘измучить, утомить кого-либо’ [22, с. 246].

9. Мастерство автора Пересветовского комплекса проявляется и в своеобразной «словесной игре», когда в пределах одного контекста употребляются разные лексико-семантические варианты (ЛСВ) одной лексемы: *И то говорит Петр волоский воевода: «Таковых годится огнем жеши и инья лютыя смерти им давати, чтобы лиха не множилося; без лица им вина, что воинство (ЛСВ-2: ‘военный талант, полководческие способности’ // ЛСВ-3: ‘воинственность, воинский дух, храбрость’) у царя кротят и мысль царскую отнимают. А царю без воинства (ЛСВ-1: собират., ‘объединение воинов, войско’) не мочно быти: аггели божиши небесныя силы, и те ни на един час пламеннаго оружия из рук своих не опускают, стрегут рода человеческого от всякия пакости от Адама и до сего часа, да и те службою своею не скучают (Следовательно, здесь используется ЛСВ-4: ‘образ жизни служилого человека, воинская служба’ // ЛСВ-3: ‘воинственность, воинский дух, храбрость’ – С. Н.). А царю как без воинства быти? Воинником царь силен и славен (ЛСВ-1 – С. Н.)»* (178).

Воинство, таким образом, – лексема, способствующая и возникновению необходимых ассоциаций, и внушению адресату важнейших положений: воинство-2//3 (ЛСВ-2: ‘военный талант, полководческие способности’ // ЛСВ-3: ‘воинственность, воинский дух, храбрость’) было изначально присуще царю Константину (одному из персонажей повествования) и Ивану Васильевичу, царю всея Руси (непосредственному адресату ПК). Но история царствования Константина, изложенная публицистом, служит отрицательным примером Грозному. Опорой царя в решении государственных задач могут быть, по Пересветову, только воинство (ЛСВ-1), т. е. воинники (собр.), служилые люди, потому что вельможы – «богатые» – стремятся избежать воинства-4 (‘образ жизни служилого человека, воинская служба’).

Покажем и другой пример: слово кротость – ‘свойство по значению прилагательного кроткий’ – в ПК является антонимом слову воинство-3 (‘воинственность, воинский дух, храбрость’). Для И. Пересветова важно показать, что является причиной возникновения кротости царя. В одном случае это результат внешнего влияния на него: *Естьли ведати котораго царя мудрости его прироженыя воинская оминет, и приидет на него великая кротость, – то и есть уловление врагов его* (170). В другом случае это свойство возникает как результат изменения личности под влиянием обо-

гащения, что и приводит к состоянию, противоположному воинству-3: *Богатыя николи о воинстве не думают, думают о смирении и о кротости и о упокое* (167).

10. Яркие художественные образы, резкое усиление публицистического тона наблюдается в ПК при употреблении **сравнительных конструкций**: *и пришедиши в церков святую мою да ста по местом своим мнишеским, да кланяется, яко трава от ветра* (150) – о монахах, лицемерно выполняющих христианские обряды; (вельм. ц. К-на – С. Н.) ... *сители* (шипели – С. Н.) *друг на друга, яко змиц* (166) – выбор глагола в сочетании со сравнением создает саркастическую окрашенность контекста; ср.: *А велможси ... аки голодныя пси, хистятся на кровь и на слезы рода христианскаго* (179).

Сравнение Казанского царства, земли, куда вскоре отправится в поход Иван IV, с раем не случайно: *про ту землицу, про Казанское царство, ... говорят, применяют* ('сравнивать, уподоблять' [6, III, с. 427]) *ея подрайскою* ('подобный раю, напоминающий рай' [12, 16, с. 47]) *земли угодием великим* (182). В сочинениях И. Пересветова не раз предсказывалось благополучное движение русских войск на восток, и понятно, что стремление автора поддержать это движение требовало использования ярких языковых средств.

Образное сравнение наблюдаем и при употреблении в ПК существительного *ад: казны их* (вельм. – С. Н.) *не можем наполнити, как бы аду насытити* (166). Такие контексты свидетельствуют о бесспорном литературном даровании И.С. Пересветова.

11. Укажем еще одну характерную черту сочинений публициста – наличие в них россыпи **афористичных выражений**. Некоторые из них известны, соотносятся с паремическим материалом (см. выше). Покажем и другой материал, безусловно свидетельствующий о мастерстве автора: *Бог помогает не ленивым, но кто труды принимает и бога на помощь призывает* (170); *Щедрая рука николи не оскудевает и славу царю собирает: что государю щедрость к воинником, то его и мудрость* (175). Семантика выделенного сочетания – 'щедрый человек', а сама фраза входит в ряд многих, передающих представления публициста об идеальном царе. В современном языке сохранилась фраза *щедрой рукой* – 'не скупясь, не жалея (давать, выдавать, раздавать и т. п.) ч.-л.' [26, с. 401]; а *щедрость к воинником* здесь – проявление *мудрости*, то есть верная государственная политика.

Предельно кратко сказано в ПК о закабалении свободных людей: *которыя записывают в работу вовеки, прелщают* (181), при этом *прелстити/прелщати* – 'подвергать соблазну' (вспомним, что «прелесть» и под. – от дьявола).

Ратуя за реформы в армии, автор размышляет: *Которая земля порабощена, в той земле все зло сотворяется* (181), здесь *поработити* – 'лишить свободы, подчинить' [11, II (2), ст. 1205]. Иначе, личная свобода для Пересветова – залог воинской доблести. И исторический опыт – *...морем потопил его* (фараона – С. Н.) *да и велмож его для того, что был он израилтян поработил* (182) – приводит публициста к важнейшему, афористически сформулированному выводу (первый контекст).

12. В сочинениях И. Пересветова в качестве стилиобразующих компонентов текстов публицистического характера используются также **лексико-фразеологические единицы религиозной тематики**.

Небольшую группу контекстов в ПК относим к условным цитатам: установить их происхождение не всегда представляется возможным, однако откровенно дидактический характер содержания, лексическое наполнение и грамматическое оформление сближает эти фрагменты с цитатными.

Наш материал позволяет согласиться с тем, что тексты Священного Писания в ПК использованы сравнительно редко и своеобразно: «в отличие от огромного большинства древнерусских книжников, так или иначе связанных с церковью, И. Пересветов «весьма неточно и необычно» цитирует эти источники» [27, с. 284]. Объяснить это, на наш взгляд, можно спецификой использования автором корпуса религиозного лексико-фразеологического материала в целом. К этим единицам автор обращается не только в силу традиций, но и по необходимости, когда она может способствовать ре-

шению публицистических задач. Покажем часть материала.

В обычных для того времени сочетаниях и в общем контексте из Сказания о Магмете-салтане наблюдаем: *А стояти... доколе десятера приказания отец его духовный проговорит евангельские притчи: не лжи, не кради, на лжи послух не буди, чти отца и матерь, люби ближняго своего яко сам себя* (154). *Десятера приказания* – ‘Моисеево десятисловие, заповеди ветхозаветного декалога’ [28, с. 223]. В приведенном контексте из 10 заповедей названы лишь пять: не кради, не лжесвидетельствуй, почитай отца твоего и матерь твою, люби ближнего твоего, не лги. Можно утверждать, что Пересветов выбирает и приводит в ПК те положения, которые представляются для него наиболее важными. При этом автор пропускает заповедь «не убивай» (будучи воином, он не может ее здесь приводить), «не прелюбодействуй» (в ПК эта сторона жизни не упоминается).

Следующий контекст служит дополнительным аргументом к часто повторяемой в ПК мысли о том, что «земное по небесному, а небесное по земному»: *аще бы не те твои сердечныя слезы ... все бы то на тебе взыскалося, Анастасие, на праведном суде моем* (150), здесь взыскатися – ‘строго спросить с кого-л.’ [12, 2, с. 165]. Ср.: в Сказании о царе Константине: *так написали вельможи его* (ц. К-на – С. Н.) *для своего укорочения: «Естьли царь христианский отведет воя своя на иноплемянники, и тамо кровь пролиетя, и та кровь на нем взыщется* (167). Здесь глагол взыскатися участвует в создании совершенно иного содержания: текст, записанный вельможами царя Константина, представляет собой аллюзию на фрагмент из Псалтыря: Ибо он (Бог – С. Н.) взыскивает за кровь, помнит их, не забывает вопли угнетенных (Пс. IX; 13). Иначе говоря, автор косвенно обвиняет греческих вельмож в спекуляции текстами Священного Писания: они написали «от бога», но в своих интересах – и царь *укротел* (168). Именно от подобных действий русских вельмож пытается уберечь публицист молодого царя. См. также: *и велел* (М.-с. – С. Н.) *присуд имати к собе в казну для того, чтобы судьи не искушались и неправдою бы не судили* (152-153), где искушатися означает ‘поддаваться искушению’ [12, 6, с. 267]. Здесь речь идет о судопроизводстве в Турции, однако глагол ассоциативно связывает повествование с библейским рассказом о грехопадении Адама: *а он заповедь божию преступил, и тогда диявол его искусил* (181).

Лаконичное переложение фрагмента ветхозаветной истории позволяет автору сделать акцент на причинах произошедших событий, тем самым предостерегая своих современников от ошибок: *А израилтяня умножилися и угордели ... и погинули в неволю и в разсеяние, нет им царства волнаго* (182).

Представленный материал, на наш взгляд, позволяет убедиться и в том, что сочинения И. Пересветова составляют единый комплекс **публицистических** произведений. Поднимаемые в них проблемы, активная позиция автора свидетельствуют о продолжении в ПК традиций древнерусской публицистики, с другой стороны, эти произведения – при наличии жанровой специфики – связаны **и содержательно, и общностью** языковых средств **и приемами их использования**. Умелое применение этого арсенала для создания экспрессивного повествования свидетельствует о безусловном литературном даре воина-публициста Ивана Семеновича Пересветова.

Список литературы

1. Сочинения И. Пересветова / Подготовил текст А. А. Зимин. Под ред. Д. С. Лихачева. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 123 – 184. (Ссылки на это издание (полная редакция, музейный список) даются с сохранением орфографии и пунктуации; цифра, данная в скобках, указывает страницу). В приводимом в качестве иллюстративного фактического материале использован ряд номинаций, многократно повторяющихся в тексте ПК. Мы пользуемся следующими сокращениями:

Ив. IV – Иван IV (Васильевич) Грозный;

ц. К-н. – царь Константин (Иванович);

М.-с. – Магмет-салтан;

вельм. (ц. К-на, Ив. IV) – вельможи (царя Константина, Ивана IV);

2. Нарожняя С. М. Публицистический комплекс сочинений И. С. Пересветова: основные идеи // Журналистика и медиаобразование–2007: сб. трудов II Междунар. науч.-практ. конф. (Белгород, 1 – 3 октября 2007 г.): в 2 т. Т. I / под ред. проф. А. П. Короченского. – Белгород, 2007. – С. 132 – 139.
3. Нарожняя С. М. Фонд апеллятивной лексики «Комплекса И.С. Пересветова». Диссертация ... канд. филол. наук. – Белгород, 1998. – 297 с.
4. Рогова В. Н., Васильев А. Д., Чеботарева А. И., Васильева С. П. О демократических тенденциях в развитии словарного состава русского литературного языка XVI века // Русское народное слово в историческом аспекте. Красноярск, 1984. – С. 134 – 142.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Ок. 57000 сл. / Под ред. Н. Ю.Шведовой. – 17-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1985. – 707 с.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Терра, 1994 (по томам).
7. Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. – Л.: Художеств. литература., 1978. – 360 с.
8. Боги и люди древнего мира. Краткий словарь. – М.: Евгений, 1994. – 176 с.
9. Большая советская энциклопедия. – 3-е изд. – М.: Сов. Энциклопедия. – М., 1970 и сл. (по томам).
10. Сипко Й. Собственные имена и фамилии как культурный фон для информации и оценки // Язык и культура. III Междунар. конфер. Тез. докладов. Т. 3. – Киев, 1994. – С. 112 – 113.
11. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Репринтное изд-ие. Т. 1 – 3. – М.: Книга, 1989 (по томам).
12. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М., 1975 и сл. (по выпускам).
13. Голуб И. Б. Грамматическая стилистика современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1989. – 208 с.
14. Библейская энциклопедия. Репринтное издание. – 1990. – 902 с.
15. Словарь современного русского языка литературного языка в 20 томах. – Изд. 2-ое, перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1991 и сл. (по томам).
16. Живов В. М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. – М.: Гнозис, 1994. – 110 с.
17. Ржига В. Ф. И. С. Пересветов, публицист XVI века. – М.: ОИДР, 1908. – 54с.
18. Бабкин А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники. – Л.: Наука. Лен. отд. изд., – 1970. – 262 с.
19. Нарожняя С. М. Оружие, меч, копьё и щит в «Сочинениях И. Пересветова» // Слово в лингвокультурологическом аспекте: Коллективная монография. / Науч. ред. О. Н. Иванищева. – Мурманск: МГПУ, 2005. – Вып. 1. – С. 113 – 115.
20. Нарожняя С. М. Лексико-фразеологические единицы с размытой / совмещенной семантикой в «Комплексе И. С. Пересветова» // Филологические исследования: Международный сборник научных трудов / Редакция В. Ф. Прохоров (отв. ред.) и др. – Вып. 2. – Запорожье–Белгород: ЗЮИ МВС Украины, 2003. – С. 157 – 164.
21. Дубенко В. Ю. О различной трактовке образа света в англо-американских и украинских поэтических текстах II половины XX века // Язык и культура. III Международн. конф. Доклады. Т.1. – Киев, 1994. – С. 260 – 262.
22. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеол. выражений (Р. АН. Ин-т рус. яз.: Российский фонд культуры – М.: АЗЪ Ltd, 1992. – 960 с.
23. Адрианова-Перетц Е. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. – М.–Л., 1947. – 186 с.
24. Фразеологический словарь русского литературного языка. В 2 т. / Сост. А. И. Федоров. – Новосибирск; Наука. Сиб. изд. фирма РАН, 1995 (по томам).
25. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. Изд. 4-е, испр. и доп. – М.: Русский язык, 1991. – 534 с.
26. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. – 4-е изд., стереотипн. – М.: Русский язык, 1986. – 543 с.
27. Лурье Я. С. Комментарии к тексту Музейного списка Полной редакции // Сочинения И. Пересветова / Под ред. Д.С. Лихачева. – М.–Л., 1956. – С. 277 – 327.
28. Настольная книга атеиста / Под общ. ред. С. Д. Сказкина. – М.: Политиздат, 1968. – 512 с.

LINGUISTIC AND STYLISTIC DEVICES OF PUBLICISM IN PERESVETOV'S WRITINGS

S. M. Narozhnyaya

*Belgorod National
Research University*

e-mail:

narozhnyaya@bsu.edu.ru

In this article the complex of publicistic writings of Ivan Peresvetov is analyzed. The main aspects of the analysis are lexical, phraseological and stylistic devices of publicism in these texts. It is revealed that publicistic complex has the group of key words and word combinations which influence the content of works and also can be means of argumentation of main ideas in Peresvetov's writings. It is demonstrated that different usage of these linguistic items make narration more expressive.

Key words: Russian publicism, key words and word combinations, methods of publicism.

УДК 070.001

СТРАТЕГИИ ИНТЕРАКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СЕТЕВЫХ ВЕРСИЯХ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ И ОНЛАЙНОВЫХ СМИ

А. А. Никитенко

Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет

e-mail:

nikitenko_alex@inbox.ru

В статье рассматриваются стратегии интерактивного взаимодействия в сетевых версиях печатных изданий и онлайн-версий СМИ. Выделяются устойчивые виды такого взаимодействия.

Ключевые слова: интерактивность, сетевые версии печатных изданий, онлайн-версии СМИ.

Интерактивность как двустороннее взаимодействие между автором и потребителем медийной информации активно исследуется отечественными и зарубежными учеными [5; 6; 7; 13]. Разработаны интердисциплинарные модели интерактивности [4; 5], активно изучаются вопросы интерактивного взаимодействия в художественных практиках [1; 2].

Интерактивность, «дериват взаимодействия», оказывается совокупностью «многих способов, с помощью которых пользователь может изменять форму и содержание компьютерных посланий, тем самым облегчая свое участие в более широком спектре социальных взаимодействий» [5, с. 4]. Авторы коллективной монографии о новейших СМИ рассматривают несколько уровней понимания интерактивности [6]. *Идеологический* уровень интерпретирует интерактивность как «добавленную возможность» новых массмедиа. Авторы основываются на неолибертианской интерпретации интерактивности, основанной на представлении пользователя как потребителя. Интерактивность в данной модели предстает как максимизация выбора потребителя медиатекстов. На втором, *техническом* уровне интерпретации, интерактивность понимается как возможность пользователей непосредственно просматривать и изменять тексты и изображения [Там же, с.20].

Исследование интерактивности в СМИ определяется рядом важных работ [8; 9; 11; 12]. Достаточно полно разработана характеристика интерактивности в различных видах СМИ [3; 13]. Так, Г. Кардосо отмечает, что телевидению свойственна «низкая», а интернету — «высокая интерактивность»: «Между этими формами интерактивности находятся многие другие формы интерактивности — такие, как мобильные телефоны, коммуникаторы iPad и т.д.» [3, с. 603].

Говоря о реализации интерактивности в интернет-проектах, С. Г. Батманова одним из факторов эффективности сетевого проекта считает наличие в нем бесплатных коммуникативных сервисов — чатов, форумов, конференций, «которые бы способствовали формированию вокруг издания устойчивого интернет-сообщества» [8, с. 10]. При этом интерактивность выступает как эффективный инструмент сетевой деятельности. В настоящее время активно идет процесс укрупнения сетевых массмедиа, слияния их с развлекательными сетевыми проектами, появления интернет-холдингов, действующих по самым разным направлениям. Примером такого холдинга может стать сетевой холдинг Rambler Media Group, включающий в себя не только крупный поисковик «Рамблер», но и онлайн-издание «Лента.Ру», сайт сравнения товаров Price.ru, рекламное агентство Index 20, сервис контекстной рекламы «Бегун» и т. д. Роль интерактивного взаимодействия с пользователем в этой сетевой кооперации невозможно переоценить. К примеру, деятельность поисковика «Рамблер» и продажа контекстной рекламы «Бегуном» взаимосвязаны и определяются вниманием к поисковым запросам пользователя.

Лукина М. М. и Фомичева И. Д. отмечают, что интерактивность как принцип двустороннего взаимодействия изначально присуща интернет-технологиям. Названные исследовательницы рассматривают интерактивность как связь между редакцией сетевых массмедиа и их потенциальной аудиторией [11].

Формы реализации интерактивности разнообразны. Среди них выделяют комментирование новостей, поиск в архиве, создание индивидуального пользовательского пространства, блоги читателей и журналистов и т. д. Использование этих форм в сетевых версиях печатных изданий находится в прямой зависимости от их типологических характеристик. Однако в существующих исследованиях не прояснена обусловленность форм интерактивного взаимодействия с пользователями типологической принадлежностью изданий, организующих такое взаимодействие через свои сетевые версии.

Для различных типологических групп сетевых версий печатных СМИ характерно использование определённых устойчивых стратегий интерактивного взаимодействия. *Общественно-политические СМИ* в интернет-среде используют большое количество интерактивных сервисов, ориентированных на творческое сотрудничество с читателем. Издания стремятся максимально расширить аудиторию своего электронного представительства, сделать ее не пассивным потребителем медиапродукции, а активным участником общественного диалога. Например, активно используются интерактивные формы индивидуализации пользовательского пространства: опция «Сделать стартовой» («Независимая газета») и разнообразные формы регистрации читателя на сайте издания («Вечерний Барнаул», «Репортеръ», журнал «Esquire»). После регистрации читатель получает новые инструменты для информационного взаимодействия: возможность комментировать материалы, в ряде случаев публиковать свои журналистские произведения. Частным проявлением индивидуализации пользовательского пространства можно считать территориальную сегментацию аудитории (форма «Сегодня в вашем регионе» на сайте «Российской газеты»).

Одним из самых частотных интерактивных сервисов на сайтах общественно-политических изданий стали политематические форумы и гостевые книги. Форум, гостевые книги новостных сайтов, включение блогов в структуру информационной деятельности позволяют расширить социальное пространство личности, придать ему новое измерение — измерение социальной значимости, гражданской активности. С помощью этих форм интерактивного взаимодействия пользователи могут не только оставлять свои комментарии к тем или иным материалам издания, но и вступать в дискуссию с другими пользователями («Независимая газета», «Коммуна», «Литературная газета»). Функция «Обсудить на форуме» на сайте «Независимой газеты» присутствует и в новостной ленте, и в публикациях, дублирующих опубликованное в газете. На сайте «Литературной газеты» обсуждают материалы номера, при этом авторы газетных публикаций вступают с читателями в оживленные дискуссии.

Реже встречается политематическая организация форума, допускающая обсуждение тем, напрямую не связанных с информационной деятельностью данного массмедиа («Московская правда», «Известия»). В последнем случае можно говорить о заинтересованности СМИ в организации дискуссионного пространства, которое, наряду с реализацией функции общественного диалога, может выполнять и сугубо утилитарную функцию консолидации и привлечения читательской аудитории. На интернет-ресурсе «Известий» тематическое пространство модерлируемого форума разбито на рубрики «Обсуждение материалов» (свыше 40 подрубрик), «Обсуждение видео» (12 подрубрик с внутренней рубрикой по отделам «В мире», «Экономика», «Спорт» и т. д.). «Новые известия» также предлагают своим читателям воспользоваться форумом. Интересной особенностью взаимодействия читателей и редакции в рамках форумного пространства является то, что форум стал местом не только обсуждения информационной деятельности издания, но и межличностного общения. Связано это не в последнюю очередь с тем, что среди читателей издания много эмигрантов из России, проживающих в Германии, США, Израиле. Они активно обсуждают политико-

экономические события в Российской Федерации, опираясь на собственный опыт проживания за рубежом.

Такую стратегию использования интерактивных инструментов можно назвать *консолидирующей интерактивностью*. Она характеризуется тем, что при помощи интерактивных инструментов создается дискуссионное пространство, в котором в обсуждение важных социальных, экономических и политических проблем максимально вовлечены журналисты, читатели, представители властных и общественных структур. Интенсивное подключение читателя к информационной деятельности, вовлечение его в обсуждение и анализ материалов способно принести немалые выгоды: редакция получает информацию о действительных запросах аудитории, имеет возможность оперативно изменять направления редакционной политики и, наконец, получать существенную прибыль, используя новый источник доходов — интернет-рекламу.

Для сетевых версий *деловых СМИ* характерна *сегрегационная интерактивность*. При помощи интерактивных инструментов выделяются аудиторные группы (подписчики онлайн-версий и бумажных версий издания, члены Клубов читателей), которые пользуются привилегиями при доступе к информации и использовании сайта и составляют наряду с другими привилегированными группами (журналистами, политиками, бизнесменами) основу дискуссионного сообщества. Основной тенденцией реализации интерактивности у сетевых версий деловых СМИ можно назвать стремление персонализировать пользователя, сделать потребление им информации не анонимным, а адресным. При этом традиционная регистрация на интернет-ресурсе зачастую трансформируется в членство в виртуальных клубах и сообществах. Так, журнал «SmartMoney» организовал на своем сайте «Клуб читателей «SmartMoney»». Участие в таком клубе обеспечивает более широкие права доступа к представленным на сайте материалам, часть из которых находится в свободном доступе, а часть предоставляется только зарегистрированным пользователям и подписчикам.

Бизнес-СМИ стремятся организовать клубы читателей, предоставить доступ к материалам только зарегистрированным подписчикам. Максимальным выражением такого аудиторного разделения стали примеры полного отсутствия интерактивных сервисов. Так, «Деловой вторник» публикует на своем ресурсе только содержимое текущего печатного номера. У красноярского издания «Экономика и жизнь» отсутствует поиск и формы связи с читателем. «Финансовая газета» только анонсирует содержание своего текущего свежего номера и архивных номеров. Доступ к материалам сайтам получают только подписчики бумажных версий.

Сегрегационная интерактивность диктует логику взаимодействия с читателями интернет-сайта «Ведомостей». Одна из задач издания — организовать читательский клуб, в который входили бы пользователи, занимающиеся бизнесом и желающие поделиться своим опытом с другими. В силу специфики издания редакция опирается на специализированные профессиональные группы. Поэтому на сайте существует такая форма взаимодействия читателей между собой и редакцией, как «Клуб читателей», существующий с начала 2006 г. Ежемесячно определяются наиболее активные члены клуба. «Лонг-лист» составляет 100 человек, а десять наиболее активных получают неограниченный доступ сроком на месяц ко всем материалам «Ведомостей» и журнала «SmartMoney». База данных Клуба включает анкетные данные, ник-нейм, контакты (адрес электронной почты). Также учитывается статус пользователя, составляемый из оценок, даваемых членами клуба.

Как следствие, форумы и гостевые книги существуют только у немногих деловых *СМИ*. Такая особенность существенно отличает эти электронные ресурсы от электронных представительств общественно-политических изданий. При этом форумы зачастую выполняют функцию инструмента комментирования материала («Финансовые известия»). Политематические форумы, как правило, нацелены на пользователей-профессионалов, которым интересно обсуждение узкоспециальных тем («Учет.Налоги.Право», «Главбух», «Металлоснабжение и сбыт»).

Для бульварных СМИ характерна стратегия деконсолидирующей интерактивности, при которой интерактивные сервисы используются для удовлетворения потребности читателей в развлекательной информации, межличностном общении. Бульварными СМИ форумы используются мало. Как правило, на таких дискуссионных площадках отсутствует обсуждение социально значимых тем. Так, форум издания «Моя семья» посвящен обсуждению межличностных проблем его участников. На ресурсе ИД «Ровесник» форумы журналов «Ровесник», «Штучка», «Все звезды» наполнены обсуждением музыкальных новостей, общению, объявлениям о продаже музыкальной атрибутики и сувениров. Издание «Дальневосточная звезда» реализовало в рамках своего ресурса форум знакомств.

Формы типологически обусловленной реализации интерактивных сервисов используются в процессе применения таких новых форм интерактивности, как блоги читателей и журналистов. *Общественно-политические издания* представляют блоги журналистов («Известия»), блоги журналистов и читателей («Устюжаночка», «Вечерняя Москва»), блоги журналистов, читателей и представителей политической и культурной элиты («Репортеръ»). Формы дневниковой подачи информации могут быть весьма разнообразны — так, сайт «Известий» публикует выпуски видеоблога Сергея Стиллавина, представляющие собой короткое информационное сообщение в формате flash-видео. Тот же сайт «Известий» предлагает и такой традиционный вариант блога, как «Женский дневник» Тины Канделаки, основанный на публикациях телеведущей в издании «Известия. Неделя».

Возможности работы с блогами, предоставляемые «Известиями» читателю, находятся в тесной связи с комментированием материалов на форуме: публикацию сопровождает опция, позволяющая комментировать в своем блоге публикации издания. Такую же возможность предоставляет большинство сайтов федеральных изданий: так, на ресурсе «Независимой газеты» каждый материал сопровождается врезка, где присутствует опция «Разместить в LiveJournal»; в «Новых известиях» существует аналогичная возможность получить ссылку на материал для вставки в блог.

Интересную реализацию внутримедийного блога предложила «Независимая газета». Сетевой дневник ведется от лица не конкретного журналиста, а от имени редакции. Подчеркивая характер блогерской информации как личностной, не отвечающей строгим нормам журналистики, «НГ» публикует информационные сообщения, в той или иной степени отклоняющиеся от формата издания: курьезные случаи, фото, юмористические материалы. «Труд» предоставляет читателям и журналистам возможность вступать в блогерские сообщества. Похожую форму реализации блогов на сайте издания представило кировское издание «Репортеръ». Одной из основных задач редакции стала организация при помощи блогов дискуссионного пространства между журналистами, читателями, местной политической и культурной элитой.

Нередко редакции пользуются сторонними блогсервисами для организации сообществ и публикации журналистских блогов (так, блог-сообщество редакции «Трибуны» — «Мир начинается с «Трибуны»» — размещено в «Живом Журнале» (community.livejournal.com/tribuna_lj/)). Такая организация блогосферы позволяет вписать круг тем сообщества в рамки активно действующего сообщества популярных дневниковых ресурсов.

В тоже время блоги на сайтах деловых изданий встречаются не часто. При этом массовые деловые издания стремятся создать блогосферу, участниками которой наряду с журналистами и читателями стали бы политики и бизнесмены («Forbes»). Специализированные деловые издания ориентированы на блогерскую активность журналистов. Так, журнал «Металлоснабжение и сбыт» ведет редакционный блог.

Наличие инструментов блогинга у бульварных изданий единично (журнал «ОК!»). Развитию блогов не придают существенного значения ни редакции бульварных изданий, ни читатели.

Онлайновые СМИ в целом реализуют интерактивность деконсолидирующего типа. Такие формы читательского участия в информационной дея-

тельности, как форумы, гостевые книги, представлена единично («Sostav.ru», «RealtyPress.ru»). Издание «RealtyPress.ru» представляет форум, на котором участники обсуждают проблемы покупки и съема жилья в различных городах. Причиной отказа от форумов стало наличие многих других форм взаимодействия с читателем. Так, форумную активность у «Газеты.Ру» заменяют письма читателя. Сетевое издание «Утро.Ру» при наличии в структуре сайта форума, на котором можно обсудить последние новости, не дает на него прямой ссылки на главной странице.

На крупных региональных информационных сайтах (к их числу можно отнести белгородское информагентство «Бел.Ру», воронежский информационный портал «Воронеж.Net») присутствуют объемные мультитематические форумы, на которых обсуждение материалов и информационной деятельности новостного сайта — лишь одно из направлений информационной деятельности.

Однако сетевые медиа предоставляют своим читателям большие возможности в сфере взаимодействия с блогами. К примеру, «Газета.Ру» привлекает читателей опциональной функцией «Разместить в “Живом Журнале”». Сайт «Дни.Ру» имеет функцию «Разместить в блоге». На сайте «Newsru.com» нет прямой связи с крупнейшими блогхостингами. Сетевой редакционный дневник заменяет рубрика «ИМХО». «Русский журнал» разместил блоги колумнистов в рубрике «Местный взгляд». Но в целом наличие блогинга — не частое явление.

Сетевые массмедиа не делают упор на создание собственных сетевых сообществ. Редакциям гораздо важнее повысить приток ежедневных, пусть и единичных пользователей. Онлайн-медиа склонны рассматривать читателя как потребителя, ограниченного временным ресурсом и потому не готового к активному выражению собственной позиции. Не случайна «бульваризация» многих сетевых изданий. К примеру, сетевое издание «Дни.Ру», делая упор на развлекательность, зрелищность, наличие выразительных мультимедийных элементов, весьма вяло использует интерактивные возможности сети. Из всего многообразия интерактивных элементов редакцией реализован только рейтинг самых популярных новостей, составляемый по принципу наибольшей посещаемости материала.

Традиционные печатные СМИ во многом оказались более подготовленными к новым информационным вызовам. Печатные издания с приходом в Сеть увидели в интерактивных формах взаимодействия с читателем высокоэффективный механизм выражения гражданской активности. Онлайн-медиа же издания, с появлением которых связывались самые большие надежды на развитие новых коммуникационных стратегий, частью стали следовать модели бульварной прессы, предполагающей развлекательность и в ущерб качественному информированию, а частью были вынуждены копировать те новые формы взаимодействия с читателем, которые предложили сайты «оффлайн-медиа» СМИ.

Список литературы

1. Ben-Shaul N. Split attention problems in interactive moving audiovisual texts / N. Ben-Shaul // Proceedings of the Fifth International Digital Arts and Culture Conference (DAC.03). — Melbourne. — 2003. — Режим доступа : <http://media.rmit.edu.au/projects/dac/papers/BenShaul.pdf>.
2. Bizzocchi J. Ceremony of innocence and the subversion of interface: Cursor transformation as a narrative device / J. Bizzocchi // Proceedings of the Fifth International Digital Arts and Culture Conference (DAC.03). — Melbourne. — 2003. — Режим доступа : <http://hypertext.rmit.edu.au/dac/papers/Bizzocchi.pdf>.
3. Cardoso G. From Mass to Networked Communication: Communicational Models and the Informational Society / G. Cardoso // International Journal of Communication. — 2008. — N. 2. — P. 587–630.
4. Jenkins H. Convergence culture: where old and new media collide / H. Jenkins. — N.Y.: New York University Press, 2006. — 308 p.
5. Jensen K. B. Interactivity in the Wild. An Empirical Study of ‘Interactivity’ as Understood in Organizational Practices / K. B. Jensen // Nordicom Review. — 2005. — №1. — P. 3–30.

6. Lister M., Dovey J., Giddings S., Grant I., Kelly K. *New Media: A Critical Introduction* / M. Lister, J. Dovey, S. Giddings, I. Grant, K. Kelly. — L.: Routledge, 2003. — 404 p.
7. Manovich L. *The language of new media* / L. Manovich. — Mass.: MIT Press, 2001. — 354 p.
8. Батманова С. Г. Сетевые СМИ: факторы эффективности: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / С. Г. Батманова. — Воронеж, 2004. — 22 с.
9. Карпенко И. И. Радиовещание в Интернете: теория, типология, специфика журналистской деятельности: Дис. ...канд. филол. наук / И. И. Карпенко. — Воронеж, 2009. — 221 с.
10. Кирия И. В. Телевидение и Интернет Франции на пути к информационному обществу / И. В. Кирия; Отв. редактор Е. Л. Варганова. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2005. — 224 с.
11. Лукина М. М. Фомичева И. Д. СМИ в пространстве Интернета / М. М. Лукина, И. Д. Фомичева. — М. : Изд. фак. журналистики Моск. гос. ун-та, 2005. — 89 с.
12. Могилевская Э. В. Информационные агентства в Интернете / Э. В. Могилевская // Научно-культурологический журнал «Релга». — Электрон. дан. — Ростов-на-Дону. — 2006. — № 18 [140]. — Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1164&level1=main&level2=articles>.
13. Поберезникова Е. В. Телевидение взаимодействия : Интерактив. поле общения / Е. В. Поберезникова. — М.: Аспект пресс, 2004. — 220 с.

STRATEGIES OF INTERACTIVE COOPERATION IN NETWORK VERSIONS OF NEWSPAPERS AND ONLINE MASS MEDIA

A. A. Nikitenko

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
nikitenko_alex@inbox.ru*

The article considers strategies of interactive cooperation in network versions of newspapers and on-line mass media. Steady kinds of such interaction are allocated.

Key words: interactivity, network versions of newspapers, on-line mass media.

УДК 316.77:001.8; 070:001.8

КЛАССИФИКАЦИИ СЕТЕВЫХ ИЗДАНИЙ РУНЕТА

Е. Н. Подставко

*Санкт-Петербургский
государственный
университет
сервиса и экономики*

e-mail:

almanach_005@rambler.ru

В работе рассматриваются различные классификации сетевых СМИ, предложенные отечественными исследователями. Автор анализирует корректность и целесообразность некоторых приведённых классификаций.

Ключевые слова: классификация, сетевые СМИ, сетевые версии традиционных СМИ.

В наши дни всемирная сеть Интернет становится всё более доступной и привлекает своими ресурсами и возможностями колоссальное число пользователей. Интернет, создающий множество различных форм коммуникации, сегодня становится многосторонней и разноплановой системой, которая охватывает все сферы жизни социума.

Интернет меняет образ жизни людей, стиль мышления человека (например, формируя «клиповость», фрагментарность восприятия информации), повышает социальную мобильность, создаёт новые модели поведения, технологии воздействия на массовое сознание. Интернет является идеальной средой, в которой взаимодействие всех уровней коммуникационной пирамиды становится наиболее сбалансированным. Для этого необходима совместимость современных информационно-коммуникационных сетей и интеграция населения в новый информационно-технологический процесс.

В целом, важно отметить, что распространение Интернета в России осуществлялось особенным путём и сопровождалось рядом определённых проблем: неравномерное и медленное проникновение, доступность в технически оснащённых регионах и при этом изолированность от Сети в сельской местности, возрастное разделение пользователей. Все эти факторы обобщены одним явлением в русском Интернете – «цифровой раскол» [6, с. 229], т. е. разделение аудитории по различным признакам на тех, кому доступен выход в Сеть, и тех, кто такой возможности не имеет.

В Интернете сегодня существуют как сетевые СМИ, не имеющие офлайн-аналогов, так и интернетные издания, созданные традиционными средствами массовой информации. Появление сетевых версий традиционных СМИ в российском Интернете связано с несколькими причинами:

– во-первых, колоссальная популярность Интернета сподвигла очень многих редакторов к созданию представительств в Сети. Такие представительства имеют корпоративный характер: редакциям важно было показать открытость новым технологиям и в то же время заявить о себе в киберпространстве со ссылкой на традиционную версию;

– во-вторых, аудитория Интернета, увеличивающаяся довольно быстрыми темпами, была весомым стимулом. Пользователи хотят читать в Сети, поэтому важно привлечь их внимание;

– в-третьих, глобальные прогнозы учёных о всеобъемлющей природе Интернета оказывали своё действие, и сетевые версии создавались с прицелом на возможный «полный» переход в Сеть.

Первоначальное соперничество с Сетью переросло со временем в выгодный альянс. При условии, что сетевая версия обладает простой и логичной навигацией, мультимедийными возможностями и сервисами обратной связи, изданию/каналу гарантирован успех и высокий рейтинг пользователей. Печатным изданиям стала дос-

тупна оперативность онлайн, так как только в киберпространстве можно обновлять новости в течение нескольких минут после появления подробностей. Перевод архива в цифровую форму, оперативная связь с читателем (блоги журналистов, оценка материалов, обсуждения в форуме, комментарии к материалам) – всё это привлекло новый сегмент аудитории – молодёжь. Вполне закономерной стала ситуация обращения к печатным СМИ после знакомства с сетевой версией.

Что касается радио, телевидения и информационных агентств, им стала доступна аудитория зарубежья, возможность размещать материалы в аудио-, видео- и текстовом формате.

Засурский Я. Н. так характеризует существование традиционных СМИ в Сети: «Газета и радио, не утрачивая своих качеств, приобретают новые возможности: газета становится оперативнее, приобретая скорость и сиюминутность радио, а сайты радиостанций становятся более аналитичными. От этого выигрывают и читатель, и газеты, и радио» [7, с. 5].

Что касается экономической выгоды, то пока значительных доходов в большинстве своём российские сетевые версии не приносят, что характерно и для зарубежных онлайн-СМИ. Доходы от рекламы невелики, к тому же необходимо привлечь рекламодателей.

Собственно сетевые издания уникальны, поскольку каналом своего распространения избрали Интернет; они уже завоевали свою аудиторию и окупаются за счёт доходов от рекламы, а также благодаря платным сервисам.

Сетевые издания притягивают своей природой – считается, что никакого влияния извне на политику СМИ не происходит, поэтому издание обладает уникальным контентом. Но собственно сетевое издание представляет собой и совершенно иную систему подачи информации.

Интересны случаи перехода из Сети в офлайн. Примером может служить информационное агентство «РосБизнесКонсалтинг».

С момента возникновения средств массовой информации в Интернете предпринимаются попытки их классифицировать. Так же, как различен подход к классификациям печатных СМИ, может быть различным подход к классификации сетевых изданий. Исследователи предлагают различные варианты классификаций сетевых СМИ, но путаница в терминологии, размытость понятий мешают адекватному восприятию и анализу. Также усложняет данный процесс особая природа сетевых СМИ: к ним не всегда применимы те же характеристики, что и к традиционным. Российскими исследователями интернет-СМИ предложены следующие классификации.

Так, Н. В. Вакурова и Л. И. Московкин классифицируют 22 вида сетевых изданий [3, с. 47 – 53]:

1) платные «ленты» информационных агентств (Интерфакс, ИТАР-ТАСС, РИА «Новости» и др.);

2) политический информационный сайт;

3) официальные информационные сайты – органы государственных и научных учреждений;

4) информационные сайты смешанного финансирования при прямом участии западных фондов «развития демократии» в России (например, сайт с информацией о выборах rusline.ru);

5) интернет-пресс-конференция – текущая публикация генерируемой на пресс-конференции информации, на которую иногда приглашаются журналисты, но обязательным компонентом которой являются полученные по электронной почте вопросы из аудитории Сети, а также трансляция на сайт в режиме онлайн (intervision.ru);

6) сетевая копия традиционного СМИ, иногда расширенная или адаптированная для экранного восприятия;

7) сокращённая версия традиционного СМИ для облегчения поиска опубликованных материалов с помощью поисковых систем;

8) обзорный сайт группы изданий с бесплатным доступом, публикующий краткие выдержки из традиционных СМИ широкого спектра (например, smi.ru);

9) обзорный сайт группы изданий с платным доступом, публикующий полностью или почти полностью контент изданий традиционных СМИ (например, russianstory.com – используется для заполнения собственной печатной площади зарубежными русскоязычными изданиями);

10) сайт «информационного агентства» бесплатного или частично платного доступа – «лента» общеполитического плана или с экономическим, отраслевым уклоном. Сайт содержит кроме информационной ленты развлекательно-аналитический контент журнального характера и обязательные рекламные баннеры (gbc.ru, acm.ru, apn.ru);

11) сетевой журнал как типичное горизонтальное издание (от «Нового мира» до «Коммерсанта»), при почти обязательной новостной «ленте» (например, «Русский журнал» и др.: russ.ru, infoart.ru, zhurnal.ru);

12) портал как система сайтов общего дизайна в развитие идеи сетевого журнала (например, «Кирилл и Мефодий» km.ru);

13) специализированные сайты вертикального типа для специфических или маргинальных сегментов аудитории: научные, учебные, анекдотов, порнографические, эротические, национальные, профессиональные, ортодоксальные (сайт чеченских сепаратистов Кавказ.ру) – и ультраортодоксальные (сайт хасидов). Не могут считаться строгой частью именно Рунета, хотя международная аудитория ещё более неустойчива;

14) интернет-кафе как концепция сетевого издания (жанр санкционированного СМИ и стихийного СМК; корни – кибер-кафе Cyberia, образовавшееся в 1994 г. в Лондоне) (например, netcafe.spb.ru);

15) сайты-однодневки для информационных провокаций, пародийные (primakov.ru) и двойниковые сайты, а также зеркала (lujkov.com, 26marta.com);

16) сайты, депонирующие авторские научные или учебные материалы, например рефераты (referat.ru);

17) «виртуальные магазины» – сайты-гибриды рекламного журнала и торговой точки (поставка услуг через Интернет от заказа билетов до передачи SMS);

18) справочные сайты типа «жёлтых страниц», но в отличие от бумажных аналогов более специализированные (Oz.ru – скорая помощь, консультации);

19) электронная «доска объявлений» (job.ru);

20) личный авторский сайт типа сайта сетератора Алекса Экслера exler.ru;

21) поисковые системы типа Rambler, Yandex, Aport, Atrus;

22) специализированные опросные сайты для анкетирования аудитории (poll4all.ru).

Для анализа интернет-изданий периода выборов 1999–2000 гг. (чему и посвящена упомянутая статья) данная классификация наиболее полная и проработанная. Но если говорить об интернет-СМИ в целом, то такое деление можно назвать слишком широким.

Н. В. Вакурова и Л. И. Московкин, на наш взгляд, слишком многие ресурсы Рунета причисляют к интернет-СМИ, что влечёт за собой определённые трудности в классификации и, собственно, определении понятия интернет-СМИ. Так, из 22 видов интернет-изданий, обозначенных в классификации, собственно к интернет-СМИ можно отнести 4 типа (платные «ленты» информационных агентств; сетевая копия традиционного СМИ; обзорный сайт группы изданий с бесплатным доступом, публикующий краткие выдержки из традиционных СМИ; сетевой журнал как типичное горизонтальное издание). Некоторые пункты целесообразно просто объединить: 6 и 7 (сетевая копия традиционного СМИ, иногда расширенная или адаптированная для экранного восприятия, и сокращённая версия традиционного СМИ для облегчения поиска опубликованных материалов с помощью поисковых систем); 8 и 9 (обзорный

сайт группы изданий с бесплатным доступом, публикующий краткие выдержки из традиционных СМИ широкого спектра, и обзорный сайт группы изданий с платным доступом, публикующий полностью или почти полностью контент изданий традиционных СМИ); 1 и 10 (платные «ленты» информационных агентств и сайт «информационного агентства» бесплатного или частично платного доступа – «лента» общеполитического плана или с экономическим, отраслевым уклоном). Причина такого несоответствия заключается в смешении критериев анализа: характеристики доступа (платный/бесплатный), информация, содержащаяся на сайтах, и структурный признак, благодаря которому порталы и крупные поисковые системы Рунета авторы также относят к интернет-СМИ. Возможно, для характеристики ситуации выборов 1999–2000 гг. такое дробное деление вполне оправдано, но едва ли оно проясняет понимание природы интернет-изданий. Весьма сомнительны в ряду интернет-СМИ следующие ресурсы:

- политический информационный сайт;
- официальные информационные сайты – органы государственных и научных учреждений;
- информационные сайты смешанного финансирования при прямом участии западных фондов «развития демократии» в России;
- интернет-пресс-конференция – текущая публикация генерируемой на пресс-конференции информации;
- портал как система сайтов общего дизайна в развитие идеи сетевого журнала;
- специализированные сайты вертикального типа для специфических или маргинальных сегментов аудитории;
- интернет-кафе как концепция сетевого издания;
- сайты-однодневки для информационных провокаций, пародийные и двойниковые сайты, а также зеркала;
- сайты, депонирующие авторские научные или учебные материалы, например рефераты;
- «виртуальные магазины» – сайты-гибриды рекламного журнала и торговой точки;
- справочные сайты типа «жёлтых страниц», но в отличие от бумажных аналогов более специализированные;
- электронная «доска объявлений»;
- личный авторский сайт;
- поисковые системы;
- специализированные опросные сайты для анкетирования аудитории.

Костыгова Ю. В. даёт классификацию упрощённую, разделяя все интернет-издания на два вида: собственно сетевые и онлайн-версии традиционных СМИ [9], что вслед за ней делает и А. А. Беляев [1]. Эта классификация не вызывает дискуссий.

Близки по сути, но немного более усложнены классификации М. Бубена [2] и И. Давыдова [5]. Классификация М. Бубена заключается в том, что, помимо сетевых версий печатных изданий, собственно сетевые издания, распространяемые только через Интернет, он делит на самостоятельные массовые (они рассчитаны на широкую аудиторию и политематичны) и самостоятельные специализированные издания (предназначенные для специалистов в той или иной сфере). Автор предложил свою классификацию в 2000 г., сделав при этом оговорку, что пока число пользователей Интернета настолько невелико, что вторую группу изданий можно охарактеризовать как широко известную в узком кругу.

И. Давыдов, кроме общей упрощённой классификации (собственно сетевые издания и сетевые версии традиционных СМИ) – делит все интернет-издания ещё по четырём критериям:

- 1) по типу представленного в них контента (новостные, комментарийные, смешанные; авторские, редакционные, смешанные);
- 2) по тематике (монотематические; политематические);

3) по принадлежности (принадлежащие государству; принадлежащие медийным группам; принадлежащие политическим группам, бизнес-группам; независимые);

4) по «географической» ориентации (общероссийские ресурсы; региональные ресурсы).

В этом же направлении строит свою классификацию М. М. Лукина, опираясь на высказывания А. Носика. Исследователь, изучая интернет-издания, рассматривает их относительно офлайн-«родителей». «В соответствии с ними средства массовой информации, выбравшие Интернет как канал распространения своей продукции, можно разделить на три большие группы [10, с. 67 – 68]:

– эквивалентные копии традиционных СМИ, или их электронные версии. В интернет-каталогах их большинство, и скоро по своему количеству они приблизятся к числу зарегистрированных в России СМИ. Сегодня ни одно уважающее себя печатное издание, радио- или телеканал не может обойтись без своего представительства в мировой паутине, хотя бы и в качестве корпоративного сайта. При этом присутствие в Интернете для их подавляющего большинства скорее хороший тон, чем стратегический шаг по расширению своего информационного пространства («Московский Комсомолец». – *Е. П.*).

– модифицированные онлайн-версии традиционных СМИ, которые возникли на почве офлайн-прототипов, но не копируют их, а проводят собственную информационную политику, имеют собственную, отличную от традиционного издания, схему вещания, соответствующую выбранному каналу («Ведомости». – *Е. П.*).

– медиапроекты, возникшие в Сети и не имеющие офлайновых прототипов. В противовес первой группе они занимают лидирующие позиции в сетевых рейтингах, а некоторые из них, которые прямо заявляют о своих коммерческих целях, в скором времени обещают выйти на самоокупаемость (Лента.ру, Газета.ру)».

Несмотря на то, что все описанные классификации предложены в начале XXI в., и их авторы обязательно учитывали слабое распространение Интернета в России, за последние десять лет кардинальных изменений не произошло. Большинство исследователей интернет-СМИ всё так же производят деление массмедиа Рунета в основном на две категории – собственно сетевые издания и аналоги традиционных СМИ в Интернете. При этом собственно сетевые издания могут классифицироваться согласно общим типологическим характеристикам, применимым к традиционным СМИ (И. Давыдов, Ю. В. Костыгова), таким как учредитель, регион распространения, тематика, форма собственности и т. д. К этой же простейшей классификации прибегает в 2008 г. А. А. Беляев. М. Бубен характеризует собственно сетевые издания в соответствии с их аудиторной направленностью, что является весьма дальновидным в 2000 г., когда число пользователей Рунета колебалось в диапазоне 1,5–2 млн. человек. При этом всё в том же 2000 г. В. Сергачёв писал о двух типах электронных газет: описательная версия (представлены основные данные об издании и его направленности) и полная копия бумажного варианта, пополненная новыми технологическими возможностями (архив и т. д.) [11].

Наиболее универсальной, по нашему мнению, является классификация М. М. Лукиной, данная в 2001 г. и поддерживаемая Е. Л. Вартановой. Важно, что девять лет назад был определён третий тип интернет-изданий – так называемые «гибриды», сочетающие в себе характеристики традиционных СМИ (своих прародителей) и черты собственно сетевых изданий. «Гибриды» используют преимущества и традиционных СМИ, и интернет-СМИ. Но и здесь необходимо учитывать некоторые факторы, которые влияют на определение типа сетевого издания, особенно это касается представительств региональных изданий: сегодня в штате есть программист, который снабжает сайт различными рубриками, – журналисты предоставляют контент, и сетевая версия «живёт»; послезавтра он уходит, обновлений не происходит, поиски нового специалиста затягиваются, да и вновь найденный не так креативен. Отсюда вопрос:

как характеризовать теперь эту версию – на одном этапе «клон», затем «гибрид», теперь снова «клон»? В таких случаях оправданным становится деление на представительства в Сети и оригинальные сетевые СМИ.

Классификационные деления зависят от природы Интернета. И. Давыдов называет Интернет дополнительным носителем информации: «Есть общая сфера медиа, внутри которой можно производить различия по типам носителей. И есть с некоторых пор среда, которая позволяет снять противоречия между типами носителей, объединить в рамках одного СМИ все достоинства (впрочем, и недостатки) этих носителей» [4, с. 5]. Корконосенко С. Г. рассматривает Интернет и другие сети как открытое для всех желающих пространство, но не как самостоятельное СМИ с уникальной природой [8, с. 102].

Список литературы

1. Беляев А. А. Дизайн-модель интернет-версии как результат трансформации модели печатного издания (на материале российских СМИ) / А. А. Беляев // Вестник Московского университета. – Сер. 10. Журналистика. – 2008. – № 2. – С. 52 – 62.
2. Бубен М. Товарность сетевой информации / М. Бубен // Профессия – журналист. – 2000. – № 3 – 4. – С. 46 – 48.
3. Вакурова Н. В. Концепции современных российских интернет-изданий / Н. В. Вакурова, Л. И. Московкин // Вестник Московского университета. – Сер. 10. Журналистика. – 2001. – № 6. – С. 44 – 55.
4. Давыдов И. Книга вымышленных существ / И. Давыдов // Независимая газета. – 2001. – № 26. – 14 февр. – С. 5.
5. Давыдов И. Массмедиа Рунета. Основные тенденции развития и анализ текущей ситуации. Аналитический доклад. Часть II / И. Давыдов // СПЕДА. – 2000. – № 12. – С. 31 – 35.
6. Засурский Я. Н. Журналистика и общество: балансируя между государством, бизнесом и общественной сферой / Я. Н. Засурский // Средства массовой информации постсоветской России: учеб. пособие / под ред. Я. Н. Засурского. – М.: Аспект Пресс, 2002. – С. 195 – 231.
7. Засурский Я. Н. Сайты расширяют информационное пространство / Я. Н. Засурский // Вестник Московского университета. – Сер. 10. Журналистика. – 2009. – № 4. – С. 3 – 6.
8. Корконосенко С. Г. Основы журналистики: учебник для вузов / С. Г. Корконосенко. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 288 с.
9. Костыгова Ю. В. Сетевые СМИ: занимательная типология / Ю. В. Костыгова // Мир Internet. – 2002. – № 4. – С. 20 – 23.
10. Лукина М. М. СМИ в домене Ру: Хроника, цифры и типы / М. М. Лукина // Вестник Московского университета. – Сер. 10. Журналистика. – 2001. – № 6. – С. 63 – 73.
11. Сергачёв В. Пресса на пути в «сеть»: опыт Петербурга / В. Сергачёв // Профессия – журналист. – 2000. – № 1. – С. 46 – 47.

CLASSIFICATIONS OF NETWORK MEDIA IN THE RUSSIAN INTERNET

E. N. Podstavko

*Saint-Petersburg
State University
of Service and Economy*

*e-mail:
almanach_005@rambler.ru*

There are different classifications of network media considered in this article, which were offered by Russian researchers. The author analyses some elements of represented classifications and their expediency.

Key words: classification, network media, virtual version of traditional media.

УДК 659.443

КОРПОРАТИВНЫЙ БЛОГИНГ КАК PR-ТЕХНОЛОГИЯ

А. А. Попов

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
scarik@bk.ru*

В данной работе выявлены теоретические аспекты блогинга как нового медианосителя и потенциальной технологии PR. Блогинг использует уникальные возможности глобальной сети Интернет, ставшие революционными в сфере предоставления информации. Это стало причиной использования маркетологами и PR-менеджерами блогов в качестве инструмента PR.

Ключевые слова: PR-технологии, блоги, PR, связи с общественностью, массовая коммуникация.

Популярность и эффективность блогов как нового средства коммуникации всё чаще находят своё применение в PR-технологиях. Аудитория блогов не ограничивается чтением информации, которую ей предлагают традиционные СМИ, она может искать, принимать, обсуждать новые решения в совместном общении. Умение работать с такими людьми и с этой сферой по мере развития современных интернет-коммуникаций становится необходимым для маркетологов, социологов, журналистов и PR-специалистов.

В России формат блога освоили всего несколько сотен организаций. Как правило, это явление объясняется стереотипностью общественного сознания, для которого характерно восприятие блога скорее как средства развлечения и самовыражения, нежели как нового мощного медианосителя. Вряд ли можно утверждать о полной готовности российских компаний использовать такое средство PR, по крайней мере на сегодняшний день. В то же время очевидно, что корпоративный блогинг – недостаточно развитая, но потенциально весьма эффективная PR-технология, которая требует изучения.

Отдельные аспекты корпоративного блогинга находили свое отражение в исследованиях и публикациях отечественных (А. В. Попов, Е. Л. Ющук, А. В. Кузин, Э. Б. Самбуева, В. Л. Волохонский, А. Блохин и др.) и зарубежных (Р. Скобл, Ш. Израел, Д. Райт, М. Хинсон и др.) авторов. Однако проблема корпоративного блогинга как технологии PR не получила полного теоретического обоснования и рассмотрения. Это предопределяет необходимость всестороннего изучения зарубежных и отечественных теоретических исследований, анализа тенденций развития корпоративного блогинга, практического опыта ведения корпоративных блогов в Рунете.

Эффективность и популярность феномена блогов во многом обусловлена своими характерными техническими и коммуникативными отличиями от статичных веб-сайтов. Так, специалисты в области информационных технологий Р. Скобл и Ш. Израел в книге «Разговор дороже денег: как блогинг меняет общение бизнеса и потребителей» сформулировали шесть отличий блогов от любых иных каналов коммуникации:

- 1) легкость публикации информации;
- 2) легкость поиска информации;
- 3) опора на общество. Благодаря блогам пользователи находят собеседников, схожих по интересам и создают отношения вне зависимости от своего географического пребывания;
- 4) быстрое распространение информации;
- 5) возможность прямой связи;
- 6) взаимосвязанность. Каждый блог связан с другими, а каждый блогер – со всеми участниками блогосферы.

Скобл и Израел подчеркивают, что «по отдельности каждый пункт может быть обнаружен и в иных средствах массовой информации, но все вместе они присущи лишь блогам» [4].

Все вышеперечисленные отличия послужили резкому росту популярности блогинга. Количество сетевых дневников и их аудитории выросло, что привлекло внимание политической и коммерческой сферы. Блог как развивающийся медианоситель способен стать эффективным рекламным носителем или полноценным инструментом PR.

Кроме того, что дневники - инструмент коммуникации с потребителями и партнерами на новом уровне, это еще и успешный инструмент по формированию общественного мнения. Общественное мнение сейчас создается, поддерживается и формируется уже не только прессой, но и блогосферой.

В статье «Что такое интернет-маркетинг?» М. Иванченко говорит о блогах как о главном PR-инструменте в Интернете: «Блог – инструмент PR №1 в современном Интернете. Это надо уяснить совершенно четко. По двум простым причинам: блоги читают и блогам верят. Пока стоит запомнить следующее: если вас начнут ругать в блогах – отмыться будет очень не просто, если будут хвалить – продажи поползут вверх реактивно и совершенно бесплатно, ну а ваш корпоративный блог будут читать, а не просматривать» [2].

Многие организации выступают против такого вида коммуникаций, поскольку опасаются, что их сотрудники, во-первых, будут публиковать информацию, которая может негативно сказаться на имидже корпорации, во-вторых, могут выдать конфиденциальные сведения. Однако, по мнению исследователей блогосферы, такое происходит скорее от незнания потенциальной силы корпоративного блогинга, непонимания механизмов и принципов его работы и того, как строить работу корпорации с блогерами, которая должна быть значительно более тонкой, нежели в обычном случае. Последнее утверждение требует дополнительных комментариев. Дело в том, что в настоящее время схема коммуникации корпорации с внешней средой выстраивается по цепочке: организация передает информацию через свой отдел PR (либо с привлечением внешних обслуживающих PR-компаний), и для доставки информации конечным потребителям используются различные средства и механизмы. Однако совершенно не ясен характер обратной связи, поскольку в случае разных получателей информации, механизмы обратной связи также разнятся, а главное, варьируется её эффективность.

В модели коммуникации с использованием корпоративного блогинга схема взаимодействия выглядит иначе. Организация взаимодействует уже не со структурами, выполняющими их заказ, а с блогерами – собственными работниками. Получателями информации становятся в данном случае не отдельные структуры, а пользователи. Каждый из этих пользователей является представителем той или иной группы интересов. Таким образом, создается неформальная система коммуникации, т.к. неформальные связи иногда выступают еще и на этапе передачи информации пользователем конечному адресату.

Блог является ценным дополнением к корпоративному сайту, так как в нем может быть представлена альтернативная, возможно, субъективная точка зрения, описанная более простым и доступным языком. Кроме того, блог обеспечивает обратную связь с читателями.

Исследователи Ющук Е. Л. и Кузин А. В. указывают: «Обратную связь и диалог могут обеспечить, помимо блога, и другие инструменты. А вот выступать авторитетным и быстрым неформальным «информационным шлюзом» между предприятием и блогосферой по силам, пожалуй, только корпоративному блогу» [5]. Иными словами, корпоративный блог выступает в качестве связующего звена между организацией, которая представлена официально на веб-сайте, и блогосферой, которая воспринимается общественным мнением как неформальная информационная площадка с высокой степенью доверия потребителей информации.

Публичные блоги характеризует одна черта, не свойственная личным дневникам, и которая, в некоторой степени, тормозит развитие корпоративного блогинга –

ограничения автора сообщений относительно контента. При создании публичного корпоративного блога возникает сложная ситуация: ввиду высокой опасности урона имиджу или финансовым интересам компании, сообщения, попадающие в блог, должны проходить премодерацию – процедуру предварительной проверки. В случае отсутствия премодерации, может быть случайно раскредечена коммерческая тайна организации или испорчена скоординированная политика развития.

При рассмотрении специфических черт корпоративного блогинга следует указать ещё некоторые особенности.

Во-первых, это ответственность, которую несет корпоративный блог и его контент. Сообщение блога может создать негативную реакцию читателей или привести к кризисной ситуации. В итоге может пострадать репутация, утратится доверие, нарушится маркетинговая политика организации. Заметим, что все эти последствия нельзя отнести к личным блогам, за исключением дневников политических деятелей.

Во-вторых, формирование общественного мнения интернет-пространства – сложный процесс. По причине общей демократизации блогосферы, блогеры плохо реагируют на попытки манипулирования их мнением со стороны компании. В связи с этим возникают дополнительные сложности при создании корпоративного блога.

И всё же, несмотря на эти трудности, сегодня корпоративный блогинг постепенно становится полноценным инструментом PR. Переход PR в интернет-сферу принято называть «PR 2.0», понимая под этим синтез терминов PR и Web 2.0. «Под термином Web 2.0 подразумеваются интернет-сервисы, в которых характерна активная деятельность пользователей, ориентированная на участие в создании контента ресурса. В процессе развития сервиса учитывается опыт и мнение пользователей данного сервиса» [3].

Рано или поздно крупные организации сталкиваются с блогосферой и вынуждены оказывать на неё влияние. Как правило, данное влияние начинается с информированности – своего рода изучение общественного мнения в блогосфере. Если блогосфера находится в стадии живого концентрированного общения, организация вступает в контакт и пытается завоевать доверие.

В понятие корпоративного блогинга входит целостная стратегия использования блогосферы для ведения PR-деятельности.

Стратегия включает в себя:

- мониторинг блогов;
- взаимодействие с другими блогерами;
- создание и поддержка собственного блога.

Рассмотрим все пункты стратегии подробнее.

Мониторинг блогосферы проводится аналогично отслеживанию в традиционных СМИ любой информации на предмет упоминания организации. Частично к этой деятельности относят отслеживание корпоративных блогов конкурентов или потенциальных партнеров с целью выявления уникальных сведений, которые невозможно получить по официальным каналам. Однако основная задача мониторинга – отслеживание личных дневников или интернет-сообществ. Блоги представляют собой готовую фокус-группу, выражающую общественное мнение. Оперативность и сравнительно невысокая цена исследования, а также непредвзятость высказываемых блогерами мнений – данные преимущества мониторинга блогосферы позволяют конкурировать с традиционными методами исследования.

Организация может любым способом позиционировать свой бренд для себя и конкурентов, однако потребители будут воспринимать и описывать его по-своему. Необходимость мониторинга будет заключаться в том, что потребители знают о репутации организации или торговой марки больше, чем маркетологи. Следовательно, одной из функций мониторинга блогов является изучение общественного мнения об организации или бренде. Однако блогосфера развивается динамичными темпами, и отслеживать свежую информацию проблематично. Американский рынок уже предло-

жил компаниям, маркетинговым и PR-агентствам программные продукты, разработанные специально для мониторинга блогов: среди них самые известные – Brand Pulse Check от компании The Sponge и BlogPulse от Nielsen BuzzMetrics. Данные программы анализируют форумы, блоги, веб-сайты и изучают высказанные мнения на заданные темы, что заметно упрощает работу маркетологов и отделов связей с общественностью.

В России компании разрабатывают системы мониторинга под свои нужды. Хотя для таких целей может послужить сервис «Пульс блогосферы» от компании Яндекс, который в виде графика показывает распределение внимания блогеров к тем или иным темам.

Таким способом осуществляется наблюдение за уровнем внимания к торговым маркам, личностям или событиям. Кроме того, таким методом можно наблюдать общее количество упоминаний, а также перейти к просмотру всех учтенных записей. При более подробном рассмотрении текстов становится понятен контекст высказываний.

Основная цель корпоративного блогинга – завоевание доверия у читателей. Только методичная и планомерная работа организации позволяет управлять информацией в блогосфере. Существует простой способ разрешения данной ситуации – привлечение блогеров деньгами. Однако этот метод не слишком эффективен и довольно рискованный, в силу того, что блогеры не любят открытых манипуляций над своим мнением. Поэтому самый верный способ – создание тесных коммуникативных связей с блогерами.

В отличие от традиционных СМИ, в которых негативные сообщения быстро утрачивают актуальность, блоги представляют собой постоянно обновляющуюся ленту новостей. Архив этой ленты всегда легко поднять с помощью поисковых систем, поэтому утаить негативную информацию в Интернете сложно. Таким образом, во избежание проблемных ситуаций, взаимоотношения с блогерами должны оставаться постоянными.

На начальном этапе организация становится более открытой, то есть не только сообщает официальные сведения о себе, но и проявляет качества, придающие ей черты неформальности. Потребители желают общаться с продавцом на одном уровне, и блог, либо сообщество в блогосфере – отличное средство для того, чтобы устранить барьеры в таком общении. Для достижения этих целей организации внедряют в блогосферу своих официальных представителей. Создается менее формальное общение, и пользователи начинают разговор на интересующие их темы. При этом интерес к общению вызывает интерес к организации.

Корпоративный блог создается для контроля информации, распространяющейся в блогосфере. Существует ещё несколько преимуществ этого пункта стратегии корпоративного блогинга.

В первую очередь, внешний блог повышает эффективность PR-службы в организации. PR-команде предоставляется дополнительный канал для общения, по которому важные сообщения компании поступают клиентам, блогерам и другим influential лицам.

Стоит заметить, что собственный блог организации уменьшает область деятельности PR-специалистов. Иными словами, уровень взаимодействия с другими блогами снижается, поскольку необходимую информацию можно концентрировать в одном месте – корпоративном блоге. При этом для блогеров создаётся площадка для обсуждения тематических вопросов на «территории организации». Образуется виртуальное сообщество для общения коллег и активных потребителей.

Рассмотрим функции, которые может выполнять корпоративный блог организации в качестве PR-технологии.

В первую очередь, это информирование клиентов. Блог – исключительно интерактивный, двусторонний канал коммуникации, требующий ежедневного отслеживания и поддержки со стороны компании. Сообщения блога всегда комментируются, а комментарии содержат ценную для организации информацию, в том числе и вопросы.

Нередко вопросы, которые задают читатели, содержат критику. На критические комментарии требуются рациональные и аргументированные ответы. Стоит заметить, что по этой причине многие организации отказываются заводить корпоративный блог.

Страх организации перед обратной связью с читателями блогов тормозит развитие корпоративного блогинга в России. Ведение блога – большой риск для организации, ведь получение критических комментариев может вызвать цепную реакцию. Но с другой стороны, вежливый, тактичный ответ на комментарий – доказательство большого внимания к клиентам. Отвечая лично каждому, организация демонстрирует, что ценит предложения и несет ответственность за свои действия.

Корпоративный блог создаёт имидж открытой и современной компании, что привлекает дополнительное внимание, как со стороны читателей, так и со стороны журналистов. Поэтому вопрос преимущества блога, касающегося взаимоотношений с прессой, требует отдельного разъяснения. Самый известный вид PR-текста – пресс-релиз – является типичным сообщением для прессы, что следует из его названия. Однако пресс-релиз не доходит до конечного читателя, а его содержание так или иначе изменяется журналистами и редакцией СМИ. Сообщения корпоративного блога доставляются всем интересующимся лицам напрямую и без искажений.

Чтобы привлечь внимание СМИ, организация должна иметь существенный информационный повод. При ежедневном обновлении блога такая потребность пропадает, поскольку журналисты сами извлекают для себя необходимую информацию об организации.

Неотъемлемой частью поддержания корпоративного блога является продвижение или раскрутка в Интернете. Для блогосферы важным критерием популярности являются рейтинги блогов.

Как правило, рейтинги блогов состояются по двум факторам: число читателей и авторитетность. Если с числом подписчиков не возникает вопросов, то на понятии авторитетности требуется заострить внимание.

Рейтинговые системы воспринимают совокупность ссылок на блог как индикатор интереса к его тематике или к отдельным записям. Авторитетность блогера, оставившего ссылку на запись другого блога, влияет на авторитетность этой записи. В рейтинге блогов компании Яндекс авторитетность строится на количестве комментариев блога и уровне авторитетности комментируемых.

В начале 2000-х гг., когда в западных странах наличие блога считалось нормой, в России слово «блог» было известно в узких кругах. Именно по этой причине первыми корпоративными блогами стали дневники IT-компаний. Эта ситуация неведения большинства собственников компаний о блогах постепенно изменяется, во многом благодаря прессе. В русскоязычном сегменте интернета использование блогов в PR-целях находится в стадии развития, а на создание собственного блога решаются многие организации, и чаще всего в режиме эксперимента.

Однако встаёт ряд проблем, которые препятствуют динамичному развитию блогинга в системе отечественных связей с общественностью.

Так, во многих организациях руководство принимает решение о создании корпоративного блога, не задумываясь ни о концепции дневника, ни о целевой аудитории, на которую будут рассчитаны сообщения дневника. Ничем не мотивированная пресс-служба теряет интерес к блогу, и, таким образом, дневник прекращает своё существование.

Сотрудник не сможет преуспеть в корпоративном блогинге, если он никогда не вел личный дневник. При этом сами блогеры могут не осознавать функции корпоративного блога, им могут быть непонятны реальные потребности и масштабы работы серьезных бизнес-структур. Поэтому сотрудники, которые пришли в корпоративный блогинг с опытом работы в формальной структуре, имеют реальные преимущества перед блогерами-фрилансерами, основная идея которых заключается в том, что они неспособны работать в системе.

Отсюда вытекает другая проблема. Сотруднику, не имеющему опыта работы с блогами, понадобятся время, навыки информационного анализа, желание писать, отвечать, комментировать, отслеживать тенденции, — иными словами, работать с блогосферой.

Статистика форматов ведения российских корпоративных блогов отображена в исследованиях компании NetMind. Согласно этой статистике наибольшее число корпоративных блогов Рунета ведётся коллективно (51 %). На втором месте — формат обезличенного блога (24 %), когда записи в блог публикуются от абстрактного пользователя — от лица компании. Наименее популярен формат сообщества (10 %), когда несколько сотрудников ведут свои отдельные блоги на корпоративной платформе, таким образом, представляя свою компанию.

В России Интернет до сих пор является прерогативой достаточно крупных населенных пунктов. По словам Дмитрия Воскобойникова, обозревателя газеты «Известия», «преувеличивать значение Интернета в жизни россиян не стоит. Почти три четверти наших соотечественников не имеют к нему доступа, а около 8,5 млн. человек вообще не знают, что это такое» [1].

Возникает очевидный вопрос: для кого вести корпоративный блог? Западные компании не ставили перед собой такого вопроса, по причине качественного различия целевых аудиторий и несопоставимой степени активности западных и российских блогеров.

До какой степени аудитория блогосферы Рунета совпадает с целевой аудиторией организации, чётко отображено в исследованиях компании NetMind. Клиенты (потенциальные и существующие) и партнеры занимают три первых места в рейтинге целевых аудиторий корпоративных блогов — 24 % и 32 % соответственно. За то, что основная аудитория — это партнеры компаний, было отдано 22 % голосов, 14 % ответили, что целевая аудитория блога — это сотрудники, 8 % — что СМИ. Только один из экспертов назвал конкурентов среди тех, для кого пишется блог.

Как видно из данных исследования, блог выступает дополнительным каналом коммуникации с существующими и потенциальными клиентами организации.

Однако специфика ситуации заключается в том, что блоги в большинстве случаев читают не просто пользователи Интернета, а блогеры — пользователи, знающие опции ресурса и имеющие возможность оставить комментарий. Таким образом, возникает проблема слишком маленькой целевой аудитории, которую необходимо увеличивать. Существует несколько способов решения данной проблемы.

Во-первых, для создания оперативной связи со всеми пользователями Интернет проводится оптимизация официального веб-сайта организации, в виде технического добавления сервисов блога. Для подавляющего числа компаний блог служит дополнением к традиционному сайту, поэтому многие организации успешно руководствуются этой рекомендацией.

Во-вторых, активная пропаганда блогов среди населения должна быть подкреплена качественными практическими примерами. Иными словами, блоги должны создаваться как источник субъективной и альтернативной информации. На этом этапе многие организации совершают ошибки, превращая свой корпоративный блог во второй официальный веб-сайт. Создание качественного корпоративного блога способствует росту доверия населения к блогам и к их содержимому. Отсюда вытекает следующая проблема — качество контента корпоративных блогов.

Для многих российских интернет-блогов характерны несколько особенностей содержания и формы ведения блогов. Стоит отметить, что эти факторы могут сильно повлиять на репутацию организации в целом:

1) нерегулярное обновление корпоративных блогов. Редкие записи в дневнике — показатель несерьёзного отношения организации к своему блогу, а следовательно, и неуважение к его посетителям. С другой стороны, чрезмерная частота обновления не является выходом из ситуации, поскольку информация блога может оказаться навязчивой;

2) использование корпоративного блогинга в качестве рекламной площадки. Рекламные сообщения полностью противоречат основным принципам блогинга. Поэтому при опубликовании рекламных сообщений лучшее, что ждёт корпоративный блог – это падение уровня доверия к ресурсу и сокращение числа посетителей. В худшем случае – нанесение вреда репутации организации;

3) дублирование новостной ленты в корпоративный блог. Данная тенденция наблюдается очень часто в Рунете. Многие корпоративные блоги копируют новости с официального веб-сайта, в итоге информация дублируется;

4) использование корпоративного блога в ненадлежащих целях. Корпоративный блог может быть использован для 2-х целей: маркетинговая или управленческая. Отсюда следует, что записи блога должны быть от лица организации и в сфере деятельности организации. В Рунете встречаются корпоративные дневники, в которых записи содержат личную информацию, либо информацию с сомнительной пользой для организации.

Прежде чем рассматривать яркие примеры отечественного корпоративного блогинга, стоит подробно рассмотреть исследование компании NetMind, в частности, посвященное изучению сфер, в которых востребован корпоративный блогинг.

Согласно исследованию компании NetMind, корпоративный блогинг на данный момент и в обозримом будущем востребован в основном в IT-тематике. Всё чаще появляются дневники у различных издательств, СМИ, представителей сектора услуг, особенно если речь идет об электронных ресурсах.

Тенденция вполне объяснима: блоги заводят те пользователи, которые свободно ориентируются в ресурсах интернета и готовы коммуницировать с блогосферой на ее специфическом жаргоне. Наиболее успешными можно назвать блоги таких компаний, как Google Russia, Лаборатория Касперского и Яндекс.

С целью использования нового инструмента общественных коммуникаций, начиная с 2004 г., компания Google ведёт корпоративный блог. В сентябре 2006 г. открылся блог представительства Google Russia (<http://googlerussiablog.blogspot.com/>) на русском языке. Русская версия корпоративного блога состоит из записей сотрудников компании со всего мира. Сотрудники русского отделения Google переводят статьи иностранных коллег на родной язык, тем самым, обеспечивая качественный контент. Девиз блога «Технология, продукция и культура Google глазами сотрудников компании» полностью отражает стиль ведения блога. Записи содержат новости компании, рекомендации владельцам сайтов и пользователям, опросы посетителей, приглашения или предложения опробовать продукцию Google. В связи с большим количеством авторов, а также многопрофильной деятельностью Google, тематика блога всегда многообразна, а частота обновления блога доходит до 3-4 записей в неделю.

Блог Лаборатории Касперского (<http://www.viruslist.com/ru/weblog>) - это полноценный корпоративный блог, который ведут сотрудники компании. Некоторые записи составляют сотрудники зарубежных отделов. Тематика блога разнообразна, и не ограничивается на деятельности компании. Как правило, это сообщения о новых компьютерных вирусах, методах борьбы с ними, либо об атаках спамеров. Нередко записи публикуются в юмористической форме. Таким образом, блог содержит полезные статьи, результаты исследований, сообщает об интересных или курьёзных событиях в сфере информационной безопасности.

Корпоративный блог компании Яндекс начал своё существование с апреля 2005 года. К 2009 г. компания создала систему корпоративных блогов. Каждый блог, или «клуб», относится к отдельному проекту Яндекса. Количество блогов достигло 20-ти, и это число постоянно растёт. Помимо этого корпоративные блоги ведут сотрудники проектов «Мобильный Яндекс», «Яндекс.Україна» и «Яндекс.Новости».

Практически все записи освещают деятельность компании: достижения, новинки, предложения опробовать новый проект или новую услугу. По причине многопрофильности компании, тематика записей довольно разнообразна. Авторами блогов

являются сами сотрудники, иногда записи публикуются от имени всего отделения. В связи с этим, частота обновления блогов довольно высока, новые записи появляются практически каждый день. Почти у всех записей есть комментарии посетителей, иногда число комментариев одной записи достигает 50-ти. Такие высокие показатели комментирования блогов, безусловно, говорят об успешности блога.

Помимо IT-индустрии высокую популярность имеют блоги других бизнес-сфер. Наиболее яркими примерами успешных корпоративных блогов являются дневники издательства «Манн, Иванов и Фербер» (<http://blog.mann-ivanov-ferber.ru/>) и сети закусовых Стардог's (<http://www.stardogs.ru/corporate>).

На данный момент становится очевидным, что с появлением и развитием блогинга наступила новая эра коммуникаций, которая характеризуется свободой обмена мнениями с неограниченным числом интернет-пользователей. Становится очевидным, что развитие блогинга может привести к существенной трансформации СМИ, и, конечно, связей с общественностью. Пассивный потребитель становится соучастником информационного процесса.

Благодаря блогам, взаимоотношения между организациями и потребителями строятся на доверии, открытости и честности. Ни одно традиционное СМИ не даёт такого результата. Корпоративный блогинг оказывает большую помощь маркетологам, PR-специалистам, журналистам и простым потребителям. Не стоит недооценивать эту сравнительно новую технологию связей с общественностью. В случае корпоративных блогов можно говорить о «человеческой» сущности организации или торговой марки.

Пока новый PR-инструмент осваивают российские компании, работающие в сфере информационных технологий. Всё чаще появляются корпоративные дневники и у различных издательств, СМИ, представителей сектора услуг, особенно если речь идет об электронных ресурсах.

Однако на данный момент будущее корпоративного блогинга в России зависит от руководителей организаций, сотрудников пресс-служб, отделов связи с общественностью, PR-служб, которые будут готовы принять в свой инструментарий новое средство коммуникации.

Список литературы

1. Воскобойников Д. Интернет на завтра / Д. Воскобойников. // – Известия.Ру. – 2007. – Режим доступа: <http://www.izvestia.ru/comment/article3107877>.
2. Иванченко М. Что такое интернет-маркетинг? / М. Иванченко. – 2006. – Режим доступа: <http://www.ivanchenko.ru>.
3. О'Рейли Т. Что такое Веб 2.0. / Т. О'Рейли; пер. с англ. Н. Казакова. // Компьютера.Online. – 2005. – 18 октября.
4. Скобл Р., Израэл Ш. Разговор дороже денег: как блогинг меняет общение бизнеса и потребителей. / Р. Скобл, Ш. Израэл. – Спб. : Питер, 2007.
5. Ющук Е. Л., Кузин А. В. Корпоративный блог: взгляд на «теневую сторону Луны». / Е. Л. Ющук, А. В. Кузин. – 2008. – Режим доступа: <http://ci-razvedka.ru/>.
6. Исследования компании «NetMind». / Компания «NetMind». – Режим доступа: <http://blog.netmind.ru>.

CORPORATE BLOGGING AS A PR-TECHNOLOGY

A. A. Popov

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
scarik@bk.ru*

The paper discusses the general theoretical aspects of blogging as a new media and perspective PR-technology. Blogging is based on the use of unique possibilities of Internet which have already become crucial for information processes. It is regarded as the main reason of adaptation of blogs as a PR-tool to the goals of marketing and PR managers.

Key words: PR-technologies, blogs, public relations, web-journalism, mass communication.

УДК 070.23 (1-32)

ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ О ТРУДОВЫХ ДИНАСТИЯХ В ТЕКСТАХ БЕЛГОРОДСКИХ СМИ (1998 – 2010 ГГ.)

Н. Н. Рухленко
А. А. Черкашина

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail: nruksonn-
lein@yandex.ru
cherkashina@bsu.edu.ru*

Рассмотрение материалов о трудовых династиях в региональных СМИ позволяет воссоздать динамику психологического состояния общества в определенные периоды времени, определить ценностные ориентиры и концептуальное видение носителей языка. Выявлено, что тексты о трудовых династиях через СМИ позволяют отразить трудовую мораль данного времени и конкретной социальной группы.

Ключевые слова: труд, трудовая династия, ценность, потребность, интерес, мотив, концепт, социум, идеология, трудовая этика.

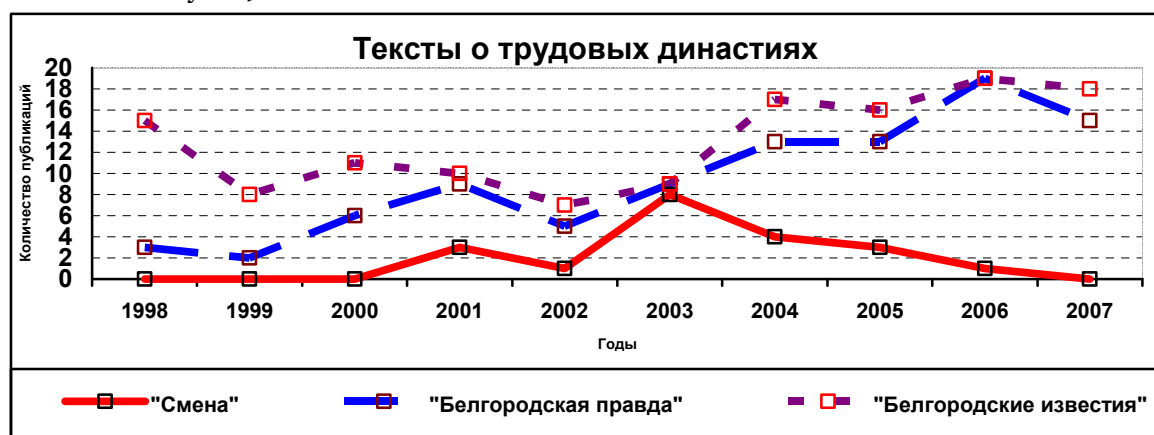
Осваивая мир, человек членит окружающую действительность на фрагменты, существенные для практической деятельности, общения и познания. К их числу относятся и трудовая деятельность как одна из базовых характеристик ежедневного бытия.

Анализируя публикации о трудовых династиях Белгородчины в региональных СМИ, мы тем самым исследуем одну из важнейших социальных систем, обуславливающих существование, историческое и прижизненное индивидуальное и социальное развитие.

Объектом исследования послужили публикации в региональных СМИ в период с 1998 по 2010 гг. о трудовых династиях, существующих на территории области, и в связи с этим освещающие - тему труда.

В ходе проведенного контент-анализа трех областных газет «Белгородские известия», «Белгородская правда», «Смена» за прошедшее десятилетие (с 1998 по 2007 гг.) было выявлено 244 публикации («Смена» – 20, «Белгородская правда» – 94, «Белгородские известия» – 130). Выявлена динамика появления текстов о трудовых династиях на страницах трех областных СМИ в период с 1998 по 2007 гг.

Период с 2007 по 2009 гг. мало чем отличается от периода, представленного в диаграмме, однако 2010 г. стал переломным в освещении трудовых династий, что объясняется появлением постановления губернатора Белгородской области № 62 от 1 сентября 2010 г. «О проведении областного конкурса «Лучшая трудовая династия» и как результат резко возросшим количеством публикаций не только в областных газетах, но и в электронных СМИ (информагентствах, порталах, сайтах различных социальных институтов).

Наименьшее количество публикаций о трудовых династиях отмечено в газете «Смена». Это связано, прежде всего, с типологической направленностью печатного издания, которое позиционирует себя как молодёжное. Возрастание числа публикаций в двух других газетах в период с 2004 по 2007 гг. объясняется главным образом повышением интереса со стороны государства к социальному институту семьи, чему сопутствовала реализация ряда федеральных и областных программ, проведение различных конкурсов, направленных на повышение статуса семьи.

В процессе проработки региональных документов за период с 1998 по 2009 гг. установлено, что на территории нашей области не были разработаны нормативные документы, направленные на выявление трудовых династий Белгородчины. В официальных документах нет чёткого определения трудовой династии, не сформулированы положения о поощрении представителей таких династий.

Единственным официальным источником, в котором упомянуты семьи-трудовые династии, является постановление главы администрации области № 314 от 5 августа 2002 г., которое регламентирует положение о проведении областной акции «Крепка семья – крепка Россия» [13]. В этом положении семьи-трудовые династии упомянуты лишь как потенциальные участники проводимой акции.

Представляется возможным сформулировать рабочее определение сущности идеологем **«трудовая/рабочая династия»** и **«человек труда»**, опираясь на ряд нормативных документов, разработанных и действующих в других регионах РФ (Положения о трудовых династиях Чувашской республики, Положения о трудовой династии Республики Мордовия, а также положения о различных конкурсах – «Лучшая трудовая династия Хакасии», «Трудовые династии Оренбуржья», «Трудовые династии Междуреченска, или Ее величество Семья», «Трудовая династия года», а также номинацию «Трудовая династия» республиканского конкурса среди семей Республики Татарстан «Гордость Татарстана» и др.).

Определение трудовой династии дополняют и уточняют журналистские публикации белгородских областных газет исследуемого периода. В ходе исследования мы пришли к выводу, что в изучаемый период **«трудовую/рабочую династию»** рассматривают как два и более поколения членов одной семьи и их близких родственников, работавших или работающих в одной сфере деятельности либо в одной профессии. Трудовой династией является группа лиц: мать, отец, сыновья, дочери, родные братья и сестры, внуки, правнуки, снохи, зятья.

Анализ содержания региональных газет показал, что белгородские журналисты обращались к тематике трудовых династий от случая к случаю, без упорядоченной системы и строгой периодичности выхода подобных публикаций. Информационным поводом к их появлению на страницах областных газетных изданий становятся юбилеи, памятные даты, профессиональные праздники – День учителя, День медработника, День знаний, День российской почты, День металлурга, День основания российского уголовного розыска и др. Среди факторов создания подобного рода материалов отмечается и творческая интенция отдельных журналиста. Так, в «Белгородской правде» из 94 опубликованных материалов 74 принадлежат перу журналиста Юрия Коренько.

Путем выборки удалось определить устойчивый ряд рубрик, используемых при публикации материалов о трудовых династиях. К ним относятся: «Человек и его дело», «Люди Белгородчины», «Лучший по профессии», «Мир увлечений», «Вечные ценности» («Белгородские известия»); «Личность и творчество», «Человек на земле», «Деловая женщина», «Люди и судьбы», «Молодые лидеры», «Наше наследие» («Смена»), «Рабочий характер», «Крестьянская доля», «Убирай – не зевай», «Редкая профессия», «Дела сельские», «О героях былых времен» («Белгородская правда») и др. Отдельные самостоятельные рубрики для подобного рода текстов отсутствовали (хотя они существовали в советский период развития белгородских СМИ).

Прежде чем дать определение «человек труда», необходимо пояснить, что мы понимаем под самим понятием **«труд»**. Понятие «труд» всегда осмыслялось с двух

сторон – этнокультурной и идеологической. Этнокультурное понимание труда представляет труд как процесс, требующий усилий, при этом желательность/нежелательность зависит от представленных результатов.

Идеологические контексты актуализируют многочисленные идеологически окрашенные смыслы 'внутренний долг', 'потребность личности в условиях определенного времени' и т.д. Такого рода контексты переводят труд в сферу идеологически значимых и мифологизируемых понятий. Разделение труда, его специфика определяли многое – и классовую структуру общества, и систему господства, и принципы управления.

В целом, на наш взгляд, понимание труда как деятельности имеет обобщенный характер. Оно включает различные виды человеческих практик, требующих затраты сил, энергии, физического и умственного напряжения. «Труд связан с потребностями людей вообще», – отмечают авторы «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка».

«Труд» – это целесообразная социально значимая деятельность человека, направленная на создание различных материальных и духовных ценностей. В связи с этим в понятие «**человек труда**», на наш взгляд, должны быть включены категории людей, систематически реализующих различные виды человеческих практик, требующих затраты сил, энергии, физического и умственного напряжения.

Изучение текстов областной газетной периодики позволяет убедиться в том, что идеологема «человек труда» репрезентируется через характеристики героев публикаций. Среди **личностных качеств** человека труда журналисты выделяют *искренность, настойчивость, надежность, уверенность, честь и достоинство, ответственность*. Среди **профессиональных качеств** – *выдержку, трудолюбие, знания, оперативное выполнение работы, твердое намерение следовать намеченному курсу, выработку стратегии, непререкаемость авторитета, исступленность в работе*.

Газетные тексты о трудовых династиях формируют у аудитории «мужской» и «женский» медиаобразы «человека труда», наделённые положительными характеристиками. К «женским» характеристикам относятся *терпение, доброжелательность, житейский ум, тонкое чувство прекрасного и т.д.* К «мужским» характеристикам – *немногословность, сдержанность, дисциплинированность, энергичность и т. д.* В целом при описания женщин акцентированы положительные характеристики, подчеркивающие чувственность, доброту, сострадание, мудрость. Хотя в порядке исключения встречаются и качества, указывающие на жесткость характера и силу воли, например: *несгибаемая женщина*. В «мужских» характеристиках прежде всего подчёркивается твердость характера, авторитет и лидерские качества мужчины.

В ходе анализа публикаций было выявлена тесная взаимосвязь понятий «семья» и «трудовая династия», которые могут (и должны) рассматриваться с позиций системного подхода. Соответственно в семье и династии наглядно проявляются два вида временных изменений системы – функционирование и развитие.

Выявленные публикации позволили изучить профессиональные предпочтения лиц, составляющих трудовые династии. В публикациях о трудовых династиях за исследуемый период были представлены такие отрасли, как образование, медицина, индустрия, транспорт, культура, сфера обслуживания, силовые структуры, сельское хозяйство, бизнес, журналистика, экономика.

Контент-анализ позволил выявить также три преобладающих отрасли, в которых трудовые династии встречаются довольно часто – это образование, сельское хозяйство, индустрия. Количество публикаций о представителях трудовых династий из сельскохозяйственной отрасли насчитывает в «Белгородской правде» – 38, в «Белгородских известиях» – 32, в «Смене» – 2; о представителях индустрии – в «Белгородской правде» – 14, в «Белгородских известиях» – 19, в «Смене» – 4; о представителях образования – в «Белгородской правде» – 20, в «Белгородских известиях» – 24, в «Смене» – 3.

Подобный результат мы связываем как с социально-историческими, так и с личностно-психологическими факторами. Большую роль в наборе преобладающих отраслей играет специфика региона, на базе которого и проводилось исследование. Белгородчина – это область, в которой развиваются аграрный и промышленный сектора экономики.

Новой точкой отсчета в понимании и исследовании трудовых династий стало постановление губернатора Белгородской области № 62 от 1 сентября 2010 г. «О проведении областного конкурса «Лучшая трудовая династия», в котором четко прописаны требования к предстоящему областному конкурсу. Для участников конкурса «Лучшая трудовая династия» предусмотрены номинации «За вклад в развитие профессии», «Самой старейшей династии», «За преемственность поколений». Организаторы, а также представители конкурсной комиссии – руководители и представители департамента экономического развития области, департамента строительства, транспорта и ЖКХ области, управления по труду и занятости населения области, управлений культуры и ЗАГС области, областного управления социальной защиты населения и других ведомств.

Обязательным условием является представление на конкурс не более одной династии в каждой номинации от отраслевых департаментов области, обкома профсоюзов, работодателей.

В постановлении среди основных положений четко прописана установка: управление информации и массовых коммуникаций администрации области обязано обеспечить освещение конкурса в средствах массовой информации.

Вслед за появлением названного нормативного документа последовало и приветствие губернатора области Е.С.Савченко участникам областного конкурса «Лучшая трудовая династия», опубликованное на сайте губернатора Белгородской области в октябре 2010 г. Обращение наглядно демонстрирует взаимосвязь таких понятий, как «ТРУД» - «СЕМЬЯ» - «СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ» [14]:

«Сердечно приветствую прославленные трудовые династии Белгородчины! Выражаю глубокую признательность всем участникам конкурса, всем семьям края за то, что вы наполняете прекрасным, мудрым содержанием самые высокие в мире понятия – любовь, семья и труд.

Вы избрали непростой, но достойный жизненный путь - быть нужными и полезными своей малой Родине. Вы смогли сохранить семейный очаг, через всю жизнь пронесли любовь и верность избранному делу. Передали эти качества своим детям и внукам. Ваши семьи – это духовно-нравственный оплот нашего общества, ваш плодотворный труд – это залог экономического процветания и социального благополучия Белгородчины.

Сильное государство должны строить сильные духом люди, воспитанные на патриотизме. Любовь к своей Родине начинается с семьи, и я бесконечно горжусь тем, что наша область богата такими дружными, крепкими и трудолюбивыми семейными династиями.

Правительство области высший смысл своей деятельности видит в том, чтобы благополучие семьи, преемственность поколений и самореализация в любимой профессии стали главным достоянием нашей малой Родины. Этому призвана поспособствовать и сегодняшняя церемония проведения первого областного конкурса «Лучшая трудовая династия». Уверен, что она будет популярной и престижной, а вы станете примером для подражания у многих белгородских семей. Желаю, чтобы от года в год всё больше семейных династий вливалось в полумиллионную семью Белгородчины!»

Итак, проведение нового конкурса направлено на возрождение, сохранение и развитие трудовых традиций в семьях Белгородской области. Кроме того, в рамках совершенствования подготовки кадров в регионе конкурс призван популяризировать такие социально значимые профессии, как врач, учитель, хлебороб, а также подать положительный пример трудолюбия, высокой ответственности, любви к своему делу у

разных поколений одной семьи. Очевидна ориентация конкурса на поддержку ценности семьи как ячейки духовно-нравственно здорового общества.

Областные СМИ в этот период уделяют пристальное внимание освещению отношения властных структур и различных социальных институтов к существующим на территории Белгородской области трудовым династиям, а также к проведению первого областного конкурса «Лучшая трудовая династия» и перспективам развития тематики, касающейся династий.

Конкурс освещался на сайте белгородских профсоюзов: *«Первый (отборочный) этап проводился отраслевыми обкомами профсоюзов совместно с департаментами. Прежде чем вручить победителям дипломы и ценные подарки заместитель губернатора Сергей Боженков зачитал приветствие от губернатора области Евгения Савченко, в котором говорилось, что труд сегодняшних победителей – залог социально-экономического процветания региона.»*

Поздравляя семейные династии, Николай Шаталов заверил, что будущие депутаты областной Думы пятого созыва и в дальнейшем будут уделять большое внимание человеку труда.

– Это только начало серьезной работы по пропаганде семейных трудовых традиций, по возрождению нужных для процветания Белгородчины профессий. Профсоюзов области большое значение придается формированию в обществе позитивного общественного мнения о людях труда. Проводя такие мероприятия, мы воспитываем у белгородцев чувство гордости за достижения соотечественников, внесших значительный трудовой вклад в развитие Белгородской области, а для подрастающего поколения примеры таких семейных династий способствуют воспитанию уважительного отношения к труду» [11].

Газета «Белгородские известия» воспроизвела высказывания первых лиц области о значении трудовых династий: *«Цель конкурса - показать беззаветную преданность профессии, которую демонстрируют у нас многие люди, - сказал, приветствуя победителей конкурса, заместитель губернатора Белгородской области - начальник областного департамента кадровой политики Сергей Боженков. - Евгений Степанович Савченко неоднократно говорил о том, что достичь процветания родной земли невозможно, когда человек работает только для зарабатывания денег. Если человек работает для самореализации, для получения результатов своего труда, потому что он любит свою профессию, потому что он эту профессию ценит, - он в силах нести людям всё доброе и хорошее, что заложено в этой профессии. Итоги конкурса восприняты всеми участниками с такой положительной энергией, надеждой на его продолжение, что мы вынуждены уже рассматривать его в более широких масштабах. Мне кажется, что это будет большим залогом процветания Белгородчины. Чуть позже, когда у нас появится традиция проведения этого конкурса, подумаем об издании книги о трудовых династиях Белгородчины» [1].*

Появление нового нормативного документа и проведение областного конкурса находят активное отражение во всех региональных газетах. За несколько месяцев количество опубликованных журналистских материалов возрастает в несколько раз по сравнению с предыдущими годами - в основном это информационные сообщения и расширенные заметки:

«Областной конкурс проводится по инициативе губернатора области впервые и призван помочь возрождению трудовых традиций в семьях региона. В сентябре, когда стартовал первый этап конкурса, заявки на участие в нем подали 27 трудовых династий. До финала, и соответственно, до награждения, дошли 7. В числе лауреатов три семьи из областного центра» [3].

«Проверенная временем истина – «Всё новое – хорошо забытое старое» - с постоянной периодичностью воплощается в жизнь. Вот и областной конкурс «Лучшая трудовая династия» - подтверждение тому, что всё хорошее когда-нибудь возвращается вновь. В Белгородской области принято решение проводить

областной конкурс среди трудовых династий предприятий промышленности, сельского хозяйства, транспорта, связи, строительного комплекса, торговли, жилищно-коммунального хозяйства, учреждений здравоохранения, культуры, образования. В этом году такой конкурс проводится впервые, но нет сомнения, что он станет традиционным» [9].

Подмеченные журналистом детали дают возможность аудитории воссоздать в своем воображении эмоциональную атмосферу происходящих событий:

«Большой зал Дома правительства области полностью заполнен. Здесь собрались виновники торжества – победители областного конкурса «Лучшая трудовая династия», а также их коллеги по работе, друзья. Все принаряжены к такому событию, радостные, улыбающиеся...» [2].

В публикациях белгородских журналистов находит отражение и обновленное толкование идеологемы «трудовая династия»:

*«Конкурс «Лучшая трудовая династия» проводился с 1 сентября по 1 октября среди семей, имеющих в своем составе **три и более поколений представителей одной профессии. Суммарный стаж работы** трудовой династии должен составлять не менее **50 лет**. Как сообщает пресс-служба губернатора и правительства, заявки на участие в конкурсе подали 30 семей»* [10].

*«Вы живете на Белгородчине? В вашей семье привыкли честно трудиться и сразу **три поколения** верны одной и той же профессии? Суммарный стаж вашей семейной династии превышает **50 лет**? Тогда вы - потенциальный претендент на победу в конкурсе «Лучшая трудовая династия»! Идея такого конкурса, признаются организаторы, витала в воздухе давно. Популяризация профессий, важных для развития региона - вот основная его задача. Среди участников - династии врачей, учителей, строителей, хлеборобов. Общий трудовой стаж некоторых семей превышает 200 лет. А непревзойденный рекорд - 534 года на ниве здравоохранения!»* [5].

Заявленные на конкурс династии представляли такие сферы трудовой деятельности, как промышленность, сельское хозяйство, торговля, жилищно-коммунальное хозяйство, образование, здравоохранение, культура:

«Конкурс проходил в два этапа с сентября по октябрь 2010 года. В нем приняли участие 27 трудовых династий. Это семьи энергетиков, строителей, горняков, медиков, работников сельского хозяйства, социальной сферы, работников торговли, учителей, представителей творческих профессий» [16].

Очередным информационным поводом для развития темы трудовых династий в белгородских СМИ становится выход книги о педагогических династиях области «Что ни имя – то легенда...», подготовленной белгородским областным комитетом профсоюза работников народного образования и науки РФ при содействии департамента образования, культуры и молодежной политики области. Это издание адресовано в первую очередь педагогам. Издатели рассчитывают на активизацию внимания со стороны всего педагогического сообщества к представителям многочисленных учительских династий. Цель издания - стимулировать интерес преподавателей, родителей, учащихся к изучению своего генеалогического древа, истории семьи, а также пропагандировать среди учащихся профессию педагога.

«Издание книги о педагогических династиях области – одно из мероприятий в плане проведения года Учителя в Белгородской области. На сегодня департамент образования, культуры и молодежной политики располагает сведениями о 51 такой династии из 19 районов и городов.

Старейшая из таких династий - из Новооскольского района - отдала преподаванию в общей сложности 260 лет стажа, из них 248 – на территории Белгородской области. В педагогических династиях представлены как минимум три поколения педагогов от пионервожатого до директора школы» («Белгородские известия»).

«Что ни имя – то легенда...» – под таким названием вышла в свет книга о педагогических династиях Святого Белогорья. В Год учителя эту книгу посвятили Учителю...

- На Белгородчине сотни поколений педагогов, стаж которых составляет ни один десяток лет, - говорит во вступительном слове председатель региональной организации профсоюза работников народного образования и науки Лидия Томилка...

- Учительские династии – негромкие, но очень крепко сплетенные в ткани человеческих отношений. Это живые, добрые связи с учениками, коллегами, со многими-многими людьми. Учительские династии несут в себе опыт самых разнообразных экспериментов с отечественным народным просвещением. Их объединяют бескорыстная любовь к ученикам, преданность своему делу и трепетное отношение к педагогической профессии, – отмечает начальник департамента образования, культуры и молодежной политики области Юрий Коврижных.

Книга рассказывает о 49 педагогических династиях. Учительская династия - это особый образ жизни. Ведь от порядочности, чести, убежденности учителя зависит судьба вверенных ему людей. Белгородчина гордится трудовыми педагогическими кадрами, которые личным примером воспитывают уважение к своим предкам, истории родного края и страны» [7].

Продолжением поднятой темы становятся публикации журналистов о чествовании педагогических династий в рамках Года учителя:

«24 марта в уютном зале Дома офицеров состоялась торжественная встреча педагогических династий города Белгорода. Мероприятие проходило в рамках Года учителя. С приветственным словом к педагогам обратился начальник управления образования администрации города Белгорода А.А. Мухартов. Андрей Александрович отметил, что подобные встречи позволяют повышать престиж работы педагога, привлекают внимание и интерес к этой трудной, но благородной профессии, а также выразил огромную благодарность ветеранам педагогического труда, родоначальникам династий, которые воспитали не одно поколение белгородцев.

В настоящее время в городе Белгороде трудятся 2568 педагогов. На сегодняшней встрече присутствовали представители 15 династий, отдавших предпочтение учительской профессии в трех и более поколениях» [8].

Журналисты стараются не только информировать аудиторию о появлении новых нормативных документов и проведении очередного мероприятия, но и оживить материалы, наполнить их портретами конкретных лиц, описаниями их заслуг перед обществом. Правда, в оценках деятельности представителей трудовых династий журналисты нередко используют речевые штампы:

«Всего более 30 педагогов старшей и уважаемой династии Пальчиковых-Соловьевых посвятили себя обучению и воспитанию подрастающего поколения», «Тамара Ефимовна Степанова 50 с лишним лет отдала народному образованию», «в течение долгих лет любовь к русскому языку передают из поколения в поколение представители династии учителей Штальман», «в педагогической династии Маховых любовь к профессии передавалась из поколения в поколение», «много лет двери средней школы № 33 гостеприимно открывались и открываются для учителей из династии Маминых».

Информационным поводом для публикаций о трудовых династиях продолжают оставаться событийные мероприятия – выставки, конкурсы, конференции и т.д.:

«В Белгородском государственном музее народной культуры состоялась научно-практическая конференция «Традиции рода, семьи в гражданском становлении личности», ставшая уже традиционным мероприятием. ...познакомились участники конференции и с методикой изучения родословных, а также узнали уникальную информацию о трудовых династиях отдельных семей» («Белгородские известия»).

«Впервые в Белгороде проходит выставка работ представителей семейных династий художников, скульпторов и мастеров декоративно-прикладного творчества. Существует мнение, что природа «отдыхает» на детях талантливых людей. В том, соответствует ли оно действительности, белгородцы смогут убе-

даться, побывав на выставке «Друзья, прекрасен наш союз...». Участники выставки – члены 19 творческих семей, объединённых одной фамилией или родственными связями (вплоть до трёх поколений художников). В нашем городе это первая экспозиция, широко представляющая такие семейно-творческие союзы» [4].

Большую роль в освещении тематики трудовых династий играют материалы внештатных корреспондентов, опубликованные на страницах региональных изданий.

Газета «Белгородские известия» ссылается на письмо губкинской учительницы: «Нынешний год был объявлен в России Годом учителя. За прошедший период наша газета много писала о представителях этой благородной профессии. Под занавес уходящего года мы получили письмо от нашей постоянной читательницы и внештатного автора из Губкина Лидии Александровны Парфёновой, проработавшей учителем физики и математики более 42 лет. Она рассказала нам о педагогической династии Парфёновых, которая начиналась на белгородской земле ещё в XIX веке» [12].

В публикации отмечен ряд критериев, которые не отражают мастерство и профессионализм представителей трудовых династий: хорошее образование, творческое начало, увлечённость выбранным делом, разностороннее развитие, добросовестное отношение к работе, поощрения и награды за достигнутые успехи и результаты, принципы работы (чем больше человек отдаёт душевной доброты другим людям, тем больше к нему добра и вернётся...). Неотъемлемыми критериями продолжения династии автор считает престиж профессии и оплату труда.

Большая роль в текстах о трудовых династиях отводится цитированию высказываний описываемых персонажей, которое используется журналистами не только для подчеркивания достоверности сообщения, но и для того, чтобы оживить материал, придать дополнительную значимость той или иной информации:

«- Никогда не думал, - сказал глава большой династии строителей Бородатовых Анатолий Иванович, - когда в 1954 году закладывал фундамент этого замечательного здания, что буду стоять на этой сцене...» [2].

«- Для нашей семьи День учителя – особенный праздник, потому что моя мама – преподаватель английского языка, бабушка – учитель начальных классов, прабабушка работала учителем русского языка и литературы, а прадедушка преподавал физику, много лет работал директором школы в Ивнянском районе, - рассказывает учащаяся школы № 39 Ангелина Иваненко» [6].

«- Мы довольны, что сын попал в наш цех, что получил здесь специальность машиниста конвейера, что ему уже доверяют работать самостоятельно, - говорит Евгений Петрович. Мария Павловна добавляет: «19 конвейеров он обслуживает, справляется. Уж я-то знаю, что это такое! Вижу, как устаёт, как становится взрослее и серьезнее. Думаю, знает теперь, как родительская копеечка достаётся. Хочется, чтобы специалистом стал грамотным, чтобы наше дело продолжил, все-таки мы с мужем здесь по 20 с лишним лет отработали. Комбинат - предприятие перспективное, молодые здесь быстро растут, так что пусть трудится» [15].

Кроме того, цитаты влияют и на расстановку акцентов в материале: с появлением «голосов» персонажей журналисты стараются уточнить и представить позицию героев публикации аудитории, сохраняя при этом общий эффект беспристрастности, объективности.

Для того, чтобы придать дополнительную убедительность своей публикации, журналисты нередко прибегают к использованию статистической информации. Её умелое применение подчёркивает важность того или иного факта и привлекает дополнительное внимание к публикации. Кроме того, удачно обыгранная цифра активно работает на «эффект убеждения». С помощью «ударной» цифры журналисты стараются также подчеркнуть общественное значение новости:

«Династия Никулиных – потомственные учителя. Их общий педагогический стаж – почти 1000 лет, признались сегодня Никулины. Из них почти 300 они про-

работали в Белгородской области. Сейчас династия насчитывает 30 педагогов. Почти все заслуженные и народные» [3].

«В номинации «За вклад в развитие профессии» участвовали девять претендентов. В их числе и династия Козыревых из Ракитянского района. Общей стаж работы представителей этой семьи в одной сфере - свыше 156 лет» [9].

В текстах о трудовых династиях большая роль отводится описаниям заслуг и наград, полученных героями публикаций и подтверждающих общественное признание их деятельности: *«Имя средней дочери Инны занесено в энциклопедию Белгородской области как «Лучший учитель». Младшая дочь Светлана – не только Почетный гражданин Белгородского района, но и Заслуженный учитель России, отличник народного просвещения. Внучка Алла – доцент Московской дипломатической академии Министерства иностранных дел РФ. Внучка Тамара является отличником народного образования, она почти полвека проработала в школе. Представительница пятого поколения – Жанна – учитель-логопед, она отмечена знаком «Почетный работник общего образования РФ» [17].*

Подобные примеры не только наглядно демонстрируют результат выполняемой работы, но и добавляют определенные штрихи к портрету главного героя как специалиста и профессионала, незаурядной личности. О.И. Шкаратан, определяя ценность труда для индивида, уточняет, что человек с развитыми потребностями трудится уже не только и не столько ради заработка, но и в силу интереса к содержанию самой работы и ради поощрения со стороны трудового коллектива. Таким образом, выстраивается иерархическая система причинно взаимосвязанных мотивов трудовой деятельности, образующих структурные компоненты отношения к труду [18].

В целом на страницах белгородских газет создается благополучная картина трудовой деятельности в регионе, где проводятся различные конкурсы, акции, направленные на формирование образовательно-просветительской культуры аудитории, формирование ее профессиональных предпочтений и мотивов к труду. При описании трудовой деятельности представителей трудовых династий внимание в большинстве публикаций обращено одновременно на качество выполнения работы и лицо, совершающее определенные трудовые действия. В материалах даётся своего рода характеристика персонажа как специалиста и профессионала, воспроизводятся его личностные качества.

Появление нормативного документа, задающего основные положения конкурса «Лучшая трудовая династия», привело к большему единству в понимании и интерпретации идеологемы «трудовая династия» в журналистской среде региона, что находит отражение в содержании исследуемых медиатекстов.

Список литературы

1. Барышев А. Преданность профессии / А. Барышев // Белгородские известия. – Режим доступа: <http://www.izvestia.vbelgorode.ru/?q=node/7787>.
1. Буров, В. Чествовали людей труда / В. Буров // Белгородская правда. - Режим доступа: <http://www.belpravda.ru/?q=node/375>.
2. В Белгороде наградили лучшие трудовые династии // городской мультимедийный портал «Белгородские новости». - Режим доступа: <http://www.belnovosti.ru/news/society/2010/10/06/v-belgorode-nagradili-luchshie-trudovye-dinastii>.
3. Гончаренко Н. Прекрасен наш союз! / Н. Гончаренко // Белгородские известия. – Режим доступа: <http://izvestia.vbelgorode.ru/04.12.10-8790.html>.
4. Добрая слава – лучшая награда // Лента новостей ТРК «Мир Белогорья». – Режим доступа: http://mirbelogorya.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=666%3Adobraya-slava-luchshaya-nagrada-&catid=37%3A2009-09-22-23-00-59&Itemid=34&lang=en.
5. Иваненко А. Учительская династия / А. Иваненко // газета «Виртуальная школа». – Режим доступа: <http://gazeta.vsopen.ru/?p=1881>.
6. Книга о педагогических династиях святого Белогорья // официальный сайт Белгородской региональной организации профсоюза работников народного образования и

науки РФ. – Режим доступа: <http://www.belprofobraz.ru/index.php/the-news/34-the-news/102-dinastybook>.

7. Кузьминых Ю. Встреча педагогических династий / Ю. Кузьминых // Сайт управления образования администрации города Белгорода. – Режим доступа: <http://www.beluo.ru/index.php/2010-04-01-12-46-17/190-2010-03-29-05-36-05>.

8. Маликова, И. Есть такая династия [Электронный ресурс] / И. Маликова // Белгородские известия. – Режим доступа: <http://www.izvestia.vbelgorode.ru/?q=node/7563>.

9. Объявлен новый областной конкурс «Лучшая трудовая династия» // Официальный сайт губернатора и правительства Белгородской области. – Режим доступа: <http://www.belregion.ru/news/3365.html>.

10. Официальный сайт Белгородской региональной общественной организации «Белгородское областное объединение организаций профсоюзов». – Режим доступа: http://www.booor.ru/print.php?t=news_main&p=id&q=311&pp=textnew.

11. Парфёнова Л. 200 лет учительской династии / Л. Парфёнова // Белгородские известия. – Режим доступа: <http://www.izvestia.vbelgorode.ru/25.12.10-9113.html>.

12. О проведении областной акции «Крепка семья – крепка Россия» / постановление главы администрации области: от 5 августа 2002 г. № 314 // Законы Белгородской области. – Режим доступа: <http://belgorodlaw.ru/2002-god/postanovlenie-ot-5-avgusta-2002-g.-n-314.html>.

13. Приветствие губернатора области Евгения Саченко победителям областного конкурса «Лучшая трудовая династия». – Режим доступа: <http://www.savchenko.ru/article-375.html>.

14. Пташкина Г. Династия. Профессия – по наследству / Г. Пташкина // Белгородские известия. – Режим доступа: <http://www.izvestia.vbelgorode.ru/?q=node/583>.

15. Сегодня в Белгороде назовут лучшие трудовые династии // городской мультимедийный портал «Белгородские новости». – Режим доступа: <http://www.belnovosti.ru/news/society/2010/10/06/segodnya-v-belgorode-nazovut-luchshie-trudovye-dinastii>.

16. Старосветская, Е. Определены лучшие трудовые династии / Е. Старосветская // Информационный портал поддержки малого и среднего бизнеса Белгородской области). – Режим доступа: <http://www.mb31.ru/news/news/1353>.

17. Шкаратан О. Эффективность труда и отношение к труду / О. Шкаратан // Социо. – 1982. – № 2. – С. 22 – 24.

DYNAMICS' PECULIARITIES OF SAVING AND REPRODUCING OF INFORMATION ABOUT WORKING DYNASTIES IN THE MEDIA TEXTS OF BELGOROD REGION NEWSPAPERS (1998-2010)

N. N. Rukhlenko
A. A. Cherkashina

*Belgorod National
Research University*

*e-mail: nruksonn-
lein@yandex.ru
cherkashina@bsu.edu.ru*

In this article the analysis of media texts about working dynasties gives us an opportunity to reconstitute the dynamic of psychological condition of society and values of native speakers in different periods of times. It is shown that the media texts about working dynasties let us reveal working morality both modernity and the social group.

Key words: work, working dynasty, value, necessity, interest, motive, concept, social group, ideology, professional ethics.

УДК 070

ИНТЕРНЕТ КАК СРЕДСТВО СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

М. А. Тертычная

*Московский
государственный
университет
им. М. В. Ломоносова*

*e-mail:
Marimb@rambler.ru*

Статья посвящена рассмотрению Интернета как актуального средства социальной рекламы. Автор также описывает становление социальной Интернет – рекламы. Отмечены особенности воздействия социальной рекламы на аудиторию. Анализируются перспективы социальной Интернет – рекламы.

Ключевые слова: Интернет, социальная реклама, перспективы социальной интернетрекламы.

Современная социальная реклама в России представлена самыми разными формами, предъясняется на различных носителях. По-прежнему большую роль в распространении социальных ценностей играет наружная реклама (придорожные щиты, настенная реклама – плакаты, световые табло и пр.; уличные растяжки, граффити и т. д.), реклама в метро, а также реклама, которую можно назвать «консумерной» (от нем. **«konsum»** – потребление, торговля) – то есть, размещаемая на пакетах для продуктов, товаров, на спичечных коробках, иной упаковочной таре, на самих товарах (например, реклама на обложке ученической тетради, призывающая нас беречь лес). Однако, решающую роль в современном обществе, как известно, играет реклама, которая размещается в средствах массовой информации – в газетах, журналах, на радио, телевидении, в Интернете. То, как в дальнейшем будет выглядеть «информационное поле» социальной рекламы, размещаемой в СМИ, насколько эффективной она станет, во много зависит от того как, в каком направлении будут развиваться средства массовой информации, каким будет их взаимодействие.

В настоящее время существует достаточно устойчивое мнение о том, что Интернет в недалеком будущем заменит все традиционные СМИ: визуальные (газета, журнал), аудио (радио), и аудио - визуальные (телевидение). Однако в той или иной степени люди далее также будут пользоваться и газетно-журнальными изданиями, и радио, и телевидением. Предопределено это в первую очередь различием в психологии восприятия информации разными людьми, их привычками активно или пассивно включаться в коммуникативные процессы и пр. Очевидно, интернет-технологии станут развиваться таким образом, что будут учитываться как отмеченные, так и иные особенности восприятия информации потребителями, с тем, чтобы удовлетворить их в максимальной мере. Уже сейчас люди, склонные к визуальному восприятию информации, без труда могут найти в Интернете те или иные зрительные образы. Ведь практически каждый текст здесь сопровождается как отдельными фотографиями, так нередко и целыми видеосюжетами (такая практика существует, например, на сайте НТВ.Ru). В последнее время идет работа над тем, чтобы внедрить в практику аудио-сопровождение интернет-текстов, что окажется важным для тех, кто склонен воспринимать информацию на слух. Кроме того, подобная возможность привлечет к интернет-сайтам людей, имеющих ослабленное зрение или потерявших его вовсе.

Развитие Интернета характеризуют изменения, происходящие, по мнению его исследователей, в пределах **основных тенденций развития СМИ в целом**. К важнейшим из них относятся следующие тенденции:

«1) активная визуализация информации – переход СМИ к мультимедийным технологиям, объединение текста и видео;

2) изменение способов доставки контента, прежде всего, – переход от стопроцентного вещания на вещание по запросу потребителя;

3) дальнейшая интеграция журналистской информации с другими видами контента и сервисной информацией (магазины, дискуссии, развлечения);

4) рост интерактивных возможностей при потреблении информации (каждый потребитель информации может принять участие в программе либо в качестве эксперта, либо простого участника коммуникационного процесса);

5) ростом возможностей реального проявления общественного мнения и влияния его на принятие решений (например, в виде рейтингов и голосований), хотя это одновременно ведет и возрастанию потенциальной возможности манипуляций этим мнением;

6) изменением методики информационного и рекламного воздействия на общество, а также - изменением информационных рекламных и политических технологий¹.

Совершенствование возможностей Интернета, облегчение доступа к нему, приводит к тому, что число его пользователей постоянно растет. Исследование, проведенное в 2004 г. Европейской Ассоциацией интернет-рекламы (EIAA или European Internet Advertising Association)², показало, что **время, которое ее потребители проводят в Интернете, в два раза превышает продолжительность чтения ими газет.** В общем же оно **равно одной пятой всего времени,** потраченного ими на использование СМИ. При этом, как установлено, объем времени, которое пользователи мировой аудитории проводят в Интернете в течение года, растет в среднем на 10 %³.

За прошедшие годы доступ в Интернет стал еще более свободным, что привело к значительному усилению его роли в жизни потребителей массовой информации, рекламы.

Если судить о темпах роста аудитории Интернета в глобальном масштабе, то следует указать, что в разных странах он разный, различно и общее количество потребителей Интернет – продукции. Первое место по числу посетителей «мировой паутины» выступают Соединенные Штаты Америки (108 млн. человек, что представляет примерно четверть мировой аудитории Интернета). В России пользователей Интернета насчитывается значительно меньше, наша страна занимает 20-е место в мировом рейтинге. О динамике роста русскоязычного сектора аудитории Интернета можно судить по показателям ее расширения за последние восемь лет. Начиная с 2002 г. в стране начался заметный рост подключений к Интернету. Именно в этом году в России значительно увеличилось число домашних компьютеров, выросло количество посетителей, использующих карты для оплаты продукции через интернет. При этом около 78 % пользователей Интернета обращались прежде всего к Web-сайтам, около 72 % - использовали электронную почту, 21 % – для общения применяли ICQ, около 51 % пользовались другими услугами.

В конце 2002 г. российская аудитория Рунета насчитывала около 5,1 млн. пользователей, что составляло около 4 % населения страны (возрастом от 10 лет и выше). Причем большую часть их (3,6 млн. человек) составляли жители крупных и средних городов страны (в Москве и Санкт-Петербурге сосредоточено около 50% аудитории Рунета), а в каждом из десяти других крупных российских городов их количество измерялось примерно от одного до полутора процентов). На все остальные населенные пункты России приходилось около тридцати процентов посетителей Рунета⁴.

За последующие восемь лет количество посетителей мировой паутины в России увеличилось на 22 %. В среднем суточная аудитория Рунета в последние месяцы 2010 г.

¹ Коркина В. А. Социальная реклама в Интернете как инструмент влияния в публичной политике. М., 2003.-С. 7. URL: <http://www.socreklama.ru>.

² Европейцы предпочитают Интернет // Российский рекламный вестник. – №1. – 2005. – С. 31 – 32.

³ См.: Крупин А. Месячная аудитория Рунета достигла 40 млн. пользователей. URL: <http://www.3dnews.ru/software-news/>.

⁴ Коркина В. А. Социальная реклама в Интернете как инструмент влияния в публичной политике. М.2003.- С. 14. URL: <http://www.socreklama.ru>.

по одним данным составляла примерно 38 млн. человек⁵, а по другим – более 40 млн. человек⁶. Однако в Москве и Санкт-Петербурге количественные показатели аудитории выросли незначительно. Увеличение её происходило в основном за счет региональных пользователей, число которых возросло до 30 миллионов.

Предполагается, что и в дальнейшем основной рост аудитории Рунета будет происходить за счет регионов. При этом аудитория будет расти прежде всего в городах с населением до 1 млн. человек.

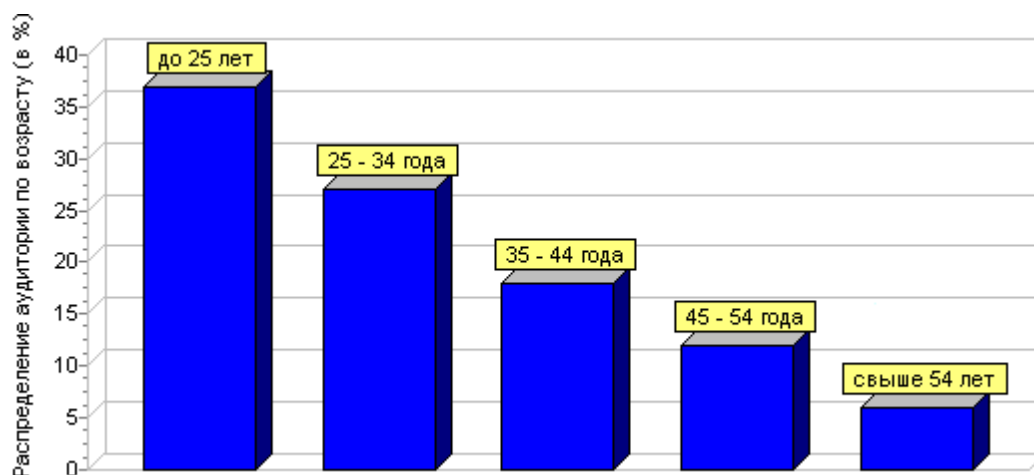
Что касается пользователей Рунета в бывших советских республиках, то их насчитывалось в 2002 г. всего лишь несколько процентов. Это объясняется двумя основными причинами: во – первых, слабым развитием средств связи; во-вторых, – относительно небольшим (по сравнению с Россией) населением; в третьих, – языковыми барьерами, выросшими между странами СНГ за годы после развала СССР.

За прошедшие восемь лет произошли определенные изменения и в развитии аудитории Рунета как на территории бывшего Советского Союза, так и в мире в целом. На сегодняшний день общая численность пользователей русскоязычного сегмента сети распределяется таким образом. Свыше 50 % аудитории Рунета – жители России. Как видно, процент этот ниже, чем восемь лет назад. Произошло это за счет роста относительного числа посетителей Рунета в других странах. Примерно 10 % от всего числа пользователей проживают на Украине. Третью позицию в Рунете (5 %) занимают пользователи из США (их число за прошедшие годы почти удвоилось). Далее по нисходящей с небольшим отрывом друг от друга следуют Израиль, Германия, Казахстан, Белоруссия и ряд других стран⁷. В целом же аудитория Рунета постоянно увеличивается.

С точки зрения **возраста пользователей**, распределение аудитории Рунета имеет достаточно стабильный характер, изменения возрастных аудиторий от года к году колеблются в пределах всего лишь нескольких процентов⁸ (см. таб.1):

Таблица 1

Распределение аудитории Рунета по возрасту пользователей

⁵ Сульженко М. Аудитория Рунета растет с каждым месяцем. URL: <http://webercrunch.ru/news/2010/12/27/rumetrics>).

⁶ Месячная аудитория Рунета достигла 40 млн. пользователей. URL: http://korrespondent.net/tech/technews/1069131-mesyachnaya-auditoriya-runeta-dostigla-40-mln-polzovatelej?p=0&field=t_stamp&sort=ASC.

⁷ География пользователей сети Интернет (http://propel.ru/www/aud_geo.php)

⁸ Основная аудитория Рунета – молодежь (<http://zgloballingvon.info/g10ba1-11ngvo78.html>).

По расчетам специалистов, в течение изучаемого периода произошла некоторая трансформация социально-демографической структуры аудитории Интернета. Если пять лет назад мужчины составляли 58% всех пользователей, то сейчас женщин среди пользователей стало почти столько же, что и мужчин. Это в большей степени коррелируется со структурным соотношением мужчин и женщин среди населения страны (оно составляет 55 % к 45 %). Также заметно уменьшение доли 18 – 24-летних по отношению к числу пользователей старшего возраста. Причем в целом «молодой» Интернет сократился. Так, если раньше доля молодых в составе пользователей Интернета была 37 %, то сейчас она сократилась до 30% (за счет общего увеличения числа пользователей старшего возраста). Однако соотношение «взрослых» и «молодых» пользователей Интернета в зависимости от места проживания разное. Наиболее яркое различие замечено между аудиториями городского и сельского типов. В городах Интернетом пользуется 51 % населения старше 18 лет, а в селах – около 20 %⁹.

В связи с возрастанием интереса людей к Интернету, с каждым годом сокращается время, затрачиваемое на чтение газет, прослушивание радио, просмотры телепрограмм. Так, например, сейчас телевидению (главному конкуренту Интернета) аудитория уделяет уже на 10% меньше времени, чем шесть лет назад, и время это примерно равно времени просмотра телепрограмм¹⁰. Переключение внимания на Интернет является очевидной тенденцией в жизни потребителей массовой информации и рекламы. Хотя в РФ аналогичного исследования пока не было, все же можно предположить, что отмеченная тенденция свойственна потреблению информации и российской аудиторией.

При этом, как пишет И. И. Засурский, «...Интернет убивает два типа медиа: газеты и телевидение, потому что это именно МАСС МЕДИА. Это происходит потому, что молодые люди, которые пользуются Интернетом, гораздо меньше смотрят ТВ. В сутках 24 часа, и если кто-то сидит часами в Интернете, то это происходит за счет времени, которое этот человек проводил бы перед телевизором.... Журналам от Интернета только лучше. Радио от Интернета не сильно страдает, хоть и выигрыша никакого не получает. С одной стороны, радио все слушают в машинах, и машин в России больше, чем компьютеров. С другой стороны, правда, интернет-пользователи приучаются слушать не то, что дают... А в долгосрочном прогнозе - сеть просто убивает масс медиа»¹¹.

Если исходить из того, что традиционно потребители информации делятся на два типа – активных и пассивных, то можно сказать, что **Интернет постепенно увеличивает число именно активных потребителей информации**. Как это происходит? Сначала человек, попадающий Интернет, интересуется теми или иными новостями. Степень интенсивности такого интереса может быть разной. Однако, как показывает практика, в моменты возникновения катастрофических ситуаций (наподобие сложившейся из-за лесных и торфяных пожаров в России летом 2010 г.), обращение потребителей к Интернету и их число резко возрастает. Новости в Интернете появляются раньше, чем в других СМИ, и кроме того там намного больше источников информации. При этом посетители Интернета начинают постоянно следить за новостями на разных сайтах. В результате данный источник информации становится для них наиболее важным.

Интернет привлекает посетителей еще и тем, что позволяет, в отличие, например, от местной газеты, постоянно быть в курсе событий, происходящих в других ре-

⁹ Крупин А. Суточная аудитория Рунета достигла 29 млн. пользователей (<http://www.3dnews.ru/software-news/Sutochnaya-auditoriya-Runeta-dostigla-29-mln-polzovateley/>).

¹⁰ Геращенко Н. Аудитория Рунета удвоилась за два года (<http://top.rbc.ru/society/21/12/2010/518817.shtml>).

¹¹ Печатные СМИ и Интернет: табачок врозь. «Российский рекламный вестник», №1, 2005.

гионах России или иных странах. Поскольку компьютерные и другие высокие коммуникационные технологии постоянно развиваются, то возникает возможность выходить в Интернет не только с помощью компьютера. Уже сейчас его может заменить мобильный телефон, имеющий функции GPRS и WAP.

Конечно же, периодическая печать по-прежнему будет «в цене» у многих читателей и, прежде всего, те издания, которые являются для них авторитетными, в которых работают заслужившие их доверие и любовь журналисты, а также «газеты влияния». Они также остаются элементом жизни интеллигентной аудитории. «А вот массовые газеты без четко выраженной целевой аудитории лишаются будущего, – пишет И. И. Засурский. – Их читают люди старой формации, которые уже привыкли читать с бумаги. Однако возобновление этой аудитории не происходит. Массовые газеты обслуживают [людей] и регионы, которые не имеют массового доступа к Интернету. Вымирают неинформативные издания, не нацеленные на конкретную аудиторию. Выживают только те газеты, которые видят своего читателя. Финансисту нужны одни новости, политику – другие, а если я просто человек, то мне достаточно общей информационной картины, которую я могу легко получить в Интернете, причем бесплатно и сразу из нескольких источников, да еще и в режиме реального времени – быстрее, чем на телевидении и даже радио, потому что журналисты этих медиумов сами берут информацию из Интернета»¹².

Хотя число газетно-журнальных изданий растет и в настоящее время, темпы этого роста стали замедляться. И важнейшим фактором, сдерживающим его, выступает прежде всего именно Интернет.

В 2005 г. в выступлении на ежегодной конференции Ассоциации главных редакторов газет США американский медиамагнат и мультимиллиардер Руперт Мердок, владелец газет The Times, Sunday Times, а также таблоидов News of the World, The Sun и другой медийной собственности предупреждал деятелей медиабизнеса и рекламистов о возможности такой ситуации и необходимости более оперативно реагировать на возникновение Интернета¹³. Однако предложение его было принято немногими. И теперь приходится лишь наблюдать за тем, как быстро читательская аудитория печатных СМИ и рекламодатели уходят в Интернет. Стремятся закрепить свое присутствие и позиции в Интернете и сами печатные издания.

Чем же Интернет привлекает издателей СМИ и производителей рекламы (в том числе и социальной)? Если обобщить высказывания по данному вопросу разных исследователей, то выявляются, в первую очередь, следующие **позитивные возможности** Интернета:

- 1) возможность для разработчиков (владельцев) сайтов зарабатывать деньги за счет электронного распространения новостей, другого рода публикаций, рекламы;
- 2) большая жизнеспособность Интернета, устойчивость его по отношению к попыткам ввести цензуру – по сравнению с традиционными СМИ, поскольку Интернет нельзя полностью отключить;
- 3) возможность для посетителей Интернета получать более полную и всестороннюю информацию, по сравнению с той, которую дают традиционные СМИ;
- 4) возможность для огромного числа людей участвовать не только в потреблении информации, но и в её создании (в том числе – проведении самостоятельных журналистских расследований), что приводит к постоянному росту разнообразных информационных источников в глобальной электронной сети;
- 5) возможность для обычных граждан с помощью персональных Интернет-колонок, газет, журналов, выражать свою собственную точку зрения на те, или иные

¹² Печатные СМИ и Интернет: табачок врозь. «Российский рекламный вестник», № 1 2005.

¹³ РИА «Новости» (<http://www.rian.ru/society/religion/20050314/39520125.html>) (14.03.2005).

события, противопоставляя ее точкам зрения ангажированных СМИ. Это резко усиливает возможность реализации предоставляемых конституцией РФ возможностей свободы слова;

6) растущие возможности резкой минимизации затрат времени на поиск информации в «мировой паутине». Еще лет двадцать назад американский исследователь Н. Негропonte предположил, что в будущем поиском нужной информации будут заниматься персонализированные программы-агенты, которые сперва изучат информационные пристрастия владельца данного компьютера, а потом станут в непрерывном режиме сканировать Интернет в поисках текстов, важных для него. Этот прогноз уже сбывается;

7) возможность публикации собственных произведений (самиздат) не только журналистского плана, но и литературно – художественного;

8) возможность публикации одной и той же информации на разных языках, что расширяет общую аудиторию сайтов;

9) возможность создания редакционных коллективов из работников, находящихся в разных концах страны или даже в разных странах. Свои тексты журналисты могут передавать в редакцию по электронной почте, а плату за них получать банковскими переводами;

10) относительно небольшая себестоимость сетевых проектов.

В то же время существует необходимость учитывать те **минусы**, которые в настоящее время присущи Интернету:

1) все еще высока стоимость доступа к Интернету;

2) есть возможность загромождения сети ненужными новостными базами и огромными объемами пустопорожней болтовни новоиспеченных создателей личных сайтов. В результате, в Интернете точно так же, как в крупных городах, возникают «пробки» на пути поиска ценной информации;

3) беспардонное дублирование информации, пересказ уже известных новостей в собственной интерпретации; огромное число сетевых изданий могут муссировать одно и то же сообщение, не давая аудитории ничего нового;

4) трудность сохранения авторского права, поскольку существует возможность не подписывать публикацию или использовать псевдоним (и не один). В результате один и тот же текст может множество раз появляться на самых разных сайтах, в результате чего очень трудно, порой и невозможно установить его первого автора;

5) широкие возможности для публикации плагиата, дезинформации, экстремистских выступлений, порнографии, мошенничества, глупой рекламы и т. д.

6) огромное число непрофессиональных публикаций, написанных корявым языком, избыливающих разного рода ошибками и несуразностями и т. д.

Перечисленные «минусы», безусловно, сдерживают переход в Интернет традиционных СМИ и издателей рекламы. Однако движение в его сторону неуклонно продолжается. Свое присутствие в Интернете, наряду с печатными изданиями, радио- и телевизионными программами, коммерческой рекламой, закрепляет и институт социальной рекламы.

Первым ресурсом социальной рекламы в Интернете стал созданный в 1999 г. по инициативе «Виртуального ресурсного центра для НКО» сайт "Социальная реклама в России" (www.isoc.ru). С 2008 г. данный интернет-ресурс поддерживается центром рекламных исследований «Grand Prix Research», специализирующемся на оценке эффективности социальной рекламы, поддержке конкурсов и фестивалей рекламы. Появление сайта стало ответом на потребности общества в возрождении и укреплении социальных ценностей, гуманного отношения к человеку, избавлении общества от социальных язв, вызванных возрождением в стране капиталистического, рыночного образа жизни.

Конкретно свои основные задачи создатели сайта видят в оказании методической помощи в организации работы по развитию социальной рекламы в регионах. Данный ресурс также нацелен на поддержание разработки концепций развития дру-

гих сайтов социальной рекламы, положений о конкурсах и фестивалях, проведение семинаров и создание методик оценки эффективности социальной рекламы, информационную поддержку экспозиций, выставок, образцов социальной рекламы. Обращаясь в 1999 г. к посетителям нового сайта, его создатели сообщали: «Проект «Социальная реклама в России» – это попытка систематизировать инструменты и материалы, связанные с информационными и рекламными кампаниями, проводимыми в России и имеющими социальную значимость: тексты, описания, пресс-релизы, печатную и презентационную продукцию, аудио – и видеоматериалы кампаний.

Мы надеемся, что собранные материалы могут помочь профессионалам в области социальной рекламы в их работе, а также всем, интересующимся этим видом рекламы. Основу материалов, представленных на этом сайте, составили материалы информационных кампаний, проводимых некоммерческим партнерством «Фокус» при поддержке международной организации «Врачи без границ» и ряда других российских и международных благотворительных организаций. Создатели проекта очень рассчитывают на то, что собранные материалы очень скоро пополнятся информацией об акциях и кампаниях других организаций, работающих в этой сфере. Для размещения на нашем сайте Вашей информации, пожалуйста, обращайтесь к нам. Техническую поддержку в реализации проекта оказывают специалисты «Виртуального ресурсного центра для НКО»¹⁴.

На сайте «Социальная реклама в России» при содействии российских и международных организаций были размещены материалы проведенных в России первых общероссийских кампаний по борьбе со СПИДом в молодежной среде. Долгое время интернет-ресурс «Социальная реклама в России» функционировал как одно из подразделений сети «Trainet.org». Затем, после проведенной реорганизации, давшей ему более широкие возможности и сервисы, сайт начал независимую деятельность.

Как показала практика, сайт охотно включается в партнерские проекты, принимает конструктивные предложения по разработке новых социальных проектов и программ, выработке оценок успешности социальной рекламы, публикует большой объем новостей о функционировании и проблемах российской социальной рекламы.

В 2002 г. в Интернете возник второй ресурс, посвященный социальной рекламе – «Лаборатории социальной рекламы». Лаборатория была образована автором первого российского учебника по социальной рекламе, доцентом кафедры публичной политики Государственного Университета – Высшей Школы Экономики Г. Николайшвили и ее студентами. В виртуальном пространстве «Лаборатория социальной рекламы» известна как информационно-аналитический портал www.socreklama.ru.

Главной своей миссией редакция портала считает поддержку становления гражданского общества в России, укрепление демократических принципов в его жизни. На сайте выполняется огромный объем работы по систематизации публикаций по социальной рекламе. Здесь публикуются как теоретические статьи по проблемам социальной рекламы, так и тексты, обобщающие ее практические достижения, предлагаются оценки экспертов, излагаются новости, информация об изменениях в правовой сфере, о всевозможных конкурсах и фестивалях социальной рекламы. При этом «Лаборатория социальной рекламы» выступает ресурсом, который, кроме всего прочего, занимается непосредственным производством и продвижением социальной рекламы, а также выполняет образовательную функцию и является организатором различных социальных программ по острым социальным вопросам. Устойчивая обратная связь с посетителями сайта помогает ему своевременно подстраиваться под нужды аудитории и производителей социальной рекламы, что делает публикуемую здесь продукцию актуальной и востребованной.

¹⁴ См.: <http://www.1soc.ru>

Кроме того, «Лаборатория социальной рекламы» выступает активным участником диалога между общественными организациями и государственными структурами, организует и проводит мастер-классы и тренинги по производству и распространению социальной рекламы, занятия по теории, философии, этике данного вида рекламной деятельности. «Лаборатория» также выступала и выступает организатором, партнером, информационным спонсором фестивалей и конкурсов по социальной рекламе – таких, как «Miracle» (2003), «Кино без барьеров» (2004), «Социальный Петербург – 2004», Московский фестиваль социальной рекламы (2005), фестиваль социальной рекламы в Ростове–на–Дону (2006), фестиваль «Городская среда» (Уфа, 2006), фестиваль “Art Start” (Москва, 2007), Международный фестиваль социальной рекламы в Санкт-Петербурге (2007, 2008, 2009, 2010) и др. Интернет-ресурс www.socreklama.ru является победителем ряда известных конкурсов и фестивалей (Московского Международного фестиваля рекламы (ММФР), Московского фестиваля социальной рекламы, Art-Start, ИДЕЯ! и др.) Высокие оценки на этих фестивалях получили такие видеоролики как: «Дети должны учиться вместе», «Плюшевое счастье», «Оставайтесь людьми», «Профессионалы»¹⁵.

Третьим по времени создания (2003 г.) является интернет-ресурс AdMe.ru. В настоящее время – это крупнейшее в России электронное издание о рынке рекламы, PR и маркетинга, лидер среди сайтов отраслевой рекламы, ориентированных на деловой мир России. Особое внимание его создатели обращают на творческий уровень рекламы, использование инновационных методов решения задач. В 2005 и 2006 гг. данный ресурс был признан лучшим отраслевым сайтом в Рунете и награжден премией «ЕЖЕ РОТОР». Ежедневно посетители AdMe.ru просматривают более 150000 страниц создаваемых здесь рекламных сообщений информации (прежде всего новостной). Месячная аудитория ресурса составляет более 400 000 человек¹⁶.

Авторы этого сайта верят в то, что качественные контент и сервис могут стать ценным вкладом в развитие индустрии рекламы и надеются, что могут помочь российской рекламе стать лучше. Сайт связан с крупнейшими рекламными агентствами, которые снабжают его лучшими работами. Одна из задач сайта – популяризировать качественную российскую рекламу на Западе. AdMe Ltd. является владельцем и издателем популярных проектов о рекламе Coloribus.com / Advertolog.com – платных сервисов для аудитории, занятой в рекламном бизнесе. Он также имеет самый большой в мире рекламный архив, который насчитывает более 160000 лучших работ со всего мира.

За предшествующие восемь лет в Интернете появилось еще много сайтов, публикующих социальную рекламу, и число их продолжает расти.

Какие же возможности возникают для социальной рекламы по мере её расширения в Интернете, по сравнению с возможностями печатных СМИ, радио и телевидения? Ответ на этот вопрос можно получить в ходе их сравнительного анализа. Печатные издания являются старейшим средством распространения рекламы (в том числе и социальной). Они обслуживают большую часть населения, причем, каждое издание достаточно определенно сориентировано на ту или иную аудиторию, обладающую своими информационными потребностями. Восприятие читателями рекламного сообщения может осуществляться сколь угодно долго, возможно неоднократно возвращение к нему в удобное время и в удобной ситуации. Печатная реклама не вызывает такого раздражения, какое способна вызывать, например, навязчивая теле-реклама, бесконечно прерывающая восприятие аудиторией какой-то более интересной для нее информации (ведь читатель может вообще не обращаться к рекламному сообщению, если оно для него неинтересно, а читать какой-то иной материал).

Телевидение – в настоящее время самая известная площадка для размещения любой рекламы (в том числе – и социальной). Телевидение дает возможность расска-

¹⁵ См.: <http://www.socreklama.ru>.

¹⁶ См.: Информация о кампании Эдми.Ру. URL: <http://www.printmagazine.ru/company/63/>.

зять о рекламируемом явлении образно, экспрессивно, используя самые разные аудиовизуальные выразительные средства и жанровые формы, которые нельзя применить в печати, в сетевой рекламе (использовать клипы, видеоролики, игры и т. д.). Однако, восприятие рекламы телевизионной аудиторией происходит пассивно. Кроме того телезрители, чувствуя, что им навязывают рекламные сообщения, часто игнорируют их, выключая телевизор. Кроме того, размещение рекламы на телевидении стоит очень дорого. Так цена единицы рекламного времени на телевидении может сравниться со стоимостью отдельного интернет-проекта.

А вот посетители интернет-сайтов очень активны в поиске необходимой информации, они воспринимают ее с интересом, что повышает возможность воздействия социальной рекламы. Посетитель интернет-сайта по своей воле может получать нужный ему объем информации, исключать то, что ему не нужно. Для социальной рекламы Интернет интересен еще и следующими возможностями:

1. Для социальной рекламы в Интернете не существует географических границ, она может восприниматься потребителями в одно и то же время в разных уголках страны и мира;

2. Одна и та же социальная реклама в Интернете может быть преподнесена на различных языках, что устраняет языковые барьеры для ее распространения;

3. Социальная реклама в Интернете появляется намного оперативнее, чем, например, в печати;

4. В момент восприятия радиотелевизионной или печатной рекламы аудитория практически лишена возможности донести свое мнение о ней до ее производителя. Интернет же позволяет пользователям вести диалог с рекламистами, что способствует результирующему воздействию рекламного сообщения;

5. Различные группы аудитории Интернета получают возможность одновременно акцентировать свое внимание только на тех разделах и данных из разных источников, которые необходимы именно им. Подобное в традиционных СМИ невозможно. Так, посетители сервера "Открытые системы" могут в одно и то же время просмотреть множество изданий, специализированных в определенной, интересующей их тематике (при этом отбор информации ведется автоматически). Разумеется, что этим в значительной мере объясняется то, что данный сервер привлекает к себе внимание потребителей самых разных категорий;

6. При создании рекламных сообщений в Интернете могут быть использованы мультимедийные средства – текст, звук (речь, музыка и пр.), цветное изображение, видео и анимационные эффекты. Все это повышает возможности эмоционального воздействия социальной рекламы на аудиторию;

7. Социальная реклама в Интернете, по сравнению с рекламой в традиционных СМИ, имеет возможность «маневра» в пределах одной и той же рекламной площади – используя размер сообщения, место расположения, форму подачи (то ли в виде новостного блока, то ли в виде баннера, то ли в виде текстового блока), что также определяет стоимость рекламы;

8. Социальная реклама в Интернет может воздействовать избирательно (такая возможность достигается в результате выбора тех или иных рекламных площадок – серверов, на которых освещается подходящая тематика и т. д.).

9. Кроме того, специалисты по маркетингу заметили еще одну особенность воздействия интернет-рекламы, которую назвали «эффектом воронки». Суть ее состоит в том, что пользователи Интернета чаще, чем читатели и телезрители, передают своим знакомым содержание социальной рекламы, с которой знакомятся на сайтах, что значительно расширяет аудиторию;

10. Судя по имеющимся исследованиям, реклама в Интернете (включая и социальную) в целом вызывает меньшее отторжение, чем реклама в традиционных СМИ. Особенно резкий контраст возникает между отношением аудитории к рекламе на те-

левидении и в Интернете (телереклама вызывает отрицательную реакцию у половины телезрителей, а интернет-рекламу в целом одобряют примерно 50 процентов пользователей, а еще около 25 процентов относятся к ней безразлично)¹⁷.

В заключение можно сделать общий вывод о том, Интернет позволяет адресовать социальную рекламу активной целевой аудитории исходя из ее интересов, временного удобства, географического расположения, демографических характеристик и т. д. При этом для аудитории существует реальная возможность вступить во взаимодействие с создателем рекламы в момент ее восприятия. Кроме того, рекламодатели, используя Интернет, вполне могут достичь желаемого результата при значительно меньших затратах на неё, в отличие от затрат на печатную или телевизионную рекламу. Использование Интернета помогает рекламодателю получать в любой момент рекламной кампании полные и достоверные данные о количестве пользователей, их качественной характеристике, что очень важно для анализа эффективности распространения социальной рекламы. Все это, безусловно, привлекает рекламодателей.

Конечно же, в настоящее время еще нельзя утверждать, что социальная интернет-реклама является реальным конкурентом рекламе, публикуемой в печати, передаваемой по радио и телевидению. Это в первую очередь обусловлено тем, что телевидение и печатные СМИ как в России, так и в мире распространены намного шире, чем Интернет. Но если брать в расчет скорость, с которой развиваются интернет-технологии, как быстро растет число пользователей Сетью, то можно полагать, что в будущем она станет важнейшим средством социальной рекламы.

Список литературы

1. Апджон Р., Раффин Х.. Интернет для журналистов. Режим доступа: <http://www.internews.ru/books/internet/contents.html>. (дата обращения: 23. 11. 2010).
2. Астахова Т. Хорошие идеи в Америке рекламируют//Деньги и благотворительность. –1994. – № 3.
3. Бабаев М. Журналистика и Интернет. Режим доступа: http://www.zhurnal.ru/staff/Mirza/e_journ.html. (дата обращения: 07. 03.2009).
4. Геращенко Н. Аудитория Рунета удвоилась за два года. Режим доступа: <http://top.rbc.ru/society/21/12/2010/518817.shtml>. (дата обращения: 23. 12. 2010).
5. Егоров А. Пионеры недикого Запада. Режим доступа: <http://gov.mari.ru/csp/gSDL/cgi/library> (дата обращения: 25. 06. 2010).
6. География пользователей сети Интернет. Режим доступа: http://propel.ru/www/aud_geo.php. (дата обращения: 25. 06. 2010).
7. Европейцы предпочитают Интернет // Российский рекламный вестник». №1. 2005
8. Евгеньева Т. «Позвони родителям!», или «Проголосуй за мистера «Х»!» // Со-Общение. – 2000. – № 10.
9. Интернет в России 2010. Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/cat/smi_int/int290610_pressr#. (дата обращения: 05. 12. 2010).
10. Информация о кампании Эдми.Ру. Режим доступа: <http://www.printmagazine.ru/company/63/#> (дата обращения: 24. 01. 2011).
11. Коркина В. А.Социальная реклама в Интернете как инструмент влияния в публичной политике. М., 2003. – С. 7.
12. Костыгова Ю. Сетевые СМИ: занимательная типология. Мир Internet. № 4. 2002.
13. Крупин А. Суточная аудитория Рунета достигла 29 млн. пользователей. Режим доступа: <http://www.3dnews.ru/software-news/Sutochnaya-auditoriya-Runeta-dostigla-29-mln-polzovateley> (дата обращения: 14. 01. 2011).
14. Основная аудитория Рунета – молодежь. Режим доступа: <http://zgloballingvon.info/g10ba1-11ngv078.html>. (дата обращения: 10. 02. 2011).
15. Печатные СМИ и Интернет: табачок врозь. «Российский рекламный вестник». №1. 2005.
16. РИА «Новости». Режим доступа: (<http://www.rian.ru/society/religion/20050314/39520125.html> (дата обращения: 14. 03. 2008).
17. Хайтина Н. Интернет для журналистов, или журналисты для Интернета. Мир Интернет. – № 4 – 1998.

¹⁷ Интернет в России 2010 (http://bd.fom.ru/report/cat/smi_int/int290610_pressr#)

18. Чурадаев С. Социальная сфера как рекламное пространство // Рекламодатель: теория и практика. – № 3. – 2004.
19. Шерман С. И-зин против Магазина, или Искусство быть плохим. Режим доступа: <http://www.russ.ru/journal/netcult/98-08-20/shermn.htm>. (дата обращения: 15. 01. 2011).
20. Шестерина А. М.. Основы Интернет-журналистики. Тамбов, 2002.– С. 5 – 14.

INTERNET AS A MEANS OF SOCIAL ADVERTISING

M. A. Tertychnaya

*Moscow
Lomonosov State
University*

*e-mail:
Marimb@rambler.ru*

The article is devoted to the analysis of Internet as the actual means of social advertising. Also there is description of the growing of the social Internet-advertisings. The author notes also the specification of social Internet - advertising influences on the audience. The perspective of the social Internet-advertisings is also analyzed in the paper.

Key words: Internet, social advertising, perspective of the social Internet- advertisings.

ПЕДАГОГИКА

УДК 378

СИСТЕМА НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ ВУЗА

М. В. Беняш*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail:
benyash@bsu.edu.ru*

В статье рассмотрены вопросы организации и построения системы научно-исследовательской работы студентов вуза, характеристики ее структурных компонентов: диады «студент – научный руководитель», научной школы, учебно-научного инновационного комплекса.

Ключевые слова: научно-исследовательская работа студентов, система, научный руководитель, научная школа, учебно-научный инновационный комплекс.

Научно-исследовательская работа (НИР) студента – одна из форм самовыражения его личности, его стремления к жизненному самоутверждению, развивает творческие способности, самостоятельность, умение разбираться в потоках информации, отбирать и перерабатывать нужную.

Занимаясь исследовательской работой, студент включен в специфическую деятельность и в систему научно-исследовательской работы студентов вуза, имеющей определенную структуру и особенности.

Система НИР студентов вуза представляет собой сложную инновационную профессионально-образовательную подсистему.

Основываясь на системном подходе, описанном в исследованиях В. П. Беспалько, Ю. В. Васильева, Т. А. Ильиной, Ю. А. Конаржевского, Н. В. Кузьминой, В. С. Лазарева, М. М. Поташника, В. А. Слостенина, П. И. Третьякова и др., мы рассматриваем систему НИР студентов вуза как педагогическую в следующих аспектах:

1. Системность – это производное своих компонентов. Единство и взаимодействие между компонентами, элементами и частями образует систему в рамках заданного качества, обеспечивает ее функционирование и развитие.

2. В системе НИР студентов вуза, как и в любой другой педагогической системе, одним из системообразующих факторов выступает цель, которая нуждается в средствах и способах ее достижения. Действие системы и ее компонентов в реализации цели является, по сути, функцией системы. Следует заметить, что цели, являясь системообразующим фактором в управлении, не возникают сами по себе, а обусловлены, с одной стороны, социальным заказом, формулируемым обществом, а с другой, – запросами самой личности как участника образовательного процесса.

3. Система НИР студентов вуза, как и любая другая педагогическая система, будучи общественной, изменяется, поскольку ей присущи внутренние противоречия.

4. Система НИР студентов вуза функционирует, развивается во внешней по отношению к себе среде. Будучи открытой, она связана с этой средой множеством коммуникаций.

5. Информация, поступающая в систему НИР студентов вуза, как и в любую другую педагогическую систему, и выходящая из нее, является способом связи компонентов системы между собой и с системой как целым, и самой системой как целого - со средой.

6. Различие между состоянием системы НИР студентов вуза, как и любой другой педагогической системы - перспективным, желаемым и существующим определяет управленческий аспект, рассматриваемый с позиции целостности взаимозависимых связей управления, самоуправления и саморегуляции личности [3].

Целесообразным представляется выделение уровней, на которых система НИР студентов оставаясь подсистемой более сложной системы – вуза, обретает черты, характеризующие ее как самостоятельную.

Основанием для выделения уровней примем связи, отражающие упорядоченность системы каждого отдельного уровня и направленность этой упорядоченности [5]. В качестве системообразующих связей такой упорядоченности избраны связи управления. Структура системы может характеризоваться как по «горизонтали» (связи между однотипными, однорядковыми компонентами системы), так и по «вертикали». «Вертикальная» структура приводит к уровневой дифференциации, или иерархии уровней системы.

Структура системы НИР студентов вуза может быть представлена следующим образом (рис. 1).

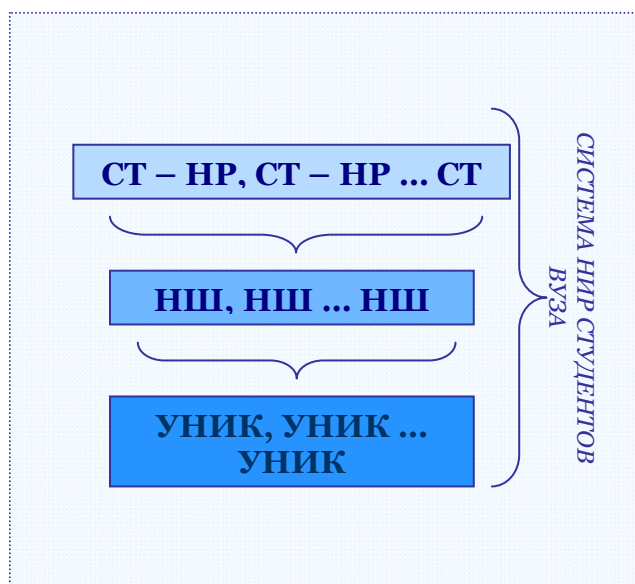

Рис. 1. Система НИР студентов вуза

где «СТ – НР» – диада «Студент – научный руководитель», «НШ» – научная школа, «УНИК» – учебно-научно-инновационный комплекс.

Рассмотрим последовательное построение системы НИР студентов вуза – от базовой структурной единицы до «системного верха».

Базовой атомарной единицей системы НИР студентов нами принята диада «студент – научный руководитель» – в соответствии с общепринятыми нормами и нормативными актами ведения научных исследований.

Вопрос взаимодействия преподавателя и студента при выполнении последним исследовательских работ значим как для оптимизации их результатов, так и для формирования у студента своей исследовательской системы.

Взаимодействие преподавателя и студента в контексте исследовательской деятельности представляет собой научное руководство. Научное руководство – особый

вид деятельности преподавателя (ученого), сознательно направленный на подготовку студента к самостоятельной исследовательской деятельности в соответствии с необходимостью реализации им собственной сущности и самоактуализации. В данном контексте НИР рассматривается как одно из важнейших средств повышения уровня подготовки специалистов с высшим профессиональным образованием через освоение студентами в процессе обучения по основным дополнительным планам основ профессионально-творческой деятельности, методов, приемов и навыков выполнения научно-исследовательских работ, развитие способностей к научному творчеству, самостоятельности, инициативы в учебе и будущей жизнедеятельности [6]. Анализ литературы позволяет говорить о трех основных формах реализации научного руководства: научная опека, обсуждение, консультирование. Как правило, имеет место переход от развернутого и последовательного сопровождения студента к свернутому и эпизодическому, предоставляющему ему возможность для проявления максимальной активности и самостоятельности при выполнении исследования. Научная опека обычно охватывает весь период и все этапы исследования – от обсуждения темы до отработки окончательного варианта выступления при защите выполненной работы; часто научная опека граничит с подменой студента научным руководителем в принятии творческих решений. Обсуждение как форма сопровождения предполагает относительно систематическое или эпизодическое отслеживание преподавателем хода и результатов исследования студента, предоставляя последнему достаточную самостоятельность в работе. Консультирование связано с максимальной самостоятельностью и активностью студента при проведении исследования и обращением к преподавателю на отдельных этапах работы и в отдельных ситуациях.

Выбор научного руководителя часто происходит в ситуации, когда студент слабо ориентируется в соотношении сил в выбранном научном поле и опирается скорее на собственные впечатления или впечатления других студентов. Мотивом выбора в этом случае является интерес к теме или человеку.

В исключительных случаях, когда, например, студент включен в сообщество через родственников, выбор научного руководителя делается более «рационально» [4].

«Расчет» при выборе научного руководителя появляется на более поздних стадиях обучения – на старших курсах или при поступлении в аспирантуру – когда студент уже распознает позиции потенциальных руководителей в научном поле.

Естественным представляется тот факт, что именно научный руководитель задает определенный стиль взаимоотношений со своими учениками.

В нашем исследовании мы взяли за основу классификацию, предложенную Ольгой Дюсте – профессором Бергенского университета [8], в соответствии с которой можно выделить три основные модели научного руководства: учительскую (*teaching model*), партнерскую (*partnership model*) и ученическую (*apprenticeship model*).

Учительская модель взаимодействия основана на статусных различиях научного руководителя и студента. Первый в данном случае выступает как эксперт, указывающий на недостатки представляемой ему работы и способы их исправления, второй – зависим от него, обязан четко следовать рекомендациям и не несет большой ответственности за свою работу. Пассивность ученика в этой модели может быть обусловлена прагматическими соображениями, и, как следствие, его намеренным отказом от собственных научно-творческих амбиций.

Партнерская модель характеризуется большей симметричностью статусов, большей независимостью и ответственностью студента. Пример партнерской модели – научный семинар.

Третья модель – ученическая, или модель «мастер – подмастерье», характерная, по мнению Дюсте, для естественных наук. Суть этой модели в том, что научные руководители включают в свои проекты студентов и аспирантов, в гуманитарных науках в качестве младших коллег, в естественных – в качестве подмастерьев.

Ряд исследователей, в частности В. Куклина, выделяет еще две модели научного руководства – минималистскую и формальную. В обеих моделях взаимодействие сту-

дента и научного руководителя минимально, что обусловлено двумя разными причинами.

Минималистская модель предполагает высвобождение творческого потенциала ученика, принципиальное значение приобретают высокая личная ответственность ученика за качество собственной работы и желание выглядеть достойно в глазах научного руководителя.

Формальная модель свидетельствует о загруженности научного руководителя или его недобросовестном отношении к своим обязанностям. В этом случае студент может найти неофициального научного руководителя, заинтересованного в работе с ним.

Научный руководитель – значимая фигура, основной проводник в научное сообщество для молодого исследователя. При этом, формальная заданность таких параметров научной работы студента, как наличие научного руководителя и необходимость написания некоторой квалификационной или иной работы, не предопределяет заданности конкретного сценария взаимодействия в диаде «студент – научный руководитель».

Необходимым элементом формирования и эффективного функционирования системы НИР студентов является интеграция исследовательской деятельности диады «студент – научный руководитель» в соответствующую научную школу или научную тематику структурного подразделения, такого как кафедра или научно-исследовательская лаборатория (центр). В таком включении диада может сохранять свой первоначальный состав или преобразовываться в триады несколько иного соподчинения (например, такого вида «ученый – аспирант – студент» или др.). Следует отметить, что конфигурация научно-исследовательской команды предопределяется широтой и многоуровневостью проблематики, традициями в организации исследований в конкретном подразделении.

Образование научных школ – традиция, явившаяся следствием особенностей культурно-исторического развития России, некоторые из которых В. И. Вернадский характеризовал следующим образом: «В России начало научной работе было положено правительством Петра, исходившего из глубокого понимания государственной пользы. Но эта работа быстро нашла себе почву в общественном сознании и не прерывалась в те долгие десятилетия, когда иссякла государственная поддержка научного творчества (...). Она создавалась при этом интеллигенцией страны (...) создавалась их личным усилием, по личной инициативе или путем образуемых ими организаций...» [1].

Научные школы – это неформальные коллективы, которые, являясь ядром научного сообщества, играют особую роль в формировании гражданского общества.

Понятие «научная школа» многозначно и имеет различные смысловые оттенки. Теория науки представляет научную школу как один из типов научного сообщества, особую форму кооперации научной деятельности.

Научная школа представляет собой феномен, сопряженный с другими научно-социальными объединениями и структурами науки: научная дисциплина, научное направление, организация (институт, лаборатория, сектор, кафедра) и др.

Ярошевский М. Г. указывает: «Термин «школа» ... при всей своей неопределенности (...) означает, по общепринятому мнению историков, во-первых, единство обучения творчеству и процесса исследования, во-вторых, позицию, которой придерживается одна группа ученых в отношении других» [7].

Суть научной школы заключается в трансляции не только предметного содержания, но, прежде всего, культурных норм и ценностей научного сообщества от старшего поколения к младшему.

Научная школа является инструментом «воспитания исследовательского стиля мышления (...) определенного способа подхода к проблемам» [7].

Кроме того, научная школа – это организация тесного, постоянного, неформального общения ученых, обмена идеями и обсуждения результатов, способствующая развитию новых представлений в области науки.

В своем исследовании мы придерживаемся точки зрения О.Ю. Грезневой, выделившей следующие особенности научных школ:

- системообразующим элементом является личность «учителя» - основателя школы;
- целью педагогической деятельности является не передача знаний, умений, навыков как таковая, а обучение научному творчеству;
- содержание деятельности и подготовки отличается нестандартностью и новизной подходов, поскольку научные школы работают на передовых рубежах науки;
- содержание подготовки не сформулировано, т.к. не может быть полностью вербализовано и регламентировано такими атрибутами учебного процесса, как учебный план, расписание занятий, учебниками и т. п.;
- систематичность и последовательность освоения содержания подготовки определяется логикой научно-исследовательской деятельности;
- педагогический процесс в научной школе не может быть ограничен временными рамками;
- методы, средства и формы обучения и научно-исследовательской деятельности зачастую совпадают (например, семинары);
- процесс обучения не оторван от будущей профессионально научной деятельности, а «погружен» в процесс самой научно-исследовательской деятельности;
- «ученикам» (студентам, аспирантам, молодым ученым) предоставляется свобода выбора темы исследования в рамках научно-исследовательской программы школы, причем сложность ее, как правило, оптимально соответствует возможностям «ученика»;
- индивидуализация обучения сочетается с коллективным характером научно-исследовательской деятельности;
- результатом является становление ученика как ученого, получение объективно нового научного знания [2].

Системным «верхом» в организации системы НИР студентов вуза являются учебно-научные инновационные комплексы (УНИК), в рамках которых формулируется стратегия вуза в области научных исследований, создается благоприятный инновационный климат для научно-исследовательской работы в целом, реализуются инновационные научно-образовательные программы. Структуру УНИК образуют подразделения вуза – центры, конструкторские бюро, лаборатории, отделы, а также внешние партнеры – научно-исследовательские университеты, фонды, предприятия и др. на договорной основе.

Организация НИР студентов вуза на макроуровне – уровне УНИК позволяет решить ряд задач, среди которых:

- создание условий для развития лучших и формирования новых научных школ по приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники;
- социальная защита и стимулирование элитных научных кадров и талантливой молодежи;
- повышение социального статуса молодых ученых и преподавателей;
- включение молодежи в инновационную деятельность, создание условий для успешной коммерциализации разработок студентов и молодых ученых;
- создание условий для освоения и применения молодыми преподавателями новых образовательных технологий;
- формирование эффективной системы материального и морального стимулирования творческой активности молодежи в условиях интеллектуальной конкуренции и соревнования.

Представленная структура системы НИР студентов вуза направлена на обеспечение эффективного функционирования данной системы как элемента дополнительного образования, привлечение внебюджетных источников финансирования в сферу образо-

вания, повышение качества реализуемых образовательных программ творческого образования, а также предоставление возможности обучающимся получить научно-методологические знания и навыки и быть конкурентоспособными на рынке труда.

Список литературы

1. Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. М., 1988. – 336 с.
2. Грезнева О. Ю. Научные школы (педагогический аспект). – М., 2003. – 69 с.
3. Давыденко Т. М., Беньаш М. В. Система стимулирования научно-исследовательской работы студентов и молодых исследователей // «Высшее образование сегодня», 2008 г., – № 11. – С. 18 – 21.
4. Куклина В. Фигура научного руководителя и кандидатская диссертация в биографии молодого гуманитария // *Communitas*. 2006. – №2. – С. 106 – 115.
5. Сальцева С. В. Теория и практика профессионального самоопределения школьников в учреждениях дополнительного образования / С. В. Сальцева. – М.: Перспектива, 1996. – 35 с.
6. Шестак В. П., Мосичева И. А., Скибицкий Н. В. Научно-исследовательская работа студентов: проблемы и решения. – М.: Издательство МЭИ, 2006. – 200 с.
7. Ярошевский М. Г. Логика развития науки и научная школа // Школы в науке / Под ред. С. Р. Микулинского, М. Г. Ярошевского, Г. Кребера, Г. Штейнера. М., 1977. – С. 7 – 97.
8. Dysthe O. Professors as Mediators of Academic Text Cultures. An Interview Study With Advisors and Master's Degree Students in Three Disciplines in a Norwegian University // *Written Communication*, Vol.19. – № 4. October 2002. P. 493 – 544.

SYSTEM OF UNIVERSITY STUDENTS RESEARCH WORK

M. V. Benyash

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
benyash@bsu.edu.ru*

The article deals with the issues of organization and construction of the system of students research in the university. Also, it considers the characteristics of its structural components: the dyad «student – supervisor», scientific school, educational and scientific innovation complex.

Key words: students research work, supervision system, scientific school, educational and scientific innovations, educational complex.

УДК 378.032

СОСТАВЛЯЮЩИЕ МЕТОДИКИ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ В ВУЗЕ

И. Ю. Гусленко*Восточноукраинский
национальный
университет
им. В. Даля**e-mail:
krasnopolsky@snu.edu.ua*

В статье анализируется понятие методики эстетического воспитания, систематизируются подходы к эстетическому воспитанию студентов в вузе, определяются его составляющие: цели, задачи, принципы, методы, формы, способы и средства.

Ключевые слова: методика, эстетическое воспитание, формирование личности, гармоничное развитие, эстетическая деятельность, эстетическая самореализация, самосовершенствование.

Проблема эстетического воспитания является актуальной для высшей школы, которая с одной стороны – отвечает за сохранение национального интеллектуального потенциала, а с другой стороны – имеет определенные проблемы в усилении воспитательного влияния на студентов и в преодолении определенного скептицизма, который существует в отношении эстетического воспитания в вузе вообще.

Методика – одна из составляющих педагогической науки. Огромное количество современных ученых посвятили себя исследованию проблем, связанных с общей методикой воспитания и с частными методиками преподавания отдельных дисциплин (Б. Вульф, С. Гончаренко, П. Гуревич, В. Краевский, В. Кукушин, А. Пономарёв, С. Резник). Теоретические наработки по методике эстетического и художественного воспитания изложены в трудах украинских и российских ученых А. Бутова, Д. Джола, Д. Кабалевского, Н. Киященко, Б. Лихачева, Н. Миропольской, Б. Неменского, О. Рудницкой, В. Шацкой, Г. Шевченко, А. Щербо и др. Разработка проблем эстетического воспитания также отражена в многочисленных диссертационных исследованиях (А. Алексейчук, К. Бабенко, Р. Беланова, Т. Борисова, Р. Звинка, И. Ильинская, В. Иванова, Н. Карпунова, Т. Крижановская, О. Кучерук, И. Лавриш, Ю. Максимчук, Г. Разумная, Т. Ротерс, В. Швирка и т. д.).

Воспитание как организованный процесс – один из самых важных способов адаптации подрастающего поколения к современной жизни и формирования личности. Поэтому в педагогике остается актуальным вопрос о поисках оптимальных способов его организации, то есть его методики, это касается и методики эстетического воспитания студентов в высших учебных заведениях.

Цель статьи – раскрыть сущность методики эстетического воспитания студентов, систематизировать подходы к эстетическому воспитанию в вузе, определиться с его составляющими: целями, задачами, принципами, методами, формами, способами и средствами.

Методика показывает пути для достижения цели, к которой мы стремимся. Таким образом, цель методики эстетического воспитания состоит в оптимизации воспитательного процесса в вузе на основе предложенной совокупности методов и способов, которые способствуют эффективному эстетическому воспитанию студентов. Но даже самая лучшая методика не будет эффективной, если она не учитывает индивидуальные особенности тех, для кого она предназначена, потому в процессе формирования будущих специалистов в вузе и организации учебно-воспитательного процесса нельзя не обращать внимание на возрастные и социально-психологические особенности студенческой молодежи.

Одна из проблем эстетического воспитания студентов состоит в том, что молодежь, которая приходит в университет, уже имеет достаточно четкие представления о прекрасном, сформированные вкусы и идеалы. Молодые люди в возрасте семнадцати-

восемнадцати лет являются сформированными личностями с определенным духовно-эстетическим и жизненным опытом, который влияет на степень развития их эстетического восприятия мира, ощущение прекрасного в жизни и искусстве. Молодежь к началу обучения в вузе уже имеет устоявшиеся, хоть иногда и ошибочные, вкусы, идеалы, взгляды и суждения, которые касаются отношений между людьми; достаточно четкие музыкальные, литературные, художественные предпочтения.

К сожалению не одиноки случаи «массовой отчужденности обучающихся от учебной деятельности и ее продуктов; повышение у детей и молодежи интереса к зрелищным формам культуры, пропагандирующим насилие, безнравственность, бездуховность» [2, с. 19]. В тоже время, юношеский возраст – наиболее чувствительный к всевозможным преобразованиям, и педагоги высшей школы не должны игнорировать этот факт при организации процесса эстетического воспитания, задачи которого, с нашей точки зрения, лежат в том, чтобы: развивать у студентов способность восприятия, освоения, умения оценить эстетическое в искусстве и жизни; совершенствовать эстетическое сознание студентов; способствовать гармоничному развитию и самосовершенствованию; создавать условия для реализации творческих способностей в учебной и научно-исследовательской работе, в сфере художественной, духовной, физической культуры.

Главная задача высшего образования – овладение профессиональными знаниями, подготовка профессионалов-интеллектуалов наивысшего уровня. Известный украинский педагог И. Бех подчеркивает, что профессионально-познавательная деятельность является основной социальной детерминантой, которая определяет нравственный и духовный рост молодого человека. Именно она, профессиональная деятельность, должна быть источником развития морально совершенной личности. Такая деятельность непосредственно трансформируется в собственно профессиональную деятельность, связанную с духовными поисками [3, с. 245]. Необходимо учитывать и то, что узкопрофессиональная подготовка специалистов уже не соответствует требованиям времени, и важным компонентом профессионального образования становится личностная культура выпускника, его духовно-нравственный облик, отношение к коллегам, обществу, природе. Высшее образование перестает быть только профессиональным, оно является элементом общей культуры человека, в том числе и «толчком» для развития его эстетической культуры.

Учебно-воспитательный процесс в вузе должен объединять в себе утилитарные задачи предоставления профессиональных знаний и поиска моделей для воспитания «человека культуры». Шевченко Г. отмечает, что «организация процесса обучения в высшей школе на основе эстетической деятельности выступает мощным фактором самосовершенствования личности в процессе профессиональной подготовки. Конкретным проявлением, результатом эстетической деятельности в высшей школе есть эстетическая культура специалиста...Эстетическая культура способствует гармонизации отношений человека с окружающим миром, является важным стимулом для самообразования, построения внутреннего мира» [14, с. 221].

Общепринятая цель эстетического воспитания – формирование у личности эстетического отношения к окружающему миру. Цель эстетического воспитания студентов вузов можем определить как – воспитание личности, которая объединяет в себе высокий профессионализм и гуманизм, имеет сформированное эстетическое сознание и владеет способами эстетического освоения мира. Через призму эстетического сознания человек формирует связь с действительностью и направляет свою деятельность на эстетическое преобразование окружающей действительности.

В разработке структуры эстетического воспитания важна теория М. Кагана, в которой речь идет о том, что овладение миром проходит через пять видов деятельности – познавательную, ценностно-ориентационную, преобразовательную, коммуникативную, художественно-эстетическую. Указанные виды человеческой деятельности «оказываются синкретически слитыми» в сознании человека в его восприятии

мира [9, с. 13]. Чем больше личность задействована в указанных видах деятельности, тем более высок уровень ее эстетического овладения миром, тем больше она готова к преобразованиям в мире и в себе. Художественно-эстетическая деятельность – неотделима от всех остальных видов деятельности. Художественная деятельность, прежде всего, проявляется в восприятии и создании художественных произведений, произведений искусства, через музыку, картины, художественное слово. Эстетическая деятельность более широка в своих проявлениях. Личность, которую научили воспринимать и эмоционально чувствовать прекрасное во всех его проявлениях, будет стараться находить вдохновение для своей эстетической деятельности в природе, труде, быте, искусстве, в отношениях между людьми.

В монографии «Искусство слова в структуре художественной культуры учащегося» Мировпольская Н. выделяет следующие доминантные структурные характеристики эстетического и художественного воспитания: эстетическое созерцание, эстетическое переживание, эстетическая деятельность [8, с. 29]. Указанные компоненты имеют явную последовательную связь между собой, они взаимно усиливают своё влияние на личность, наслаиваясь друг на друга. Сформированная способность к созерцанию дает возможность перейти к более высокой ступени восприятия – эстетическому переживанию, которое выражается в эмоциях и чувствах, в наличии эстетических ценностей. Способность ощущать эстетические переживания – предпосылка способности к эстетической деятельности, что является наивысшей ступенью эстетического развития и свидетельством того, что человек может реализовать себя в творчестве.

Анализируя структурные составляющие, в которых проявляется процесс развития художественно-эстетической культуры, Т. Крижановская вычленяет такие сферы: когнитивную (интеллектуальную); аффектную (эмоционально-ценностную); регулятивную (творческо-деятельностную) [7, с. 86].

Независимо от выбора приоритетной схемы эстетического воспитания, только сформированность и воздействие всех ее компонентов могут привести к эстетическим преобразованиям личности, формированию истинного человека культуры.

Реализация задач и идей эстетического воспитания во многом зависят от принципиальных положений, которые определяют организацию воспитательной работы в вузе. Принципы эстетического воспитания (как и воспитания в целом) включают исходные положения, в которых изложены общие требования к содержанию, методам, организации воспитательного процесса. Рассматривая самые важные составляющие системы эстетического воспитания студентов считаем необходимым выделить следующие принципы: всеобщность эстетического воспитания и художественного образования; комплексный подход; эстетическая целостность образовательного пространства; единство народности и поликультурности в воспитании; диалогичность; связь между эстетической самореализацией и формированием мировоззрения; единство восприятия эстетического личностью и ее общим психическим развитием.

Всеобщность эстетического воспитания проявляется в том, что молодежь постоянно сталкивается с эстетическим во время обучения, труда и общения. Нашему исследованию близка мысль о том, что «результативность образовательных процессов зависит от «культурного поля», культурной среды, культурного пространства, в котором реализуются образовательные цели и нагромождаются ценностные знания и интеллект» [1, с. 96]. Культурно-образовательное пространство способствует включению личности в ценностно-смысловой мир культуры, сохранению социальной целостности и личностной самореализации [5, с. 52].

Комплексный подход к эстетическому воспитанию проявляется в том, что «эстетическое воспитание методами искусства и действительности является органичной частью, своеобразной дополнительной функцией любого вида воспитания» [11, с. 63]. Взаимодействие искусств в учебно-воспитательном процессе, использование разных методов воздействия на сознание человека, способствует более эмоциональному восприятию, как самого произведения искусства, так и более яркому восприятию объекта действительности, или же темы, которая изучается на занятии.

Эстетическая целостность образовательного пространства многоаспектна, она пронизывает эстетической направленностью и эстетическим смыслом все виды деятельности. Все учебные дисциплины, все внеаудиторные мероприятия, все явления искусства и действительности имеют эстетическое влияние на личность и воспитательное воздействие. Эстетическая целостность образовательного пространства зависит от множества факторов: «от общей и эстетической культуры субъектов эстетического процесса, от их эстетического мировосприятия и эстетического отношения к миру. Любой учебный предмет имеет в своей структуре эстетический компонент, который способствует созданию целостного образа мира, другими словами – эстетической картины мира» [15, с. 222].

Народность и поликультурность воспитания предполагает: развитие способности восприятия современного многоязычного мира, комплексное билингвистическое и поликультурное развитие личности, создание условий для развития культурного творчества [4, с. 45] на основе формирования чувства национальной самоидентичности и самосознания, этнической принадлежности к своему народу, воспитание студентов как типичных носителей национальной культуры.

Принцип эстетического диалога в широком смысле понимаем как «своеобразную переключку культур разных поколений, как соотнесенность опыта субъектов общения на основе аналогии эстетических традиций» [13, с. 85].

Художественно-эстетическая деятельность влияет на формирование мировоззрения и нравственности только тогда, когда личность может понимать и чувствовать художественно-эстетические явления, проникать в их сущность, переживать адекватные чувства и эмоции, соотносить своё эстетическое восприятие со своей деятельностью, своим мировоззрением.

При организации воспитательных мероприятий в процессе воспитания и обучения непременно учитываются психологические закономерности восприятия эстетического молодежью, уровень эстетического развития. Учет возрастных и индивидуальных особенностей, интересов и предпочтений, эстетического опыта и сформированности эстетических представлений – непременная составляющая эстетического воспитания.

Метод – основной инструмент воспитательной деятельности. К методам эстетического воспитания традиционно относят: ознакомление и анализ произведений искусства, эстетических проявлений в жизни; организация и решение эстетических задач; приобщение к занятию искусством; убеждение; показ положительного примера; поощрение эстетической деятельности и творчества.

В зависимости от того, какими методами пользуются педагоги, применяются те формы работы, которые являются наиболее эффективными в конкретных условиях. Обычно это – лекции, практические занятия, семинары, кружки, экскурсии, диспуты, вечера, коллективные творческие дела, проекты, конкурсы, т. д. Указанные формы работы не являются присущими только лишь эстетическому воспитанию, но задача воспитателя – выявить и использовать возможности, которые дают эти виды работы, для того, чтобы расширить эстетический кругозор студентов, приобщить их к творческой деятельности, решить те или другие эстетические задания. В процессе обучения студентов в вузе необходимо использовать богатые возможности для эстетического воспитания, которые предоставляют дисциплины гуманитарного цикла: история, культурология, эстетика, языковые дисциплины. Формы эстетического воспитания могут быть разными, но эффективны они только тогда, «когда не прерываются, ни в личной, ни в общественной жизни, то есть процесс эстетического воспитания и самовоспитания должен продолжаться постоянно» [16, с. 183].

Источниками эстетического воспитания является все окружающее. Отдельные его формы могут воздействовать как стихийно. так и быть сознательно вовлеченным в практику воспитания [12, с. 55]. Традиционный источников способов эстетического

воспитания достаточно весомый: это и природа, и окружающая среда; разнообразные виды искусства и культуры.

Язык, как безусловное воплощение культурного своеобразия любой нации, также является одним из факторов эстетического воздействия. Слово – основной способ общения, независимо от источника информации. Способность ощущать красоту слова формирует «эстетическую логосферу» (Н. Миропольская). Эстетическое воспитание средствами языка – «это воспитание на чувствах, эмоциях, это ассоциативное воспитание на соответствующем дидактическом языковом материале на основе художественного текста, который является глубочайшим источником обогащения словарного запаса, культуры речи» [6, с. 82].

Корректно выбранные методы и формы, безусловно, влияют на эффективность работы по эстетическому воспитанию. Результат действенности эстетического воспитания проявляется в эстетической воспитанности личности, которая «основывается на органическом единстве развитых природных сил, способностей восприятия, эмоционального переживания, воображения, мышления и художественно-эстетической образованности. На этом фундаменте возникает и формируется творческая индивидуальность, ее эстетическое отношение к искусству, к самой себе, своему поведению, к людям и общественным отношениям, к природе и труду» [10, с. 293].

Воспитание гармонично развитой личности в вузе ставит перед обществом задачи интеграции эстетического воспитания в педагогический процесс. Эстетическое воспитание должно быть системным и целостным, организованным с учетом возрастных, психологических и социальных особенностей студентов; нацеленным на формирование у них вкусов, идеалов, эстетических знаний, на умение делать самостоятельные суждения и выводы, на развитие творческих способностей и стремление к постоянному самосовершенствованию.

Список литературы

1. Антоненко Т. Л. Культура почуттів у структурі духовної культури учнівської молоді. // Формування духовної культури учнівської молоді засобами мистецтва: Монографія / Г.П.Шевченко, О. С. Бєлих, Є. А. Зеленов, Т. Л. Антоненко та інші. – Луганськ: Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2006. – С. 85 – 113.
2. Белова С.В. Гуманитарное образование: текстуально-диалогическая модель // Педагогика №:7. – 2007. – С. 19 – 27.
3. Бєх, І. Д. Виховання особистості : У 2-х кн.: Навч.-метод. посібник . / І.Д. Бєх . – К. : Либідь, 2003. Кн. 2. – 280 с.
4. Габидуллина Л. Л., Сырцова Е. . Реализация идей поликультурного образования при обучении английскому языку // Ярославский педагогический вестник. – 2003, № 1 (34)/ – С. 42 – 46.
5. Гатальский В. Д. Культурно-образовательное пространство как социально-педагогическая система. // Педагогика № 37, 2009. – С. 52 – 57.
6. Долматова М. П. Художній текст як чинник мовно-естетичного впливу // Педагогіка і психологія. Вісник АПН України. № 2 (42), 2004. – С. 79 – 86.
7. Крижанівська Т. І. Методика комплексного використання мистецтв у процесі розвитку художньої культури молодших школярів на уроках музики. Дис. канд.. пед. наук. 13.00.02. Київський державний ун-т культури і мистецтв. – К., 1998. – 224 с.
8. Миропольська Н. Є. Мистецтво слова в структурі художньої культури учня: теорія і практика / Н. Є. Миропольська. – К.: Парламентське видавництво. – 2002, – 204 с.
9. Каган М. С. Системно-синергетический подход к построению современной педагогической теории. // Педагогика культуры № 3 – 4, 2005. – С. 12 – 21.
10. Лихачев Б. Т. Педагогика. Курс лекций: Учебное пособие для студентов педагогических учебных заведений и слушателей ИПК и ФПК. – М.: Прометей. Юрайт, 1998. – 464 с.
11. Лихачев Б. Т. Теория эстетического воспитания школьников: Учебное пособие по спецкурсу для студентов педагогических институтов. – М.: Просвещение, 1985. – 176 с.
12. Методологія і методика виховання студентів. навчально-методичний посібник. / Дереча О. А., Заглада О. А., Литвак П. В., Малиновський А. С. та ін. – Житомир: Видавництво «Волинь», 2004. – 172 с.

13. Суходольская-Кулешова Л.В. Формирование эстетической культуры будущего учителя // Педагогика. – 2003, № 7/ – С. 83 – 87.

14. Шевченко Г. П. Совершенствование человека – задача образования XX века. // С. 219 – 225.

15. Шевченко Г. П. Духовна культура і педагогіка. // Формування духовної культури учнівської молоді. Збірник наукових праць. / За загальною редакцією член-кор. АПН України, доктора педагогічних наук, професора Г. П. Шевченко. – Луганськ, 1997. – 200 с.

16. Эстетика: Навч. посіб./М. П. Колесніков, О. В. Колеснікова, В. О. Лозовой та ін. За ред. В. О. Лозового – К.: Юрінком Інтер, 2005. – 208 с.

COMPONENTS OF METHODS OF AESTHETIC EDUCATION OF UNIVERSITY STUDENTS

I. Y. Guslenko

*Volodymyr Dahl
East Ukrainian
National
University*

*e-mail:
krasnopolsky@snu.edu.ua*

The article deals with analysis of the concept of aesthetic education methods, systematization of approaches to aesthetic education of university students, determination of its key components: purposes, tasks, methods, forms and means.

Key words: methods, aesthetic education, formation of personality, harmonious development, aesthetic activity, aesthetic self-realization, self-perfection.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ НА РАЗЛИЧНЫХ УРОВНЯХ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ*

И. Ф. Исаев
Е. И. Ерошенкова
Е. Н. Кролевецкая

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
isaev@bsu.edu.ru
eroshenkova@bsu.edu.ru
krolevetskaya@bsu.edu.ru*

Статья посвящена выявлению особенностей развития научного потенциала личности на различных уровнях высшего профессионального образования: на специалитете, бакалавриате и в магистратуре. Авторами раскрываются основные направления организации научно-исследовательской работы студентов, дается характеристика ее основных видов.

Ключевые слова: научный потенциал, научно-исследовательская работа, уровни высшего профессионального образования, специалитет, бакалавриат, магистратура.

Реформирование российской высшей школы, переход на ФГОСы третьего поколения потребовали переосмысления образовательных, исследовательских, профессиональных задач и выдвижение в качестве приоритетной задачи - развитие научного потенциала личности обучающегося. В настоящее время развитый научный потенциал личности рассматривается как неотъемлемая характеристика личности, входящая в структуру представлений о профессионализме, компетентности в любой сфере культуры и общества, стиль жизни современного человека.

В различных фундаментальных и поисковых исследованиях научный потенциал личности рассматривается как: скрытые возможности в освоении современного образовательного и научного пространства, обуславливающие творческое изучение личностью образовательной программы, решение современных проблем научного знания, стремление к самообразованию и творческому саморазвитию на протяжении всей жизни; потребности и мотивы познания, интеллектуальные способности, познавательные ресурсы и т. д. (Р. И. Кузьмин, А. А. Орлов, С. В. Шмачилина и др.). Также нами были изучены и проанализированы исследования, касающиеся развития научного потенциала личности: в области развития научного потенциала личности в рамках различных методологических подходов (Д. Б. Годовикова А. Н. Дахин, О. Л. Князева, В. А. Мясников, А. С. Обухов, И. Осмоловская, П. И. Пидкасистый, А. Н. Поддьяков, В. А. Слостенин, М. Н. Скаткин, А. В. Хуторской, Т. И. Шамова и др.); в контексте реализации научного потенциала личности на различных этапах его развития (Н. Г. Алексеев, А. В. Леонтович, А. В. Обухов, Л. Ф. Фомина и др.).

На основе анализа информационных источников, проводимого в рамках реализации Федеральной Целевой Программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. исследования, посвященного разработке культуротворческой модели развития научного потенциала личности различных категорий обучающихся, научный потенциал личности мы понимаем как интегративное личностное образование, представленное совокупностью образовательных научно-мировоззренческих ценностей, накапливаемых в процессе обучения и используемых для получения новых знаний в образовательных целях, как способ исследовательской деятельности личности, проявление ею творчества в учебном исследовании; как специфический способ саморазвития ее сущностных сил, социализации и самоопределе-

* Исследование выполнено в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 годы. Госконтракт № 02.740.11.0426.

ния. Исходя из такого понимания сущности научного потенциала личности, его развитие в высшей школе сегодня не должно ограничиваться фрагментарным включением методов исследовательского обучения в образовательную практику. Развитие научного потенциала личности обучающегося необходимо рассматривать как целенаправленную работу в условиях реализации взаимосвязи образования, исследовательской и профессиональной деятельности на различных уровнях высшего профессионального образования (уровне подготовке специалиста, бакалавра, магистра).

Объединение усилий образовательной, исследовательской и профессиональной деятельности в процессе обучения личности в вузе является основополагающим для совершенствования образовательного процесса, повышения качества выпускаемых специалистов, бакалавров, магистров, развития их научного потенциала, научного потенциала учебного заведения и страны, в целом. По нашему мнению, занятия наукой содействуют формированию готовности личности к творческой реализации полученных в вузе компетенций, способствуют овладению методологией научного поиска, обретению исследовательского опыта, в процессе которого происходит осознание личностью необходимости дальнейшего самосовершенствования, саморазвития.

К мероприятиям, способствующим развитию научного потенциала личности в вузе, можно отнести: организацию проектной деятельности; проведение тренингов, формирующих ту или иную компетенцию в рамках практических занятий; приобщение обучающихся к работе в составе исследовательских групп ученых университета, организацию самостоятельной научно-исследовательской деятельности личности и др.

Технология реализации научно-исследовательской деятельности складывается из последовательности следующих этапов: 1) мотивация научно-исследовательской работы; 2) выбор направления исследования; 3) выдвижение гипотезы и постановка задачи; 4) фиксирование и предварительная обработка данных; 5) обсуждение результатов исследования, выдвижение и проверка гипотез; 6) оформление результатов работы; 7) представление исследовательской работы. Главными чертами научно-исследовательской деятельности при этом являются: преимущественно объективный характер получаемых знаний; результат, материализованный в описании реальности, прогнозировании развития процессов и последствий событий; наличие теоретического обобщения полученных результатов исследования; обязательное включение эксперимента в индивидуальную исследовательскую работу; многообразие форм представления результатов исследовательской работы.

Таким образом, научно-исследовательская деятельность обучающихся в вузе направлена на выявление объективно существующих закономерностей, явлений, процессов, но имеет свои задачи на различных уровнях высшего профессионального образования, вытекающие в определенные особенности развития научного потенциала личности студентов, бакалавриантов и магистрантов соответственно. Раскроем эти особенности.

Подготовка студентов к развитию их научного потенциала, приобщение к исследовательской деятельности предполагает формирование у студентов представлений о том, как ведется научный поиск, добываются новые знания. В этом отношении педагогическая теория и практика интенсивно разрабатывает новые образовательные технологии, построенные на исследовательском поиске обучающегося: «метод проектов», продуктивные методы обучения, проблемное и развивающее обучение, технология развития критического мышления.

Необходимым элементом учебно-воспитательного процесса в вузе является научно-исследовательская работа студентов (НИРС). В общем виде она состоит из следующих элементов: работа в научных кружках; участие в конкурсах научных работ; участие в выставках научных работ; участие в студенческих конференциях; подготовка студенческих публикаций; работа в студенческих учебно-научно-производственных отрядах и т.д. В условиях инновационного университетского образования НИРС перестает быть результатом энтузиазма студента, преподавателя или кафедры. Научное

творчество становится нормативным средством развития научного потенциала будущих специалистов, которые уже в период обучения в университете вносят посильный вклад в разработку теоретических и прикладных проблем различных отраслей научного знания. Важнейшей задачей преподавательского состава является выявление и отбор студентов, проявивших склонность к исследовательской деятельности. Участие в научно-исследовательской работе кафедры через выполнение курсовых и дипломных проектов в виде НИР, участие в производственной практике в форме НИР, участие в проведении диссертационных исследований аспирантов кафедры и др. позволяет студентам реализовать свой творческий и научный потенциалы в процессе учебы в вузе. Наряду с экспериментальными исследованиями студенты выполняют сбор и обработку статистических данных, принимают участие в составлении и подготовке различной компьютерной продукции. Результаты научных изысканий студенты представляют на конференциях, научных семинарах кафедр.

В практике высшей школы положительно зарекомендовали себя следующие направления организации научно-исследовательской работы студентов:

- совместное участие студентов и преподавателей в выполнении различных НИР;
- участие студентов в проведении прикладных, методических, поисковых и фундаментальных научных исследований;
- поддержка и развитие научных школ и научно-образовательных центров вузов, развитие мобильности и обеспечение преемственности поколений;
- развитие у студентов способности выносить самостоятельные обоснованные суждения и делать выводы;
- предоставление студентам возможности в процессе учебы испытать свои силы в различных областях современной науки;
- вовлечение студентов в НИР, осуществляемую сверх учебных планов;
- содействие образованию и деятельности научно-творческих объединений студентов различных организационно-правовых форм;
- деятельное участие преподавательского состава и научных работников вузов в организации и руководстве НИРС [1].

Для обеспечения эффективного развития научного потенциала студентов в научно-исследовательской деятельности вуза выделим ее основные виды в зависимости от содержания и способов реализации мероприятий НИРС: научно-исследовательская работа, включенная в учебный процесс; научно-исследовательская работа, дополняющая учебный процесс; научно-исследовательская работа, ведущаяся параллельно учебному процессу.

Научно-исследовательская работа, включенная в учебный процесс. имеет целью освоение студентами методов и приемов исследовательской деятельности и включает все виды исследовательских работ, внесенных в учебные планы и программы. В рамках данной формы НИРС студенты:

- выполняют задания, лабораторные работы, курсовые и выпускные квалификационные работы, содержащие элементы научных исследований или имеющие реальный научно-исследовательский характер, в период производственных и учебных практик;
- изучают теоретические основы методики, организации и выполнения научных исследований, планирования, организации и постановки научного эксперимента, обработки научных данных и т. д.

Научно-исследовательская работа, дополняющая учебный процесс имеет целью индивидуализацию процесса обучения посредством выхода за рамки учебных планов, обеспечения предпосылок для обучения в магистратуре и аспирантуре. Такая НИРС включает все виды выполняемых студентами исследовательских работ вне рамок непосредственной программы обучения и предусматривает:

- участие в работе научных кружков, семинаров и студенческих исследовательских лабораторий;

- подготовку рефератов и сообщений по темам, вынесенным для самостоятельного изучения;
- участие в конференциях, конкурсах, олимпиадах;
- подготовку публикаций по результатам исследовательской работы.

Научно-исследовательская работа, ведущаяся параллельно учебному процессу в качестве цели имеет повышение у студентов уровня научной квалификации и получение навыка работы в научных коллективах и организациях. Данная форма организации НИРС предполагает:

- участие студентов в качестве исполнителей в выполнении бюджетных и внебюджетных научных исследований, осуществляемых профессорско-преподавательским составом на кафедрах, в научно-образовательных центрах и в лабораториях университета;
- выполнение собственных научных исследований при получении гранта.

Таким образом, система НИРС способствует развитию научного потенциала студентов, обеспечивает их непрерывное участие в научной работе в течение всего периода обучения в вузе. Важным принципом этой системы является преемственность ее методов и форм от курса к курсу, от одной учебной дисциплины к другой, от одних видов учебных занятий и заданий к другим. При этом необходимо, чтобы сложность и объем знаний, умений и навыков, приобретаемых студентами в процессе выполняемой ими научной работы, возрастали постепенно.

Существенным фактором активизации развития научного потенциала личности является переход на многоуровневую систему подготовки кадров, работа по новым учебным планам, которые предусматривают основательную научную подготовку студентов. Так, государственный образовательный стандарт подготовки магистров предполагает в качестве обязательного компонента системы профессиональной подготовки научно-исследовательскую работу студента в семестре и подготовку магистерской диссертации. Необходимость повышения готовности магистранта к исследовательской деятельности в области образования и владения методами научного исследования в предметной области знаний отражена в государственных образовательных стандартах бакалавриата и магистратуры. Чтобы быть готовым к творческой реализации полученных в университете знаний, умений и владений, обучающиеся должны иметь сформированное научное мышление, владеть методологией научного познания. Научиться исследовательской деятельности попутно, в процессе учебной или практической деятельности сложно, поэтому трансформация учебного процесса в вузе в соответствии с компетентностным подходом предполагает организацию эффективной системы самостоятельной работы личности.

В условиях двухуровневого высшего образования целесообразно развести работу по развитию научного потенциала личности на два уровня – научно-исследовательская работа бакалаврианта (НИРБ) и соответственно магистранта (НИРМ).

Учебно-исследовательская деятельность бакалаврианта начинается с анализа фактов, явлений, их связей и отношений, осознания проблемы и исследовательской задачи. Важнейшими задачами НИРБ являются ознакомление бакалавриантов с общими сведениями о науке и научных исследованиях; обучение его методам и методологии научных исследований; ознакомление с формами и методами работы с литературой; усвоение методики оформления результатов научно-исследовательской работы; приобретение необходимых знаний в области презентации. Для решения данных задач требуется специальный курс, посвященный изучению основ методологии научной деятельности, предусматривающий усвоение теоретических аспектов в форме лекционных занятий, приобретение навыков в форме практических занятий по методам научных исследований, а также выполнение заданий по самостоятельной работе бакалаврианта при изучении отдельных тем, подготовке докладов, научных статей, написании курсовых работ и рефератов. Условием успешного усвоения подобного кур-

са является выполнение индивидуальных заданий по тематике будущей выпускной квалификационной работы.

Процесс обучения в магистратуре включает в себя гораздо меньший объем аудиторных занятий по сравнению с бакалавриатом и больший объем самостоятельной работы. Магистранты учатся по планам, которые разрабатываются совместно с научным руководителем, обсуждаются на заседаниях профильных кафедр, и утверждаются деканом факультета. В магистратуре больше, чем в бакалавриате, развит институт консультирования: студенты имеют реальную возможность получить консультацию у преподавателя конкретной дисциплины, у научного руководителя магистерской программы, у ведущих специалистов кафедры по профилю магистерской подготовки.

Развитие научного потенциала магистрантов достигается при соблюдении следующих условий: 1) подготовка магистрантов в области методологии научного познания проводится на фундаментальном уровне; 2) специальная подготовка обучающихся осуществляется в профессионально близкой им области исследований; 3) организуется исследовательская практика студентов в ходе обучения; 4) организуются специальные тренинги по развитию исследовательских умений и навыков; 5) создается система мониторинга исследовательской работы студентов; 6) в учебном заведении функционирует балльно-рейтинговая система, учитывающая научно-исследовательские достижения магистрантов.

Мы разделяем точку зрения Е. А. Слепенковой, о выделении четырех ведущих функций НИРМ в системе профессионального образования: обучающую, личностно-развивающую, социально-компетентностную и стимулирующую, которые находятся в тесной взаимосвязи. НИРМ в вузе является составной частью учебно-воспитательного процесса. Спецификой научно-исследовательской деятельности магистранта в отличие от профессиональной деятельности исследователя является ее обучающий характер. Магистрант не только выполняет научное исследование, но и учится его выполнять, овладевает комплексом необходимых для этого методологических знаний и умений. Поэтому одна из ведущих функций НИРМ в системе высшего образования – *обучающая* функция. Приобретенный опыт творческой исследовательской деятельности развивает научный потенциал будущего магистра: формируются познавательные интересы, креативные и рефлексивные способности, логическое мышление, развиваются умения «видеть» проблему в любой сфере деятельности и искать научные способы ее решения (*личностно-развивающая* функция). Владение технологией самостоятельного научного исследования и развитые креативные способности, то есть высокая методологическая культура магистранта, повышают его научный потенциал, профессиональную компетенцию, уровень соответствия общественным требованиям социального и научно-технического прогресса. Эту функцию повышения уровня соответствия профессиональной подготовки обучающегося «социальному заказу» времени, которому способствует эффективно организованная НИРМ, целесообразно назвать *социально-компетентностной*. Кроме того, качественная организация НИРМ всегда оказывает и позитивное стимулирующее влияние на развитие самой системы профессионального образования в плане роста методологической квалификации будущих магистров, повышения научного уровня учебного процесса, стимулирования научных исследований в данном направлении. Эту функцию можно определить как *стимулирующую* [2].

К научно-исследовательским работам магистрантов предъявляются более высокие требования, нежели к учебно-исследовательской работе бакалаврианта. НИРМ магистранта включает: *научно-исследовательскую работу в семестре, научно-исследовательскую практику, научно-педагогическую практику и подготовку магистерской диссертации*. Цель научно-исследовательской работы в семестре – подготовить магистранта, как к самостоятельной научно-исследовательской работе (основным результатом которой является написание и успешная защита магистерской диссертации), так и к проведению научных исследований в составе творческого коллектива.

Научно-исследовательская работа в семестре выполняется магистрантом под руководством научного руководителя. Задачи научно-исследовательской работы в семестре – дать навыки выполнения НИРМ и развить умения: вести библиографическую работу с привлечением современных информационных технологий; формулировать и разрешать задачи, возникающие в ходе выполнения научно-исследовательской работы; выбирать необходимые методы исследования (модифицировать существующие, разрабатывать новые методы), исходя из задач конкретного исследования (по теме магистерской диссертации или при выполнении заданий научного руководителя в рамках магистерской программы); применять информационные технологии при проведении научных исследований; обрабатывать полученные результаты, анализировать и представлять их в виде законченных научно-исследовательских разработок (отчета по научно-исследовательской работе, тезисов докладов, научной статьи, магистерской диссертации) [3].

Таким образом, для подготовки студентов, бакалавриантов, магистрантов к исследовательской деятельности и развития у них научного потенциала необходимо использовать современные подходы, специальные тренинги, мониторинг учебно-исследовательской работы, учитывать особенности развития научного потенциала личности на различных уровнях высшего профессионального образования.

Список литературы

1. Тюрикова Г., Филатова О., Прошкина И., Ильина Ю., Семенова Е. Организация самостоятельной работы студентов – условие реализации компетентного подхода // Высшее образование в России. – 2008. – № 10. – С. 93 – 97.
2. Слепенкова Е.А. Педагогическая научно-исследовательская деятельность в профессиональной подготовке учителя отечественной школы в XX веке: что изменилось за 100 лет? // Вопросы образования. – № 1. – 2007. – С. 94 – 108.
3. Васильев С.В. Научно-исследовательская работа магистрантов. Научно-исследовательская практика. Научно-педагогическая практика. – Великий Новгород: ГОУ Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого. Институт экономики и управления, 2008. – С. 2– 3.

FEATURES OF SCIENTIFIC POTENTIAL PERSONALITY AT DIFFERENT LEVELS OF HIGHER EDUCATION

I. F. Isaev
E. I. Eroshenkova
E. N. Krolevetskaya

*Belgorod National
Research University*

e-mail:
isaev@bsu.edu.ru
eroshenkova@bsu.edu.ru
krolevetskaya@bsu.edu.ru

The article considers the features of the scientific potential of individuals at different levels of higher education: the specialty, bachelor and master's degree. The authors describe the main directions of the organization of research work of students, the characteristic of its core. The article identifies and compares the problems of research students and undergraduates bakalavriantov stand out features and conditions for effective development of scientific potential of various categories of students at the university.

Key words: research capacity, research work, the levels of higher education, specialty, bachelor's and master's degree.

УДК 796.01:159.9

ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ У БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

**Н. Н. Назаренко
А. В. Шумакова**

*Ставропольский
государственный
педагогический
институт*

*e-mail:
natascha.nazarenko@yandex.ru*

В статье представлены результаты опытно-экспериментальной работы по формированию культуры межнационального общения у студентов педагогического вуза. Публикация рассматривает технологию формирования исследуемой культуры на основе комплекса педагогических условий, включающую три этапа: информационно-подготовительный, методический, системно-деятельностный. Данная технология разработана с учетом психологических особенностей студенческого возраста, специфики профессиональной подготовки в педагогическом вузе, социокультурных особенностей полиэтнической образовательной среды вуза в Ставропольском крае.

Ключевые слова: культура межнационального общения, педагогические условия, полиэтническая образовательная среда, технология по формированию культуры межнационального общения у будущих учителей, студенты педагогического вуза.

Современная социальная ситуация в России, расширение контактов с другими странами, а также процесс глобализации общественного развития требуют от человека понимания не только родной культуры, но и культуры иных народов, вхождения во «множественность» существующих культур [1]. В этих условиях культура межнационального общения рассматривается в качестве средства комфортного существования в новом социуме.

Культура межнационального общения на современном этапе рассматривается как ведущая личностная и профессиональная характеристика любого специалиста и будущего учителя особенно. Отмеченное обусловлено тем, что именно педагогу в процессе своей трудовой деятельности необходимо приобщать детей к системе ценностей родной и иной культуры, учитывать индивидуально-личностные и этнические особенности ребенка, налаживать взаимодействие с его семьей, учитывать влияние религии и средств массовой информации на эмоционально-личностную сферу учащегося. В связи с этим формирование культуры межнационального общения у будущих учителей представляет несомненный интерес для педагогической науки.

Формирование культуры межнационального общения у будущих учителей получило развитие в ряде исследовательских работ (Н. Ф. Чипинова, Е. В. Кузнецова, И. А. Арабов, Г. Ю. Нагорная, Д. И. Латышина и др.). Многие исследователи отмечают, что содержание этого процесса во многом зависит от возрастных особенностей субъектов образования. В нашем исследовании такими субъектами являются студенты педагогического вуза. Студенческий возраст приходится в психологии на такой возрастной этап, как юность. Юность в научной литературе рассматривается как психологический возраст перехода к самостоятельности, период самоопределения, приобретения психической, идейной и гражданской зрелости, формирования мировоззрения, морального сознания и самосознания. В юности складывается мировоззрение как система обобщенных представлений о мире в целом, об окружающей действительности и других людях и самом себе и готовность руководствоваться им в деятельности, создаются благоприятные условия для становления смысла жизни. В этом возрасте активно развивается сфера чувств. Направленность на будущее, ощущение расцвета физических и интеллектуальных возможностей создают у юношей и девушек оптимистическое самочувствие, повышенный жизненный тонус. Эмоциональная сфера в юности стано-

вится значительно богаче по содержанию и тоньше по оттенкам переживаний, чем в подростковом возрасте, повышается эмоциональная восприимчивость и способность к сопереживанию. В то же время эмоциональная восприимчивость часто сочетается с категоричностью и прямолинейностью юношеских оценок окружающего, с демонстративным отрицанием нравственных аксиом, вплоть до морального скепсиса. Характерный уровень интеллектуального развития в юности – это абстрактное, теоретическое, гипотетико-дедуктивное мышление, не связанное с конкретными условиями внешней среды, существующими в данный момент. В юности общие умственные способности уже сформированы, однако на протяжении данного периода они продолжают совершенствоваться. В юношеском возрасте происходит также увеличение потребности в общении, расширение его круга. Общение молодых людей реализуется не только в учебных заведениях, в семье, но и в разных социальных пространствах. Это существенно повышает возможность взаимодействия с представителями других национальных групп, а также способствует развитию коммуникативных способностей [2].

Следовательно, юношеский возраст – это благоприятное время для формирования культуры межнационального общения студентов и будущих учителей, в частности. Именно на данном возрастном этапе достигают максимума в своем развитии не только физические, но и психологические свойства, высшие психические функции: мышление, эмоции, чувства. Именно в этом возрасте общение, в том числе и межнациональное, является ведущим видом деятельности и фактором развития личности. Все эти черты существенно влияют на формирование культуры межнационального общения студентов и будущих учителей в том числе.

Разработка содержания процесса формирования культуры межнационального общения будущего учителя требует и учета специфики профессиональной подготовки в педагогическом вузе. Профессиональная подготовка будущего учителя рассматривается через критерии педагогического мастерства и профессионализма. Однако, как показывает практика, требования к современному педагогу не могут быть полностью охарактеризованы с помощью этих критериев, так как в стенах вуза практически невозможно сформировать учителя-мастера из-за многих субъективных факторов. Учитель как молодой специалист, формируемый в процессе обучения в вузе, должен соответствовать эталонной модели, определяемой квалификационной характеристикой. Это комплекс обобщенных требований на уровне его теоретического и практического опыта. В настоящее время об уровне подготовленности выпускника педагогического вуза можно судить не только по наличию теоретических знаний и практических умений, но и по профессиональным, личностным качествам [3]. С позиций такого подхода содержание процесса формирования культуры межнационального общения будущих учителей должно быть направлено не только на становление специальных теоретических знаний и практических умений. Доминирующим фактором, определяющим сущность рассматриваемого процесса, является деятельность самих студентов, нацеленная на формирование знаний, исследовательских умений и навыков в области этнопедагогики.

Наибольшую значимость вопрос формирования культуры межнационального общения у будущих учителей приобретает в условиях полиэтнического региона, в частности, Ставропольского края. Отличительной особенностью образовательных учреждений Ставрополья является многонациональный состав учащихся и студентов. Многонациональность Ставропольского края способствует развитию полиэтнической образовательной среды. Наше исследование осуществлялось именно в таких условиях, поэтому считаем необходимым раскрыть специфику полиэтнической образовательной среды.

Категория «полиэтническая образовательная среда» на данный момент не является устоявшейся. Ее часто употребляют в узком значении, а именно как среду, в которой взаимодействуют субъекты образования, принадлежащие к различным национальностям. По нашему мнению, представляет интерес точка зрения

Т. В. Поштаревой, которая трактует понятие «полиэтническая образовательная среда» как «часть образовательной среды какого-либо учебного учреждения, представляющую собой совокупность условий, влияющих на формирование личности, готовой к эффективному межэтническому взаимодействию, сохраняющей свою этническую идентичность и стремящейся к пониманию других этнокультур, уважающей иноэтнические общности, умеющей жить в мире и согласии с представителями разных национальностей» [4].

В психолого-педагогической литературе уделяется значительное внимание проблеме образования в полиэтнической образовательной среде. В работах О. В. Гукаленко, Ю. В. Прилепко, Н. В. Шишониной, В. Н. Галяпиной, Т. В. Поштаревой и др. раскрыта специфика образовательной деятельности в полиэтнической среде. В большинстве представленных исследований дается информация о том, что педагог, работающий в условиях полиэтнической образовательной среды, находится на острие проблемы межнациональных отношений, поскольку в процессе работы сталкивается с множеством следующих социально-педагогических проблем:

1. Обучающиеся в условиях полиэтнической образовательной среды являются представителями какого-либо этноса, а соответственно, помимо индивидуально-психологических особенностей, обладают и специфическими этнопсихологическими характеристиками, которые, в свою очередь, влияют на восприятие и усвоение получаемых знаний, на степень эффективного приспособления к педагогическому процессу.

2. Представители различных этнических общностей по-своему воспринимают стиль поведения педагога, предъявляют неодинаковые требования к их личностным качествам, профессиональным навыкам. Например, у народов Севера существует традиция не противопоставлять себя явному воздействию со стороны педагога другой национальности, а, постепенно завоевывая его на свою сторону, свести его деятельность к приемлемым способам и формам. Народы Северного Кавказа склонны сразу оказывать противодействие, если приемы воспитательного воздействия им непривычны или непонятны, а тем более, если они задевают их чувство самолюбия. Жители Средней Азии положительно реагируют на воспитательные воздействия, если они постепенны, уважительны к представителю их нации. Представители славянских народов приоритет в воспитательной работе отдадут тому человеку, который сразу смог доказать логическую необходимость и целесообразность предпринимаемых усилий.

3. Каждая национальная группа имеет свою систему воспитания, которая может значительно отличаться от традиционной. Так, например, у народов Кавказа ребенка (особенно если это мальчик) всячески поощряют, если он мужественно терпит неудачи, прикладывает максимум усилий к решению задачи. Внимание и помощь оказываются, как правило, только тогда, когда проблема достаточно серьезная. При попытке оказать немедленную поддержку такому ребенку, стремлению установить близкий эмоциональный контакт с ним педагог может встретиться с непониманием, насмешкой – то есть с теми реакциями, которые демонстрировали родители, когда ребенок обращался к ним за помощью.

4. В условиях полиэтнической образовательной среды обучающийся находится на рубеже различных культур и перед ним возникают две узловые личностно значимые проблемы: обретение и сохранение своей этнической идентичности и адаптации в этой среде либо обретение или сохранение своей этнической идентичности и адаптации в новой среде.

5. В полиэтнической образовательной среде учатся мигранты со специфическим опытом, который предшествовал миграции и который во многом определил условия их социализации. Они привезли в себе культурный опыт – акцент, манеры, взгляды, привычки той социальной среды, где они жили ранее. Мигрантам приходится осваивать новую культуру, приспосабливаться к незнакомой среде и поэтому педа-

гогу необходимо знать особенности и этапы межкультурной адаптации, «последствия культурного шока» [5].

Таким образом, в условиях полиэтнической образовательной среды края педагог имеет дело с нестандартными ситуациями, каждая из которых требует от него специфического подхода и решения. Поэтому в педагогической деятельности особое значение приобретает умение быстро ориентироваться, правильно оценивать сложившуюся обстановку и принимать решения, имеющие необходимое воспитательное значение. В условиях многонационального коллектива это становится возможным, если педагог в общении с людьми разных национальностей умеет выслушать и высказать свою точку зрения, участвуя в обсуждении национально-этических проблем, проявляет такт в оценке исторических событий, обрядов, традиций других народов, хорошо знает историко-культурное наследие народов, проживающих в крае, а также владеет основными методами и формами работы в полиэтнической образовательной среде [6].

Описанные социально-педагогические проблемы находят свое проявление как в условиях ДОО и школы, так и вуза. Следовательно, задача педагогического вуза создать не только благоприятные условия для взаимодействия студентов различных национальностей, но и формировать у будущих учителей этнопедагогическую компетентность, включающую знание специфики работы в многонациональных классах.

Изучение особенностей формирования культуры межнационального общения у будущих учителей и полиэтнической образовательной среды Ставрополя позволило нам выявить организационно-педагогические условия, позволяющие реализовать процесс формирования культуры межнационального общения у студентов педагогического вуза. При определении условий мы исходили из возрастных особенностей студентов, специфики профессиональной подготовки в педагогическом вузе, учитывали социокультурные особенности полиэтнической образовательной среды вузов в Ставропольском крае. Так, к организационно-педагогическим условиям формирования культуры межнационального общения у будущих учителей в полиэтнической образовательной среде вуза мы отнесли следующие: введение этнокультурного компонента в содержание профессионально-педагогического образования; апробация в условиях полиэтнической образовательной среды школы и ДОО содержания этнокультурной методической практики; внедрение в вузе системы внеаудиторной работы студентов в рамках научной лаборатории.

Выявление педагогических условий формирования культуры межнационального общения у студентов педагогического вуза в полиэтнической образовательной среде вуза позволило нам определить конкретные пути реализации данного процесса, то есть разработать педагогическую технологию формирования исследуемой культуры у будущих учителей. Технологическая реализация процесса формирования культуры межнационального общения студентов педагогического вуза предусматривала поэтапность.

Первый этап, информационно-подготовительный, был нацелен на расширение культурологического кругозора студентов, формирование теоретических знаний в области культуры межнационального общения и этнопедагогики, поиск возможностей приобрести опыт межнационального общения с представителями других национальных групп.

Данный этап был целенаправленно ориентирован на проверку такого организационно-педагогического условия, как введение этнокультурного компонента в содержание профессионально-педагогического образования. Создание этого условия предполагало изучение студентами спецкурса «Этнокультурный диалог».

Действия преподавателя на первом этапе включали проведение тренинговых занятий в рамках спецкурса, в процессе изучения которого организовывались дискуссии, игры, групповая деятельность студентов и т. п.

Целью дисциплины «Этнокультурный диалог» явилось формирование у студентов знаний и умений, позволяющих будущим учителям успешно жить и работать в условиях полиэтнического региона.

Спецкурс был рассчитан на 28 лекций и 18 семинарских занятий.

Дисциплина включала в себя изучение следующих тем: «Актуальные проблемы культуры межнационального общения в Ставропольском крае», «Содержание понятия «культура межнационального общения»», «Религиозные воззрения русского народа», «Уклад жизни, традиционные праздники, обряды, фольклор русского народа», «Воспитание подрастающего поколения у русского народа», «Своеобразие быта народов Северного Кавказа», «Религиозные представления народов Северного Кавказа», «Семейные обычаи, обряды, праздники, фольклор народов Северного Кавказа», «Воспитание детей у народов Северного Кавказа», «Национальные особенности представителей славянского этноса и народов Северного Кавказа», «Межнациональный конфликт: характеристика и причины возникновения», «Пути и способы предотвращения и преодоления межнациональных конфликтов», «Основные факторы воспитания культуры межнационального общения у учащихся», «Содержание процесса формирования культуры межнационального общения у учащихся».

Учебные занятия в рамках спецкурса «Этнокультурный диалог» проходили в формах дискуссии или беседы и были рассчитаны на применение методов анализа конкретных ситуаций, использования цифровых образовательных ресурсов, метода «мозгового штурма», деловой игры, рефлексии и др.

Таким образом, на информационно-подготовительном этапе технологии были проведены тренинговые занятия со студентами в процессе изучения дисциплины «Этнокультурный диалог». Результатом данного этапа явилось повышение интереса к культурам других народов, формирование специальных знаний, необходимых для жизнедеятельности в полиэтническом регионе, расширение культурологического кругозора студентов. Благодаря дисциплине будущие учителя начинали понимать значение культуры межнационального общения в современном мире.

Второй, методический, этап предусматривал применение знаний, полученных в процессе изучения спецкурса «Этнокультурный диалог», в педагогической деятельности. Целью данного этапа было освоение способов организации этнопедагогической деятельности в полиэтнической образовательной среде школы и ДООУ, развитие навыков межнационального общения и умения применять накопленный материал в профессиональной деятельности. На методическом этапе проверялось такое организационно-педагогическое условие, как апробация в условиях полиэтнической образовательной среды школы и ДООУ содержания этнокультурной методической практики. Создание второго условия предполагало организацию и проведение этнокультурной методической практики, которая явилась структурным компонентом педагогической практики.

Действия преподавателя на данном этапе включали вовлечение студентов в поисковую деятельность, организацию фестиваля национальных культур и фольклорного концерта, посещение с практикантами краеведческих музеев, оказание помощи в поиске этнопедагогического материала, контроль и оценивание этнопедагогической деятельности студентов.

Реализация отмеченного педагогического условия была рассчитана на участие студентов в самостоятельной поисковой деятельности, а также учебно-воспитательную работу с использованием собранного материала.

Самостоятельная поисковая деятельность студентов предусматривала сбор культурологического и этнопедагогического материала. Обязательным условием поисковой деятельности практикантов было взаимодействие с представителями других этнических групп с целью непосредственного знакомства с искомым культурологическим материалом и его записи, что способствовало развитию навыков межнационального общения у студентов. Поисковая деятельность студентов помогла в полной мере

реализовать кросс-культурный метод, предполагающий анализ сходства и различия этнокультур. Это позволило, на наш взгляд, глубже познакомиться с культурой и историей народов нашего края.

Для того, чтобы студенты получили более наглядное представление о той или иной культуре, нами были организованы экскурсии в краеведческие музеи, а также фестивали национальных культур, на которых различные национальности представили свои обычаи и традиции.

Наряду с поиском культурологического материала студенты в течение практики накапливали этнопедагогический материал, то есть материал, отражающий методику учебно-воспитательной работы учителя и воспитателя, работающих в многонациональных коллективах.

Следующим направлением деятельности практикантов явилось использование собранного этнопедагогического и этнокультурного материала в ходе реализации учебно-воспитательной деятельности. Студенты организовывали краеведческие уголки в школе и ДОУ, проводили внеклассные мероприятия, включающие этнокультурный компонент, например, празднование памятных дат исторического значения, юбилеев выдающихся деятелей культуры, литературы разных народов, проведение фестивалей, олимпиад, выставок по этнической культуре, соревнований по национальным видам спорта и играм, экскурсии этнокультурного содержания, внеклассные чтения произведений различных народов и др. Кроме этого, во время прохождения практики будущие учителя вели на уроках работу по изучению истории и культуры Ставропольского края.

Итогом в работе практикантов явилась конференция, проведенная в форме фольклорного концерта, на котором студенты представили этнопедагогический материал, музыкальный и поэтический фольклор различных народов Ставропольского края, рассказали об их традициях и обычаях.

Итак, этнокультурная методическая практика дала возможность студентам проверить степень своей готовности к самостоятельной педагогической деятельности в полиэтнической образовательной среде школы и ДОУ, оценить себя, свои способности, личностные качества с точки зрения сформированности культуры межнационального общения. Результатом второго этапа явилось повышение интереса в освоении культуры других этносов, методики работы учителя в многонациональных учебных коллективах, развитие навыков межнационального общения и этнопедагогических умений.

Третий – системно-деятельностный – этап формирования культуры межнационального общения у студентов педагогического вуза был рассчитан на достижение базового уровня культуры межнационального общения студентов. Целью данного этапа явилось формирование уважительного отношения к представителям других этнических групп, создание условий, обеспечивающих осознанию удовлетворенности тесного взаимодействия с представителями различных этносов, повышение уровня творческих и исследовательских способностей студентов в области этнопедагогики. Системно-деятельностный этап предполагал проверку условия: внедрение в вузе системы внеаудиторной работы со студентами в рамках научной лаборатории.

Действия преподавателя на данном этапе включали вовлечение студентов в различные виды творческой и исследовательской деятельности в вузе и вне вуза, организацию встреч с представителями других национальностей, с сотрудниками различных образовательных учреждений, руководство НИРС.

На системно-деятельностном этапе реализация третьего организационно-педагогического условия предполагала создание научной студенческой лаборатории «Этновзгляд». В состав лаборатории были включены творческие студии, научные кружки, проблемные группы, действующие под руководством преподавателей вуза.

Содержание работы в творческих студиях, научных кружках, проблемных группах составлялось с учетом профильной подготовки студентов.

Работа со студентами в научной лаборатории производилась в несколько этапов: диагностический, информационно-мотивационный, поисково-аналитический, субъектно-деятельностный, рефлексивный. На диагностическом этапе определялись образовательные потребности и интересы студентов по проблеме межнациональных отношений, на информационно-мотивационном этапе были организованы встречи с будущими учителями с целью обсуждения разного рода вопросов по заявленной проблеме, исследования различных этнопедагогических явлений, на поисково-аналитическом этапе обучающиеся осуществляли поиск материала по исследуемой проблематике, анализировали и оценивали его, на субъектно-деятельностном этапе – демонстрировали индивидуальное видение этнической проблематики средствами науки и творчества, на рефлексивном – обсуждали результаты выполненной работы. Работа в научной лаборатории предусматривала взаимодействие с другими вузами, встречи и переписку с представителями различных диаспор, педагогами школ и дошкольных учреждений.

Особое место в системе работы научной лаборатории было отведено информационно-мотивационному этапу, включающему организацию заседаний в творческих студиях, научных кружках, проблемных группах по определенной методике. Деятельность студентов на информационно-мотивационном этапе включала моделирование различных ситуаций в области межэтнических отношений, обсуждение разного рода вопросов по заявленной проблеме, исследование различных явлений в многонациональном школьном коллективе. Заседание научных кружков, творческих объединений, проблемных групп проходила в формах фестивалей, дискуссий, бесед, тематических вечеров. Кроме того, использование на заседаниях методов «мозгового штурма», ролевой игры, цифровых образовательных ресурсов, культурного асимильатора позволило, на наш взгляд, в большей степени достичь ожидаемого результата.

Таким образом, результатом системно-деятельностного этапа технологии явилось повышение исследовательских и творческих способностей студентов, развитие умения проводить анализ коммуникативного общения с представителями других этнических групп. Рефлексивный этап работы со студентами в рамках научной лаборатории позволил также получить информацию о том, что у будущих учителей сформировалась положительная установка на взаимоотношение с другими национальностями, у большинства развилось уважительное отношение к представителям других этнических групп.

Все вышесказанное позволяет заключить, что формирование культуры межнационального общения у будущих учителей в полиэтнической образовательной среде вуза на основе комплекса организационно-педагогических условий целесообразно реализовывать в технологии. Результаты опытно-экспериментальной работы дают основание рассматривать представленную технологию формирования исследуемой культуры у студентов педагогического вуза как эффективное средство качественной и диктуемой временем подготовки будущих учителей.

Список литературы

1. Рошупкин В. Г. Кросскультурная грамотность студента–будущего учителя: диагностика, формирование. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2006. – 240 с.
2. Шаповаленко И. В. Возрастная психология. – М.: Гардарики, 2004. – 349 с.
3. Кузнецова Е. В. Этнопедагогическая подготовка студентов педвуза к работе в полиэтническом регионе: дис.... канд. пед. наук. – Волгоград, 2001. – 167 с.
4. Поштарева Т. В. Формирование этнокультурной компетентности учащихся в полиэтнической образовательной среде: автореферат дис. .... канд. пед. наук. – Владикавказ, 2009. – 45 с.

5. Галяпина В.Н. Этнопедагогические и этнопсихологические аспекты профессиональной педагогической деятельности: курс лекций: учеб. пособие для студентов педагог. учеб. заведений и слушателей ФПК и ИПК. в 3-х частях. – Ставрополь: Изд-во СКИПКРО, 2004. – 352 с.

6. Иванова С. Ю. Формирование современных навыков межкультурного взаимодействия в Ставропольском крае. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – 76 с.

TECHNOLOGY OF FORMATION OF INTERNATIONAL COMMUNICATION CULTURE OF THE FUTURE TEACHERS BY MEANS OF PROFESSIONAL EDUCATION

N. N. Nazarenko
A. V. Shumakova

*Stavropol
State
Pedagogical
Institute*

*e-mail:
natascha.nazarenko@yandex.ru*

The results of experimental investigation on formation of international communication culture skills of the pedagogical university students are presented in the article. The article considers technology of the culture formation on the basis of a set of the pedagogical conditions, including three major stages: information-preparatory, methodological, and system-activity. The described technology is developed according to the psychological features of the student's age, to the specifics of professional training in the pedagogical university and socio-cultural diversity of the polyethnic educational atmosphere in the Stavropol region academic facilities.

Key words: international communication culture, technology of the international communication culture formation, pedagogical conditions, pedagogical university students, age features of pedagogical university students.

УДК 316.66:930.85 (510)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ КАК РЕЗУЛЬТАТ МИФОТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ)

Т. В. Самосенкова¹
Гэн Цзе²

¹ *Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

² *Китайский
нефтяной
университет,
г. Дунин*

*e-mail:
samosenkova@bsu.edu.ru
gengjie@mail.ru*

В статье рассмотрено понятие «национальный менталитет», которое трактуется как своеобразный тип, образ мышления, устойчивые социально-психологические установки, специфический способ восприятия и осознания объективной реальности. Те или иные идеологемы, существующие в ментальном мире конкретного народа, могут определять доминанты национального сознания, другие – интегративные элементы. В своей совокупности эти идеологемы формируют структуру ментального мира народа (т. е. его менталитет), от которой зависит тип данной культуры.

Ключевые слова: менталитет, национальный менталитет, конфуцианство, даоизм, описание и исследование текста.

В последние годы термин «национальный менталитет» прочно занял едва ли не самое почетное место на страницах исследований культурологов, этнологов, этнопсихологов и представителей целого ряда смежных дисциплин. В качестве предшественников термина «менталитет» можно назвать «общие представления» (В. Вунд); «типические коллективные переживания» (Г. Г. Шпет); «коллективное знание», отражающееся в «коллективных переживаниях» (Э. Дюркгейм, Л. Леви-Брюль). Интерпретируя ментальность как общую духовную настроенность, они структурируют общечеловеческий разум таким образом, что ментальность, наряду с двумя другими функциями форм бытия: сознанием и самосознанием, творчеством – выполняет определенные функции во всех трех постулируемых формах бытия: деятельности как иерархически более низкой, душе и духе как иерархически максимально высокой [4, с. 66 – 71]. В 1970 – 1980-х гг. XX в. появляются труды Г. Д. Гачева, литературоведа, культуролога, мыслителя, посвященные национальным образам мира. Называя свой подход «культурно-эвристическим» и «стремясь понять национальное как особый талант зрения, в силу которого человек (ученый, художник) одной традиции склонен открывать одни аспекты в бытии и духе, а выходец из другой – иные» [2, с. 5]. При этом различают этноприродную, социокультурную и космоприродную ментальности как своеобразный тип, образ мышления, устойчивые социально-психологические установки, специфический способ восприятия и осознания объективной реальности, «общая духовная настроенность» этнической группы в целом и отдельных представителей, способ и образ мышления представителей определенной культуры (Багдасарова, 1999). Таким образом, очевидно, что менталитет как гносеологический инструмент – довольно многозначное понятие. Пушкарев Л. Н. вычленяет пять интерпретаций содержания этого термина: иррациональное подсознание человека, вера, духовный мир человека, мировидение, логическое мышление [Пушкарев, 1995]. Голикова Т. А., специально анализируя различные воззрения на ментальность и стремясь научно обосновать понятие «этническая ментальность», приходит к умозаключению, что «сущность менталитета определяется как биологически, исторически и социально обусловленная система стереотипов этноса».

В типологии культур существует противопоставление культур аполлонического и дионисического типов.

Установкой культур дионисического типа можно считать «путь крайностей», при котором особо ценятся проявление героизма, бесстрашие, жестокость, безудерж-

ность в радости и горе. Определяющим в культурах аполлонического типа является умеренность, компромиссное поведение, отказ от сильных эмоций и их внешнего проявления, так называемый «срединный путь».

Китайская культура относится к культурам «срединного пути». Проявление китайской ментальности мы наблюдаем в поговорке: 人怕出名, 猪怕壮, 死猪不怕开水烫. (Для свиньи опасно быть слишком упитанной, для человека опасно быть слишком прославленным). Сбережение жизненной силы, «вскармливание жизни», проживание сполна своего жизненного срока – вот одна из основ даосского учения, которое отнюдь не склонно «петь песню безумству храбрых». «故智之所贵, 存我为贵» [«列子·杨朱第七»] (В разуме самое ценное – это знание, как сохранить себя.) [«Ле-цзы», глава VII].

Уважительное отношение к собственной жизни и телу проявляют и идейные противники даосов – конфуцианцы. В конфуцианстве сохранение своего тела в целостности является одним из проявлений соблюдения принципа «сыновней почитательности» (основы основ конфуцианского благочестия), ибо в теле человека продлевается жизнь предков. Сохранение себя оказывается проявлением уважения к предкам. И даосы, и конфуцианцы, как видим, сходятся в том, что сбережение себя, своих жизненных сил и «проживание сполна» благодаря этому своего жизненного срока – это абсолютные ценности. Такую жизненную позицию можно считать ведущей этнического сознания.

В книге «墨子·亲士» («Мо-цзы», глава «Приближение служивых») философ рассуждает на эту тему так: «是以甘井近竭, 招木近伐, 灵龟近灼, 神蛇近暴。...是故彼人者, 寡不死其所长, 故曰: 太盛难守也»: Высокое дерево прежде всего будет срублено, крупный олень или черепаха прежде всего будут пойманы, крупная змея будет прежде всего высушена... Среди людей мало есть таких, кто бы не умер из-за своих слишком выдающихся достоинств. Потому что имеющееся в избытке трудно сохранить».

Об этом же многократно пишет и даос 庄子(Чжуан-цзы): «山木自寇也, 膏火自煎也。桂可食, 故伐之; 漆可用, 故割之。人皆知有用之用, 而莫知无用之用也。 [«庄子·内篇·人间世第四»]: Коричное дерево источает аромат – и его срубают. Лаковое дерево полезно для людей – и его долбят. Все знают пользу полезного, но никто не знает пользы бесполезного... Таково несчастье тех, кто представляет собой добротный материал... Вот ни на что не годное дерево, потому-то оно и выросло таким огромным. Теперь я понимаю, почему самые светлые люди в мире сделаны из материала, в котором никто не нуждается» [«Среди людей», глава IV].

В главе «庄子·杂篇·列御寇第三十二»(XXXII, «Ле Юйкоу») 庄子 Чжуан-цзы скрупулёзно подсчитал так называемые крайности и необходимости и сформулировал рекомендуемую даосами стратегию повседневного поведения: «穷有八极, 达有三必, 形有六府。美、髯、长、大、壮、丽、勇、敢, 八者俱过人也, 因以是穷。缘循、 偃快、 困畏不若人, 三者俱通达。知慧外通, 勇动多怨, 仁义多责。达生之情者傀, 达于知者肖, 达大命者随, 达小命者遭。: Беда навлекается восемью крайностями, успех приносит три необходимости... Красота, пышная борода, высокий рост, крепкое сложение, сила, изящество, смелость, мужество – вот восемь крайностей, которые возвышают нас над другими и потому служат источником бед. Следование обстоятельствам, уступчивость и осмотрительность – таковы три качества, которые принижают нас перед другими и потому приносят успех».

Эти же мотивы встречаются в литературных памятниках спустя 20 веков. Приведем типичный пример: «建功立业者，多虚圆之士；债事失机者，必执拗之人。[明·洪自成，«菜根谭：一九七、虚圆立业，债事失机»]：Ястреб сидит так, словно спит. Тигр ходит так, словно болен... Благородный муж не должен раскрывать свою мудрость и показывать свой талант. Только так он возымеет силу свершить великое дело. [Хун Цзычэн; Вкус корней, сюжет 197] ». Демонстрируется всё та же «умеренность и аккуратность», а не «в жизни всегда есть место подвигам».

М. Мид предлагает рассматривать культуры как постфигуративные и конфигуративные. В культурах первого типа абсолютной ценностью считается приверженность традициям, следование образцам предков, в культурах второго типа роль традиции гораздо слабее, а образцами для подражания становятся сверстники, а не предки. Китайская культура, безусловно, принадлежит к числу постфигуративных (т.е. традиционных) культур. Господствующая в Китае конфуцианская идеология – это морально-этическое учение, представляющее собой просвещённую форму культа предков. Основополагающими категориями конфуцианского учения являются ритуал, долг, человеколюбие. Жизненный идеал конфуцианцев – «следовать влечению сердца, не нарушая правил». Смысл учения заключался в согласовании прав и обязанностей человека с нормами традиции, закреплёнными в многочисленных ритуалах, которые являются образцом разумного поведения. Видимо поэтому мы наблюдаем в притчах героев, которые вдумчивы, абсолютно разумны, всегда готовы услышать голос предков. Отметим, что герои притч вообще не имеют имен или носят разные имена, чего не наблюдается в русских сказках. Например, в главе «庄子·外篇·知北游第二二» («Чжуан-цзы ·22-Путешествие знания на север») сформулирован идеал поведения совершенномудрого: «天地有大美而不言，四时有明法而不议，万物有成理而不说。圣人者，原天地之美而达万物之理，是故至人无为，大圣不作，观于天地之谓也...齧缺问道乎被衣，被衣曰：“若正汝形，一汝视，天和将至，摄汝知，一汝度，神将来舍。德将为汝美，道将为汝居，汝瞳焉如新生之犊而无求其故！”...真其实知，不以故自持...»: Мудрый проникается красотой Неба и Земли и постигает истину всех вещей, поэтому он ничего не придумывает... Смотри на мир простодушно, как только что народившийся бычок, и не доискивайся до причин...» или «风来疏竹，风过而竹不留声；雁渡寒潭，雁去而潭不留影。故君子事来而心始现，事去而心随空。[明·洪自成，«菜根谭：八十二、风不留声，雁不留影»]：Налетит ветер – и бамбук зашумит. Умчит ветер – и бамбук умолкнет. Летящий гусь отразится на поверхности замерзшего пруда. Улетит гусь – и на льду не останется его тени. Благородный муж занимается делами постольку, поскольку в этом есть нужда. Дело кончится – и сознание вновь становится пустым. «Прозревший человек «ни о чём не размышляет, ни о чём не беспокоится...»[Хун Цзычэн; Вкус корней, сюжет 82]. .

В китайской фольклорной литературе существует множество притч-шедевров, настоящих литературных жемчужин. Ключевые фразы этих притч в последствии стали 成语 ченьюями (это особый вид фразеологизмов – четырёхсложные изречения на древнекитайском языке веньян). 成语 Ченьюи можно сравнить с айсбергами, у которых большая часть скрыта от глаз.

Приведём примеры некоторых древнейших китайских пословиц. Например, 鹤短凫长 (Подрезать ноги журавлю и вытягивать ноги дикой утке). Содержание притчи, давшей жизнь пословице, таково: Жил некогда человек, которому пришла в голову неожиданная идея. Увидев рядом журавля и дикую утку, он решил подрезать ноги жу-

равлю, а дикой утке ноги вытянуть. Человек был уверен, что будет удобнее им обоим. Но ни журавль, ни утка с «новыми» ногами не смогли ни летать, ни ходить. Узнав об этом, 庄子(Чжуан-цзы) сказал: «亮胫虽短, 续之则忧; 鹤胫虽长, 断之则悲.»: Если журавль родился длинноногим, значит, это необходимо. Если утка родилась с короткими ногами, это тоже не недостаток. Если удлинить ноги утке, она будет печальна, ибо такие ноги ей ни к чему. Если укоротить ноги журавлю, он тоже будет печален, ибо потеряет свою силу» [«庄子·外篇·骈拇»]. Современное значение этого выражения: пытаться идти против законов природы, предлагать что-то противоестественное.

Пример еще одной притчи: ...元若 宋人然: 宋人有闵其苗之不长而揠之者, 芒芒然归, 谓其人曰: '今日病矣! 予助苗长矣!' 其子趋而注视之, 苗则槁矣...: Крестьянин посадил рис и с нетерпением стал ждать урожая, но ростки росли слишком медленно. Он решил ускорить процесс и целый день ходил по полю, вытаскивая из земли каждый побег. Дома он с гордостью рассказал о своем титаническом труде. На следующее утро на поле не было ни одного живого растения.

Автор книги, где содержится эта притча, - древнекитайский философ 孟子(Мэн-цзы) (около 372 – 289 до н.э.), последователь 孔夫子Конфуция, ученик его внука 子思 Цзы-Сы. Основу его учения составляли принципы успешного управления государством на основе добродетели и справедливости. Во второй главе «公孙丑» («Гунсунь Чоу») своей книги, отвечая на вопрос своего ученика о том, что же следует понимать под чувством справедливости, 孟子(Мэн-цзы) и использовал данную притчу.

韩非 (Хань Фэй) призывает не прикладывать чрезмерных усилий к чему бы то ни было, ибо совершенство всё равно недостижимо: «Если смотреть с напряжением, глаза не видят ясно; если слишком вслушиваться, уши не слышат отчетливо; если чрезмерно размышлять и обдумывать, в знаниях появится хаос».

Следовательно, в ментальном мире конкретного народа существуют те или иные идеологемы, одни из которых могут получать статус основ национального сознания, другие – интегративных элементов. В своей совокупности эти идеологемы формируют структуру ментального мира народа (т.е. его менталитет), от которой зависит тип данной культуры. А мысль о том, что фольклорные тексты – очень надёжный источник знаний о психологии народа, мы выразим языком пословиц: As the people, so the proverb (англ.); "谚语如一面镜子"是劳动人民集体智慧的结晶;"泉水最清,谚语最精" (кит.); Todos los refranos son verdaderos (исп.) что означает (если мы объединим их в одну): «Каков народ, таковы и пословицы, а пословицы не врут».

Список литературы

1. Гачев Г. Д. Космо-психо-логос. - М., 1995 – 480 с.
2. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. М., 1998. – 368 с.
3. Голикова Т. А. К обоснованию понятия «этническая ментальность» и способах ее репрезентации в художественном тексте // Этнонациональная ментальность в художественной литературе: Материалы Всероссийской научной конференции. Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999. – С. 21 – 25.
4. Каширин В. И. Глобалистика и философия планетарного самосознания. – Ставрополь: Изд-во Ставропольского ун-та, 1998. – 315 с.
5. Малявин В. В. Чжуан-цзы. М., 1985. – 578 с.
6. 庄子白话今译. 李双译注. – 郑州:中国书店出版社.1992年 – 352 页。
7. 唐·李百药. «北齐书·元景安传». – 北京: 北京国子监, 明万历34年 (1606).
8. 明·洪自成. «菜根谭». 王同策注释. – 浙江古籍出版社. 1989年. – 231 页。
9. 先秦·孟轲. «孟子» 白话今译. – 中国书店出版社. 1992年. – 352 页。

THE NATIONAL MENTALITY AS A RESULT OF CREATIONAL THINKING (ON THE EXAMPLES OF CHINESE CULTURE)

T. V. Samosenkova¹

Gen Cze²

*¹ Belgorod National
Research University*

*²China
Petroleum
University,
Dunin*

*e-mail:
samosenkova@bsu.edu.ru
gengjie@mail.ru*

The article deals with the concept of "national mentality", which is interpreted as a kind of style, a way of thinking, sustainable socio-psychological attitudes, a particular way of perceiving and understanding of objective reality. Those or other ideologies that exist in the mental world of each nation can determine the dominant national consciousness, while others - the integrative elements. Taken together, these ideologies shape the structure of the mental world of people (ie his mentality), upon what depends this type of culture.

Key words: mentality, national mentality, confucianism, daoism, description and analysis of text.

УДК 378:001.891

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ ИНТЕГРАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И ПРОИЗВОДСТВА В ПРОЦЕССЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОПЕРЕЖАЮЩЕЙ НЕПРЕРЫВНОЙ ПОДГОТОВКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ БЕЛГУ¹

**М. И. Ситникова
Л. В. Верзунова**

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
Sitnikova@bsu.edu.ru
Verzunova@bsu.edu.ru*

В статье представлены результаты исследования эффективности различных форм интеграции образования, науки и производства в процессе междисциплинарной опережающей непрерывной подготовки профессиональных кадров БелГУ: вузовских научно-производственных участков, базовых кафедр и лабораторий, научно-образовательных центров.

Ключевые слова: междисциплинарная опережающая непрерывная подготовка профессиональных кадров; формы интеграции образования, науки и производства; эффективность; эффективность форм интеграции образования, науки и производства.

Интенсивность динамики развития и конкурентоспособность ведущих университетов мира во многом определяются эффективной интеграцией науки, образования и бизнеса, способной выступить действенным инструментом построения новой модели высшей школы, обеспечивающей не только высокое качество подготовки профессиональных кадров, но и выполнение масштабных фундаментальных и прикладных исследований с их последующей коммерциализацией.

Стратегия развития образовательной сферы вуза – это сегодня, прежде всего, работа на опережение, заблаговременное лицензирование востребованных направлений подготовки и расширение спектра образовательных услуг на разных уровнях образования – довузовском, вузовском и послевузовском. В этой связи особую актуальность приобретает многоуровневая система междисциплинарной опережающей непрерывной подготовки конкурентоспособных профессиональных кадров в области наукоемких технологий и социально значимых отраслей экономики РФ. Данная система позволяет не только достаточно эффективно регулировать объемы подготовки профессиональных кадров необходимого уровня и квалификации, исходя из потребностей общероссийского и регионального рынков труда, но и предоставить студентам в полной мере возможность самим выбирать наиболее оптимальные для них траектории в образовательном пространстве вуза, обеспечивающие их вертикальную мобильность и самореализацию как личности и гарантирующие им успешность в последующей профессиональной деятельности.

Интеграция образования, науки и производства в БелГУ потребовала исследования ее эффективности в образовательной, научно-исследовательской, инновационной сферах жизнедеятельности вуза. Известно, что в основе понятия «эффективность» лежат ограниченность ресурсов, желание экономить время, получать наиболее качественную продукцию из доступных ресурсов. Эффективность – это уровень соответствия результатов какой-либо деятельности поставленным задачам. Исходя из этого, эффективность различных форм интеграции образования, науки и производства в процессе междисциплинарной опережающей непрерывной подготовки профессиональных кадров предполагает сопоставление затрат и результатов. Следовательно, рассматриваемая эффективность есть определенная связь между достигнутым резуль-

¹. Исследование выполнено в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг, госконтракт П402 от 12.05.2010 г.

татом и использованными ресурсами. Такими ресурсами являются различные формы интеграции образования, науки и производства: вузовские научно-производственные участки, базовые кафедры и лаборатории, научно-образовательные центры.

В оценке эффективности рассматриваемых форм интеграции выделены два основных аспекта: процесс подготовки и его конечный результат, на основе которых определены следующие критерии: *удовлетворенность субъектов междисциплинарной опережающей непрерывной подготовки ее процессом; изменения в сфере междисциплинарной опережающей непрерывной подготовки профессиональных кадров; ориентация субъектов междисциплинарной опережающей непрерывной подготовки на повышение результатов своей профессиональной деятельности.*

Для каждого из критериев выстроена система показателей. Показателями критерия «удовлетворенность субъектов междисциплинарной опережающей непрерывной подготовки ее процессом» определены: современность, актуальность, полезность использования научно-производственных участков, базовых кафедр и лабораторий, научно-образовательных центров в процессе междисциплинарной опережающей непрерывной подготовки. Оценка эффективности различных форм интеграции образования, науки и производства в процессе междисциплинарной опережающей непрерывной подготовки профессиональных кадров предусматривает анкетирование его участников. При анкетировании были использованы вопросы: является ли использование форм интеграции образования, науки и производства современным и актуальным; полезно ли в процессе междисциплинарной опережающей непрерывной подготовки использование ресурсов научно-производственных участков, базовых кафедр и лабораторий, научно-образовательных центров; что особенно заинтересовало; можно ли применить данные формы в образовательной деятельности за рамками междисциплинарной опережающей непрерывной подготовки; какие другие более эффективные формы вы могли бы предложить.

Показатели критерия «изменения в сфере междисциплинарной опережающей непрерывной подготовки профессиональных кадров» включают в себя: изменения в образовательной деятельности; изменения в научной деятельности; изменения в инновационной деятельности. Степень проявления показателей этого критерия определялась на основе качественного анализа изменений, наблюдавшихся в университете в сфере образовательной, научно-исследовательской и инновационной деятельности преподавателей. Показателями критерия «ориентация субъектов на повышение результатов своей деятельности», исходя из того, что различные формы интеграции образования, науки и производства могут рассматриваться как ресурсное обеспечение образовательного процесса посредством исполнения всех функций внутривузовского управления, являются различные виды обеспечения междисциплинарной опережающей непрерывной подготовки профессиональных кадров: мотивационно-целевое (a_1); информационно-аналитическое (a_2); плано-прогностическое (a_3); организационно-исполнительское (a_4); контрольно-диагностическое (a_5); регулятивно-коррекционное (a_6) обеспечение.

Исследование эффективности ресурсного обеспечения требует рассмотрения его целевых, содержательных и процессуальных компонентов, а именно:

- цели (f_1);
- совокупности способов, средств, воздействий ресурсного обеспечения (f_2);
- результата достижения цели ресурсного обеспечения (f_3);
- технологии реализации ресурсного обеспечения (f_4).

Воздействие этих четырех инвариантных компонентов каждого вида (формы) ресурсного обеспечения рассматривается на репродуктивном, конструктивном и творческом уровнях исполнения. Для определения уровней ресурсной эффективности каждого вида обеспечения при использовании трехбалльной системы оценивания использована формула расчета: $a_j = \sum f_i / 12$, где a_j – показатель уровня ресурсной эффек-

тивности; f_i – значение инвариантного компонента. Ресурсная эффективность форм интеграции образования, науки и производства определяется из расчета: $RЭ_{фи} = \sum a_j / 6$.

Если значение $RЭ_{фи}$ меньше 0,45, ресурсное обеспечение реализуется на критическом уровне; если $RЭ_{фи}$ принимает значение от 0,45 до 0,6, уровень ресурсного обеспечения – низкий; от 0,6 до 0,75 – допустимый; более 0,75 – оптимальный.

Выявление эффективности различных форм интеграции образования, науки и производства по критерию удовлетворенности субъектов междисциплинарной опережающей непрерывной подготовки ее процессом свидетельствует о том, что 75% респондентов считают использование форм интеграции образования, науки и производства в междисциплинарной опережающей непрерывной профессиональной подготовке современным и актуальным; 89 % убеждены в том, что использование ресурсов научно-производственных участков, базовых кафедр и лабораторий, научно-образовательных центров, технологических парков и инновационно-технологических центров полезно в процессе междисциплинарной опережающей непрерывной подготовки; 81 % опрошенных особенно заинтересовало использование ресурсов научно-производственных участков, 79 % – базовых кафедр и лабораторий, 89 % – научно-образовательных центров, 74 % – технологических парков и инновационно-технологических центров (при совокупности выборки 234 чел). Практически все опрошенные убеждены в том, что является целесообразным применение данных форм в образовательной деятельности и за рамками междисциплинарной опережающей непрерывной подготовки. Наряду с этим, были предложены такие эффективные, с точки зрения респондентов, формы интеграции образования, науки и производства, как центры коллективного пользования и учебно-научные инновационные комплексы.

Степень проявления показателей по критерию «изменения в сфере междисциплинарной опережающей непрерывной подготовки профессиональных кадров» определялась на основе качественного анализа изменений, наблюдавшихся в университете в сфере образовательной, научно-исследовательской и инновационной деятельности преподавателей. В результате установлено, что использование в образовательном процессе различных форм интеграции образования, науки и производства позволило:

- перейти университету на кластерную систему непрерывного междисциплинарного образования, которая представляет собой совокупность взаимодействующих образовательных программ, участников их реализации, системы управления реализацией программ;

- разработать систему образовательных программ, направленную на опережающую непрерывную междисциплинарную подготовку специалистов по естественнонаучным, инженерным, медицинским и фармацевтическим специальностям (направлениям); профессионалов, компетентных в соответствующей области и способных обеспечить развитие наноиндустрии в наукоемких экономических кластерах региона на основе создания гибкой образовательной структуры, научной, технической и производственной базы;

- сформировать содержание образовательных программ на основе региональных научных, научно-технологических и образовательных традиций с учетом мировых технологических укладов и национальных технологических приоритетов. Составляющими образовательных программ являются: специализации и новые учебные дисциплины для студентов, магистрантов и аспирантов по тематике наноматериалов и нанотехнологий; повышение квалификации сотрудников промышленных и медицинских предприятий и фирм в области освоения наноструктурных материалов и нанотехнологий; создание информационной инфраструктуры и программных средств для дополнительного образования;

- внедрить в образовательный процесс в рамках междисциплинарной подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров по направлению «Нанобиотехнология» междисциплинарные магистерские программы «Моделирование физико-химических

процессов получения наноразмерных объектов» по направлениям 010700.68 Физика, 010100.68 Математика, 020100.68 Химия и «Биосовместимые наноимплантаты» по направлениям 020100.68 Химия, 020200.68 Биология, 010700.68 Физика; скорректировать профессиональные цели обучения: создание условий для успешного включения магистра в сферу системной nanoиндустрии, как на региональном и всероссийском уровнях, так и за рубежом в области моделирования физико-химических процессов в наноматериаловедении; формирование у магистра профессиональной способности планировать и самостоятельно проводить эффективную научную работу, критически оценивать ее результаты, адаптировать и применять общие методы к решению нестандартных типов проблем и др.;

- предоставить студентам возможность выбора индивидуальной образовательной траектории. Студенты имеют возможность работать на уникальном оборудовании. Использование форм интеграции образования, науки и производства позволяет магистрантам проводить научные исследования на уникальном современном оборудовании в области прогрессивных технологий производства новых титановых имплантатов для восстановительной, костнопластической хирургии и стоматологии и др. Важную роль при этом сыграл «инновационный пояс» БелГУ, в который уже вошли 10 малых инновационных предприятий (МИП), осуществляющих свою деятельность в тесном контакте с исследователями и использующих инновационные разработки университета. Среди них ООО «Металл-деформ» БелГУ, ООО «ТермоЭНЕРГИЯ БелГУ», ООО «СМК-Титан», ООО «Наносорбент-БелГУ» и др.

Механизм функционирования кластерной системы непрерывного междисциплинарного профессионального образования в области разработки и освоения наноструктурных материалов и нанотехнологий в промышленности и медицине включает в себя: поиск эффективных лидеров высоких технологий и бизнеса через подготовку и защиту выпускных квалификационных работ (дипломных и магистерских) выпускниками университета; «выращивание» эффективных лидеров посредством включения специалистов и магистров в целевую аспирантуру с техническим и бизнес-образованием; ориентацию выпускников на трудоустройство в малые производственные предприятия с новыми рабочими местами на основании защиты диссертации и разработки бизнес-плана; интеграцию новых продуктов деятельности выпускников в образующие предприятия региона.

У студентов имеется возможность прохождения всего цикла уровневой подготовки «бакалавриат – магистратура – аспирантура» по направлению «Нанобиотехнология», вплоть до обучения в докторантуре по специальности 01.04.07 «Физика конденсированного состояния», а работающим специалистам – получения качественного дополнительного образования благодаря наличию в БелГУ развитой системы профильных программ переподготовки и повышения квалификации, которая в 2009 г. была интегрирована в единую сетевую информационно-аналитическую систему ДПО в области нанотехнологий (письмо Рособразования от 15 мая 2009 г. № 20 – 317).

Оценка эффективности различных форм интеграции образования, науки и производства по критерию «ориентация субъектов на повышение результатов своей деятельности» осуществлялась на основе измерения приращенной степени проявления управленческих функций: (a_1) ; (a_2) ; (a_3) ; (a_4) ; (a_5) ; (a_6) . Анализировался средний вариационный балл приращений у обучающихся по каждому показателю «до» и «после» включения в образовательный процесс различных форм интеграции: научно-производственных участков; базовых кафедр и лабораторий; научно-образовательных центров.

Таблица 1

**Результаты исследования эффективности
различных форм интеграции**

ФИ	Виды обеспечения											
	М-Ц		И-А		П-П		О-И		К-Д		Р-К	
	До	После	До	После	До	После	До	После	До	После	До	После
НПУ	0,38	0,69	0,42	0,75	0,58	0,89	0,50	0,86	0,66	0,82	0,34	0,61
БКЛ	0,39	0,72	0,43	0,81	0,45	0,76	0,36	0,72	0,59	0,79	0,37	0,72
НОЦ	0,41	0,76	0,39	0,78	0,41	0,82	0,42	0,69	0,55	0,76	0,35	0,78
ТПИИТЦ	0,35	0,80	0,43	0,80	0,41	0,69	0,35	0,82	0,47	0,79	0,36	0,82

Условные обозначения:

М-Ц – мотивационно-целевое обеспечение; И-А – информационно-аналитическое обеспечение; П-П – планово-прогностическое; О-И – организационно-исполнительское; К-Д – контрольно-диагностическое; Р-К – регулятивно-коррекционное;

ФИ – формы интеграции; НПУ – научно-производственные участки; БКЛ – базовые кафедры и лаборатории; НОЦ – научно-образовательные центры; ТПИИТЦ – технологические парки и инновационно-технологические центры.

Сравнение величин приращений позволило установить общий показатель эффективности различных форм интеграции образования, науки и производства, равный 0,77. Полученное значение указывает на оптимальный уровень их эффективности в междисциплинарной опережающей непрерывной подготовке профессиональных кадров. Следовательно, можно утверждать, что реализация междисциплинарной опережающей непрерывной подготовки профессиональных кадров находится в прямой зависимости от эффективности различных форм интеграции образования, науки и производства.

**RESEARCH OF EFFICIENCY OF VARIOUS FORMS OF INTEGRATION OF
FORMATION, SCIENCE AND MANUFACTURE IN THE COURSE OF
INTERDISCIPLINARY ADVANCING CONTINUOUS PREPARATION OF
PROFESSIONAL SHOTS OF BELSU**

M. I. Sitnikova
L. V. Verzunova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
Sitnikova@bsu.edu.ru
Verzunova@bsu.edu.ru*

In article results of research of efficiency of various forms of integration of formation, a science and manufacture in the course of interdisciplinary advancing continuous preparation of professional shots of BelGu are presented: high school research-and-production sites, base chairs and laboratories, the scientifically-educational centres.

Key words: interdisciplinary advancing continuous preparation of professional shots; forms of integration of formation, a science and manufacture; efficiency; efficiency of forms of integration of formation, a science and manufacture.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕЛОСТНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ ФИЛОСОФИИ КОСМИЗМА

Н. Г. Тарасенко

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
tarassenko@bsu.edu.ru*

В статье обосновывается актуальность проблемы целостного мировоззрения личности для современной системы образования. Автор аргументирует правомерность выбора основополагающих идей философии космизма в качестве методологического основания решения данной проблемы. Методологический потенциал ведущих идей космизма раскрывается в содержании онтологической, гносеологической, аксиологической и праксеологической сторон мировоззрения. В работе определяются педагогические условия формирования целостного мировоззрения личности на основе идей философии космизма.

Ключевые слова: мировоззрение личности, методологическое основание, идеи философии космизма, всеединство, активная эволюция, ноосфера, образовательный процесс, содержание образования, педагогические условия.

Характерной особенностью современного этапа развития цивилизации является усиление процесса глобализации и, как следствие этого, появление наряду с положительными явлениями сверхсложных глобальных проблем, которые выступают в качестве вызовов времени, определяющих судьбу человечества. Их разрешение, обеспечение устойчивого развития человечества как планетарного феномена, благополучного будущего общества предполагает глобализацию сознания человека и целенаправленные согласованные действия населения планеты по гармонизации отношений в системе «человек-общество-природа».

Особое место в процессе обретения мировой цивилизацией устойчивого характера развития принадлежит системе образования, которая закладывает будущее человечества. По мнению современных исследователей (В. В. Казютинский, А. С. Пушкарёва, Ю. В. Пушкарёв, О. А. Латуха и др.), «образование находится в эпицентре глобализации. Именно здесь формируется новое поколение. От него будет зависеть реальное претворение в жизнь, как позитивных сторон глобализации, так и устранение его негативных последствий. Поэтому именно в сфере образования необходимо внимательно изучать явление глобализации, его движущие силы, его последствия, воздействовать на эти процессы. Образование в современном мире становится интегрирующим фактором и условием развития личности и всего мирового сообщества (происходит удовлетворение как индивидуальных, так и общественных потребностей)» [11, с. 404–405].

Общепризнан вывод о том, что глобальные проблемы современности фокусируются в проблеме мировоззрения человека. Духовный кризис начала XXI века проявляется прежде всего в разрушении целостности мировоззрения личности, отчуждённости человека от Природы, Общества, Другого человека и, в конечном счёте, от самого себя. Мировоззренческая ситуация настоящего времени характеризуется фрагментарностью взглядов человека на мир, отсутствием целостности мировосприятия.

По мнению исследователей, «функционирующие формы мироотношения оказываются неспособными удержать сущностное предназначение мировоззрения человека – упорядочивания и гармонизации миров его бытия» [1, с. 38]. Выход из кризиса невозможен без преобразования мировоззрения, поскольку именно мировоззрение предполагает выбор человеком своего образа жизни. Современная эпоха в качестве ключевой отчётливо обозначила такую педагогическую проблему как формирование целостного мировоззрения личности.

Как известно, мировоззрение представляет собой исторически развивающийся процесс. Каждая историческая эпоха вырабатывает свои представления о мире и о назначении человека. Требования объективных условий настоящего этапа развития цивилизации побуждают к изучению феномена мировоззрения в контекстах современности и перспектив будущего развития общества. В связи с этим актуализируется проблема мировоззренческих ориентиров современного образования. Приоритетной задачей педагогических исследований является поиск методологических оснований для разрешения проблемы духовной целостности личности. На сегодняшний день востребована методология, отвечающая необходимости глобализации сознания человека.

Современные исследователи (М. П. Арутюнян, В. Н. Сагатовский, А. И. Субетто, В. Н. Финогенов и др.) указывают на актуальность в вопросе разрешения проблемы целостного мировоззрения тех философских идей, которые имеют статус глобальных, и тех методологических оснований, в которых выражено единство онтологического, антропологического и феноменологического подходов к исследованию феномена мировоззрения.

Антропологический подход нацелен на изучение онтологической природы человека, его сущностных свойств как особой формы бытия в мире. Проблема формирования нового типа мировоззрения сопряжена с центральной проблемой целостности человека как феномена бытия.

Онтологический подход к понятию мировоззрения характеризует его в качестве неотъемлемого свойства бытия человека в мире, раскрывает содержательную целостность мировоззрения.

Феноменологический подход нацелен на исследование смысловых структур как онтологических, смысловой данности мира. В рамках этого подхода акцентируется внимание на онто-антропологической связи бытия и смысла. «Это новое онтологическое направление, развивающееся как понимание бытия в качестве смыслового горизонта, является эвристически продуктивным как на онтологическом, так и гносеологическом уровнях. Речь идёт не о созерцании (что означало бы раздвоение на созерцающее существо и созерцаемое бытие), а о переживании бытия в его непосредственности, смысловой самоданности» [8, с. 15].

В контексте единства этих подходов мировоззрение предстаёт особым способом включения человека в мир, который обуславливает процесс «перехода» мира внешнего в мир внутренний, в создание жизненно значимых для человека смыслов и ценностей.

По мнению многих современных авторов (Ф. И. Гиренок, Л. В. Голованов, В. П. Казначеев, О. Д. Куракина, Н. Н. Моисеев, С. Г. Семенова, В. С. Степин, Ю. В. Олейников, и др.), методологической основой формирования мировоззрения современного человека являются идеи философии космизма. Философия космизма представляет собой стержневое направление мировой культуры. Представителями русских философов-космистов являются Н. А. Бердяев, В. И. Вернадский, В. С. Соловьев, Н. Ф. Федоров, Н. Г. Холодный, К. Э. Циолковский, А. Л. Чижевский и др.

Концепции каждого из представителей космизма отличаются своеобразием взглядов, определенной спецификой. Однако единой платформой этого направления знания является целостный подход к рассмотрению взаимоотношений в системе «человек – мир», которая лежит в основе феномена мировоззрения. С точки зрения современных исследователей (В. Н. Сагатовский, Н. В. Исакова, Н. В. Башкова, Г. П. Ковалева, И. Ю. Салмина, С. В. Терехов, Т. А. Феньвеш и др.), космизм является квинтэссенцией глобального мировосприятия и мироощущения, ведущие идеи космизма имеют статус глобальных.

Обратимся к анализу основополагающих идей философии русского космизма с целью, во-первых, раскрытия выраженности в них единства онтологического, антропологического и феноменологического подходов к разрешению проблемы целостного мировоззрения, во-вторых, выяснения смысла и возможностей реализации этих идей в современном образовательном процессе.

В теоретических концепциях философов-космистов основополагающую роль играет *идея единства мира* как гармоничного целого, обладающего способностью эволюционирования. Идея единства мира занимает особое место, как в естественнонаучном, так и в религиозно-философском направлении космизма. Эта идея чрезвычайно важна в плане рассматриваемой проблемы, поскольку в ней находит своё выражение онтологическая составляющая мировоззрения личности.

Для обозначения мира как структурно организованного и упорядоченного целого в концепциях космизма используется понятие «Космос». В религиозно-философском и естественнонаучном направлениях космизма Мир – это Космос, трактуемый как всё сущее. Методологическое положение русских философов о космическом единстве мироздания предполагает понимание целостности мира в масштабах Вселенной.

Для первого направления космизма онтологическим принципом, связующим Космос является идея всеединства, для второго – универсальные космические законы.

В философии В. С. Соловьёва всеединое выступает абсолютной единораздельной целостностью бытия. Идея всеединства позволяет рассматривать мир и лежащие в его основе закономерности как единое целое, как единство всего во всём. По Соловьёву, «первенство бытия принадлежит не отдельным частям, а целому, безусловное первоначало и источник всякого бытия есть абсолютная целостность всего сущего, т. е. Бог» [13, с. 355]. В.С. Соловьёв говорит о единстве идеального и материального, материального и духовного мира. Это положение представляет принципиальную значимость в плане разрешения проблемы формирования целостного мировоззрения, поскольку указывает на неразрывную связь его онтологической и гносеологической сторон.

На основе исследования концепции всеединства Г. Ф. Гараева приходит к следующему заключению: «В. С. Соловьёв отождествлял принцип всеединства с принципом целостности, утверждающим, что каждый предмет есть лишь выделившаяся часть целого, которое включает независимое от какого-то данного предмета бытие других явлений, предметов, процессов, с которыми он связан и взаимодействует» [6, с. 307].

Представители естественнонаучного космизма стоят на позиции признания единства Вселенной, утверждая, что все разнообразие предметов и явлений природы, общества и человеческого сознания – суть проявления целостной всемирной субстанции: «Всё порождено Вселенной, она начало всех вещей, от неё всё и зависит» [16, с. 308].

В *идее о единстве человека и Космоса* выражена установка на онто-антропологическую составляющую мировоззрения личности, определяющую место человека в Мире как космо-планетарной целостности. В соответствии со взглядами представителей философии космизма человек включён в мировой порядок. Он рассматривается как органичная часть Космоса, которая подчиняется законам всеобщей целесообразности. Н. А. Бердяев пишет: «Человек – малая вселенная, микрокосм – вот основная истина познания человека и основная истина, предполагаемая самой возможностью познания. Вселенная может входить в человека, им ассимилироваться, им познаваться и постигаться потому только, что человек не дробная часть вселенной, а цельная малая вселенная» [2, с. 29].

Согласно космизму, человек гармонично связан с природой Космоса и образует с ней неразрывное единство и эта связь представляет собой самый значимый аспект целостности мира. «Неразрывная связь человека и космоса является одним из проявлений целостности мира. Судьба существа зависит от судьбы Вселенной, с другой стороны, судьба Вселенной зависит от космического разума, то есть от разума человечества» [17, с. 226].

Понимание единства человека и космоса нашло своё отражение в мировоззренческой категории антропокосмизма. Антропокосмизм характеризуется Н. Г. Холодным как новое миропонимание, отличное от антропоцентризма, где человек рассматривается в качестве центра мироздания и акцент делается на привилегированном положении человека в мире. Характеризуя основную идею антропокосмизма,

Н. Г. Холодный пишет: «Человеческий микрокосм – органическая часть всего великого мирового целого, нераздельно с ним связанная и ему же обязанная своим существованием. Нет и не должно быть никаких границ между миром человека и всей остальной Вселенной, и поэтому нельзя противопоставлять их друг другу» [18, с. 199]. Все, что разъединяет человека и общество, человека и природу, Н. Г. Холодный относит к антропоцентрическим процессам (эгоизм, честолюбие, пессимизм, нетерпимость и т. п.), а все процессы, ведущие к единению человека и с окружающей его социальной и природной средой, ученый характеризует как антропокосмические.

Следующей центральной идеей космизма, имеющей приоритетное значение для разрешения проблемы целостного мировоззрения, является *идея активной эволюции*. Это идея о космической природе человека и его сознания, о воплощенности в человеке Вселенной в ее развитии и существовании, о предназначении человека. Идея активной эволюции задает качественно новый, соответствующий требованиям современности тип мироотношения.

В соответствии с этой идеей мир как гармоничное целое обладает способностью непрерывного эволюционирования. Эволюция представляет собой проявление космической организованности структуры природы и её процессов. Возникновение и развитие человека рассматривается представителями космизма как определённая фаза процесса универсальной космической эволюции. Человек понимается не только как сознательный субъект исторического процесса, но как эволюционирующее, вселенское и универсальное, творчески себя превосходящее существо. Эволюция трактуется как восхождение от высших материальных форм жизни к высшим, духовным. В идее активной эволюции раскрывается космическая природа сознания человека, указывается на связь сознания с космическими и земными процессами. То есть, согласно этой идее, человек в процессе эволюции закономерно появляется не просто как материальное тело, а как духовное существо. Разум, сознание человека и его духовный мир представляют собой космические явления. Таким образом, в идее активной космической эволюции утверждается единство материального и духовного в Мире.

Связь человека с Космосом выражается не только в его телесной «встроенности» в Мир, но и в способности человека осознать единство Вселенной, в возможности познания и преобразования всеединого мира. Индивидуальность – это «определённый образ всеединства, некоторый определённый способ восприятия и усвоения себе всего другого» [13, с. 114]. По Соловьёву, разум – это способность постичь всеединое идеально, в понятии. Разум для Соловьёва является той точкой, в которой сосредоточено духовное начало в человеке. Из неё он выходит как духовное существо. Благодаря разуму человек себя осуществляет. Размышляя о связи человека с миром, Н. А. Бердяев пишет: «Судьба микрокосма и макрокосма нераздельны, вместе они падают и поднимаются» [4, с. 90].

В естественнонаучной концепции космизма (В. И. Вернадский) эволюция человека связывается с *идеей ноосферы* как сферы разума, которая является высшим идеалом разумной организации взаимодействия человека с Природой. В. И. Вернадский говорит о неизбежности «наступления времени, когда человечество должно строить свои отношения с природой на научной основе, а наука, призванная помочь человечеству овладеть теми процессами, которые до сих пор протекали стихийно, постепенно начнёт пронизывать всю деятельность общества, включая его взаимоотношения с природой» [5, с. 484].

По Вернадскому, приближение к ноосферному идеалу требует от человека научиться мыслить и действовать «не только в аспекте отдельной личности, семьи или рода, государств или союзов, но и в планетарном аспекте» [5, с. 35].

В философии космизма именно человеку как духовному существу отводится огромная роль в преобразовании мироздания. Вместе с тем указывается на несовершенство духовной природы человека. С точки зрения космистов, человек представляет собой далёкое от идеала существо. Отсутствие у него стремления к самосовершен-

ствованию грозит цивилизации непредсказуемыми катастрофическими последствиями. Философами-космистами настойчиво проводится мысль о необходимости дальнейшего развития человека ко всё большей целостности. Целостность человек обретает через совершенствование себя. Совершенствуя себя, человек совершенствует человечество как планетарное единство и Природу, рассматриваемую в космопланетарном масштабе. Человек в философии космизма характеризуется как субъект, обладающий потенцией «бесконечного совершенства», как существо, могущее «в сознании и в жизни своей вместить абсолютную истину» [14, с. 506].

Необходимость духовного совершенствования человека обусловлена объективным процессом эволюционного космо-планетарного развития. В соответствии с философией космизма, человек наделён особым идеальным онтологическим статусом, он призван познавать и одухотворять Мир. Активная эволюция предполагает конструктивное вмешательство людей в естественную среду для снятия природных и социальных противоречий. Идея ноосферы ориентирует на духовное измерение всей системы отношений человека с Миром.

В философии космизма идеалом человека выступает духовная творческая свободная личность, осознавшая свою ответственность перед Космосом и человечеством, постоянно стремящаяся к обретению максимального единства и гармонии с ними.

Основой духовного совершенствования человека, которое ведёт его к гармоничному единению с миром, философия космизма считает *космическую этику*. Философы-космисты подчеркивают приоритет нравственно-психического преобразования человечества. По их мнению, вектор эволюционного развития человека должен быть направлен к осуществлению высших этических идеалов.

Этические идеалы космизма основываются на представлении философов о всеединстве, месте и назначении человека, роли человека в коэволюционном процессе человечества, природы планеты Земля и Космоса. Осуществление личностью процесса самосовершенствования должно опираться на знание законов Космоса.

Космическая этика ориентирует человека на высшее духовное единство с Миром. В соответствии с этикой космизма единство Мира находит своё выражение в понятии «любовь». Любовь в представлениях космистов – это онтологический акт, нацеленный на единство мира. По В. С. Соловьёву, «Благо есть единство всего или всех, т. е. любовь как желаемое («единство существенное»)»; «Истина есть та же любовь, то есть единство всего, но уже как объективно представляемое; то есть единство идеальное»; «Наконец красота есть та же любовь (т.е. единство всех), но как проявленная или осязаемая: это есть единство реальное» [12, с. 102]. Особое значение в реализации жизненной задачи человека – установлении всеединства В.С. Соловьёв придаёт нравственным чувствам. Если разум и слово, с его точки зрения, являются необходимыми формальными условиями включения человека в процесс становления всеединства, то нравственные чувства задают уже определенное содержание его деятельности в этом процессе. По убеждению В.С. Соловьёва, в нравственности мы находим реальные переживания действительности, против которых, бессильны всякие отвлеченные рассуждения.

Согласно В. С. Соловьёву, любовное взаимодействие (сигизия) должно объять отношение индивида к большему, чем он сам, целому: к народу, обществу, человечеству и, наконец, ко всей Вселенной. «Установление истинного любовного...отношения человека не только к его социальной, но и к его природной и всемирной среде, - считает философ, – эта цель сама по себе ясна» [15, с. 101].

Значимость понятия «любовь» для формирования мировоззрения и духовного мира человека в целом подтверждают и современные исследователи. По мнению А. И. Зеличенко, «любовь составляет сердцевину духовности» [7, с. 156]. В. И. Мурашов рассматривает это понятие как педагогическую категорию: «Развитие сердца как органа любви – ведущий принцип духовно развивающегося российского образования III тысячелетия» [10, с. 34].

В этике космизма основной акцент делается на проблеме должного отношения микрокосма (человека) к макрокосму (объективному миру). В ней проявляется стремление утвердить этику универсальной ответственности и любви. В соответствии со взглядами космистов, высшая воля человека – это воля к разумному и высоконравственному самоосуществлению. По Бердяеву, «творчество - нравственный долг человека, им он окупает грехи низшей природы и помогает эволюции [3, с. 209].

Смысл существования человека связывается с повышением его статуса как созидательно-деятельного участника космического эволюционного процесса. В соответствии с космической этикой, поступки личности оцениваются, исходя из общечеловеческих целей планетарного и космического масштабов. Космизм предполагает универсализацию нравственных ценностей. Проблема смысла жизни в творчестве философов-космистов рассматривается не в узко личностном, а в космо-планетарном плане. Смысл жизни человека в творчестве философов-космистов раскрывается как служение общему благу. Благо трактуется в качестве всеобщего основания космического бытия. Содержание процесса духовного совершенствования человека обусловлено значением этого процесса для гармонизации его отношений с Миром. Этика гуманизма и универсальной ответственности выступают как смыслообразующие и целеполагающие ориентиры духовно-нравственного совершенствования человека.

Следует заметить, что философы-космисты придают большое значение образованию, полагая космическую этику в качестве основания воспитания у человека ответственности за весь космический порядок жизни. С точки зрения О. Д. Куракиной, «русский космизм – это определённая ориентация целой культуры, в частности, Российской, в основе которой лежит мировоззрение живого нравственного Всеединства» [9, с. 9].

Принципиальная значимость идеи активной эволюции для исследования целостности духовного бытия человека состоит в том, что в ней выражено единство антропологической, онтологической и феноменологической составляющих мировоззрения личности.

Вышеизложенное приводит к выводу о том, что основополагающие идеи философии русского космизма – идея всеединства, идея о единстве человека и Космоса, идея активной эволюции, идея ноосферы – обладают тем методологическим потенциалом, использование которого может стать эффективным условием формирования целостного, востребованного на современном этапе исторического развития мировоззрения личности. Целостный характер нового типа мировоззрения, формируемого на основе идей космизма, задаётся глобальным характером этих идей и выраженностью в единстве их содержания онтологического, антропологического и феноменологического подходов к исследованию духовного мира человека.

Онтологическая сторона нового типа мировоззрения предполагает опору образовательного процесса на модель мироздания как метасистему, отражающую современное научно философское видение мира в масштабах Вселенной. Непрерывно эволюционирующими и неразрывно связанными между собой составляющими этой метасистемы являются неорганичная космопланетарная система, биосфера, социум, культура. Имманентная принадлежность человека к природной и социокультурной составляющим мироздания понимается как среда и условие его жизнедеятельности в качестве телесно-духовного существа.

Гносеологическая составляющая этого типа мировоззрения предполагает познание Мира как эволюционирующей метасистемы и действия в ней универсальных законов бытия в контексте собственной имманентной включённости в космопланетарное бытие.

Аксиологическая сторона мировоззрения, формируемого на основе идей космизма, находит своё выражение в таких ценностях как феномен жизни; единство космопланетарных, биосоциальных и социокультурных условий существования индивида

и человечества в целом; благополучие, толерантность, творчество; свобода, возможность духовного развития и самореализации.

Праксеологическая сторона нового типа мировоззрения характеризуется наличием ценностных ориентаций и установок на нравственное и ответственное отношение к миру, на обретение максимального единства и гармонии с ним, на созидательную деятельность, совершенствующую и гармонизирующую мир, на постоянное духовное самосовершенствование.

Основополагающими характеристиками востребованного на сегодняшний день целостного мировоззрения личности являются: глобальность, космичность, ноосферность, прогностичность, гуманизм, экологичность.

Формирование в образовательном процессе целостного мировоззрения личности на основе идей космизма возможно при следующих условиях:

1. Осуществление отбора и конструирования содержания образования на основе складывающейся в настоящее время системной научно-философской картины мира, в которой стираются границы между наукой и философией. Системная научно-философская картина мира раскрывает всеобщий синтез объектов и явлений Вселенной. В ней представлено единство систем Универсума: природной, социальной, духовной и искусственной. В рамках данной картины мира знания о Вселенной, природе Земли, обществе и человеке предстают перед учащимися как единая система, что обуславливает формирование целостного миропонимания личности.

2. Организация формирования интеллектуально-когнитивной стороны мировоззрения на основе системного, интегративного характера процесса познания. Системное мышление рассматривает объект мира во взаимосвязи всех его характерных черт, во взаимосвязи различных уровней, внутренних и внешних отношений и его целостной сущности. Законы существования объекта действительности рассматриваются как выражение всей системы его взаимодействий в космо-планетарном пространстве. Познание мира предполагает рассмотрение его как метасистемы – системы систем. Познавательный процесс ориентируется на единство аналитической и синтетической форм мышления, на моделирование как способ познания, на развитие у учащихся способности видеть целое раньше его частей.

3. Введение в содержание мировоззрения новых смыслов, формирование ценностного ряда, ориентирующего личность на гармонизацию своих отношений с миром и обеспечение ноосферного вектора развития. Ориентация процесса образования на формирование мировоззрения как иерархически выстроенную систему глубинно-смысловых целостных гуманистических представлений о мире, на становление миропонимания, которое позволяет индивиду усваивать общую морально-этическую основу ответственной созидательной жизнедеятельности. Формирование в сознании учащихся наряду с реалистичной моделью идеализированной модели мира, которая дает представление о том, каким должен быть мир в идеале и как нужно относиться к миру, чтобы приблизиться к этому идеалу.

4. Нацеленность образовательного процесса на воспитание духовной, творческой, свободной личности, осознающей ответственность перед собой, человечеством и Природой в её космопланетарном масштабе. Установка образовательного процесса на решение основного вопроса свободы – свободу обладать собственной картиной мира, соединенной с ответственным мышлением. При этом собственная картина мира основывается на осознании укоренённости собственного «Я» в Мире как метасистеме, представляющей собой неразрывное единство Природы Космоса и планеты Земля, человечества и культуры.

Список литературы

1. Арутюнян М. П. Мировоззрение: онтологический и методологический подходы: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Хабаровск, 2006. – 42 с.
2. Бердяев Н. А. Макрокосм и микрокосм // Феномен человека. – М.: Высшая школа, 1993. – С. 28 – 58.
3. Бердяев Н. А. Самопознание. М.: Книга, 1991. – 448 с.

4. Бердяев Н. А. Философия творчества культуры и искусства. В 2-х ч. Т. 1. – М.: Искусство, 1994. – 542 с.
5. Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. – 520 с.
6. Гараева Г. Ф. Софийный идеализм как историко-философский феномен. – М.: Диалог-МГУ, 2000. – 384 с.
7. Зеличенко А. И. Психология духовности. – М.: Изд-во Трансперсонального института, 1996. – 400 с.
8. Конашкова А. М. Методологические основания феноменологической онтологии: архитектура смысла бытия: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2007. – 28 с.
9. Куракина О. Д. Русский космизм как социокультурный феномен. – М.МФТИ, 1993. – 132 с.
10. Мурашов В. И. Духовность отечественного образования как интегральный ресурс российских реформ // Школа духовности. – 1998, №4. – С. 23 – 41.
11. Пушкарёва Е.А., Пушкарёв Ю.В., Латуха О.А. Российское образование в контексте инновационного становления глобальной организации социокультурного пространства // Проблемы логики социокультурной эволюции и философия Западной Сибири. – Бийск: БГПУ им. В.М. Шукшина, 2007. – 590 с.
12. Соловьёв В.С. Собрание сочинений. СПб. Т.III. – 440 с.
13. Соловьёв В.С. Собрание сочинений: В 10 т. 2-е изд. СПб., б/д. Т.3. – 430 с.
14. Соловьёв В.С. Сочинения в 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. – 822 с.
15. Соловьёв В.С. Смысл любви // Русский космизм. Антология философской мысли. М.: «Педагогика-Пресс», 1993 – 368 с.
16. Циолковский К.Э. Воля Вселенной // Грёзы о земле и небе: Научно-фантастические произведения. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1986. – 448 с.
17. Циолковский К.Э. Очерки о Вселенной. – Калуга: Золотая аллея, 2001. – 384 с.
18. Холодный Н.Г. Избр. труды. – Киев: Наук. думка, 1982. – 444 с.

PROBLEM OF CULTIVATION OF THE WHOLE PERSONAL VIEWS IN THE CONTEXT OF COSMISM PHILOSOPHY IDEAS

N. G. Tarassenko

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
tarassenko@bsu.edu.ru*

The urgency of the whole problem of whole personality's world views for a modern educational system is proved in the article.

The author gives reasons for the right choice of basic ideas of cosmism philosophy as the methodological basis of the solution of the given problem.

Methodological potential of main ideas of cosmism is revealed in the content of ontological, gnoseological, axiological and practical world views components.

In the article pedagogical conditions of cultivation of the whole personal views on the basis of cosmism philosophy ideas are defined.

Key words: personality's world view, methodological basis, ideas of cosmism philosophy, unity of all essentials, active evolution, noosphere, educational process, content of education, pedagogical conditions.

УДК 37.013:069.121

МУЗЕЙНАЯ ПЕДАГОГИКА: ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Н. Л. Шеховская¹
Е. П. Мандебура²

¹ *Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

² *Белгородский
государственный
институт
культуры и
искусств*

e-mail:
Shehovskaya@bsu.edu.ru
lenalila75@mail.ru

В статье рассматриваются история становления и развития музейной педагогики, проблемы её современного состояния. Характеризуются формы взаимодействия музея и школы, организуемые в рамках музейно-педагогического процесса.

Ключевые слова: культурно-образовательная среда, музейная педагогика, музейно-педагогическая программа, формы взаимодействия музея и школы, музейно-педагогический процесс.

Одной из важнейших функций образования является культурно-образовательная направленность. П.А. Флоренский писал, что культура – это среда, растящая и питающая личность. Культура целостна по своей природе и поэтому именно она как в общечеловеческих, так и в национальных рамках создает объективную основу для единства общества и личности, целостности деятельности человека и духовно-нравственных позиций общества [13].

В настоящее время, когда наличие духовного кризиса общества на лицо, философское осмысление сущности человека и механизмов его становления позволяет прийти к выводу, что между культурой и образованием существует прочная двусторонняя связь.

С 1990-х гг. XX в. в науку вошёл термин «человек культуры», впервые употреблённый А. Ф. Малышевским, в связи с рассмотрением диалогического характера взаимодействия личности и культуры. Культура выступает духовным компонентом человеческой деятельности. Общеизвестно, что образовательный процесс составляет основу человеческой деятельности, а современная культура базируется на способности работать с различными типами культур. Культура и образование по широте своего развития и значимости для человека и общества в целом становятся в центре внимания всего мирового сообщества, выступая важными факторами прогресса общества и развития человеческой цивилизации. Культура и образование являются не только социальными институтами, через которые осуществляется трансляция и воплощение базовых культурных ценностей, но именно в культурно-образовательной среде, прежде всего, формируется развитие общества. Поэтому на наш взгляд важно знать и уметь оценить силу влияния культурно-образовательной среды на развитие отдельного человека и всего общества в целом.

Современные концепции культурно-образовательной среды позволяют рассматривать образовательное значение музея как образование культурой через формирование у посетителей ценностного отношения к культурно-историческому наследию. В связи с чем, в конце XX в. стало актуальным обращение к такой дисциплине как музейная педагогика.

Предпосылкой зарождения музейно-педагогической мысли явилось осознание музея как социального института образования, что ярко проявилось на рубеже XIX и XX вв. в Германии.

В своих исследованиях Е. Б. Медведева отмечает, что основополагающие идеи музейной педагогики связаны с именами немецких ученых: А. Лихтварка – директора Гамбургской картинной галереи, К. Фолля – профессора Мюнхенского

университета и деятельностью Г. Кершенштайнера, концепция которого легла в основу деятельности Немецкого музея шедевров естествознания и техники г. Мюнхена, что позволило воспринимать экспозиции музея не только специалистами, но и простым учащимся [4].

Термин «музейная педагогика» впервые появился в книге Г. Фройнденталя «Музей – образование – школа» (1931 г.), в которой он описывает методику работы со школьниками, включающую подготовку учащихся к посещению музея и последующее закрепление полученных знаний и впечатлений, где центральное место отводится учителю, выступающему одним из участников музейно-педагогического процесса [16].

Рейхвейн А. вслед за Г. Фройнденталем употребляет термин «музейная педагогика» в контексте взаимодействия музея и школы. А. Рейхвейн, являясь руководителем отдела «Музей и школа» Берлинского музея этнографии, впервые создает для учащихся специализированные экспозиции, построенные по принципу музейно-мастерских, что в дальнейшем станет одним из важнейших направлений музейной педагогики [16].

В Германии были разработаны и внедрены в практику важнейшие музейно-педагогические идеи, впервые появился термин, обозначающий первоначально особое направление деятельности музея: участие в учебно-воспитательном процессе образовательного учреждения и создание образовательных программ для учащихся.

Однако в последнее время, как подчеркивает Е. Б. Медведева, в западной Германии произошел окончательный отказ от трактовки музейной педагогики как использования музея в целях обучения. Этим термином стали обозначать новую научную дисциплину, рассматривающую образовательные проблемы музейной коммуникации. Согласно трактовке западногерманских специалистов сферой музейной педагогики является создание наиболее благоприятных условий для общения с культурным наследием [16].

Изучение трудов немецких специалистов русскими учеными на рубеже XIX – XX вв. оказало влияние на процессы формирования теоретических и практических аспектов отечественной музейной педагогики. Вопросами музейно-педагогической традиции в России занимались: А. В. Бакушинский, Н. Д. Бартрам, А. У. Зеленко, Я. П. Мексин, Н. И. Романов, Н. Ф. Федоров и др.

Большое влияние на формирование отечественной музейно-педагогической традиции оказали воззрения философа, представителя русского космизма Н. Ф. Федорова, который считал музей нравственно-воспитательным учреждением, влияющим на цели и смысл человеческой деятельности. Ученый выделял три основные функции музея: исследование, учительство и деятельность, совокупная реализация которых будет способствовать формированию духовности и творческих начал [11, с. 31].

Особое место в теоретическом осмыслении опыта педагогической работы в российских музеях принадлежит Н. И. Романову и А. В. Бакушинскому. В своей деятельности они сочетали разработку теории художественного воспитания с методикой экскурсионной работы в художественном музее.

Рассматривая становление музейно-педагогических традиций в России, следует упомянуть о развитии детских музеев на рубеже XIX – XX вв., которые приобрели характер музеев детского творчества и детского труда, к ним можно отнести музей игрушки Н. Д. Бартрама; проект Детского музея-дворца ребенка А. У. Зеленко; Музей детской книги Я. П. Мексин. Названные музеи несли черты своих создателей, но вместе с тем имели много общего. Они были спроектированы с учетом особенностей детской психологии – с опорой на чувственное восприятие и активность ребенка, который стремится познавать мир через игру. Концепция детских музеев строилась на том, что ребенок познает мир через органы чувств, в связи с этим каждый из музеев имел не только экспозиционную часть, но также, часть, где дети

могли практически ознакомиться и поучаствовать в процессе создания экспонатов музея.

Говоря о развитии музейной педагогики в России, отметим характерные черты для отечественной музейной работы: необходимость акта сопереживания в процессе восприятия произведения искусства (А. В. Бакушинский); необходимость формирования потребности навыков эстетического созерцания, в рамках школьного учебно-воспитательного процесса; зарождение отечественной экскурсионной школы (Н. И. Романов, А. В. Бакушинский); возникновение детских музеев, которые являлись центрами альтернативного образования (Н. Д. Бартрам, Я. П. Мексин) [11].

Необходимость разработки музейной педагогики, обеспечивающей научный подход к трактовке музейных собраний на основе использования принципов современной педагогики и психологии, возникла в 1970-х гг. XX века.

В 1980-х гг. XX в. а один из ведущих музееведов России А. М. Разгон отметил, что «создание такой научной дисциплины, находящейся на стыке целого комплекса наук, ныне представляется уже не какой-то отдаленной перспективой, а насущной практической задачей» [6, с. 42].

Формированию музейной педагогики как самостоятельной научной дисциплины в 1980 – 1990-х гг. XX в. способствовала сложившаяся в области культурно-образовательной деятельности музея ситуация, характеризующаяся следующим особенностями.

Во-первых, формируется новая аксиологическая образовательная концепция отечественного музея, согласно которой у посетителей в рамках культурно-образовательной деятельности музея формируется ценностное отношение к культурно-историческому наследию.

Во-вторых, меняется отношение к самой аудитории, которая начинает восприниматься не как объект, а как равноправный участник коммуникативного процесса, диалога, осуществляемого в музейной среде.

В-третьих, впервые серьезно стала рассматриваться проблема результативности музейной коммуникации, воздействия музея на различные группы посетителей, эффективности тех или иных музейных форм. В музее стали проводиться психологические исследования.

В-четвертых, возникла необходимость в появлении особого типа музейного специалиста, способного осуществлять образовательную деятельность в музее.

В-пятых, возникла потребность в интеграции музееведения с другими научными дисциплинами, такими, как педагогика и психология [16, 8-9].

Все эти особенности свидетельствовали о переходе на новый культурно-образовательный уровень при контакте музея с аудиторией, что создало предпосылки для осознания роли накопленной теории, и как следствие этого – возникновение нового термина «музейная педагогика» и новой научной дисциплины.

Являясь самостоятельной научной дисциплиной, сформировавшейся на стыке музееведения, педагогики и психологии, музейная педагогика, рассматривает музей как культурно-образовательную систему и выполняет свои функции: познавательную, воспитательную, творческую и социальную, которые между собой взаимосвязаны и взаимообусловлены, что позволяет ввести её в каждый из разделов педагогического знания [11].

Музейная педагогика обладает собственной внутренне-согласованной системой категорий и понятий, отражающей ключевое содержание образовательной деятельности музея и способствующей продуктивному движению теоретической мысли. Рассмотрение и изучение категорий и понятий как инструментария необходимого для исследования и использования образовательной деятельности музея.

Говоря о родстве музееведения и педагогики и их соотношении с момента введения К. Фризенем (Германия) термина «музейная педагогика» в научный оборот, обозначились педагогический, посреднический и междисциплинарный аспекты в молодой научной дисциплине. В связи с этим в Германии и России возникают

различные трактовки определения музейной педагогики. Вот как они выглядят в исторической последовательности:

– *музейная педагогика* – это наука о воспитании средствами музея, а музейная дидактика – посредническая миссия музея (А. Кунтс, В. Хильгерс) [11, с. 105];

– *музейная педагогика* – пограничная научная дисциплина, находящаяся на стыке музееведения и педагогических наук и исследующая образовательно-воспитательные цели общества применительно к специфическим формам музейной коммуникации (К. Патцвал, Й. Аве);

– *музейная педагогика* – научная дисциплина на стыке музееведения, педагогики и психологии, рассматривающая музей как образовательную систему (М. Ю. Юхневич) [15, с. 3];

– *музейная педагогика* – это область научно-практической деятельности современного музея, ориентированная на передачу культурного (художественного) опыта через педагогический процесс в условиях музейной среды (Б. А. Столяров) [10, с. 7]. Данное определение рассматривается применительно к художественному музею;

– *музейная педагогика* – область науки, изучающая историю, особенности культурной образовательной деятельности музеев, методы воздействия на различные категории посетителей, взаимодействие музеев с образовательными учреждениями [7, с. 89];

– *музейная педагогика* – отрасль педагогической науки и построенная на её основе научно-практическая деятельность, ориентированная на передачу культурного опыта в условиях музейной среды (Б. А. Столяров) [11, с. 211].

Как научная дисциплина, музейная педагогика имеет свои направления исследований и проблемы, связанные с многообразием контактов музея и аудитории. Основными проблемами музейной педагогики на современном этапе развития являются:

– проблема *образовательной специфики музея*. Решение которой, связано с ответом на вопрос, зачем люди ходят в музей и в чем они видят смысл музейного посещения;

– проблема *эффективности музейной коммуникации*, которая связана с результатами изучения воздействия музея, музейного пространства, музейной экспозиции и музейного предмета на посетителя;

– проблема *изучения музейной аудитории*, опирающаяся на исследование особенностей людей, которые приходят в музей или игнорируют его;

– проблема *создания и апробации* новых методик, программ, экспозиций для различных посетителей;

– проблема *установления оптимальных форм взаимодействия с партнерами* по культурно-образовательной деятельности, организация сотрудничества с образовательными учреждениями;

– *изучение истории музейно-педагогической мысли и культурно-образовательной деятельности музея* [15, с. 10 – 11].

Для решения этих и других проблем в России создаются музейно-педагогические центры, наиболее известными из которых являются: Творческая лаборатория «Музейная педагогика» кафедры музейного дела Академии переподготовки работников искусства культуры и туризма (рук. И. М. Коссова, Москва); Российский центр музейной педагогики и детского творчества Государственного Русского музея (рук. Б. А. Столяров, Санкт-Петербург); Лаборатория музейного проектирования Российского института культурологии (рук. Н. А. Никишин); Лаборатория эстетического образования Московского института развития образовательных систем (рук. Г. П. Сергеева, Москва); Республиканский детский музейный центр Карелии при Государственном музее-заповеднике «Кижы» (рук. Л. В. Шилова, Карелия) и др.

Деятельность центров направлена на решение проблем комплектования, изучения, сохранения музейных фондов; проектирования и экспозиционирования музейных фондов; разработку программ работы с музейной аудиторией и сотрудничества со школами и другими партнерами по культурной деятельности; использование информационных технологий, организация и проведение семинаров и научно-практических конференций и др. [1; 3; 5; 8].

В рамках деятельности указанных центров были подготовлены музейно-педагогические программы: «Музей и культура» (авторы Е. Г. Ванслова, Т. В. Чумалова, Т. Н. Панкратова и др., Москва); «Предметный мир культуры» (разработанная на базе Московского института развития образовательных систем); «Здравствуй, музей!» (г. Санкт-Петербург) и др. [2; 11; 12].

Музейно-педагогические программы, содержат два блока – «школа в образовательном пространстве музея» и «музейная педагогика в образовательном пространстве школы», – предоставляя возможность наиболее эффективного взаимодействия музея и школы, так как создаются предпосылки для формирования музейно-педагогической деятельности в рамках школьного образовательного процесса. Говоря о блоках, необходимо отметить, что блок «школа в образовательном пространстве музея» характеризуется погружением учащихся в музейное и околмузейное пространство, что способствует развитию эмоционально-эстетической сферы личности, все предлагаемые формы работы в данном блоке, организуются сотрудниками музея, учащиеся же выступают в роли слушателей, наблюдателей. Основные задачи школьного педагога в данном блоке - организовать экскурсию в музей, провести работу с учащимися до и после посещения музея, формировать культуру поведения в музее.

Блок «музейная педагогика в образовательном пространстве школы» обладает меньшими возможностями для погружения учащихся в музейное и околмузейное пространство, но в большей степени позволяет включить средства музейной педагогики в образовательный процесс, что способствует формированию самостоятельной исследовательской деятельности школьников, развитию проективных умений, умений работать на музейной экспозиции и с музейным предметом. Основные формы данного блока организуются и проводятся школьным педагогом.

Шляхтина Л. М. выделяет формы взаимодействия музея и школы, которые распределяются по блокам «школа в образовательном пространстве музея» и «музейная педагогика в образовательном пространстве школы», следующим образом (см. табл. 1):

Таблица 1

Формы взаимодействия музея и школы

Блок «школа в образовательном пространстве музея»	Блок «музейная педагогика в образовательном пространстве школы»
Совместная работа по организации и проведению учебной экскурсии в музее	Участие музея в организации школьных факультативов, кружков, воспитательных мероприятий
Сотрудничество музейного работника с педагогом при подготовке и проведению различных музейных занятий	Использование учителем музейных предметов в качестве наглядных пособий на школьном уроке
Проведение в музее мероприятий научно-исследовательского характера (семинаров, лекций, конференций)	Совместная организация мероприятий воспитательного значения
	Помощь в создании школьного музея и организации его работы

Названные формы могут реализовываться, как в стенах музея, так и за его пределами. В рамках школьной программы выделяются отдельные учебные предметы, освоение которых может осуществляться с опорой на сотрудничество музея и обра-

зовательного учреждения в рамках музейно-педагогических программ для достижения целей образования и воспитания.

Отсюда возникает необходимость подготовки учителя начальных классов к восприятию и трактовке музейной информации, методике её использования в образовательном процессе начальной школы, информирования специалистов системы образования о деятельности музеев и знании ими музейно-педагогических программ региональных музеев.

Говоря о культурно-образовательной среде музея необходимо отметить *образовательную деятельность музея*, осуществляемую через реализацию педагогического процесса, который проходит в различных организационных формах (индивидуальных, групповых, коллективных) на основе музейного памятника с привлечением разнообразных текстов, наглядных пособий, аудио-, видео- и компьютерной техники, а также технологий, позволяющих включать в педагогический процесс как интеллект, так и эмоции. Средством реализации образовательной деятельности музея выступает музейно-педагогический процесс, представляющий собой, по мнению Б. А. Столярова, «системно организованное и четко направленное взаимодействие музейного педагога и учащихся, ориентированное на формирование в условиях музейной среды творчески развитой личности» [11, 106].

Музейно-педагогический процесс включает три взаимосвязанных звена: музейный педагог, музейный предмет, зритель. Схематически музейно-педагогический процесс с учетом взаимоотношений субъекта и объекта можно представить так:

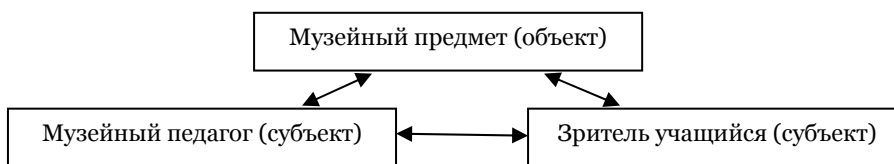

Рис. 1. Музейно-педагогический процесс

С этой точки зрения справедливо утверждение В. А. Слостенина и Л. М. Мищенко, что истинным объектом педагогической деятельности является не сам ученик, вырванный из педагогического процесса, а «именно педагогический процесс, представляющий собой систему взаимосвязанных учебно-воспитательных задач, в решении которых воспитанник принимает непосредственное участие и функционирует как один из главных компонентов» [9, с. 82]. Таким образом, в триаде, представляющей музейно-педагогический процесс в системе общего школьного образования процесс совершенствования и развития личности ученика в совместной деятельности учителя и школьника направлен на: духовно-нравственное становление личности; формирование чувственно-образного мышления на основе восприятия музейного предмета; гармонизацию интеллектуального и эмоционального развития школьника; освоение необходимых способов взаимодействия с музеем; развитие мотивации и познания к творчеству; формирование и развитие способности к эстетическому восприятию и переживанию (чувства прекрасного); формирование мировоззренческих и гуманистических идеалов.

Образовательная деятельность музея, характеризуется педагогической направленностью на развитие, воспитание и обучение личности средствами музейной педагогики [11]. Музей дает возможность:

- увидеть неизвестные образцы художественной культуры, которые не входят в число часто упоминаемых и тиражируемых;
- познакомиться со специфическими способами передачи информации, характерными для музейной экспозиции, это: музейные экспонаты, коммуникация с которыми

происходит на нескольких уровнях: вербальная информация (информация об авторе, время создания и т.п. предмета) и «раскодирование» информации, которое представлено не вербально (эпоха, условия создания, среда и т. п. существования предмета). Музейная экспозиция, являясь художественным текстом, нуждается в осмыслении аудиторией, и представляет собой новый мир, транслируемый музейными предметами;

– овладеть «инонаучными» способами постижения мира, которые в школьных программах почти не представлены, – культурное собеседование, переживание, воображение, интерпретирование и др. Для познания музейной среды необходимо освоить при-сущие музею способы познания и формы деятельности: рассматривание, сопоставление, сравнение, исследование;

– приобрести навыки музейного ориентирования, т. е. понять законы существования музея, структуру музея, специфику его деятельности, логику построения музейной экспозиции;

– приобрести опыт соприкосновения с подлинником, где каждый экспонат имеет историческую, художественную и эстетическую ценность. Через опыт общения с подлинником посетитель приобретает навык различия «настоящего» и «мнимого», учится понимать, что есть искусство;

– способствовать поиску ценностных ориентиров, которые в дальнейшем помогают выстроить собственную иерархию смыслов и ценностей.

Названные возможности музея, прежде всего, обусловлены свойствами музейных предметов, фондом научно-вспомогательных материалов, музейной экспозицией и музейной средой, в которых заключается специфика музейной информации, посредством которой музей включается в образовательный процесс и реализует свои возможности в целостном процессе обучения, воспитания и развития личности школьника.

Таким образом, музейная педагогика, сформировавшись на рубеже XIX – XX вв. как научная дисциплина, раскрывающая взаимодействие музея и школы, на современном этапе модернизации отечественного образования перешла в качественно новую фазу развития, открывающую возможность поэтапного формирования личности посредством музейно-педагогических программ, тем самым вызывая необходимость подготовки педагогических кадров системы образования к органичному включению музея в систему образования и воспитания. В связи с этим, встает необходимость овладения педагогом не только знаниями о направлениях деятельности музея, формах и методах работы с музейной аудиторией, но и практическими навыками и умениями использования средств музейной педагогики в образовательном процессе. Отбор средств музейной педагогики и включение их в образовательный процесс музея и школы зависит от поставленных целей и конкретных задач, возрастных особенностей аудитории, а также от характерных особенностей организуемой деятельности в условиях региона.

Список литературы

1. АПРИКТ – Кафедра музейного дела / Режим доступа: <http://www.aprik.ru/mus/default.htm>.
2. Курс «Музей и культура» в начальной школе. Программа. Опыт внедрения: Экспериментальное методическое пособие / Под ред. Е. Г. Вансловой. – М.: МИРОС, 1995. – С. 16 – 17.
3. Лаборатория музейного проектирования / Режим доступа: <http://www.future.museum.ru/lmp/mission/default.htm>.
4. Медведева Е. Б. Музейная педагогика в Германии и России: История и современность. Учебное пособие / Е. Б. Медведева. – М.: АПРИКТ, 2003. – 92 с.
5. Образование культурой. Образовательные программы музея-заповедника «Кижы». Детский музейный центр музея-заповедника «Кижы» ДМЦ / Режим доступа: <http://kizhi.karelia.ru/education/rdmc/>.
6. Разгон А. М. Музейный предмет как исторический источник / А.М.Разгон // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. – М., 1984. – С. 177 – 185.
7. Российская педагогическая энциклопедия: В 2 т. / гл. ред. В. В. Давыдов. Т. 1: А – М. – М., 1993. – С. 89.

8. Российский центр музейной педагогики и детского творчества / Режим доступа: <http://www.muzped.net/>.

9. Слостенин В. А. Профессиональная готовность учителя к воспитательной работе: содержание структура, финансирование / В. А. Слостенин // Профессиональная подготовка учителя в системе высшего педагогического образования. – М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1982. – С. 19 – 28.

10. Столяров Б. А. Педагогика художественного музея: от истоков до современности: учебное пособие для вузов / Б. А. Столяров. – СПб.: Специальная литература, 1999. – 222 с.

11. Столяров Б. А. Музейная педагогика. История, теория, практика.: учеб. пособие / Б. А. Столяров. – М.: Высш. шк., 2004. – 216 с.

12. Столяров, Б.А. Музейно-педагогическая программа «Здравствуй, музей!» / Б.А. Столяров, А.Г. Бойко // Художественный музей в образовательном процессе. – СПб., 1998. – 318 с.

13. Флоренский, А.П. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях / П.А. Флоренский // Курс лекций, прочитанных во ВХУТЕ-МАСе. М.: «Прогресс», 1993.

14. Шляхтина Л. М. Основы музейного дела: теория и практика: учеб. пособие / Л. М. Шляхтина. – М.: Высш. шк., 2005. – 183 с.

15. Шулепова Э. А. Основы музееведения: Учебное пособие / Отв. ред. Э. А. Шулепова. - М.: Едиториал УРСС, 2005. – 504 с.

16. Юхневич М. Ю. Я поведу тебя в музей: учеб. пособие по музейной педагогике / М. Ю. Юхневич. – М., 2001. – 223 с.

MUSEUM PEDAGOGY: HISTORICAL AND PEDAGOGICAL ANALYSIS

N. L. Shehovskaya¹
E. P. Mandebura²

¹ *Belgorod National
Research University*

² *Belgorod
State
Institute of
Culture and Art*

e-mail:
Shehovskaya@bsu.edu.ru
lenalila75@mail.ru

The history of museum pedagogics formation and development, the problems of its modern status are considered in the article. The forms of interaction between museum and school, being organized in the limits of museum pedagogical process are characterized.

Kew words: cultural and educational sphere of, museum pedagogics, museum pedagogical program, the forms of museum and school interaction, museum pedagogical process.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.955:378

ПОКАЗАТЕЛИ РАЗВИТИЯ ПРОГНОСТИЧНОСТИ МЫШЛЕНИЯ БУДУЩИХ ПСИХОЛОГОВ

Я. Б. Белецкая

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
Beletskaya_Yana@bsu.edu.ru*

В статье представлен анализ научных подходов к пониманию прогностичности мышления. Предлагаются ситуации, направленные на изучение особенностей развития продуктивности прогностичности мышления психологов. Анализируются и сравниваются результаты эмпирического исследования особенностей развития прогностичности мышления у студентов-психологов по показателям «саногенный прогноз», «нейтральный прогноз», «патогенный прогноз». Описываются различия в особенностях развития продуктивности прогностичности мышления психологов по показателям «саногенный прогноз», «нейтральный прогноз», «патогенный прогноз».

Ключевые слова: прогноз, прогностичность мышления, «саногенный прогноз», «нейтральный прогноз», «патогенный прогноз», продуктивность прогностичности мышления.

Активизация отличительных свойств профессионального психологического мышления, обеспечивающих эффективность решения профессиональных задач происходит в ситуациях взаимодействия психолога с клиентом. Одним из таких свойств профессионального психологического мышления является прогностичность. Способность к предвосхищению, предreshению задач особенно значима в условиях неопределенности. Каждая ситуация, как ситуация взаимодействия психолога с клиентом, это всегда ситуация неопределенности предмета.

Способность к прогнозированию позволяет специалисту-психологу на высоком профессиональном уровне изучать и оптимизировать психологические факторы во всех видах деятельности и формах взаимодействия между людьми, обеспечивает успешное решение профессиональных задач, и в частности, диагностических и консультативных.

Проблема прогностичности мышления является одной из актуальных проблем психологии. Разные авторы по-разному трактуют прогностичность мышления. Прогностичность рассматривается и как психологическая составляющая деятельности (Ломов Б. Ф. [1], и как одна из основных функций психики (Брушлинский А. В. [2], Ломов Б. Ф.), и как мышление (Брушлинский А. В.), и как функция мышления (Маркова А. К. [3]), как схема (Брушлинский А. В., Рубинштейн С. Л. [4]), как мыслительная комбинация (Выготский Л. С. [5]), как проигрывание и выбор действий (Тихомиров О. К. [5]).

В данной работе, вслед за К. М. Романовым [6], прогностичность определяется как мысленное проигрывание в сознании теоретически возможных для данных условий вариантов содействия, и проектирование и отбирание наиболее оптимальных способов реализации поставленных целей и способов межличностного воздействия.

В исследовании особенностей развития прогностического мышления принимали участие студенты 3 – 4 курсов факультета психологии Белгородского государственного

ного университета в количестве 180 человек. Студенты выполняли задание, связанные с необходимостью прогнозирования возможных вариантов поведения участников конкретных ситуаций или посторонних лиц, взрослого человека и ребенка с определенными личностными особенностями. Сначала студенты описывали возможные варианты поведения родителей и детей в следующих ситуациях: дочь грубо разговаривает со своей мамой; мама запрещает своему сыну (12 лет) поздно приходить домой; Марина просит сестру купить билеты в театр. Затем студенты предлагали варианты поведения человека с такой личностной чертой как: отзывчивость, завистливость и подозрительность. В третьем задании студенты должны были дать психологические рекомендации для работы и общения с упрямым, ответственным, активным ребенком.

Критериями развития прогностичности мышления выступают: соотношение типов прогноза (саногенного, нейтрального, патогенного) и уровень продуктивности мышления.

Обратимся к анализу выполнения студентами заданий первого вида. Анализ суждений студентов о возможных способах поведения участников ситуаций показал следующее. Относительно типа прогноза студентами возможных действий участников ситуации можно утверждать, что они проявляют склонность к патогенному прогнозу. Об этом свидетельствует 1266 суждений, несущих негативную окраску, в то время как саногенный прогноз характеризуют 750 суждений и нейтральный – 525 суждений. Продуктивность прогностичного мышления в процессе решения ситуаций этого типа равна 0,5 суждений-прогнозов в минуту.

Анализ суждений студентов по каждой отдельной ситуации позволил выделить как общее, так и отличное. В частности, по каждой ситуации взаимодействия в системе семейных отношений наибольшее количество суждений характеризует патогенное прогнозирование. При этом выявлено преобладание патогенных суждений о действиях мамы в ответ на грубость дочери. Типичными действиями мамы, называемыми студентами является: «мама ударит дочь», «мама отругает дочь за ее манеру разговаривать» и т. п. Сравнение суждений о действиях участников ситуаций взаимодействия «родитель-ребенок» и «ребенок-родитель» показало следующее. В системе детско-родительских отношений, студенты односторонне анализируют ситуации, считая, что родители должны строить субъект-объектные отношения с детьми.

Если среди суждений относительно системы «ребенок-родитель» нейтральных суждений больше, чем саногенных, то в ситуации «родитель-ребенок» – наоборот. Типичными действиями ребенка в ответ на запрет мамы является: «сын попытается выяснять, почему мама запретила ему поздно приходить домой», «сын послушается маму». То есть в ситуациях, в которых инициатором являлся родитель, студенты дали больше саногенных суждений о возможных действиях ребенка. Ребенок, с точки зрения будущего психолога, должен принимать действия взрослого, но в ситуации «ребенок-родитель» действия взрослых должны быть скорее нейтральными, нежели позитивными.

Анализ суждений студентов о возможных способах поведения человека в ситуациях II вида показал следующее. Относительно вида прогноза возможных действий человека с той или иной личностной чертой можно утверждать, что студенты склонны мысленно проигрывать действия, характеризующие патогенный прогноз. Об этом свидетельствует 1233 суждения, характеризующие патогенный прогноз, в то время как саногенный прогноз характеризуют 939 суждений, и нейтральный – 612 суждений. Выявленную особенность прогностичности мышления можно объяснить наличием у студентов культурных стереотипов в понимании сущности предлагаемых для анализа личностных характеристик (подозрительность, завистливость, отзывчивость). Продуктивность прогностичного мышления в ситуации решения задач этого типа равна 0,5 суждений-прогнозов в минуту.

Анализ суждений студентов относительно каждого человека с личностной характеристикой позволил выделить общее и отличное. В частности, относительно каждого человека с отрицательной личностной особенностью наибольшее количество суждений характеризует патогенное прогнозирование. Типичными примерами являются: «завистливый человек попытается кого-нибудь подставить», «предаст в дружбе», попытается навредить»; «подозрительный человек будет всего бояться», «подозрительный будет думать, что все плетут интриги вокруг него». Относительно человека с положительной личностной особенностью наибольшее количество суждений характеризует саногенное прогнозирование. Типичными являются суждения: «отзывчивый человек предложит помощь, не требуя ничего взамен», «проявит сострадание при виде чужого горя». Сравнение суждений относительно возможных вариантов поведения подозрительного и завистливого человека показало общее и отличное. В описании действий завистливого и подозрительного человека нейтральных суждений оказалось больше, чем саногенных. В то же время в описании действий завистливого человека саногенных суждений больше, чем в описании действий подозрительного человека. Таким образом, студенты видят завистливого человека как более благоприятного во взаимоотношениях по сравнению с подозрительным. Вместе с этим, завистливый человек, с точки зрения будущих психологов, оказывается психологически более сложным, чем подозрительный. Основанием для такого вывода является то, что у него саногенных и патогенных вариантов поведения больше, чем таких же у подозрительного человека.

Специфика третьего вида заданий заключается в следующем. Если в первых двух заданиях студентам давалось непосредственное задание спрогнозировать поведение человека, то в третьем задании прогностичность мышления изучалась опосредованно – через предоставление психологических рекомендаций по взаимодействию с ребенком. Анализ рекомендаций, предложенных студентами, показал, что их содержание отражает нейтральные действия по отношению к упрямому, активному и к ответственному ребенку. Об этом свидетельствует 1155 суждений, характеризующих нейтральный прогноз. В то время как саногенный прогноз характеризуют 732 суждения, и патогенный – 12 суждений. Культурные стереотипы основу патогенных, нейтральных и саногенных суждений составляют характеристики упрямства, ответственности и активности. Будущие психологи считают, что взрослые должны вести себя по отношению к ребенку нейтрально. Они не допускают возможности проявления взрослыми негативных действий. Продуктивность прогностичного мышления в ситуации решения задач этого типа равна 0,4 суждений-прогнозов в минуту.

Анализ рекомендаций студентов по взаимодействию взрослого с упрямым, ответственным, активным ребенком позволил выделить общие моменты. Относительно взаимодействия взрослого с упрямым, ответственным, активным ребенком позволило выделить следующее. Сравнение суждений относительно проигрывания действий взрослого человека во взаимоотношениях с ребенком, как с положительной, так и отрицательной личностной особенностью показало следующее. В системе суждений относительно взаимодействия взрослого человека с ребенком с отрицательной личностной характеристикой саногенных суждений больше, чем патогенных. В системе суждений относительно взаимодействия взрослого человека с ребенком с положительной личностной характеристикой саногенных суждений больше, а патогенных нет вообще. То есть, в ситуациях, когда взрослый взаимодействует с ребенком с отрицательной личностной характеристикой, с точки зрения будущих психологов, он может вести себя как позитивно, так и негативно. То есть допускается деструктивное поведение по отношению к ребенку со стороны взрослого. В ситуациях, когда взрослый взаимодействует с ребенком с положительной личностной характеристикой, будущие психологи допускают только позитивное поведение со стороны взрослого. Таким образом, для взрослых во взаимодействии, с точки зрения будущих психологов, упрямый ребенок психологически сложнее, чем ответственный и активный.

Проведенное исследование показало, что, во-первых, у студентов недостаточно развито прогностическое мышление, о чем свидетельствует доминирование в сужде-

ниях студентов о возможных вариантах поведения другого человека одного из трех типов прогнозов; во-вторых, студенты в ситуациях взаимодействия склонны прогнозировать негативные ответные действия; в-третьих, в ситуациях взаимодействия с человеком с определенной личностной характеристикой в описаниях студентов прогноз адекватен личностной черте, т. е. на саногенное или патогенное прогнозирование оказывают влияние культурные стереотипы в оценке положительной или отрицательной черты человека; в-четвертых, продуктивность прогностического мышления студентов снижается в ситуациях решения профессиональных задач, что свидетельствует об их значимости для будущих психологов.

Список литературы

1. Ломов Б. Ф. Системность в психологии: Избранные психологические труды / Под ред. В. А. Барабанщикова, Д. Н. Завалишиной, В. А. Пономаренко. — М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003. — 424 с.
2. Брушлинский А. В. Субъект: Мышление, учение, воображение. — М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «Модэк», 1996. — 392 с.
3. Маркова А. К. Психология профессионализма. — М., 1996. — 344 с.
4. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. — СПб.: Питер, 2005. — 713 с.
5. Выготский Л. С. Мышление и речь. Проблема речи и мышления ребенка в учении Ж. Пиаже // Психология. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. — с. 262 – 509.
6. Романов К. М. Формирование психологического мышления учителя. Саранск, 1994. — 108 с.

INDICATORS OF THE DEVELOPMENT OF PROGNOSTIC THINKING OF STUDENTS PSYCHOLOGISTS

Y. B. Beletskaya

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
Beletskaya_Yana@bsu.edu.ru*

The article is devoted to the scientific approaches of the prognostic thinking. The hypothesis is the existence of the differences in the prognostic thinking efficiency development of students-psychologists. The research situations of prognostic thinking efficiency development peculiarities of students-psychologists are observed in the paper. The results of the empiric research of the student's prognostic thinking features according to «sanogenic prognosis», «neutral prognosis», «pathogenic prognosis» is analyzed and compared. According to the same indexes the differences of the development features of the prognostic thinking efficiency of the psychologists is described.

Key words: prognosis, prognostic thinking, sanogenic prognosis, neutral prognosis, pathogenic prognosis, efficiency of prognosis thinking.

УДК 159.937.53:379.815

СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ С РАЗНОЙ СТРУКТУРОЙ ПЕРЕЖИВАНИЯ ВРЕМЕНИ

Ю. П. Деревянко

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
geyman@bsu.edu.ru*

Статья посвящена изучению особенностей ценностно-смысловой сферы студентов с разной структурой переживания времени. Обоснована необходимость разработки проблем личностных особенностей студентов с учетом особенностей структуры переживания времени личностью, которое понимается как трехфакторная структура, образованная основными свойствами переживания времени. Анализируются уровневые и структурные особенности ценностно-смысловых образований студентов с разной структурой переживания времени.

Ключевые слова: переживание времени, континуальность, дискретность, напряженность времени, эмоциональное отношение к диапазону времени, самоактуализация, ценностные ориентации, смысложизненные ориентации.

Современному обществу необходим творческий специалист, способный самостоятельно пополнять свои знания, ориентироваться в стремительно нарастающих информационных потоках, умеющий критически мыслить, вырабатывать осмысленную социально-ценностную позицию. Задача формирования целеустремленного, творчески мыслящего специалиста полагает знание внутренних психологических механизмов самоопределения личности в образовательных системах.

В этой связи особую важность обретает изучение личностных особенностей студентов как внутренней основы их личностного роста и успешного освоения профессии. Эффективность образовательной практики сегодня во многом определяется её способностью создавать социокультурную среду для самореализации личности, формировать конструктивные начала, позитивные личностные смыслы и «долговременную жизненную стратегию» в процессе самоопределения личности. В связи с этим необходимой является разработка проблем переживания времени личностью, индивидуальных технологий использования времени, обретения личной компетентности во времени, способствующей процессу личностного роста и самореализации.

Под переживанием времени, вслед за Е. И. Головахой и А. А. Кроник, в данной работе понимается отражение в психике системы временных отношений между событиями жизненного пути. Сущностной характеристикой переживания времени является качественное упорядочивание жизненных событий. Изучение качества упорядочивания личностью собственных жизненных событий в студенческом возрасте с необходимостью потребовало обращение к смысложизненным образованиям личности. Выявление связей особенностей смысложизненных образований студентов с разной структурой переживания времени является важным, в том числе, и с точки зрения понимания закономерностей личностно-профессионального развития.

Изучение свойств переживания времени студентами и их индивидуальной структуры проводилось с помощью теста «Временной семантический дифференциал» (Е. И. Головаха и А. А. Кроник). Особенности ценностно-смысловой сферы изучались с помощью теста СЖО Д. А. Леонтьева (адаптированная версия теста «Цель в жизни» Дж. Крамбо, Л. Махолика) и теста определения уровня соотношения ценностей и их доступности Е. Б. Фанталовой, потребность в самоактуализации изучалась с помощью САТ Л. Я. Гозман, М. В. Кроз, М. В. Латинской (адаптированная версия опросника личностных ориентаций Э. Шострома).

По результатам теста «Временной семантический дифференциал» студенты условно были разделены на три группы в зависимости от качества упорядочивания

жизненных событий, показателем которого выступает доминирование одного из таких свойств переживания времени, как дискретность — континуальность, напряженность — ненапряженность, положительное — отрицательное эмоциональное отношение к диапазону времени.

Структура свойств переживания времени студентов I группы включает такие компоненты: дискретность, ненапряженность и положительное эмоциональное отношение к диапазону времени. Главным качеством упорядочивания жизненных событий для этих студентов выступает дискретность, о чем свидетельствует количественная выраженность изучаемых свойств (дискретность — 5 баллов, ненапряженность — 3,1 балла, положительное эмоциональное отношение к диапазону времени — 3,3 балла). Таким образом, переживание студентами разнообразия и раздробленности жизненных событий сочетается с ощущением их пустотности и растянутости во времени. При этом именно такие жизненные события вызывают у студентов этой группы положительное эмоциональное отношение, такая жизнь их вполне устраивает.

Структура свойств переживания времени студентами II группы представлена континуальностью, напряженностью и положительным эмоциональным отношением к диапазону времени. Главным качеством упорядочивания жизненных событий для этих студентов выступает напряженность. Об этом свидетельствует количественная выраженность свойств переживания времени: напряженность — 5,4 балла, континуальность — 3,8 балла, положительное эмоциональное отношение к диапазону времени — 3,5 балла. У студентов этой группы переживание насыщенности и быстротечности жизненных событий вызывает ощущение плавности, цельности времени и положительное эмоциональное отношение к жизненным событиям.

Структура переживания времени студентами III группы представлена отрицательным эмоциональным отношением к диапазону времени, континуальностью и ненапряженностью. Главным качеством упорядочивания жизненных событий для этих студентов является ощущение ограниченности неприятного времени, о чем свидетельствует выраженность свойств переживания времени: отрицательное эмоциональное отношение к диапазону времени — 5,1 балла, ненапряженность — 3,3 балла и континуальность — 3,9 балла. У студентов этой группы отрицательное эмоциональное отношение к диапазону времени вызывается ощущением растянутости, неорганизованности времени и тенденцией к однообразию. Таким образом, большинство студентов принимают свою жизнь, воспринимая и оценивая ее насыщенной событиями, представленными в сознании единым целым.

Анализ особенностей ценностно-смысловой сферы позволил выявить различия в смысловых ориентациях студентов с разной структурой свойств переживания времени. По всем шкалам теста СЖО самые высокие показатели обнаружены у студентов II группы (с доминированием напряженности) и самые низкие — у студентов III группы (с доминированием отрицательного эмоционального отношения к диапазону времени). В частности, по шкале «Результат жизни», значения которой интерпретируются нами как показатель отношения студентов к своему прошлому, к тому, что ими уже достигнуто, среднее значение в I группе равно 22 балла, во II группе — 26,4 балла, в III группе — 23,5 балла. По шкале «Процесс жизни», результаты которой интерпретируются нами как удовлетворенность настоящим, среднее значение в I группе равно 30,7 балла, во II группе — 33,1 балла, в III группе — 28,6 балла. По шкале «Цели жизни», данные которой интерпретируются как показатель отношения к своему будущему, среднее значение в I группе равно 29,3 балла, во II группе — 34,4 балла, в III группе — 27,7 балла.

Таким образом, студенты, у которых в структуре свойств переживания времени доминирует напряженность (II группа), оценивают прожитую часть жизни более осмысленной и продуктивной, чем другие; воспринимают процесс своей жизни более интересным, эмоционально насыщенным и наполненным смыслом; осознают цели в будущем, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную пер-

спективу; видят больше возможностей для успешного осуществления самого себя в жизни и повседневной деятельности.

Особое внимание обращает на себя III группа с доминированием отрицательного эмоционального отношения к диапазону времени, у студентов которой по всем трем шкалам обнаружены самые низкие показатели по всей выборке.

С целью изучения того, как студенты оценивают необходимость контроля собственной жизни и считают ли себя ответственными за жизненные события, были проанализированы данные, полученные по шкалам «Лocus контроля-Я» (ср.знач._{Iгр}=19,9; ср.знач._{IIгр}=22,7; ср.знач._{IIIгр}=18,2) и «Лocus контроля-жизнь» (ср.знач._{I гр}=28,5; ср.знач._{IIгр}=32,7; ср.знач._{IIIгр}=27,7). Оказалось, что максимальное значение по этим шкалам обнаружено у студентов с переживанием событийной насыщенности жизни (II группа), минимальное значение — у студентов с неприятием собственной жизни (III группа). Полученные результаты позволяют утверждать, что, во-первых, студенты II группы в большей мере, по сравнению с другими, убеждены в том, что контроль собственной жизни возможен и человек способен его осуществлять. Основу убежденности студентов в том, что человеку дано контролировать свою жизнь, принимать ответственность за происходящие в ней события и воплощать принятые решения, составляет осмысленное отношение студентов к прошлому, настоящему и будущему. Во-вторых, студенты II группы считают себя личностями, обладающими достаточной свободой выбора и способными построить жизнь в соответствии со своими целями. В-третьих, у студентов III группы с доминированием отрицательного эмоционального отношения к диапазону времени вера в свободу выбора выражена менее всего. Их поведение выражается в «приземленности», ригидности, стремлении делать «как надо», в ориентации на трезвость, практичность и более рациональный подход к решению проблем.

Кроме оценки уровня развития смысловых ориентаций студентов проводилось изучение их связи с ценностями и потребностью в самоактуализации.

Для анализа возьмем II группу студентов с доминированием напряженности в структуре свойств переживания времени и III группу студентов с доминированием отрицательно эмоционального отношения к диапазону времени. Выбор этих групп объясняется тем, что по всем шкалам СЖО по сравнению с другими группами у студентов II группы обнаружены самые высокие значения, у студентов III группы — самые низкие.

Таблица 1

Средние значения показателей самоактуализации студентов с разной выраженностью свойств переживания времени (по дополнительным шкалам, по которым обнаружены статистически значимые различия)

Компоненты самоактуализации	Группы		
	I группа (с доминированием дискретности) (n=72)	II группа (с доминированием напряженности) (n=194)	III группа (с доминированием отрицательного эмоционального отношения) (n=68)
Контактность	9,8	9,6	8,5
Самопринятие	10,9	10,6	8,9
Принятие агрессии	9,6	8,5	7

Так студенты II группы с доминированием напряженности в структуре свойств переживания времени отличаются от двух других групп высоким показателем контактности (ср.знач._{Iгр}=9,8; ср.знач._{IIгр}=10,9; ср.знач._{IIIгр}=9,6, различия значимы при $p < 0,05$) и самопринятия (ср.знач._{Iгр}=9,6; ср.знач._{IIгр}=10,6; ср.знач._{IIIгр}=8,5, различия значимы при $p < 0,05$). Это говорит о том, что студенты, жизненные события которых характеризуются насыщенностью и быстротечностью, реализуют себя через установ-

ление глубоких и тесных эмоционально-насыщенных контактов и принимают себя, вне зависимости от оценки достоинств и недостатков.

У студентов III группы с доминированием отрицательного эмоционального отношения к диапазону времени обнаружен минимальный показатель по шкале «Принятие агрессии» (ср.знач._{Iгр}=8,5; ср.знач._{IIгр}=8,9; ср.знач._{IIIгр}=7, различия значимы при $p < 0,05$). Т.е. эти студенты в большей мере, чем другие принимают свою агрессивность, гнев и раздражительность как естественное проявление человеческой природы.

Студенты II группы с доминированием напряженности в структуре свойств переживания времени ценными считают семейное счастье, любовь, здоровье. Природу, творчество, активную жизнь эти студенты считают менее значимыми (рис. 1).

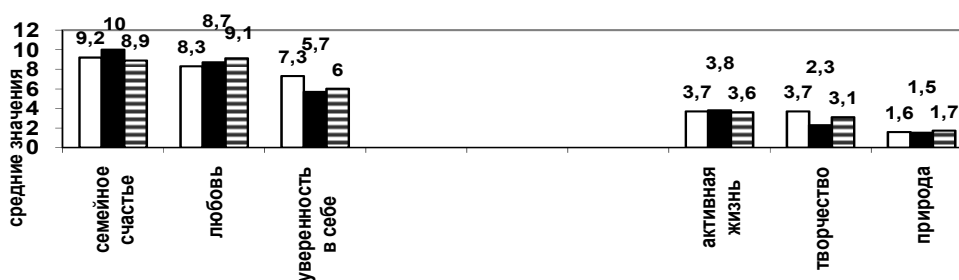

Рис. 1. Соотношение ценностей студентов с разной выраженностью свойств переживания времени

Условные обозначения: □ – I группа с доминированием дискретности в структуре свойств переживания времени, ■ – II группа с доминированием напряженности; ▨ – III группа с доминированием отрицательного эмоционального отношения к диапазону времени

Студенты III группы с доминированием отрицательного эмоционального отношения к диапазону времени отдают предпочтение таким ценностям как любовь, счастье в семье, здоровье чаще студентов I и II групп. Реже других такие респонденты отмечали ценность природы, творческой активности, деятельную жизнь и познание.

Анализ связи смысложизненных ориентаций с ценностями и потребностью в самоактуализации позволил выявить их особенности у студентов с разной структурой свойств переживания времени. Студенты с переживанием насыщенности и быстротечности жизненных событий осмысленно относятся к прошлому, настоящему и будущему и убеждены в возможности осуществления контроля над собственной жизнью. Они принимают себя и стремятся к самореализации в эмоционально-насыщенных контактах с окружающими. Студенты с неприятием жизни видят возможности для успешного осуществления самого себя в жизни и повседневной деятельности, но отрицательное эмоциональное отношение к диапазону времени и принятие своей агрессивности как естественного проявления человеческой природы в сочетании с низким стремлением к глубоким и тесным эмоциональным контактам препятствуют этому.

Таким образом, студенты с разной структурой свойств переживания времени имеют разную сформированность смысложизненных ориентаций и их связей с ценностями и потребностью в самоактуализации.

Список литературы

1. Анцыферова Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита / Л. И. Анцыферова // Психол. журнал. – 1994. – Т. 15. – №1. – С. 3 – 18.

2. Болотова А. К. Психология времени в межличностных отношениях / А. К. Болотова // *Время и развитие личности в онтогенезе*. – М.: МПСИ, 1997. – С. 102 – 108.
3. Василюк Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций) / Ф. Е. Василюк. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 200 с.
4. Кроник А. А., Головаха Е. И. Психологическое время личности / А. А. Кроник, Е. И. Головаха. – Киев.: Наукова думка, 1984. – 209 с.
5. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика / Д. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1999. – 486 с.

FEATURES OF VALUABLE AND SENSE FORMATIONS OF STUDENTS WITH DIFFERENT STRUCTURE OF TIME EXPERIENCE

J. P. Derevjanko

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
geyman@bsu.edu.ru*

This article is devoted to study of some features of valuable and sense sphere of students with different structure of time experience. Necessity of working out the problems of students' personal features taking into account the features of person's time experience structure which is understood as the three-factorial structure formed by the basic properties of time experience is proved. Level and structural features of valuable and sense formations of students with different structure of time experience are analyzed.

Key words: time experience, continuity, step-type behavior, time intensity, the emotional relation to time range, self-actualization, valuable orientations, life-sense orientations.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Агафонова О. И.** – аспирант кафедры английского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Андросова С. А.** – ассистент кафедры французского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Багана Ж.** – доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Белецкая Я. Б.** – аспирант кафедры возрастной и социальной психологии факультета психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Беняш М. В.** – заместитель начальника отдела научно-исследовательской работы студентов и молодых ученых управления научной и инновационной деятельности Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Бондаренко Е. В.** – кандидат филологических наук, доцент кафедры второго иностранного языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Бубырева Ж. А.** – ассистент кафедры иностранных языков №2 факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, соискатель
- Верзунова Л. В.** – начальник отдела организации и управления НИОКР УНИД Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат педагогических наук, доцент
- Вишнякова Е. А.** – заведующая кафедрой естественно-научных и гуманитарных дисциплин Тульского института экономики и информатики, кандидат филологических наук, доцент
- Вишнякова О. Д.** – профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор филологических наук
- Воронцова Ю. А.** – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Белгородского юридического института МВД России
- Гэн Цзе** – аспирант Китайского нефтяного университета, г. Дунин
- Гусленко И. Ю.** – старший преподаватель кафедры иностранных языков Восточноукраинского национального университета им. В. Даля
- Дервянко Ю. П.** – ассистент кафедры общей и клинической психологии факультета психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Дроздова Т. В.** – ассистент кафедры русского языка как иностранного и зарубежной филологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого
- Ерошенкова Е. И.** – доцент кафедры педагогики факультета психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат педагогических наук

- Исаев И. Ф.** – заведующий кафедрой педагогики Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
- Клейменова В. Ю.** – доцент кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена
- Касютин В. Л.** – редактор журнала «Журналистика и медиарынок» (Союз журналистов РФ)
- Клименко Е. Н.** – доцент кафедры социально-культурных технологий гуманитарного факультета Уральского государственного лесотехнического университета
- Колесников С. А.** – доцент кафедры теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Костина Д. М.** – ассистент кафедры 2-го иностранного языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Кролевецкая Е. Н.** – доцент кафедры педагогики факультета психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат педагогических наук
- Липич Т. И.** – доцент кафедры философии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат философских наук
- Ломоносова Ю. Е.** – соискатель кафедры французского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Мандебура Е. П.** – методист кафедры библиотековедения Белгородского государственного института культуры и искусств
- Маргания Э. В.** – аспирант Столичной финансово-гуманитарной академии, г. Москва
- Моисеева С. А.** – доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Нагорный И. А.** – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Нагорная А. И.** – аспирант кафедры русского языка и методики преподавания филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Назаренко Н. Н.** – старший преподаватель кафедры русского языка Ставропольского государственного педагогического института, соискатель
- Нарожняя С. М.** – доцент кафедры журналистики и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Никитина О. А.** – доцент кафедры немецкого языка Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого

- Никитенко А. А.** – соискатель кафедры журналистики и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Новикова Т. Ф.** – профессор кафедры русского языка и методики преподавания филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор педагогических наук
- Озерова Е. Г.** – докторант кафедры русского языка и методики преподавания филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Плотникова Л. И.** – доцент кафедры русского языка и методики преподавания филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук
- Подставко Е. Н.** – ассистент кафедры журналистики Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики
- Попов А. А.** – аспирант кафедры журналистики и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Прохорова О. Н.** – заведующая кафедрой английского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук, профессор
- Ренц Т. Г.** – доцент кафедры лингвистики Волжского гуманитарного института (филиала) Волгоградского государственного университета, кандидат филологических наук
- Ромашина О. Ю.** – доцент кафедры английского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук, доцент
- Рухленко Н. Н.** – доцент кафедры журналистики и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Седых А. П.** – доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Самосенкова Т. В.** – заведующая кафедрой профессионально-речевой коммуникации международного факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор педагогических наук, профессор
- Синельников Ю. Г.** – доцент кафедры французского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Ситникова М. И.** – начальник управления методической работы и качества образования Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор педагогических наук
- Скворцова Е. В.** – аспирант Самарского государственного университета
- Скурихина О. В.** – доцент кафедры лингвистики и перевода Вятского государственного гуманитарного университета, г. Киров, кандидат педагогических наук

- Сопова И. В.** – соискатель кафедры французского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Тарасенко Н. Г.** – директор Центра педагогики М. Монтессори Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат педагогических наук, доцент
- Тертычная М. А.** – аспирант кафедры экономической журналистики и рекламы факультета журналистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
- Тимошилова Т. М.** – доцент кафедры английского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Тимашова Ж. Е.** – аспирант кафедры русского языка и методики преподавания филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Толстолуцкая Е. В.** – соискатель кафедры французского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Филина О. Н.** – аспирант кафедры английской филологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого
- Халявина Д. В.** – аспирант кафедры русского языка и методики преподавания филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Харченко В. К.** – заведующая кафедрой русского языка и методики преподавания филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук, профессор
- Чекулай И. В.** – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Черкашина А. А.** – доцент кафедры журналистики и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Шеховская Н. Л.** – профессор кафедры педагогики педагогического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор педагогических наук
- Штицъна Г. М.** – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Шумакова А. В.** – проректор по учебной работе Ставропольского государственного педагогического университета, кандидат педагогических наук, доцент
- Янина П. Ю.** – аспирант Столичной финансово-гуманитарной академии, г. Москва
- Яценко Ю. Н.** – доцент кафедры английского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги!

Материалы необходимо высылать в 2-х экземплярах:

- по адресу: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

- по электронной почте редакторам разделов: «Русская филология» – nagorny@bsu.edu.ru (Нагорный Игорь Анатольевич – заместитель главного редактора); «Романо-германская филология» – prokhorova@bsu.edu.ru (Прохорова Ольга Николаевна – заместитель главного редактора); «Методологические проблемы гуманитарных наук» и «Журналистика и связи с общественностью» – korochensky@bsu.edu.ru (Короченский Александр Петрович – главный редактор); «Педагогика» – Isaev@bsu.edu.ru (Исаев Илья Федорович – заместитель главного редактора); «Психология» – NIsaeva@bsu.edu.ru (Исаева Надежда Ивановна – заместитель главного редактора).

Ответственный секретарь серии журнала – vedomosti@nm.ru (Карпенко Ирина Ивановна); сайт журнала: <http://unid.bsu.edu.ru/unid/res/pub/index.php>.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются. Материалы, присланные без соблюдения правил, редколлегией не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ БЕЛГУ» СЕРИИ «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. Филология. Журналистика. Педагогика. Психология»

В материалы включается следующая информация:

- 1) УДК научной статьи;
- 2) аннотация статьи (не более 1200 знаков);
- 3) ключевые слова;
- 4) сведения об авторах (Ф.И.О., должность с указанием места работы (без сокращений), ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны);
- 5) внешняя рецензия доктора наук (для аспирантов и кандидатов наук);
- 6) текст статьи;
- 7) ссылки.

на русском
и английском
языках

на русском
языке

Технические требования к оформлению текста

1. Текст набирается в Microsoft Word 2000/2003. Лист – А4. Без переносов.
2. Поля:
  - правое – 1,5 см;
  - левое – 3,0 см;
  - нижнее – 2,0 см;
  - верхнее – 2,0 см.
3. Шрифт:
  - гарнитура: текст – **Georgia**; УДК, название, ФИО автора – **Impact**;
  - размер: в тексте – **11 пт**; в таблице – **9 пт**; в названии – **14 пт**.

-
4. Абзац:
    - отступ 1,25 мм, выравнивание – по ширине;
    - межстрочный интервал – одинарный.
  5. Ссылки:
    - номер ссылки размещается в квадратных скобках перед знаком препинания (перед запятой, точкой);
    - нумерация – автоматическая, сквозная;
    - текст сноски внизу каждой страницы;
    - размер шрифта – 10 пт.
  6. Объем статей: до **8 страниц (Georgia, 11 пт)**.
  7. Формулы набираются в «Редакторе формул» Word, допускается оформление формул только в одну строку, не принимаются формулы, выполненные в виде рисунков, формулы отделяются от текста пустой строкой.
  8. Требования к оформлению статей, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.

*Приложение 1. Оформление статьи***УДК 808.2-318+802.0-318****КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ ДИХОТОМИЯ
ЗНАКОВ ЯЗЫКА И РЕЧИ¹****Н. Ф. Алефиренко***Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail:
alefirenko@bsu.edu.ru*

Вопреки принятой в современной лингвистике знаковой теории языка в статье предлагается решение одной из важнейших проблем теоретического языкознания: разграничение знаков языка и знаков речи. Методологической основой такого разграничения служит концепция языка как явления психики и опирается на дихотомию «язык – речь».

Ключевые слова: язык, речь, знак, функции языка и речь, когнитивно-дискурсивная деятельность.

Если исходить из основного положения дихотомии языка и речи, утверждающего, что единицы речи объективируют (реализуют) единицы языка, будет уместно, как мне представляется, использовать данную аксиому во благо развития современной лингвосомиотической теории. Кстати, не лишним было бы упомянуть, что, пожалуй, впервые идею о целесообразности различения знаков языка и знаков речи высказал Ф.Ф. Фортунатов...

COGNITIVE-DISCURSIVE DICHOTOMY OF LANGUAGE AND SPEECH SIGNS**N. F. Alefirenko***Belgorod National
Research University**e-mail: alefirenko@bsu.edu.ru*

Contrary to the present-day sign theory in linguistics in the article it's proposed a solution for one of the principal issues of theoretical linguistics: distinction between language signs and speech signs. Methodologically this distinction is based on the assumption that language is a mental phenomenon and it is rested upon language/speech dichotomy.

Key words: language, speech, sign, language and speech functions, cognitive-discursive activity.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алефиренко Н.Ф. – профессор кафедры русского языка и методики преподавания Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук.

¹ Работа выполнена в рамках научной программы внутривузовского гранта БелГУ.

Приложение 2. Оформление таблиц

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на 2-х страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице, так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Таблица, расположенная на первой странице.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская обл.	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская обл.	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Таблица, расположенная на следующей странице.

Приложение 3. Оформление графических объектов

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и заголовок, расположенные по центру рисунка.

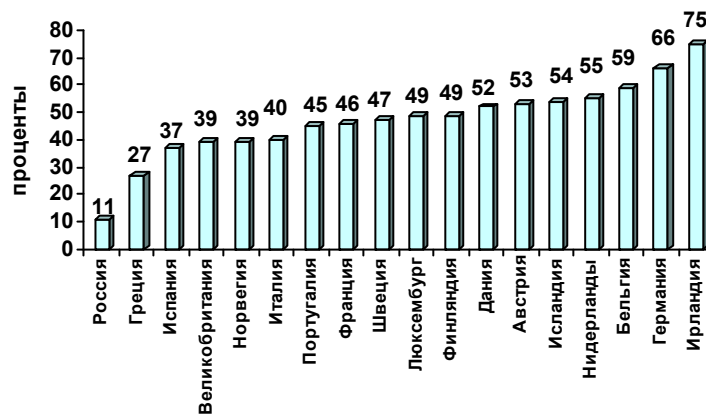

Рис. 1. Уровень активности медиапотребителей в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

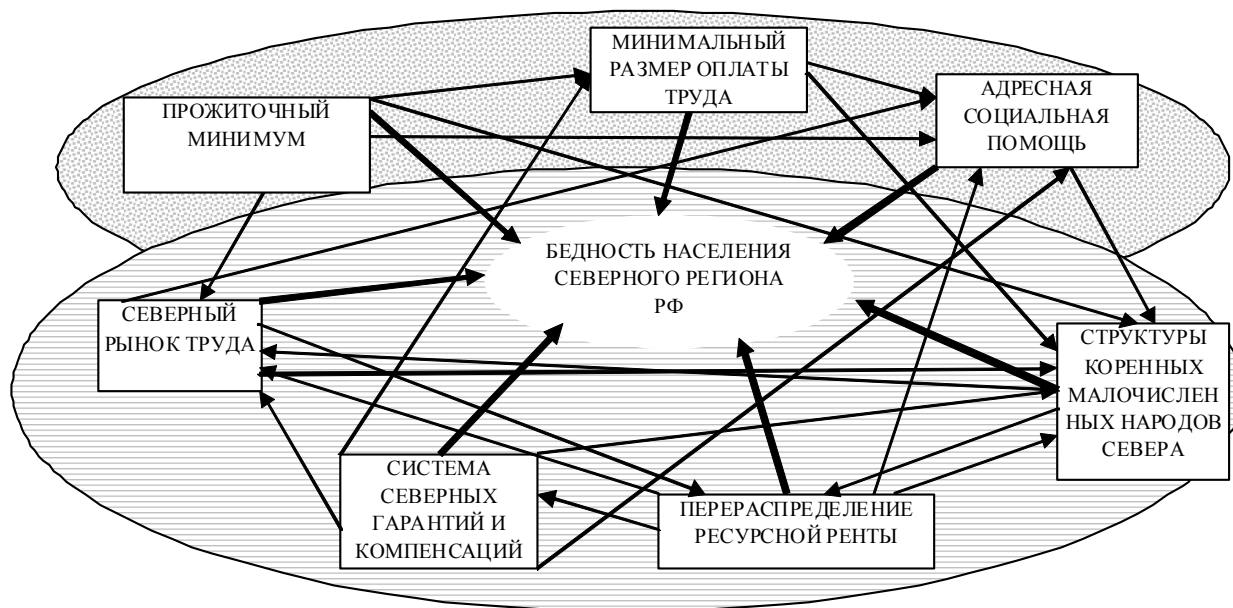

Рис. 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.

4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.

Ф. СП-1

АБОНЕМЕНТ на журнал
Научные ведомости БелГУ.
Серия Гуманитарные науки

81470

(наименование издания)

Количество комплектов

1

на **2010** год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
		X			X			X			X

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

Тел.

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ

ме-
сто

ли-
тер

на журнал

81470

индекс издания

Научные ведомости БелГУ.
Серия Гуманитарные науки

(наименование издания)

Стои-
мость

подписки

руб. коп.

Кол-во комплек-
тов

1

переад-
ресовки

руб. коп.

на **2010** год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
		X			X			X			X

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)